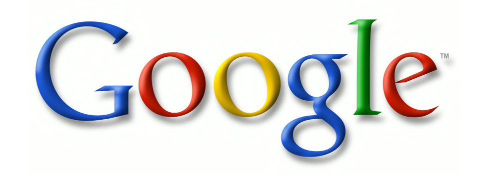

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

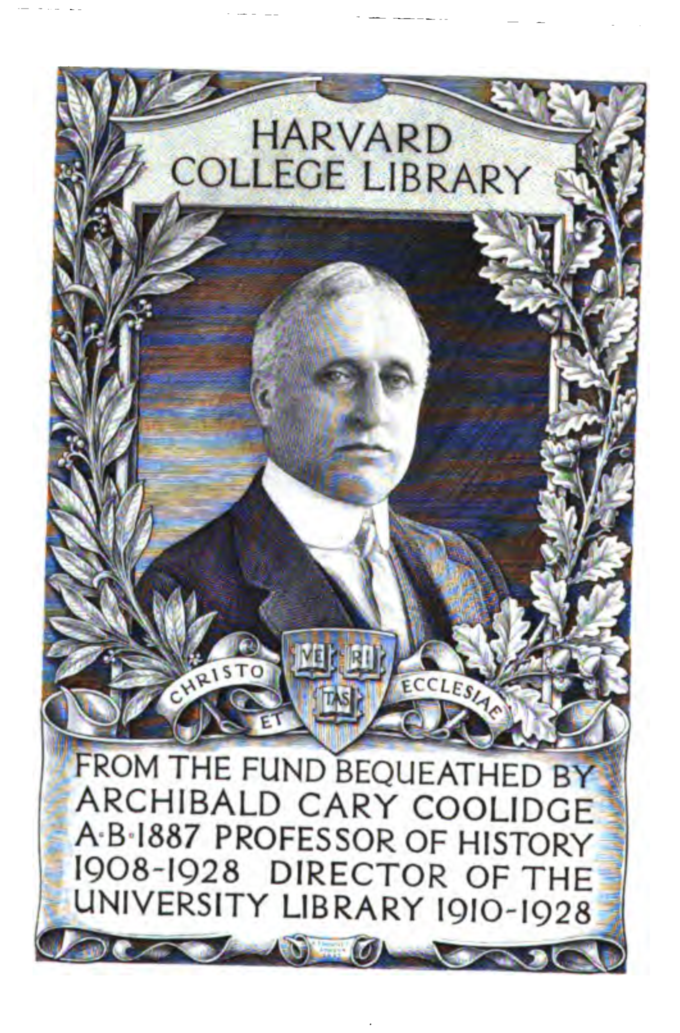
We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

P Slav 605.10

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

P Slav 605.10

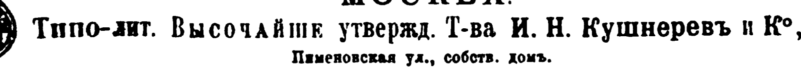
РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская ул., собств. домъ.

1894.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Условія подписки на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	9 р. —	6 р.	3 р. —	1 р.—
За границу	14 „	10 „ 50 к.	7 „	3 „ 50 к.	1 „ 25 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе, уплачивается по 50 к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., д. Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Редакторъ-издатель ***В. М. ЛАВРОВЪ.***

Редакція журнала **Русская Мысль** доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что ею открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію посторонния изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Требованія иногороднихъ будутъ исполняться съ возможною скоростью, а относительно книгъ, упомянутыхъ въ подвижномъ каталогѣ (помѣщенъ въ концѣ настоящей книги), какъ находящихся уже на складѣ,—на другой день по полученіи заказа. Пересылка—на счетъ заказчика. Гг. издателей редакція покорнѣйше проситъ присылать каталоги своихъ изданій и извѣстить о своихъ условіяхъ. Магазинъ помѣщается на углу Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 2—24.

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

1) ***Корелинъ, М. С., проф.***: «Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи». Выпускъ II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Съ 22 рис. въ текстѣ. Рекомендовано ученымъ комитетомъ минист. народн. просвѣщенія. Цѣна 30 коп.

2) ***Чеховъ, Михаилъ***: «Закромъ». Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24).

Сибирскій торговый домъ

Большая зол. медаль.

1892 г.

МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

А. М. МИХАЙЛОВА.

Москва, Кузнецкій мость, собств. домъ.

Обширный выборъ

ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ

сибирскихъ и американскихъ мѣховыхъ товаровъ во всѣхъ издѣліяхъ. Депо морскихъ бобровъ и воротниковъ. Спеціальное отдѣленіе готовыхъ вещей. Вещи, купленныя въ моемъ торговомъ домѣ, если почему бы то ни было не соотвѣтствуютъ желаніямъ купившаго и выписывающаго, принимаю обратно: при личной покупкѣ въ трехдневный, а отъ выписывающаго—въ мѣсячный срокъ, и по желанію покупателя исполняю другія или возвращаю деньги обратно.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Михайловъ.

ЖЕЛАЮЩІЕ ПОДПИСАТЬСЯ **ВЪ РАЗСРОЧКУ**

(отъ 3-хъ руб. въ мѣсяцъ)

НА

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ"

БРОКГАУЗА и ЕФРОНА,

подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Ѳ. О. Петрушевскаго, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣева, проф. Д. И. Менделѣева, пр. В. Т. Собичевскаго, В. С. Соловьева и проф. П. Ѳ. Соловьева, благоволятъ сдѣлать заявленіе съ указаніемъ подробнаго адреса въ редакцію или въ книжный магазинъ „РУССКОЙ МЫСЛИ", Москва, уголъ Леонтьевскаго и Б. Никитской, № 2—24.

Одновременно выдается 20 первыхъ полутомовъ.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Карбасникова, «Русской Мысли» и др.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ 5-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ КНИГИ:

ИЗЪ ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ.

Историческія справки Гр. Джаншіева.

Съ портретами А. М. УНКОВСКАГО и С. И. ЗАРУДНАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Накануне пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новеллъ (вмѣсто предисловія къ 5-му изданію). Предисловія къ предъидущимъ изданіямъ.—А. М. Унковскій † 20-го декабря 1894 г. **Глава I.** Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе. **Глава II.** Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ. **Глава III.** Къ 30-лѣтію отмѣны тѣлесныхъ наказаній. **Глава IV.** Университетскій уставъ 1863 года. **Глава V.** Земское самоуправленіе. **Глава VI.** Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года. **Глава VII.** Первые шаги безцензурной печати. **Глава VIII.** Судебные Уставы Александра II. **Глава IX.** Предтечи гласнаго суда. **Глава X.** Открытіе новаго суда въ Петербургѣ. **Глава XI.** Открытіе новаго суда въ Москвѣ и въ провинціи. **Глава XII.** Учрежденіе мирового суда. Post scriptum (либерализмъ и новый судъ). **Глава XIII.** Воинскій уставъ 1874 года. **Глава XIV.** Какъ возникло московское юридическое общество. **Глава XV.** Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы". **Глава XVI.** Корифей судебной реформы С. И. Зарудный. **Глава XVII.** Сподвижникъ Царя-Освободителя великій князь Константинъ Николаевичъ. **Глава XVIII.** Дѣятель крестьянской реформы В. А. Арцимовичъ. **Глава XIX.** Юбилейныя справки: 1) В. Д. Спасовичъ, 2) Н. И. Стояновскій, 3) А. А. Головачевъ, 4) Е. И. Старицкій, 5) В. Н. Герардъ, 6) И. Я. Фойницкій, 7) А. М. Фальковскій, 8) П. Н. Обнинскій, 9) Д. А. Ровинскій. **Глава XX.** Скорбныя справки: 1) Н. М. Остроглазовъ, 2) П. Н. Грековъ, 3) П. Я. Александровъ, 4) Н. С. Тихонравовъ. Стр. 716+XLIV и библіотечная карточка.

Цѣна 2 руб. 40 коп.

Выручка съ 1,200 экземпляровъ обращается на благотворительныя цѣли.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1894.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

34-177
2-5-2

ОГЛАВЛЕНIЕ.

НЕ МАМА.

(Разсказъ.)

I.

— Кто тамъ, Ольга?

— Ришелъ этотъ... ну, баронеска ришелъ.

Чухонка Ольга осклабилась по неизвѣстной причинѣ и даже закрыла свое квадратное лицо рукой.

— Что же ты докладываешь, глупая? Зови сюда скорѣе Катерину Петровну!

— Онъ ришелъ... Зачѣмъ его звалъ?

Татьяна Ивановна была немножко недовольна этимъ визитомъ, хотя и ожидала его. Ея молодое лицо, подернутое подозрительною усталостью, выражало теперь раздраженную нерѣшительность. Развѣ она сама не знаетъ, что ей нужно дѣлать?... Наконецъ, что это за недовѣріе? Удивительно!... Она нетерпѣливымъ движеніемъ оправила свой утренній шелковый капотъ и сѣла на мягкій диванчикъ, какъ человѣкъ, приготовившійся къ незаслуженной непріятности. Дверь пріотворилась и въ ней показалась «баронесса». Это была молодая женщина лѣтъ тридцати, казавшаяся гораздо старше своихъ лѣтъ. Темное шерстяное платье сидѣло на ней кое-какъ, волосы были прибраны на скорую руку, помятая шляпа съ линючими цвѣтами сидѣла на головѣ бокомъ,—однимъ словомъ, получался незавидный типъ семейной женщины, урвавшейся изъ дому на одну минутку по самому спѣшному дѣлу. Лицо «баронессы» когда-то было, можетъ быть, и красиво, а сейчасъ носило печать спеціально семейнаго изнуренія: темные глаза ввалились, щеки осунулись, цвѣтъ лица землистый. Хорошей оставалась одна улыбка, добрая и ласковая, особенно когда «баронесса» начинала говорить. Рядомъ съ Татьяной Ивановной, начинавшей блекнуть, но все еще красивой, «баронесса» много проигрывала.

— Вы на меня не сердитесь, милая Татьяна Ивановна,—быстро заговорила «баронесса», точно боялась, что ея слова займутъ слишкомъ много мѣста въ этой комнатѣ, обставленной почти роскошно.—Я на одну минутку, всего на одну минутку!

— Я и не думала сердиться... Садитесь, пожалуйста.

«Баронесса» осмотрѣла костюмъ хозяйки какимъ-то тревожнымъ взглядомъ и вопросительно кашлянула. Это уже окончательно взорвало Татьяну Ивановну.

— Успокойтесь, ради Бога: ѣду... Да, сейчасъ ѣду.

— Я ничего не говорю, Татьяна Ивановна. Дай Богъ! Ахъ, какъ хорошо, что вы рѣшились, наконецъ! Только говорите, ради Бога, тише. Я увѣрена, что эта Ольга все подслушиваетъ, а потомъ передастъ мамѣ.

— Что же, развѣ я боюсь вашей мамы? Вотъ еще новость! Я свободный человѣкъ, кажется, дѣлаю, что хочу.

«Баронесса», все-таки, не могла удержаться, пошла и притворила дверь. Въ корридорѣ дѣйствительно послышались осторожно удалявшіеся шаги. Татьяна Ивановна нахмурилась.

— Поѣздъ идетъ въ три часа,—шепотомъ проговорила «баронесса».

— Знаю... Послушайте, это, наконецъ, скучно, Катерина Петровна. Слава Богу, я сама не маленькая.

— Не буду больше, милая... никогда не буду, хорошая,—быстро зашептала «баронесса» съ какими-то дѣтскими нотами напроказившаго ребенка.—Только вотъ поѣздъ...

— А, поѣздъ!... Такъ я не хочу!—рѣшительно заявила Татьяна Ивановна.—Не приставайте!

— Миленькая, хорошая, не буду.

Татьяна Ивановна начала быстро одѣваться, стараясь не глядѣть на свою мучительницу. Съ одной стороны, она, вѣдь, очень любила вотъ эту безотвѣтную «баронессу», а съ другой—ее мучило это молчаливое насиліе надъ ея волей. Одѣваясь, Татьяна Ивановна отодвинула драпировки большого окна и посмотрѣла на улицу,—погода была отличная, и яркое весеннее солнце слѣпило глаза. Дворники уже начинали колоть и рубить належавшійся и заѣзженный на мостовой снѣгъ, чтобъ увезти остатки петербургской зимы.

— Захватите, голубушка, плэдикъ, — зашептала «баронесса».—Поѣдете *тамъ,* будетъ холодно и нужно укрыться. Знаете, все необходимо предусмотрѣть. Я захватила съ собой узелокъ кое съ какими вещами.

На лицѣ «баронессы» изобразился ужасъ, и она даже сѣла, точно ее кто удержалъ.

— Что еще случилось?

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!... Вѣдь, узелочекъ-то я въ передней оставила, а эта Ольга, навѣрное, все высмотрѣла.

— Вотъ вы всегда такъ.

— Ничего, скажу, что по пути зашла.

Онѣ вышли въ широкій корридоръ, гдѣ сейчасъ же встрѣтили maman, стоявшую въ дверяхъ своей комнаты. Заплывшее, обрюзгшее лицо съ трехъэтажнымъ подбородкомъ смотрѣло на нихъ ястребиными глазами. Крючковатый носъ, неприбранные сѣдые волосы и утренній безпорядокъ костюма придавали старухѣ не особенно красивый видъ хищной птицы въ отставкѣ.

— Иди сюда... иди,—хрипло проговорила старуха, впившись глазами въ «баронессу».—Мой на тебя будетъ посмотрѣть.

«Баронесса» переконфузилась и даже остановилась. Maman однимъ взглядомъ окинула ее съ головы до ногъ и презрительно покачала головой.

— Опять? — зашипѣла она, показывая гнилые зубы. —Такъ дѣлаютъ только собаки, да!

— Мама, да, вѣдь, я...—бормотала «баронесса», краснѣя.— Т.-е. это тебѣ кажется, мама. Я...

— Молшять, сумашедчій!

Татьяна Ивановна слишкомъ привыкла къ подобнаго рода сценамъ и прошла мимо, не обращая никакого вниманія на старуху. За ней торопливо шмыгнула «баронесса», по пути приложившись къ ручкѣ грозной maman. Ее занималъ больше всего узелъ, сунутый въ уголокъ передней. На шумъ изъ кухни выскочила чухонка Ольга и бросилась къ узлу, но «баронесса» ее отстранила.

— Намъ, Татьяна Ивановна, съ вами, кажется, не по дорогѣ,— быстро говорила она, догоняя ее въ дверяхъ.—Мнѣ нужно съ узломъ къ портнихѣ.

Это было придумано для отвода чухонскихъ глазъ любопытной Ольги. Татьяна Ивановна, не торопясь, спускалась по лѣстницѣ, и по ея молчанію «баронесса» чувствовала, что она недовольна. И все напортилъ проклятый узелъ.

Обѣ женщины молча вышли на подъѣздъ, молча взяли извозчика и молча поѣхали. «Баронесса» успокоилась, когда ея узелъ исчезъ подъ полостью саней, и облегченно вздохнула. Ее безпокоило только то, что Татьяна Ивановна поѣхала не въ шубкѣ, а въ осеннемъ пальто. Затѣмъ, эта городская шляпа съ широкими полями

тоже не годилась для дороги. Лучше бы просто въ платочкѣ, какъ ѣздятъ купчихи. Ну, да ничего, дорогой какъ-нибудь все устроится.

— Я возьму билетъ сама,—предупредила «баронесса», когда извощичьи сани подползли къ Николаевскому вокзалу.— О, осталось всего двадцать минутъ! Какъ разъ во-время поспѣли.

Татьяна Ивановна быстро вышла изъ саней и, не глядя ни на кого, отправилась въ залу перваго класса. На улицѣ это была другая женщина,— и походка другая, и выраженіе лица, и даже ростъ. Едва поспѣвавшая за ней съ своимъ узломъ «баронесса» невольно полюбовалась и подумала про себя съ какимъ-то благоговѣніемъ: «Красавица!» Въ собственномъ смыслѣ слова красавицей Татьяна Ивановна не была, но въ ней было что-то особенное, что ее выдѣляло изъ остальной толпы и что французы характеризуютъ однимъ словомъ: chien. Сидѣвшіе за отдѣльнымъ столикомъ два офицера переглянулись, когда Татьяна Ивановна прошла мимо нихъ. Похмѣльный купчикъ осклабился и что-то забормоталъ, сдѣлавъ поощрительный жестъ въ пространство. Но Татьяна Ивановна ни на кого не обращала вниманія и заняла уголокъ дальняго диванчика.

— Я сейчасъ,—шептала «баронесса», запихивая свой узелъ въ уголокъ.

Десять минутъ ожиданія Татьянѣ Ивановнѣ показались вѣчностью, особенно когда въ ея уголокъ заглянули два раннихъ петербургскихъ пшюта. Одинъ, кажется, узналъ ее и взялся за котелокъ, но она брезгливо отвернулась. И здѣсь не дадутъ покоя... Пшюты исчезли и показались снова. Татьяна Ивановна узнала одного изъ нихъ, бѣлокураго, съ мышиными глазками, усиками шильцемъ и лисьею мордочкой. Она гдѣ-то встрѣчалась съ нимъ, но гдѣ— все исчезало въ туманѣ смѣшанныхъ воспоминаній. Мало ли у нея знакомыхъ и гдѣ же припомнить всѣхъ! А сейчасъ она меньше всего желала съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Да и «баронесса» точно сквозь землю провалилась.

За десять минутъ до звонка торопливо вошла супружеская чета. Жена вела дѣвочку и мальчика, мужъ несъ грудного ребенка на рукахъ. Они поискали глазами свободнаго мѣста и остановились на ея диванчикѣ. Она была рада такимъ сосѣдямъ и съ особеннымъ вниманіемъ принялась разсматривать дѣтей. Видимо, люди не богатые. У жены такое же лицо, какъ у «баронессы». Пшюты опять заглянули, но, завидѣвъ цѣлую семью, ретировались.

— Я подвинусь немного,—предложила Татьяна Ивановна сбившейся съ ногъ матери.—Садите сюда мальчика.

Счастливая мать сунула ей ребенка и даже не поблагодарила. Она была поглощена мыслью о томъ, успѣетъ ли мужъ купить билеты и сдать багажъ. Затѣмъ грудной ребенокъ началъ тихонько хныкать, и она его укачивала, придерживая конецъ распахивавшагося одѣяльца зубами.

«Какъ они должны быть счастливы! — мелькнуло въ головѣ Татьяны Ивановны, съ завистью поглядывавшей на изнемогавшую мать.—Что изъ того, что трудно?»

Въ этотъ моментъ показалась «баронесса». Татьяна Ивановна хотѣла взять посыльнаго, чтобъ отнести узелъ, но «баронесса» ни за что не согласилась. Съ какой стати бросать этимъ дармоѣдамъ цѣлыхъ 15 копѣекъ? Она схватила свой узелъ и потащила его въ вагонъ третьяго класса съ спальнымъ дамскимъ отдѣленіемъ.

— Вотъ здѣсь будетъ отлично,—говорила она, устраивая узелъ на вязаную сѣтку вверху.—И соснуть можно... Впрочемъ, вамъ не приведется и спать. Поѣздъ придетъ на станцію въ десять часовъ. Только вы въ ночь не ѣздите. Неудобно молодой женщинѣ одной. А вы переночуете тамъ гдѣ-нибудь.

— Гдѣ же это?

— Ну, на постояломъ. Тамъ всегда есть для пріѣзжающихъ чистая половина... Татьяна Ивановна, хватитъ ли у васъ денегъ-то? Если нужно, такъ я могу вамъ дать немножко.

«Баронесса» даже вытащила худенькій и затасканный портмонэ, но Татьяна Ивановна ее остановила.

— Нѣтъ, нѣтъ... У меня есть достаточно. Цѣлыхъ шестьдесятъ рублей.

— Ну, маловато, но какъ-нибудь хватитъ... Дай вамъ Богъ, миленькая, все устроить, а я буду молиться за васъ.

Послѣднія слова «баронесса» проговорила со слезами на глазахъ, а потомъ порывисто благословила путешественницу. У Татьяны Ивановны что-то защипало въ горлѣ, и она должна была закусить губы, чтобы не расплакаться.

— Идите, идите, второй звонокъ.

— Шляпу-то оставьте на станціи, т.-е. на постояломъ,— совѣтовала «баронесса», высовывая голову въ дверцы купэ.—А то неловко будетъ ѣхать на лошадяхъ.

— Хорошо, хорошо...

Какъ это ни странно, но Татьяна Ивановна вздохнула свободнѣе, когда доброе существо оставило ее, наконецъ, въ покоѣ. Добрые люди бываютъ иногда надоѣдливы... Но «баронесса» не унялась, и ея лицо скоро прильнуло къ окну вагона. Это опять вы-

звало вниманіе слонявшихся по платформѣ шпютовъ. Бѣлокурый подошелъ къ «баронессѣ» и что-то заговорилъ. Татьяна Ивановна откинулась въ уголъ и видѣла только лицо «баронессы», вспыхнувшее красными пятнами. Нѣтъ, она устроитъ ей скандалъ... Что же это поѣздъ стоитъ? Точно въ отвѣтъ на эту мысль послышался рѣзкій свистокъ оберъ-кондуктора, непріятно ухнулъ паровозъ, гдѣ-то залязгали желѣзныя цѣпи и поѣздъ тяжело тронулся. Платформа точно поплыла. Татьяна Ивановна видѣла только, какъ «баронесса» торопливо перекрестила ея окно, какъ мелькнула красная фуражка начальника станціи, еще разъ показались противные шпюты, а потомъ все заволокло дымомъ.

— Слава Богу,—прошептала Татьяна Ивановна, когда поѣздъ выбрался изъ-подъ навѣса и яркій весенній свѣтъ залилъ ея купэ.

Какъ многимъ кореннымъ петербуржцамъ, ей случилось только въ первый разъ выѣхать изъ Петербурга въ настоящее путешествіе. Дальше Павловска, Озерковъ и Екатерингофа ей не приходилось ѣздить. Слава Богу, проклятый городъ оставался позади... И какъ быстро все исчезло! Только влѣво, гдѣ протекала невидимая Нева, долго еще тянулись громадныя фабричныя зданія и поднимались высокія трубы. Поѣздъ развивалъ скорость, и картины смѣнялись быстро. На поляхъ еще лежалъ снѣгъ и только кое-гдѣ чернѣли первыя проталинки. Татьяну Ивановну охватило еще неиспытанное чувство свободы. Да, сидитъ она одна и ничего и никого не хочетъ знать. Она походила на птицу, вырвавшуюся изъ клѣтки. Да, вотъ и голубое небо, и солнце, и просторъ, и она сама такая молодая и сильная. Въ душѣ теплилось пріятное сознаніе, что она, наконецъ, приступаетъ къ выполненію давно задуманнаго плана. Но мысли опережали поѣздъ и летѣли далеко впередъ, гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни шпютовъ, ни гнетущей и давящей петербургской неволи

II.

Дорóгой лучше всего думается. Дома что-нибудь да мѣшаетъ, а тутъ для мысли полный просторъ. Несутся мимо равнины, перелѣски, рѣчки, насыпи, телеграфные столбы, сторожки, деревни, гдѣ-то на горизонтѣ мелькаетъ стройный силуэтъ бѣлой сельской церкви, гдѣ-то дымитъ фабричная высокая труба, и въ головѣ тоже несутся лица, воспоминанія, полузаботныя грёзы, мечты о будущемъ, мелкіе разсчеты и тонкія соображенія. Одно движеніе вызываетъ другое.

Именно такое раздумье переживала сейчасъ Татьяна Ивановна. А въ послѣдніе годы ей такъ мало оставалось времени именно на это. День катился незамѣтно одинъ за другимъ, и она все что-то откладывала. Удивительно, какъ это она раньше не подумала вотъ о томъ, о чемъ сейчасъ... Ей дѣлалось даже обидно, когда она припоминала вмѣшательство «баронессы».

«Что же, я и безъ нея поѣхала бы... Ну, не сегодня, положимъ, а лѣтомъ непремѣнно...»

Затѣмъ являлась облегчающая мысль: вѣдь, ее никто не знаетъ ни въ поѣздѣ, ни на станціи, ни тамъ, куда она поѣдетъ на лошадяхъ. Какъ это хорошо и какъ легко, вродѣ того, какъ если бы человѣкъ могъ родиться во второй разъ. Татьянѣ Ивановнѣ сдѣлалось вдругъ весело, и она даже замурлыкала про себя знакомый опереточный мотивъ. Ну, положительно весело. А давеча этотъ бѣлобрысый шпютъ какъ смотрѣлъ на нее! Развеселившись, дѣвушка сдѣлала даже рукой носъ по адресу именно этого нахала. Кончено, все кончено... ха, ха!... Какъ будутъ всѣ удивлены, какъ будетъ злиться maman «баронессы». Э, пусть хоть лопнетъ со всѣми своими тремя подбородками! Припомнивъ свою квартирную хозяйку, Татьяна Ивановна даже разсердилась, — вотъ безсовѣстная старуха! Ахъ, какая безсовѣстная! Что она давеча «баронессѣ» сказала: «Такъ дѣлаютъ собаки». А что же такого дурного сдѣлала «баронесса»? Рѣшительно ничего. Старуха разозлилась по поводу того, что «баронесса» опять въ интересномъ положеніи, но, вѣдь, она замужняя женщина и позорнаго въ этомъ ничего нѣтъ.

— У-у! Ненавижу! — вслухъ проговорила дѣвушка и погрозила кулакомъ старой нѣмецкой твари. — Вся ты фальшивая и гадкая, а «баронесса» — добрая... Конечно, ей трудно перебиваться съ тремя ребятишками, а, вѣдь, она никого не проситъ помогать ей. Да еще кто бы и говорилъ, а не эта старая нѣмецкая кляча — у самой трое живыхъ дѣтей да сколькихъ перехоронила.

День быстро клонился къ вечеру. Мелькали какія-то маленькія станціи и полустанки, но Татьяна Ивановна даже не интересовалась прочитывать ихъ названія: ея станція будетъ ровно въ десять часовъ вечера, а остальное для нея не существовало. Добывъ записную книжку, она нѣсколько разъ перечитывала тщательно записанный адресъ: деревня Маркотина, крестьянка Агаѳья Ефимова, № 3507. Положимъ, она знала этотъ адресъ наизусть, но нападало сомнѣніе: а вдругъ она его позабудетъ или потеряетъ?

На одной изъ большихъ станцій дѣвушка вышла напиться чаю. Ее рѣшительно не интересовало, какая публика ѣдетъ въ одномъ

поѣздѣ. Какое ей дѣло до нихъ? За столомъ противъ нея помѣстился толстый господинъ съ длинными усами и все время не сводилъ съ нея своихъ выпуклыхъ темныхъ глазъ. Вотъ нахалъ... Потомъ ей пришла въ голову мысль, что, вѣроятно, въ ней есть что-нибудь такое, почему онъ такъ безцеремонно уставился на нее. Она вдругъ смутилась, даже слегка покраснѣла и, не допивъ стакана, ушла къ себѣ въ вагонъ. Этотъ толстякъ испортилъ ей все настроеніе.

«Неужели на мнѣ написано, кто я такая? — въ ужасѣ подумала она, забиваясь въ свое купэ.—Отчего онъ не смотритъ такими глазами на другихъ женщинъ?... Если бы я была мужчиной, то дала бы ему въ морду».

Татьяна Ивановна даже всплакнула, глупо и по-дѣтски, потому что эти непріятныя мысли такъ не гармонировали съ ея свѣтлымъ настроеніемъ. Да, ей хотѣлось уѣхать совсѣмъ, въ неизвѣстную даль, уѣхать отъ самой себя. Со слезами она и заснула, прикурнувъ на деревянной лавочкѣ. И сонъ былъ гадкій: по сторонамъ поѣзда бѣжали бѣлобрысый пшютъ и толстый господинъ съ усами, что-то кричали и указывали на ея окно. Вся публика собралась у оконъ.

— Вотъ она, Татьяна Ивановна!... Ахъ, Татьяна Ивановна, милашка!...

— Сударыня, станція!—разбудилъ ее кондукторъ.

Это была небольшая станція, на которой поѣздъ стоялъ всего пять минутъ. На платформѣ было темно, и дѣвушка съ трудомъ тащила свой узелъ. Какой-то молодой человѣкъ въ охотничьей курткѣ окликнулъ ее.

— Сударыня, вамъ лошадей-съ? Пожалуйте на постоялый... Эй, Иванъ, помоги барышнѣ!

— Здѣсь!—отвѣтилъ изъ темноты хриплый голосъ.

Показался мужикъ въ полушубкѣ и взялъ узелъ. Татьяна Ивановна не могла разсмотрѣть, что дѣлается кругомъ. Гдѣ-то въ сторонѣ мелькали какіе-то жалкіе огоньки и что-то такое чернѣло: лѣсъ не лѣсъ, стреніе не строеніе. Мужикъ пошелъ быстро впередъ, свернулъ съ платформы и точно потонулъ въ темнотѣ.

— Эй, ты, дядя, гдѣ ты?

— А здѣсь... Держи правѣе, забирай все вправо...

До постоялаго двора было рукой подать: обошли какой-то сарай, прошли мимо какихъ-то лошадей и очутились прямо на темной лѣстницѣ большого деревяннаго двухъэтажнаго дома.

— Эй, Митрей Митричъ, гдѣ ты запропастился?—кричалъ му-

жикъ, топая по лѣстницѣ ногами. — Я тебѣ вотъ какую барыню предоставилъ, старичку...

Наверху показался огонь, и гостью встрѣтилъ благообразный бритый старичокъ, одѣтый въ длиннополый сюртукъ. У Татьяны Ивановны отлегло на сердцѣ, когда она увидѣла свѣтлую высокую комнату, очень чисто прибранную, даже съ вѣнскою мебелью и кисейными занавѣсками на окнахъ. Въ одномъ углу теплилась лампадка.

— Пожалуйте, сударыня, на чаекъ...

— Прикажете самоварчикъ, сударыня?

— Да, я переночую у васъ... У васъ клоповъ нѣтъ?

— Ни Боже мой... Даже и названіе забыли, что есть такое— клопъ. Не сумлѣвайтесь... А утречкомъ лошадокъ прикажете?

— Да.

— Вамъ куда-съ?

— Завтра скажу.

Старичокъ пожевалъ губами и засѣменилъ куда-то за занавѣску.

Дѣвушка сняла съ себя шляпу, калоши и пальто. У нея немножко болѣла голова. По привычкѣ она подошла къ зеркалу, но па нее изъ неровнаго стекла посмотрѣло такое уродливое лицо, что она сейчасъ же отошла. Послышались опять шмыгавшіе шаги старика.

— Можетъ быть, закусить прикажете? Только, знаете, у насъ все постное, на крестьянскую руку... Пожалуй, и не понравится вамъ.

— Нѣтъ, я хочу только чаю.

— Слушаю-съ. А лошадокъ къ которому часу прикажете?

— Я скажу утромъ.

— Оно бы лучше съ вечера.

— Хорошо. Ну, въ девять. Тутъ есть деревня Маркотина, такъ туда и обратно.

— Моркотина? Такъ-съ... Это совсѣмъ въ сторону, сударыня, значитъ, не по тракту... Ужъ не знаю, что вамъ и сказать. Ахъ, батюшки, да, вѣдь, Моркотиныхъ-то, вѣдь, двѣ: Моркотина-Верхъ, Моркотина-Низы. Такъ вамъ въ которую?

— Какъ двѣ? Впрочемъ, это все равно. Вѣдь, онѣ не далеко одна отъ другой?

— Извѣстно, деревни... Ужь не знаю, какъ насчетъ лошадокъ. Пожалуй, ямщики-то не повезутъ...

Однимъ словомъ, началось то деревенское вымогательство, которое заканчивается тройною цѣной.

За самоваромъ Татьяна Ивановна просидѣла часа два. Ее охва-

тило сознаніе такого одиночества, какъ еще никогда. Гдѣ-то тихо постукиваетъ маятникъ, гдѣ-то лаетъ сонная собака, гдѣ-то рѣзко взвизгиваетъ свистокъ. Потомъ дѣвушкѣ сдѣлалось безотчетно страшно. Да, страшно жить, страшно за свою молодость, страшно за то хорошее, что она везла съ собой въ эту деревенскую глушь, страшно за неизвѣстное будущее. Какіе всѣ нехорошіе, кончая вотъ этимъ благочестивымъ станціоннымъ старцемъ, ободравшимъ ее какъ липку. И всѣ такіе же... Безсовѣстные, гадкіе, отвратительные!... Почему-то ей вспомнилась давешняя чета съ тремя дѣтьми. Можетъ быть, они уже теперь дома, въ своемъ гнѣздѣ, уложили дѣтей спать, а сами тоже сидятъ за самоваромъ. Тепло, хорошо, любовно... Почему одни родятся на свѣтъ счастливыми, а другіе несчастными?

Съ послѣднею мыслью Татьяна Ивановна и заснула на томъ самомъ диванчикѣ, гдѣ сидѣла,—заснула, не раздѣваясь. Утромъ ее разбудилъ благочестиво-бритый старецъ и заявилъ, что лошади поданы.

— Только извините, сударыня, до Моркотиной-то не восемнадцать верстъ, а всѣ двадцать восемь. Ребята знаютъ... Вчера-то я ошибся, значитъ.

— Вы меня считаете, кажется, совсѣмъ дурой?

— Помилуйте, зачѣмъ же-съ?... Вотъ поѣдете, сами увидите-съ.

За пару лошадей старецъ содралъ пятнадцать рублей, то-есть ровно вчетверо, и еще пожалѣлъ, что не умѣлъ взять прямо четвертной билетъ. Куда ей дѣться, барынѣ-то?

Утро было свѣтлое и теплое, такъ что Татьяна Иванова поѣхала въ шляпѣ. Ямщикъ оказался вчерашній Иванъ, которому сегодня, видимо, было спохмѣлья. Онъ встряхивалъ своею лохматою головой, ерзалъ плечами, вздыхалъ и, наконецъ, проговорилъ:

— Испортила ты меня вечоръ, барыня... Къ твоему-то двугривенному своихъ два прибавилъ. Тяжеленькая копѣечка подвернулась... Ахъ, ты, Боже мой!... А ужь Митрей Митричъ охулки на руку не положитъ... Пятнадцать рубликовъ съ тебя сгрѣлъ? Такъ... Красная цѣна два рубли... Ловко!

— Разбойники вы, вотъ что! Конечно, я не знаю, а вы пользуетесь случаемъ...

— Это точно, даже весьма грѣшно. Ну, и Митрей Митричъ... И верстовъ присчиталъ цѣлыхъ десять. Въ лучшемъ видѣ!

Взлохмоченная пара почтовыхъ одровъ неторопливо тащила рогожную кибитку сначала по тракту, а потомъ свернула на окончательный проселокъ, пролегавшій грязною полоской по унылой

низменности, кое-гдѣ тронутой чахлыми заморенными кустиками. Развертывалась невеселая русская картина. У Татьяны Ивановны щемило на сердцѣ, когда кибитка проѣзжала мимо деревушекъ, походившихъ издали на кучи навоза. Какъ могутъ жить здѣсь люди? Настоящая деревенская бѣдность глядѣла здѣсь изъ каждой дыры, черезъ обдерганныя соломенныя крыши, въ подслѣповатыя оконца, въ прорѣхи и щели всего крестьянскаго жилья. Неужели и Моркотина такая-то? Если бы Татьяна Ивановна знала раньше, что такое русская деревня. Нѣтъ, что тутъ говорить, когда прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ. Вѣдь, это ужасно: цѣлыхъ шесть лѣтъ!

— А вотъ тебѣ и Моркотина, — неожиданно заявилъ Иванъ, указывая кнутовищемъ куда-то въ сторону.

— Гдѣ?

— А вонъ вправо, подъ горкой, значитъ.

— Это которая Моркотина?

— А Низы... Тебѣ кого тамъ надобно?

— Вотъ прiѣдемъ и спросимъ.

Моркотина-Низы, какъ большинство русскихъ деревень, была «чѣмъ ближе, тѣмъ хуже». Татьяна Ивановна съ какимъ-то ужасомъ смотрѣла на это приближавшееся убожество и не вѣрила собственнымъ глазамъ: сотни избушекъ залегли по болотистымъ берегамъ покрытой сейчасъ льдомъ рѣченки. Вотъ и первыя постройки. Кибитка остановилась у одной изъ избушекъ, гдѣ стоялъ за воротами мужикъ.

— Это Моркотина, дядюшка?

— Моркотина.

— А гдѣ здѣсь живетъ Агаѳья Ефимова?

— Агаѳья-то? Да у насъ ихъ двѣ, значитъ, Агаѳьи... Пожалуй, и третья найдется, потому какъ она съ мужемъ не живетъ—по отцу-то тоже Ефимова. Тебѣ которую?

— Мнѣ нужно ту, у которой на воспитанiи дѣвочка.

— А великонька дѣвчонка, значитъ, шпитонка?

— Лѣтъ шести.

— Ну, такъ это не здѣсь, а надо тебѣ податься на Верхъ-Моркотину. Тамъ и Агаѳья твоя со шпитонкой... Въ самый разъ.

— Иванъ, поѣдемъ.

На этотъ разъ Иванъ почесалъ затылокъ и послѣ нѣкотораго раздумья заявилъ, что дальше не поѣдетъ: ряда была до Низовъ.

— Какъ не поѣдешь?

— А вотъ такъ... Ряда. Ваше дѣло съ Митреемъ Митричемъ было... Ежели трешную соблаговолишь ямщику, тогда могу ублаго-

творить вполнѣ. Што я буду зря коней томить?... Главное: ряда была до Низовъ.

Нечего дѣлать, пришлось выдать нахалу три рубля. Татьяна Ивановна съ ненавистью смотрѣла на спину грабителя, изнывая отъ безсильной злобы.

Кибитка поползла маленькою дорожкой влѣво отъ деревни. Черезъ полчаса показалась и Верхъ-Моркотина, ничѣмъ не отличавшаяся отъ Низовъ. Здѣсь Агаѳью Ефимову было уже совсѣмъ не трудно отыскать. Татьяна Ивановна вошла въ довольно скверную избу, гдѣ ее охватило убійственно-кислою вонью. Въ первую минуту дѣвушка не могла ничего разглядѣть, кромѣ небольшой дѣвочки, колыхавшей люльку.

— Да, вѣдь, это вы, барышня-сударышня!—закричалъ плаксивый бабій голосъ гдѣ-то у печки.

— Едва тебя разыскала, Агаѳья...

Татьяна Ивановна устало опустилась на грязную лавку и не могла отвести глазъ отъ дѣвочки. Неужели это ея Наташа? Она не смѣла шевельнуться, не смѣла подойти къ дѣвочкѣ и только смотрѣла на нее испуганно-округлившимися глазами. Она не замѣтила даже, хороша она или нѣтъ, какіе у нея глаза, волосы, носъ,—всѣ эти подробности выступили только потомъ, когда она пришла въ себя.

— Энта самая и есть,—шепотомъ объяснила Агаѳья, довольно грязная баба съ плаксиво-злымъ лицомъ.—Наташка, подь суды... Барыня изъ городу гостинцу тебѣ привезла.

III.

Дѣвочка сначала смотрѣла на городскую гостью, а потомъ быстро кинулась къ Агаѳьѣ и спряталась за ея юбку. Татьяна Ивановна тяжело дышала, точно боялась въ маленькой замарашкѣ узнать то безконечно родное и близкое, что могла только смутно чувствовать. Ей казалось, что и въ избѣ душно, и что недостаетъ свѣта, и что все это какой-то сонъ.

— Ахъ, ты, дурашливая, перестань!—уговаривала Агаѳья, стараясь выдвинуть прятавшуюся дѣвочку впередъ.—Вѣдь, не чужая пріѣхала! Вотъ, поглядите, сударышня-барышня, и родимое пятнышко...

Она оголила худенькую дѣтскую ручку и показала повыше локтя двѣ маленькія родинки. Дѣвочка еще больше переконфузилась и даже закричала, когда городская гостья схватила ее, посадила на колѣни къ себѣ и принялась цѣловать.

— Милая... милая... милая... Ты, вѣдь, моя, моя, моя!... Я— твоя мама!

Дѣвочка защищалась отчаянно, отталкивая мать прямо въ грудь. Свѣтлые глазенки потемнѣли, бровки сдвинулись, розовыя губки сложились строго. Татьяна Ивановна усадила ее на лавку, опустилась на колѣни и порывисто начала цѣловать худенькія ручонки, шейку, плечики, всклоченные волосенки.

— Мама гостинцу изъ городу привезла,—повторяла Агаѳья, желая подкупить ребенка.—Не блажи, Наташка.

— Н-нѣ-е! —капризно повторяла дѣвочка, продолжая отталкивать городскую маму.—Не хочу гостинца, мамка... Пусть она уйдетъ... Н-нѣ-е!...

— Моя, моя, моя... Родная моя... дѣточка...—всхлипывала Татьяна Ивановна, припадая своею головой къ дѣтскимъ колѣнямъ.

Дѣвочка тоже разревѣлась, пустивъ отчаянную ноту. Агаѳья, стоя за спиной городской мамы, показывала ей кулакъ, но и это не помогало. Въ умѣ Агаѳьи вихремъ неслись свои бабьи мысли: зачѣмъ прилетѣла изъ города барышня, неужто она отыметъ дѣвчонку? Ровно черезъ каждые два мѣсяца Агаѳья ѣздила въ городъ къ Татьянѣ Ивановнѣ и обирала ее съ ловкостью опытнаго человѣка. Дѣвушка платила за содержаніе ребенка по десяти рублей въ мѣсяцъ и кромѣ того снабжала ее разнымъ тряпьемъ, жаренымъ и вареннымъ. И вдругъ эта доходная статья прекратится... А Татьяна Ивановна, стоя на колѣняхъ, жадными глазами вглядывалась въ заплаканное дѣтское личико, отыскивая въ немъ то родное и близкое, къ чему рвалась ея душа, чѣмъ наболѣло это сердце. Всѣ чувства теперь были сосредоточены на этомъ дѣтскомъ личикѣ, мучительно ожидая отъ него отвѣта, но личико продолжало хмуриться и заливаться слезами.

— Я ее увезу въ городъ,—съ рѣшительнымъ видомъ заявила Татьяна Ивановна, поднимаясь на ноги.

— Какъ же это такъ, барышня-сударышня?—испуганно забормотала Агаѳья, дѣлая глупое лицо.—Мы вспоили, вскормили дитю, а вы вдругъ—въ городъ.

— Да, вдругъ... Вѣдь, вы не даромъ поили и кормили. Я все время платила вамъ. А теперь я желаю взять ребенка себѣ... Понимаете?

— Не знаю, какъ мужъ... Ужо, вотъ онъ придетъ. И куда онъ дѣнется?

— А я знаю, потому что дѣвочка моя... У меня и билетъ изъ

воспитательнаго дома съ собой. Позовите старосту, я роспишусь... А вамъ я заплачу...

Дѣвушка достала портмонэ и начала совать двадцати пяти рублевую ассигнацію Агаѳьѣ, которая не знала, что ей дѣлать—брать или не брать. Она, дѣйствительно, боялась мужа. И дѣвочку было жаль выпустить изъ рукъ. Въ этотъ рѣшительный моментъ на порогѣ показался ямщикъ Иванъ и заявилъ самымъ грубымъ образомъ, что ждать больше не можетъ.

— Я вотъ тебѣ покажу, какъ ты не можешь ждать!—накинулась на него Татьяна Ивановна съ неожиданнымъ ожесточеніемъ.— Разбойники вы, вотъ что!

— Что же, я и уѣду!—еще грубѣе заявилъ Иванъ, почесывая въ затылкѣ.—Мнѣ плевать!

— Ахъ, ты... Молчать! Я еще съ вами разсчитаюсь... Прямо къ урядннку. Знаешь урядника?... То-то... Поговори у меня еще. Я вамъ покажу... Убирайся вонъ! Постой, тамъ у меня въ кибиткѣ остался узелъ, такъ принеси его сюда. Да живѣе ворочайся.

Недавній разбойникъ, разсчитывавшій сорвать съ простоватой городской барыни за «простой» еще трешный билетъ, только почесалъ затылокъ и отправился за узломъ.

— Ишь ты, прыть какую напустила!—бормоталъ онъ. — Такъ на дыбы и поднялась, какъ медвѣдица. Всѣ эти дѣтныя бабы такія: какъ увидала свово дитю, такъ и остребенилась. Теперь къ ней не подступишься... Медвѣдь, и тотъ не деретъ корову, которая съ теленкомъ ходитъ въ лѣсу. Послѣдняя курица, и та... Вотъ тебѣ и трешный билетъ! Къ урядннку... Самый настоящій разговоръ. Теперь бы въ самый разъ напустить на Митрея Митрича: всю бы моль изъ него духомъ выпустила... Ахъ, братецъ ты мой, дѣло-то какое вышло!

Развернувъ узелъ, Татьяна Ивановна мысленно поблагодарила предусмотрѣвшую все «баронессу». На первомъ планѣ была простыня, полотенце и мыло съ губкой. Конечно, прежде всего, нужно вымыть дѣвочку, а въ такомъ видѣ куда же ее повезешь? Агаѳья молча налила теплой воды въ корыто, и Наташа поступила въ полное распоряженіе городской мамы. Ахъ, какія у нея были грязныя ножки и ручки, какая грязная шея, уши, личико!... Губка нѣсколько разъ дѣлалась совсѣмъ грязной. Татьяна Ивановна дѣлала все быстро и рѣшительно, такъ что дѣвочка даже не сопротивлялась, невольно поддаваясь болѣе сильной волѣ. Агаѳья качала люльку и иронически наблюдала расхлопотавшуюся барышню-сударышню.

— А въ люлькѣ у васъ тоже шпитонка?—спрашивала дѣвушка, оканчивая мытье Наташи.

— Извѣстно, шпитонка... Свои-то дѣтишки перемерли, такъ вотъ чужихъ воспитываемъ. Только эта шпитонка не жилецъ... Какъ бы не окачурилась. Животомъ скудается больно.

Дѣвушка заглянула въ люльку. Тамъ лежалъ ребенокъ мѣсяцевъ трехъ, съ какимъ-то восковымъ личикомъ. Онъ не плакалъ и не кричалъ, а только тяжело дышалъ. А, вѣдь, гдѣ-то у этого несчастнаго есть мать... Она, навѣрное, думаетъ о немъ, убивается. А тутъ такъ грязно и душно... Боже мой, еслибъ она только знала, въ какой обстановкѣ росла ея несчастная Наташа! И какъ она могла это допустить?... А какая милая «баронесса»: вотъ и чистая рубашка для дѣвочки, старенькая и въ заплаткахъ, но чистенькая, и панталоны, и чулочки, и башмаки, и лифчикъ, и какое-то шерстяное платьице, и старенькая шубка, и теплый платокъ,— однимъ словомъ, все дѣтское приданое. Наташа позволяла себя обряжать, изрѣдка взглядывая вопросительно на Агаѳью.

— Вотъ и ты, Наташка, стала городскою барышней,—иронически замѣтила Агаѳья, когда туалетъ былъ законченъ.—Только шляпку тебѣ нацѣпить да хвостъ...

— Агаѳья, вы сходили бы лучше за мужемъ, чѣмъ болтать пустяки. А я присмотрю за ребенкомъ...

— И то схожу...—ворчливо согласилась Агаѳья.—Очень ужь вы скоро наклались, барышня-сударышня, дѣвчонку-то увозить. Тоже и на васъ судъ найдемъ...

— Хорошо, хорошо... Скажите по пути старостѣ, чтобы зашелъ сюда. Мнѣ некогда ждать.

Агаѳья вышла изъ избы, продолжая ворчать.

— Што, и тебѣ на орѣхи досталось?—встрѣтилъ ее на улицѣ ямщикъ Иванъ.—Нѣтъ, братъ, теперь шабашъ: совсѣмъ другая музыка... Слышала, какъ она давѣ про урядника-то отвѣсила? И предоставитъ въ лучшемъ видѣ... Нѣтъ, братъ Агаѳья, теперь ее больше въ оглобли не заведешь. Шабашъ!

Оставшись въ избѣ одна, Татьяна Ивановна хотѣла разговориться съ дочерью, которая все еще продолжала ея дичиться и больше всего была занята своимъ новымъ костюмомъ.

— Поѣдешь со мной на станцію?—спрашивала дѣвушка.—Поѣдешь, крошка?

— Н-нѣ-е...—плаксиво отвѣчала Наташа, вытирая носъ рукой.

— А тамъ у меня игрушки оставлены... Много игрушекъ.

— Гостинецъ?

— И гостинцы... Пріѣдемъ туда и все заберемъ.

— А мамка?

— Мамка здѣсь останется... На лошадкахъ поѣдемъ, дѣточка.

Дѣвочка въ первый разъ улыбнулась, глядя недовѣрчиво на нарядную городскую маму. Послѣ нѣкотораго раздумья она отрицательно покачала головой:

— Нѣтъ, не поѣду на лошадкахъ безъ мамки.

— Да, вѣдь, мы вернемся опять сюда, глупенькая! А вотъ посмотри: часы... Вотъ браслетъ. Я тебѣ подарю часы, если поѣдешь.

Дѣвочка не понимала половины городскихъ словъ и продолжала взглядывать недовѣрчиво, какъ только что пойманный звѣрокъ. Татьяна Ивановна пробовала ее приласкать, точно своими объятіями и поцѣлуями хотѣла перелить въ нее переполнявшія ее чувства, но маленькая звѣрушка не поддавалась и повторяла одно: мамка. Эта сцена, наконецъ, измучила Татьяну Ивановну. Что она будетъ дѣлать съ этою упрямицей? Въ концѣ-концовъ, было просто обидно...

Дѣвушка присѣла къ столу въ тяжеломъ раздумьи. Наташа около лавки пробралась къ печкѣ и изъ своей засады наблюдала ее. Еще немножко, и Татьяна Ивановна, вѣроятно, расплакалась бы безсильными женскими слезами, но въ этотъ моментъ въ сѣняхъ послышался тяжелый топотъ, говоръ, и дверь избы распахнулась. Первымъ вошелъ пожилой мужикъ съ жиденькою бородкой и мѣдною бляхой,—староста, какъ догадалась Татьяна Ивановна. Изъ-за него выдвинулся другой, помоложе, приземистый и косолапый, съ помятымъ отъ перепоя лицомъ. Онъ швырнулъ свою рваную шапку на печь и вызывающе оглядѣлъ гостью съ ногъ до головы. Шествіе замыкали Агаѳья и ямщикъ Иванъ.

— Здравствуй, — проговорилъ хозяинъ, протягивая свою лапу.

— Здравствуйте,—спокойно отвѣтила гостья, не подавая руки.—Я пріѣхала за своею дѣвочкой.

— Такъ-съ, оно конешно... Только свои-то дѣти у родителевъ живутъ, а не по чужимъ людямъ,—грубо отвѣтилъ мужикъ.—Больно прытко ты разлетѣлась...

— Я съ тобой не желаю разговаривать, а вотъ со старостой. Да... вотъ номеръ билета, по которому выданъ былъ ребенокъ изъ воспитательнаго дома Агаѳьѣ: 3507. Наконецъ, Агаѳья меня знаетъ. Я ей шесть лѣтъ платила за содержаніе ребенка...

— Агаѳья, ты получала? — обратился староста къ хозяйкѣ.

— Што получать-то...— вмѣшался хозяинъ, дѣлая азартный жестъ.

— Помалкивай, Андрей,— остановилъ его староста.— Бабье дѣло... Пусть онѣ промежду себя разберутся. Ну, Агаѳья, получала съ барыни жалованье?

— Случалось...— нерѣшительно отвѣтила Агаѳья, глядя на мужа.— Только какое это жалованье?... Двугривенными поманивали, и только всего.

— Это ужь ты врешь, Агаѳья,— неожиданно вступился ямщикъ Иванъ.— Поди-ко, вся деревня знаетъ... Понапрасну запираешься. Говори лучше прямо.

Хозяинъ съ азартомъ накинулся на непрошеннаго заступника, такъ что староста едва ихъ рознялъ. Въ избѣ поднялся ужасный гвалтъ. Наташа опять заплакала и юркнула на печь.

— Што тутъ съ ними разговаривать-то! — кричалъ Иванъ.— Получайте деньги, пока барыня даетъ. Четвертной билетъ жертвуетъ, а послѣ еще пристегнетъ малую толику... Ну, староста, благословясь, вдарь по рукамъ. Лучше такъ-то будетъ.

Староста замялся, почесывая зятылокъ. Его нерѣшительность разрѣшилась только пятирублевою ассигнаціей. Онъ сразу пріосанился и заговорилъ другимъ тономъ.

— Ну, Агаѳья, примай деньги... Што тутъ попусту балакать. Да собирайте дѣвчонку... Съ Богомъ!

Мужъ Агаѳьи нехотя взялъ двадцати пяти рублевую ассигнацію и презрительно зажалъ ее въ кулакъ.

— Я совсѣмъ не желаю обижать васъ,— заговорила Татьяна Ивановна, точно оправдываясь.— У меня сейчасъ больше нѣтъ денегъ, а послѣ я съ удовольствіемъ заплачу еще.

Агаѳья разразилась отчаяннымъ воемъ и спряталась за печкой. Теперь ужь мужики окончательно не знали, что имъ дѣлать. Развѣ съ бабой сговоришь?... Наташа переползла съ печи на палати и съ любопытствомъ наблюдала все происходившее.

— Эй, дѣвонька, оболакайся! — обратился къ ней Иванъ, окончательно вошедшій въ роль посредника.— Дальніе проводы — лишнія слезы... А я на станцію вотъ какъ подмахну! Главная причина — барыня добрѣющая.

Татьянѣ Ивановнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно за происходившую сцену. Она отправилась за печку, обняла Агаѳью и начала ее утѣшать.

— Агаѳья, вы не сердитесь... Помните, я еще въ прошломъ году предупреждала васъ, что возьму дѣвочку.

— Да, вѣдь, мнѣ-то, поди, тоже жаль ее, сударышня-барышня... Какъ своя выросла. Было за ей похожено.

— Я вамъ за все заплачу, Агаѳья. Пріѣзжайте только въ городъ.

Агаѳья покосилась на мужа и зашептала:

— При ёмъ-то не говорите... Вонъ онъ сграбаздалъ денежки, какъ ястребъ, а я только ихъ и видѣла.

— Хорошо, хорошо...

Дѣло, наконецъ, сладилось. Оставалось уговорить только Наташу, что было не такъ-то легко. Дѣвочка оказала самое отчаянное сопротивленіе и согласилась ѣхать только до станціи, гдѣ надѣялась получить игрушки и городскіе гостинцы.

— Только ты не моя мамка,—упорно твердила она, глядя на дѣвушку злыми глазами.

— Конечно, не мамка, а мама...

— Н-нѣ-е...

— Ну, слава Богу!—проговорилъ Иванъ, усаживаясь на облучокъ.—Ну, и народецъ!... Вотъ уцѣпились! Живымъ мясомъ готовы рвать... Эхъ, вы, други, трогай!

Татьяна Ивановна крѣпко прижимала къ себѣ тихо плакавшую Наташу. Когда кибитка тронулась, она перекрестилась.

Начиналась новая жизнь...

IV.

Неожиданный отъѣздъ Татьяны Ивановны произвелъ въ квартирѣ Каролины Карловны Дрангъ своего рода сенсацію. Сначала старая нѣмка не придала ему никакого особеннаго значенія, потому что разсердилась на неисправимую «баронессу». Она долго ругала легкомысленную дочь на двухъ языкахъ и даже грозила въ пространство жирнымъ кулакомъ. «О, не есть ли это сумашедчій женщинъ, который на пятьдесятъ рублей жалованья будетъ имѣть четвертый дитю?... Donner wetter, побирай меня шортъ, если я могу понимайтъ... Богатый люди могутъ имѣть двадцать дитю, богатый люди дитю радость, богатый люди все могутъ, а «баронесса» дуракъ!» Чухонка Ольга была того же мнѣнія.

— Однако, куда она могъ ѣхать?—разсуждала фрау Дрангъ.

— Баню ѣкалъ,—объяснила Ольга.—Одинъ извощикъ ѣкалъ.

Наступилъ вечеръ, а Татьяна Ивановна не возвращалась. По-

ложимъ, она часто не бывала дома по нѣскольку дней, но то совсѣмъ другое дѣло, начиная съ костюма, въ которомъ выѣзжала Татьяна Ивановна. Фрау Дрангъ знала, гдѣ жилица, и была спокойна. Она не волновалась даже тогда, когда Татьяну Ивановну привозили изъ какого-нибудь веселаго загороднаго уголка въ такомъ видѣ, что она едва могла дойти до своей комнаты. Съ ней обыкновенно отваживалась въ такихъ случаяхъ Ольга, занимавшаяся, прежде всего, карманами подгулявшей барышни. Она обворовывала ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ и разъ стащила даже дорогой золотой браслетъ. На другой день утромъ Татьяна Ивановна обыкновенно чувствовала себя скверно, сидѣла у себя въ комнатѣ, и Ольга выговаривала ей, что нехорошо терять браслеты. Да, все это было въ порядкѣ вещей и никто этому не удивлялся, а теперь случилось что-то другое. Потомъ это таинственное вмѣшательство «баронессы»,—фрау Дрангъ еще разъ разсердилась на сумасшедшую дочь, разсердилась какъ-то всѣмъ своимъ старымъ нѣмецкимъ жиромъ.

Вечеромъ пріѣхала Лоти, младшая дочь фрау Дрангъ, и старуха успокоилась. Это была ея любимица. Лоти не походила на «баронессу». Высокая, плотная, бѣлокурая, она напоминала тотъ племенной скотъ, который фигурируетъ на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ. Одѣвалась она съ вызывающею пестротой и съ тѣмъ особеннымъ шикомъ, который заставляетъ мужчинъ оглядываться. Нѣкоторый недочетъ по части вкуса выкупался дорогими матеріями, кружевами и цѣнными бездѣлушками. Каролина Карловна не могла смотрѣть равнодушно на свою любимицу и со слезами на глазахъ повторяла:

— Вотъ я такой же былъ... какъ обѣ двѣ капли вода!

Старуха не мало гордилась и общественнымъ положеніемъ своей Лоти, которая была просто содержанкой одного выжившаго изъ ума стараго генерала. У Лоти была своя квартира, свои лошади, штатъ прислуги, бриліанты, — чего же еще можно желать? Въ этотъ вечеръ Лоти пріѣхала къ мутерхенъ въ дурномъ расположеніи духа. У нея была скверная привычка пріѣзжать къ матери им нно въ такомъ настроеніи, и старухѣ стоило большого труда ус окоить ее. Лоти была немножко вспыльчива и ругалась, какъ дв извощика.

— Ну, что новаго?—спрашивала Лоти еще въ передней, броса свое манто прямо въ физіономію Ольги.—Мутерхенъ, какъ тебѣ пе адоѣстъ эта чухонская морда?... Видѣть ее не могу!

— Нишево, Лоти... У тебя опять нервы?

— Какой тамъ чортъ нервы... Со своимъ старымъ чортомъ поругалась и выгнала его въ шею.

Чтобъ успокоить Лоти, старуха сейчасъ же разсказала ей объ интересномъ положеніи «баронессы» и таинственномъ исчезновеніи Татьяны Ивановны. Лоти презрительно пожала плечами и не удостоила отвѣтомъ. Развѣ можно говорить о сумасшедшихъ женщинахъ?

— Я на твоемъ мѣстѣ давно бы отказала этой Татьянѣ Ивановнѣ,—замѣтила Лоти, лѣниво зѣвая.—Хочется тебѣ съ нею путаться.

— Она мнѣ за одинъ комнатъ девяносто рублей платитъ... Я имѣетъ отъ нея свой маленькій доходъ.

— Ну, довольно. Надоѣла... Всѣмъ вамъ цѣна расколотый грошъ. Было время у Татьяны Ивановны, когда она была въ модѣ,—ну, и вышла круглая дура, потому что не умѣла во-время устроиться. Жила бы не хуже меня... А какой у ней голосъ былъ, когда она пѣла на островахъ! Цѣлый капиталъ въ горлѣ, и она его пропила на шампанскомъ.

— Муракъ была.

— Ну, плевать. Не стоитъ говорить.

Фрау Дрангъ занимала двѣ большихъ комнаты. Въ одной была ея спальня, а другая представляла гостиную. Вся обстановка сложилась здѣсь изъ ненужныхъ вещей Лоти, характеризуя тѣ стадіи, которыя проходила эта практическая дѣвица. Да, тутъ была и простенькая мебель, обитая дешевенькимъ кретономъ, и кушетка, обтянутая подозрительно-краснымъ, трактирнымъ трипомъ, и настоящіе шелковые пуфчики, козетки и кресла. Долго бѣдствовала фрау Дрангъ, пока дочери были малы, но за то теперь вполнѣ блаженствовала, утопая въ этомъ сборномъ великолѣпіи. Положимъ, Лоти часто ее корила своими благодѣяніями и даже обѣщала вышвырнуть прямо на улицу, но между своими людьми какіе счеты? Фрау Дрангъ отлично знала, что такое жизнь и что такое горячія слова.

И такъ, Лоти лежала на кушеткѣ и курила папиросу. Фрау Дрангъ немного была встревожена: а вдругъ изгнанный генералъ разсердится? Лоти, конечно, погорячилась, и нужно было ее успокоить. Она любила малиновое варенье, рябиновку, сосиски, сыръ, зельтерскую воду,—нужно было начать съ этого. Поѣвшій человѣкъ всегда спокойнѣе, какъ знала фрау Дрангъ по собственному опыту, но только вопросъ, съ чего начать? Въ моментъ этихъ размышленій въ корридорѣ послышался сторожевой кашель Ольги.

Фрау Дрангъ сдѣлала недовольное лицо. Вѣчно не кстати пристаетъ эта чухонская морда.

— Ну, чего тобѣ, пергаля?—сердито спросила она, выйдя въ коррндоръ.—Не знаешь свой время.

— Бариня, а я тебѣ буду говорилъ,—бормотала Ольга, дѣлая таинственные знаки и задыхаясь отъ волненія.—Рибенка ѣкалъ...

— Какой ребенокъ ѣхалъ? Что ты мелешь-то?

— Она ѣкалъ рибенокъ... Баронеска узелъ тащилъ, я смотрѣлъ узелъ... дѣтскія вещи узелъ... Она ѣкалъ узелъ рибенокъ.

Фрау Дрангъ, наконецъ, поняла и хлопнула себя по лбу, какъ дѣлала въ рѣшительные моменты. Да, теперь все было ясно. Вотъ зачѣмъ «баронесса» юлила въ послѣднее время около Татьяны Ивановны! Она ее и подбила... Фрау Дрангъ знала, что у Татьяны Ивановны есть ребенокъ и что онъ воспитывается гдѣ-то въ деревнѣ. Раза два, защищая интересы жилицы, она выгоняла Агаѳью, являвшуюся обирать Татьяну Ивановну. Но фрау Дрангъ была порядочная женщина и не любила совать носъ въ чужія дѣла, пока это не касалось ея. А теперь другое дѣло. Вѣдь, эта сумасшедшая привезетъ своего ребенка сюда. Нѣтъ, ужь извините, всякому терпѣнію бываютъ границы. Этого только недоставало. Въ глубинѣ души фрау Дрангъ считала себя благодѣтельницей. Боже мой, сколько добра она сдѣлала Татьянѣ Ивановнѣ, когда та пришла къ ней на квартиру чуть не въ одномъ платьѣ! Все она, фрау Дрангъ, и вотъ вамъ благодарность.

Въ гостиную фрау Дрангъ вернулась, какъ грозовая туча, и принялась такъ ругаться, что Лоти хохотала до слезъ.

— Дорого бы я дала, чтобы посмотрѣть на васъ, когда та вернется съ ребенкомъ,— повторяла Лоти, хватаясь за бока.— Баронесса отличилась... о-ха-ха!... У тебя, мутерхенъ, скоро будетъ свой собственный воспитательный домъ. Тебѣ дадутъ медаль за человѣколюбіе.

Догадка Ольги растревожила Каролину Карловну до того, что она выпила вечеромъ лишнюю бутылку пива. И цѣлую ночь ей снились самые гадкіе сны, начиная съ того, что Каролина Карлов-[illegible] видѣла себя молодой, со всѣми послѣдствіями и необходимыми [illegible]ибками этого опаснаго возраста, такъ что, проснувшись утромъ, [illegible]а плюнула и сказала: «Donner wetter!»

— Будемъ посмотрѣть, какъ она пріѣдетъ,— повторяла ста[illegible]ка, грозно расхаживая по своей квартирѣ.—Это меня нравится.

До обѣда время тянулось ужасно медленно, такъ что Каролина [illegible]ловна три раза принималась ругаться съ Ольгой, пока не впала

въ изнеможеніе. Лежа въ постели, она нюхала какія-то такія старинныя соли, что отъ нихъ уже ничѣмъ не пахло, кромѣ пыли. Потомъ Каролина Карловна пила кофе, и вотъ именно въ этотъ трогательный моментъ послышался звонокъ въ передней. Это была она, Татьяна Ивановна... Каролину Карловну охватило такое волненіе, что она не могла даже выйти въ корридоръ, а только видѣла въ отворенную дверь, какъ жилица прошла мимо съ дѣвочкой. Да, съ дѣвочкой.

— Ривезла,—доложила шепотомъ Ольга.—Рибенка большой... дѣвочка.

Дѣвочка? Нѣтъ, это ужь, какъ хотите, хоть кого взорветъ. Каролина Карловна поднялась, оправилась передъ зеркаломъ и грозно поплыла къ жилицѣ.

— Можно войти?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Я хозяйка.

Каролина Карловна вошла безъ позволенія и грознымъ взглядомъ окинула происходизшую семейную сцену. Дѣвочка сидѣла у стола и съ аппетитомъ ѣла бутерброды съ масломъ и колбасой.

— Вы съ ума сошли,—заявила Каролина Карловна.—Вы—дуракъ.

— Какъ вы смѣете? Я васъ выгоню вонъ.

Въ первый моментъ Каролина Карловна растерялась. Она никакъ не ожидала такого отпора. Что же это такое?... А Татьяна Ивановна смотрѣла на нее въ упоръ злыми глазами и имѣла такой видъ, что вотъ-вотъ вцѣпится. Это ужь было слишкомъ и Каролина Карловна рухнула на ближайшій стулъ, какъ жирная лавина. Татьяна Ивановна молчала, и только по ускоренному дыханію можно было судить, какъ она волновалась.

— И это мнѣ благодарность?—указала старуха на дѣвочку.

— Это васъ не касается, Каролина Карловна.

— Меня? не касается? Я, я знаю, что такое любовъ... Когда я былъ молодой, меня тоже коснулся любовъ. Да... Это былъ отецъ баронессы. И я оставался съ такою же дѣвочкой... Одинъ оставался... Я плакалъ день и ночь, потому что былъ дуракъ. Да... Я плакалъ о баронъ, отецъ баронессы... я ѣлъ корка черный хлѣбъ.

— Отчего же баронъ вамъ не помогъ?

— Баронъ?... Пфуй! У баронъ былъ одни панталонъ и семьдесятъ незаконныхъ дитю... Баронъ былъ веселый характеръ, а я плакалъ. Нужно было взять другой баронъ, старый баронъ, а я плакалъ. Тогда я былъ дуракъ, а теперь вы дуракъ... Меня это

очень касаетъ, да. Дѣвочка жилъ, вы жилъ, а теперь и вы, и дѣвочка будетъ плакалъ корка черный хлѣбъ.

— У васъ не буду просить, Каролина Карловна, а тамъ что Богъ дастъ.

— И не дамъ... У меня не богадѣльня. А баронессѣ я дамъ на кулаки.

— Она-то при чемъ тутъ?

— О, я понимайтъ все!... Я баронессѣ дамъ на морда! Вы жилъ, дѣвочка жилъ, а теперь сталъ нищій,—вотъ что баронесса.

— Нѣтъ, ужь вы ее оставьте: она тутъ не при чемъ. Я сама давно хотѣла взять дѣвочку.

— О, я понимайтъ!... Я былъ дуракъ, а вы есть дуракъ!

Сначала Татьяна Ивановна разсердилась на старуху, а потомъ принялась ее внимательно разсматривать, точно видѣла въ первый разъ. Напримѣръ, раньше она совсѣмъ не замѣчала, что у Каролины Карловны какіе-то ржавые глаза. Раньше, вѣроятно, они были сѣрыми, а теперь заржавѣли. Затѣмъ, вѣдь, старуха, если разобрать, совсѣмъ не злая, даже по-своему добрая, только рѣшительно потеряла всякій вкусъ къ добру и злу. Эта философія безразличія выработалась долгимъ житейскимъ опытомъ съ разнаго рода баронами, и Каролина Карловна была столько же виновата, какъ старинная тяжелая монета, потерявшая отъ времени всякій чеканъ. Татьяна Ивановна посмотрѣла на старуху даже съ сожалѣніемъ: вѣдь, она, Татьяна Ивановна, была такъ сейчасъ счастлива. Время отъ времени она наблюдала Наташу. Дѣвочка сначала косилась на старуху, а потомъ равнодушно занялась опять своими бутербродами.

— Вотъ что, Каролина Карловна,—заговорила Татьяна Ивановна, набирая воздуху (ей было тяжело говорить).—Жили мы съ вами, не ссорились и разстанемтесь по-хорошему, друзьями. Жить я у васъ больше не могу, и вы знаете почему. Имѣя дѣвочку на рукахъ, я не могу вести прежній образъ жизни. Надоѣло и... не хорошо. Я еще молода, могу работать... Однимъ словомъ, какъ-нибудь устроюсь.

— Знаю, знаю... Теперь одинъ дѣвочка, а устроишь себѣ другой, какъ баронесса. Знаю... Теперь ты жилъ комната, будешь житъ на улица.

— Это ужь какъ Богъ дастъ. Нужно намъ сосчитаться. По моимъ разсчетамъ, я вамъ ничего не должна.

— Будемъ посмотрѣть.

Каролина Карловна удалилась и долго что-то высчитывала и

писала у себя въ спальнѣ. Результатомъ этой удивительной математики оказалось то, что Татьяна Ивановна была должна за три мѣсяца за квартиру, за два платья, за прошлогоднюю шляпу, за извощиковъ и т. д. Получалась солидная сумма рублей въ четыреста. Эта сумма ошеломила дѣвушку. Произошла горячая сцена повѣрки счетовъ. По небрежности Татьяна Ивановна ничего не записывала и всѣ расходы прикидывала только приблизительно въ умѣ.

— Вы на меня насчитали, Каролина Карловна.

— Я? Я все записывалъ.

— Что же я буду дѣлать? Денегъ у меня сейчасъ нѣтъ. Могу вамъ оставить въ обезпеченіе только свои тряпки и золотыя бездѣлушки. Берите, если у васъ рука поднимется. Вы не у меня отнимаете послѣдній кусокъ хлѣба, а вотъ у этого несчастнаго ребенка... Впрочемъ, что тутъ говорить: какъ все пришло, такъ и ушло.

Каролина Карловна по части разсчетовъ была неумолима и торжествовала впередъ. Но съ Татьяной Ивановной вдругъ произошла перемѣна. Дѣвушка гордо выпрямилась и проговорила совершенно спокойно:

— Берите все, Каролина Карловна. Мнѣ ничего не нужно. Да, ничего... Даже это будетъ лучше.

— Какъ лучше?

— А такъ... Однимъ словомъ, мы не поймемъ другъ друга.

Она даже улыбнулась и съ какимъ-то сожалѣніемъ посмотрѣла на жадную старуху, на ея ржавые глаза, на крючковатый носъ.

V.

Татьяна Ивановна очутилась въ томъ безвыходномъ положеніи, въ какое можетъ попасть только одинокая женщина, не имѣющая никакой посторонней поддержки. У нея былъ разсчетъ на то, что первое время она просуществуетъ, закладывая ненужныя для нея вещи, а теперь все это оставалось въ рукахъ Каролины Карловны. Это было тяжелое и горькое испытаніе. Куда идти? съ кѣмъ посовѣтоваться? Конечно, къ «баронессѣ», которая должна была все знать.

«Баронесса» жила въ глубинахъ Песковъ, въ деревянномъ флигелькѣ, стоявшемъ на дворѣ. Крошечная квартирка въ три комнаты выходила окнами въ стѣну сосѣдняго каменнаго дома. Татьяна Ивановна отправилась къ ней пѣшкомъ, чтобы не тратить денегъ на извощика, и взяла съ собой Наташу. Она ужасно устала.

Къ счастію, «баронесса» была дома и встрѣтила гостью съ распростертыми объятіями.

— Ну, слава Богу!—повторяла она, обнимая Наташу.—Поздравляю, Татьяна Ивановна. Теперь нужно устраиваться по-новому.

— Да, нужно. Для начала мутерхенъ выгнала меня на улицу. Вотъ все, что есть на себѣ.

Татьяна Ивановна присѣла къ столику и заплакала. На нее удручающее впечатлѣніе произвела бѣдная обстановка квартиры «баронессы», бѣдно одѣтыя дѣти, вообще вся та приличная нищета, которая проникаетъ всюду, какъ ржавчина. Старшему сыну «баронессы» было около шести лѣтъ, какъ Наташѣ, за нимъ шли двѣ дѣвочки—одна четырехъ, а другая—двухъ лѣтъ. Дѣти столпились около Наташи и разсматривали ее съ тѣмъ безцеремоннымъ любопытствомъ, какъ это умѣютъ дѣлать только дѣти.

— Какъ же это такъ, а?—повторяла растерявшаяся «баронесса».—Вотъ ужь этого я не ожидала отъ матери... И для чего ей? Все у нея есть.

— Считаетъ, что я должна ей больше четырехсотъ рублей.

— А она не считаетъ того, что цѣлыхъ два года жила на вашъ счетъ? Наконецъ, она по закону не имѣетъ права захватывать такія вещи, какъ кровать, необходимое платье, швейная машина. Вотъ мужъ придетъ со службы, и онъ то же скажетъ. Нѣтъ, такъ нельзя!

— Ну, да это устроится все помаленьку. А вотъ какъ вы находите дѣвочку? Она очень миленькая... и будетъ хорошенькая.

Немного успокоившись, Татьяна Ивановна подробно разсказала всѣ свои похожденія. Наташа слушала очень внимательно и когда дѣло дошло до Моркотиной, расплакалась.

— Хочу къ мамкѣ... не хочу въ городѣ жить...—потворяла она, захлебываясь отъ слезъ.

— Ничего, помаленьку привыкнетъ,—успокоивала «баронесса».—Кстати, Татьяна Ивановна, можно на первое время устроиться такъ: я вамъ уступлю вонъ ту маленькую комнатку. Пока устроитесь и живите въ ней съ Наташей, а мы ничего, потѣснимся какъ-нибудь. Весна на дворѣ, а ребятишки цѣлые дни будутъ на улицѣ. У насъ тутъ есть близко скверъ, такъ они тамъ толкутся.

— Мнѣ будетъ совѣстно васъ стѣснять, Катерина Петровна.

— Э, что за совѣсть! Вѣдь, только пока, а тамъ и свою квартиру наймете.

Такъ разъ мужъ пришелъ со службы. Это былъ бородастый, среднихъ лѣтъ мужчина въ какой-то желѣзнодорожной формѣ,—

онъ служилъ на желѣзной дорогѣ. Простое и серьезное лицо понравилось Татьянѣ Ивановнѣ.

— Домой Иванъ Семенычъ приходитъ только ѣсть да спать,—объясняла «баронесса», приготовляя на столѣ все необходимое для обѣда.—У нихъ служба трудная. И отвѣтственность при этомъ.

— Служба, какъ служба,—скромно замѣтилъ Иванъ Семенычъ.

— И жалованье маленькое.

Гостья внимательно вглядывалась въ лицо хозяина и старалась про себя рѣшить, почему оно такое хорошее—не красивое, а именно хорошее. Что-то такое правдивое было въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи.

— Въ самомъ дѣлѣ, переѣзжайте къ намъ, Татьяна Ивановна,—продолжалъ онъ, выслушавъ планъ своей «баронессы».—Тѣсненько, правда, но въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, какъ говоритъ пословица. Не правда ли, Катя?

— Сегодня и переѣзжайте, а я все приготовлю.

Ждать Татьянѣ Ивановнѣ было нечего и она переѣхала въ тотъ же день. Все имущество она привезла на одномъ извощикѣ. «Баронесса» только покачала головой. Фрау Дрангъ, провожая жилицу, даже прослезилась.

— Мнѣ жаль васъ, Каролина Карловна,—говорила Татьяна Ивановна на прощанье.—Когда я вела дурную жизнь, вы ничего мнѣ не говорили, а бранитесь теперь, когда я хочу жить своимъ трудомъ.

Устройство на новой квартирѣ заняло всего нѣсколько минутъ. Комната была всего въ одно окно. У внутренней стѣны стояла дѣтская кроватка, а напротивъ большой приземистый диванъ, на которомъ Татьяна Ивановна должна была спать. Столъ у окна, коммодъ въ углу, нѣсколько стульевъ—вотъ и вся обстановка. Съ какимъ нетерпѣніемъ дѣвушка ждала момента, когда останется, наконецъ, съ дочерью съ глазу на глазъ! Наташа ко всѣмъ перемѣнамъ относилась какъ-то пассивно.

— Тебѣ скучно съ мамой, дѣточка?

— Н-нѣ-е...

Дѣвочка не знала самаго слова: «скучно», и только съ удивленіемъ смотрѣла на мудреную городскую маму. Въ дѣтской душѣ оставалась еще крѣпкая надежда, что все это пока и что мама увезетъ ее опять въ деревню, къ настоящей мамкѣ. Эта замкнутость ребенка непріятно дѣйствовала на Татьяну Ивановну, точно она стучалась въ запертую дверь и не получала отвѣта. Она даже стѣснялась приласкать дѣвочку, какъ это ей хотѣлось. «Ужь моя ли эт»

дѣвочка?—съ тоской думала Татьяна Ивановна, въ сотый разъ разглядывая родимыя пятна на рукѣ.— Вѣдь, должно же въ ней сказаться органическое чувство къ родной матери. Вотъ я, я чувствую, что она моя».

— Пусть дѣвочка осмотрится,—совѣтовала «баронесса».—А когда привыкнетъ, тогда все само собой будетъ. У дѣтей память короткая. Послѣ деревни-то трудно привыкать къ городу.

«Баронесса» принимала самое дѣятельное участіе въ каждомъ шагѣ своихъ жильцовъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за процессомъ прирученія Наташи. Татьяна Ивановна часто чувствовала на себѣ ея пристальный взглядъ и смущалась, точно была въ чемъ-то виновата. Впрочемъ, теперь было не до психологическихъ анализовъ. Шли послѣднія недѣли великаго поста, и «баронесса» раздобыла откуда-то работы. Въ магазинахъ и мастерскихъ шла отчаянная спѣшка и работу охотно давали на домъ. Татьяна Ивановна умѣла порядочно шить, и это было большимъ подспорьемъ. Въ сутки она могла заработать около рубля, т.-е. въ сутки настоящей швеи, состоящія изъ восемнадцати рабочихъ часовъ. Въ маленькой каморкѣ затрещала швейная машинка, точно неугомонный сверчокъ. Первые дни дались, правда, трудно, а потомъ Татьяна Ивановна понемногу привыкла и даже полюбила свою работу. Вѣдь, она теперь существовала уже своимъ трудомъ, ѣла свой собственный трудовой хлѣбъ, а это придавало и силы, и увѣренность въ самой себѣ. Вѣдь когда-то она работала въ магазинѣ, правда, очень давно, и старая привычка къ тяжелому труду сказалась. За шитьемъ такъ хорошо думается. Машинка трещитъ, тянется безконечная стежка, а въ головѣ мысли такъ и бѣгутъ, точно по дорожкѣ. Ахъ, какъ много этихъ мыслей и какія тяжелыя мысли! Даже духъ захватывало, и Татьяна Ивановна только закрывала глаза, точно боялась ихъ увидѣть открытыми глазами.

Видѣла Татьяна Ивановна себя совсѣмъ маленькою дѣвочкой. Больной отецъ чиновникъ страшно кашлялъ, мать убивалась надъ работой, дѣтей было трое, и всѣ дѣвочки. Старшія сестры учились въ гимназіи, а маленькая Таня осталась безъ всякаго образованія, потому что отецъ умеръ какъ разъ въ то время, когда ее нужно было отдавать въ гимназію. Какое ужасное слово: бѣдность, въ частности — петербургская бѣдность! Отвратительныя каморки, вѣчные займы, униженіе и голодовка. Двѣнадцати лѣтъ Таня очутилась въ модномъ магазинѣ и въ теченіе четырехъ лѣтъ прошла тяжелую школу петербургской швейки. Чего-чего она тутъ ни насмотрѣлась и ни натерпѣлась. Страшно даже вспомнить. Старшія

сестры въ это время успѣли выйти замужъ въ провинціи, мать перебивалась какою-то микроскопическою пенсіей. Старушка отъ нужды, непосильной работы и глодавшей ее всю жизнь нужды впала въ какое-то дѣтство. Таня бывала у нея иногда по праздникамъ, и эти побывки были для нея тяжелѣе всего.

— Для чего я родила тебя дѣвочкой, несчастная?—повторяла старуха, глядя на нее слезившимися глазами.—Ахъ, еслибъ ты была мальчикомъ!

— А что бы было, мама?

— Ахъ, совсѣмъ другое, совсѣмъ другое!... Это несчастіе родиться въ Петербургѣ дѣвочкой. Ты еще молода, глупа и ничего не понимаешь.

Скоро Таня поняла эту роковую разницу, которая отдѣляетъ петербургскихъ дѣвочекъ отъ петербургскихъ мальчиковъ. Ея магазинный курсъ кончался, и она получила извѣстную самостоятельность. Старшія подруги посвятили ее въ то, о чемъ она знала только по слухамъ. Къ ея несчастію, она была красива и вдобавокъ имѣла довольно хорошій голосъ. Послѣднее ее и погубило. Въ шестнадцать лѣтъ Таня очутилась на подмосткахъ довольно скверннаго загороднаго театрика, куда поступила хористкой. Здѣсь о какой-нибудь работѣ не могло быть и рѣчи. Недавнія подруги по мастерской такъ откровенно завидовали ей, считая ее счастливицей.

Жизнь понеслась бурною волной. Здѣсь всѣ плыли по теченію, не думая о завтрашнемъ днѣ. «Что же? Не одна я такая-то»,—утѣшала себя Таня. И дѣйствительно, она была не одна. Въ хорѣ служило до тридцати дѣвушекъ, получавшихъ такое микроскопическое жалованье, на которое могла существовать развѣ самая скромная комнатная муха. Приходилось прибѣгнуть къ косвеннымъ доходамъ, какъ это дѣлали всѣ другія. Собственно жизнь проходила въ какомъ-то чаду. День спали, а работа начиналась только вечеромъ, когда зажигались электрическіе фонари. Заканчивалась эта работа отдѣльными кабинетами, гдѣ кутили запоздавшіе гости. Деньги швырялись полною горстью, и въ головѣ начинающей хористки перевернулись вверхъ дномъ всѣ понятія о жизни, добрѣ и злѣ. Жили, вѣдь, только здѣсь, а остальные жалко пресмыкались. Окончательно погубило Таню то, что она, благодаря голосу и счастливой наружности, скоро перешла на амплуа солистки и сразу выдвинулась изъ общей массы. Аплодисменты, вызовы, подарки и всякіе знаки вниманія благодарной садовой публики окончательно вскружили ей голову. Омутъ столичнаго разгула закружилъ ее въ

оловой. О ней даже печатали въ газетахъ, какъ о «начинающей звѣздочкѣ».

Здѣсь же разыгрался и первый романъ, закончившійся очень трагически. Солистка Таня, какъ ее называли въ труппѣ, влюбилась въ режиссера, человѣка пожилого и некрасиваго, но почему-то пользовавшагося большимъ успѣхомъ у садовыхъ женщинъ. Результатомъ романа явилась беременность. Режиссеръ, конечно, бросилъ ее на произволъ судьбы, а самъ уѣхалъ съ новою жертвой куда-то на югъ. Осень Таня кое-какъ протянула, работая въ одномъ изъ зимнихъ садовъ, а потомъ должна была оставить сцену. Первый опытъ былъ слишкомъ жестокъ, и появленіе Наташи не дало той радости, которую приноситъ матери первый ребенокъ. Въ отчаяніи солистка Таня отдала его въ воспитательный домъ. Это и была маленькая Наташа.

Странно, что появленіе ребенка не вызвало материнскихъ чувствъ. Они были подавлены въ зародышѣ ненавистью къ отцу и мыслью о томъ, что, все равно, съ ребенкомъ на рукахъ она не могла бы существовать честнымъ трудомъ, а тѣмъ больше не могла оставаться солисткою Таней. Въ результатѣ осталась какая-то озлобленность.

Нужно было жить, и жизнь покатилась. Какъ прошли цѣлыхъ пять лѣтъ — Татьяна Ивановна не могла бы отвѣтить, какъ человѣкъ въ состояніи угара плохо сознаетъ, что дѣлается съ нимъ. День за днемъ летѣли съ поразительною быстротой, тѣмъ болѣе, что она пользовалась извѣстнымъ успѣхомъ, за ней ухаживали, ея имя на афишѣ привлекало публику. Но, несмотря на успѣхъ, озлобленность ее не оставляла. Она больше никому не довѣряла и всѣхъ мужчинъ считала подлецами. О, она слишкомъ хорошо знала ихъ! О дѣвочкѣ, отданной въ деревню на воспитаніе, она вспоминала только тогда, когда появлялась Агаѳья за подачкой. Разъ даже у Татьяны Ивановны являлось желаніе увидѣть ребенка, но оно сейчасъ же заглохло подъ давленіемъ сознанія, что какая она мать и какими она глазами будетъ смотрѣть на это ни въ чемъ неповинное существо? Закончился этотъ бурный періодъ тѣмъ, что Татьяна И новна простудилась на одномъ зимнемъ пикникѣ и потеряла го- л ъ. Деньги, какія были, ушли на леченье, а затѣмъ пришлось к то перемѣнить образъ жизни. Именно въ этотъ критическій мо- м нтъ Татьяна Ивановна и поступила подъ крылышко фрау Дрангъ. У нея оставались еще кое-какія старыя знакомства, и она жила на о атки своей недавней популярности, появляясь въ модныхъ ка- б ахъ въ качествѣ одной изъ шикарныхъ ces dames.

Оставался одинъ шагъ до открытой торговли собой, не прикры той уже никакою иллюзіей, и только тутъ Татьяна Ивановна опо мнилась. Въ первую минуту она такъ возненавидѣла и себя, и сво прошлое, что хотѣла отравиться. Ее спасло только знакомство съ «баронессой», чутьемъ угадавшей, что съ ней дѣлается. Материнство «баронессы» открыло глаза Татьянѣ Ивановнѣ.

Вотъ о чемъ думала и передумывала Татьяна Ивановна, цѣлые дни работая на своей машинкѣ. Ее охватывалъ какой-то ужасъ при одномъ воспоминаніи о прошломъ, и она опять ненавидѣла себя. Ей показалось, что Наташа чувствуетъ къ ней инстинктивное отвращеніе, какъ къ нечистому животному, и эта мысль ее убивала. Она не могла въ этомъ случаѣ быть откровенной даже съ «баронессой», потому что есть вещи, о которыхъ не говорятъ. Успокоивала ее только одна работа, вѣрнѣе—чисто-физическое утомленіе.

За то какъ хороша была эта первая трудовая Пасха, это заработанное тяжелымъ трудомъ воскресенье! У Наташи явилось первое новенькое ситцевое платье, новые башмачки, шляпка и осеннее пальто, — все было свое, кровное и Татьяна Ивановна гордилась этими пустяками.

— Мы пойдемъ въ самую маленькую церковь встрѣчать Христа,—говорила она «баронессѣ».—Когда я была маленькою дѣвочкой, то всегда ходила вмѣстѣ съ мамой.

Нашлась и маленькая церковь. Татьяна Ивановна молилась со слезами на глазахъ, и молилась не о себѣ, а о своей дѣвочкѣ, передъ которой чувствовала себя такою виноватой. Ей казалось, что это для нея служатъ, для нея поютъ, для нея всѣ радуются, — вѣдь, она воскресла для другой жизни.

VI.

— Вы счастливая, Татьяна Ивановна,—говорила «баронесса», когда Татьяна Ивановна вскорѣ послѣ Пасхи нашла себѣ мѣсто продавщицы въ одномъ изъ модныхъ магазиновъ.—Это вамъ Богъ на дѣвочку посылаетъ.

Мѣсто было неважное, всего на двадцать пять рублей, но за то постоянное, а это много значило для маленькаго хозяйства. Прежде всего, Татьяна Ивановна наняла себѣ маленькую квартирку въ двѣ комнаты и была такъ счастлива этимъ своимъ угломъ, какъ никогда. Было только одно неудобство, именно, что ей приходилось оставлять дѣвочку одну, съ прислугой. Вечера, положимъ, были свободны, но дѣвочка въ это время уже ложилась спать. Свободными

оставались праздники, когда Татьяна Ивановна могла цѣлый день посвящать своей Наташѣ. Это были счастливые дни, и мыслью о нихъ дѣвушка жила всю трудовую недѣлю. Заработанныхъ средствъ, конечно, не хватало, и Татьяна Ивановна боролась съ обступавшею ее кругомъ нуждой съ героизмомъ всѣхъ бѣдныхъ truженицъ. Она экономила на своихъ платьяхъ, на обуви, на пищѣ, только бы свести концы съ концами. Нѣкоторымъ подспорьемъ являлась частная работа, которую дѣвушка брала на праздники, а отчасти исполняла по вечерамъ, когда Наташа спала въ своей кроваткѣ.

Вся жизнь Татьяны Ивановны сосредоточивалась теперь въ дочери. Она не могла себѣ представить, какъ бы могла жить безъ нея. Мысль о дѣвочкѣ являлась для нея чѣмъ-то магическимъ, что заслоняло всѣ житейскія невзгоды, непріятности и непосильный трудъ. Сидя вечеромъ за работой и прислушиваясь къ ровному дыханію ребенка, дѣвушка часто удивлялась, какъ она могла жить раньше, какъ не умерла просто отъ стыда? Наташа являлась провѣркой всей ея жизни и во всѣхъ случаяхъ она, прежде всего, думала о ней: а какъ Наташа? Это былъ центральный пуктъ, изъ котораго исходило уже все остальное. Любуясь иногда на тихо спавшую дѣвочку, Татьяна Ивановна часто съ тоской думала о томъ, какое будущее ждетъ вотъ эту дѣтскую русую головку. Ей дѣлалось страшно, потому что она сама можетъ заболѣть, умереть, и дѣвочка очутится на улицѣ. Это была ужасная мысль, тѣмъ болѣе, что Татьяна Ивановна именно въ эти минуты чувствовала особенно ярко свое полное одиночество. Вонъ у другихъ дѣтей есть отцы, взрослые братья и сестры. Нѣтъ, лучше не думать о такихъ вещахъ?

Вся жизнь Татьяны Ивановны измѣрялась теперь однимъ словомъ: Наташа. Весь ея трудовой день, каждая свободная минута, каждая копѣйка, каждая мысль, каждое движеніе,—все это сосредоточивалось, какъ въ центрѣ, въ ребенкѣ. А Наташа оставалась все такимъ же дичкомъ и ужасно тосковала по своей деревнѣ, грязной мамкѣ Агаѳьѣ, о пьяномъ тятькѣ Андреѣ.

— Тебѣ скучно, дѣточка? — часто спрашивала Татьяна Ивановна, любовно заглядывая въ дѣтскіе глаза.

— Да...—отвѣчала дѣвочка; она уже теперь знала, что такое «скучно».

— Въ деревнѣ лучше?

— Куды лучше...

— Нужно говорить: куда.

Наташа не могла отвыкнуть отъ деревенскихъ словъ и приво-

дила Татьяну Ивановну въ отчаяніе своимъ произношеніемъ. Напримѣръ, Наташа по-новгородски говорила «оны», вмѣсто они. Дѣвочка, вообще, какъ-то сторонилась матери и часто смотрѣла на нее «чужими глазами», какъ называла про себя Татьяна Ивановна этотъ недовѣрчивый дѣтскій взглядъ. Конечно, время должно было сдѣлать свое дѣло, но, вѣдь, приходилось ждать, ждать и ждать, когда на сердцѣ скребли кошки. Лѣтомъ Татьяна Ивановна по праздникамъ ходила гулять съ дѣвочкой, чтобы развлечь ее. Побывали въ Лѣтнемъ саду, въ Таврическомъ, въ Зоологическомъ, разъ даже ѣздили на пароходѣ на острова,—Наташѣ было, все-таки, скучно.

Внутренно Татьяна Ивановна переживала тяжелое испытаніе. Изо дня въ день велась упорная борьба между материнскою любовью и дѣтскимъ равнодушіемъ. Наташа не сдавалась. Это маленькое дѣтское сердце было глухо и слѣпо къ окружавшей его атмосферѣ любви. Татьяна Ивановна приходила въ отчаяніе и потихоньку плакала. Да, это была ужасная кара за ея прошлое. По-своему, вѣдь, ребенокъ былъ совершенно правъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разобрать серьезно, какая она мать? Развѣ матери бросаютъ дѣтей на произволъ судьбы, откупаясь отъ нихъ деньгами? Конечно, дѣвочка сейчасъ не умѣла ей сказать всего, но это не мѣшало ей чувствовать и, затѣмъ, вѣдь, придетъ то время, когда она ей скажетъ *это*. Да, скажетъ. И никакой искусъ, никакой подвигъ, ничто не покроетъ этого жалкаго прошлаго.

Прошло полгода, прежде чѣмъ Татьяна Ивановна рѣшилась спросить дочь:

— Наташа, а ты меня любишь? Ну, немножечко, чуть-чуть?

Дѣвочка посмотрѣла на нее «чужими глазами» и отрицательно покачала головой.

— Н-нѣ-е...

— Нужно говорить: нѣтъ. Да, вѣдь, я твоя мама? Понимаешь, ма-ма... Настоящая твоя мама. Другой у тебя мамы нѣтъ...

— Нѣтъ, не мама... Мамка осталась въ деревнѣ.

— А ту мамку любишь?

— Люблю.

Это было ужасно. Настоящая драма и, какъ всѣ настоящія драмы, она разыгрывалась въ самыхъ простыхъ, наивныхъ формахъ. Искренніе отвѣты дѣвочки приводили Татьяну Ивановну въ отчаяніе. А что она могла подѣлать? Дѣтское сердце не купишь.

Стояла уже осень, настоящая петербургская гнилая осень. У Татьяны Ивановны было очень плохонькое осеннее пальто, а купить новаго было не на что. Часто она возвращалась домой съ

мокрыми ногами,— вопросъ о новыхъ калошахъ являлся неразрѣшимымъ. А эти темные осенніе вечера, когда дождь хлещетъ, завываетъ вѣтеръ, и кругомъ разстилается какая-то мокрая тоска! Хорошо тому, у кого есть свой теплый уголъ, семья, хорошіе знакомые, гдѣ можно, по крайней мѣрѣ, выговориться и отвести душу. У Татьяны Ивановны была только одна «баронесса», и она изрѣдка отправлялась къ ней повѣрить свое горе.

— Трудно вамъ, милая,— соглашалась «баронесса».— Дѣвочка, конечно, привыкнетъ и броситъ эту деревенскую дичь. А главная причина, что сами-то вы еще такая молодая, Татьяна Ивановна... Одурь возьметъ сидѣть одной въ четырехъ стѣнахъ.

— Ну, какая я молодая! Все это пустяки!

«Баронесса» уже не разъ стороной заводила рѣчь объ этомъ одиночествѣ, и Татьяна Ивановна даже краснѣла, чувствуя, куда она клонитъ. Съ другой стороны, «баронесса» заводила политичный разговоръ о разныхъ «хорошихъ людяхъ». Вотъ, напримѣръ, конторщикъ въ багажномъ отдѣленіи, какой скромный молодой человѣкъ. Какъ-то приходитъ съ мужемъ — красная дѣвушка. Были у «баронессы» на примѣтѣ и другіе хорошіе люди: аптекарскій ученикъ, прикащикъ изъ мануфактурнаго магазина, служащій въ ссудной кассѣ и т. д.

— Никогда мнѣ объ этомъ ничего не говорите,— замѣтила разъ Татьяна Ивановна, еще болѣе краснѣя.— Замужъ я не пойду...

— Пустяки! Только нашелся бы хорошій человѣкъ, по сердцу...

— А Наташа? Да я и не желаю заѣдать чужую жизнь.

— И Наташѣ будетъ лучше. Вдвоемъ-то вотъ какъ заживете.

— Нѣтъ, нѣтъ... никогда!... Я свое уже все прожила и теперь могу жить только для дочери. Вы этого не можете понять, Катерина Петровна, поэтому не будемте говорить. Не огорчайте меня.

— Какъ знаете. А я такъ, жалѣючи васъ же, сказала...

— Нѣтъ, ужь лучше не жалѣйте.

Эти наговоры «баронессы» ужасно разстроивали Татьяну Ивановну и, возвратившись домой, она каждый разъ горько плакала. Ее огорчало больше всего то, что добрая и хорошая «боронесса» дѣлала ей больно и не понимала этого. Вѣдь, у нея, у Татьяны Ивановны, нѣтъ и не можетъ быть будущаго,— зачѣмъ же трогать больное мѣсто? Какою семейною женщиной она можетъ быть и какой этотъ «хорошій человѣкъ», который будетъ смотрѣть, какъ на его жену будутъ указывать пальцами? Нѣтъ, въ жизни все идетъ съ странною послѣдовательностью и одно связано съ другимъ. Татьяна Ивановна теперь часто про себя повторяла все то, что случи-

лось съ момента, когда она отправилась за ребенкомъ въ Моркотину. Вотъ она ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, вотъ ночь на постояломъ дворѣ, вотъ благочестиво-безсовѣстный Митрій Митричъ, вотъ добродушно-нахальный ямщикъ Иванъ, а тамъ первая встрѣча съ Наташей, сцена отъѣзда, появленіе въ городѣ, исторія съ фрау Дрангъ,—все одно съ другимъ связано, какъ кольца желѣзной цѣпи. Дѣвушка тысячу разъ проходила по этому пути и не находила именно того, къ чему стремилась: Наташа была ей чужой. Можетъ быть, единственный разъ въ жизни она поступила по совѣсти, и изъ этого ровно ничего не выходитъ, т.-е. не выходитъ главнаго.

Наступила зима. Петербургскія улицы точно принарядились. Скучающая столичная публика точно почувствовала себя бодрѣе. Легкій морозецъ заставлялъ всѣхъ торопиться, щипалъ носы и румянилъ щеки. Только бѣдные люди почувствовали себя еще бѣднѣе. Маленькія квартирки отсырѣли, а мысль о дровахъ являлась настоящею мукой. То же было и съ Татьяной Ивановной: ее съѣдала сажень дровъ. Да, эта статья расхода вышибала ее изъ бюджета. Необходимо было прибавить еще пять рублей, а гдѣ ихъ взять? Потомъ нужна была шубка, зимнее платье, обувь, а доходы оставались тѣ же. На двадцать пять рублей хоть разорвись, а, все равно, ничего не выйдетъ, кромѣ этихъ же двадцати пяти рублей. Бѣдность обступала все тѣснѣе, точно сжимался какой-то роковой кругъ, изъ котораго не было выхода.

Выручала, какъ могла, все та же «баронесса», хотя пользоваться ея благодѣяніями Татьянѣ Ивановнѣ и было очень тяжело. «Баронесса» отдала свою шубку, теплую юбку, чулки и готова была, кажется, снять съ себя кожу. Часто, глядя на нее, Татьяна Ивановна съ смущеніемъ думала про себя, что сама она такъ не могла бы сдѣлать, и эта мысль заставляла ее стыдиться. Да, она не могла бы отдать послѣдняго.

Разъ незадолго до Рождества Татьяна Ивановна пришла къ «баронессѣ» совершенно разстроенная. Такой она еще не бывала.

— Милая, вы больны?—встревожилась «баронесса».—На васъ лица нѣтъ, голубушка.

— Нѣтъ, ничего.

— Что-нибудь случилось?

Татьяна Ивановна присѣла къ столу и разрыдалась, горько и безпомощно, какъ плачетъ наболѣвшее горе. «Баронесса» отпаивала ее холодною водой, говорила какія-то слова и вообще ухаживала, какъ за больнымъ ребенкомъ.

— Все устроится понемножку, Татьяна Ивановна. Богъ не

безъ милости, а козакъ не безъ счастья. Когда бываетъ трудно, нужно думать о другихъ, которымъ еще труднѣе. Вѣдь, подумайте, есть больные люди, которые совсѣмъ не могутъ работать. Конечно, вамъ трудненько достается, а, все-таки, помаленьку да потихоньку устроимся какъ-нибудь. Зима пройдетъ, тогда и дровъ будетъ не нужно.

— Ахъ, не то, совсѣмъ не то, Катерина Петровна! Мнѣ просто сдѣлалось и страшно, и тошно. Все мнѣ тошно... да.

— Ну, это такъ, пройдетъ.

— Нѣтъ, я знаю свой характеръ. У другихъ это проходитъ, а у меня останется.

Она посмотрѣла на «баронессу» своими заплаканными глазами и проговорила съ такимъ трудомъ, точно отрывала каждое слово:

— Знаете что, Катерина Петровна? Мнѣ кажется, да, мнѣ кажется, что я... я не люблю Наташу... да.

— Что вы, Татьяна Ивановна, Богъ съ вами!... Что вы говорите? Опомнитесь... Нужно молиться, когда такія мысли приходятъ въ голову.

— Больше скажу: я ее начинаю ненавидѣть.

— Ребенка? Нѣтъ, не говорите, не говорите... Вы сами не помните, что̀ говорите. Этого не можетъ быть.

— Я сама испугалась... Мнѣ сдѣлалось такъ страшно, точно кругомъ все потемнѣло. Я не умѣю вамъ даже объяснить, что̀ чувствую.

— Миленькая, не думайте ничего, а будемте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Это отъ заботы да отъ нужды. Бываетъ, что человѣкъ помутится. Господь съ вами.

«Баронесса» даже перекрестила Татьяну Ивановну и долго цѣловала ея заплаканное лицо, остававшееся красивымъ даже въ горѣ.

— Вѣдь, я живу, какъ тѣнь,— шептала Татьяна Ивановна и неожиданно улыбнулась.— Иду какъ-то вечеромъ изъ своего магазина, а ко мнѣ присталъ молодой человѣкъ. Бѣжитъ за мной собачкой... «Позвольте проводить, барышня?» Я молчу. Онъ все за мной... Мнѣ, наконецъ, это надоѣло. Остановилась и говорю: «Что вамъ нужно, несчастный? Развѣ вы не видите, что идетъ не человѣкъ, не женщина, а тѣпь женщины? Понимаете, идетъ смерть?» Какъ онъ отъ меня ударится въ сторону... Глупый такой!

— Вотъ видите, какія у васъ нехорошія мысли. Раньше смерти никто не умретъ, а вотъ о дѣвочкѣ-то вы нехорошо сказали... Ахъ, какъ нехорошо!

— А если это правда? Знаете, я постоянно думаю о ней, и мнѣ кажется, что мы сдѣлали ошибку. Каролина Карловна тогда была права... Росла бы Наташа въ своей деревнѣ и выросла здоровою деревенскою дѣвушкой. Вѣдь, есть хорошія деревенскія дѣвушки... А потомъ вышла бы замужъ за деревенскаго парня и была бы счастлива. Вѣдь, это мы думаемъ, что только и свѣту въ окнѣ, что жить въ Петербургѣ... Развѣ это жизнь?... Я не о себѣ говорю, а про нее. У меня сердце все изболѣлось, изныло... Иногда мнѣ кажется, что я просто начинаю сходить съ ума.

— Не нужно такія слова говорить, родная.

Въ концѣ-концовъ, «баронессѣ», все-таки, удалось разговорить гостью, и Татьяна Ивановна вернулась домой успокоенная. Даже больше, у нея наступила реакція. Наташа крѣпко спала въ своей кроваткѣ, и Татьяна Ивановна долго сидѣла у ея изголовья, любуясь этимъ прелестнымъ дѣтскимъ личикомъ. Вѣдь, дѣти всѣ хороши, потому что ихъ не коснулась еще ни одна темная мысль, ни одно нехорошее желаніе. Татьянѣ Ивановнѣ казалось, что она еще никогда такъ не любила свою дѣвочку. Она припала къ этому дѣтскому тѣльцу своею головой и въ такомъ положеніи забылась.

— Милая, родная... моя, моя, моя...— шептала она въ полузабытьи.

VII.

Зима Татьянѣ Ивановнѣ далась очень тяжело. Послѣ Масляницы она слегла въ постель. Болѣла голова, душилъ кашель, трепала лихорадка. Лечиться было не на что, и дѣвушка лежала одна-одинешенька. Она не хотѣла даже послать за «баронессой», потому что ее охватило какое-то холодное отчаяніе. Все равно, чѣмъ можетъ помочь «баронесса»? А какія были ужасныя ночи!... Какіе тяжелые сны и грёзы! Татьянѣ Ивановнѣ все казалось, что она опять ѣдетъ въ Моркотину, опять торгуется съ Митріемъ Митричемъ, опять воюетъ за свою Наташу и опять получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «нѣтъ, не мама...» Дѣвушка просыпалась въ какомъ-то ужасѣ, съ холоднымъ пòтомъ на лбу, и боялась закрыть глаза, чтобы роковой сонъ не повторился. Онъ ее измучилъ, этотъ сонъ, какъ повтореніе одного и того же.

— Мама больна...—говорила она игравшей гдѣ-нибудь Наташѣ.—Тебѣ не жаль мамы?

— Нѣтъ.

Татьяна Ивановна отвертывалась къ стѣнѣ, чтобы скрыть слезы.

Прохворать цѣлыхъ двѣ недѣли бѣдному рабочему человѣку стоило дорого. Работа въ магазинѣ не ждетъ, и на ея мѣсто была нанята новая продавщица. Приходилось по выздоровленіи искать новаго мѣста, а, между тѣмъ, все было заложено, даже подушки. Не въ чемъ было выйти на улицу.

«Э, пусть!—съ ожесточеніемъ думала Татьяна Ивановна.— Все равно!»

Черезъ двѣ недѣли она поднялась съ постели и начала бродить по комнатѣ. Отъ болѣзни оставался кашель, мучившій ее по ночамъ, и лихорадка. За квартиру было не заплачено уже за цѣлый мѣсяцъ, кухаркѣ за два мѣсяца. Эта послѣдняя положительно отравляла жизнь своимъ ворчаньемъ, грубостями и просто нахальствомъ. И все приходилось переносить.

Начиналась опять весна. День сдѣлался длиннѣе. Яркое солнце заглядывало въ окна и при этомъ освѣщеніи убожество двухъ комнатъ Татьяны Ивановны выступало еще сильнѣе. Взглянувъ на себя въ осколокъ зеркала, взятый у кухарки, она испугалась. На нее смотрѣло такое исхудавшее, больное лицо, хотя еще сохранявшее слѣды недавней красоты. Неужели это она?

Разъ Татьяна Ивановна сидѣла за машинкой и кончала какую-то работу, взятую изъ магазина. Въ кухнѣ посышались спорившіе голоса. Кто бы это могъ придти? Къ ней никто не ходилъ. Скоро въ комнату ввалилась сама фрау Дрангъ, одѣтая въ бархатную кофточку и яркую шляпу.

— Здравствуй... Пришелъ тебя видѣть,—заявила она, протягивая жирную руку.—Какой ты худой сталъ... я говориль.

— Я была больна, Каролина Карловна. Только что встала съ постели.

Фрау Дрангъ долго искала глазами, гдѣ ей сѣсть, и помѣстилась на кровати. Она задохлась и тяжело дышала.

— Мой хотѣлъ давать на морда твой кухарка,—объяснила она, наконецъ.—О, это такой швинъ! Мой долго сердилъ на тебя... мой потомъ очень жалѣлъ... мой пришелъ... потому что мой не помнилъ зла.

Татьяна Ивановна молчала, предчувствуя какое-то тяжелое объясненіе. Она выслала Наташу въ кухню. Фрау Дрангъ нѣсколько разъ принималась оглядывать бѣдную обстановку квартиры и качала головой, какъ фарфоровый идолъ. Она усвоила себѣ привычку краситься и теперь была противно намазана.

— Такъ, такъ,—повторяла про себя фрау Дрангъ, провѣряя какую-то тайную мысль, принесенную съ собой.—Очень не хоро-

шо. Молодой женщинъ и такой бѣдность. Нѣтъ, не хорошо. И никому это не нужно... да. Ахъ, еслибъ ты слюшалъ старый Каролинъ Карловна!... Онъ тебѣ добра желалъ, Каролинъ Карловна, и сейчасъ добра желалъ.

Татьяна Ивановна сначала точно испугалась нежданной гостьи, а потомъ отнеслась къ ней совершенно дружелюбно. Даже была рада. Все-таки, живой человѣкъ. Да и смѣшная эта Каролина Карловна, если къ ней присмотрѣться.

— Вамъ очень меня жаль? — спрашивала дѣвушка. — А мнѣ жаль васъ.

— Послюшай, дуракъ, ти не болтай глюпости... Мой самъ хуже тебя былъ. Тогда жалѣлъ Каролинъ Карловна... Худой былъ, какъ шкилетъ изъ клиникъ убѣжалъ.

— Какъ я сейчасъ?

— О, ja... Мой долго дуракъ былъ.

— Знаю, знаю... А теперь васъ не мучитъ иногда совѣсть? Вотъ я, напримѣръ, знаю, зачѣмъ вы сейчасъ пришли. Говорите прямо.

Фрау Дрангъ поднялась, оглядѣлась кругомъ, хлопнула Татьяну Ивановну по плечу и, подмигнувъ, заговорила:

— *Онъ* приходилъ... *Онъ* спрашивалъ адресъ.

— Который *онъ?* Я ужь забыла.

— Глюпости, дуракъ... Развѣ онъ виноватъ, что богатъ? Почему бѣдный люди лючше?... Пфуй! Онъ тоже жалѣлъ, очень жалѣлъ... Онъ просилъ меня твой посмотрѣть и говорить... Онъ сказалъ одинъ слово, и у тебя опять былъ все. Все...

— Да? А дѣвочка какъ же?... Нѣтъ, Каролина Карловна, это дѣло нужно оставить.

— У меня былъ двѣ дѣвочки, а мой не умиралъ съ голоду. Ти—дуракъ. Посмотри на мой Лоти. О, это умный голова!... Пріѣзжалъ, ругалъ, плакалъ, уѣхалъ. Старый генералъ выгонялъ... Твой дѣвочка не будетъ лючше, когда ти помиралъ съ голодъ. Дѣвочка не понимайтъ.

— А зачѣмъ вы меня тогда ограбили, Каролина Карловна, и пустили въ одной рубашкѣ?

— Мой грабиль?... Твой дѣлалъ мнѣ зло, а не мой грабиль. . Пфуй!

Фрау Дрангъ была великолѣпна въ своей обезстыженной на[illegible]ности, и Татьяна Ивановна весело смѣялась. Да, ей было тепе[illegible]ь весело, какъ давно не было. Жизнь такъ проста, а она-то уб[illegible]вается. Нужно на все смотрѣть глазами Каролины Карловны... [illegible]ь

самомъ дѣлѣ, весело. Фрау Дрангъ тоже развеселилась и еще разъ хлопнула Татьяну Ивановну по плечу. Она сдѣлала такой видъ, что ушибла руку о худое плечо, и замѣтила:

— Шкилетъ... Бифтексъ нужно кушать, яйца, вино... Будетъ жирный плечо, а теперь пфуй!

— Подождите, будетъ и жиръ... какъ у васъ. Только, вѣдь, нужно совѣсть потерять и жиръ будетъ. Всѣ будутъ любоваться, хвалить... Развѣ много нужно? Вотъ только...

— Што только?

— Я боюсь «баронессы».

— Вотъ твой «баронесса»!

Фрау Дрангъ плюнула и растерла ногой. Что такое «баронесса»? Наплевать на «баронесса»... Она тоже подохнетъ съ голоду, потому что дура. Она всегда была дура и ничего не хотѣла понимать.

— Вотъ что, Каролина Карловна, мнѣ очень хотѣлось бы угостить васъ кофеемъ, да только его нѣтъ. У меня ничего нѣтъ... Вчера посылала кухарку продавать калоши и сегодня этимъ мы только сыты.

— Приходи ко мнѣ, куракъ... Отчего ты раньше не прихаживалъ?... Посмотри въ зеркало на свой морда... Каролинъ Карловна очень жалѣлъ дурака. Каролинъ Карловна все присылалъ: бѣлье, платье... А дѣвочка не понимайтъ... Совсѣмъ еще глупый дѣвочка.

— Хорошо, присылайте. Не бойтесь, ничего не заложу... Вы совершенно правы, Каролина Карловна.

Уходя домой, фрау Дрангъ уже въ дверяхъ проговорила:

— А Лоти того... свой генералъ по шапкамъ давалъ... У Лоти другой генералъ... старый-старый генералъ... А твой беретъ первый генералъ.

— Подумаю, Каролина Карловна.

— Тебѣ добра желаю, дуракъ.

Когда старуха ушла, Татьяна Ивановна долго сидѣла у окна и улыбалась. Какая это смѣшная Каролина Карловна!... А, въ сущности, если разобрать, такъ она по-своему совершенно права. Развѣ честнымъ трудомъ проживешь? Впрочемъ, остается въ запасѣ еще «хорошій человѣкъ»... Дѣвушка опять улыбалась, припоминая матримоніальную политику «баронессы». Въ самомъ дѣлѣ, или старый генералъ, выгнанный Лоти, или хорошій человѣкъ «баронессы»—другого выхода нѣтъ.

Такъ Татьяна Ивановна и просидѣла до самаго вечера, когда чухонка Ольга привезла ей посланные фрау Дрангъ костюмы.

— Ривезла,—объявила она, жадными глазами оглядывая бѣдную обстановку.

— Спасибо... Кланяйся.

У Татьяны Ивановны даже не было пятнадцати копѣекъ, чтобы дать чухонкѣ на чай. Ну, ничего, и такъ сойдетъ... Ольга прошла въ кухню и долго о чемъ-то шепталась съ кухаркой. Это таинственное совѣщаніе почему-то взволновало Татьяну Ивановну, хотя, въ сущности, ей рѣшительно было все равно.

Темнѣло. Грустныя эти петербургскія сумерки. Въ воздухѣ точно разлита какая-то глухая тоска. Дневной шумъ медленно замираетъ. Гдѣ-то звонитъ церковный колоколъ. Развѣ сходить, помолиться?... Говорятъ, дѣлается легче... Но Татьяна Ивановна не чувствовала въ себѣ молитвеннаго настроенія. Она зажгла лампу. Керосину оставалось часа на два, а купить новаго не на что. Въ долгъ лавочникъ не даетъ уже вторую недѣлю. Впрочемъ, не все ли равно?... Выраженіе лица дѣвушки было спокойное и рѣшительное.

— Наташа, ты хочешь спать?

— Я хочу ѣсть.

— Хорошо.

Въ запасѣ оставался кусокъ ржаного хлѣба, двѣ картофелины и крошечный кусочекъ масла. Это былъ обѣдъ Татьяны Ивановны, но она отказалась отъ него, чтобъ у Наташи былъ ужинъ. Дѣвочка все съѣла, вытерла по-деревенски ротъ рукой и успокоенно вздохнула.

— Теперь спать, дѣточка?

— Спать.

Татьяна Ивановна раздѣла Наташу и уложила въ кроватку. Дѣвочка такъ аппетитно потягивалась подъ своимъ одѣяльцемъ. Глаза у нея слипались.

— Ты спи, а я посижу около тебя, дѣточка... Дай мнѣ свою ручку. Вотъ такъ... Тебѣ хорошо? Ну, спи...

Тихо въ комнатѣ. Слышно только, какъ возится въ кухнѣ кухарка, точно крыса въ пустомъ амбарѣ. Что она могла тамъ дѣлать? Эта возня раздражала Татьяну Ивановну, мѣшала сосредоточиться на одномъ, что̀ было сейчасъ самое главное. Боже мой, какъ она была глупа!... Взять хоть сегодня, когда она смѣялась надъ сумасшедшею болтовней фрау Дрангъ. Вѣдь, старуха выжила совсѣмъ изъ ума и потеряла всякую совѣсть. А потомъ, зачѣмъ она согласилась, чтобъ ей принесли костюмы? Ничего не нужно, рѣши-

тельно ничего... И какъ легко, когда чувствуешь, что ничего не нужно.

Дѣвочка уже спала. Она была особенно мила въ своей постелькѣ. Такихъ дѣвочекъ рисуютъ даже на картинкахъ. Дѣвушка долго всматривалась въ это дѣтское личико, которое не отвѣтило ей ни одною улыбкой, ни однимъ взглядомъ, и тихо прошептала съ горькою улыбкой:

— Нѣтъ, не мама...

Да, это былъ смертный приговоръ, произнесенный дѣтскимъ языкомъ.

Потомъ Татьяна Ивановна начала разсматривать присланные фрау Дрангъ костюмы. Все это было когда - то нужно. А сейчасъ она не могла смотрѣть на нихъ безъ омерзенія, потому что опять видѣла себя разодѣтой въ шелкъ и бархатъ, видѣла тотъ омутъ, куда ведутъ бѣдныхъ дѣвушекъ вотъ такія платья, видѣла собственный позоръ. Неужели опять начинать все снова? Эта мысль заставила Татьяну Ивановну похолодѣть. Она начинала ненавидѣть себя,—ту себя, которая отъ бѣдности опять бросается въ омутъ головой. Одинъ голодъ чего стòитъ... А потомъ для Наташи какой дурной примѣръ, какой позоръ. Если она не могла признать въ ней своимъ дѣтскимъ сердцемъ родную мать, то, по крайней мѣрѣ, не должна за нее стыдиться.

Татьянѣ Ивановнѣ казалось, что она опять куда-то ѣдетъ, быстро-быстро ѣдетъ, вѣрнѣе—летитъ... Въ головѣ шумъ, передъ глазами мелькаютъ телеграфные столбы, за ней кто-то гонится... Нѣтъ, это она сама за собой гонится и слышитъ, какъ шумятъ шелковыя платья, гдѣ-то гудитъ пьяный опереточный мотивъ, гдѣ-то хохочутъ охрипшіе отъ пьянства голоса...

На другой день рано утромъ пришла «баронесса». Она уже слышала о визитѣ maman и явилась провѣдать пріятельницу. Татьяна Ивановна лежала на диванѣ совсѣмъ одѣтая. Голова была закинута, одна рука свѣсилась на полъ. На окнѣ валялся пузырекъ съ остатками какой-то бурой жидкости. Дѣвушка отравилась.

Наташу взяла къ себѣ на воспитаніе «баронесса».

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ГОЛУБОЙ ИБИСЪ *).

Романъ Жана Экара.

XVI.

Ночью, слѣдовавшею за отъѣздомъ Элизы, несчастный Марканъ, совсѣмъ измученный, заснулъ, наконецъ, уложивши Жоржа. Среди ночи его разбудилъ зовъ ребенка.

Марканъ подбѣжалъ къ сыну.

— Что тебѣ, мой мальчикъ?

Жоржъ видѣлъ страшный сонъ и перепугался. Ему приснился корабль, плывущій далеко-далеко въ морѣ. Вдругъ налетѣла буря. Его мама, навѣрное, была на этомъ кораблѣ, но видѣть ее Жоржъ не могъ. Онъ звалъ ее, только вѣтеръ мѣшалъ слышать его голосъ. Жоржъ слѣдовалъ за кораблемъ, который качало изъ стороны въ сторону, вотъ такъ и такъ. Какъ онъ слѣдовалъ за кораблемъ, онъ самъ не знаетъ. Потомъ корабль опрокинулся и пошелъ ко дну, какъ тотъ, который они видѣли на рейдѣ въ Агe, и ребенку представилось, будто его мама утонула. Онъ испугался и, проснувшись, сталъ звать папу.

Марканъ чувствовалъ, что вотъ-вотъ сойдетъ съ ума. Неужели вѣчною будетъ пытка слышать безпрерывно, какъ ребенокъ постоянно говоритъ о своей матери, зоветъ ее всѣми силами своей души, всею своею любовью, своимъ отчаяніемъ? Ни онъ, ни ребенокъ не вынесутъ этого! Марканъ сѣлъ около кроватки мальчика, взялъ его руки, сталъ говорить съ нимъ, попробовалъ разсказат что-то забавное, принимался даже пѣть. Но ничто не помогло, онъ лишь себя мучилъ безъ всякой пользы.

Марканъ телеграфировалъ старой служанкѣ Жерменѣ, чтоб она пріѣзжала какъ можно скорѣе, что Элиза очень больна, чт

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

Жермена нужна для ребенка. Онъ зналъ, что ему необходимо иногда покидать Жоржа, чтобы какъ-нибудь справляться съ несчастьемъ и жить для самого же ребенка.

Жермена явилась, накопецъ.

— Жермена, барыня уѣхала.

— Уѣхала?

— Да, Жермена. Мальчику надо говорить, что она путешествуетъ, что она вернется. Надо его какъ-нибудь утѣшать.

— Стало быть, она уже не вернется?

Марканъ пристально взглянулъ на служанку.

— Не вернется, Жермена.

Онъ проговорилъ это такимъ тономъ, что старая Жермена поняла, но ушамъ своимъ не повѣрила.

— Я убѣждена въ томъ, что она пріѣдетъ. Я не знаю, что тутъ произошло, но она вернется, это необходимо. Нельзя же уморить ребенка. Я-то хорошо его знаю, онъ безъ нея живъ не останется, ни она безъ него.

И началась новая жизнь, унылая, тяжелая, удручающая.

Марканъ былъ въ отпуску. Это-то самое время отпуска онъ предполагалъ провести такъ счастливо съ нею въ Италіи, влюбленною парочкой. Въ багажѣ, привезенномъ имъ изъ Парижа, былъ цѣлый сундукъ, наполненный подарками для Элизы. Марканъ не открылъ его, приказалъ отнести на вышку. А затѣмъ надо было написать дядѣ. Въ письмѣ онъ налгалъ, не желая писать о такихъ вещахъ, предполагая говорить о нихъ лично.

Марканъ подумывалъ и о томъ, не лучше ли будетъ покинуть Сенъ-Рафаэль, поѣхать путешествовать съ Жоржемъ. Но на него напала страшная апатія,—ничего онъ не желалъ, ничто его не интересовало. Онъ чувствовалъ, что жизнь покончена, покончена безвозвратно.

Жоржъ продолжалъ брать уроки у стараго учителя, но тотъ жаловался на постоянную разсѣянность ребенка, занятаго исключительно своимъ корабликомъ. Этотъ корабликъ сдѣлался мономаніей мальчика. Рѣшили отобрать игрушку, спрятали ее. Начались такіе раздирающіе душу крики, что пришлось возвратить пароходикъ. Жоржъ почти не ѣлъ или ѣлъ очень мало. Жермена приходила въ ужасъ. Приглашенный врачъ далъ такое заключеніе:

— Ребенокъ впечатлителенъ до крайности. Повидимому, онъ чѣмъ-то напуганъ... Есть что-то ненормальное, болѣзненное въ такой впечатлительности. Съ этимъ нельзя шутить. Я не знаю, какія обстоятельства препятствуютъ тому, чтобы къ ребенку возврати-

лась его мать. По моему мнѣнію, это единственное для него лѣкарство. Онъ любитъ мать такою страстною любовью, отъ которой дѣти иногда умираютъ. Я счелъ своею обязанностью высказать вамъ это.

Марканъ опустилъ голову и отвѣтилъ:

— Хорошо, благодарю васъ, докторъ, и прошу навѣщать насъ иногда, но я вижу, что у насъ нѣтъ лѣкарства для него.

Докторъ продолжалъ бывать, а ребенокъ не переставалъ чахнуть.

Марканъ давалъ ему уроки ариѳметики, поправлялъ его тетрадки и самолично убѣдился въ томъ, что всѣ душевныя силы Жоржа подтачиваетъ, изводитъ одна мысль — о матери. Временами онъ точно ничего не сознавалъ.

— О чемъ ты задумался?

— О *Голубомъ Ибисѣ*.

Этотъ отвѣтъ такъ неизмѣнно слѣдовалъ за вопросомъ, что отецъ пересталъ спрашивать.

Самъ онъ ходилъ сгорбившись, постарѣлъ въ одинъ мѣсяцъ, замѣтно посѣдѣлъ отъ удара за ударомъ ежедневно по той же болящей ранѣ, каждымъ словомъ ребенка, его видомъ.

Но Марканъ и не подумалъ даже возвратить ему мать. «Она бросила его! Она его убила! Что же я-то могу сдѣлать? Какой обязанности я не исполнилъ? Въ чемъ упрекнетъ меня совѣсть? Ни въ чемъ!» И, тѣмъ не менѣе, онъ былъ недоволенъ собой. «Развѣ не долженъ онъ былъ выслушать Элизу и, только выслушавши, обвинить ее? Не слѣдовало развѣ взвѣсить всѣ обстоятельства и разобрать, не было ли уменьшающихъ ея вину? Не оказывается ли иногда обязательнымъ, страшно тяжелымъ, но обязательнымъ, прощеніе, забвеніе вины, — то, что онъ называлъ до сихъ поръ униженіемъ собственнаго достоинства?» При этомъ вопросѣ онъ злобно усмѣхался. «Да и гдѣ она теперь? Что тамъ съ нею? Какъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца не дала знать о себѣ, хотя бы ради ребенка? Не умерла ли?»

— Папа, она, должно быть, никогда не пріѣдетъ, мама-то? Что жь, она умерла развѣ?

Онъ хотѣлъ было покончить все однимъ разомъ и отвѣтить: «да», но не счелъ себя вправѣ сдѣлать это и сказалъ:

— Нѣтъ... Я ужь и самъ не знаю.

И Марканъ заплакалъ. Жоржъ забрался къ нему на колѣни, въ его объятія, и, не говоря ни слова, ласкалъ рукою его лицо, его глаза, какъ ласкалъ, бывало, свою мать.

— О, жестокое, обожаемое дитя мое!

Подобныя сцены повторялись каждый день.

Жоржъ кончилъ тѣмъ, что потребовалъ, чтобы его *Голубой Ибисъ* и ночью былъ около него, у его кровати на маленькомъ столикѣ, гдѣ горѣлъ ночникъ.

Такъ жилъ Марканъ въ непрерывной агоніи.

XVII.

Элиза тѣмъ временемъ на самомъ дѣлѣ умирала.

На великолѣпномъ Тулонскомъ рейдѣ всѣхъ интересовала, въ особенности офицеровъ эскадры, красивая яхта, на палубѣ которой прогуливалась иногда пожилая дама. Пробовали разспрашивать людей съ яхты. Они ничего не говорили, дѣлали таинственныя лица. Сенъ-Рафаэль не далеко, оттуда дошли смутные слухи. Имя *Голубой Ибисъ* сдѣлалось именемъ, говорившимъ воображенію о чемъ-то ужасномъ и прелестномъ. Каждый день видали извѣстнаго врача отправляющимся съ визитомъ на яхту. Дни проходили тревожно...

Мадамъ Дофенъ ежедневно писала сыну:

«Ее надѣются спасти, но она очень плоха... Будь спокоенъ, ее спасутъ. Я имѣла свѣдѣнія о ребенкѣ черезъ одного нашего друга, видавшаго его нѣсколько разъ на прогулкѣ въ Сенъ-Рафаэлѣ. Это нѣсколько успокоиваетъ мать. Я не говорю ей, что видъ у мальчика болѣзненный, говорю только, что его видали гуляющимъ. Одно можетъ пріятно растрогать тебя: въ эти печальные дни она вполнѣ овладѣла моимъ сердцемъ. Она героически переноситъ болѣзнь и свои нравственныя страданія такъ же. Никогда не сказала она ни одного слова, въ которомъ не звучали бы со всею правдивостью доброта души, покорность судьбѣ и безграничная любовь къ ребенку. Ко мнѣ она обращается съ трогательными выраженіями почтенія, признательной преданности, которыя внушаютъ мнѣ такое уваженіе къ ней, какое тебѣ желательно. И, само собою разумѣется, она думаетъ лишь о томъ, какъ бы вернуться въ домъ своего ребенка, чтобы на колѣняхъ служить ему, какъ она говоритъ, до конца своей жизни».

Не думала ли мадамъ Дофенъ написать Маркану? Думала и пробовала, но каждый разъ оставалась недовольна написаннымъ, не знала даже, въ какихъ выраженіяхъ объяснить, кто она сама-то. И она откладывала со дня на день, покончила же рѣшеніемъ про себя, что продолжительное молчаніе можетъ оказаться не безполез-

нымъ съ такимъ неподатливымъ упрямцемъ, какимъ сынъ описалъ ей Маркана. Самое это молчаніе, пожалуй, подорветъ его упорство. Въ тотъ день, когда она явится лично съ вѣстями,—и съ такими-то вѣстями!—онъ будетъ потрясенъ. Отъ подобнаго человѣка нельзя ждать измѣненія принятаго рѣшенія по его собственному почину. Надо испробовать достигнуть этого внезапнымъ толчкомъ.

Вотъ почему она пришла къ мысли отложить на нѣкоторое время обращеніе къ Маркану. Она объяснила свои предположенія Элизѣ, обнадежила ее тѣмъ, что выжидать будетъ лучше. И Элиза, ослабѣвшая до крайности, не желала ничего иного, какъ предоставить говорить и дѣйствовать, все рѣшать своему доброму генію, старой дамѣ, сидящей у ея постели и напоминающей ей родную мать, тихіе вечера въ Маконѣ, когда сама она была ребенкомъ.

— Я убѣждена въ томъ, что не слѣдуетъ торопиться. Можно все испортить. Я хорошо обдумала это,—говорила мадамъ Дофенъ.

— Я вѣрю, вы правы,—шептала Элиза, доведенная слабостью до послушанія маленькой дѣвочки.

Она говорила даже иногда:

— Я чувствую себя передъ вами совсѣмъ маленькою, совсѣмъ маленькою дѣвочкой. Дѣлайте что хотите и когда хотите. Извѣстія о Жоржѣ я имѣю, и этого мнѣ пока достаточно. Нужно же искупленіе въ теченіе извѣстнаго времени, не правда ли? А при васъ оно слишкомъ еще легко!

Съ полною достовѣрностью нельзя было опредѣлить, какая у нея болѣзнь. То было сильное, убійственное потрясеніе всего организма. Теперь она кашляла, опять затронуты были легкія.

Наконецъ, Элиза могла встать, выйти на палубу, сидѣть подъ тентомъ, проводить тамъ вечерніе часы до той минуты, когда съ броненосцевъ эскадры гремѣли салюты флагамъ. Затѣмъ флаги спускались и Элиза сходила въ каюту въ меланхолическомъ настроеніи, усиленномъ этою церемоніей, волнующею душу подъ мирнымъ лѣтнимъ небомъ, багрово-краснымъ на горизонтѣ.

— Теперь, я думаю, пора намъ попытаться обратиться къ вашему мужу,—заговорила разъ мадамъ Дофенъ.—Конечно, лучше было бы, если бы не я, а кто-нибудь другой отправился къ нему, но у насъ нѣтъ никого, кому мы могли бы довѣриться... Къ тому же, я хорошо васъ узнала и могу хорошо говорить о васъ. Я такъ искренно люблю васъ!

Мадамъ Дофенъ поѣхала въ Сенъ-Рафаэль.

XVIII.

Послѣ полудня мадамъ Дофенъ приказала доложить о себѣ Маркану, предупредивши его о своемъ посѣщеніи визитною карточкой въ запечатанномъ конвертѣ. Она не хотѣла застать его совсѣмъ врасплохъ, разсчитывала, что онъ приметъ ее ради нея самой, зная заранѣе о томъ, съ какимъ она является порученіемъ. На карточкѣ было написано:

«М. г., я старая женщина, пріѣхала къ вамъ съ словами мира и желала бы передать милому ребенку поцѣлуй его несчастной матери».

Марканъ, страшно блѣдный, вышелъ къ ней въ гостиную, приказавши Жерменѣ не отходить отъ Жоржа и не выпускать его ни подъ какимъ предлогомъ.

— Я готовъ выслушать васъ, сударыня.

— Я пришла исполнить настоящую миссію, и если являюсь именно я, то лишь потому, что пославшая меня особа, въ своемъ полномъ одиночествѣ, не могла обратиться ни къ кому другому.

Затѣмъ мадамъ Дофенъ высказала все, что̀ могло спасти Элизу,—передала про ея попытку самоубійства, про раскаяніе, про вынужденное болѣзнью пребываніе на яхтѣ и про то, что это пребываніе дало возможность все сохранить въ полной тайнѣ, что она, мадамъ Дофенъ, ни на одинъ день не покидала Элизу. Гостья особенно налегала на это обстоятельство крайне деликатно и, насколько умѣла, искусно повторяла, что съ того дня, когда *Голубой Ибисъ* ушелъ изъ Сенъ-Рафаэля, Пьеръ покинулъ яхту. Съ этого дня онъ жилъ въ Парижѣ съ своимъ отцомъ... Теперь же Элиза, послѣ долгой и опасной болѣзни, совсѣмъ убита, едва жива,—жалка болѣе, чѣмъ когда-либо, сторицею все искупила страданіемъ и раскаяніемъ.

— Возвратите мать ребенку!

И старуха плакала, глубоко взволнованная, не спускала съ Маркана взоровъ, полныхъ ожиданія.

Стойкій человѣкъ былъ блѣденъ и не сдавался. Сидя недвижимо на стулѣ, уставивши глаза въ одну точку на коврѣ, онъ упорно молчалъ.

— Что же вы скажете?—спросила мадамъ Дофенъ.

Онъ проговорилъ одну изъ тѣхъ фразъ, которыя представляются ужасными своею банальностью въ критическія минуты, когда мечтятъ о чудѣ.

— Что же я могу тутъ подѣлать?—сказалъ онъ.

Это возмутило добрую мадамъ Дофенъ. Она забывала, что этотъ человѣкъ совершенно вправѣ быть суровымъ и, въ особенности, въ ея присутствіи.

— Еще одно слово,— сказала она.— Могу я поцѣловать ребенка?

Онъ взглянулъ на гостью.

— Зачѣмъ?—возразилъ Марканъ.—Вы не знаете его даже.

— Сама справедливость,—отвѣтила мадамъ Дофенъ,—можетъ стать отвратительною, оставаясь слѣпою къ достоинствамъ виновныхъ и глухою ко всѣмъ ихъ доводамъ!

Марканъ всталъ.

— Сударыня,— сказалъ онъ,— я цѣню, какъ то надлежитъ, попытку, внушенную,— я увѣренъ въ томъ,— чистою жалостью.

Мадамъ Дофенъ не тронулась съ мѣста.

— Послушайте, господинъ Марканъ, я знаю, вы человѣкъ добрый, и на этотъ счетъ вы меня не обманете. Я знаю, вы человѣкъ высоко-честный, вѣрящій всему, что правдиво. Такъ выслушайте же слова матери: клянусь вамъ, если бы только она согласилась, если бы вы дозволили, я не задумалась бы назвать ее дочерью!

Марканъ почувствовалъ страшный толчокъ въ сердце. Въ то же время, онъ испытывалъ такое ощущеніе, будто получилъ пощечину. Что это могло означать? Какія слова сказала родная мать того, кто?... «Стой, стой! я хочу все тутъ ясно разобрать!»

Онъ сѣлъ опять и, сдѣлавши огромное усиліе, заглянулъ внутрь себя. Его взволнованное лицо мало-по-малу приняло спокойное выраженіе... Онъ пристально посмотрѣлъ на особу, сидящую передъ нимъ, и въ ея глазахъ увидалъ лишь благожелательность и жалость... Онъ понялъ, что не бравировать къ нему пришли, а только защищать Элизу до послѣдней крайности.

— Я глубоко несчастный человѣкъ, сударыня. Вы понимаете это, конечно. Болѣе несчастнымъ нельзя быть. Выслушайте же и меня, въ свою очередь. Вы сдѣлали, что могли, изъ жалости, по милосердію. Вами руководятъ божественныя чувства. Отвѣчать тѣмъ же я не могу. Я, вѣдь, не болѣе, какъ человѣкъ,—человѣкъ оскорбленный, человѣкъ озлобленный. Правы, несомнѣнно, вы,— умомъ я сознаю это,— но вся кровь моя противъ того, чтобъ я вамъ повиновался. Я готовъ умиляться со стороны жертвою другого, подобною той, которой вы требуете отъ меня. Но самъ я не могу этого сдѣлать... Не могу я... Это мое послѣднее слово.

Мадамъ Дофенъ поняла, что упалъ желѣзный занавѣсъ и вопросъ о разлукѣ рѣшенъ безповоротно.

— Прощайте,— сказала посѣтительница нѣсколько сухо.

— Позвольте просить васъ подождать еще минуту,— мягко остановилъ ее Марканъ,—если вы хотите поцѣловать моего Жоржа.

Она была тронута, какъ никогда въ жизни.

— Благодарю за его бѣдную мать,— прошептала она.

Марканъ крикнулъ наверхъ:

— Жермена, приведите мнѣ Жоржа!

Онъ вернулся, ребенокъ вошелъ слѣдомъ. Ребенокъ былъ немного блѣденъ. Въ рукахъ онъ держалъ, прижимая къ груди, какъ сокровище, свой пароходикъ.

Мальчикъ направился прямо къ отцу.

— Представь, — заговорилъ онъ, — Жермена хотѣла, чтобы *Голубой Ибисъ* тамъ остался безъ меня. Жермена въ первый разъ такая злая со мной.

Потомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на гостью.

— Эта дама желаетъ поцѣловать тебя.

— Она привезла намъ извѣстіе о мамѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ! — живо заговорилъ Марканъ.— Поцѣлуй эту даму и иди къ себѣ.

Жоржъ исполнилъ приказаніе. Мадамъ Дофенъ на секунду задержала его въ своихъ объятіяхъ, заглянула ему въ глаза и отпустила. Ребенокъ убѣжалъ къ Жерменѣ.

Совсѣмъ уже уходя, мадамъ Дофенъ пріостановилась.

— А если отъ этого онъ умретъ тоже? — проговорила она печально.

— Не я убью его, — отвѣтилъ Марканъ съ мрачнымъ видомъ.— Возможно, что и умретъ. Тогда и я умру. Кто же виноватъ и что я могу сдѣлать?

Ей оставалось только удалиться. Она неохотно подала ему руку, онъ церемонно проводилъ ее до экипажа.

XIX.

Былъ августъ. Около половины четвертаго, тотчасъ послѣ завтрака, когда все затихаетъ, Марканъ взялъ сына за руку и вышелъ съ нимъ изъ дому. Онъ хитрилъ иногда съ ребенкомъ, чтобы помѣшать ему брать съ собой корабликъ. Такъ, онъ не посылалъ уже за экипажемъ. «Мы сегодня пойдемъ далеко,— говорилъ онъ.— Ты устанешь таскать его, или устану я». И когда

мальчикъ сдавался на такой доводъ, Марканъ бралъ экипажъ дорогой, подъ предлогомъ утомленія. Прямо же воспротивиться желаніямъ ребенка, казавшагося такимъ блѣднымъ, у него не хватало духа. Этотъ упрямый человѣкъ, непоколебимо-твердый даже въ мелочахъ, былъ совершенно безсиленъ передъ взглядомъ болѣзненнаго ребенка, обращеннымъ къ нему сквозь слезы.

Въ этотъ день Марканъ прибѣгнулъ къ своей обычной уловкѣ и предоставилъ взятому на дорогѣ кучеру ѣхать, куда ему угодно. Когда проѣхали сосѣдній городокъ, Марканъ спросилъ:

— Вы куда ѣдете?

— Такъ сдѣлаемъ большой кругъ и вернемся черезъ Виллепси, Сентъ-Эгюльфъ и потомъ берегомъ.

— Хорошо, поѣзжайте.

Въ лугахъ Жоржъ пришелъ въ восторгъ.

— О, папа! — кричалъ онъ, стоя въ коляскѣ и хлопая руками. — О, папа! Козы бѣлыя! Какія онѣ хорошенькія! Мнѣ хотѣлось бы имѣть такую козочку.

Пришлось выйти изъ экипажа и любоваться хорошенькими козами. Ихъ было сотни двѣ. Жоржъ поласкалъ одну изъ нихъ, которая не дала, однако, трогать себя долго. Да и то надо было, чтобы пастухъ держалъ ее за рога. Жоржъ захотѣлъ выпить молока отъ «своей козочки». Давно уже не являлось у него никакой новой прихоти. Марканъ былъ очень доволенъ, соглашался даже купить козу.

— Только, — обратился онъ къ Жоржу, — куда же мы ее дѣнемъ потомъ?

Къ счастью, Жоржъ повторилъ съ разсудительнымъ видомъ:

— Правда, куда же мы ее дѣнемъ потомъ? Не можетъ же она спать въ одной комнатѣ со мной.

Мысль эта заставила его громко расхохотаться. Марканъ вздохнулъ облегченно. Онъ начиналъ надѣяться, что ребенокъ забудетъ свое горе.

Они поѣхали дальше. На берегу моря дорога оказалась настолько изрытою, что они опять вышли изъ экипажа. Мальчикъ принялся бѣгать и прыгать, то гоняясь за волной, то убѣгая отъ нея и крича:

— Я козочка! Я бѣленькая козочка! — и кончилъ тѣмъ, что запѣлъ, какъ бы поддразнивая волну:

Тебѣ меня не поймать!
Тебѣ меня не поймать!

Марканъ не осмѣливался спросить: «Что съ тобой, что ты такъ веселъ сегодня?» Онъ боялся все испортить, отогнать это рѣдкое веселье, столь новое... Но на Аржанскомъ мосту, который надо было переходить осторожно, такъ какъ море попортило бревенчатую настилку, мальчикъ самъ подошелъ къ отцу, взялъ его за руку и, безъ всякаго вызова, со смышленымъ и серьезнымъ видомъ заговорилъ:

— Ты понимаешь, папа, я веселъ потому, что угадалъ коечто...

— Что такое?

— Видишь ли, я не знаю, то ли ты думаешь, что я, но я увѣренъ, что сегодняшняя дама пріѣзжала къ намъ отъ мамы!

Марканъ обомлѣлъ. Его сердце сжалось...

Выходило, что надѣялся онъ напрасно. Ребенокъ не только не переставалъ думать о матери, а, наоборотъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, только и жилъ ею.

XX.

Пройдя мостъ, Марканъ сдѣлалъ знакъ слѣдовавшему за ними кучеру остановиться, а самъ сѣлъ на откосъ шоссе лицомъ къ морю и сталъ задумчиво смотрѣть на этотъ необъятный просторъ, вѣчно тревожный въ своемъ огромномъ и безцѣльномъ движеніи.

Жоржъ продолжалъ бѣгать и скакать вокругъ отца.

Съ одной стороны была громада моря, а съ другой — этотъ человѣкъ, одиноко сидящій на его берегу. Этотъ человѣкъ смотрѣлъ на море и въ его опустѣвшей душѣ вся эта безконечность занимала немного мѣста. Ему представлялась странною эта пустыня, неспособная, при всемъ своемъ могуществѣ, снести шаги человѣка. Смѣлость плавать по немъ представлялась ему предосудительною и всегда караемою. Онъ отдавался мечтамъ, въ которыхъ все сводилось къ ужасающему сознанію безумія всего окружающаго, къ безсмыслію всякой дѣятельности, приводящей неизбѣжно къ крушеніямъ... Море?... А, не было надобности въ безсознательныхъ жестокостяхъ ребенка, ни въ игрушечномъ пароходѣ Жоржа для того, чтобы мучительно чувствовать всѣ свои несчастія! Море было тутъ, передъ нимъ, безпрерывно напоминало ихъ каждою своею волной, каждымъ своимъ рокотомъ, своею гладью, когда оно было пустынно, своими кораблями, когда появлялись паруса, своею с[illegible]ною громадой, то привѣтливою, то гнѣвною, — вѣчно преда-

тельская пропасть это море, находящееся постоянно и вездѣ передъ глазами въ этомъ ужасномъ краю! Марканъ окончательно рѣшилъ уѣхать,— онъ ненавидѣлъ теперь этотъ край. Посѣщеніе госпожи Дофенъ привело его къ сознанію необходимости бѣжать отсюда... «Она все еще на *Голубомъ Ибисѣ*. И прекрасно, пусть тамъ и остается. Пусть выходитъ даже замужъ за этого господина. Я согласенъ, разведемся миролюбиво подъ какимъ-нибудь предлогомъ... Не хочу я быть отмщеннымъ ничѣмъ инымъ, какъ ея раскаяніемъ, очень жестокимъ,— сегодня я узналъ это,— и которое будетъ вѣчнымъ».

Марканъ поднялъ глаза взглянуть на сына и увидѣлъ его въ нѣкоторомъ разстояніи оживленно разговаривающимъ съ рыбакомъ на берегу Аржанса. Марканъ узналъ Сольнье.

XXI.

Марканъ быстро направился къ нимъ. Онъ испугался хитраго выспрашиванія Сольнье и опаснаго отвѣта ребенка, способнаго наивно погубить молоденькую Туанету.

Сольнье всегда предпочиталъ сѣти плугу и лопатѣ. Съ нимъ были также его «грабли» для ловки кловиссъ, и онъ выкладывалъ свой уловъ передъ восхищеннымъ Жоржемъ.

— Я бы предложилъ вамъ ихъ попробовать, но вы уже знаете, что впередъ ихъ надо выдерживать въ морской водѣ... А, здравствуйте, господинъ Марканъ!... Давно не видались. Поссорились вы съ моею женой, что ли? Что она вамъ такое сдѣлала? Скажите.

— Ничего,—отвѣтилъ Марканъ. — Я выписалъ изъ Парижа свою старую служанку.

— Такъ, такъ, хорошо это. Стало быть, ссоры никакой нѣтъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Марканъ съ отвращеніемъ.

Каждое слово Сольнье казалось сказаннымъ съ какимъ-то умысломъ, за каждымъ изъ нихъ какъ будто скрывался затаенный смыслъ. Зналъ ли фермеръ или только хотѣлъ вызнать? Подставлялъ ли онъ ловушки, или же хотѣлъ выказыть свою проницательность? Его маленькіе глаза смотрѣли на Маркана съ какимъ то очень страннымъ выраженіемъ. Морщинки на вискахъ смѣялись, полныя привычной ироніи, точно дразнящей, которую нельзя принять за признакъ ума и которая производитъ впечатлѣніе чрезвычайной остроты.

— Ну, что-жь, ну, что-жь, все идетъ хорошо, все хорошо, —

повторялъ онъ, поглаживая свою грязную бороду мокрыми пальцами, пропитанными запахомъ тины.

И снова онъ посматривалъ на Маркана какимъ-то особеннымъ взглядомъ.

Можно было подумать, что злой, но пассивный духъ принялъ этотъ противный, неуклюжій человѣческій образъ и, не имѣя силы дѣлать зло, прячется подъ лохматыми бровями и довольствуется ролью свидѣтеля, забавляющагося страданіями, порожденными порокомъ.

Этотъ хитрый и ехидный духъ, засѣвшій въ оскотинѣвшееся существо, вызывалъ много дурныхъ дѣлъ, быть можетъ, и самъ пользовался ими, не переставая быть пассивнымъ.

И единственнымъ основаніемъ быть пассивнымъ и скрываться подъ скотскимъ видомъ были лѣнь, трусость и увѣренность въ возможности безъ труда и риска пользоваться порочностью другихъ... Этотъ человѣкъ пугалъ, возбуждалъ непріятное и тревожное чувство и тотчасъ же успокоивалъ своимъ необыкновенно дурацкимъ видомъ. Онъ зналъ это и порою этимъ пользовался.

Сольнье, собравъ свой уловъ въ корзину, положилъ на плечо снасти и, подмигивая глазомъ, проговорилъ:

— Такъ вы идете со мной до фермы Антуанеты? Если не сердитесь, то, конечно, не откажитесь сдѣлать это. Хозяйка будетъ очень рада повидать маленькаго господина... Я такъ думаю, по крайней мѣрѣ.

— Нѣтъ, благодарю,—сухо сказалъ Марканъ, — мы не пойдемъ.

Сольнье остановился, повернулся на мѣстѣ и въ упоръ посмотрѣлъ на Маркана.

— А!—протянулъ онъ.

Его морщины смѣялись. Въ глазахъ свѣтилась острая злость... Маркану припомнилось посѣщеніе его другимъ крестьяниномъ, Ковеномъ, мѣсяцъ назадъ. Тотъ совсѣмъ иной человѣкъ. Онъ думалъ о дѣвочкѣ, о Туанетѣ... Бѣдная дѣвочка! Очень интересна она, и такая хорошая та семья, въ которую она должна войти, гдѣ старая бабушка разсказываетъ простыя и милыя исторіи изъ прошлаго. Можно ли допустить, чтобы разрушилась вся будущность молоденькой дѣвочки? Не обязанъ ли онъ помочь немного ни въ чемъ неповинной бѣдняжкѣ?

Марканъ взглянулъ на Сольнье, внимательно слѣдившаго за его раздумьемъ. Опасно было растревожить подозрительность этого низкаго и злобнаго существа... «Что, если онъ заподозритъ ихъ?

Пусть же не я буду тому виной!... Надо усыпить его подозрѣнія, которыя, повидимому, очень насторожились».

Въ сущности, полоумный хитрецъ зналъ, быть можетъ, все про Ковена и свою жену. Возможно, что онъ давно все угадалъ, что своимъ глупымъ видомъ онъ пользуется для того, чтобы не казаться сообщникомъ въ собственномъ униженіи. Прежде всего, онъ, навѣрное, держится этого Ковена, который, не лишая его услугъ жены въ хозяйствѣ, отнимаетъ ее отчасти у мужа, но, въ замѣну того, исполняетъ за мужа всѣ работы и обогащаетъ его все больше и больше... Трудно было кѣмъ-нибудь замѣнить Ковена, котораго онъ ненавидѣлъ.

Сольнье не спускалъ съ Маркана своихъ крошечныхъ глазъ, въ глубинѣ которыхъ сверкали злобныя искорки сквозь мракъ безсмысленнаго выраженія.

— Такъ не пойдете? Тѣмъ хуже,—сказалъ онъ.— Я бы далъ маленькому господину то, что ему обѣщала Туанета.

— Мою бѣлку!—крикнулъ Жоржъ.— О, папочка, пойдемъ къ нимъ! Бѣлкой я больше буду доволенъ, чѣмъ козой,—съ нею меньше хлопотъ!

Марканъ соображалъ, что Сольнье хочетъ посмотрѣть вмѣстѣ его и Маріону, и если онъ уклонится отъ этого, то можетъ заронить какую-нибудь крайне опасную мысль въ голову этого полузвѣря. Кромѣ того, Маркану представлялся случай доставить удовольствіе Жоржу, и онъ улыбнулся.

— Пойдемъ за бѣлкой!—сказалъ онъ.

Они направились къ фермѣ Антуанеты.

— Хочешь, Жоржъ, возвратиться домой пѣшкомъ?

— О, да, папа, и съ бѣлкой!

Марканъ отпустилъ кучера.

XXII.

Они шли къ фермѣ, гдѣ въ это время хорошенькая Туанета, нагнувшись надъ низкимъ очагомъ, готовила супъ для обоихъ мужчинъ. Мать ушла въ городъ за покупками.

Ковенъ среди равнины, при помощи нѣсколькихъ угольщиковъ, сваливалъ большой дубъ, вредившій своею тѣнью и корнями новымъ посадкамъ винограда.

Туанета была одна дома. Вдругъ она оглянулась и слегка вскрикнула. Франсуа Тarенъ, ея женихъ, смотрѣлъ на нее снаружи въ узкое окно.

— Ахъ, это ты, Франсуа!— проговорила она, смутившись.

— Ну, да, я это,—отвѣтилъ онъ неторопливо.

Туанета продолжала свое дѣло въ комнатѣ. Наступило молчаніе. Заговорилъ Франсуа:

— Я иду съ охоты.

— Добылъ что-нибудь?

— Всего одну молодую куропатку,— сказалъ онъ.— Молодыя уже летаютъ, утомили меня. А вотъ,—продолжалъ онъ, помолчавши немного,—тебѣ сорвалъ лаванды. Понюхай, какъ пахнетъ хорошо!

И онъ бросилъ вѣтку въ лицо дѣвушки, когда та проходила не далеко отъ него. Туанета подхватила на лету вѣтку, прижала къ груди, понюхала и заткнула за фартукъ.

— Хорошо пахнетъ,—сказала она.

Оба замолчали опять. Она хлопотала около супа, держа въ рукѣ крышку отъ котелка. Дѣвушка чувствовала на себѣ взглядъ жениха, и сердце ея билось немного сильнѣе, чѣмъ всегда. Запахъ лавандовой вѣтки говорилъ ей о любви. Юноша любовался невѣстой и начиналъ волноваться.

Утомленный охотой, онъ весь трепеталъ пылкою, молодою жизнью. Отдѣленные другъ отъ друга стѣной, они чувствовали, что ихъ связываетъ какой-то сладкій, пріятный токъ, идущій черезъ всю комнату. Обоимъ хорошо было.

— Ты любишь меня?—проговорилъ, наконецъ, Франсуа.

Туанета повернулась къ нему, не выпуская изъ руки желѣзной крышки. Молодые люди обмѣнялись выразительными взглядами.

— Такъ подойди я тебѣ поцѣлую!

Она тихо подошла къ окну. Онъ захватилъ обѣими руками ея голову и крѣпко поцѣловалъ въ губы. Желѣзная крышка покатилась на полъ съ страшнымъ шумомъ. Оба громко разсмѣялись. Туанета подняла крышку и положила на котелокъ, потомъ достала изъ шкафа тарелки, поставила ихъ на столъ, принесла хлѣбъ, стаканы, бутылки.

— Послушай,—сказалъ Франсуа,— мнѣ, все-таки, надо сказать тебѣ кое-что.

— Что такое?—спросила она спокойно.

— Вотъ что. Это моя мать говоритъ, и, какъ она говорила, такъ я и передаю тебѣ. Дѣло идетъ о нашей свадьбѣ.

Туанета насторожилась, сдвинула брови.

— Что-жь, твоя мать развѣ не согласна?

— Нѣтъ, не то, Туанета, совсѣмъ не то, а пожалуй и то. И очень это жаль, что отказъ, который могъ быть вначалѣ со стороны твоего отца, является теперь со стороны моей матери. Я скажу тебѣ, что̀ она говорила. У васъ тутъ этотъ Ковенъ, который и всегда былъ тутъ съ утра до вечера, ѣлъ съ вами за однимъ столомъ, распоряжался всѣмъ на фермѣ, даже больше, чѣмъ Сольнье, твой родной отецъ. Ну, а во всей округѣ, — какъ говоритъ моя мать,—васъ за это презираютъ... Давно, кажется, перестали было говорить про это, но часто дѣти, особливо, когда дѣло идетъ о свадьбѣ, бываютъ причиной тому, что вспоминается старое, и теперь опять заговорили вездѣ... Понимаешь? Надо непремѣнно, чтобы Ковенъ ушелъ отсюда, если ты хочешь, Туанета, войти въ домъ моей матери. Вотъ что надумала моя мать, а она женщина разумная. То же надумала и бабушка. А что онѣ порѣшили, то и по мнѣ хорошо. Дѣла тутъ не ладныя. Если Ковенъ уйдетъ отсюда, моя мать скажетъ насчетъ нашей свадьбы: *да*, а если останется, она скажетъ: *нѣтъ*. Это рѣшено, и я тутъ ничего не могу измѣнить,—понимаешь?—такъ какъ и я признаю, что такъ надо... Это вѣрно.

Онъ смотрѣлъ на Туанету. Она опустила глаза и раздумывала.

— Ну, что-жь,—сказала она, наконецъ,— такъ пусть и будетъ. Ты правъ, я и сама иногда объ этомъ думала. Я тоже понимала кое-какія слова, которыя втихомолку говорили между собою работники на жнитьвѣ и на сборѣ винограда. Потому-то я давно уже и недолюбливаю этого Ковена. Понимаю я, такъ и знай, что твоя мать права!

Оба они смолкли, слышно было, какъ мухи жужжатъ.

Франсуа сказалъ:

— Ты и разсуди, какъ тутъ быть, чтобы наше дѣло сладилось. И прощай, Туанета, до свиданія!

— Будь спокоенъ, поговорю, скажу, что нужно.

Онъ повернулся и, не спѣша, пошелъ своею дорогой.

XXIII.

Марканъ и Жоржъ пришли съ Сольнье.

— Туанета, ступай за бѣлкой, которую ты обѣщала маленькому господину.

Заговорили о бѣлкѣ, пущенной на свободѣ въ сосѣдней комнатѣ и часто не дававшейся въ руки.

— Попытаю словить,—сказала Туанета.

— Возьми меня съ собой!—воскликнулъ Жоржъ и пошелъ съ дѣвушкой, держа ее за руку.

Всѣхъ занялъ вопросъ о бѣлкѣ и всѣ казались довольными: только что вернувшаяся Маріона, принявшаяся подавать кушанье мужу, усѣвшійся за столъ Сольнье и подходившій послѣднимъ Ковенъ.

— Добрый вечеръ всѣмъ,—сказалъ онъ, переступая порогъ.

Онъ какъ будто не придавалъ никакого значенія присутствію Маркана. Онъ былъ всецѣло занятъ работой,—только что свалилъ дубъ и оживился по этому поводу.

— Это деревья богачей, господинъ. Поѣдаютъ они землю. Знаете, одинъ такой тунеядецъ выпиваетъ тысячу литровъ вина, если дать ему волю. И вотъ, когда такой попадется мнѣ подъ руку, клянусь вамъ, друзья, не стану я дремать подъ его вѣтвями, не стану сокрушаться о немъ... Нѣтъ, возьму топоръ и рублю... А, каналья, ты поѣдаешь соки, виноградники, солнце? Такъ подожди же! И при каждомъ ударѣ, подрубающемъ дерево, сердце во мнѣ прыгаетъ отъ радости!

Ковенъ сѣлъ за столъ рядомъ съ Сольнье.

— Ну, я проголодался! Примусь за супъ!

Великолѣпенъ былъ этотъ молодчина съ засученными рукавами, съ толстою шеей, покрытою пòтомъ. Глядя на него и на Сольнье, Марканъ начиналъ оправдывать Маріону и самъ удивлялся своей снисходительности. Необыкновенная симпатія сильно влекла его къ Ковену.

Ковенъ съ наслажденіемъ возвращался каждый вечеръ на ферму. Онъ смотрѣлъ на домъ, въ который вносилъ довольство и въ которомъ двѣ женщины заботились о томъ, чтобы накормить и обогрѣть его, какъ на свой собственный. Ковенъ любилъ этотъ домъ. Такъ сильна была привычка считать себя хозяиномъ здѣсь, что мысль уйти когда-нибудь отсюда представлялась ему несодѣянностью. Ему просто казалось немыслимымъ, чтобы могъ кто-нибудь его принудить къ этому. По его понятіямъ, это было бы сугою несправедливостью. Будущее представлялось ему въ такомъ видѣ: когда дѣвочка выйдетъ замужъ, онъ останется здѣсь, недалеко отъ нея, и будетъ видѣть ее, когда она придетъ въ гости къ матери. Семья у него останется. Попрежнему, на душѣ весело будетъ, когда, возвращаясь съ работы зимой, онъ увидитъ, вмѣсто пустой, холодной и темной хижины, ярко освѣщенную ферму, а потомъ, смотря издалека, какъ вьется дымъ надъ трубой, будетъ

знать, что обѣдъ готовъ. И безъ малѣйшаго укора совѣсти, сжившись съ своимъ фальшивымъ положеніемъ, Ковенъ благодушествовалъ. Присутствіе Маркана окончательно успокоило его. Оказывалось, что Марканъ дѣлаетъ болѣе и лучше того, чѣмъ его просили. Ковенъ улыбался и, какъ настоящій хозяинъ, отвѣдавши супа, проговорилъ:

— Не угодно ли съ нами, господинъ Марканъ?

Эта обычная фраза гостепріимства, повторяемая неизмѣнно всякому, застающему хозяевъ за столомъ, даетъ крестьянину возможность не мѣшкать съ ѣдой. И этой-то фразы, обязательной въ своей неизмѣнной формѣ для крестьянъ, сидящихъ за столомъ, Сольнье не сказалъ.

— Отъ души просимъ,—добавилъ Ковенъ.

— Благодарю, — отвѣтилъ Марканъ, — мы сейчасъ распрощаемся съ вами.

Ему ясно представилась оборотная сторона этой мирной жизни. Вѣчная, безпрерывная ложь садится за этотъ столъ изо дня въ день около невинной дѣвочки, вмѣстѣ съ Маріоной Сольнье, съ Ковеномъ, смотрящимъ такимъ бодрымъ, открытымъ взглядомъ, съ грязнымъ Сольнье. Маркану тошно стало, своимъ присутствіемъ онъ оказывался ихъ сообщникомъ. Довольно съ него. Онъ думалъ лишь о томъ, какъ бы скорѣе уйти.

Туанета и Жоржъ вернулись.

— О, папа, какая она хорошенькая! Я видѣлъ, какъ она прыгаетъ и бѣгаетъ. Она забралась на шкафъ и что-то держала въ лапкахъ, кушала... И представь себѣ, какая прелесть: подняла она хвостъ выше головы и распустила его, точно зонтикъ! О, папа, какая прелесть!... Но мы не могли ее поймать... Туанета, когда можно будетъ? Мнѣ такъ хочется взять ее къ себѣ!

Туанета объяснила, что бѣлка, совсѣмъ было пойманная, ускользнула отъ нея, что словитъ ее ночью и завтра принесетъ ее Жоржу.

XXIV.

Туанета говорила это разсѣянно; она, видимо, была занята другимъ.

— Что съ тобою?—спросила ее мать.

— Свои думы думаю,—отвѣтила дѣвушка,—а онѣ не всегда веселы.

Марканъ собирался уходить.

— Иди-ка, садись за столъ, Туанета,—сказалъ Ковенъ.

Фраза была сказана настолько мягкимъ, необычнымъ для крестьянина тономъ, что тронула Маркана, и онъ пріостановился еще разъ посмотрѣть на говорившаго.

Если онъ вѣрно понялъ, то Туанета — дочь этого Ковена. Теперь, когда страсть его къ Маріонѣ утихла, погасла отъ времени, онъ ради дѣвочки, главнымъ образомъ, чтобы не разставаться съ дочерью, мирится со всею фальшью и ложью своей жизни. Марканъ припомнилъ, что Ковенъ ничего не оставляетъ себѣ изъ заработанныхъ денегъ, все отдаетъ дѣвочкѣ,—про это говорила Маріона Сольнье, когда они были здѣсь въ первый разъ съ Элизой. Странное соединеніе добрыхъ чувствъ съ порочнымъ поведеніемъ! Въ грязи и навозѣ фермы оказывается вдругъ такая жемчужина, какъ чистая привязанность, любовь этого измѣнника къ невинному существу!

— Не уйдете же вы, мосьё Жоржъ, не попробовавши нашего молока?—приставала Маріона.

Она поставила кружку на маленькій столикъ около Жоржа.

— Нѣтъ, мы уходимъ,—сказалъ Марканъ.

— Папа, мнѣ очень хочется молока.

— Въ такомъ случаѣ, торопись... Пей скорѣе,—становится поздно.

Молоко понравилось Жоржу, онъ пилъ маленькими глотками и опять заговорилъ о своей бѣлкѣ.

— Будетъ у васъ бѣлка, завтра же будетъ.

Мужчины усердно ѣли за столомъ.

— Что же, Туанета, ты рѣшительно не хочешь садиться за столъ сегодня?—ласково повторилъ Ковенъ и весело, въ шутку, добавилъ:—А большой-то дубъ, что ты очень любила, срубленъ сегодня. Ты, знаешь, дѣвочка, про что я говорю... Гнѣздо перепелочки испорчено.

— А вы... оставьте меня въ покоѣ!—проговорила она.—Прошло время смѣяться!

Всѣ взглянули на нее. Она стояла въ углу, прислонившись къ стѣнѣ, немного опустивши голову и глядя изподлобья злымъ, упорнымъ взглядомъ. Туанета задумала что-то. Присутствіе Маркана, всегда хорошо расположеннаго къ ней, казалось ей, во многихъ отношеніяхъ, благопріятнымъ ея рѣшительнымъ замысламъ. При Марканѣ,—соображала она,—отецъ никогда не посмѣетъ побить ее.

— Говорятъ тебѣ, за столъ!—крикнулъ вдругъ Сольнье, нахмурившись.

Маріона, избѣгавшая все время взглядовъ Маркана, почувствовала смутную тревогу, напустила на себя кротость.

— Иди, дочка, иди. Супъ твой вкусный. Ты постаралась сегодня.

— Что съ тобой?—спросилъ Ковенъ, любовно глядя на нее.— Что съ тобой, моя дѣвочка? Не больна ли ты? Неужели ѣсть не хочешь?

— Нѣтъ!—отвѣтила она, громко, рѣзко, отрывисто.—Нѣтъ, я не хочу ѣсть, метръ Ковенъ... и никогда не захочу ни ѣсть, ни пить за этимъ столомъ, пока вы будете сидѣть за нимъ.

И она пальцемъ указала на столъ.

Ковенъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и поднялъ голову. Ножъ выпалъ изъ его руки.

— Это что еще значитъ?—заоралъ Сольнье.

Мать поднялась, растерянная, не зная, что подумать, что сказать.

— Перестань, Туанета, перестань, дочка! Что онъ сдѣлалъ тебѣ? Что случилось?

Сольнье вопилъ:

— Съ ума она, должно быть, сошла! Сейчасъ за столъ, язва негодная! Сюда иди, говорятъ тебѣ, галера!

Ковенъ поднялся изъ-за стола.

— Прежде, чѣмъ ругаться, метръ Сольнье, я такъ разсуждаю, слѣдуетъ ее выслушать. Правильнѣе будетъ... Она всегда была умна и разсудительна.

— Говорю тебѣ, съ ума она сошла!—рычалъ Сольнье, выходя изъ себя.

— Нѣтъ, я не сошла съ ума, — заговорила дѣвушка, — и вы поймете это, и этотъ добрый господинъ пусть судьей будетъ, я очень рада, что онъ здѣсь. И вотъ я что объясню. Мой женихъ, Франсуа Таренъ, сейчасъ приходилъ и говорилъ мнѣ: «Сосѣдъ Ковенъ всегда у васъ за столомъ, утромъ и вечеромъ, даже по воскресеньямъ, и всѣмъ распоряжается въ вашемъ домѣ. А это не ладно, изъ-за этого въ людяхъ давно идутъ толки. Просто, васъ презираютъ за это!» Вотъ что сказалъ человѣкъ, котораго я люблю, и если все останется, какъ было, моя свадьба разстроится... Пораздумайте-ка, метръ Ковенъ. Вы даже не родня мнѣ. Что вы «крёстный», такъ это не велика штука... Вотъ что я хотѣла сказать. Вы и подумайте, какъ вамъ поступать, и должна ли я погубить всю мою жизнь изъ-за чужого человѣка, каковъ онъ ни на есть.

Марканъ терзался за этого человѣка, за отца, котораго дочь го-

нитъ изъ дома. Кара явилась нежданная и ужасная. Ковенъ блѣднѣлъ все больше и больше, точно къ смерти приговоренный.

Сольнье поднялся изъ-за стола, протянулъ руку и взялъ стоявшую въ углу палку.

— А, погоди ты у меня, гадина! Ты не побоялась, каналья!... Кумъ у насъ въ семьѣ свой... мой домъ здѣсь!... Не смѣешь ты въ немъ распоряжаться!

Онъ пытался высвободиться изъ угла, гдѣ сидѣлъ между столомъ, стѣной и стуломъ Ковена.

Озадаченный Марканъ, готовый вступиться, въ случаѣ надобности, слушалъ съ большимъ любопытствомъ, внимательно слѣдилъ за игрою страстей, происходившею на его глазахъ.

Жоржъ расплескалъ немного молоко, прижимался къ отцу, испуганный, но молчаливый, увѣренный въ надежной охранѣ.

Ковенъ протянулъ одну руку въ сторону Туанеты, другою остановилъ Сольнье.

Маріона плакала, припавши лицомъ къ обѣимъ рукамъ, лежавшимъ на столѣ. Она шептала: «О, несчастная, несчастная!»—чувствовала, что кругомъ спутана и ничего не смѣетъ сдѣлать.

— Такъ и я скажу... Раздумывать тутъ нечего, —заговорилъ Ковенъ, медленно.—Я такъ разсуждаю, что она права... Дѣло касается меня, я полагаю? Терпѣть мнѣ первому приходится? Такъ вотъ я и думаю, Сольнье, и вамъ говорю: она права!... Стало быть, вѣрно это, сами подумайте, если самъ же я за нее заступаюсь. Но дѣло въ томъ, что права она!—повторялъ Ковенъ, какъ бы для того, чтобы лучше усвоить то, что приводило его въ сильное недоумѣніе.

Онъ продолжалъ:

— Я только добра ей желаю, и какъ самъ я не подумалъ давно о томъ, какой вредъ я приносилъ ей каждый Божій день?... Бываютъ же на свѣтѣ такія необъяснимыя вещи!... Она права, Сольнье! Я говорю вамъ это... Такъ я и ухожу... ухожу сейчасъ же... не доѣмъ даже супа, что въ моей тарелкѣ... Добрый вечеръ всѣмъ... Отдѣлка мнѣ... не ждалъ я этого, все-таки! Ну, да пришлось такъ, ничего уже тутъ не подѣлаешь!... Добрый вечеръ всей компаніи!

Говоря это, онъ собирался уходить, спустилъ засученные рукава рубашки, надѣлъ куртку, потомъ взялъ свой кошель, стоявшій у стѣны, совсѣмъ близко отъ Туанеты, его дочери, нѣжно любимой дочери, которую онъ тронулъ локтемъ, не подумавши даже протянуть ей руку. Онъ вскинулъ кошель на плечо и направился къ отворенной двери, за которою уже наступали сумерки. На порогѣ онъ обернулся.

— Дѣло въ томъ, что она права! — сказалъ онъ въ послѣдній разъ.—И ухожу я, Сольнье, не только изъ вашего дома, но и совсѣмъ изъ этихъ мѣстъ, ухожу навсегда... Спи покойно, дѣвочка... Прощайте!

Ковенъ скрылся.

XXV.

Сольнье пожалъ плечами и опять принялся за ѣду. Повидимому, онъ не вѣрилъ такому уходу Ковена, или же понималъ, что сдѣлать ничего не въ состояніи, и, не задумываясь, мирился съ фактомъ. «На мѣсто Ковена найдутся другіе компаньоны!» Какъ бы то ни было, въ данную минуту онъ собственное насыщеніе предпочиталъ всякимъ размышленіямъ.

Маріона оставалась въ томъ же положеніи, склонивши голову между руками, вѣроятно, чтобы скрыть стыдъ, выступившій на ея лицѣ.

— Пойдемъ!—сказалъ Марканъ Жоржу.

Туанета плакала, молча.

— Прощайте, господинъ Марканъ,—проговорила она сквозь слезы.—Бѣлку я принесу завтра.

— О, да!—воскликнулъ Жоржъ и, желая поблагодарить дѣвушку, поднялся на пальчики, протянулъ къ ней руки

Туанета отъ души поцѣловала его и сказала:

— Передайте поклонъ мамашѣ.

Другіе не говорили про Элизу.

— Да,—отвѣтилъ Жоржъ,—какъ только она вернется. Будьте покойны, я не забуду.

Дѣвушка пошла проводить ихъ.

— Простите меня, господинъ Марканъ, въ томъ, что я загорила при васъ,—начала она.—Но надо было высказать; къ тому же, я знаю, что вы были въ домѣ моего жениха и что люди эти вамъ понравились, и что вы одобряете мое замужство. Вотъ я при васъ-то и осмѣлилась...

Марканъ шелъ, держа за руку сына и сжимая ее конвульсивнымъ движеніемъ. Онъ думалъ и думалъ.

XXVI.

Марканъ думалъ, уводя своего Жоржа по шоссе изъ песка и щебня, на которое долетали брызги отъ вечернихъ всплесковъ моря.

Впереди нихъ по той же дорогѣ шелъ, не оглядываясь, Ковенъ. Марканъ и Жоржъ слѣдили за нимъ глазами.

— Папа, почему этотъ человѣкъ ушелъ?

Марканъ не отвѣтилъ. Видя, что отецъ задумался, ребенокъ не сталъ надоѣдать ему и принялся смотрѣть на загорающіяся звѣзды.

Ковенъ скрылся, вошелъ въ свою хижину.

Марканъ подходилъ къ этому убогому жилищу съ тоскливымъ любопытствомъ.

Вправду ли уйдетъ этотъ человѣкъ? Или же то была уловка? Не самъ ли онъ высказывалъ отчаянную рѣшимость никогда не разставаться съ фермой? Не далъ ли онъ тогда же понять, какія серьезныя причины держатъ его здѣсь?

— Я скорѣе бѣдъ надѣлаю!

Эту фразу онъ проговорилъ глухимъ голосомъ, бѣшено сжимая свои сильные кулаки, и фраза эта еще звучала въ ушахъ Маркана.

Хижина была совсѣмъ убогая, сколоченная изъ неровныхъ досокъ, плохо пригнанныхъ, метровъ шести квадратныхъ,—жалкій пріютъ, много разъ починенный, покинутый, вѣроятно, какимъ-нибудь рыбакомъ. Тутъ жилъ бѣдняга, трудъ котораго обогащалъ ферму Антуанеты. Сюда онъ возвращался каждый вечеръ, во всѣ времена года, какая бы ни была погода, чтобы только не далеко уходить отъ тѣхъ, кого онъ любилъ,—жену сосѣда, правда, но въ особенности свою дочь. Онъ каждый вечеръ уходилъ съ фермы, гдѣ было свѣтло и тепло, въ это звѣриное логовище, гдѣ холодно, гдѣ темно.

Плохая дверь была растворена. Марканъ заглянулъ въ нее. На одной сторонѣ, изъ стѣны въ стѣну, была вдѣлана рама, на рамѣ солома. У изголовья этого первобытнаго ложа стоялъ столъ, на немъ сальная свѣча, воткнутая въ кружокъ изъ перерѣзанной картофелины. Мѣсто, остававшееся свободнымъ, все занималъ собою наклонившійся надъ чѣмъ-то человѣкъ. Согнувшись, онъ укладывалъ въ дырявый холщевый мѣшокъ свое имущество: жилетъ, двѣ куртки, штаны, три рубашки, все довольно-таки поношенное. Поверхъ всего онъ сунулъ желѣзную насадку кирки, пилу-ножовку. Больше ничего и не было.

- И такъ, вы уходите, Ковенъ?

- Какъ видите, господинъ Марканъ.

- Куда же пойдете?

- Да какъ же знать это? Пойду, куда глаза глядятъ... Франція велика, и бѣлый свѣтъ тоже... Съ хорошими руками работа вездѣ найдется. А потому я ничего и не боюсь.

Ковенъ вышелъ, и характеръ расы вступилъ опять въ свои права.

— Конура отдается въ наймы, съ мебелью! — проговорилъ онъ.—Вотъ... оставляю болѣе бѣдному!

Онъ громко разсмѣялся, надрываясь въ душѣ.

Любопытство дѣлало Маркана безжалостнымъ.

— Такъ вы, вправду, уходите и навсегда?... Безъ сожалѣнія?

Ковенъ поднялъ на него глубокій взглядъ, блестящій въ послѣднихъ лучахъ догоравшаго дня.

— Если вы помните то, что я принужденъ былъ вамъ сказать однажды, добрѣйшій господинъ Марканъ, то безъ труда поймете, что, ради дѣвочки, я долженъ уйти. Для нея я все долженъ сдѣлать и все сдѣлаю, безъ горя-печали... безъ сожалѣнія, какъ вы говорите.

И тотчасъ же обобщая свою мысль, по обыкновенію простыхъ людей, вѣрныхъ преданіямъ устной мудрости, онъ добавилъ:

— Для своихъ дѣтей ни за чѣмъ не постоишь!

Марканъ чувствовалъ въ этомъ человѣкѣ нѣчто высокое.

— Вы мнѣ позволите пожать вашу руку?—спросилъ онъ.

— О, охотно!—отвѣтилъ крестьянинъ.—Мнѣ пріятно это, повѣрьте, и даже очень, очень пріятно.

Чтобы пожать руку Маркана, онъ опустилъ на землю свой кошель, который держалъ за ремень въ то время, какъ лѣвою рукой сжималъ на груди конецъ завязаннаго узломъ мѣшка, лежавшаго у него за спиной.

Ковенъ пожалъ руку Маркана, поднялъ кошель, вскинулъ его на плечо и проговорилъ:

— Храни васъ Богъ и ваше дитя... Вы отличный, честный человѣкъ.

И онъ пустился въ путь прямо полемъ, ни разу не оглянувшись назадъ.

Марканъ съ глубокимъ чувствомъ слѣдилъ глазами за его спиной, немного сгорбленной подъ тяжестью ноши. Это напомнило ему отца, долго странствовавшаго такъ же точно съ коробомъ книгъ на спинѣ. А онъ, Денисъ, много прочелъ всякихъ книгъ, очень много, сталъ виднымъ господиномъ, гордымъ своими познаніями. Почему же онъ чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ,—такъ же просто, какъ этотъ человѣкъ для дочери, — пожертвовать своею страстью ради ребенка, котораго велъ за руку и котораго не слѣдовало губить изъ-за этого?

«Но, вѣдь, этотъ человѣкъ,—разсуждалъ Марканъ самъ съ собою,—искупаетъ нѣчто. Мнѣ искупать нечего!... Нѣтъ основанія

сравнивать его участь съ моею». А какой-то голосъ говорилъ: «Не въ томъ дѣло! А ты не умѣешь любить, какъ онъ! И если онъ преступенъ, то поступать хорошо ему труднѣе, чѣмъ тебѣ!»

И, по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ удалялся, онъ принималъ въ глазахъ Маркана гигантскіе размѣры. Онъ шелъ, унося весь свой достатокъ на спинѣ и тяжелое горе въ сердцѣ, шелъ одинъ, невѣдомо куда, все болѣе и болѣе углубляясь въ сгущающійся сумракъ ночи, въ которомъ вдругъ исчезъ совсѣмъ.

— Вотъ и не видать того человѣка, — сказалъ Жоржъ и тотчасъ же добавилъ:—Я усталъ...

XXVII.

Марканъ нагнулся, взялъ сына на руки и такимъ образомъ прошелъ пятьсотъ метровъ, остававшихся до города.

Во время этого перехода Марканъ шутилъ съ ребенкомъ, смѣшилъ его, щекоталъ его носъ, губы концомъ своей бороды. И мальчикъ заливался громкимъ смѣхомъ.

— Давно уже, папочка, ты не смѣялся такъ съ своимъ Жоржемъ!—крикнулъ онъ, не переставая смѣяться.—Э, куда же это мы идемъ?

Они были у дверей телеграфной станціи, на самомъ краю города, около моста, по которому въ эту минуту проходилъ поѣздъ. Лишь войдя въ контору, Марканъ опустилъ на полъ свою дорогую ношу.

Марканъ, стоя, писалъ.

— Скажи, папочка, мама вернется по желѣзной дорогѣ?

— Навѣрное,—отвѣтилъ Марканъ.

Въ телеграммѣ онъ написалъ:

Госпожѣ Элизѣ Марканъ,
Яхта Голубой Ибисъ, Тулонскій рейдъ.
Пріѣзжайте.

Марканъ.

Потомъ добавилъ:

Предупредите непремѣнно. Буду на станціи.

Посмотрѣвши съ секунду на эту фразу, онъ зачеркнулъ ее, чтобы написать:

Встрѣтятъ на станціи.

Ему показалось невозможнымъ встрѣтить при публикѣ женщину, которую онъ не могъ уже ни доводить до отчаянія, ни обнять при возвращеніи.

Крестьянинъ Ковенъ не воображалъ, разумѣется, что онъ спасъ нѣсколькихъ человѣкъ разомъ.

XXVIII.

Элиза доходила до полнаго отчаянія, слушая разсказъ мадамъ Дофенъ о томъ, какъ принялъ ее Марканъ. Молодая женщина не видала иного выхода, какъ только смерть, когда получилась телеграмма.

То былъ бальзамъ на новую рану, но рана нанесена была жестокая.

— Богу угодно, чтобъ я умерла, я вижу это,—сказала Элиза.—Счастье это суждено мнѣ, когда я переживу послѣднее испытаніе. Я хорошо понимаю, что вызываютъ меня только на мученія, вызываютъ ради нашего ребенка, но не прощаютъ... По крайней мѣрѣ, я заранѣе подготовлена.

Она уѣхала на слѣдующій день. Въ лодкѣ, увозившей ее съ проклятой яхты въ Тулонъ, съ Элизой сдѣлалось дурно.

Оставшаяся на *Голубомъ Ибисѣ* мадамъ Дофенъ дѣлала ей издали ободряющіе знаки.

— Мы съ вами уже не увидимся,—говорила ей Элиза.—Что̀ бы ни случилось, намъ уже не встрѣтиться. Умоляю васъ сохранить ко мнѣ жалость, которая помогла мнѣ очнуться. Я же навсегда, до конца жизни, уношу съ собою вѣчную благодарность вамъ... Не откажите принять отъ меня на память эту вещицу, хотя она имѣетъ нѣкоторую цѣнность. Это единственная вещь, доставшаяся мнѣ отъ матери, и ей перешла по наслѣдству. Съ этою вещью связана часть моей жизни... Возьмите ее,—это, поистинѣ, даръ умирающей.

Мадамъ Дофенъ приняла драгоцѣнный подарокъ, многое разгадала въ глубинѣ мысли Элизы, съ своей стороны дала ей только крошечное *Подражаніе Христу*, сильно потертое, въ выцвѣтшемъ переплетѣ изъ шелковой матеріи.

Такъ онѣ разстались.

XXIX.

Мадамъ Дофенъ тотчасъ же написала сыну.

Онъ постоянно получалъ вѣсти отъ матери объ Элизѣ, такъ что мало-по-малу Элиза стала дорога̀ ему, какъ супруга, благодаря привязанности къ ней его матери. Этотъ скептикъ, очень близкій къ мистицизму, считалъ себя нравственно вступившимъ

въ бракъ съ Элизой. Теперь онъ разводился, у него отнимали жену. И онъ былъ неутѣшенъ. Въ Парижѣ, среди веселья, онъ хранилъ въ душѣ весьма сносную, хотя и вполнѣ искреннюю печаль, подъ легкомысленною внѣшностью свѣтскаго человѣка. Въ то же время, онъ находилъ въ этомъ чарующее наслажденіе. Онъ сознавалъ себя героемъ романа, переживалъ свой новый романъ. Порою, среди вечера, Пьеръ покидалъ оживленное и веселое общество, возвращался къ себѣ и писалъ меланхолическій сонетъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный всяческою роскошью и комфортомъ... А такъ какъ его сонеты никогда не печатались, то онъ никогда и не каялся въ этомъ, но иногда въ литературной бесѣдѣ говорилъ съ убѣжденнымъ тономъ:

— Сонетъ, поистинѣ, очень красивая форма, которою слишкомъ пренебрегаютъ.

Онъ сообразилъ, что Элиза и Марканъ должны скоро покинуть Сенъ-Рафаэль, и тотчасъ же задумалъ купить виллу Террасы, поселиться въ ней на нѣкоторое время, замкнуться въ печальномъ одиночествѣ тамъ, гдѣ жила *она*, въ виду моря, на которомъ они любили другъ друга... Затѣмъ онъ остановился на другой мысли, показавшейся ему болѣе подходящей: купивши виллу, онъ прикажетъ сломать ее, чтобы не осталось камня на камнѣ. Вотъ это представлялось ему вполнѣ достойнымъ Донъ-Жуана милліонера, истинно любившаго—разъ въ жизни!

Онъ такъ и сдѣлалъ два мѣсяца спустя, когда Марканъ отбылъ на свою префектуру.

XXX.

Элиза одна въ дамскомъ отдѣленіи вагона неслась къ своему ребенку.

На платформѣ станціи ее встрѣтила Жермена.

— Мосьё здѣсь, въ каретѣ.

Элиза вынуждена была опереться на руку няньки. Дверца кареты отворилась, Марканъ вышелъ изъ нея. Элиза не смѣла глазъ поднять.

— Садитесь,—сказалъ онъ.

Она сѣла молча. Ея сердце билось такъ, что, казалось, готово было лопнуть. Она подняла робкій взглядъ на мужа и тотчасъ опустила глаза. Молчаніе терзало ихъ обоихъ.

— Я звалъ васъ, моя бѣдная Элиза, потому что наше дитя умираетъ отъ разлуки съ вами. Вы простите меня, надѣюсь, въ

томъ, что бо́льшаго я не могу сдѣлать. Я пытался, не въ силахъ я. Жить я буду съ вами, уединенный моею работой... Мы будемъ видаться только за столомъ... Вы, конечно, не измѣнитесь отъ этого. Мы попробуемъ, по возможности, не дать замѣтить ребенку нашего несчастія, ничѣмъ уже непоправимаго. Ваша любовь къ нему вдохновитъ васъ.

— Денисъ! — прошептала она, складывая руки передъ нимъ съ безумнымъ желаніемъ ломать ихъ, упасть тутъ же, въ каретѣ, на колѣни, валяться у его ногъ.

Онъ видѣлъ весь этотъ порывъ.

— Въ особенности, чтобы сценъ не было, — никогда. Самообладаніе, терпѣніе, энергичная покорность, неизмѣнная ровность, — вотъ что требуется отъ васъ.

Никогда властный человѣкъ въ немъ не сказывался такъ авторитетно, такъ твердо, и не вызывалъ такого безпрекословнаго повиновенія.

Какъ дитя, слезы котораго утишаютъ тѣмъ, что не жалѣютъ его, она тотчасъ же почувствовала себя сильнѣе.

— Вы добры, вы слишкомъ добры! Я сдѣлаю все, что вамъ угодно... что можетъ его утѣшить!

— Хорошо, — сказалъ Марканъ, — это, именно, и нужно. Вамъ остается исполнить только эту обязанность.

XXXI.

Марканъ провелъ Элизу въ ея комнату.

— Я отправилъ Жоржа гулять съ учителемъ. Съ нимъ необходима, вы сами понимаете, большая осторожность.

Онъ оставилъ Элизу наединѣ съ Жерменой и сошелъ внизъ поджидать Жоржа, въ нѣкоторой тревогѣ по поводу волненія, которое онъ вызоветъ въ бѣдномъ мальчикѣ сообщеніемъ о пріѣздѣ матери.

Жоржъ вошелъ почти слѣдомъ за отцомъ и вихремъ понесся черезъ корридоръ въ гостиную.

— Мама вернулась, папочка?

— Ты почему знаешь?

— Смотри.

Въ корридорѣ Элиза обронила вуалетку, Жоржъ нашелъ и узналъ или, вѣрнѣе, угадалъ, чья она.

— Это мамина, мамина! Она вернулась!... Гдѣ же она?

У Маркана силы не хватало вести его наверхъ.

— Въ своей комнатѣ, мой Жоржъ.

Элиза стояла на верхней площадкѣ, прислонившись къ косяку своей двери, все слышала, надѣялась... Она ждала позволенія!

Жоржъ мчался къ ней, перескакивая черезъ двѣ ступеньки, спотыкаясь, чуть не падая и схватываясь за перила, совсѣмъ потерявши голову отъ радости.

— Мама! мама!

Она въ изнеможеніи опустилась на колѣни, блѣдная, какъ мертвецъ, и обнимала его, повертывала, смотрѣла на него, вновь прижимала къ груди, обдергивала на немъ блузу машинальнымъ движеніемъ заботливой матери, поправляла его волосы, цѣловала, отстраняла отъ себя, чтобъ еще взглянуть на него, себя не помнила, подхваченная вихремъ прежнихъ чувствъ, опять найденныхъ и совсѣмъ новыхъ, которыхъ она не ждала уже никогда...

— Мой Жоржъ! Жоржъ, мальчикъ мой! Милый, дорогой мой мальчикъ! Радость моя! Мой маленькій Жоржъ! Наконецъ-то!

Она умирала отъ любви и оживала тотчасъ же для еще болѣе сильной любви. А онъ смотрѣлъ на нее, принимался прыгать въ ея объятіяхъ, задавалъ сразу множество вопросовъ, пѣлъ отъ восторга, взглядывалъ въ окно на море и небо, и все казалось ему прекраснымъ, новымъ, радостнымъ и даже муха, бившаяся объ стекло.

— Мама, смотри, какая она!

Онъ все примѣшивалъ къ своей радости, до забвенія главной причины, вызвавшей ее.

— Знаешь, мама, у меня есть бѣлка! Хочешь сейчасъ посмотрѣть?... Нѣтъ? Ну, потомъ... Ты купишь клѣтку для нее? Такую круглую, которая вертится, знаешь?... Почему ты не возвращалась такъ долго? И, въ особенности, почему ты уѣхала, не сказавши намъ ничего?... Безъ тебя я не могъ ни спать, ни ѣсть... Я прятался отъ папы и плакалъ, потому что онъ тоже былъ слишкомъ грустенъ... Въ другой разъ надо предупредить... Когда знаешь впередъ, это большая разница,—правда?

XXXII.

«Въ другой разъ надо предупредить!» — эта фраза сдѣлалась правиломъ всей жизни Элизы.

Она не разсчитывала жить долго и хотѣла весь остатокъ жизни употребить на то, чтобы подготовить сына къ своей смерти, заранѣе предупредить о предстоящей разлукѣ. Въ этомъ было все для

нея. И сдѣлала она это съ необыкновенною ясностью духа, весело даже, чтобы ребенокъ,—когда ея не станетъ,—думая о ней, сохранилъ только воспоминанія покоя и тихой нѣжности.

Марканъ видѣлъ это и не разъ бывалъ глубоко растроганъ, но невозможность простить засѣла въ немъ крѣпко, какъ ледъ, не тающій ни отъ чего.

Завѣса, упавшая между ихъ душами, не приподнималась, и не было общенія между ними.

Марканъ пытался иногда быть «милымъ», ласковымъ» съ нею, но ничего *не выходило,* и каждое его слово, которымъ онъ хотѣлъ выразить одобреніе, хорошее чувство, звучало такою натянутостью, что молчаніе оказывалось менѣе жестокимъ.

Вся отдавшись мысли о томъ, чтобъ утѣшить сына, Элиза стала менѣе чувствительною къ холодности мужа. По мѣрѣ того, как удавались ея заботы о ребенкѣ, чистыя радости, которыя она испытывала, заглушали ея страданія,—она почти забывала о нихъ. На самомъ дѣлѣ, это была теперь святая душа и многія, несогрѣшавшія никогда, въ сравненіи съ нею оказывались лишенными достоинства и благородства.

Разъ какъ-то, вначалѣ, Жоржъ сказалъ:

— Я иду съ папой и возьму съ собой *Голубого Ибиса* пускать на воду.

— Не бери его, Жоржъ.

— Почему, мама?

— Я не могу объяснить тебѣ этого, но увѣрена, что это непріятно твоему отцу.

— Я всегда бралъ его съ собою, когда тебя не было.

Она закрыла глаза отъ внутренней муки, чтобы перестать видѣть на минуту, чтобъ очутиться во тьмѣ.

— Если онъ позволялъ тебѣ это, то лишь по своей добротѣ. Твой отецъ любитъ тебя больше даже, чѣмъ я, такъ какъ не лишалъ тебя этой игрушки. Хочешь подарить ее мнѣ?

Жоржъ широко открытыми глазами смотрѣлъ въ потолокъ, точно ища гдѣ то объясненія всего этого.

— Да, мама. На что онъ тебѣ?

— Подари такъ, ни о чемъ не спрашивая.

— Изволь, мама.

На слѣдующій день Элиза принесла сыну прекрасную клѣтку для его бѣлки, очень сложную и красивую, въ которой звѣрокъ началъ тотчасъ же быстро-быстро вѣртѣться.

Жоржъ пришелъ въ востоогъ.

Элиза уже сочинила свою сказочку и обратилась къ сыну:

— Угадай, что я дала за нее?

— По крайней мѣрѣ, сто франковъ!... Нѣтъ, тысячу франковъ!

— Нѣтъ, ровно ничего,—сказала мать.—Мнѣ дали ее... въ обмѣнъ на твой караблинъ.

— Мой корабликъ?... Такъ у меня его уже не будетъ?

Мальчикъ казался крайне огорченнымъ.

— Да, вѣдь, ты же подарилъ мнѣ его, я и сдѣлала съ нимъ, что мнѣ хотѣлось.

Жоржъ подумалъ съ минуту.

— Это правда,—согласился онъ,—корабликъ былъ твой, а уже не мой... Я отдалъ его тебѣ совсѣмъ по своей волѣ.

Элиза улыбнулась, счастливая.

Тогда, видя, что она довольна имъ, Жоржъ бросился на шею матери, приложилъ губы къ ея уху и проговорилъ чуть слышно,— изъ нѣжности, но съ смутнымъ чувствомъ, что надо говорить тихо, такъ какъ есть тутъ какой-то секретъ:

— Такъ какъ папа не любилъ мой корабликъ, то знаешь.. ты хорошо сдѣлала.

Многое подобное приходилось слышать Маркану. Не разъ до него долетала фраза: «Твой отецъ любитъ тебя больше, чѣмъ я!» И Элиза приводила тому доказательства, указывала на всю нѣжность отца, говорила о томъ, какъ онъ трудится, чтобы кормить Жоржа, сдѣлать его нарядным и добрымъ, дать ему образованіе.

— О, да, я знаю, хорошо знаю, мама! Когда тебя не было, я даже передать не могу, какъ онъ баловалъ меня! Папа самъ меня одѣвалъ, спать укладывалъ, чулки надѣвалъ на меня... Онъ былъ моею мамой, вмѣсто тебя... Вотъ онъ какой!

Элиза была счастлива мыслью, что, въ случаѣ ея смерти, отецъ съумѣетъ замѣнить ее.

— Только...—началъ опять Жоржъ.

— Что только?—спросила она тревожно.

— Странно это, онъ не говорилъ со мною о тебѣ, никогда не говорилъ!

— Я сама ему запретила!—живо возразила она.

То былъ отвѣтъ растеряннаго самоотреченія, захваченнаго врасплохъ. Этою милою ложью она все объясняла въ пользу отца. Марканъ слышалъ это. Онъ нашелъ отвѣтъ дивнымъ, но сердце его нисколько не смягчилось.

— А почему ты запретила?

— Потому, что я уѣхала, ничего не сказавши, и надо было, чтобы ты какъ можно рѣже думалъ обо мнѣ.

— О, не помогло!... Я все время только о тебѣ и думалъ!

XXXIII.

Элизѣ пришлось покинуть Сенъ-Рафаэль какъ разъ тогда, когда ей слѣдовало туда пріѣхать ради своего здоровья. Врачи говорили это, но она не согласилась остаться опять одна. Она желала продолженія мученичества,—оно необходимо ей было. Въ немъ она находила наслажденіе, на него возлагала всѣ упованія.

Марканъ уѣхалъ съ нею въ свою префектуру. Громадный неуютный домъ въ безжизненномъ городѣ. Въ этомъ году префектъ не давалъ бала. Марканъ весь ушелъ въ дѣла, все дѣлалъ самъ, оставлялъ Элизу и Жоржа однихъ цѣлыми днями, длинными вечерами въ огромныхъ комнатахъ, мрачныхъ и пустынныхъ, гдѣ никакое освѣщеніе не могло казаться достаточнымъ.

Врачъ префектуры, приглашенный во время одного припадка, сказалъ Маркану:

— Не хороша она. Есть какія-то осложненія, которыя ускользаютъ отъ меня. Во всѣхъ болѣзняхъ я распознаю случаи, когда въ дѣло впутывается нѣкоторая «злокачественность», по существу своему, неопредѣлимая... Что это такое? Мы сами не знаемъ. Это тончайшая, отравленная рана невидимаго: это — смерть. Что касается больной,— вы требуете отъ меня голой правды, — больной нѣтъ спасенія. Протянетъ ли она шесть мѣсяцевъ или больше, или нѣсколько недѣль,—я не знаю. Несомнѣнно одно, она поконченный человѣкъ.

Элиза себѣ не измѣняла. Порою Марканъ самъ злился на себя за то, что не можетъ быть привѣтливымъ съ нею. Это было выше силъ его... Онъ ни разу во все время не поцѣловалъ ее. Его неподатливая правдивость не допускала подобной комедіи, даже ради Жоржа.

Элиза всегда взглядывала на него робко, точно забитая собака. Впрочемъ, и онъ избѣгалъ прямо смотрѣть на нее, чувствуя, что, вопреки желанію, въ его глазахъ отражается суровость, неподдающаяся его волѣ.

Чувствуя съ каждымъ днемъ возростающую слабость, Элиза заговаривала съ своимъ Жоржемъ о возможности разлуки невольной—о смерти.

— Мама, зачѣмъ умираютъ?

— Такъ угодно Богу. Избѣжать этого нельзя: приходится разставаться съ мужемъ, съ дѣтьми. Жаль ихъ, а надо разстаться. А они не должны плакать слишкомъ долго, чтобы не причинять горя умершимъ... Когда я оставила тебя въ первый разъ, я не простилась съ тобой. Такъ, вотъ видишь, теперь я тебя предупреждаю!

— О, мама, оставайся съ нами!

— Еще немного, да, я останусь, если можно будетъ... такъ долго, сколько смогу...

Такъ она подготовляла его, утѣшала заранѣе. Разъ онъ вбѣжалъ къ отцу, занимавшемуся въ своемъ большомъ кабинетѣ.

— Съ мамой дурно!

Мальчикъ рыдалъ. Марканъ вскочилъ съ мѣста, побѣжалъ, самъ дивясь на себя, страшно встревоженный.

Элиза лежала на своей кровати.

— Ничего это, — проговорила она, слабо улыбаясь, — но я счастлива, что вижу васъ. Благодарю.

Ея опущенная рука ласкала длинные волосы Жоржа. Съ головою, немного приподнятою на подушку, она смотрѣла на Маркана, стоявшаго неподвижно въ ногахъ постели и тоже смотрѣвшаго на жену. Ихъ глаза, съ извѣстнаго момента, не встрѣчались.

Онъ былъ серьезенъ, печально строгъ, опять-таки противъ воли. Улыбка тотчасъ же исчезла съ лица Элизы.

Въ глазахъ Маркана свѣтилась непроизвольная суровость, что-то жесткое, непреклонное, — упрекъ, быть можетъ — осужденіе, несомнѣнно—кара. Въ этомъ взглядѣ не было ненависти, но было, пожалуй, нѣчто худшее: равнодушіе. Онъ, казалось, видѣлъ не *ее*, а, какъ всегда, «чужую». Она же чувствовала въ своей груди сердце прежней Элизы, даже очистившееся... Почему же онъ не узнаетъ ея сердца?

Эта невозможность раскрыть передъ нимъ душу томила Элизу. Она сознавала, что словами не сдѣлать этого. «О, еслибъ онъ могъ заглянуть,—проносилось у нея въ головѣ,—но, то-то и есть, нельзя этого!» —и она обращала къ нему взоръ, въ которомъ все это видно было. Вся душа ея отражалась въ прозрачности и ясности этого взгляда, трепетала въ немъ и звала. То была мольба утопающаго, зовущаго спасти его. «О, приблизиться къ тебѣ!... О, быть любимой тобою, хотя бы секунду, секунду земную, которую я унесу съ собою въ вѣчность! Не была я развѣ такою въ эти послѣдніе дни, какою ты хотѣлъ меня видѣть? Не искуплена ли уже моя вина? Не очистило ли меня мое раскаяніе? Когда Богъ прощаетъ, когда твой умъ прощаетъ, неужели сердце твое не сдастся?

Ты самъ невластенъ, я знаю это, любить еще мгновеніе мою изнывающую душу, и я въ отчаяніи отъ того, безконечная любовь не въ силахъ создать любовь!... Денисъ, Денисъ, эти глаза, говорящіе тебѣ, закрываются уже навсегда! Еще нѣсколько минутъ, и для насъ обоихъ будетъ поздно! Неужели я не унесу съ собою невольнаго прощенія любви, чтобы вымолить прощеніе Бога, или же мнѣ остается лишь надѣяться на милосердіе судьи?... Агонія мучениковъ не страшна, такъ какъ они знаютъ, что любимы тѣмъ, за кого они умираютъ... Денисъ, Денисъ! мои глаза меркнутъ, душа отлетаетъ... Моя душа уносится туда, куда ты не можешь слѣдовать за нею... Жоржъ! Денисъ! Боже мой!»

Элиза не проговорила ни слова. Она душою смотрѣла, и душа говорила ея глазами сквозь туманъ, постепенно заволакивавшій ихъ.

Марканъ видѣлъ и не понималъ вначалѣ этой тревожной мольбы, и вдругъ онъ почувствовалъ душой, какъ стремится ея душа къ нему изъ того далека, въ которомъ готова исчезнуть... Тогда въ его глазахъ засвѣтилась нѣжность... и тотчасъ же Элиза просіяла блаженною улыбкой... Передъ нимъ была прежняя Элиза, истомленное лицо молодой женщины, умиротворенное превращалось въ лицо молодой дѣвушки... Ихъ души узнали другъ друга, слились на мгновеніе, внѣ міра, счастливыя другъ другомъ... Марканъ кинулся къ женѣ, припалъ къ ея губамъ... Онъ въ поцѣлуѣ принялъ ея послѣдній вздохъ, и остался съ минуту неподвижнымъ, удивленнымъ тѣмъ, что остался живъ, параженный тѣмъ, что на мигъ сопровождалъ ее за предѣлы земного существованія чудомъ любви,— той любви, для объясненія которой нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, которую скрываетъ отъ насъ чувственная любовь, когда любящіе соединены другъ съ другомъ даже такъ дивно, какъ свѣтильникъ съ пламенемъ!

М.

СМЕРТНЫЙ БОЙ *).

(Повѣсть).

XIX.

Ловичъ въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсяца ждалъ отклика на свое объясненіе въ паркѣ Монсо. Онъ, конечно, не разсчитывалъ такъ скоро на что-нибудь опредѣленное, но все же надѣялся, что Даша пришлетъ ему какихъ-нибудь два слова, хотя бы ничего не означающихъ, хотя бы отрицательныхъ,—и это значило бы нѣкоторое движеніе впередъ. Для него было мучительно стояніе на одномъ мѣстѣ. То, что онъ ощущалъ въ своей груди, никоимъ образомъ не могло назваться спокойнымъ чувствомъ. Онъ давно уже пересталъ считать себя способнымъ къ бурнымъ порывамъ, давно не испытывалъ ихъ и, быть можетъ, потому-то этотъ порывъ и проявился въ немъ съ такою силой.

Сперва онъ искалъ случая встрѣтиться съ Дашей. Убѣдившись, что она перемѣнила мѣсто для гулянья съ дѣтьми, онъ оставилъ паркъ Монсо и пробовалъ заглядывать во всѣ маленькіе скверы, какіе есть въ этой мѣстности. Но тамъ онъ не встрѣчалъ ее. Онъ исколесилъ во всѣхъ направленіяхъ Булонскій лѣсъ, куда иногда Каширцевы посылали дѣтей, но и это было напрасно. Тогда онъ, наконецъ, сказалъ себѣ: «Нѣтъ, долженъ же я обидѣться! Вѣдь, я допускаю униженіе, это никогда не входило въ мою программу жизни!» И онъ пересталъ разыскивать Дашу. Одно время ему даже показалось, что онъ нашелъ прекрасное средство забыть ее. Его обширныя знакомства въ парижскомъ полусвѣтѣ были совсѣмъ заброшены. Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали Каширцевы, или, лучше сказать, съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ Дарьей Степановной, его какъ-то не тянуло туда. Онъ уже началъ было счи-

тать себя до извѣстной степени добродѣтельнымъ. Но теперь онъ рѣшилъ разомъ возобновить всѣ прежнія связи. И его можно было видѣть въ Елисейскихъ поляхъ, въ пестрой компаніи странныхъ людей, съ которыми, въ сущности, у него не было ничего общаго, въ шикарныхъ ресторанахъ, гдѣ сборъ публики начинался только послѣ полуночи, въ загородныхъ прогулкахъ, и всюду онъ велъ себя нервно, экзальтированно, стараясь не оставить для себя ни одной минуты для размышленія, пріѣзжая домой въ такомъ состояніи, что у него не являлось никакой другой мысли, какъ лечь поскорѣй въ постель и заснуть. Но въ тѣ минуты, когда онъ добросовѣстно останавливался на своемъ душевномъ состояніи, онъ ясно чувствовалъ, что, въ сущности, всѣ эти мѣры ни къ чему не ведутъ, что окружающія его женщины ему непріятны, случайные друзья только раздражаютъ его, развлеченія нисколько не развлекаютъ его, и ото всего вѣетъ на него мрачною скукой.

Тогда онъ рѣшилъ уѣхать изъ Парижа. Онъ давно не бывалъ въ Лондонѣ, и, прежде всего, переплылъ проливъ. Но въ столицѣ Англіи ему не удалось просидѣть болѣе 24 часовъ. Тамъ онъ почувствовалъ признаки того настроенія, которое изрѣдка посѣщало его даже въ веселомъ Парижѣ и очень смахивало на англійскій сплинъ. Все казалось ему сухимъ, мертвымъ, скучнымъ, ненужнымъ. Въ Лондонѣ у него были интересныя знакомства, но онъ не пошелъ ни къ кому и почти сплошь цѣлыя сутки просидѣлъ въ номерѣ гостинницы. Это начинало раздражать его. «Неужели я могу до такой степени пойти въ рабство къ чувству, такъ растеряться и такъ мало владѣть собой,—думалъ онъ,—я, котораго жизнь столь многому научила, я, побывавшій во всевозможныхъ передѣлкахъ и выходившій изъ нихъ побѣдителемъ? Удивительно! Можно подумать, что въ самомъ дѣлѣ для каждаго человѣка созданъ другой, которому предназначено быть его господиномъ, и будь ты хоть римскій императоръ, все равно будешь его рабомъ».

Ему пришло на мысль, что страсть можетъ быть подавлена только новою страстью. Онъ вспомнилъ, что въ давнія времена ему было въ высокой степени доступно увлеченіе игрой. Онъ заѣхалъ на нѣсколько часовъ въ Парижъ, захватилъ съ собой крупную сумму денегъ, съ твердымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало проиграть ее, такъ какъ игра доставляла ему удовольствіе и волновала его именно тогда, когда онъ проигрывалъ, и прямо отсюда проѣхалъ въ Монте-Карло. И дѣйствительно, какъ только онъ туда явился, его охватило волненіе игрока. Онъ не высидѣлъ въ гостиницѣ и получаса и сейчасъ же отправился въ казино. Едва

онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько ставокъ, какъ убѣдился, что ему безумно везетъ. Онъ выигрывалъ почти навѣрняка. Это охладило его и онъ въ тотъ день оставилъ игру. Онъ пробовалъ на другой день, на третій и все выигрывалъ. Тогда онъ поставилъ сразу крупную сумму, повторилъ эту ставку нѣсколько разъ и оказался въ огромномъ выигрышѣ. Придя домой, онъ сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующее письмо въ Парижъ:

«Я въ Монте-Карло, пробовалъ проиграть, но мнѣ, очевидно, страшно не везетъ, потому что я все выигрываю, и вотъ передо мной на столѣ лежитъ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ, которые я выигралъ, все время думая о васъ. Я выигралъ ихъ, такъ сказать, на ваше имя, на вашъ страхъ и рискъ, очевидно, вы—счастливая. Я долго терпѣлъ, старался выдержать характеръ, пытался убѣдить себя, что мнѣ все равно, что я выше страстей и чувствъ. Но все было ни къ чему. Несмотря ни на что, у меня нѣтъ другихъ желаній, кромѣ одного: быть у вашихъ ногъ. Это письмо не имѣетъ претензій повліять на васъ какимъ бы то ни было образомъ и привести къ какимъ-либо опредѣленнымъ результатамъ. Оно для меня есть единственный способъ хоть немного облегчить душу. Если вы еще не сдѣлались совершенно безчеловѣчной и жестокой, то напишите мнѣ въ отвѣтъ только два слова, именно—буквально два слова. Мнѣ нужно знать, сдѣлали ли вы ту классическую глупость, которую вамъ навязываютъ (я говорю о ненавистномъ мнѣ Отлетовѣ), или еще рѣшили подождать. Послѣднее, конечно, стоитъ очень немного, ибо вовсе еще неизвѣстно, что оно будетъ клониться въ мою пользу, и, тѣмъ не менѣе, даже эта легкая тѣнь надежды составитъ для меня уже нѣкоторое счастье».

Письмо это онъ отправилъ Дарьѣ Степановнѣ. Больше онъ не пошелъ въ казино. Эти печальныя фигуры, съ надеждой протягивающія руки къ зеленому столу, эти лихорадочныя лица, на которыхъ написано одно страстное желаніе выиграть, болѣзненно раздражали его. Онъ предпочиталъ причудливыя окрестности и шлялся по нимъ съ утра до вечера. При этомъ онъ постоянно, непрерывно размышлялъ о своемъ положеніи. «Вѣдь, въ сущности, я могъ бы быть совершенно счастливъ, если бы на моемъ пути не стоялъ маленькій ничтожный предразсудокъ, который, однако-жь, владѣетъ и такими свободными (впрочемъ, не скажу свободными, а довольно будетъ сказать «либеральными») умами, какъ Владиміръ Ивановичъ. Я не говорю о моей героинѣ: ее можно понять. Всякому естественно желать устроить свою жизнь какъ можно прочнѣе. Это

въ особенности свойственно такъ называемымъ слабымъ существамъ, каковы женщины. Вѣдь, бракъ—это есть ничто иное, какъ результатъ женской предусмотрительности. Имъ надо было упрочить свое положеніе и онѣ съумѣли убѣдить себя, мужчинъ, весь міръ въ томъ, что брачная жизнь есть необходимое условіе порядочности, а впослѣдствіи возвели ее даже въ нѣчто священное. Вѣдь, если порыться хорошенько въ либеральной душѣ Владиміра Ивановича и, пожалуй, самого даже Шелковскаго, то въ самой глубинѣ ихъ душъ отыщется этотъ предразсудокъ, бережно обложенный ватой и, вообще, лелѣемый и охраняемый. Вѣдь, будь я свободенъ, не было бы никакихъ разговоровъ. Несмотря на всю мою столь прославленную порочность, несмотря даже — о ужасъ! — на мои отсталые взгляды, Владиміръ Ивановичъ первый благословилъ бы Дашу на бракъ со мной, а господинъ Шелковскій съ удовольствіемъ держалъ бы вѣнецъ надъ моею головой, а для Даши порекомендовалъ бы какого-нибудь новокрещеннаго прозелита изъ бывшихъ часовыхъ мастеровъ. Вся суть въ этомъ».

Но разсужденія нисколько не облегчали его. Когда ему приходило на мысль, что онъ совсѣмъ не слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ пансіонѣ госпожи Броникъ, что, быть можетъ, тамъ уже произошли событія,—выписали Отлетова и, чего добраго, торжественно побывали въ rue Darue, гдѣ помѣщается русская церковь,—то его бросало въ жаръ и холодъ. Онъ рѣшилъ такъ или иначе завести сношенія съ улицей Boétie. Онъ выждалъ дней пять, разсчитывая, все-таки, что ему отвѣтитъ желанныя два слова Дарья Степановна. Но, не получивъ отвѣта, онъ попробовалъ написать Ольгѣ Сергѣевнѣ. Онъ написалъ ей короткое письмо: «Для васъ будетъ все ясно, если я скажу, что у меня все осталось попрежнему, или, лучше, все прежнее выросло до невообразимыхъ размѣровъ. Вамъ покажется смѣшнымъ, что я способенъ терпѣть любовныя муки, но это такъ. Однажды въ разговорѣ мнѣ показалось, что вы склонны смотрѣть менѣе сурово на мои «преступныя» домогательства. Будьте же великодушны, разсѣйте мой страхъ предъ мыслью, что тамъ у васъ произошли уже обстоятельства, которыя способны сдѣлать мои муки безполезными и безъисходными. Вы должны понимать, что̀ я имѣю въ виду».

Дня черезъ два онъ дрожащими руками распечатывалъ конвертъ, на которомъ онъ узналъ почеркъ Ольги Сергѣевны. Въ немъ заключалось слѣдующее: «Пока ничего не случилось, но если вы будете бездѣйствовать, то непремѣнно случится. Не думайте, однако-жь, что я ваша союзница и что-нибудь хочу сдѣлать для васъ.

Вы въ этомъ не нуждаетесь. Я хочу только, чтобы Даша была счастливѣе большинства женщинъ того круга, къ которому я сама принадлежу. Я не думаю, что счастье ея зависитъ отъ васъ, а исключительно отъ ея характера. А, кажется, у нея есть всѣ задатки для того, чтобы взять въ руки человѣка, который будетъ ея мужемъ, хотя бы это были вы, и сдѣлать изъ него такую фигуру, какую ей вздумается. Теперь этого еще не видно, но я же говорю: задатки. Даша—дѣвушка, и задатки эти выростутъ въ опредѣленныя качества, когда она сдѣлается женщиной. Я знаю ее лучше, чѣмъ вы. Имѣли-ль вы это въ виду? О. К.».

Ловичъ написалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ въ отвѣтъ на это письмо: «Можете ли вы повѣрить, что я именно жажду, чтобъ меня скрутили въ бараній рогъ?»

Онъ послалъ это письмо и еще дней пять ходилъ по окрестностямъ. Но больше выдержать не могъ. Онъ сѣлъ на поѣздъ и поѣхалъ въ Парижъ. Заѣхавъ домой на четверть часа и оставивъ тамъ свой багажъ, онъ, несмотря на явно высказанное Владиміромъ Ивановичемъ нежеланіе видѣть его въ пансіонѣ госпожи Броникъ, помчался прямо туда.

XX.

Дарья Степановна переживала совершенно особенное состояніе.

Послѣ долгой борьбы, ей удалось, наконецъ, увѣрить себя, что весь эпизодъ съ Ловичемъ былъ простою маленькою игрой. Ей помогли въ этомъ случаѣ ходячія разсужденія, которыми она болѣе или менѣе безсознательно руководилась во всю жизнь: «Всякому человѣку предназначена извѣстная доля, которую надо терпѣливо сносить». «Смѣшно дѣвушкѣ въ моемъ положеніи мечтать о блестящемъ будущемъ». «Лучше жить въ скромной обстановкѣ, но съ спокойною совѣстью, съ убѣжденіемъ, что она пріобрѣтена честнымъ трудомъ». Ей показалось, что эти изреченія совершенно успокоили ее, и она нѣкоторое время съ ироническою усмѣшкой смотрѣла на прошлое и, когда вспоминала объ объясненіи Ловича въ паркѣ Монсо, то находила его чудовищнымъ.

Въ этотъ періодъ она написала нѣсколько писемъ въ Петербургъ Отлетову. Странно, что въ тѣ моменты, когда она брала въ руки перо и собиралась излагать свои мысли и чувства, она начинала ощущать какое-то нравственное безсиліе. Письма, въ которыхъ она намѣревалась горячо излить свою душу, выходили сухими и холодными. Въ эти именно моменты она смутно чувствовала,

что въ ея жизни что-то совершается не такъ, что въ глубинѣ души ея живутъ какія-то мучительныя сомнѣнія, и это проглядывало и въ самыхъ письмахъ.

Но однажды, когда она засѣла за письмо, ее охватилъ порывъ искренности и она вылила свою душу въ горячихъ словахъ. Слова эти были такъ же туманны, какъ и ея настроеніе, тѣмъ не менѣе, они ясно носили на себѣ печать тѣхъ мукъ, которыя она испытывала. Она не писала о себѣ, она не говорила, что съ нею произошли какія-либо обстоятельства, которыя доставляли ей страданія, она какъ бы отъ третьяго лица обсуждала вопросы жизни и высказывала ту мысль, что жизнь ставитъ человѣку иногда неразрѣшимыя задачи, что житейская борьба иногда бываетъ непосильна, что дѣвушкѣ въ ея положеніи на каждомъ шагу встрѣчаются соблазны, манящіе ее къ блестящему будущему, и что не всякая бываетъ способна устоять противъ нихъ. Въ то же время, она въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ высказывала сомнѣніе въ томъ, что трудовая жизнь, въ самомъ дѣлѣ, есть лучшее назначеніе человѣка. Дарья Степановна не умѣла писать закругленно и складно и, благодаря этому, ея мысли, и безъ того туманныя, вылились въ такую форму, что все ея письмо походило на какой-то глухой крикъ больной души. Когда она написала это письмо и перечитала его, оно показалось ей слишкомъ сильнымъ и она нѣкоторое время даже не рѣшалась послать его Отлетову. Она боялась, что письмо слишкомъ встревожитъ его, заставитъ его бросить работу и, пожалуй, подвинетъ даже на такой подвигъ, какъ поѣздка въ Парижъ. То, что̀ написала она, ей самой было слишкомъ близко и потому думалось, что и въ близкомъ человѣкѣ, какимъ она считала Отлетова, должно вызвать самый живой откликъ. И она съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта изъ Петербурга.

Ровно черезъ тотъ срокъ, какой требовался для того, чтобы письмо дошло отъ Парижа до Петербурга и обратно, она получила письмо отъ Отлетова. Съ первыхъ же страницъ ей стало ясно, что страхи ея были напрасны. Отлетовъ писалъ:

«Дорогая Даша! Я получилъ твое письмо, которое свидѣтельствуетъ, что парижскій климатъ не совсѣмъ благопріятно дѣйствуетъ на твои нервы («нервы!»—съ горечью подумала Даша). Мнѣ нѣсколько странно, что это можетъ случиться съ человѣкомъ въ твоемъ положеніи. По крайней мѣрѣ, я, для себя лично, не могу допустить этого. Мы—люди труда, поставленные въ необходимость сберегать свои силы, потому что онѣ нужны намъ каждую минуту, должны держать свое настроеніе въ рукахъ, какъ бы ни было оно

капризно, держать искусно, какъ опытный кучеръ сдерживаетъ на возжахъ горячихъ коней. Ты говоришь о житейской борьбѣ. Несомнѣнно, каждый нашъ шагъ есть борьба, но для людей нашего положенія исходъ этой борьбы заранѣе предусмотрѣнъ, именно: мы побѣдимъ тамъ, гдѣ будетъ по нашимъ скромнымъ силамъ, и добровольно уступимъ тамъ, гдѣ нашихъ силъ не хватитъ безъ того, чтобъ мы должны были сдѣлать надъ собой насиліе. Есть избранные люди, одни потому, что природа отмѣтила ихъ выдающимися дарованіями, другіе потому, что имъ повезло и они родились богатыми. Это—любимцы судьбы. Мы не попали въ ихъ число, и съ нашей стороны было бы безуміемъ добиваться во что бы то ни стало того, что предназначено для другихъ. И такъ, милая Даша, если въ той борьбѣ, о которой ты говоришь, требуется слишкомъ много силъ, то лучше уступи и, такимъ образомъ, сбереги силы для здоровой честной работы. Да, бываютъ и паденія, и ты права, что дѣвушки въ твоемъ положеніи нерѣдко пасуютъ. Но я слишкомъ знаю тебя, знаю твою твердость и ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что это можетъ грозить всѣмъ, кромѣ тебя. Мои дѣла потихоньку подвигаются впередъ. Я надѣюсь, что скоро мнѣ удастся упрочить свое положеніе въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ, гдѣ я буду имѣть постоянную работу. Это дастъ, конечно, немного, но достаточно для того, чтобы мы вдвоемъ могли жить, не считая себя бѣдняками. Къ тому же, нашъ бюджетъ будетъ еще пополняться тѣмъ, что ты заработаешь уроками. Конечно, я не позволю, чтобы ты работала такъ много, какъ прежде. Но все же, если ты будешь работать часа три въ день, то и этого будетъ достаточно. Думаю, что къ Рождеству дѣла мои настолько окрѣпнутъ, что ты сможешь пріѣхать въ Петербургъ, мы обвѣнчаемся и заживемъ тою жизнью, о которой такъ давно мечтали».

Письмо это произвело на Дашу самое безотрадное впечатлѣніе. Никогда еще ей не было нужно до такой степени, какъ теперь, чтобъ Отлетовъ написалъ ей хоть одну фразу теплую, идущую прямо отъ сердца. Никогда еще послѣ прочтенія его письма жизнь съ нимъ не рисовалась ей такою блѣдной, сѣрой, прозаической. Притомъ же, это былъ слишкомъ большой контрастъ съ другою жизнью, которая рисовалась ей на основаніи новыхъ впечатлѣній и новыхъ встрѣчъ. Разумѣется, когда, по какому-то странному случаю, въ самый моментъ чтенія этого письма ей вдругъ вспоминалась та странная рѣчь, которую сказалъ ей Ловичъ въ паркѣ —разумѣется, она этого не хотѣла и думала, что возмущается. Тѣмъ не менѣе, сцена эта вспомнилась ей не даромъ. Она припо-

мнилась ей какъ естественное противупоставленіе сухому и холодному, слишкомъ благоразумному, слишкомъ аккуратному идеалу, который рисовало ей письмо Отлетова.

Даша выросла въ бѣдности. Чаще всего бываетъ такъ, что когда ребенокъ ростетъ въ сѣренькой обстановкѣ, то его и окружаютъ люди такого же класса. Окружающія его картины не пробуждаютъ въ его мозгу сравненій. Онъ ростетъ, быть можетъ, въ полной увѣренности, что весь міръ живетъ такъ же сѣро и бѣдно. Но случается и такъ, что ребенокъ, не пользующійся никакими благами жизни, кромѣ самыхъ примитивныхъ, постоянно видитъ передъ собой другую жизнь, пробуждающую въ немъ смутныя мечты о чемъ-то лучшемъ. Даша была поставлена именно въ такія условія. Ея отецъ занималъ какую-то второстепенную должность въ домѣ какихъ-то богатыхъ людей. Должность эта давала ему не больше того, что нужно было для прокормленія семьи и скромнаго воспитанія дѣтей. Мать тоже постоянно работала, у нея тоже было какое-то званіе. Единственное отрадное воспоминаніе Даши заключалось въ томъ, что и отецъ, и мать безконечно любили ее и постоянно заботились о томъ, чтобы дать ей образованіе и чтобъ она была не хуже другихъ. Сами они были люди простые, съ очень скуднымъ образованіемъ, но отлично понимали, что въ тотъ вѣкъ, когда они живутъ, шагу нельзя ступить безъ образованія. И они употребляли послѣднія средства на это. Но, живя постоянно въ богатомъ домѣ, Даша видѣла, какими благами пользуются другіе—и взрослые, и въ особенности дѣти. И въ душѣ ея, помимо ея воли, еще въ раннемъ дѣтствѣ зародился, а потомъ созрѣлъ идеалъ жизни, нисколько не соотвѣтствовавшій истинному положенію ея семьи и той жизни, которая ей предстояла. Впослѣдствіи, когда она осталась одна, такъ какъ отецъ и мать ея рано умерли, идеалъ этотъ былъ заглушенъ необходимостью личнымъ трудомъ добывать средства къ жизни и на каждомъ шагу испытывать всѣ трудности и неудобства бѣдности. Но онъ былъ только заглушенъ, а далеко не умеръ въ ея душѣ. Она сама не знала о его живучести и была искренно удивлена, когда онъ во всемъ своемъ блескѣ вдругъ ожилъ въ Парижѣ. Въ Петербургѣ она вела сѣренькую жизнь, съ утра до вечера бѣгая по урокамъ, которые жалкимъ образомъ оплачивались. Она давала ихъ въ несмѣтномъ числѣ, ей совсѣмъ некогда было жить,—вся забота ея заключалась лишь въ томъ, чтобъ удовлетворить самыя насущныя потребности. Она не видѣла ни людей, ни жизни. Конечно, она бывала въ обществѣ, встрѣчалась съ людьми, въ особенности у Каширцевыхъ, слышала ихъ разго-

горы, въ свободныя минуты прочитывала книжки, но все это проходило мимо нея, потому что слишкомъ мало относилось къ ея жизни. Иногда въ душѣ ея на мгновеніе какъ бы оживали дѣтскія мечты. Но у нея слишкомъ было много дѣла для того, чтобъ онѣ могли развиться въ опредѣленныя желанія. Смутное стремленіе къ чему-то лучшему никогда не покидало ее. Когда живешь плохо, всегда хочется чего-то лучшаго, но все это было крайне туманно и неопредѣленно. Про нее трудно сказать, была ли она развита. Она читала не мало, большею частью въ томъ направленіи, какого придерживались Каширцевы, но это просто потому, что у нихъ она доставала книги. Точно также она очень многое усвоила изъ того, что слышала на вечеринкахъ и журъ-фиксахъ. Такимъ образомъ, ей были извѣстны всѣ «идеи» и «принципы», но она смотрѣла на нихъ какъ посторонняя. То, что было симпатично, она съ своей стороны тоже находила симпатичнымъ и одобряла, но ей все казалось, что это не для нея, а для другихъ. И это было понятно, потому что она отдавала все свое время и всѣ свои силы на такое обидное занятіе, какъ поддержаніе жизни, т.-е. добываніе пищи, питья, одежды и квартиры для ночлега. Ей казалось просто невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ въ такомъ положеніи, въ какомъ была она, могъ дѣятельно относиться къ какимъ-нибудь «идеямъ»,— вѣдь, все равно, жизнь его пройдетъ въ пустяшныхъ заботахъ о кускѣ хлѣба, вѣдь, все равно, этими идеями будетъ жить кто-то другой, она для нихъ ничего не сдѣлаетъ, какъ и онѣ для нея.

Въ послѣднее время Дарья Степановна очень заинтересовалась Щупкиной. Эта дѣвушка производила на нее странное впечатлѣніе. Съ одной стороны, она по своимъ вкусамъ и пріемамъ казалась ей очень простымъ человѣкомъ, примѣрно, такимъ, какимъ была она сама,— человѣкомъ, который не прочь попользоваться удовольствіями жизни, еслибъ была на это возможность. Съ другой же стороны, она все хлопотала о какихъ-то сходкахъ, библіотекахъ, вѣчно возилась съ какими-то брошюрами, и Дарья Степановна путалась и никакъ не могла опредѣлить ея истинной физіономіи. Послѣ двухмѣсячнаго знакомства онѣ какъ-то незамѣтно ближе сошлись. Даша пробовала и прежде зондировать свою новую знакомую. Она спрашивала, что заставило ее пріѣхать въ Парижъ, зачѣмъ она поступила въ медицинскую школу? На всѣ эти вопросы Щупкина отвѣчала такъ, будто бы брала свои отвѣты прямо изъ какой-нибудь брошюры. Съ другой стороны, ея отвѣты что-то слишкомъ ужь отзывались Сербовой, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которой она находилась. Она не просто хотѣла научиться лечить,

а непремѣнно лечить бѣдный народъ,—она, такъ любящая городъ съ его шумною жизнью, съ его развлеченіями, тайкомъ отъ Сербовой посѣтившая даже Casino de Paris, объявляла, какъ бы повторяя урокъ, заданный ей Сербовой, что она признаетъ только деревню и не понимаетъ, какъ можно заниматься медициной въ городѣ. Это выходило немножко даже глупо, хотя Щупкина вовсе не была глупа. Происходило это оттого, что Сербова своимъ авторитетомъ какъ бы загипнотизировала ее. Очень неглупые люди производятъ впечатлѣніе настоящихъ дураковъ, когда они повторяютъ чужія слова. Эти слова были естественными въ устахъ Сербовой, которая была глубоко убѣждена въ томъ, что̀ говорила, выносила въ сердцѣ и, можетъ быть, даже выстрадала свои взгляды. Но Щупкиной были къ лицу совсѣмъ другія слова, и однажды, когда, въ счастливую минуту, Дарья Степановна обратилась къ ней съ вопросомъ: «Боже мой, неужели вы можете мечтать о деревнѣ? Неужели вы для того мучаетесь въ холодной квартирѣ и намѣрены потратить пять-шесть лѣтъ, чтобы запереться въ какой-нибудь хуторъ и навсегда лишить себя общества? Это вамъ такъ не подходитъ, совсѣмъ, совсѣмъ не по характеру!»—то Щупкина вдругъ совершенно неожиданно для Даши воскликнула:

— Но, помилуйте, это единственный вѣрный кусокъ хлѣба! Я думаю, для этого сто̀итъ потратить шесть лѣтъ...

Это былъ вполнѣ искренній отвѣтъ и Щупкиной не надо было дополнять, что деревня, въ сущности, не составляетъ органическую часть ея мечтаній о будущемъ. Это—вѣрный кусокъ хлѣба. Щупкина здорова, обладаетъ прекраснымъ аппетитомъ, любитъ одѣваться, хотя не имѣетъ на это возможности, и ей такъ естественно стремиться къ этому куску хлѣба.

Въ пансіонѣ госпожи Броникъ совсѣмъ перестали громко говорить о Ловичѣ. Можно было думать, что эта фамилія здѣсь забыта. И вотъ, какъ разъ въ это время, къ подъѣзду подкатила знакомая коляска, въ которой обыкновенно ѣздилъ Петръ Ивановичъ.

Владиміръ Ивановичъ смотрѣлъ въ окно и первый замѣтилъ это. Увидѣвъ Ловича, онъ даже нѣсколько отодвинулся въ глубь комнаты. Ему подумалось, что это какая-нибудь случайность, что Ловичъ остановился просто гдѣ-нибудь поблизости. Не можетъ быть, чтобъ онъ рѣшился придти къ нимъ послѣ того, что было. Владиміръ Ивановичъ зналъ его, какъ человѣка самолюбиваго и щепетильнаго къ вопросамъ личности. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы Ловичъ послѣ того, какъ его прямо попросили не бывать въ домѣ, явился. Но черезъ полминуты раздался звонокъ и

затѣмъ послышался стукъ въ дверь. Каширцевъ даже не рѣшился сказать обычное «войдите», а самъ направился къ двери и отворилъ ее.

Передъ нимъ стоялъ Ловичъ съ усмѣхающимся лицомъ, съ прищуренными глазами, какъ человѣкъ, собирающійся выкинуть какую-нибудь школьническую шутку.

— Не откажи бѣдному страннику въ пріютѣ! — комически произнесъ Ловичъ.

— Входи, пожалуйста, — какимъ-то растеряннымъ, подавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

Ловичъ вошелъ и положилъ свой цилиндръ на столъ.

— Здравствуй, Владиміръ Ивановичъ,— промолвилъ онъ, протягивая Каширцеву руку.—Всему бываетъ давность. Вотъ я и подумалъ, что прошла давность нашей размолвкѣ. Не могу же я считать себя опаснымъ и вреднымъ вѣчно. И не сидѣлъ же ты здѣсь, сложа руки. По всей вѣроятности, здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что моя вредная особа не посѣщала васъ, энергично дѣйствовали всевозможныя благотворныя вліянія и я уже болѣе не опасенъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ Ивановичъ, давай помиримся!

— Я съ тобой не ссорился,—слегка унылымъ тономъ промолвилъ Каширцевъ.—Ты знаешь мои причины. Садись, пожалуйста.

— Ну, вотъ это, по крайней мѣрѣ, гостепріимно.—Ловичъ сѣлъ.—Но этихъ причинъ, я думаю, больше не существуетъ? Не правда ли?

— Ты ни на іоту не измѣнилъ своего тона и своей манеры...

— Ахъ, милый, я и самъ ни на іоту не измѣнился! Все такой же зловредный... но, впрочемъ, отъ всей души расположенный къ тебѣ и желающій тебѣ добра.

Тутъ Ловичъ началъ простымъ, пріятельскимъ тономъ разспрашивать о дѣлахъ: не случилось ли чего-нибудь замѣчательнаго во время его отсутствія? Оказалось, что ровно ничего не случилось. Все шло попрежнему. Впрочемъ, развѣ вотъ это: Ольга Сергѣевна задумала учиться медицинѣ.

— О, какъ же ничего не случилось? Вѣдь, это цѣлое событіе!— воскликнулъ Ловичъ.—Но что же это значитъ—задумала? Какъ это выражается?

— Она уже ѣздитъ на лекціи, впрочемъ, еще не аккуратно. Она еще не зачислилась. Занимается латинскимъ языкомъ и ждетъ изъ Россіи своихъ документовъ.

Ловичъ смотрѣлъ на него широко раскрытыми, изумленными глазами, но не успѣлъ выразить своего изумленія, потому что въ это время вошла изъ спальни Ольга Сергѣевна. Онъ поднялся и пошелъ ей на встрѣчу.

— Я вижу, вы помирились,— сказала она.

— Съ нимъ? Да,— отвѣтилъ Ловичъ,— но съ нѣкоторыми новостями... Это я еще подумаю. Вы занимаетесь медициной?

— Почему же мнѣ не заняться? Развѣ вы находите, что я для этого уже стара?

— О, Боже сохрани! Но почему же именно медициной? Почему, когда женщина хочетъ чѣмъ-нибудь заниматься, то непремѣнно медициной?

— Потому что для женщины ничто другое недоступно. Только и есть двѣ вещи на свѣтѣ: медицина и сцена. На сцену насъ пускаютъ потому, что никакъ не могли бы обойтись безъ насъ. На сценѣ женщина царитъ, безъ нея никакой въ мірѣ театръ не сдѣлалъ бы сборовъ. Мужчинамъ выгодно пускать насъ на сцену, иначе они, конечно, не пустили бы. Ну, а медицину намъ предоставили по какому-то недоразумѣнію. Это все русскія женщины надѣлали...

— Признаюсь, я не могу съ этимъ сразу освоиться. Для этого требуется время. Вижу, что благотворныя вліянія здѣсь не дремали. Впрочемъ, я всегда былъ того мнѣнія, что женщина одинаково легко воспринимаетъ и добро, и зло, — шутливымъ тономъ говорилъ Ловичъ.— Ну-съ, а Дарья Степановна? Почему я не имѣю удовольствія видѣть ее? Я вижу, что дѣти дома... Не уѣхала ли она въ Россію?

— Еще нѣтъ. Она отправилась на conference въ театръ d'Application.

— А!

— Да, она отправилась туда со Щупкиной. Вы ее знаете?

— Щупкину? Какъ не знать! Это изъ школы Сербовой. Боже мой, какъ много у васъ новаго! И ты мнѣ, Владиміръ Ивановичъ, рѣшился сказать, что все идетъ по-старому? Щупкина! Да, вѣдь, она ее развратитъ?

— Кто кого? — со смѣхомъ спросила Ольга Сергѣевна.

— Конечно, Щупкина Дарью Степановну.

Владиміръ Ивановичъ поднялъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на него. Въ самомъ дѣлѣ, про Щупкину можно было сказать что угодно, но только не это.

— Это, братъ, чистая клевета! — замѣтилъ онъ.

— Но ты меня не понялъ, Владиміръ Ивановичъ. Я не въ томъ, не въ общеупотребительномъ смыслѣ. Я ни на минуту не сомнѣваюсь въ ея благонравіи. Я хочу сказать, что Щупкина разовьетъ въ ней вкусъ къ словамъ, научитъ ее говорить звонкія фразы, которыя, впрочемъ, всѣ на-перечетъ и очень опредѣленно изложены въ одной великолѣпной брошюркѣ, по которой, признаюсь, въ свое время и я обучался гражданскому краснорѣчію,— но она и до сихъ поръ служитъ учебникомъ для наивныхъ прозелитовъ,— а, вѣдь, это было лѣтъ двадцать пять тому назадъ,— можете судить, насколько это дѣло подвинулось впередъ. Ну, а отсюда слѣдуетъ, что она сдѣлаетъ Дарью Степановну неискренней, научитъ ее кокетничать умными словами, тогда какъ женщинѣ вообще, а Дарьѣ Степановнѣ въ особенности гораздо болѣе идетъ кокетничать глазками... Сколько мнѣ извѣстно, Дарья Степановна по этой части была невинна, и я всегда цѣнилъ въ ней это. Ну, теперь тебѣ понятна моя мысль, Владиміръ Ивановичъ, и ты больше не утверждаешь, что я клеветникъ.

Владиміръ Ивановичъ молча закурилъ папиросу и махнулъ рукой въ сторону Ловича, какъ бы говоря этимъ, что съ нимъ по этому поводу не стоитъ и спорить. Ловичъ перемѣнилъ тему.

— Значитъ, вы остаетесь въ Парижѣ надолго? — спросилъ онъ, обратившись къ Ольгѣ Сергѣевнѣ.

— Да, Владиміръ Ивановичъ уѣдетъ, а я останусь съ дѣтьми. Разумѣется, на лѣто буду ѣздить въ Россію.

— Нѣтъ, простите меня, но клянусь честью, что тутъ есть что-то нелѣпое... Я не могу привести опредѣленныхъ доводовъ противъ. Если другія занимаются медициной, то отчего вамъ не заняться? Это совершенно правильно, хотя я не думаю, чтобъ это было удобно съ дѣтьми. И все же тутъ есть что-то нелѣпое... Не думаетъ ли и Дарья Степановна заняться медициной?

— А почему бы и нѣтъ? — спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

Ловичъ только молча покачалъ головой; это ужь казалось ему до такой степени ненормальнымъ, что даже и возражать не стоило. Но Владиміръ Ивановичъ прибавилъ:

— Впрочемъ, она не собирается. Она уѣзжаетъ въ Россію и выходитъ замужъ.

— И ты такъ спокойно говоришь это? Другъ мой, тебѣ бы плачомъ быть. Выходитъ замужъ! И, конечно, за господина Отлетаева. Развѣ это не все равно, что надѣть на ноги кандалы и добровольно помѣстить себя въ каменный мѣшокъ? Знаешь, въ прежнія времена были такія милыя помѣщенія въ тюрьмахъ...

— Ты, по крайней мѣрѣ, послѣдователенъ, — замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

— О, да, въ этомъ мнѣ никогда нельзя отказать! Впрочемъ, — прибавилъ онъ, взглянувъ на Ольгу Сергѣевну, — я въ этомъ отношеніи начинаю портиться...

Въ корридорѣ послышались частые, поспѣшные шаги. Потомъ кто-то вошелъ изъ корридора въ сосѣднюю комнату. Дѣти услышали это и побѣжали туда. Послышались женскіе голоса. Ловичъ нервно насторожилъ уши, — ему показалось, что онъ слышитъ голосъ Дарьи Степановны.

— Это вернулись наши, — объяснила Ольга Сергѣевна.

Щупкина тотчасъ же вышла къ нимъ въ шляпкѣ и накидкѣ. Ловичъ поднялъ на нее глаза и разглядѣлъ на головѣ ея шляпку, которую мѣсяца три тому назадъ онъ видѣлъ на Ольгѣ Сергѣевнѣ. Щупкина поздоровалась съ нимъ и начала болѣе или менѣе точно передавать содержаніе конференціи. Ольга Сергѣевна поднялась и ушла въ дѣтскую.

— Здѣсь Ловичъ! — сообщила она Дарьѣ Степановнѣ, но тотчасъ же по ея взволнованному лицу и нервному блеску глазъ поняла, что она уже знаетъ, что дѣти сообщили ей объ этомъ.

— Богъ съ нимъ! — сказала Даша.

— Что значитъ — Богъ съ нимъ?

— Я не выйду къ нему.

— Это — слабость, Даша. Вы дадите ему право считать себя большою силой. Онъ не такой наивный человѣкъ, чтобы не понялъ, почему вы не вышли.

— Почему же? Это вовсе не потому, а просто я устала.

— Просто... Такъ ужь ли это просто, Даша? Полноте, не ломайтесь и выходите. Возьмите себя въ руки и будьте съ нимъ холодны и строги, если хотите что-нибудь доказать ему.

Даша подумала и согласилась съ нею. Когда она вышла въ гостиную, съ ней вдругъ произошло нѣчто никогда не бывалое. Она начала развязно и бойко сыпать словами, разспрашивая Ловича о томъ, куда онъ ѣздилъ, что̀ видѣлъ. Она не давала ему времени отвѣтить. Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и не узнавалъ. Онъ почувствовалъ даже, что она какъ бы слегка издѣвается надъ нимъ. Вспомнивъ объ его успѣхахъ въ Монте-Карло, она сказала:

— Вы во всемъ счастливецъ. Вамъ страшно везетъ. Это дурной признакъ.

— Вы намекаете на поговорку? — спросилъ Ловичъ.

— А развѣ есть такая поговорка?

— Да, говорятъ, что везетъ обыкновенно дуракамъ.

— Ну, я, все-таки, не такъ дурно воспитана, чтобы сказать это! — замѣтила Даша. — А теперь вы опять отправляетесь въ путешествіе?

— Опять? Развѣ вы находите, что у меня есть на это причины?

— Если онѣ были, то, вѣроятно, и продолжаютъ быть.

— Вѣроятно? — подчеркнувъ это слово, переспросилъ Ловичъ.

— Да, очень даже вѣроятно.

— Вы совѣтуете мнѣ это?

— Я всегда желала вамъ добра и потому отъ души совѣтую.

«Это совсѣмъ ново, совсѣмъ ново! — думалъ Ловичъ. — И, право же, это недурно. Во-первыхъ, встрѣча со мной вызвала въ ней сильное волненіе, какого прежде я никогда въ ней не видѣлъ. Это шансъ, это большой шансъ. Во-вторыхъ, ей хочется быть по отношенію ко мнѣ злой. Это значитъ, что она считаетъ меня сильнымъ и чувствуетъ мое вліяніе. Въ-третьихъ, волненіе открыло въ ней новую способность: она умѣетъ быть ядовитой. А это прелестно, потому что ядовитость украшаетъ женщину. Терпѣть не могу этихъ мягкихъ, добренькихъ, великодушныхъ, податливыхъ... О, изъ нея можетъ выйти блестящая хозяйка нашего будущаго салона!»

Ольга Сергѣевна тоже съ изумленіемъ смотрѣла на Дашу; и она не видѣла никогда ее такой. «Нѣтъ, она не такъ проста, какъ это кажется», — думала она. И почему-то взглядъ ея мелькомъ упалъ на шляпку, которая украшала голову Щупкиной, и она усмѣхнулась. Шляпка очень не шла къ ней.

Ловичъ прощался. Пожимая руку Владиміра Ивановича, онъ сказалъ:

— Ну, у васъ тутъ все такъ прочно наладилось, что я могу быть только зрителемъ. Поэтому я надѣюсь, что запрещеніе съ меня снимается.

— Ну, что объ этомъ толковать! — промолвилъ Владиміръ Ивановичъ, пожимая его руку.

И въ самомъ дѣлѣ, что было объ этомъ толковать, когда онъ, все равно, пришелъ и, навѣрное, придетъ опять?

XXI.

Однажды около часа дня у Каширцевыхъ сидѣла Сербова. У нея было какое-то дѣло въ этой части города и она забѣжала посмотрѣть дѣтей, которыхъ давно не видала. Это было въ воскресенье.

Вдругъ въ квартиру вбѣжала Щупкина, очень взволнованная, съ видомъ человѣка, куда-то торопящагося.

— Что съ вами?—спросила ее Сербова.

— Ахъ, я совсѣмъ все перепутала! Представьте себѣ, сегодня въ два часа сходка въ Bourse de travaille!

— Бѣдняжка!—замѣтила Сербова, усмѣхнувшись такъ, какъ усмѣхаются дѣтямъ.—Ну, и что же?

— И не съ кѣмъ пойти. Я раньше объ этомъ не подумала. Еще вчера вечеромъ видѣла Шпигеля, онъ, навѣрное, не отказался бы.

— Такъ вы не ходите...

— О, какъ же! Сегодня такой важный вопросъ.

— А что такое сегодня?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да этотъ вотъ... извѣстный вопросъ... о рабочихъ часахъ,—не совсѣмъ точно формулировала Щупкина.

— О сокращеніи рабочаго дня,—поправила ее Сербова.

— Да. Это же все равно. Однимъ словомъ, очень важный вопросъ.

— А вы этимъ интересуетесь?—съ улыбкой спросила ее Ольга Сергѣевна.

— Я думаю, какъ же иначе?

— Въ такомъ случаѣ,—сказала Сербова,—отчего бы вамъ не пойти одной?

— Ахъ, неловко! Я никакъ не привыкну ходить одна. Я, когда по улицѣ иду одна, даже днемъ, мнѣ все кажется, что кто-то пристанетъ ко мнѣ.

— Вы все еще барышня!—замѣтила Сербова.—Въ Парижѣ къ женщинамъ никто не пристаетъ. Развѣ вы не замѣтили? Здѣсь женщины пристаютъ къ мужчинамъ. А вотъ я такъ всегда хожу одна.

Въ это время Даша вышла изъ дѣтской и остановилась на порогѣ.

— О чемъ это вы?—спросила она, обращаясь къ Щупкиной, у которой, попрежнему, былъ очень взволнованный видъ.

Ей объяснили. Услышавъ, что рѣчь идетъ о сходкѣ, она перестала интересоваться этимъ дѣломъ. Заговорили о чемъ-то другомъ, но Щупкиной не сидѣлось. Очевидно, вопросъ о сходкѣ продолжалъ волновать ее.

— Какъ же вы рѣшили?—спросила ее Сербова, замѣтивъ, что она никакъ не можетъ успокоиться.

— Да, право, и сама не знаю.

— Послушайте,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ,—но неужели вы думаете, что рабочіе на сходкѣ могутъ васъ обидѣть?

— Ахъ, они такіе нахалы!

— Такъ что-жь вы такъ безпокоитесь насчетъ рабочаго дня, если эти рабочіе, по-вашему, такіе нахалы?—спросила Ольга Сергѣевна.

— Это вопросъ не *этихъ* рабочихъ, а всей демократіи!—слегка торжественнымъ тономъ объявила Щупкина и, повидимому, была очень довольна, что ей удалось такъ хлестко и кругло выразиться.

Ольга Сергѣевна отвернулась, чтобы скрыть ироническую улыбку на своемъ лицѣ.

— А почему бы вамъ не пойти, Дарья Степановна? — предложилъ Каширцевъ.—Вѣдь, вы еще не бывали на такихъ собраніяхъ.

Дарья Степановна какъ-то лѣниво повела плечомъ.

— Мнѣ кажется, что я тамъ ничего не пойму.

— Что-жь тамъ непонятнаго?—живо возразила Щупкина.—Они говорятъ самымъ простымъ языкомъ.

— Я не сомнѣваюсь, что пойму всѣ слова, какія они говорятъ, но вопросы все чуждые мнѣ.

— Какъ? Вы не интересуетесь рабочимъ вопросомъ?

— Не то, что не интересуюсь, а не знаю его,—отвѣтила Дарья Степановна.

— Ну, такъ вотъ, у васъ есть случай познакомиться съ нимъ. Пойдемте, право, пойдемте. Мнѣ такъ не хотѣлось бы пропустить.

— Право, пойдите Даша,—посовѣтовала Ольга Сергѣевна.—Вѣдь, это для васъ ново.

Даша подумала и согласилась. Въ самомъ дѣлѣ, она никогда еще не бывала на сходкахъ. Не можетъ же быть, чтобъ тамъ не было ничего такого, что могло бы занять ее. Притомъ же, она уже больше недѣли не выходила изъ дому.

— Пожалуй, я пойду,—промолвила она,—если это не долго.

— О, къ обѣду вы будете дома, я за это ручаюсь! — воскликнула Щупкина.

Даша стала одѣваться. Щупкина въ свою очередь примѣрила накидку и шляпку Ольги Сергѣевны, и при этомъ на лицѣ ея выражалось столько искренняго желанія временно обладать этими предметами, что Ольга Сергѣевна тотчасъ же предложила ей надѣть и шляпку, и накидку. Щупкина сейчасъ же согласилась. Съ этими врагами она рѣшительно не въ силахъ была бороться.

Даша захватила денегъ, сколько было нужно на конку, и онѣ

вышли. Онѣ дошли пѣшкомъ до вокзала St.-Lazar и здѣсь сѣли на верхушку омнибуса.

Это, конечно, былъ простой случай, что на бульварѣ около магазина Printemps какъ разъ въ это время шелъ Ловичъ, направляясь въ какой-то ресторанъ, чтобы позавтракать. Еще болѣе случайно было то обстоятельство, что онъ поднялъ голову какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мимо проходилъ омнибусъ, на которомъ ѣхали наши дамы. Въ первое мгновеніе передъ нимъ промелькнули какъ бы только знакомыя тѣни. Онъ даже не сразу догадался, кто это, но затѣмъ вдругъ узналъ Щупкину и почему-то рѣшилъ, что съ нею непремѣнно ѣдетъ Дарья Степановна, быстро догналъ экипажъ и взлетѣлъ на верхушку. Когда его фигура точно вдругъ выросла на имперіалѣ, дамы, увидѣвъ его, обѣ разомъ вскрикнули. Это было такъ неожиданно. Онѣ сидѣли у самаго края, около кучера, онъ быстро прошелъ къ нимъ и съ комическимъ видомъ снялъ шляпу.

— И послѣ этого вы можете сомнѣваться въ моей вѣрности?— сказалъ онъ, обращаясь, разумѣется, къ Дарьѣ Степановнѣ. Въ первую минуту онъ рѣшилъ было почти игнорировать Щупкину и потомъ довольно холодно поклонился ей. Онъ прибавилъ:—Куда вы держите путь?

— Въ Bourse de travaille,—отвѣтила Дарья Степановна и слегка усмѣхнулась, зная напередъ, какое это впечатлѣніе произведетъ на Ловича.

— Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Тамъ сходка, — отвѣтила Даша и усмѣшка ея сдѣлалась шире.

— А, вотъ въ чемъ дѣло! Признаюсь, мнѣ было бы очень любопытно увидѣть васъ среди синихъ блузъ. Я, вѣдь, хотѣлъ бы видѣть васъ во всѣхъ обстановкахъ, какія только существуютъ на свѣтѣ.

— Ничего нѣтъ легче. Пойдемте съ нами,—пригласила его Дарья Степановна.

— Въ Bourse de travaille? Это будетъ немножко жертва: видите ли, въ свое время я только и дѣлалъ, что бѣгалъ по этимъ сходкамъ, такъ что мнѣ это занятіе довольно-таки надоѣло, но для васъ, Дарья Степановна, я готовъ принести эту жертву... Однако, надѣюсь, что и вы принесете мнѣ маленькую.

— Вамъ? Никакой!

— Ну, самую ничтожную. Вѣдь, вы не были на Эйфелевой башнѣ. Подыметесь вмѣстѣ. Послѣ сходки—на башню! Примѣрно въ половинѣ пятаго. Это самое лучшее время для подъема.

— Я не могу. Я должна быть дома къ обѣду.

— Да вы успѣете. Это займетъ всего полчаса...

— Все равно, я не одна.

Тутъ Ловичъ сразу смягчился и обратился къ Щупкиной съ чрезвычайно любезною улыбкой:

— Надѣюсь, что вы не откажетесь...

Щупкина сдѣлала строгое лицо. Эта строгость относилась, разумѣется, не къ Эйфелевой башнѣ, на которой она, кстати сказать, ни разу не была, а къ самому Ловичу, о которомъ Щупкина была не особенно лестнаго мнѣнія. Однако, такъ какъ ей, въ сущности, очень хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ и побывать на верхушкѣ башни, то она не рѣшилась категорически отвергнуть предложеніе. Она обратилась къ Дашѣ:

— А вамъ очень хочется?

— Я не прочь бы.

— Въ такомъ случаѣ, я согласна.

Ловичъ приподнялъ шляпу и съ благодарнымъ видомъ поклонился ей. Они доѣхали до зданія главной почты. Здѣсь сошли и дошли пѣшкомъ до рабочей биржи. Было уже два часа. На улицѣ у входа не было замѣтно толпы; изъ этого они заключили, что сходка началась. Когда они вошли въ обширный залъ, кто-то уже ораторствовалъ. Каждую минуту изъ разныхъ угловъ слышались рѣзкія замѣчанія. Дамамъ пришлось стоять, и, притомъ, въ порядочномъ разстояніи отъ эстрады. Но у оратора былъ такой сильный голосъ и говорилъ онъ такъ выразительно, что онѣ слышали все.

Ловичъ спокойно слушалъ минутъ десять, затѣмъ отвернулся и зѣвнулъ.

— Онъ говоритъ слишкомъ горячо, а значитъ и неискренно,— тихо промолвилъ онъ, обращаясь къ дамамъ.

Щупкина широко раскрыла глаза и съ удивленіемъ уставилась на него.

— Развѣ одно изъ другого слѣдуетъ?—спросила Даша.

— Непремѣнно слѣдуетъ. Убѣжденный человѣкъ не будетъ горячиться до того, что его рѣчь походитъ на собачій лай. Убѣжденный человѣкъ вѣритъ въ силу своихъ доводовъ, а не въ силу интонаціи своего голоса, которая необходима этому господину, ни на одну минуту не вѣрящему въ то, что̀ онъ говоритъ. Да вы посмотрите на его лицо! Развѣ вы не видите, какое оно деревянное? Въ сущности, ему даже нѣтъ дѣла до рабочаго дня, а позвольте... Кто это говоритъ?—обратился онъ по-французски къ стоявшему около

него, повидимому, рабочему, но не въ блузѣ, а въ крахмальной рубашкѣ и въ пиджакѣ.

— А это депутатъ N.

— А, депутатъ! — сказалъ уже по-русски Ловичъ, поблагодаривъ сосѣда за объясненіе. — Ну, такъ и есть. Онъ дѣлаетъ карьеру на рабочемъ днѣ. Этимъ здѣсь многіе занимаются. Всѣ они начинаютъ съ защиты рабочихъ, а подите-ка, пусть завтра его сдѣлаютъ министромъ, такъ онъ первый пошлетъ жандармовъ, чтобы разогнать сходку.

Щупкина попрежнему смотрѣла на него и, казалось, ею овладѣвалъ ужасъ. Она никакъ не могла допустить, что могли существовать такія мнѣнія. Ловичъ продолжалъ:

— И, Боже мой, развѣ это не безсовѣстно говорить такого рода избитыя вещи? Вѣдь, онъ доказываетъ, что рабочему нуженъ отдыхъ также, какъ и всякому другому, что онъ имѣетъ право ходить въ церковь, въ театръ, читать газету, книгу и прогуливаться на свѣжемъ воздухѣ. Онъ доказываетъ это рабочимъ, которые, конечно, знаютъ и чувствуютъ это гораздо лучше, чѣмъ онъ.

Ораторы мѣнялись, но мнѣніе о нихъ Ловича было одно и то же. Они дѣйствительно большею частью повторяли другъ друга. Но публика была довольна потому, что они въ самомъ дѣлѣ высказывали ея желанія. Часовъ около четырехъ сходка кончилась и они вышли на улицу.

— Эту скуку только и можно выносить, когда есть надежда подняться на 300 метровъ надъ землей,—сказалъ Ловичъ и подозвалъ фіакръ.

Онъ усадилъ дамъ и самъ сѣлъ напротивъ и они поѣхали по направленію къ Марсову полю.

Имъ пришлось почти однимъ сидѣть на подъемной машинѣ. Время было такое, когда парижанинъ, гдѣ бы онъ ни былъ и какимъ бы дѣломъ онъ ни занимался, начинаетъ думать объ обѣдѣ и уже ничего требующаго времени не предпринимаетъ. Дарья Степановна довольно спокойно отнеслась къ подъему, а Щупкина закрыла глаза и замерла. Ей все почему-то казалось, что ее тащутъ не наверхъ, а, наоборотъ, куда-то въ преисподнюю. Они остановились минутъ на пять на первой площадкѣ, затѣмъ поднялись на вторую и третью. Видъ, который представился имъ, былъ оригиналенъ и красивъ. Въ самомъ низу расположился Парижъ, который съ этой точки зрѣнія походилъ теперь на огромный рельефно выполненный планъ. Дома и строенія какъ-то стушевывались передъ тѣми пространствами, которыя занимали улицы и переулки. Вдали

во всѣ стороны кругомъ зеленѣли лѣса, Сена извивалась по самой срединѣ города, и все это было залито розоватымъ свѣтомъ заходящаго солнца. На верхней площадкѣ ихъ обвѣвало прохладнымъ предвечернимъ воздухомъ, который показался имъ слишкомъ рѣзкимъ. У Щупкиной даже слегка закружилась голова. Ловичъ предложилъ спуститься на первую площадку, что̀ они и сдѣлали.

— Неужели у васъ это путешествіе не вызвало аппетита?—спросилъ онъ.

Дамы давно уже чувствовали голодъ. Подъемъ на верхушку башни, свѣжій воздухъ, необычное ощущеніе подѣйствовали на нихъ такимъ образомъ, что имъ захотѣлось ѣсть.

— Такъ закусимте слегка, — сказалъ Ловичъ, — здѣсь недурной ресторанъ.

Онъ повелъ ихъ въ ресторанъ. Они заняли столъ у самаго края, такимъ образомъ, что имъ видна была западная сторона города и вечерній вѣтерокъ свободно обвѣвалъ ихъ. Они сѣли. Ловичъ подозвалъ лакея, но, вмѣсто одного, ихъ явилось полдюжины. Публика заходитъ сюда не часто и лакеи, сидящіе цѣлый день безъ дѣла, всѣ разомъ накидываются на посѣтителей.

— А не лучше ли намъ съѣсть легкій обѣдъ?—предложилъ Ловичъ.

Дамы запротестовали. Дашу ждутъ дома, да и безъ Щупкиной Сербова, пожалуй, не уйдетъ домой.

— Но, вѣдь, въ этотъ часъ вы уже должны были быть дома. Ну, значитъ, васъ, можетъ быть, еще поджидаютъ, но черезъ четверть часа рѣшатъ, что вы куда-нибудь заѣхали, и перестанутъ ждать, сядутъ за столъ и пообѣдаютъ очень вкусно, а вы, пріобрѣтя на башнѣ великолѣпный аппетитъ, принуждены будете ѣсть холодный обѣдъ. А здѣсь, право, кормятъ недурно.

И, не дожидаясь, чтобы дамы высказали свое согласіе, онъ тотчасъ же прямо вступилъ въ переговоры съ лакеями относительно закуски, супа и другихъ вещей. Дамы немного запоздали съ своимъ протестомъ. Ловичъ имъ сказалъ:

— Но, вѣдь, это уже заказано. Право же, вы не особенно засидитесь и пріѣдете домой къ тому времени, когда тамъ будутъ кончат[illegible] обѣдъ. Посмотрите, что за чудный видъ. Вы никогда не видали ещ[illegible] такого далекаго горизонта и такого красиваго солнца.

Дамы смотрѣли и въ самомъ дѣлѣ находили видъ необыкновенно оригинальнымъ. Дарью Степановну охватило слегка нервное настроеніе и ей, въ сущности, менѣе всего хотѣлось теперь ѣхать въ пан[illegible]онъ госпожи Броникъ; это было настроеніе, когда именно хочется

чего-нибудь новаго, непохожаго на то, что мы переживаемъ каждый день. Она очень хорошо знала, что дома у нихъ никто не будетъ на нее сердиться за долгое отсутствіе. Ольга Сергѣевна посмотритъ дѣтей и сдѣлаетъ все, что надо; она охотно дѣлала это всякій разъ, когда уходила Даша, и всегда высказывала въ такихъ случаяхъ удовольствіе. Поэтому у Дарьи Степановны былъ спокойный видъ, она смотрѣла на Ловича и на все окружающее съ полуулыбкой и, если не говорила прямо, что охотно останется, то только потому, что это въ большой степени зависѣло отъ Щупкиной. Щупкина же чувствовала себя нѣсколько иначе. Ей, быть можетъ, больше, чѣмъ кому бы то ни было, хотѣлось новыхъ ощущеній и чрезвычайно нравилась перспектива пообѣдать и провести вечеръ въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ надъ землей, но она ни на одну минуту не чувствовала себя свободной. Сербова будетъ ждать ее, она узнаетъ затѣмъ, что Щупкина обѣдала съ Ловичемъ, Ловичъ пользуется самою дурною репутаціей въ Латинскомъ кварталѣ, изъ этого можетъ выйти крайне непріятная исторія. И она колебалась, колебалась даже въ то время, когда лакеи возились около стола, устанавливая закуски, и уже, повидимому, не было никакой надежды на отступленіе.

— Какъ жаль,—сказалъ Ловичъ,—что здѣсь, навѣрное, не держатъ нашей русской водки. Я иногда ощущаю въ ней потребность, а здѣсь въ особенности. Вѣдь, мы слишкомъ привыкли къ ординарной обстановкѣ, и когда она вдругъ перестаетъ быть ординарной, то это застаетъ наше настроеніе врасплохъ, и его надо поднять искусственно, чтобъ оно соотвѣтствовало обстановкѣ. Вотъ и здѣсь... Я увѣренъ, что госпожа Щупкина отъ этого даже страдаетъ. Если бы вы выпили рюмку чего-нибудь вродѣ водки, то ваше настроеніе сразу поднялось бы на сто метровъ. Знаете ли что? Это можно замѣнить. Давайте выпьемъ по маленькой рюмкѣ коньяку.

Черезъ минуту передъ ними стояла уже бутылка съ финь-шампань и три миніатюрныхъ рюмки. Ловичъ налилъ всѣмъ. Щупкина какъ-то нерѣшительно посмотрѣла на Дарью Степановну, но, увидѣвъ, что та совершенно просто взяла рюмку и выпила коньякъ, послѣдовала ея примѣру. Съ каждою минутой она все яснѣе и яснѣе чувствовала, что ея подчиненность тому кружку, который остался на землѣ, все какъ бы больше и больше исчезаетъ, она освоивается съ новымъ положеніемъ и незамѣтно для самой себя начинаетъ подчиняться вліянію Ловича. Щупкина принадлежала къ тѣмъ натурамъ, которымъ необходимо кому-нибудь подчиняться.

Обѣдъ былъ въ самомъ дѣлѣ приготовленъ очень вкусно и,

можетъ быть, онъ казался такимъ отъ необыкновенной обстановки. Дамы въ первый разъ въ жизни обѣдали на такой высотѣ. Это производитъ совсѣмъ особенное ощущеніе, подымаетъ дѣятельность нервной системы и волнуетъ.

Что касается выбора кушаньевъ и вина, то въ этомъ отношеніи онѣ подчинялись Ловичу. Онъ наполнялъ ихъ стаканы, а онѣ, не возбуждая уже новыхъ вопросовъ по этому поводу, давали ему случай постоянно вновь наполнять. Бесѣда дѣлалась оживленнѣе и веселѣе. Когда подали сладкое, Ловичъ поднялъ вопросъ о шампанскомъ. Лакей усиленно рекомендовалъ шампанское «tour Eifel», но Ловичъ объявилъ, что не довѣряетъ этой маркѣ. Онъ, въ качествѣ человѣка, получившаго гастрономическое воспитаніе въ русскихъ ресторанахъ, признавалъ только Редереръ и Помери и съ ѣдкостью говорилъ о какихъ-то многочисленныхъ фирмахъ, появившихся въ послѣднее время за границей и въ особенности въ Парижѣ.

— Шампанское сдѣлалось вульгарнымъ напиткомъ, это очень жаль, потому что необходимо, чтобы существовало какое-нибудь торжественное вино.

Солнце уже зашло и надъ городомъ стояли сумерки, которыя быстро, замѣтно для глазъ, сгущались.

— Какъ поздно! — воскликнула Щупкина и въ душѣ ея проснулось ощущеніе страха передъ тѣмъ, какъ она явится домой и что скажетъ Сербовой, которая неумолимо слѣдила за ея нравственностью.

— А вотъ мы сейчасъ спустимся внизъ и поѣдемъ домой.

— Домой? — спросила Дарья Степановна. — Я не хочу еще домой.

Она промолвила это съ замѣтною рѣшимостью въ голосѣ и съ горячимъ блескомъ въ глазахъ.

— Это прелестно,—замѣтилъ Ловичъ,— я васъ вполнѣ понимаю: вы не хотите съ высоты 300 метровъ сразу опуститься на землю. Вы предпочитаете дѣлать это постепенно.

— Вы совѣтуете мнѣ опускаться постепенно? — съ ядовитою улыбкой сказала Даша.—Вы находите, что это не такъ замѣтно?

— Прошу васъ, Дарья Степановна, безъ превратныхъ толкованій... Я говорю просто, имѣя въ виду только то, о чемъ говорю.

— Ну, это все равно! — прежнимъ тономъ воскликнула Дарья Степановна. — Однимъ словомъ, я не хочу домой. Да и вамъ, навѣрное, страшно не хочется, — промолвила она, обращаясь къ Щупкиной.

— Такъ, вѣдь, нельзя же! — нерѣшительно возразила Щупкина.

— Ахъ, перестаньте! Вы точно ребенокъ... За вами вѣчно слѣдятъ и вы это допускаете. Я бы этого не вынесла въ теченіе двухъ часовъ. Полноте, поѣдемте куда-нибудь.

— Куда же?—спросила Щупкина, уже такимъ тономъ, который свидѣтельствовалъ, что она заинтересовалась поѣздкой.

— О, куда! Повѣрьте, что Ловичъ знаетъ это! Куда-нибудь, все равно. Напримѣръ, въ Булонскій лѣсъ. Только не будемъ торопиться,—здѣсь такъ хорошо. Налейте-ка мнѣ еще вина!

Щупкина тоже протянула свой бокалъ и этимъ какъ бы показала, что она уже вполнѣ присоединилась къ обществу и никакихъ протестовъ заявлять не будетъ. Ловичъ налилъ имъ и себѣ. Онъ думалъ: «Похоже на то, какъ будто я имѣлъ въ виду какой-нибудь опредѣленный планъ. Право же, кто-нибудь могъ бы такъ подумать. Иногда рядъ случайностей складывается такъ умно и цѣлесообразно, что это походитъ на глубоко обдуманный планъ». Въ самомъ дѣлѣ, Ловичъ, когда, увидѣвъ дамъ, ѣдущихъ въ омнибусѣ, догналъ экипажъ и взбѣжалъ на имперіалъ, не имѣлъ въ виду никакихъ опредѣленныхъ цѣлей. Ему просто показалось, что это прекрасный случай повидаться и поболтать съ Дарьей Степановной. Точно также онъ не имѣлъ въ виду ничего опредѣленнаго, когда предлагалъ дамамъ взобраться на башню. И предложеніе Дарьи Степановны продолжить эту прогулку столько же было для него ново, сколько пріятно.

— А знаете,—замѣтила Щупкина,—у меня кружится голова.

— Это-то и хорошо, — промолвила Даша. — Я только и чувствую себя счастливой, когда у меня кружится голова.

— Ахъ, нѣтъ, это мѣшаетъ разумно и здраво относиться къ жизни!

— Да зачѣмъ же относиться къ ней разумно и здраво? Это очень скучно. Ахъ, ну, согласитесь, Щупкина, что это очень скучно! Нѣтъ, вы на минуту забудьте о Сербовой и согласитесь, что это такъ... Потомъ вы опять будете говорить, что надо здраво и разумно смотрѣть на жизнь... А теперь скажите такъ, какъ вамъ кажется... не правда ли, здраво и разумно, это есть самое скучное въ мірѣ?...

Щупкина, вмѣсто отвѣта, протянула къ Ловичу бокалъ:

— Налейте еще каплю, я именно чувствую, что мнѣ не хватаетъ только одной капли.

Ей налили каплю и она ее выпила.

— Да, вы правы,—сказала она,—лучше всего живется, когда ни о чемъ не думаешь.

Ловичъ смотрѣлъ на нихъ, слушалъ ихъ споръ и старался держаться роли посторонняго свидѣтеля. Больше всего онъ боялся того, что онѣ обратятся къ нему за его мнѣніемъ, которое должно разрѣшить ихъ споръ. Ему именно хотѣлось видѣть Дарью Степановну выражающей прямо и рѣшительно свой взглядъ, что случалось очень рѣдко, а, межъ тѣмъ, это выходило у нея красиво.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда онъ спросилъ счетъ и расплатился. Они сѣли въ вагонъ подъемной машины и спустились внизъ. Имъ пришлось дойти пѣшкомъ до Сены и перейти мостъ, потому что съ этой стороны не было ни одного фіакра. Площадь Трокадеро и самое его зданіе, плохо освѣщенное, скрывались въ темнотѣ. Они подозвали фіакръ, сѣли и попросили ѣхать въ Булонскій лѣсъ.

— Что же тамъ любопытнаго?—спросила Щупкина.—Я слишкомъ хорошо знаю его. Я тысячу разъ бывала тамъ и одна, и съ дѣтьми.

— Вы бывали тамъ днемъ,— замѣтилъ Ловичъ,— а предметы мѣняются при перемѣнѣ освѣщенія. Впрочемъ, правду сказать, онъ довольно плохо освѣщенъ и ночью пріобрѣтаетъ угрюмый видъ. Парижане не любятъ гулять по ночамъ и въ этихъ аллеяхъ бываетъ безлюдно. Такъ и кажется, что кто-нибудь хватитъ тебя сзади. Но все дѣло въ точкѣ зрѣнія. Одно и то же лицо, одна и та же обстановка вамъ покажутся совсѣмъ иными, когда вы перемѣните точку зрѣнія. Случалось вамъ бывать въ домѣ, гдѣ есть покойникъ? Еще вчера вы были тамъ и все имѣло такой веселый, привѣтливый видъ, а сегодня все осталось попрежнему, на своихъ мѣстахъ, но кажется ужаснымъ и грустнымъ. Ну, вотъ и вы: вы смотрѣли на Булонскій лѣсъ съ буржуазной точки зрѣнія—подышать свѣжимъ воздухомъ, продѣлать моціонъ, полюбоваться зеленью и прочее, а теперь наша точка зрѣнія будетъ на триста метровъ выше...

— И вы думаете, что будетъ разница?

— О, да! Иначе не зачѣмъ было бы строить эту башню!

— Значитъ, по-вашему, башня построена ради перемѣны точки зрѣнія?

— Я думаю, не для того же, чтобы дать назначеніе извѣстной массѣ желѣза. Все удовольствіе побывать на верхушкѣ башни заключается въ ощущеніи, что ты *надъ землей*, и чѣмъ выше, тѣмъ сильнѣе это ощущеніе. А отсюда и особая точка зрѣнія. Замѣтили ли вы, что на третьей площадкѣ чувствуется нѣчто вродѣ опьяненія?

— Я, положимъ, почувствовала это и на второй,—промолвила Дарья Степановна,—когда подали вторую бутылку шампанскаго.

— Вы преувеличиваете. Шампанское пилъ, какъ слѣдуетъ, я одинъ, а вы выпили что-то по полтора бокала. Это мой почти единственный любимый напитокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ быть народникомъ, я выпилъ его въ общемъ бочки три.

Они въѣхали въ ворота Булонскаго лѣса, кучеръ повернулъ къ нимъ голову и спросилъ, куда ѣхать.

— Restaurant des cascades!—крикнулъ ему Ловичъ; вѣроятно, въ его голосѣ было что-то многообѣщающее, потому что кучеръ, до сихъ поръ ѣхавшій сонно, вдругъ захлопалъ бичомъ, запищалъ кучерскимъ дискантомъ, и лошадь пошла быстро.

— А это пріятно!—воскликнула Щупкина.—У меня кружится голова. Если бы это было въ Россіи, сейчасъ затянули бы пѣсню!

— А вы затяните. Мы съ Дарьей Степановной поддержимъ васъ.

— Развѣ можно?

— Здѣсь все можно. Только людей душить нельзя и прохожаго за шиворотъ тащить тоже нельзя. Ну-ка! Только, пожалуйста, ни «На Волгѣ утесъ дикимъ мохомъ обросъ», ни «Англичанинъ-хитрецъ» и прочее... Это у меня вотъ гдѣ сидитъ,—и онъ показалъ на затылокъ.

— А что это? Я не знаю ни того, ни другого, — сказала Щупкина.

— Не знаете? Такъ вы, значитъ, не правовѣрная народница. А, впрочемъ, теперь, кажется, эти пѣсни уже забыты, да и народничество у насъ, если не ошибаюсь, сдѣлалось не то историческимъ фактомъ, не то почетною синекурой. Мы странный народъ. Мы удивительно падки до пророковъ. Надо только, чтобы кто-нибудь облачился во власяницу, сталъ бы на высокое мѣсто и изрекъ... все равно, что̀ ему взбредетъ въ голову... Мы сейчасъ вслѣдъ за нимъ и идемъ. А если при этомъ недавно еще онъ былъ великимъ грѣшникомъ, тѣмъ лучше. Мы ужасно любимъ раскаянья. Вчера мы всячески боролись со зломъ, грудь подставляли врагу, жизнью жертвовали, а сегодня появился пророкъ и крикнулъ: не надо бороться со зломъ, а надо мириться. И мы тотчасъ же мирились и бросали палки... Ну, да, впрочемъ, это до меня не касается. Затягивайте-ка!

Щупкиной въ самомъ дѣлѣ захотѣлось пропѣть что-нибудь. Голоса у нея не было никакого, но для того, чтобы излить душу, его и не требуется, нужна только охота. И она затянула въ полголоса (громко, все-таки, побоялась) и довольно фальшиво то, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ прежде всего приходитъ въ голову:

«Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ»...

— «По Волгѣ!»—тоже негромко подхватили спутники и пѣсня пошла у нихъ довольно стройно. Голосъ Ловича по качеству очень близко подходилъ къ голосу Щупкиной, но у него былъ хорошій слухъ и онъ удачно подбиралъ второй голосъ и басъ. Онъ внимательно прислушивался къ пѣнію Дарьи Степановны. Она брала ноты какъ-то несмѣло, очевидно, по непривычкѣ и недостатку увѣренности. Но въ ея голосѣ было что-то необыкновенно нѣжное и, въ то же время, упругое и твердое, какъ сталь. Ясный тембръ, легкіе переходы отъ грудного регистра къ головному, непринужденность, съ которою она брала высокія ноты,—все это поразило Ловича, и онъ остановилъ ее горячимъ восклицаніемъ:

— Послушайте, Дарья Степановна! Знаете ли вы, что у васъ замѣчательный голосъ?

Дарья Степановна звонко разсмѣялась.

— Даже замѣчательный!—промолвила она.—Вотъ какъ!

— Нѣтъ, не шутя, нисколько не шутя!... Я это подозрѣваю... Я хотѣлъ бы послушать, когда вы поете громко...

— Да я никогда не пою ни громко, ни тихо. Это только сегодня... Это все триста метровъ высоты надѣлали.

— А знаете, мнѣ тоже показалось, что въ вашемъ голосѣ есть что-то особенное,—сказала Щупкина.

— Господа, вы оба немного свихнулись. Мнѣ уже давно третій десятокъ пошелъ и никому ничего подобнаго въ голову не приходило. Да этого и быть не можетъ: я принадлежу къ такимъ людямъ, у которыхъ не можетъ быть ничего особеннаго, все обыкновенное, заурядное, сѣренькое...

— Я протестую противъ этого всѣми силами души!—крикнулъ Ловичъ.— И вотъ вамъ: я держу пари на весь мой выигрышъ въ Монте-Карло (а это составляло тысячъ десять франковъ), что у васъ окажется голосъ замѣчательный и годный для сцены... Идетъ?

— Я не могу поддерживать пари, потому что у меня нѣтъ такой суммы,—отвѣтила Дарья Степановна.

— Я предлагаю не сумму, а выигрышъ. Если вы мнѣ проиграете, то отдадите то, что выиграете когда-нибудь въ Монте-Карло... Можетъ быть, это будетъ милліонъ!

— Странно, что вы не боитесь оскорбить меня, желая во что бы то ни стало навязать мнѣ эти деньги! Ужь вы однажды намекали мнѣ на это...

— Клянусь вамъ честью, нѣтъ! Это только моя увѣренность въ вашемъ голосѣ... Послушайте, ну, снизойдите къ моей особѣ

разъ въ жизни и, при свидѣтельствѣ этихъ угрюмыхъ и молчаливыхъ каштановъ, дайте мнѣ торжественное обѣщаніе, что завтра же пойдете къ одному профессору пѣнія, — у меня есть знакомый профессоръ консерваторіи,—и попробуете вашъ голосъ.

— Какія глупости!

— Ну, поддержите же меня! — обратился Ловичъ къ Щупкиной.—Вѣдь, вы раздѣляете мое мнѣніе?

— Знаете что? Если бы у меня была хоть капля голоса, я сейчасъ побѣжала бы къ профессору!—съ искреннимъ чувствомъ воскликнула Щупкина.

— Вы? Вы учились бы пѣнію? — съ удивленіемъ спросила Дарья Степановна.

— Ну, да. Подумайте, пѣть на сценѣ — это такая прелесть! И, притомъ, выгодно!

— А что думаетъ объ этомъ Сербова?

— Ну, я тогда не посмотрѣла бы на Сербову... Сцена! Гм... Я всегда мечтала о сценѣ!

Ловичъ тихонько толкнулъ Дарью Степановну локтемъ, а она отвѣтила ему тонкою усмѣшкой.

— И такъ,—сказалъ Ловичъ,—вы даете торжественное обѣщаніе?

— Вы хотите меня опозорить.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я обѣщаю вамъ вотъ что, и это очень серьезно: если профессоръ не скажетъ, что въ вашемъ голосѣ есть что-то удивительно пріятное,—силы его я не знаю, но сила—дѣло второстепенное,—то я даю вамъ клятву, что прямо отъ него отправляюсь на площадь Согласія, останавливаюсь передъ обелискомъ и пускаю себѣ пулю въ лобъ... Вы согласны?

— Это соблазнительно. Такой прекрасный случай избавить отъ васъ земной шаръ.

— Ну, вотъ и прекрасно! Слово, слово!...

— Хорошо, я даю слово!

— Браво! Cocher!—обратился онъ къ кучеру,—vous recevrez cinque francs pour boir!

— Такъ дешево?—спросила Щупкина.

— О, я пообѣщалъ бы ему гораздо больше, но онъ тогда приметъ меня за сумасшедшаго и не повѣритъ.

Кучеръ на весь лѣсъ хлопнулъ бичомъ и лошадь помчалась еще быстрѣе.

— Знаете ли, меня это открытіе такъ взволновало, какъ будто у меня самого явился голосъ Таманьо! — говорилъ Ловичъ, въ са-

номъ дѣлѣ взволнованнымъ голосомъ.—Подумайте, если вы будете на сценѣ, при вашей наружности, вы убьете наповалъ весь міръ.

— Вы уже начинаете издѣваться надо мной!

Шагахъ въ двухстахъ впереди показался ярко освѣщенный полуоткрытый павильонъ ресторона, стоявщаго посрединѣ лѣса. Издали можно было видѣть, что всѣ столики и внутри, и вокругъ него, подъ открытымъ небомъ, заняты публикой. Объ этомъ можно было судить и по двумъ длиннымъ рядамъ экипажей, стоявшихъ въ ожиданіи своихъ владѣльцевъ.

Ловичъ оглядѣлъ всѣ столы. Оказалось, что не было ни одного свободнаго мѣста.

— Но это ничего, — сказалъ онъ. — Я не даромъ истратилъ здѣсь тысячъ двадцать франковъ. Это дѣлаетъ хорошія связи.

Онъ пристально взглянулъ въ томъ направленіи, гдѣ была стойка, и многозначительно приподнялъ шляпу. Его тотчасъ узнали, очень скоро откопали гдѣ-то столикъ и стулья, вынесли на воздухъ, накрыли скатертью и они усѣлись.

Публика была пестрая, но рѣшительно вся принадлежала къ состоятельному классу. Кокотки чередовались съ порядочными женщинами и отличались отъ нихъ по внѣшности тѣмъ, что были изящнѣе и интереснѣе. Въ воздухѣ стоялъ шумъ отъ веселаго говора, который рѣзко отличаетъ загородныя кафе отъ бульварныхъ. Тамъ публика ведетъ себя сдержанно и имѣетъ почти дѣловой видъ. Разница была также и въ томъ, что на бульварахъ пьютъ исключительно пиво и рѣдко абсентъ, тогда какъ здѣсь всюду искрилось шипучее вино въ бокалахъ, стояли бутылки съ ликерами и разноцвѣтными стаканами съ дорогимъ ситронадомъ glacée, шеригоблеромъ и тому подобными напитками de luxe, до которыхъ не охотница разсчетливая публика бульварныхъ кафе. Посѣтитель тамъ платитъ свои 6—8 су и сидитъ надъ однимъ boeq'омъ съ девяти часовъ до двухъ часовъ ночи, пока не перечитаетъ всѣ газеты и не переслушаетъ всѣ бульварныя новости.

Дамы захотѣли выпить чего-нибудь холоднаго и Ловичъ заказалъ какой-то необыкновенно сложный составной напитокъ, а самъ спросилъ себѣ ликеру. Въ напитокъ входили разныя спиртныя вещи и потому румяныя щеки Щупкиной съ каждымъ глоткомъ краснѣли еще болѣе, а у Даши, наоборотъ, краска сходила съ лица и щеки ея блѣднѣли.

Ловичъ съ тонкою усмѣшкой глядѣлъ на обѣихъ. Онъ вспоминалъ, какъ часовъ шесть тому назадъ обѣ онѣ, а въ особенности Щупкина, пришли бы въ ужасъ при мысли о томъ, что поѣдутъ

сюда съ нимъ, и, притомъ, ночью, когда каждая изъ нихъ должна быть дома. Теперь онѣ сидятъ въ этомъ веселомъ обществѣ съ взволнованными лицами, съ легкимъ туманомъ въ глазахъ, опьяненныя не столько выпитымъ виномъ, сколько непривычною обстановкой. Дарья Степановна, конечно, въ эту минуту не думаетъ о дѣтяхъ, а Щупкиной и въ голову не приходитъ мысль о Сербовой, и та возжа, на которой ее держала еще нѣсколько часовъ тому назадъ эта безупречная женщина, совсѣмъ оборвалась. Увы, какъ непрочны всѣ эти вліянія и какъ немного надо, чтобы разрушить ихъ! У Сербовой ея направленіе, ея глубокій интересъ къ медицинѣ и къ народу, для котораго она учится, органически вытекаетъ изъ всего ея міросозерцанія, изъ всѣхъ ея вкусовъ, и потому ихъ ничѣмъ не парализуешь. Щупкина же восприняла все это съ вѣтру; ей показалось, что такъ надо, потому что такъ говорятъ и такъ дѣйствуютъ всѣ окружающіе ее люди, въ среду которыхъ она попала случайно. Всѣ эти вѣянія совсѣмъ не вошли въ ея душу, а точно обсыпали ее легкою пылью, которую можно счистить простою щеткой. Вкусы у нея совсѣмъ иного рода; ее тянетъ къ зоологическимъ удовольствіямъ, какъ вкусный обѣдъ, веселое общество, шумный кафе-шантанъ, красивый нарядъ, который шелъ бы ей къ лицу, какой-нибудь ухаживатель, который подносилъ бы ей цвѣты и платилъ бы за ея невинныя удовольствія. Она просто жаждетъ жизни,— впрочемъ, по очень скромному буржуазному рецепту,— вотъ и все.

Дарья Степановна гораздо сложнѣе, но и ея положеніе сводится къ тому же. Если бы нашелся человѣкъ, снискавшій ея безусловное довѣріе, какой-нибудь неотразимый авторитетъ, и онъ сказалъ бы ей: «То, что тебя смущаетъ,— глупый предразсудокъ; живи такъ, а не этакъ!» — она, не задумываясь, сдѣлала бы тотъ шагъ, къ которому, въ сущности, она неудержимо стремится.

— Знаете что, mesdames? Уже десять часовъ,— существенная часть вечера прошла, — заговорилъ Ловичъ.— Дѣти легли спать, Дарья Степановна, Сербова въ отчаяньи уѣхала въ Латинскую землю... Ваши преступленія не поправить... Поэтому намъ слѣдуетъ воспользоваться вечеромъ вполнѣ.

— Я нисколько не чувствую себя преступницей,— сказала Дарья Степановна.

— Ну, да! Потому что у васъ такой снисходительный патронъ, какъ Ольга Сергѣевна. Но каково госпожѣ Щупкиной? Ее, вѣдь, завтра повѣсятъ!

— Меня-то?—съ совершенно несвойственнымъ ей задоромъ

воскликнула Щупкина.—Вы думаете, что я боюсь Сербовой? Вы ошибаетесь! Я никого не боюсь!

— О-го!

— Увѣряю васъ! Я очень уважаю Сербову, но это и все! Я думаю, она достойна уваженія... Этого никто не станетъ отрицать...

— Во всякомъ случаѣ, не я буду отрицать это. Но, однако же, вообразите себѣ, что я имѣлъ бы смѣлость предложить вамъ поѣхать... ну, напримѣръ, въ Moulin rouge... Вѣдь, вы ни за что не поѣхали бы...

Щупкина смутилась и на ея и безъ того румяныхъ щекахъ краска сдѣлалась еще гуще.

— Куда хотите, только не въ Moulin rouge,—промолвила она.

— Но почему же?

— Такъ... Ни за что! У меня есть причина!

— Это любопытно. Сообщите намъ, — попросила Дарья Степановна.

— Не могу. Вы будете смѣяться.

— Такъ это и превосходно! Мы будемъ смѣяться и намъ, значитъ, будетъ весело. Но держу пари, что это что-нибудь ангельски-невинное и вы просто наивничаете.

— Не держите, проиграете!

— Нѣтъ, все-таки, держу! Двѣсти франковъ! Мы истратимъ ихъ въ Moulin rouge...

— Но, вѣдь, я не разскажу!

— Вы? Вы плохо себя знаете... Вы непремѣнно разскажете... Разъ объ этомъ зашла рѣчь, вы уже не сможете удержаться.

Дарья Степановна начала усиленно просить ее, и, въ самомъ дѣлѣ, видно было, что Щупкиной очень хотѣлось разсказать и что борьба ей слишкомъ трудна.

— Вы непремѣнно хотите?—спросила она.

— Да, такъ же сильно, какъ и вы, — отвѣтилъ, смѣясь, Ловичъ.

— Только не смѣйтесь... Это было недѣли три тому назадъ... Здѣсь былъ нѣсколько дней, проѣздомъ въ Лондонъ, одинъ мой петербургскій знакомый. Онъ зашелъ ко мнѣ и пригласилъ пообѣдать съ нимъ. Мы пообѣдали у Дюваля, около Madeleine... Очень скучно. Такъ какъ онъ спѣшилъ и на другой день долженъ былъ уѣхать, то ему хотѣлось воспользоваться этимъ вечеромъ и посмотрѣть что-нибудь чисто-парижское. Онъ спросилъ: что тутъ есть такого? Я сказала: Moulin rouge. Вотъ мы и поѣхали. Мы пріѣхали очень рано, и еще первое отдѣленіе концерта не конча-

лось. Мы сидѣли за столикомъ и пили пиво. Вдругъ къ намъ подходитъ одна изъ постоянныхъ посѣтительницъ, — вотъ, которая танцуетъ, — и что-то такое говоритъ. Мой знакомый обращается ко мнѣ по-русски: «Вы ничего не имѣете, если я угощу ее виномъ? Меня просто интересуетъ психологія этихъ созданій». Я, разумѣется, сказала, что ничего не имѣю. Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, можно имѣть противъ этого? Да меня, признаюсь, и самоё интересовали эти существа. Онъ пригласилъ ее, она подсѣла и вела себя замѣчательно прилично. Я ее разспрашивала о томъ, о другомъ... Она сперва принимала меня за кокотку, но потомъ поняла. Она была очень разговорчива и подробно объясняла мнѣ, какъ она живетъ, сколько платитъ за квартиру. Когда концертъ кончился, она встала и сказала, что ей надо танцовать. При этомъ она дала мнѣ свою карточку съ адресомъ и просила заходить. На другой день меня разобрало какое-то непобѣдимое любопытство. Мнѣ такъ захотѣлось съѣздить къ ней, какъ будто бы отъ этого зависѣла моя жизнь. Я возражала себѣ, что это неловко, что Богъ знаетъ, кого я тамъ встрѣчу, что она, быть можетъ, захочетъ продолжать знакомство, и это выйдетъ неловко... Однимъ словомъ, я привела себѣ всѣ разумные доводы и, когда они всѣ исчерпались, я... сѣла на конку и поѣхала въ rue Lafitte, гдѣ она жила. Пріѣхала я къ ней около часу дня и застала ее еще въ постели. Но какъ она мнѣ обрадовалась! Тотчасъ накинула матине, сварила кофе и стала меня угощать. Живетъ она такъ себѣ, одна комната, впрочемъ, недурно обставленная. Одна. Все прилично и мило. Есть даже маленькая библіотека, состоящая изъ нѣсколькихъ романовъ и двухъ томиковъ Виктора Гюго. Выписываетъ *Petit Journal* и усердно слѣдитъ за романомъ, который тамъ печатается. На туалетномъ столикѣ я замѣтила молитвенникъ въ изящномъ кожаномъ переплетѣ съ золотыми углами. Я даже не разспрашивала ее, а она сама мнѣ разсказала свою исторію. Она изъ Руана. Воспитывалась она въ монастырѣ и все тамъ кончила, какъ слѣдуетъ. Отецъ ея былъ нотаріусомъ, но въ чемъ-то проштрафился, лишился мѣста и они обѣднѣли. Въ Парижъ она пріѣхала съ опредѣленными намѣреніями. Она мнѣ такъ и сказала: «Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ разсказываютъ какую-нибудь романическую исторію, но, большею частью, врутъ. Впрочемъ, и я нѣкоторымъ мужчинамъ разсказываю, что во мнѣ, какъ въ извѣстной Ліаннъ-де-Пужи, сидятъ двѣ пули, — и они вѣрятъ. Мужчины это любятъ. Они любятъ, чтобы женщина, которой они платятъ, не была совсѣмъ заурядна, чтобы у нея была какая-нибудь исторія. Я, просто, не разсчитывала вы-

ти замужъ сколько-нибудь сносно. У насъ это трудно сдѣлать, когда въ банкѣ нѣтъ никакой, хоть маленькой, ренты... А изъ всѣхъ занятій, какія были мнѣ доступны, это—самое выгодное. Я и выбрала его. Вѣдь, это такое же ремесло, какъ и всѣ другія. Когда не имѣешь ренты, всегда что-нибудь продаешь: или руки, или голову, или сердце...» Оказалось, что за танцы въ Moulin rouge она получаетъ сто семьдесять пять франковъ въ мѣсяцъ, но рѣшительно вся эта сумма идетъ на поддержаніе внѣшности. «Къ намъ очень требовательны, — объяснила она. — Вы, вѣдь, видѣли наши танцы. Представьте, что каждый вечеръ надо свѣжую юбку и прочее, а вы знаете, какъ это дорого въ Парижѣ. Эти blanchisseuses— настоящія разбойницы! А по воскресеньямъ надо мѣнять два раза, потому что бываютъ matinés. Вотъ и сосчитайте, во сколько это обойдется». Однимъ словомъ, на жизнь ей приходилось зарабатывать иначе. «Зачѣмъ же вы, въ такомъ случаѣ, танцуете? — спросила я. — Вѣдь это, какъ постоянное занятіе, не можетъ доставлять удовольствія». Она очень удивленно посмотрѣла на меня и нашла меня наивной. «Но, вѣдь, это—реклама! Помилуйте! Я у всѣхъ всегда на виду! Если бы вы знали, сколько есть особъ, завидующихъ моему положенію!» Потомъ, когда я стала прощаться, она выразила сожалѣніе, что такъ скоро, и предложила прокатиться въ Булонскомъ лѣсу. Я испугалась, потому что у меня было всего двѣнадцать франковъ, которые, притомъ, были мнѣ очень нужны. Но отказаться было неловко. Еще подумаетъ, что я какъ бы брезгую и боюсь выѣхать съ нею днемъ публично. Я и согласилась. Мы взяли фіакръ, прокатились въ Булонскомъ лѣсу, а когда затѣмъ подъѣхали къ ея квартирѣ, она выпорхнула, сказала на-ходу «merçi» и скрылась въ подъѣздѣ. Фіакръ стоилъ мнѣ четыре съ половиною франка. Но это просто—непривычка платить за себя... Больше я ея не видала. Вотъ и вся исторія!

— Но я не понимаю, почему это мѣшаетъ вамъ ѣхать въ Moulin rouge! — промолвилъ Ловичъ.

— Неловко. Она опять подойдетъ... Возобновленіе знакомства!

— Во-первыхъ, я ручаюсь вамъ, что она не подойдетъ. Помилуйте, съ вами мужчина и дама. Онѣ, вѣдь, очень воспитанныя особы. А, во-вторыхъ, мы ее сами пригласимъ... Вѣдь, это очень любопытно... Вы окажете намъ протекцію.

Кончилось тѣмъ, что Щупкину уговорили. Ловичъ расплатился, они разыскали свой фіакръ и поѣхали.

XXII.

Когда они вошли въ огромный залъ, ярко освѣщенный, высокій, съ достаточнымъ количествомъ воздуха, концертное отдѣленіе уже кончалось. Они выбрали мѣсто въ боковой галлереѣ, на нѣкоторомъ возвышеніи, откуда можно было видѣть танцующихъ и гдѣ не было давки и толкотни.

Скоро на сценѣ все кончилось, публика перешла въ другую часть зала, ожидали танцевъ. Наконецъ, заигралъ оркестръ и начался вальсъ. Этотъ танецъ прошелъ до такой степени скромно, что, если судить по немъ, то нельзя было ожидать ничего особеннаго. Танцовали только дамы, мужчинъ совсѣмъ не было. Но вотъ заиграли кадриль и мигомъ перемѣнился тонъ. Танцующія пары еще стояли другъ противъ друга, но уже женщины довольно высоко подобрали юбки, очевидно, имѣя въ виду энергично дѣйствовать ногами. Потомъ онѣ выступили впередъ и задвигались.

Какъ ни слѣдили внимательно наши дамы за разными фигурами танца, онѣ никакъ не могли уловить чего-нибудь характернаго и даже опредѣленнаго. Танцующіе двигались безпорядочно, кому какъ приходило въ голову, и все искусство, повидимому, заключалось въ умѣньи владѣть платьемъ. Однѣ подымали платье выше, другія ниже, однѣ дѣлали это граціозно, насколько возможна тутъ грація, другія грубовато. Вторымъ номеромъ было подыманіе ноги; искусство заключалось здѣсь въ томъ, чтобы поставить ногу въ уровень съ носомъ своего визави. И въ теченіе всей кадрили повторялись эти двѣ фигуры и въ нихъ заключался весь шикъ танца.

— Сколько ни смотрите, смотрите хоть до четырехъ часовъ утра, ничего другого вы не увидите,—сказалъ Ловичъ.—Я достаточно изучилъ эти вещи. Есть какая-то особая наука, которая называется не то графологія, не то графоманія. Она учитъ по почерку узнавать характеръ человѣка. Еслибъ у меня была охота, я создалъ бы по этому образцу другую науку, чтобы по танцамъ судить о характерѣ не только человѣка, но цѣлаго народа. Мнѣ кажется, что я былъ бы правъ. Видали ли вы танцы дикарей? Они полны неопредѣленной грубой фантазіи, каждое движеніе, каждый жестъ имѣютъ какое-нибудь символическое значеніе. По нимъ можно судить о томъ, что народу этому жизнь представляется еще тайной и потому у этого народа есть будущее. Возьмите вы танецъ славянъ. Въ немъ есть какая-то ширь, какая-то удаль, въ которыхъ видится несокрушимое здоровье народа. И, въ то же время,

въ этихъ танцахъ нѣтъ рѣшительно ни одного движенія низменнаго, который намекалъ бы на животную страсть. Теперь посмотрите на эти. Если вамъ случалось бывать на общественныхъ балахъ, на праздникахъ въ провинціи, напримѣръ, въ Провансѣ, гдѣ они происходятъ подъ открытымъ небомъ, то вы замѣтили, что вся суть заключается въ безконечномъ однообразномъ верченіи. Тамъ видна еще сдержанность и потому эти танцы окончательно скучны. Здѣсь геній народный проявляется свободнѣе и подыманіе юбокъ, обнаруженіе бѣлья и вскидываніе ногъ до высоты носа,—вотъ все, въ чемъ выразилось художественное требованіе французовъ. Если отсюда еще можно идти куда-нибудь впередъ, то, конечно, это будетъ полное обнаженіе и продѣлываніе всего безъ прикрасъ. Впрочемъ, это и дѣлается въ иныхъ мѣстахъ. Если бы мнѣ пришлось дѣлать выводы изъ данныхъ моей новой науки, то я бы сказалъ, что, судя по танцамъ, народу этому некуда идти впередъ, что онъ дошелъ уже до той точки, когда фантазіи и символизму нѣтъ мѣста, когда въ искусствѣ все изображается такимъ, каково оно есть. Однимъ словомъ, я сказалъ бы, что народъ этотъ дошелъ до той точки, съ которой надо идти назадъ.

Щупкина вступилась за французовъ и возразила:

— Какъ? А наука, а техника? Вѣдь, вы этого не можете отрицать.

— Я этого и не отрицаю. Но въ томъ-то и дѣло, что одно другому нисколько не мѣшаетъ. Къ сожалѣнію, существуетъ даже какое-то обратное отношеніе между развитіемъ мозга и художественными вкусами... Но, впрочемъ, оставимте этотъ споръ. Можетъ быть, я и неправъ. Смотрите, вотъ это, навѣрное, ваша знакомая. Она пристально смотритъ на насъ.

Щупкина посмотрѣла въ ту сторону, куда онъ указалъ. Кадриль кончилась и танцующія дамы были свободны. Одна изъ нихъ,—высокая, еще довольно стройная, но уже нѣсколько расплывающаяся въ ширь блондинка,—остановилась на порядочномъ разстояніи отъ нихъ и пристально смотрѣла на ихъ столъ. Щупкина поглядѣла на нее и, убѣдившись, что это и есть именно ея знакомая, отвернулась.

— И вотъ вы увидите, что она ни за что не подойдетъ къ намъ. Дадимъ ей пять минутъ, — сказалъ Ловичъ.

Она, дѣйствительно, убѣдившись, что съ нею не желаютъ завязывать сношеній, отвернулась и пошла въ другую сторону.

— Видите, я говорилъ, что онѣ здѣсь очень воспитанны, но

мы, однакожъ, пригласимъ ее. Васъ, Дарья Степановна, это не можетъ шокировать?

— Нисколько, мнѣ все равно.

Ловичъ подозвалъ лакея и велѣлъ ему прислать сюда цвѣточницу, которая обходила столики въ теченіе всего вечера, предлагая мужчинамъ маленькіе букетики для того, чтобъ они подносили дамамъ. Минуты черезъ три явилась цвѣточница. Ловичъ купилъ у нея розу, затѣмъ опять подозвалъ лакея, передалъ ему цвѣтокъ и просилъ отнести блондинкѣ.

— Я вамъ не подношу цвѣтовъ, mesdames, потому что надо, чтобы была разница между вами и ими... Но вотъ, посмотрите, какъ она хорошо поняла меня. Вотъ она идетъ сюда!

Онъ приподнялся и, съ видомъ человѣка, хорошо знакомаго, встрѣтилъ блондинку, которая приближалась къ столу.

— Мы васъ ждемъ, — сказалъ онъ, протягивая ей руку.— Вотъ ваша знакомая хочетъ повидаться съ вами.

Блондинка очень мило улыбнулась, показала свои красивые бѣлые зубы и дружески протянула руку Щупкиной.

— Садитесь. Какъ поживаете? — спросила ее Щупкина.

Та поблагодарила ее и сѣла. Ловичъ освѣдомился о томъ, что̀ она пьетъ. Оказалось, американскій грогъ. Ей принесли.

— Вы устали? — спросила ее Щупкина.

— О, нѣтъ, я, вѣдь, привыкла; это мнѣ ничего не сто̀итъ. Помилуйте, какъ же мнѣ уставать? Вѣдь, предстоитъ еще семь кадрилей и нѣсколько другихъ танцевъ.

— И въ теченіе вечера вы все одно и то же танцуете?

— Да, одно и то же, но по мѣрѣ того, какъ идетъ время, наши движенія становятся свободнѣе, — промолвила она съ невинною улыбкой ангела.

Дарья Степановна не принимала участія въ разговорѣ, а только внимательно слѣдила за ней. Она изучала ея лицо. Оно было необыкновенно симметрично, какъ бываетъ у людей, жизнь которыхъ идетъ спокойно, тихо, плавно. Улыбка ея была привлекательна, глаза смотрѣли прямо и просто. Ей была свойственна легкая нервность, вслѣдствіе которой она иногда слегка смущалась и слегка краснѣла. Цвѣтъ лица у нея былъ натуральный. Очевидно, у нея еще не было надобности прибѣгать къ краскамъ, но брови были слишкомъ темны для ея свѣтлаго жанра и слишкомъ ровны. Она замѣтила пристальный взглядъ Дарьи Степановны, направленный именно на ея брови, и чрезвычайно привѣтливо обратилась къ ней.

— Мадемуазель смотритъ на мои брови,—сказала она.—Ахъ, это мое несчастье! У меня почти совсѣмъ нѣтъ своихъ бровей и потому приходится подчернивать ихъ. Притомъ же, это такъ красиво, когда черныя брови съ сѣрыми глазами.

— Только это неестественно,—замѣтилъ Ловичъ.

Она разсмѣялась.

— Потому-то и привлекательно. О, у насъ уже никого не привлекаетъ естественное! Вотъ заигралъ оркестръ, я должна танцовать польку, но мы еще увидимся?

Она наклонила голову съ привѣтливою улыбкой и затѣмъ ушла.

— Вы не можете сказать, чтобы она держала себя неприлично,—замѣтилъ Ловичъ. — Посмотрите, ни одного лишняго жеста, ни одного двусмысленнаго слова. Вотъ, погодите, дальше мы заведемъ разговоръ о политикѣ, она, навѣрное, окажется роялисткой. Онѣ всѣ роялистки, потому что при монархіи ихъ доходы были лучше. Затѣмъ мы перенесемъ разговоръ на почву религіи. Вы увидите, до какой степени она искренно вѣруетъ въ Бога. А, между тѣмъ... между тѣмъ, посмотрите, какъ она танцуетъ.

Они обратили взоры въ сторону танцевъ и застали блондинку какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она на невѣроятную высоту подняла ногу. Въ слѣдующемъ антрактѣ блондинка уже надоѣла имъ. Она была слишкомъ однообразна и быстро успѣла разсказать все, что у нея было на душѣ. Ловичъ послалъ еще нѣсколько букетовъ, они должны были перемѣнить столъ, который оказался слишкомъ малымъ. Появились дамы танцующія и не танцующія и завязалась бесѣда совершенно салоннаго свойства. Дамы старались вести себя какъ женщины свѣта, были умѣренно веселы и краснѣли при малѣйшемъ намекѣ на что-нибудь двусмысленное. Онѣ понимали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и очень быстро примѣнились къ этому.

Было уже около двухъ часовъ, когда Дарья Степановна объявила, что ей все это надоѣло. Они поднялись, простились съ дамами и вышли на улицу. Еще при яркомъ освѣщеніи зала, когда они шли къ выходу, можно было замѣтить, что на лицѣ Щупкиной появилась какая-то тѣнь. Оживленіе, которое не покидало ее весь ве[illegible]ръ, какъ-то вдругъ прошло и въ глазахъ явилось выраженіе ра[illegible]ѣянности. Когда же они вышли на улицу, Щупкина довольно гр[illegible]ко вздохнула.

— Что съ вами?—спросилъ Ловичъ.

— Ничего, право, ничего,—отвѣтила Щупкина. Но она тутъ же [illegible]озвала въ сторону Дарью Степановну.

— Голубушка, милая,—тихонько сказала она ей, — я поѣду ночевать къ вамъ. Только ужь вы что-нибудь выдумайте. Сербовой не говорите. Боже сохрани.

Дарья Степановна тихонько засмѣялась.

— Ну, нѣтъ, конечно, мы не скажемъ,—промолвила она,— мы что нибудь сочинимъ.

Они сѣли въ коляску. Ловичъ заглядывалъ въ лицо Щупкиной и все время ему хотѣлось разсмѣяться. Онъ понималъ причину ея безпокойства.

— Знаете,—сказалъ онъ,—это цѣлая исторія. Вы вышли тогда изъ дому, прошли бульвары и, вмѣсто того, чтобы сѣсть на конку, которая ведетъ къ рабочей биржѣ, вы по ошибкѣ попали на другую и васъ привезли на бульваръ Батиньоль. Тутъ вы начали разспрашивать, гдѣ рабочая биржа, вамъ всѣ смѣялись въ лицо. Какой-то шутникъ, который былъ въ веселомъ расположеніи духа, жестоко обманулъ васъ. Онъ сказалъ, что вамъ надо ѣхать къ Сенѣ, тамъ сѣсть на пароходъ и плыть вверхъ, на седьмой станціи сойти, затѣмъ взять широкую улицу, потомъ первый переулокъ направо, тутъ и будетъ рабочая биржа. Вы были такъ наивны, что повѣрили, продѣлали все это и оказались въ десяти верстахъ отъ Парижа. Ну, мнѣ кажется, что этого совершенно достаточно, чтобъ не только опоздать домой къ обѣду, а пріѣхать послѣ двухъ часовъ ночи.

Щупкина нерѣшительно смотрѣла на него и думала о томъ, что этою исторіей въ самомъ дѣлѣ можно воспользоваться: «Но какой онъ проницательный, этотъ Ловичъ! Отъ него не скроешься!» Ловичъ продолжалъ:

— Ахъ, да, еще одна подробность! Вѣдь, вы проголодались и зашли въ какой-то скверный ресторанъ, такъ какъ у васъ было мало денегъ. Ну, вотъ на обѣдъ положите часа два съ половиною. Это очень важно. А согласитесь, mesdames,—прибавилъ онъ, мѣняя тонъ,—что мы недурно провели время.

— Только не въ этомъ сараѣ,—замѣтила Дарья Степановна.— Я въ этомъ вашемъ Moulin rouge не вижу ничего занимательнаго.

— Я тоже,—сказалъ Ловичъ, — это только характерно для наблюденія нравовъ. Нравы очень однообразны, слишкомъ опредѣленны и потому скучны. Больше я васъ не повезу сюда. Но надѣюсь, что мнѣ удалось внушить вамъ довѣріе. И вамъ также?— спросилъ онъ у Щупкиной.—И вамъ теперь очевидно, что со мной можно очень мило и ничѣмъ не рискуя провести время.

Они уже проѣхали мимо Оперы, потомъ повернули на бульваръ

и приближались къ церкви св. Августина. Ловичъ остановилъ извощика, расплатился съ нимъ и попрощался съ дамами.

— Богъ знаетъ! Владиміръ Ивановичъ любитъ проводить время у окна,—въ особенности сегодня его сыскныя чувства, вѣроятно, находятся въ сильномъ волненіи. Я лучше сойду здѣсь.

Ни Щупкина, ни Дарья Степановна не нашли ничего возразить. Онѣ простились съ нимъ и поѣхали дальше.

— Право же, этотъ Ловичъ вовсе не такой дурной человѣкъ, какъ о немъ говорятъ,—промолвила Щупкина.

— Развѣ о немъ говорятъ, какъ о дурномъ? Я слышала только о его направленіи.

— О, вы не можете себѣ представить, что̀ у насъ говорятъ о немъ!

— Что же именно?

— Говорятъ, что женщинѣ опасно провести съ нимъ наединѣ два часа.

Дарья Степановна разсмѣялась.

— Женщинѣ никогда ничего не опасно,—сказала она.—Повѣрьте, мой другъ, что все зависитъ отъ насъ самихъ.

— Я сама такъ думаю, — отвѣтила Щупкина. — Но, милая, помните же про Сербову. Я не хочу, чтобъ она знала про наше путешествіе.

— Почему вы ее боитесь?

— Да такъ, вѣдь, я должна постоянно жить въ ихъ обществѣ... ну, вотъ и приходится подчиняться.

Фіакръ остановился у пансіона госпожи Броникъ. Онѣ сошли и поднялись наверхъ. Когда онѣ вошли въ квартиру, Ольга Сергѣевна привстала на постели и спросила ихъ:

— Вы живы? Что съ вами было?

— Завтра разскажемъ,—отвѣтила Щупкина, — а сегодня я у васъ ночую.

Ольга Сергѣевна подозвала къ себѣ Дашу и сказала ей на ухо:

— Признайтесь, Даша, что вы встрѣтились съ Ловичемъ.

— Признаюсь,—также тихо сказала Дарья Степановна,—но бѣдняжка Щупкина боится Сербовой, такъ ужь вы дѣлайте видъ, что не знаете этого.

Онѣ улеглись спать.

XXIII.

Ловичъ, едва только поднялся съ постели, тотчасъ же вспомнилъ о вчерашнемъ разговорѣ на счетъ голоса Дарьи Степановны.

Было около 11 часовъ; онъ поспѣшно одѣлся, наскоро выпилъ кофе и отправился къ знакомому профессору консерваторіи. Онъ хотѣлъ только узнать, въ которомъ часу профессоръ будетъ дома и свободенъ. Оказалось, что онъ принимаетъ дома отъ 2 до 4 часовъ.

— А что, вы открыли замѣчательный голосъ?—спросилъ профессоръ?

— Я, вѣдь, въ этомъ мало понимаю, но мнѣ показалось. Во всякомъ случаѣ, мнѣ было бы пріятно, если бы голосъ оказался стоющимъ.

— Это ваша родственница?

— Да, дальняя.

Отсюда Ловичъ направился прямо къ Каширцевымъ. Владиміра Ивановича не было дома, — онъ пошелъ на почту за письмами. Ольга Сергѣевна встрѣтила его такою улыбкой, которая безъ словъ сказала ему, что ей извѣстно все насчетъ вчерашняго приключенія.

— Отъ васъ, вѣдь, ничего не скроешь, — сказалъ Ловичъ, вмѣсто привѣтствія, пожимая ея руку.

— Что вы дѣлаете, Ловичъ? Вы совсѣмъ лишили душевнаго спокойствія Щупкину. Она схватилась сегодня въ 7 часовъ, такая блѣдная, растерянная, и помчалась къ себѣ домой.

— Я думаю, это кончится тѣмъ, что ее поставятъ въ уголъ,— замѣтилъ Ловичъ.

— Ну, не говорите этого. У Сербовой очень строгій режимъ. и это ей обойдется дороже. Садитесь, однако.

Ловичъ сѣлъ.

— Вотъ видите ли,—сказалъ онъ,—меня обвиняютъ въ томъ, что я какъ будто бы отрицаю людей серьезныхъ, съ серьезными интересами, и признаю только одно легкомысліе. Но это неправда. Самъ я въ достаточной степени легкомысленъ. Этого не отрицаю, но признаю, напримѣръ, такихъ людей, какъ Сербова. Я могу не раздѣлять ея взглядовъ, но отношусь къ ней съ полнымъ уваженіемъ. Потому что, какъ-никакъ, а эти взгляды дѣйствительно ея собственные взгляды, она знаетъ ихъ начало и основаніе, и достались они ей, вѣроятно, не даромъ. Но какъ, скажите ради Бога, я могу преклониться передъ серьезностью госпожи Щупкиной,—серьезностью, которая состоитъ лишь въ томъ, что она добросовѣстно заучила коекакіе параграфы изъ радикальнаго катехизиса? Нѣтъ, ужъ, по-моему, лучше добросовѣстное легкомысліе, чѣмъ такого рода серьезность.

— Не нападайте на нее, она хоть и не такъ молода годами,

но очень молода еще разумомъ. Она слишкомъ поздно начала мыслить. Она еще не выходилась.

— Ну, да Богъ съ ней,—сказалъ Ловичъ,— въ сущности говоря, я противъ нея ничего не имѣю, потому что мы вчера вечеромъ весело провели время. Я, вѣдь, пришелъ по дѣлу. Дарья Степановна дома?

— Она только что поднялась и еще, кажется, не пила кофе.

— О, это ужь баловство! Впрочемъ, вчера, вѣдь, онѣ поздно вернулись и это, пожалуй, можетъ помѣшать моимъ цѣлямъ.

— Вашимъ цѣлямъ?

— Да, я не знаю, можно ли пѣть тотчасъ послѣ сна.

— Вы, кажется, сказали не то слово... Пѣть?

— Да, впрочемъ, я совсѣмъ выпустилъ изъ виду, что вы ничего не знаете и для васъ это новость.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты послышался веселый, раскатистый смѣхъ Дарьи Степановны.

— Не слушайте его, Ольга Сергѣевна! Это дикая фантазія!— крикнула Даша.

— Да я этого даже, какъ фантазіи, не понимаю.

— Нисколько не фантазія, — возразилъ Ловичъ.— Вчера въ Булонскомъ лѣсу мы затянули русскую пѣсню. Дарья Степановна была немного рѣшительнѣе, чѣмъ обыкновенно, и давала полный голосъ. И вотъ въ этомъ голосѣ я разслышалъ такія дивныя нотки, отъ которыхъ пришелъ въ восторгъ.

— Ну, я думаю, вы приходите въ восторгъ отъ всякой нотки, какую бы ни взяла Даша.

— Нѣтъ, это совершенно серьезно. Я хотя и не музыкантъ, но въ своей жизни наслышался всевозможныхъ пѣвицъ и, насколько это серьезно, вы можете судить по тому пари, какое мы держали. Если профессоръ найдетъ, что я былъ неправъ, то я выхожу на площадь Согласія и пускаю себѣ пулю въ лобъ.

— А если онъ найдетъ, что вы правы?

— Это не было оговорено, но я полагаюсь на великодушіе Дарьи Степановны.

— Развѣ вы уже замѣтили въ ней великодушіе?

— Да, она проявляетъ великодушіе уже тѣмъ, что позволяетъ мнѣ существовать на свѣтѣ.

Вышла Дарья Степановна и поздоровалась съ нимъ. Видъ у нея былъ нѣсколько утомленный, но Ловичъ тутъ же подумалъ, что даже и это идетъ къ ней и придаетъ особенную интересность ея

лицу. Она категорически заявила, что вчерашній разговоръ считаетъ безусловно шуткой и, конечно, къ профессору не пойдетъ.

— Это невозможно,—сказалъ Ловичъ,—я былъ у профессора и выговорилъ себѣ четверть часа.

— Вы воспользуетесь этою четвертью часа безъ меня, — заявила Даша.

Ольга Сергѣевна приняла сторону Ловича. Почему бы ей не пойти, вѣдь, она отъ этого ничего не потеряетъ, даже въ томъ случаѣ, если у нея не окажется голоса. Вообще, слѣдуетъ испробовать все, къ чему представляется случай. Наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ у нея можетъ оказаться голосъ. Ольга Сергѣевна никогда не обращала на это вниманія, но теперь видитъ, что даже въ обыкновенномъ разговорномъ голосѣ у нея слышится какой-то особенный тембръ, извѣстная звучность и мелодичность. Ловичъ началъ рисовать Дарьѣ Степановнѣ блестящія картины будущаго. Онъ въ яркихъ образахъ представилъ ей, какъ она выходитъ на сцену и вызываетъ фуроръ, какъ тотчасъ же къ ней является гурьба поклонниковъ, ищущая ея улыбки, готовая цѣловать ей ноги, и затѣмъ, переходя на болѣе практическую почву, какъ антрепренеры предлагаютъ ей огромные куши и она утопаетъ въ роскоши.

Дарья Степановна, размышляя объ этомъ, не шла такъ далеко. Ея умъ вообще не былъ склоненъ къ безумнымъ фантазіямъ. Но мысль о томъ, что у нея можетъ оказаться голосъ,—мысль, за пять минутъ передъ этимъ казавшаяся ей смѣшной,—уже начала представляться ей возможной. Почему бы нѣтъ? Это ничего не значитъ, что до сихъ поръ она и никто другой не обратили на это вниманія. Вѣдь, голоса открываются обыкновенно случайно, притомъ же, она припоминаетъ, что въ гимназіи, когда она пѣла въ хорѣ, учитель обращалъ особенное вниманіе на ея голосъ. Тогда она не придавала этому никакого значенія и очень лѣниво относилась къ пѣнію. Все возможно.

— Я, пожалуй, быть можетъ, и пойду,—сказала она нерѣшительно,—но только не сегодня. Я еще не пришла хорошенько въ себя послѣ вчерашняго.

— Ну, полноте, вы такъ это говорите, что могутъ Богъ знаетъ что подумать о нашемъ вчерашнемъ приключеніи! И, притомъ же, я же вамъ говорю, что профессоръ насъ ждетъ. Я сказалъ ему, что вы моя дальняя родственница, хотя, какъ вы знаете, я желалъ бы породниться съ вами гораздо ближе.

— А вы разведитесь съ вашею женой, — сказала полушутя Ольга Сергѣевна,—и я ручаюсь, что сосватаю вамъ Дашу.

— Напрасный трудъ!—сказала Даша, даже не давъ ему отозваться на шутливое предложеніе Ольги Сергѣевны, и тотчасъ же встала.—Если вамъ такъ хочется, пойдемте,—прибавила она.

Она вышла въ сосѣднюю комнату, одѣлась и они пошли. Профессоръ жилъ недалеко, поэтому они не взяли извощика. День стоялъ теплый и пріятно было пройтись. Дарья Степановна шутя жаловалась, что у нея съ похмѣлья голова болитъ, и прибавила:

— Вотъ видите, какую я для васъ приношу жертву!

— Вы? Помилуйте, это съ моей стороны чистое самопожертвованіе!—возразилъ Ловичъ.

— Это какимъ образомъ?

— Да какъ же? Я, можно сказать, самъ накидываю на себя петлю. Представьте себѣ, что мое предсказаніе сбывается, — у васъ оказывается чудный голосъ, вы учитесь пѣть, выучиваетесь, поступаете на сцену, васъ встрѣчаетъ слава, тысячи поклонниковъ, вы увлечены искусствомъ, вы витаете на облакахъ... Чортъ возьми, тогда вы не пустите меня на порогъ вашей гостиной! И, такимъ образомъ, я добровольно лишусь той тѣни надежды, которая теперь у меня, все-таки, есть.

— Вы можете не только надѣяться, но даже быть увѣреннымъ, что я пущу васъ въ свою гостиную,—замѣтила Даша.

— Покорно благодарю.

Профессоръ жилъ въ четвертомъ этажѣ и имъ пришлось подыматься по довольно крутой лѣстницѣ. Когда они вошли въ переднюю, то изъ комнаты до ихъ слуха долетѣли звуки сопрано. Очевидно, тамъ шелъ урокъ. Къ нимъ въ переднюю съ торопливымъ видомъ вышелъ господинъ высокаго роста, плотный блондинъ, лѣтъ сорока, поздоровался съ Ловичемъ, поклонился Дарьѣ Степановнѣ, сказалъ, что онъ очень радъ, и попросилъ ихъ подождать въ маленькой пріемной. Онъ будетъ занятъ еще минутъ десять. Они вошли въ пріемную и ждали тамъ.

— Что вы со мной дѣлаете?—сказала Даша.

— О, вы увидите!—отвѣтилъ Ловичъ и этимъ ограничился.

Урокъ кончился скорѣе, чѣмъ обѣщалъ профессоръ. Минуты черезъ двѣ они были въ гостиной, гдѣ стоялъ рояль.

— Предупреждаю васъ, профессоръ, что мадемуазель никакъ не можетъ повѣрить, что у нея есть голосъ, и надо употребить особое искусство, чтобъ извлечь изъ нея ноты.

— Мы постараемся,—сказалъ профессоръ и началъ было доказывать Дашѣ, что ей нечего стѣсняться, что это такъ просто, что онъ смотритъ на это, какъ на свою профессію, что ему при-

ходилось въ жизни слышать тысячу голосовъ и такъ дальше, но Даша перебила его рѣшительнымъ жестомъ и промолвила:

— Да я нисколько не стѣсняюсь, профессоръ. Я знаю, что у меня никакого голоса нѣтъ, но готова пѣть, сколько вамъ угодно.

Ловичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ ее уже однажды въ такомъ настроеніи, именно когда онъ вернулся съ Ривьеры и она встрѣтила его цѣлымъ потокомъ вопросовъ, предложенныхъ какъ-то нервно, рѣшительно и поспѣшно. На нее, очевидно, въ минуты затрудненія находитъ рѣшимость. Это случилось и теперь.

Профессоръ наклонилъ голову, затѣмъ сѣлъ за рояль и взялъ аккордъ, причемъ особо подчеркнулъ ту ноту, которую надо было взять. Дарья Степановна открыла ротъ и взяла ноту спокойно, твердо, и звонкій звукъ ея голоса наполнилъ комнату. Профессоръ поднялъ на нее глаза и улыбнулся. Ловичъ всталъ со стула и весь вытянулся впередъ съ видомъ глубокаго вниманія. Онъ самъ не ожидалъ, что услышитъ это. Профессоръ перемѣнилъ аккордъ и потребовалъ другую ноту. Даша и ее взяла такъ же свободно. Профессоръ всталъ и съ какимъ-то нервнымъ восторгомъ, почти въ экстазѣ, воскликнулъ:

— Довольно! О, этого больше, чѣмъ довольно! Да знаете ли вы, чѣмъ вы обладаете? Ну, вотъ хотите? Учу васъ даромъ! Вы съ вашимъ голосомъ можете составить рекламу профессору!

И онъ, не переставая, говорилъ ей еще тысячи любезностей и увѣреній въ томъ, что ей надо начинать учиться немедленно, сейчасъ же, сію минуту, и что ее ожидаетъ слава. Когда Дарья Степановна повернула голову въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Ловичъ, и взглянула на него, то невольно улыбнулась. У Ловича былъ какой-то проникновенный, торжественный видъ. И вотъ въ эту-то минуту она въ первый разъ въ квартирѣ у профессора почувствовала какую-то неловкость. Ея недавнія сомнѣнія, ея слишкомъ скромное мнѣніе о своемъ голосѣ четверть часа тому назадъ такъ сильно противорѣчили тому, что̀ сейчасъ произошло здѣсь, но неужели же въ самомъ дѣлѣ у нея есть голосъ, и именно съ тѣми качествами, о которыхъ говоритъ профессоръ? Но, вѣдь, она сама слышала его, она слышала то, чего никогда прежде не замѣчала и не подозрѣвала. И она начинала вѣрить.

Дальнѣйшій разговоръ перешелъ на практическую почву. Само собою разумѣется, что Даша не приняла во вниманіе предложенія профессора учить ее даромъ, да и самъ профессоръ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ свое предложеніе, какъ риторическую фигуру, для бо-

лѣе сильнаго доказательства истинности своихъ словъ. Ловичъ повелъ съ нимъ настоящую торговлю. Даша слушала ихъ и пожимала плечами. Она не понимала, какъ можно, будучи пріятелями, такъ просто и спокойно торговаться изъ-за франка. Профессоръ говорилъ, что онъ ни съ кого изъ своихъ учениковъ не беретъ меньше 125 франковъ, а Ловичъ доказывалъ ему, что онъ можетъ ограничиться сотней; впрочемъ, профессоръ не слишкомъ упорно отстаивалъ свою цифру. Онъ произносилъ ее съ изысканною улыбкой и такимъ тономъ, какъ будто онъ по существу ею не интересовался и даже до извѣстной степени жалѣетъ, что у него существуетъ такой обычай — получать отъ учениковъ по 125 франковъ въ мѣсяцъ. И Ловичу удалось-таки выторговать 25 франковъ. Профессоръ согласился и при этомъ прибавилъ, что, собственно говоря, онъ готовъ бы учить даромъ, но что никто на это не согласится. Онъ закончилъ, пожимая имъ руки, изреченіемъ:

— Всякій имѣетъ право платить за чужой трудъ точно такъ же, какъ всякій имѣетъ право получать за свой трудъ.

Дарья Степановна пришла домой сильно взволнованная и совершенно разстроенная. Она чувствовала себя такъ, какъ будто жизнь ея сразу приняла другое направленіе, будто все уже пошло иначе.

«Неужели же это правда? — съ глубокимъ волненіемъ думала она.—Вѣдь, это совсѣмъ точно сказка».

XXIV.

Два мѣсяца тому назадъ въ пансіонѣ госпожи Броникъ, въ квартирѣ Каширцевыхъ, все было проникнуто мрачнымъ уныніемъ. Надъ всѣми жильцами, надъ каждымъ ихъ дѣйствіемъ, надъ малѣйшимъ шагомъ висѣла туча. Ольга Сергѣевна чувствовала упадокъ силъ, что обыкновенно выражалось у нея въ крайнемъ раздраженіи. Ея настроеніе, конечно, отражалось на лицахъ всѣхъ и на дѣлахъ. Она была необыкновенно тонко воспріимчива къ малѣйшему шуму, къ малѣйшей неладности, даже къ тону во время обыкновенныхъ домашнихъ разговоровъ. Все ее раздражало, всякая, даже невольная неловкость казалась ей обидой, умышленно направленной противъ нея. Во всемъ видѣлось ей доказательство того, что она никуда не годится, что она лишняя и всѣмъ мѣшаетъ.

Въ особенности явственно отражалось это на дѣтяхъ. У нихъ всегда во время этихъ,—правда, рѣдкихъ,—припадковъ какъ бы мѣнялся нравъ. Они становились тихими, робкими, ступали осторожно, оглядываясь, какъ бы боясь что-нибудь зацѣпить, уронить,

разбить. Лица у нихъ были нервныя, напряженныя. Въ квартирѣ не было слышно обычной возни, дѣтскаго шума и крика, веселыхъ пѣсенъ, танцевъ, словно въ домѣ былъ покойникъ. Дѣти всегда радовались, когда ихъ одѣвали и выводили гулять. Въ обыкновенное время они предпочитали играть дома, но теперь имъ всегда какъ-то легче дышалось, когда ихъ выводили на улицу. Владиміръ Ивановичъ, по обыкновенію, потерялъ голову. Для него не было видимыхъ причинъ этого настроенія. По его наблюденіямъ, напротивъ, казалось, что все шло какъ нельзя болѣе исправно и лучше, чѣмъ когда бы то ни было. Шелковскій, заходившій къ нимъ въ это время довольно часто, сразу разглядѣлъ, что дѣло плохо, и рѣшилъ не заводить разговоровъ объ этомъ съ Владиміромъ Ивановичемъ. Онъ считалъ это безполезнымъ. Вѣдь, былъ уже такой случай и тогда оказалось, что Владиміръ Ивановичъ ни на что не былъ способенъ, кромѣ вздоховъ и причитаній. Да и что подѣлаешь, когда причина лежитъ, съ одной стороны, въ организмѣ, истощенномъ и больномъ, съ другой же стороны, во всей прожитой жизни? Кромѣ того, для него было ясно, что здѣсь игралъ весьма важную роль недостатокъ здоровыхъ впечатлѣній. Все-таки, Ольга Сергѣевна до сихъ поръ захвачена тѣми первыми впечатлѣніями, какія она получала въ Парижѣ подъ руководствомъ Ловича. А все это было очень односторонне и нездорово.

Шелковскій смотрѣлъ на это разложеніе въ семьѣ Каширцевыхъ очень серьезно. И онъ не ждалъ для своихъ друзей ничего хорошаго въ будущемъ. Онъ хорошо зналъ ихъ матеріальное положеніе, онъ зналъ, что здѣсь, въ Парижѣ, они пользуются свободой совершенно исключительной, которою не будутъ пользоваться по возвращеніи въ Россію. Здѣсь они безпечно проживаютъ свое маленькое наслѣдство, не думаютъ о завтрашнемъ днѣ, получая деньги изъ банка, по возвращеніи же въ Россію имъ предстоитъ непрестанный трудъ и борьба съ лишеніями. И вотъ, если Ольга Сергѣевна даже при теперешнихъ благопріятныхъ условіяхъ оказывается неспособной бороться съ самою собой, то при тѣхъ, петербургскихъ, и подавно. И Шелковскому уже представлялась эта жизнь въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: вѣчное недовольство, вѣчныя проклятія прошлому, обоюдное раздраженіе, множество сильныхъ обидныхъ словъ, и въ результатѣ, быть можетъ, глубокая вражда. Себя онъ заранѣе признавалъ безсильнымъ оказать имъ хоть какую-нибудь помощь.

Тѣмъ не менѣе, онъ, насколько могъ, постарался оживить обстановку Каширцевыхъ. Онъ устроилъ у себя нѣсколько вечера-

нокъ и настойчиво позвалъ къ себѣ Ольгу Сергѣевну. Здѣсь она пріобрѣла множество новыхъ знакомствъ. Шелковскій какъ бы нарочно подобралъ людей, которыхъ онъ самъ считалъ среди русскихъ, живущихъ въ Парижѣ, рѣдкостью. По его мнѣнію, большинство соотечественниковъ, такъ или иначе устроившихся здѣсь, все люди нездоровые, взвинченные, съ больною нервною арганизаціей, люди большею частью ищущіе чего-то неопредѣленнаго, сами не зная чего, побуждаемые полусознательными стремленіями тщеславія, неудовлетвореннаго самолюбія. Здѣсь у него почти не было русскихъ этого типа. Изъ старыхъ знакомыхъ у него были только Сербова и, конечно, Щупкина. Гости Шелковскаго произвели на Ольгу Сергѣевну безусловно здоровое впечатлѣніе. Все это были люди, занятые какимъ-нибудь простымъ, опредѣленнымъ дѣломъ, было нѣсколько работающихъ въ типографіи, нѣсколько учащихся и одна переводчица, которая больше всѣхъ заинтересовала Ольгу Сергѣевну. Въ первый моментъ она произвела на нее нѣсколько смѣшное впечатлѣніе. Звали ее Казимірой Антоновной Рынской. На видъ ей можно было дать лѣтъ подъ 60. Совершенно сѣдые волосы, не слишкомъ густые, были тщательно, даже старательно причесаны, на груди у нея была приколота бутоньерка съ розой. Можно было подумать, что она занимается своею наружностью. Но это подозрѣніе разсѣевалось тотчасъ при ближайшемъ знакомствѣ. Это было просто выраженіемъ ея живого, жизнерадостнаго темперамента. Она была необыкновенно оживлена. Много говорила, много и звонко смѣялась и много курила. Повидимому, и Шелковскій, по отношенію къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, смотрѣлъ на Рынскую какъ на самаго крупнаго звѣря. Онъ, знакомя Каширцеву со своими гостями, знакомство съ Рынской какъ бы подчеркнулъ и выдвинулъ изъ всѣхъ, и вообще создалъ такое положеніе, что Ольгѣ Сергѣевнѣ волей-неволей пришлось завязать съ нею разговоръ. И разговоръ этотъ оказался весьма любопытнымъ. Рынская, послѣ нѣсколькихъ общихъ вопросовъ и отвѣтовъ, очень скоро перешла почти на дружескій тонъ, и видно было, что она въ самомъ дѣлѣ уже расположена къ новой знакомой и чувствуетъ къ ней симпатію. Она разсказала свою исторію. Она пріѣхала сюда лѣтъ восемнадцать тому назадъ. Причиной былъ ея сынъ, единственное тогда во всемъ мірѣ любимое существо. До этого времени она жила постоянно въ деревнѣ, гдѣ у нея былъ клочокъ земли десятинъ въ шестьсотъ. Сынъ ея кончалъ курсъ въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ и съ нимъ стряслась бѣда. Онъ долженъ былъ покинуть родину. Тогда она немедленно продала свои 600 десятинъ и

переселилась сюда вслѣдъ за сыномъ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, прошедшихъ съ той поры, у нихъ произошли разнообразныя событія. Сынъ обладалъ непрочнымъ здоровьемъ, тѣмъ не менѣе, женился и наплодилъ дѣтей. А женился онъ на такомъ же слабомъ существѣ, какимъ былъ самъ. Въ то же время, онъ, не умѣя считать деньги и распоряжаясь ими, разумѣется, безконтрольно, съумѣлъ куда-то разсовать ихъ такъ, что капиталъ ея очень скоро исчезъ. Затѣмъ сынъ ея поторопился умереть, жена его тоже, остались дѣти, на которыхъ надо было работать. Она оказалась въ безвыходномъ положеніи. Тѣ скудныя знанія, которыя она пріобрѣла когда-то въ институтѣ, разумѣется, давнымъ-давно вывѣтрились изъ ея головы. Но она не упала духомъ, обычная энергія не покинула ее. За 12 лѣтъ она успѣла очень хорошо практически усвоить языкъ, теперь она засѣла за него и усердно занялась его литературною стороной. Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда у французовъ явился интересъ къ русской литературѣ, она воспользовалась этимъ и кое-что перевела. Дѣло пошло сравнительно удачно, она его продолжаетъ, кое-что зарабатываетъ и кормитъ себя и четырехъ внучатъ.

— И вотъ, какъ видите, я здорова и весела,—прибавила она.—Эхъ, право, все это пустое! Нѣтъ такого затрудненія, изъ котораго человѣкъ съ головой не могъ бы выпутаться.

Подъ конецъ вечера составилась какая-то странная музыка. У кого-то отыскалась скрипка, а у другого умѣнье играть на ней, и Рынская первая пошла плясать.

Ольга Сергѣевна не отставала отъ нея весь вечеръ. Эта шестидесятилѣтняя труженица глубоко заинтересовала ее. Она заинтересовалась въ ней лично, невольно противупоставляя ей себя. И когда она сравнивала себя съ ней, то начинала думать, что ея горести ничтожны и смѣшны передъ работой этой почтенной женщины. Она разспрашивала ее потомъ, какъ вознаграждается ея трудъ.

— О, вы не можете себѣ представить, какъ это трудно сбыть съ рукъ! Было нѣсколько счастливыхъ лѣтъ, когда на нашихъ авторовъ была мода. А теперь, когда что-нибудь переведешь, приходится мѣсяцъ уговаривать издателя, чтобы взялъ. Нѣтъ, въ глубинѣ души они насъ не только не признаютъ, а даже презираютъ. При томъ же, въ сущности говоря, французъ вообще никого не признаетъ, кромѣ самого себя. Онъ смотритъ на весь остальной міръ точно такъ, какъ смотрѣли на него нѣкогда древніе эллины: все это варвары.

Шелковскій, замѣтивъ, что первыя его попытки произвели

благопріятное дѣйствіе, рѣшилъ, что нужно не давать времени настроенію Ольги Сергѣевны измѣниться. Онъ старался забросать ее впечатлѣніями одного и того же рода. Онъ зазвалъ ее въ свою типографію, познакомилъ съ наборщиками, между прочимъ, съ двумя женщинами, тоже русскими, которыя тамъ работали. Затѣмъ нѣсколько разъ пригласилъ ее послушать лекціи въ Сорбоннѣ и въ медицинской школѣ. Вообще, онъ старался держать ее въ обстановкѣ труда, онъ какъ бы хотѣлъ этими однообразными и, въ то же время, здоровыми впечатлѣніями загипнотизировать ее въ извѣстномъ направленіи. Они ѣздили за городъ, осматривали фабрики, между прочимъ, посѣтили севрскіе заводы и видѣли, какъ дѣлаютъ гобелены.

— Вы видите,—часто повторялъ ей Шелковскій,—что Парижъ также хорошо умѣетъ работать, какъ и беззаботно веселиться. И едва ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ умѣютъ такъ работать, какъ здѣсь. Здѣсь работаютъ съ веселымъ сердцемъ, съ живостью, съ темпераментомъ, я даже скажу—съ талантомъ; каждый работникъ здѣсь непремѣнно хоть маленькое дарованіе, потому что дарованіе лежитъ въ самой крови этой счастливой націи, и выработано оно цѣлымъ рядомъ вѣковъ постояннаго культурнаго совершенствованія и непрерывнаго исканія истины.

Ольгѣ Сергѣевнѣ казалось, что ко всему этому она относится полуучастливо, почти равнодушно. Но, въ дѣйствительности, всѣ тѣ здоровыя впечатлѣнія, которыя она получила за эти дни, неотразимо подѣйствовали на ея душу. То, что она ощущала теперь, она характеризовала словами: «тишина души», именно она ощущала, что у нея въ душѣ все спокойно, уравновѣшенно и тихо, какъ гдѣ-нибудь на берегу пруда, въ тихій лѣтній вечеръ, при розовыхъ лучахъ заходящаго солнца.

Вотъ тутъ-то у нея и возникла мысль о томъ, что она могла бы чѣмъ-нибудь заняться. Но чѣмъ, кромѣ медицины? Это было такъ просто, и къ чему было выдумывать, когда это уже дѣлаютъ другія? Едва только она высказала намекъ на это, какъ Шелковскій превратилъ ея мысль въ рѣшеніе и сталъ говорить объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ. Ну, да, конечно, она это сдѣлаетъ непремѣнно. Она выпишетъ изъ Россіи свой гимназическій аттестатъ, займется латинскимъ языкомъ, это такъ не трудно, Шелковскій кое-что еще помнитъ и охотно будетъ помогать ей. Онъ же берется побывать въ учебномъ вѣдомствѣ и выхлопотать ей право на баккалавра. Однимъ словомъ, онъ постарался изобразить все это необыкновенно легко и просто. Это и въ самомъ дѣлѣ было не-

трудно. Если удавалось другимъ, то должно удасться и Ольгѣ Сергѣевнѣ.

«Почему же нѣтъ?—думала Ольга Сергѣевна.—Мнѣ тридцать четыре года. Это еще далеко до старости. Ну, положимъ, я слаба, не такъ-то здорова и, вѣроятно, проживу недолго, но если мнѣ осталось жить еще десять лѣтъ и изъ нихъ половину я употреблю на ученіе, то хоть пять лѣтъ я буду чувствовать себя человѣкомъ, личностью, единицей, а не какимъ-то вспомогательнымъ органомъ для жизни другихъ. Можетъ быть, это все, что надо для того, чтобы умереть спокойно, безъ угрызеній совѣсти».

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

XXXIV.

Со времени поѣздки пани Анеты и Коповскаго въ Лесничувку въ настроеніи обитателей Пшитулова что-то измѣнилось. Правда, Завиловскій по-старому глядѣлъ въ глаза невѣстѣ и восхищался ею безъ мѣры, за то въ обхожденіи ея съ нимъ и съ другими замѣчался легкій оттѣнокъ дурного расположенія духа. Коповскій чувствовалъ себя точно связаннымъ, на панну Кастелли посматривалъ только украдкой, подходилъ къ ней съ какою-то особою торопливостью, да и то лишь въ отсутствіи панны Анны, за то часто подсаживался къ паннѣ Ратковской и разговаривалъ съ нею долго, хотя и разсѣянно. Пани Анета была теперь еще болѣе рѣшительна, чѣмъ обыкновенно, и, къ великому удовольствію Юзи, такъ распространила свою опеку надъ всѣми дѣлами въ Пшитуловѣ, что еще два раза приглашала Коповскаго для тайной бесѣды. Взглядъ панны Кастелли не слѣдовалъ за Коповскимъ съ такою полувеселою, полуироничною свободой, какъ прежде, за то печальные глаза панны Ратковской съ какимъ-то сочувствіемъ обращались на Завиловскаго,—однимъ словомъ, все измѣнилось,—и взгляды, и отношенія.

Но то были перемѣны, доступныя только глазу проницательному, привыкшему наблюдать жизнь, въ которой, при отсутствіи высшихъ цѣлей и тяжелаго обыденнаго труда, малѣйшій оттѣнокъ чувствъ, самое тонкое движеніе мысли не только принимаютъ размѣры крупныхъ событій, но часто дѣйствительно заключаютъ въ себѣ ихъ зачатки. Распредѣленіе цѣлаго ряда увеселеній такъ, чтобы весь день былъ занятъ, было единственною задачей, утруж-

дающею умъ обитателей Пшитулова, да и то большую часть этой задачи принималъ на себя, какъ хозяинъ, панъ Основскій.

Въ одно утро ничѣмъ не смущаемое спокойствіе этой жизни нарушилъ громъ, который свалился въ видѣ двухъ писемъ съ черными бордюрами, адресованныхъ на имя Основскаго и Завиловскаго. Когда ихъ принесли, все общество сидѣло за кофе, и глаза дамъ съ любопытствомъ и тревогой обратились на читающихъ мужчинъ.

— Панъ Завиловскій умеръ!—почти въ одинъ голосъ крикнули Основскій и Завиловскій.

Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе. Пани Броничъ, какъ особа старой школы, памятующая времена, когда прибытіе эстафеты въ деревню обязывало нѣжное существо упасть въ обморокъ, прежде чѣмъ станетъ извѣстно, что̀ заключается въ эстафетѣ, впала въ состояніе, близкое къ столбняку и соединенное съ утратой рѣчи. Панна Ратковская,—она жила когда-то въ домѣ Завиловскихъ и была очень расположена къ нимъ,—дѣйствительно поблѣднѣла; панна Кастелли, схвативъ руку пани Броничъ, старалась привести ее въ себя и шептала въ полголоса: «Voyons, chère, tu n'es pas raisonable», а пани Анна, желая собственными глазами узнать суть печальнаго увѣдомленія, взяла изъ рукъ мужа письмо и прочла:

«Евстахій Завиловскій скончался 25 іюля etc. Убитая горемъ дочь покойнаго проситъ родныхъ и друзей на погребеніе въ Ясмень, въ приходскую церковь, 28 числа».

Послѣ молчанія первымъ заговорилъ Завиловскій:

— Я мало зналъ его и когда-то былъ предубѣжденъ противъ него, но теперь мнѣ искренно жаль его, потому что я убѣдился, что это былъ истинно добрый человѣкъ.

— И онъ полюбилъ тебя,—сказалъ Основскій.—Я видѣлъ доказательства.

Пани Броничъ тѣмъ временемъ пришла въ себя и заявила, что доказательства могутъ обнаружиться только теперь и что, по всей вѣроятности, сердце пана Евстахія окажется еще болѣе великодушнымъ, чѣмъ это предполагалось. «Панъ Евстахій всегда любилъ Ниточку, а такой человѣкъ не можетъ быть злымъ». Ей, то-есть пани Броничъ, онъ по временамъ напоминалъ Теодора, и потому она такъ привязалась къ нему. Правда, по временамъ онъ бывалъ также рѣзокъ, насколько Теодоръ всегда былъ деликатенъ, но у обоихъ душа была прямая и Господь Богъ лучше всѣхъ съумѣетъ оцѣнить это.

Потомъ она обратилась къ Ниточкѣ, напомнила, что малѣйшее волненіе причиняетъ ей спазмы подъ ложечкой, и умоляла не поддаваться врожденной впечатлительности. Завиловскій, въ сознаніи, что и его Ниточку въ первый разъ поразило общее горе, началъ цѣловать ея руки. Настроеніе это прервалъ только Коповскій, который сказалъ, точно задумываясь надъ бренностью человѣческой жизни:

— Интересно знать, что сдѣлаетъ панна Елена съ трубками пана Завиловскаго?

Дѣйствительно, у стараго шляхтича была славная, на весь городъ коллекція трубокъ, и когда-то онъ, благодаря своему нерасположенію къ сигарамъ и папиросамъ, устраивалъ у себя собранія поклонниковъ чубука. Забота Коповскаго о трубкахъ, однако, не была успокоена, во-первыхъ, потому, что Завиловскому принесли письмо, въ которомъ Поланецкій также извѣщалъ его о смерти старичка, а, во-вторыхъ, Основскій началъ совѣтоваться съ женой относительно поѣздки въ Ясмень.

Рѣшено было, что всѣ тотчасъ же отправятся въ городъ, гдѣ барынямъ нужно пріобрѣсти различныя траурныя мелочи, и завтра, въ день похоронъ, всѣ поѣдутъ въ Ясмень. Такъ и было. Завиловскій поѣхалъ домой отвезти вещи и приготовить къ утру черную одежду, а потомъ пошелъ къ Поланецкимъ, разсчитывая, что и они, можетъ быть, пріѣхали отъ Бигелей. Слуга сказалъ ему, что вчера былъ только одинъ баринъ, но тотчасъ же уѣхалъ въ Ясмень, а то, можетъ быть, и на свою новую дачу.

Завиловскій пошелъ къ Основскимъ, чтобы провести вечеръ съ невѣстой. Въ прихожей его очень удивили доносящіеся изъ глубины дома звуки штраусовскаго вальса. Встрѣтивъ въ маленькой гостиной панну Ратковскую, онъ спросилъ, кто это играетъ.

— Ниточка съ паномъ Коповскимъ,—отвѣтила панна Ратковская.

— Такъ панъ Коповскій уже здѣсь?

— Пришелъ четверть часа тому назадъ.

— А Основскіе?

— Они не вернулись еще изъ города. Анета дѣлаетъ покупки.

Завиловскій въ первый разъ въ жизни почувствовалъ недовольство къ Ниточкѣ. Онъ понималъ, что покойный старый шляхтичъ ничѣмъ не былъ для нея, но время для разыгрыванія въ четыре руки вальса показалось ему неподходящимъ. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ кроется какое-то отсутствіе вкуса. И пани Броничъ, у

которой не было недостатка въ свѣтской догадливости, очевидно, прочла на его лицѣ это впечатлѣніе.

— Ниточка была ужасно взволнована и утомлена,—сказала она, какъ только Завиловскій вошелъ,—а ее ничто такъ не успокоиваетъ, какъ музыка. Я обезпокоилась тѣмъ больше, что у нея уже начало стѣснять подъ ложечкой, и когда пришелъ панъ Коповскій, я сама предложила имъ сыграть что-нибудь.

Однако, они перестали играть и непріятное впечатлѣніе Завиловскаго начало мало-по-малу разсѣиваться. На этой дачѣ для него было множество свѣжихъ дорогихъ воспоминаній. Въ сумерки онъ, подъ руку съ Ниточкой, сталъ прохаживаться по комнатамъ, останавливаясь въ разныхъ мѣстахъ.

— Помнишь,—говорилъ онъ ей въ мастерской,—здѣсь ты взяла меня за високъ, чтобы повернуть мою голову, а я въ первый разъ въ жизни поцѣловалъ у тебя руку? А какъ ты сказала: «поговорите съ тетей», то я не только пересталъ соображать что-нибудь, но и дышать... Моя избранница, дорогая моя!

А она отвѣтила:

— Какой блѣдный былъ ты въ то время!

— Трудно не быть блѣднымъ тому, у кого сердце замираетъ отъ волненія. Я любилъ тогда уже тебя безъ памяти.

Панна Кастелли подняла глаза кверху и немного погодя сказала:

— Какъ все это странно!

— Что, Ниточка?

— Что все это начинается, какъ какой-то опытъ, какая-то игра... потомъ все больше и больше входишь въ нее и вдругъ— щеколда захлопнулась.

Завиловскій прижалъ ее къ груди.

— Да, да, щеколда зохлопнулась, моя дѣвочка въ моихъ рукахъ и я не пущу ее.

Потомъ, все такъ же подъ руку, они дошли до большой гостиной. Завиловскій указалъ на стеклянную дверь.

— Нашъ балконъ и наша акація.

Смерклось. Всѣ предметы въ комнатѣ мало-по-малу погружались въ тѣнь, только кое-гдѣ на золоченыхъ рамахъ картинъ мигали пятна свѣта, точно чьи-то глаза, подсматривающіе за молодою парой.

— Любишь ты меня?—вдругъ спросилъ Завиловскій.

— Ты знаешь самъ...

— Скажи: да!

— Да!

Онъ еще сильнѣе прижалъ къ себѣ ея руку и заговорилъ голосомъ, измѣнившимся отъ прилива чувства:

— Ты, просто, не имѣешь понятія, сколько въ тебѣ счастья. Честное слово, не имѣешь! Ты не знаешь, какъ я люблю тебя. Я бы за тебя жизнь отдалъ. Я бы весь міръ отдалъ за одинъ твой волосъ. Ты мой свѣтъ, моя жизнь, все! Я безъ тебя сейчасъ же бы умеръ.

— Сядемъ,—сказала панна Кастелли.—Я такъ утомлена.

Они сѣли, прижимаясь другъ къ другу.

— Что съ тобой, ты весь дрожишь?—спросила Линета.

Но у ней самой, подъ вліяніемъ ли воспоминаній, или силы его чувства, дыханіе становилось все болѣе учащеннымъ, и, закрывъ глаза, она первая подставила ему свои губы.

А Коповскій тѣмъ временемъ несомнѣнно скучалъ въ сосѣдней комнатѣ съ панной Ратковской и пани Броничъ, потому что немного погодя раздались звуки того вальса, который онъ только что игралъ съ Линетой.

Когда Завиловскій вернулся къ себѣ, его холостая квартира показалась ему олицетвореніемъ пустоты и скуки, какимъ-то бивуакомъ, послѣ котораго даже воспоминанія не останется, и онъ подумалъ, что эта золотая Ниточка такъ обвилась вокругъ его сердца, что, дѣйствительно, безъ нея онъ не могъ и не хотѣлъ бы жить.

Похороны пана Завиловскаго не были особенно многолюдны. Сосѣднія помѣстья по большей части принадлежали людямъ состоятельнымъ, которые проводили лѣто за границей, на мѣстѣ осталось немного знакомыхъ пана Завиловскаго. Нахлынули только толпы крестьянъ, которые биткомъ набились въ костелъ и, глядя на гробъ, точно удивлялись, что такой важный баринъ, обладатель столькихъ помѣстій и такой кучи денегъ, идетъ въ землю, какъ какой-нибудь самый послѣдній мужикъ. А иные съ завистью смотрѣли на панну, на которую должно было свалиться «столько добра». И такова ужь натура человѣческая, что не только крестьяне, но и люди просвѣщенные, дальніе или близкіе знакомые пана Завиловскаго, не могли даже во время погребальной службы освободиться отъ предположеній, что̀ будетъ дѣлать панна Елена съ тѣми милліонами, что остались ей для утоленія ея горя? Были и такіе, которые, посматривая на молодого Завиловскаго, какъ послѣдняго представителя этой фамиліи, потихоньку задавали себѣ вопросъ: не перестанетъ ли этотъ счастливый поэтъ, можетъ быть, завтрашній милліонеръ, писать стихи? Къ необъяснимому удовольствію

спрашивающихъ, вопросъ разрѣшался положительно: по всей вѣроятности, перестанетъ.

Но, все-таки, главное вниманіе привлекала панна Елена. Всѣ удивлялись покорности, съ какой она перенесла свою утрату, тѣмъ болѣе тягостную, что послѣ смерти отца она осталась одна на свѣтѣ, безъ близкихъ родственниковъ, даже безъ друзей, о которыхъ она давнымъ-давно перестала заботиться. Она шла за гробомъ съ лицомъ, по которому струились слезы, но спокойная свойственнымъ ей мертвымъ и каменнымъ спокойствіемъ, а возвратившись съ похоронъ, разсказывала о смерти отца такъ, какъ будто послѣ этого прошло, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ. Дамы изъ Пшитулова не могли понять, что ея устами говоритъ непоколебимая вѣра, и, благодаря этой вѣрѣ, теперешняя утрата, въ сравненіи съ той, которую она пережила и которая въ конецъ истерзала ея душу, казалась, правда, печальной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и благословенной, выжимающей изъ глазъ слезы горя, но не отчаянія.

И дѣйствительно, старый панъ Завиловскій умеръ, какъ христіанинъ, хотя почти скоропостижно. Со времени переѣзда въ Ясмень онъ исповѣдывался два раза въ недѣлю,—значитъ, ему не было недостатка въ религіозномъ утѣшеніи. Онъ умеръ съ четками въ рукахъ, на своемъ креслѣ, безъ страданій: его муки оставили его за нѣсколько дней передъ этимъ, такъ что онъ уже начиналъ мечтать о полномъ выздоровленіи. Панна Елена, разсказывая объ этомъ своимъ тихимъ, монотоннымъ голосомъ, обратилась, наконецъ, къ Завиловскому:

— О васъ онъ вспоминалъ очень часто. Еще за часъ до смерти онъ говорилъ, что если вы пріѣдете въ Бучинекъ къ пану Поланецкому, то чтобы ему сейчасъ же дали знать объ этомъ, потому что ему непремѣнно хочется видѣть васъ. Отецъ очень, очень любилъ васъ.

— Дорогая панна Елена,—сказалъ Завиловскій и поднесъ ея руку къ своимъ губамъ,—мнѣ сердечно жаль и его, и васъ.

Въ его голосѣ слышалось столько участія, что глаза панны Елены наполнились слезами, но въ это время пани Броничъ разрыдалась такъ громко, что еслибъ не флакончикъ панны Кастелли съ летучею солью, то рыданія эти непремѣнно кончились бы нервнымъ припадкомъ.

Но панна Завиловская, какъ бы не слыша этихъ рыданій, начала благодарить Поланецкаго за его помощь. Поланецкій занялся похоронами и всѣми хлопотами, какія смерть близкихъ взваливаетъ на плечи остающихся помимо всего горя,—занялся потому, что те-

перь хватался за все, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь, заглушить немолчный внутренній голосъ и выйти хоть на время изъ заколдованнаго круга удручающихъ его думъ.

Мариня не была на похоронахъ. Ея мужъ не хотѣлъ, чтобъ она подвергала себя толкотнѣ и утомленію, за то не отступала отъ панны Завиловской дома и утѣшала ее насколько могла. Теперь она хотѣла увезти ее, вмѣстѣ съ пшитуловскими дамами, въ Бучинекъ и даже задержать у себя на нѣсколько дней. Поланецкій поддерживалъ эту просьбу, но панна Елена отказалась. У нея живетъ ея старая гувернантка, въ Ясменѣ ей будетъ не особенно скучно и, кромѣ того, ей не хотѣлось бы покидать его въ особенности въ первые дни.

За то дамы изъ Пшитулова, которыя и такъ, по просьбѣ Свирскаго, намѣревались навѣстить Поланецкихъ, съ удовольствіемъ поѣхали въ Бучинекъ, тѣмъ болѣе, что пани Броничъ чувствовала непреодолимое желаніе разспросить Поланецкаго поподробнѣе о послѣднихъ минутахъ покойнаго. Пани Мариня съ великимъ любопытствомъ разсматривала панну Ратковскую, усадила ее съ собою въ экипажъ и произошло то, что̀ иногда случается на свѣтѣ: обѣ молодыя женщины почувствовали другъ къ другу непреодолимое влеченіе. Въ грустныхъ глазахъ панны Ратковской, въ выраженіи ея лица, «тихаго», по выраженію Свирскаго, было что-то такое, почему Мариня чуть не съ перваго взгляда отгадала натуру робкую, привыкшую къ замкнутости, но чуткую и нѣжную. Съ другой стороны, панна Ратковская столько наслышалась отъ Завиловскаго о Маринѣ (и наслышалась потому, что Завиловскому не съ кѣмъ было говорить: пшитуловскія дамы не выказывали особаго удовольствія, когда въ ихъ присутствіи хвалили другихъ), что, подмѣтивъ въ ея глазахъ интересъ и симпатію къ себѣ, — а она не привыкла къ этому въ своемъ одиночествѣ, — прильнула къ ней всѣмъ сердцемъ. Такимъ образомъ, въ Бучинекъ они пріѣхали добрыми пріятельницами и Свирскому не нужно было напрягать свою догадливость, чтобъ увидать, что сужденіе Марини было благопріятно для панны Ратковской.

Все-таки, ему хотѣлось удостовѣриться въ этомъ. Мариня показывала гостямъ дачу, которая вскорѣ должна была перейти въ ея собственность, — Поланецкій рѣшилъ уже купить Бучинекъ. Осмотръ начался съ сада, гдѣ росли необыкновенно старые бѣлые тополя. Свирскій, пользуясь прогулкой, подалъ Маринѣ руку и, на обратномъ пути, когда общество разбрелось по аллеямъ, стремительно спросилъ:

— Ну, что? Каково первое впечатлѣніе?

— Самое лучшее. Ахъ, какой это, должно быть, добрый и нѣжный ребенокъ! Постарайтесь получше узнать ее.

— А зачѣмъ? Я сегодня же сдѣлаю предложеніе. Вы думаете, я не сдѣлаю этого? Честное слово, сдѣлаю, и сегодня, въ Бучинкѣ. У меня уже нѣтъ времени на наблюденія и размышленія. Въ дѣлахъ такого рода всегда должна быть доля отваги. Сегодня же сдѣлаю предложеніе, и это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою передъ вами.

Пани Поланецкая приняла это въ шутку и разсмѣялась, но Свирскій добавилъ:

— Я тоже смѣюсь, потому что здѣсь нѣтъ ничего грустнаго. Ничего, что это совпадетъ съ похоронами, я не суевѣренъ. А, впрочемъ, нѣтъ, суевѣренъ и вѣрю, что съ вашей доброй руки все пойдетъ хорошо, и мнѣ нечего бояться зла.

— Но это вовсе не съ моей руки. Я только сегодня познакомилась съ ней.

— Мнѣ все равно. Всю жизнь я боялся женщинъ, а теперь мнѣ море по колѣно. Не можетъ быть, чтобъ у нея было неблагодарное сердце.

— Нѣтъ, и я думаю, что нѣтъ.

— Вотъ видите ли!... Мнѣ медлить нельзя. Приметъ она меня, я буду ее всю жизнь вотъ тутъ носить (онъ всунулъ руку въ боковой карманъ сюртука), а нѣтъ, то...

— То что?

— То запрусь и буду цѣлую недѣлю рисовать съ утра до ночи. Я говорилъ, что поѣду охотиться на утокъ, но нѣтъ,—это дѣло болѣе серьезное, чѣмъ вы думаете. Я думаю, однако, что она должна принять мое предложеніе. Я знаю, что она эту дамскую папильотку, этого Копо̀ся, не любитъ; она одна на свѣтѣ, сирота, а мнѣ сдѣлаетъ благодѣяніе, за которое я съумѣю быть признателенъ всю жизнь, потому что, въ сущности, я добрый человѣкъ и боюсь, какъ бы мнѣ не прогоркнуть.

Маринія только теперь замѣтила, что Свирскій можетъ говорить серьезно, и сказала:

— Вы, дѣйствительно, добрый человѣкъ, поэтому никогда и не прогоркнете.

Свирскій оживился.

— Напротивъ. Дѣло могло бы и этимъ кончиться. Я буду искрененъ съ вами. Вы думаете, что я такъ счастливъ, какъ кажусь? Ей-Богу, нѣтъ! Я заработалъ немного денегъ, добился извѣстной

славы,—правда. Но, можетъ быть, между мужчинами не было другого, кто бы протягивалъ руки къ какому-то женскому идеалу, какъ протягиваю я. И что-жь? Я встрѣтилъ васъ, встрѣтилъ пани Бигель, можетъ быть, еще двухъ - трехъ—достойныхъ, прямыхъ, разумныхъ, чистыхъ, какъ слеза... Позвольте! Я не хочу говорить вамъ любезности, и дальше я буду не критиковать, а только открою вамъ свою боль: между нашими женщинами я видѣлъ столько мишуры, столько плоскихъ и мелкихъ натуръ, что отъ одного этого зрѣлища могли бы прогоркнуть десять такихъ, какъ я.

Черезъ минуту онъ добавилъ:

— Этотъ ребенокъ кажется мнѣ инымъ: тихимъ, кроткимъ и очень честнымъ. Дай Богъ, чтобы она была такова и чтобы пожелала взять меня.

Тѣмъ временемъ пани Броничъ безцеремонно оттащила Поланецкаго въ сторону и говорила съ глазами, поднятыми къ небу:

— О, да! онъ мнѣ припоминалъ мои молодыя лѣта, и, какъ видите, несмотря на то, что долгое время всѣ наши отношенія были порваны, я сохранила къ нему пріязнь до конца его жизни. Вы должны были слышать. Впрочемъ, нѣтъ, не могли, потому что я никогда и никому не говорила этого, что только отъ меня зависѣло сдѣлаться... матерью Елены. Теперь въ тайнѣ нѣтъ уже необходимости. Два раза онъ добивался моей руки и два раза я отказывала ему. Я любила и уважала его всегда, но вы понимаете, что молодость ищетъ чего-то другого, чего я искала и нашла въ моемъ Теодорѣ. О, да! Одинъ разъ это было на Искіи, а другой разъ въ Варшавѣ. Онъ очень страдалъ, но чѣмъ я могла помочь ему? Будь вы въ моемъ положеніи, поступили бы вы иначе? Скажите мнѣ откровенно.

Поланецкій не имѣлъ ни малѣйшаго желанія отвѣчать ни откровенно, ни не откровенно, какъ бы онъ поступилъ въ положеніи пани Броничъ, и потому сказалъ:

— Вы хотѣли спросить меня о чемъ-то?

— Да, о, да! Я хотѣла разспросить васъ о его послѣднихъ минутахъ. Елена говорила, что онъ умеръ скоропостижно, но вы жи- такъ близко, должны были навѣщать его, и, можетъ быть, по- ите, что̀ говорилъ онъ, можетъ быть, знаете, какія у него были слѣднія намѣренія и мысли... Лично мнѣ въ этомъ нѣтъ ни малѣй- го интереса, да Боже мой, развѣ мнѣ трудно поступать безко- стно? Вы не знаете Ниточки! Но панъ Завиловскій далъ мнѣ во, что завѣщаетъ пану Игнасю свои познанскія имѣнія. Если не сдержалъ слова или не могъ сдержать, то да проститъ его

Господь Богъ, какъ я прощаю. Имѣнія, богатства, — что все это значитъ? Кто же лучше Ниточки доказалъ, какъ мало можно обращать вниманія на богатство? Если бы было не такъ, то не отвергла бы она искательства такихъ людей, какъ маркизъ Хао Калимасао или monsieur Канафаропулусъ. Вы, вѣроятно, слышали также и о панѣ Уфиньскомъ,—томъ самомъ, что на свои знаменитые силуэты купилъ уже палаццо въ Венеціи? (Послѣдній разъ онъ вырѣзывалъ принца Уэльскаго). Еще въ этомъ году онъ сватался къ Ниточкѣ. О, да, дорогой панъ Поланецкій, можетъ быть, кто-нибудь и ищетъ богатства, только не мы! Но я не хочу, чтобы Ниточка когда-нибудь могла подумать, что принесла жертву, потому что, — между нами, — она приноситъ жертву, а если смотрѣть на дѣло со свѣтской точки зрѣнія, то большую жертву!

Поланецкаго разозлили послѣднія слова пани Броничъ, и онъ отвѣтилъ:

— Я не зналъ ни маркиза Хао Калимасао, ни пана Канафаропулуса, но на здѣшней почвѣ эти фамиліи немного... странны. Я допускаю, что панна Кастелли выходитъ за Завиловскаго по любви, а въ такомъ случаѣ ни о какой жертвѣ и рѣчи быть не можетъ. Я, пани Броничъ, человѣкъ откровенный и говорю то, чтò думаю. Будь Завиловскій человѣкомъ практичнымъ, тогда другое дѣло; но Завиловскій не знаетъ и не хочетъ спрашивать, чтò приноситъ ему панна Кастелли, а вы отлично знаете, чтò приноситъ онъ, даже со свѣтской точки зрѣнія.

— Ахъ, вы, вѣрно, не слыхали, что Кастелли происходитъ отъ Марино Фальери!

— Конечно, не слыхалъ,—ни я, ни кто-нибудь другой. Допустимъ, что для васъ и для меня это не имѣетъ никакого значенія, но если вы первыя говорите, что, со свѣтской точки зрѣнія, панна Линета приноситъ жертву, то я осмѣлюсь не согласиться съ этимъ и сказать, что, не говоря уже о талантѣ Завиловскаго и его положеніи, партія эта ровная.

По его тону и лицу было видно, что если пани Броничъ не ограничится этимъ, то онъ готовъ говорить еще болѣе откровенно, но пани Броничъ, видимо, обладала не одною стрѣлой въ своемъ колчанѣ и поэтому крѣпко пожала руку Поланецкаго.

— Ахъ, какой вы добрый,—воскликнула она, — что такъ горячо вступаетесь за Игнася, и я такъ люблю васъ за это! Но отъ меня-то его не нужно защищать, потому что и я полюбила его какъ родного сына. У меня только и есть на свѣтѣ, что двое этихъ людей, и если я спрашиваю васъ, не знаете ли вы чего-нибудь о по-

слѣдней волѣ пана Завиловскаго, то только изъ любви къ Игнасю. Я знаю, что старые люди любятъ откладывать и откладывать, какъ будто такимъ образомъ можно отложить и самую смерть. Ахъ, панъ Поланецкій, смерть не удастся отложить... нѣтъ! нѣтъ! Еленѣ эти милліоны ни къ чему, а Игнась только тутъ могъ бы дѣйствительно расправить свои крылья. Меня и Ниточку, прежде всего, интересуетъ его талантъ. Но если бы дѣло и дошло до чего-нибудь...

— Что я вамъ могу сказать? — отвѣтилъ Поланецкій. — Что панъ Завиловскій думалъ объ Игнасѣ — для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію и я скажу вамъ, почему. Не дальше, какъ десять дней тому назадъ, онъ приказалъ принести какое-то старое оружіе, чтобы показать мнѣ, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ дочери: «Объ этомъ не стòитъ говорить въ завѣщаніи, но послѣ моей смерти ты отдашь это Игнасю, потому что тебѣ это не нужно». Изъ этого я вывожу заключеніе, что онъ завѣщалъ что-нибудь Игнасю или думалъ о немъ. Больше я ничего не знаю, потому что ни о чемъ не разспрашивалъ его. Если какое-нибудь новое завѣщаніе существуетъ, то черезъ два дня это будетъ извѣстно, — панна Елена, конечно, не станетъ скрывать его.

— Вы хорошо знаете панну Елену? Но, впрочемъ, понятно. Да, да! Вы ее не знаете такъ, какъ я, а я за нее могу ручаться. Пожалуйста, не высказывайте при мнѣ какихъ-нибудь подозрѣній относительно нея. Чтобъ Елена могла скрыть завѣщаніе? Никогда, дорогой панъ Поланецкій!

— Я усердно прошу васъ не приписывать мнѣ мыслей, которыхъ у меня не было и отъ которыхъ я предостерегаю всѣхъ другихъ. Завѣщанія нельзя скрыть ни въ какомъ случаѣ, потому что оно дѣлается при свидѣтеляхъ.

— Ну, вотъ видите, его даже нельзя скрыть, потому что оно дѣлается при свидѣтеляхъ. Я была увѣрена, что его нельзя скрыть. Наконецъ, панъ Завиловскій такъ любилъ Ниточку, что хотя бы поэтому только не могъ бы забыть объ Игнасѣ. Онъ ее носилъ на рукахъ, когда она была вотъ такою...

Тутъ пани Броничъ разставила ладони такъ, чтобы дать понять Поланецкому, какого роста была Ниточка, но черезъ минуту прибавила:

— А, можетъ быть, и такою не была.

Они присоединились къ остальному обществу, которое собиралось завтракать. Поланецкій, смотря на красивое лицо панны Кастелли, подумалъ, что въ это время, когда старый панъ Завиловскій носилъ ее на рукахъ, она, дѣйствительно, могла быть милымъ

ребенкомъ. Вдругъ ему припомнилась Литка, которую онъ также носилъ на рукахъ, и онъ задалъ вопросъ:

— Значитъ, вы такая старая знакомая покойника?

— О, да! — отвѣтила панна Ниточка.— Этому будетъ года... четыре. Тетя, какъ давно мы познакомились съ паномъ Завиловскимъ?

— О чемъ мечтаетъ эта влюбленная головка? — воскликнула пани Броничъ.—Ахъ, дорогой панъ Поланецкій! Что это за счастливый вѣкъ и что за счастливая эпоха!

Тѣмъ временемъ Свирскій, сидя возлѣ панны Ратковской, чувствовалъ, что не такъ-то легко ему будетъ исполнить обѣщаніе, данное Маринѣ, какъ это казалось. Во-первыхъ, ему мѣшали свидѣтели, а, во-вторыхъ, и еще больше, какая-то сердечная тревога, къ которой присоединилась утрата обычнаго самосознанія и свободы. «И подумать, — говорилъ онъ себѣ, — что я большій трусъ, чѣмъ предполагалъ!» Онъ чувствовалъ, что дѣло не клеится, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, подготовить почву, а говорилъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ хотѣлъ. Онъ замѣтилъ теперь, что у панны Ратковской красивая шея съ жемчужными тонами возлѣ ушей и чудесный тембръ голоса, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ великимъ удивленіемъ замѣтилъ, что это дѣлаетъ его еще болѣе робкимъ. Послѣ завтрака все общество, точно на зло, держалось вмѣстѣ. Дамы были измучены похоронами, и когда пани Анета заявила, что пора возвращаться, Свирскій, въ одно и то же время, почувствовалъ и непріятность, и облегченіе. «Не моя вина, — подумалъ онъ,—намѣреніе у меня было рѣшительное».

Но когда дамы были уже совсѣмъ готовы, это чувство облегченія перешло въ жалость къ самому себѣ. Свирскій подумалъ о своемъ одиночествѣ, о томъ, что ему не съ кѣмъ подѣлиться ни славою своей, ни состояніемъ; подумалъ о своемъ сочувствіи къ паннѣ Ратковской, объ увѣренности, которую она пробуждала въ немъ, объ искренной симпатіи, возникшей въ немъ съ первой встрѣчи, и въ послѣднюю минуту отважился на рѣшительный шагъ.

Провожая дѣвушку къ экипажу, онъ сказалъ ей:

— Панъ Юзефъ просилъ меня еще когда-нибудь навѣстить Пшитуловъ,—хорошо, я пріѣду, но только съ палитрой и кистями. Мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть вашу головку!...

И онъ оборвался, отыскивая, какимъ бы образомъ перейти отъ того, что̀ онъ сказалъ, къ тому, что̀ его интересовало, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимая, что нужно ужасно спѣшить, потому что времени остается мало. Но панна Ратковская, очевидно, не привыкшая, чтобъ

ею кто-нибудь интересовался, спросила съ неподдѣльнымъ изумленіемъ:

— Мою?

— Позвольте мнѣ быть эхомъ и повторить это слово, — сказалъ Свирскій быстро и немного пониженнымъ голосомъ.

Панна Ратковская посмотрѣла на него, какъ будто не понимая, въ чемъ дѣло, но въ эту минуту пани Анета позвала ее въ экипажъ, такъ что Свирскому едва осталось времени, чтобы пожать ея руку и сказать «до свиданія».

Экипажъ двинулся. Раскрытые зонтики тотчасъ же заслонили лицо панны Ратковской. Художникъ проводилъ глазами уѣзжающихъ и задалъ самому себѣ вопросъ:

«Сдѣлалъ я предложеніе или нѣтъ?»

Однако, онъ былъ увѣренъ, что панна Ратковская станетъ теперь всю дорогу думать о томъ, что̀ онъ сказалъ ей. Онъ говорилъ себѣ, что ловко нашелся и хорошо воспользовался ея вопросомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ доволенъ собою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, удивлялся, что не испытываетъ ни особой радости, ни безпокойства, а какое-то глухое чувство, что во всемъ этомъ чего-то недостаетъ.

Ему казалось, что онъ мало взволнованъ для такой торжественной минуты, и онъ задумчиво пошелъ къ дому. У пани Поланецкой, — она издали видѣла сцену прощанія, — ушки горѣли отъ любопытства, но, тѣмъ не менѣе, хотя мужа ея въ эту минуту не было въ комнатѣ, она не смѣла заговорить первая. За то Свирскій вычиталъ въ ея глазахъ такой выразительный вопросъ: «Посватались вы?» — что улыбнулся и отвѣтилъ, какъ будто этотъ вопросъ былъ высказанъ словами:

— Да, пани Поланецкая... почти. Не совсѣмъ... Не было времени для долгаго разговора, и я не могъ получить отвѣта, я даже не знаю, поняли ли меня.

Маринн, не замѣчая въ немъ того оживленія, съ которымъ онъ говорилъ съ нею передъ этимъ, и приписывая это безпокойству, хотѣла было ободрить Свирскаго, но этому помѣшалъ приходъ Поланецкаго. Свирскій началъ прощаться, но ему хотѣлось вполнѣ удовлетворить любопытству Марини, и онъ сказалъ, не обращая вниманія на присутствіе Поланецкаго:

— Во всякомъ случаѣ, завтра я буду въ Пшитуловѣ или напишу письмо. Надѣюсь, что отвѣтъ получится удовлетворительный.

Онъ дружески поцѣловалъ ея руку и черезъ минуту сидѣлъ въ пролеткѣ, погруженный въ облака сѣрой пыли и свои мысли.

Какъ художникъ, онъ такъ привыкъ схватывать различныя, представляющіяся его глазамъ, детали, что дѣлалъ это и теперь, но невольно, безсознательно, какъ будто какимъ-то уголкомъ мозга, а въ глубинѣ обдумывалъ то, что̀ произошло.

«Что за дьявольщина, Свирскій! — говорилъ онъ себѣ.—Что съ тобой творится? Точно ты не приноравливался двадцать пять лѣтъ, чтобы перепрыгнуть черезъ этотъ ровъ? Гдѣ твоя стремительность? Гдѣ твоя радость? Отчего ты не кричишь: наконецъ? Женишься! понимаешь, старый кабанъ? Наконецъ, наконецъ!»

Но напрасно онъ возбуждалъ себя. Внутренній человѣкъ оставался холоднымъ: онъ понималъ, что то, съ чѣмъ встрѣтился онъ, должно быть счастьемъ, но не чувствовалъ этого. И его начало охватывать все большее и большее удивленіе. Кажется, онъ дѣйствовалъ по волѣ и съ полнымъ разумѣніемъ. Онъ не былъ ни ребенкомъ, ни легкомысленнымъ, ни истерикомъ, который самъ не знаетъ, чего хочетъ. Рѣшивъ разъ, что такъ будетъ хорошо, онъ не измѣнялъ своего мнѣнія. Вѣдь, панна Ратковская была все тѣмъ же кроткимъ, тихимъ, надежнымъ существомъ, почему же мысль, что она будетъ его издавна желанною «бабенкой», не согрѣвала его сильнѣе? Почему надежда, почти обратившаяся въ увѣренность, не перешла сейчасъ же въ радость, и въ глубинѣ его души оставалось чувство какого-то разочарованія?

«То, что я сказалъ, — подумалъ онъ, — могло быть ловко, но было сухо. Пусть меня чортъ возьметъ, если это не было сухо, да, кромѣ того, и неясно. Просто-на-просто у меня еще нѣтъ увѣренности и я не считаю дѣло совсѣмъ оконченнымъ».

Тутъ художественныя впечатлѣнія прервали нить его мыслей. Овцы, разсыпавшіяся на покатомъ лугу, окутанныя дымкою дали, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, купающіяся въ солнцѣ, казались на зеленомъ фонѣ какими-то свѣтлыми пятнами съ сильнымъ голубоватымъ оттѣнкомъ и золотистою оторочкой.

«Эти овцы-то голубыя; импрессіонисты до нѣкоторой степени правы,—пробормоталъ Свирскій,—впрочемъ, чортъ ихъ побери! Я женюсь!»

И онъ возвратился къ своимъ мыслямъ. Да, результатъ не соотвѣтствовалъ надеждѣ и ожиданіямъ. Бываютъ разныя мысли, которыя человѣкъ иногда не хочетъ себѣ высказать, но бываютъ и чувства, которыя онъ не хочетъ обратить въ ясныя мысли. Такъ было и со Свирскимъ. Онъ не любилъ панну Ратковскую, — это былъ готовый, простой отвѣтъ на всѣ вопросы, которые онъ задавалъ себѣ, но онъ обходилъ этотъ вопросъ, какъ могъ. Онъ не хо-

тѣлъ признаться, что беретъ эту дѣвочку только потому, что ему ужасно хочется жениться, и хотѣлъ объяснить себѣ, что только не признаетъ этого дѣла окончательнымъ, но уловка эта была неудачна. Другіе по милости женщины доходятъ до любви, а онъ хотѣлъ приспособить женщину къ своей внутренней потребности любить, то-есть пошелъ путемъ, противнымъ обычному пути. Другіе, обладая божествомъ, воздвигали ему храмъ; у него храмъ былъ готовъ и онъ хотѣлъ помѣстить въ немъ божество не потому, что обожалъ его, а потому, что оно казалось ему подходящимъ къ архитектурѣ святыни. Теперь онъ понялъ, почему сегодня еще рано выказывать столько горячности и рѣшительности, и потому оставался такимъ холоднымъ. Этимъ онъ объяснялъ и ту огромную стремительность къ осуществленію своего намѣренія, и тотъ недостатокъ духовнаго «аллилуйа» послѣ его осуществленія. Удивленіе Свирскаго начало переходить въ грусть. Онъ подумалъ, что, можетъ быть, сдѣлалъ бы лучше, еслибъ, вмѣсто того, чтобъ составлять теоріи, какою должна быть женщина, схватилъ бы первую попавшуюся дѣвушку, которая пришлась бы ему по сердцу и по мыслямъ. Теперь онъ понялъ, что любятъ только ту женщину, которую любятъ, и не привязываютъ къ ней никакихъ заранѣе предвзятыхъ понятій о любви, потому что эти понятія,—все равно, какъ дѣти,—только отъ женщины и могутъ родиться. Все это было тѣмъ болѣе непріятно, что онъ чувствовалъ, что могъ бы сильно любить, и понималъ все яснѣе и яснѣе, что не любитъ, какъ могъ бы. Онъ вспомнилъ, какъ Поланецкій еще въ Римѣ разсказывалъ ему о какомъ-то молодомъ докторѣ, котораго отвергла какая-то безсмысленная кукла и который говорилъ: «Я знаю, что̀ она такое, но не могу отъ нея души оторвать!» Вотъ это была любовь мощная, какъ смерть, — вотъ этотъ любилъ! Свирскому, неизвѣстно почему, сейчасъ же пришли на память панна Кастелли и Завиловскій. Онъ вспомнилъ также и его задумчивое лицо, какъ бы всматривающееся въ предметы, находящіеся за гранями міра.

И снова въ немъ пробудился художникъ, который, благодаря многолѣтней привычкѣ, замѣнялъ мѣсто человѣка даже тогда, когда человѣкъ думалъ о своихъ узко-личныхъ дѣлахъ. На минуту онъ забылъ о себѣ, о паннѣ Ратковской, и началъ думать о лицѣ Завиловскаго и о томъ, что̀ собственно составляло его главное выраженіе. Какая-то сконцентрированная экзальтація? Да, но было и что-то другое, еще болѣе первенствующее.

Свирскій вздрогнулъ.

«Странное дѣло,—подумалъ онъ,—это трагическая голова!»

XXXV.

Спустя нѣсколько дней Завиловскій, вызванный Поланецкимъ, поѣхалъ въ городъ. Молодому человѣку очень не хотѣлось оставлять Пшитуловъ, но панна Елена требовала, чтобъ онъ былъ непремѣнно при вскрытіи завѣщанія ея отца. Завиловскій, вмѣстѣ съ Поланецкимъ и съ повѣреннымъ стараго пана Завиловскаго, адвокатомъ Кохановичемъ, съ этою цѣлью и отправился въ Ясмень. Но когда прошло два дня и Завиловскій въ своихъ письмахъ къ Ниточкѣ изливалъ только свои чувства и не дѣлалъ ни малѣйшаго намека на завѣщаніе, пани Броничъ, которую раньше эти изліянія приводили въ восторгъ, теперь подъ секретомъ призналась пани Анетѣ, что, во-первыхъ, такой пріемъ переписки съ невѣстою глупъ, а, во-вторыхъ, что въ этомъ какъ бы умышленномъ молчаніи кроется «quelque chose de louche». Правда, первое изъ писемъ было писано изъ города, второе немедленно по пріѣздѣ въ Ясмень, но старая дама утверждала, что, во всякомъ случаѣ, Завиловскій, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ упомянуть о своихъ надеждахъ и своимъ молчаніемъ обнаруживалъ недостатокъ довѣрія къ Ниточкѣ, попросту, оскорблялъ ее.

Основскій придерживался другого мнѣнія: Завиловскій молчалъ о своихъ надеждахъ изъ деликатности по отношенію къ паннѣ Линетѣ, и это послужило поводомъ къ маленькой ссорѣ. Пани Броничъ, при семъ удобномъ случаѣ, провозгласила психическую аксіому, что мужчины вообще обладаютъ очень слабымъ понятіемъ о двухъ вещахъ, именно — о деликатности и о логикѣ, — «о, да! и о логикѣ! Можетъ быть, это не ваша вина, что вы таковы, но вы всѣ таковы, Юзя, всѣ!» Однако, она не могла усидѣть на мѣстѣ и черезъ два дня, подъ первымъ предлогомъ, поѣхала въ городъ, чтобы разузнать что-нибудь о завѣщаніи.

Возвратившись на другой день, она, прежде всего, привезла съ собою пани Машко, съ которою встрѣтилась на пшитуловской станціи и которая давно уже хотѣла навѣстить «дорогую Анету», а, во-вторыхъ, извѣстіе, что никакого новаго завѣщанія пана Завиловскаго не нашлось, и что единственною и исключительною наслѣдницей огромнаго состоянія является панна Елена Завиловская. Панъ Игнась уже писалъ объ этомъ въ своемъ третьемъ письмѣ къ паннѣ Линетѣ, тѣмъ не менѣе, подтвержденіе этого извѣстія пани Броничъ произвело большое впечатлѣніе, такъ что пріѣздъ пани Машко прошелъ незамѣченнымъ. Все это было удивительно странно. Дамы знали, когда знакомились съ Завиловскимъ, что у него нѣтъ

никакого состоянія. Панна Линета сдѣлалась его невѣстой, когда еще не было никакихъ видовъ на завѣщаніе. Все это сдѣлалось подъ вліяніемъ пани Анеты, которая «подбрасывала подъ котелъ такъ, что нужно было мчаться и мчаться», сдѣлалось подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія, какое привлекла поэзія Завиловскаго, подъ вліяніемъ его славы, благодаря самолюбію панны Линеты и пани Броничъ,—эта послѣдняя чувствовала себя не только удовлетворенной, но и восхищенной, что славный и знаменитый Завиловскій, обращающій на себя всеобщее вниманіе, склонился къ ногамъ никого иного, какъ только «Ниточки». Наконецъ, дѣлалось это для общественнаго мнѣнія, которое могло только превозносить дѣвушку, ищущую не состоянія, а такихъ сокровищъ, которыми обладалъ Завиловскій. Правда, начавшись такимъ образомъ, все пошло и дальше также силою житейскаго стремленія, которое если разъ подхватитъ людей, то несетъ ихъ, какъ рѣка несетъ подхваченные ею предметы,—помимо ихъ воли. Какъ бы то ни было, панна Кастелли сдѣлалась невѣстою человѣка безъ состоянія, и если бы не надежды, которыя открылись позже, то ни она сама, ни пани Броничъ, ни кто-нибудь другой не могъ ставить въ вину и не ставилъ бы Завиловскому отсутствіе наслѣдственнаго состоянія. Но такова ужь натура человѣческая, что собственно потому, что надежды эти возродились, и, возродившись, обратили Завиловскаго въ необычайную партію,—теперь, когда дуновеніе дѣйствительности развѣяло все это, никто не могъ освободиться отъ чувства нѣкотораго разочарованія. Одни искренно соболѣзновали надъ этимъ, другіе, какъ Коповскій и пани Машко (она и сама не знала, почему), чувствовали себя какъ-то удовлетворенными подобнымъ оборотомъ вещей, но отъ разочарованія не могъ освободиться даже такой сердечный другъ Завиловскаго, какъ Основскій.

Завиловскій въ послѣднемъ письмѣ къ паннѣ Линетѣ писалъ, между прочимъ: «Я хотѣлъ бы для тебя быть самымъ богатымъ человѣкомъ, но что все это значитъ въ сравненіи съ тобою? Искренно говорю тебѣ, что пересталъ думать объ этомъ, и знаю, что ты, которая ходишь не по землѣ, такъ же огорчишься этимъ, какъ огорчился бы и я. А я ничего, честное слово! Это великая клятва, необыкновенно важная для меня, и ты должна мнѣ вѣрить. Людямъ въ жизни грозятъ различныя нужды и невзгоды, но я прямо говорю тебѣ, что не допущу тебя до этого. Золотая ты моя! дѣтище мое единственное и владычица!» Панна Ниточка показала это письмо пани Анетѣ, паннѣ Ратковской, а по пріѣздѣ тети, очевидно, и тетѣ. И дѣйствительно, Завиловскій не ошибся относительно нея, по

крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что когда во всемъ Пшитуловѣ не было разговора ни о чемъ другомъ, какъ только о завѣщаніи стараго пана Завиловскаго, панна Линета, посреди этихъ разговоровъ и сожалѣній, хранила молчаніе. Развѣ только ея глаза приняли прежнее легкое выраженіе, развѣ только кончики ея губъ, когда говорили о Завиловскомъ, складывались во что-то вродѣ маленькой презрительной складки, можетъ быть, наконецъ, она подробно обо всемъ говорила съ тетей по вечерамъ, когда всѣ расходились по своимъ комнатамъ, но никогда она, какъ существо, «ходящее не по землѣ», при людяхъ не подавала своего голоса объ этомъ дѣлѣ.

«Копось» однажды, когда ихъ оставили на минуту наединѣ, началъ было говорить съ ней объ этомъ, но она сначала приложила палецъ къ губамъ, потомъ протянула его по направленію къ его губамъ, показывая, что не хочетъ ничего слышать. Даже больше, пани Броничъ въ ея присутствіи говорила о своихъ разочарованіяхъ мало и осторожно. За то, когда Линеты не было въ комнатѣ, тетя не могла преградить пути горечи, приливающей отъ ея сердца къ ея устамъ, и этотъ приливъ нѣсколько разъ уносилъ ее такъ далеко, что она чуть-чуть не поссорилась съ Основскимъ.

Основскій, въ глубинѣ души упрекавшій себя за чувство разочарованія, отъ котораго и онъ не могъ освободиться, всѣми силами старался уменьшить значеніе катастрофы и доказать, что Игнась—партія, даже и съ финансовой точки зрѣнія, вовсе не дурная.

— Я не думаю,—говорилъ панъ Юзефъ,—чтобъ онъ пересталъ писать, еслибъ получилъ наслѣдство послѣ пана Завиловскаго, но одно управленіе такими огромными имѣніями отняло бы у него столько времени, что его талантъ могъ бы пострадать. Если рѣчь идетъ объ Игнасѣ, то, видите ли, тетя, я невольно вспоминаю, что̀ сказалъ Генрихъ VIII, когда кто-то изъ принцевъ началъ угрожать Гольбейну: «Если мнѣ придетъ охота, я изъ десяти мужиковъ сдѣлаю десять лордовъ, но изъ десяти лордовъ не сдѣлаю ни одного Гольбейна». Игнась—исключительный человѣкъ. Повѣрьте мнѣ, что я всегда считалъ Ниточку прелестнымъ и добрымъ ребенкомъ, всегда любилъ ее, но выросла она въ моихъ глазахъ только съ тѣхъ поръ, какъ съумѣла привлечь Игнася... Быть чѣмъ-нибудь въ жизни такого человѣка — это участь, которой всякая женщина могла бы позавидовать. Правда, Анета?

— Понятно,—отвѣтила пани Основская,—женщинѣ пріятно принадлежать человѣку, который что-нибудь значитъ.

Основскій схватилъ руку жены, поцѣловалъ ее и продолжалъ, полусмѣясь, полусерьезно:

— А ты думаешь, меня не мучитъ, что такая женщина, какъ ты, принадлежишь такому нулю, какъ панъ Юзефъ Основскій? Но что дѣлать... притомъ, этотъ нуль очень любитъ...

И онъ обратился къ пани Броничъ:

— Подумайте, у Игнася есть своихъ нѣсколько тысячъ, притомъ, послѣ смерти отца онъ получитъ то, что положилъ на его имя старый панъ Завиловскій. Бѣднымъ онъ не будетъ.

Пани Броничъ презрительно кивнула головой.

— Ахъ, понятно! Ниточка, когда приняла предложеніе пана Завиловскаго, не искала денегъ, потому что еслибъ онъ искала денегъ, то намъ достаточно было бы пальцемъ кивнуть monsieur Калафаропулусу.

— Тетя, сжальтесь!—засмѣялась пани Анета.

— Но, вѣдь, этого не случилось,—сказалъ Основскій.—Панна Елена, по всей вѣроятности, замужъ не пойдетъ, значитъ, и такъ все состояніе перейдетъ если не къ Игнасю, то къ его дѣтямъ,—въ томъ все и дѣло.

Но, видя все еще унылое лицо пани Броничъ, онъ немного погодя прибавилъ:

— Ну, тетя, больше покорности волѣ Божіей, больше спокойствія! Игнась ни на одинъ вершокъ не уменьшился.

— Ахъ, понятно!—раздраженно отвѣтила пани Броничъ.—Понятно, что все это ничего не измѣнитъ. У Завиловскаго, само по себѣ, есть талантъ, а всякій, самъ по себѣ, долженъ признать, что онъ дѣлаетъ партію, на которую не могъ бы разсчитывать. О, да! объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній! Понятно, что рѣчь идетъ не о состояніи, тѣмъ болѣе, что люди рѣзко толкуютъ о способахъ, какими старый панъ Завиловскій такъ пріумножилъ его. Желала бы я, чтобы Богъ былъ милосердъ къ нему и простилъ бы его за то, что онъ обманулъ меня, неизвѣстно для чего... Еще сегодня мы съ Ниточкой молились за него... Что дѣлать? Конечно, я предпочитала бы, чтобъ у него не было склонности говорить неправду,—этотъ порокъ можетъ быть и фамильною особенностью,—мы съ Ниточкой предпочитали бы, чтобы и панъ Игнацій меньше давалъ понимать, что будетъ наслѣдникомъ пана Завиловскаго.

— Усердно прошу васъ!—живо перебилъ Основскій.—Никогда онъ не давалъ этого понимать! Позвольте, тетя, это ужъ черезъчуръ. Онъ и идти туда не хотѣлъ, вы сами направили его.

Но пани Броничъ была уже на всемъ скаку, задержать ее уже ничто не могло, и она отвѣтила все съ болѣе возростающимъ раздраженіемъ:

— Вамъ, можетъ быть, не давалъ, а мнѣ давалъ. Это и Ниточка можетъ засвидѣтельствовать. Наконецъ, я сказала вамъ, что дѣло не въ томъ. Естественно, что это ничего не измѣнитъ, и если я немного огорчаюсь, то совсѣмъ не по этому поводу. Вы никогда не были матерью и никогда не можете понять, сколько мы, матери, испытываемъ опасеній въ послѣднія минуты передъ тѣмъ, какъ отдать ребенка въ чужія руки. Я теперь только убѣдилась, что у пана Завиловскаго, при всѣхъ его достоинствахъ, ужасный характеръ... Ужасный! Я всегда подозрѣвала это... А если это такъ, то это будетъ прямо смерть Ниточкѣ... Самъ панъ Поланецкій не будетъ спорить, что у него ужасный характеръ... Самъ Поланецкій, хотя и другъ его (насколько мужчины вообще способны къ дружбѣ), далъ мнѣ понять, что у отца пана Завиловскаго былъ также ужасный характеръ и что вслѣдствіе этого онъ дошелъ до сумасшествія,—и это можетъ быть наслѣдственнымъ. Я знаю, что панъ Игнацій какъ будто бы любитъ Ниточку (насколько вообще мужчины способны кого-нибудь любить истинно), но надолго ли хватитъ этой любви? Что онъ немного эгоистъ, съ этимъ и вы не станете спорить (да и всѣ-то вы эгоисты!), такъ не удивляйтесь, что меня въ послѣднее время охватываетъ страхъ, когда я подумаю, что мое дитя можетъ очутиться въ рукахъ тирана, сумасшедшаго и эгоиста.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Основскій, обращаясь къ женѣ.— Клянусь моею любовью къ тебѣ,—уши вянутъ! Просто можно голову потерять!

Но пани Анету, казалось, интересовалъ этотъ разговоръ, какъ театральная пьеса. Ссоры пани Броничъ съ паномъ Юзефомъ всегда забавляли ее, а теперь ссора, кажется, принимала крупные размѣры, потому что пани Броничъ посмотрѣла на Основскаго съ состраданіемъ и продолжала:

— Притомъ, эта сфера!... Всѣ эти Свирскіе, Поланецкіе, Бигели! Всѣ мы были, да и теперь, ослѣплены Завиловскимъ, но, правду говоря, развѣ эта сфера соотвѣтствуетъ Ниточкѣ?... Что дѣлать? Самъ Богъ установилъ разницу между людьми и отсюда вытекаетъ различіе воспитанія. Юзя, можетъ быть, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ этомъ дѣлѣ (потому что мужчины вообще не могутъ отдавать себѣ отчета въ такихъ дѣлахъ), но я скажу Юзѣ, что есть оттѣнки, которые въ жизни составляютъ очень многое. Развѣ Юзя забылъ, кто такое Ниточка, и что если подобное существо оскорбитъ что-нибудь, то оно можетъ заплатить за это жизнью? Пусть Юзя подумаетъ, что такое, говоря между нами, какіе-то

Поланецкіе, какіе-то Свирскіе и вся компанія, съ которой живетъ Завиловскій и съ которой онъ заставитъ жить и Ниточку!

— А! мы будемъ смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія?— перебилъ Основскій.—Хорошо! Пусть будетъ такъ! Прежде всего, кто былъ старый панъ Завиловскій, вы сами хорошо знаете, хотя бы благодаря своимъ отношеніямъ къ нему. Если васъ интересуетъ сфера, то я имѣю честь сказать, что всѣ мы въ сравненіи съ «какими-нибудь» Поланецкими — парвеню и что это мы фамильярничаемъ съ ними. Я никогда никакими родословными не занимаюсь, но коль скоро вы хотите ихъ, то извольте. О Свирскихъ вы должны были слышать, что это княжеская фамилія. Та линія, которая перешла въ Великую Польшу, отбросила титулъ, но сохранила на него право. Вотъ что такое Свирскіе. А что касается насъ, то мой дѣдъ былъ повѣреннымъ въ Украйнѣ, и я не думаю отказаться отъ этого, а откуда появились Броничи, вы знаете лучше меня. Я не касался этого, но такъ какъ мы одни, то я могу говорить открыто. О фамиліи Кастелли вы также знаете.

— Кастелли происходятъ отъ Марино Фальери!—воскликнула восторженно пани Броничъ.

— Дорогая тетушка, напоминаю вамъ, что мы одни.

— Но отъ Ниточки зависѣло сдѣлаться маркизой Калимасао.

— «La vie parisienne»!—отвѣтилъ Основскій.—Вы знаете эту оперетку? Въ ней также есть швейцарскій адмиралъ.

Пани Анета потѣшалась, но Основскому сдѣлалось непріятно, что онъ въ своемъ домѣ дотронулся до больного мѣста пани Броничъ, и онъ прибавилъ.

— Но къ чему все это? Вы, вѣдь, знаете, какъ я всегда любилъ Ниточку и какъ отъ всего сердца желалъ, чтобы она оказалась достойною Игнася.

Но это только еще болѣе подлило масла въ огонь. Пани Броничъ, услыхавъ это богохульство, совершенно потеряла хладнокровіе и воскликнула съ новымъ порывомъ:

— Ниточка?... Чтобы она оказалась достойной Игнася?... Такого...

Къ счастью, приходъ пани Машко прервалъ дальнѣйшій разговоръ. Тетя Броничъ умолкла, какъ будто негодованіе сковало ея уста, а пани Анета начала разспрашивать пани Машко, гдѣ она оставила остальное общество и что оно дѣлаетъ.

— Панъ Коповскій, Ниточка и Стефця остались въ оранжерее,— отвѣтила пани Машко,— онѣ обѣ срисовывали орхидеи, а панъ Коповскій насъ потѣшалъ.

— Чѣмъ?—спросилъ Основскій.

— Бесѣдой, и мы смѣялись отъ всего сердца. Разсказывалъ намъ, что его знакомый панъ Выжь, вѣроятно, великій геральдикъ, совершенно серьезно увѣрялъ его, что одна фамилія въ Польшѣ принадлежитъ къ гербу «Столовыя ножки».

— Какая?—весело спросилъ Основскій.—Фамилія Коповскихъ, по всей вѣроятности?

— А Стефця также осталась въ оранжереѣ? — спросила пани Анета.

— Да. Они рисуютъ.

— Хочешь пойти къ нимъ?

— Хорошо.

Въ это время слуга принесъ письма и Основскій началъ разбирать ихъ.

— Анетѣ... Анетѣ... у этой маленькой писательницы всегда огромная корреспонденція... Вамъ, — онъ нашелъ письмо пани Машко,—тетѣ... а это Стефцѣ... какой-то знакомый почеркъ, совсѣмъ знакомый. Вы позволите, я отнесу ей письмо?

— Конечно, иди туда,—живо сказала пани Анета.—Мы тѣмъ временемъ прочитаемъ наши.

Основскій взялъ письмо и пошелъ въ сторону оранжереи, все смотря на конвертъ, и повторялъ:

— Откуда я знаю этотъ почеркъ?... Помню, что видѣлъ его.

Въ оранжереѣ онъ засталъ молодыхъ людей. Они сидѣли подъ большимъ арумомъ, за желѣзнымъ столикомъ, на которомъ стояла орхидея. Барышни срисовывали ее въ свои альбомы, а Коповскій, въ бѣломъ фланелевомъ платьѣ и черныхъ чулкахъ, заглядывалъ черезъ ихъ плечи въ альбомы и курилъ тоненькую папироску, которую онъ только что взялъ изъ изящнаго портсигара, лежащаго около цвѣточнаго горшка.

— Добрый день! — сказалъ Основскій.—Что, какъ мои орхидеи? Правда, великолѣпны? Что это за удивительные цвѣты! Стефця, тебѣ письмо... попроси извиненія и прочти, мнѣ кажется, я знаю почеркъ, но никакъ не могу вспомнить, чей бы это могъ быть.

Панна Ратковская распечатала письмо и начала читать. Лицо ея вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло, потомъ опять загорѣлось. Основскій съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее, а она, прочтя письмо, показала ему подпись и сказала слегка дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ отъ кого письмо...

— А!—сказалъ Основскій и сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Могу я поговорить съ вами?

— Сейчасъ, дитя мое, — съ чувствомъ сказалъ Основскій.— Готовъ служить тебѣ.

И они вышли изъ теплицы.

— А насъ хоть одинъ разъ оставили однихъ, — наивно отозвался Коповскій.

Панна Линета не отвѣтила ничего, взяла лежащій на столѣ портсигаръ Коповскаго и начала гладить имъ по своей щекѣ. Коповскій смотрѣлъ на ея лицо своими чудными глазами, отъ взгляда которыхъ Линета положительно таяла. Она давно знала, что̀ думать о немъ, его безграничная глупость не была для нея тайной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящество и красота этого дурака заставляли быстрѣе двигаться въ жилахъ ея плебейскую кровь. Каждый волосъ въ его бородѣ производилъ на нее какое-то странное и непреоборимое обаяніе.

— Вы замѣтили, что за нами, съ извѣстнаго времени, наблюдаютъ, какъ я не знаю, за кѣмъ?—продолжалъ Коповскій.

— Какъ это мягко, какъ пріятно къ этому прикасаться, посмотрите сами, какъ пріятно!

Коповскій взялъ портсигаръ, но приложилъ его къ губамъ и началъ цѣловать то мѣсто, къ которому прикасалась щека Линеты.

Наступило молчаніе.

— Мы должны уйти отсюда,—сказала панна Кастелли.

И, взявъ горшокъ съ орхидеей, она хотѣла поставить его на лѣсенку, но никакъ не могла этого сдѣлать,—лѣсенка была такая наклонная.

— Позвольте мнѣ,—сказалъ Коповскій.

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣтила она, — горшокъ упадетъ и разобьется. Я поставлю съ другой стороны.

И она, съ горшкомъ въ рукахъ, обошла лѣсенку и приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ между лѣсенкой и стѣной былъ узенькій проходъ. Коповскій направился за нею.

Линета взобралась на кучку кирпичей и поставила горшокъ на верхнюю ступеньку, но въ ту минуту, когда она хотѣла сойти, кирпичи развалились подъ ея ногами и она покачнулась въ сторону. И въ эту же минуту стоящій за нею Коповскій схватилъ ее за талію.

Нѣсколько мгновеній они оставались въ такомъ положеніи: она опиралась своими плечами на его грудь, онъ прижималъ ее къ себѣ. Но панна Кастелли склонялась все ниже и ниже, такъ что въ концѣ концовъ голова ея очутилась на плечѣ Коповскаго.

— Что вы дѣлаете? Это нехорошо! — начала шептать она, съ сильно волнующейся грудью, обливая его горячимъ дыханіемъ.

А онъ, вмѣсто отвѣта, впился своими губами въ ея губы. Вдругъ ея руки страстнымъ движеніемъ обвили его шею и, забывъ себя, она начала отдавать ему его поцѣлуи.

Въ охватившемъ ихъ увлеченіи они не замѣтили, что Основскій, войдя назадъ, въ открытую дверь теплицы, прошелъ по мягкому песку за лѣстницу и смотрѣлъ на нихъ съ лицомъ измѣнившимся и блѣднымъ, какъ полотно, отъ волненія.

XXXVI.

Завиловскій въ то время жилъ между Варшавой и Бучинкомъ, разъѣзжая каждый день и пробывая по нѣсколько часовъ то тамъ, то здѣсь, по мѣрѣ того, какъ требовали его дѣла и занятія. Такъ какъ свадьба его должна была состояться осенью, тотчасъ же по возвращеніи изъ Шевенингена, то Поланецкій посовѣтовалъ ему подыскать квартиру и обставить ее хоть кое-какъ. Они оба съ Бигелемъ обѣщали Завиловскому всякое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, а пани Бигель должна была озаботиться хозяйственною частью обстановки. Въ Бучинкѣ присутствіе Завиловскаго было необходимо и по поводу панны Елены. Хотя завѣщаніе ея отца, составленное годъ тому назадъ, дѣлало ее единственною наслѣдницей всего огромнаго состоянія, панна Елена не скрывала, что знаетъ, что ея отецъ не сдѣлалъ другого завѣщанія развѣ только по привычкѣ старыхъ людей откладывать дѣло со дня на день; кромѣ того, онъ и не предвидѣлъ такого скораго конца. У нея не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что ея отецъ хотѣлъ отказать что-то своему однофамильцу и родственнику, и она говорила открыто, что считаетъ долгомъ чести исполнить отцовскую волю. Правда, никто не могъ предвидѣть, въ какой мѣрѣ она хотѣла осуществить это желаніе, и ей самой до тѣхъ поръ, пока не была составлена точная опись всѣхъ имуществъ и капиталовъ, трудно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ, а пока она отдавала Завиловскому все, что, по ея мнѣнію, должно было перейти къ наслѣднику мужского пола. Такимъ образомъ, онъ получилъ часть сервиза покойнаго, большое и цѣнное собраніе оружія, великолѣпныхъ лошадей, любимцевъ старичка, и, наконецъ, ту коллекцію трубокъ, о судьбѣ которой когда-то такъ заботился Коповскій.

Холодная и, по наружности, равнодушная ко всѣмъ, устрашающая людей суровымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, она только по отношенію къ Завиловскому проявляла чуть не материнскую заботливость,—это слышалось и въ звукахъ ея голоса, и за-

мѣчалось въ выраженіи ея глазъ,—словно послѣ отца она унаслѣдовала и его пріязнь къ молодому человѣку. И дѣйствительно, онъ былъ единственнымъ существомъ, съ которымъ ее связывали узы крови или, по крайней мѣрѣ, одинаковая фамилія. Узнавъ о хлопотахъ Завиловскаго по устройству квартиры, она попросила Поланецкаго внести отъ нея въ банкъ крупную сумму денегъ на имя «пана Игнася», впрочемъ, съ условіемъ не говорить ему тотчасъ же объ этомъ.

Сердце у Завиловскаго было молодое и признательное, и онъ быстро привязался къ паннѣ Еленѣ, какъ къ старшей сестрѣ,—и она хорошо понимала это. То была взаимная симпатія двухъ натуръ, которыя вѣрятъ другъ въ друга и питаютъ другъ къ другу довѣріе. Обыкновенно, время обращаетъ такого рода начальную симпатію въ удивительно прочную пріязнь, которая въ жизненныхъ треволненіяхъ можетъ служить также прочною поддержкой. Но въ эту минуту Завиловскій могъ посвятить ей только крохотную частичку своей души, потому что и душу, и сердце, и всѣ силы со всею самоотверженностью онъ вложилъ въ любовь къ Ниточкѣ, которую обоготворялъ все болѣе и болѣе.

Тѣмъ временемъ онъ метался, какъ муха въ кипяткѣ, и заводилъ новыя знакомства. Познакомился онъ съ профессоромъ Васковскимъ,—тотъ только что возвратился изъ своего путешествія къ «юнѣйшимъ изъ арійцевъ». Онъ объѣздилъ побережье Адріатическаго моря и весь Балканскій полуостровъ, но состояніе его здоровья было такъ плачевно, что Поланецкіе забрали его къ себѣ навсегда въ Бучинекъ, чтобъ оградить его отъ эксплуатаціи чужихъ людей и окружить попеченіемъ, которое онъ едва ли могъ бы гдѣ-нибудь встрѣтить. Завиловскій, человѣкъ тоже экзальтированный и готовый усвоить всякую широкую идею, хотя бы она казалась всѣмъ разумнымъ дуракамъ нелѣпостью, съ перваго же дня полюбилъ и стараго профессора, и его теорію исторической миссіи, предназначенной юнѣйшимъ арійцамъ. О самой теоріи онъ слышалъ уже не одинъ разъ отъ Свирскаго и отъ Поланецкихъ и считалъ ее великолѣпною мечтой. Но и его, и Свирскаго, и Поланецкаго теперь поразило то, что профессоръ, по возвращеніи изъ своего путешествія, почти не вспоминалъ о ней. Когда его спрашивали объ его книгѣ, онъ отвѣчалъ: «Никто не можетъ уклониться отъ служенія, какое ему предназначилъ Христосъ», и устремлялъ въ одну точку свои мистическіе глаза, какъ будто искалъ чего-то, присматривался къ чему-то въ безконечности, и старческое лицо его принимало выраженіе такой глубокой грусти, даже такой боли, что ни у кого не

хватало духа касаться подробностей этого вопроса. Докторъ, призванный Поланецкимъ, заявилъ, что, по милости черезъ-чуръ жирной кухни юнѣйшихъ изъ арійцевъ, профессоръ пріобрѣлъ тяжкій катарръ желудка, а къ этому еще присоединился «marasmus senilis». У профессора, дѣйствительно, былъ тяжкій катарръ желудка, но Завиловскій угадывалъ въ немъ еще и что-то другое, а именно отчаянную борьбу между тѣмъ, во что онъ вѣрилъ, чему, какъ истинный идеалистъ-маніакъ, посвятилъ всю жизнь, и сомнѣніемъ. Одинъ Завиловскій понималъ весь трагизмъ такого заключенія: «ergo erravi»,—и волновался вдвойнѣ, какъ человѣкъ съ сердцемъ и какъ поэтъ, который видѣлъ готовый сюжетъ для поэмы, — образъ старца, сидящаго на солнцѣ передъ домомъ, на развалинахъ жизни, вѣрованій, и со словами: «тщета, тщета!»—ожидающаго приближенія смерти, а ея шаги уже слышны въ отдаленіи...

Профессору, можетъ быть, не было такъ плохо, какъ воображалъ Завиловскій. Юнѣйшіе изъ арійцевъ, правда, могли его обмануть, но оставалась вѣра, что христіанство еще не сказало своего послѣдняго слова и что наступающая эпоха человѣческой жизни будетъ ничѣмъ инымъ, какъ только расширеніемъ духа Христова и перенесеніемъ его изъ отношеній между единицами въ сферу общечеловѣческихъ отношеній. «Христосъ въ исторіи» не переставалъ для него быть видѣніемъ будущаго. Онъ вѣрилъ всегда, что миссія проведенія любви въ исторію предназначена юнѣйшимъ арійцамъ, только со времени путешествія его охватывала глубокая грусть,—онъ понялъ, что до того не только онъ, но и цѣлый рядъ поколѣній долженъ умереть отъ катарра желудка, благодаря неудобоваримой пищѣ придунайскихъ государствъ.

Тѣмъ временемъ онъ замкнулся въ себя и въ молчаніе, которое скорѣе носило видъ горькаго разочарованія, чѣмъ было имъ въ дѣйствительности. О своей «идеѣ» онъ почти никогда не говорилъ, но было видно, что какъ стрѣлка остановившихся часовъ показываетъ всегда одинъ и тотъ же часъ, такъ и стрѣлка его разума не сходила съ этой идеи, и на разные вопросы онъ отвѣчалъ словами, которыя были въ связи скорѣе съ нею, чѣмъ съ дѣломъ, о которомъ его разспрашиваютъ. Для того, чтобы призвать его къ дѣйствительности, его нужно было разбудить. Къ своей одеждѣ онъ относился съ такою небрежностью, что, напримѣръ, забывалъ, что пуговицы жилетки существуютъ для застегиванія на петли. Со своею вѣчною разсѣянностью, со своими близорукими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣтскими глазами, отражающими какъ-то механически его внутреннія впечатлѣнія, съ задумчивымъ лицомъ, наконецъ, съ

небрежною одеждой и въ особенности странными панталонами, которыя у него были, неизвѣстно почему, вдвое шире, чѣмъ у другихъ людей, онъ возбуждалъ смѣхъ въ постороннихъ и часто становился предметомъ болѣе или менѣе злой шутки. Кажется, подобныя чувства онъ, прежде всего, пробуждалъ и въ юнѣйшихъ изъ арійцевъ. Вообще его считали человѣкомъ, у котораго не всѣ клёпки въ головѣ. Впрочемъ, иные оказывали къ нему состраданіе. Выраженіе *неопасный* часто доходило до его ушей, но онъ, казалось, не слыхалъ этого.

Все-таки, онъ чувствовалъ, что у Поланецкихъ ему хорошо, что никто не издѣвается надъ нимъ, никто не проявляетъ идіотскаго состраданія. Наконецъ, ни черезъ-чуръ жирная кухня юнѣйшихъ изъ арійцевъ, ни катарръ желудка не отняли отъ него снисходительности и любви къ людямъ. Попрежнему, онъ былъ все тѣмъ же старымъ профессоромъ, который забывалъ о себѣ и опоминался, когда дѣло шло о другихъ. Попрежнему, онъ любилъ Маринью, Поланецкаго, пани Эмилію, Свирскаго, Бигелей, даже Машко,—словомъ, всѣхъ, съ кѣмъ его сблизила жизнь. Вообще о людяхъ онъ имѣлъ такое странное представленіе, что всѣ, по волѣ или противъ воли, чему-то служатъ, всѣми двигаетъ Богъ, какъ пѣшками, съ извѣстною Ему цѣлью. Такихъ художниковъ, какъ Свирскій, онъ считалъ за посланниковъ, которые «примиряютъ».

Онъ такъ же смотрѣлъ и на Завиловскаго, потому что еще раньше былъ знакомъ съ его поэзіей. Познакомившись съ самимъ авторомъ, онъ приглядывался къ нему внимательно, какъ къ какой - нибудь рѣдкой особенности, а на другой день, когда молодой человѣкъ уѣхалъ въ городъ и о немъ зашла рѣчь за чаемъ, поднялъ палецъ и, обратившись къ Маринѣ, сказалъ съ таинственнымъ видомъ:

— О, это Божья птица! Но онъ не знаетъ, что̀ Богъ вложилъ въ его голову и къ чему предназначилъ.

Маринья начала разсказывать ему о близкой свадьбѣ Завиловскаго, о его чувствѣ къ паннѣ Линетѣ и о ней самой, причемъ превозносила ея красоту и ея сердце.

— Да,—сказалъ профессоръ.—Видишь? И у нея своя миссія, и она «избранная». Богъ повелѣлъ ей охранять этотъ огонь, и коль скоро она стала избранницей, то ее и надо чтить, какъ избранницу. Видишь?... Благодать надъ нею.

Потомъ онъ задумался и прибавилъ:

— Все это—дорога въ будущее для людей.

Поланецкій посмотрѣлъ на жену, какъ будто хотѣлъ сказать

взглядомъ, что профессоръ говоритъ безъ всякой связи, но Васковскій слегка прищурилъ глаза и, глядя куда-то впередъ передъ собою, продолжалъ:

— Есть на небѣ млечный путь, и когда Богу нужно, онъ беретъ изъ него пыль и творитъ новые міры. А я думаю, что точно также существуетъ духовный млечный путь, который состоитъ изъ всего, что люди передумали и перечувствовали. Все въ немъ есть: и то, что создали геніи, и произведенія таланта, и усилія мысли мужчинъ, и цѣломудріе женскихъ сердецъ, и доброта людская, и людскія страданія,—ничего не пропадаетъ, хотя все это обращается въ пыль, а изъ этой пыли Богъ творитъ новые духовные міры для людей.

Онъ обдумалъ то, что сказалъ, потомъ, точно проснулся, ощупалъ пуговицы на жилеткѣ и прибавилъ:

— А у этой дѣвушки душа, должно быть, чиста, какъ слеза, коль скоро Богъ отмѣтилъ ее своимъ перстомъ и повелѣлъ быть хранительницею этого огня.

Въ это время показался экипажъ Свирскаго. Для Мариня его пріѣздъ не былъ неожиданностью,—художникъ обѣщалъ ей, что или самъ пріѣдетъ, или напишетъ, какой оборотъ приняло его дѣло. Увидавъ его въ окно, Мариня была почти увѣрена, что все окончилось благополучно, но Свирскій вошелъ въ комнату, поздоровался со всѣми и такъ странно посмотрѣлъ на молодую женщину, что та не знала, какъ понять этотъ взглядъ.

Очевидно, ему хотѣлось заговорить о дѣлѣ, и сейчасъ же, но онъ не хотѣлъ начать при Поланецкомъ и Васковскомъ. Поланецкій,—Мариня выболтала ему все,—пришелъ на помощь художнику и, указывая на жену, сказалъ:

— Ей нужно много ходить,—возьмите ее въ садъ, я знаю, вамъ нужно потолковать о чемъ-то.

Черезъ минуту они очутились въ тополевой аллеѣ. Нѣсколько минутъ они шли въ молчаніи,—онъ, раскачиваясь на своихъ широкихъ бедрахъ, она, немного наклонившись впередъ, съ добрымъ и любопытнымъ лицомъ. Обоимъ хотѣлось заговорить объ интересующемъ ихъ вопросѣ, но Свирскій началъ совсѣмъ не съ того.

— Вы, очевидно, все сказали мужу?—вдругъ спросилъ онъ.

Мариня покраснѣла, какъ пойманная на дурномъ дѣлѣ, и отвѣтила:

— Стахъ такъ расположенъ къ вамъ, и мнѣ не хотѣлось имѣть отъ него секретовъ.

Свирскій поцѣловалъ ея руку.

— Да я ничего и не имѣю противъ этого. Хорошо! Я не стыжусь этого, какъ и того, что получилъ отказъ.

— Не можетъ быть! Вы шутите!—Mариня даже остановилась на мѣстѣ.

— Даю вамъ слово!

И, замѣчая, что это извѣстіе непріятно подѣйствовало на нее, онъ заботливо и нѣжно заговорилъ:

— Только не принимайте этого къ сердцу больше, чѣмъ я. Это случилось потому, что должно было случиться. Видите, вотъ я пріѣхалъ сюда, стою передъ вами, въ лобъ себѣ не выстрѣлилъ и не думаю этого дѣлать, а что отказъ получилъ, то это вѣрно.

— Но почему? Что она отвѣтила вамъ?

— Почему? Что она отвѣтила мнѣ?—повторилъ Свирскій.—Вотъ въ этомъ-то и заключается вся горечь. Я откровенно признаюсь вамъ, что не особенно былъ влюбленъ въ панну Ратковскую. Она понравилась мнѣ (онѣ мнѣ всѣ нравятся), я думалъ, что эта будетъ доброе и благодарное сердце и поэтому посватался. Но больше по разсудку, да, кромѣ того, и пора мнѣ. Потомъ я даже немного раскаявался. Была даже минута, когда я сказалъ себѣ: «твое объясненіе въ Бучинкѣ не было достаточно ясно, оставь-ка лучше это». Но мнѣ сдѣлалось стыдно. «Что за чортъ,—думаю я себѣ,—переступилъ черезъ порогъ одною ногой, переступлю и другой». И я написалъ ей письмо, на этотъ разъ совершенно ясное, а вотъ что она отвѣтила мнѣ.

Онъ вынулъ изъ кармана сюртука письмо, но, прежде чѣмъ читать его, сказалъ еще:

— Сначала обычныя фразы... Ну, вы знаете, какъ тамъ... Уважаетъ меня необыкновенно, была бы горда и счастлива (но предпочитаетъ не быть), питаетъ ко мнѣ искреннюю симпатію (если она такъ будетъ кормить мужа, то не растолстѣетъ онъ отъ этой симпатіи), а въ концѣ говоритъ слѣдующее:

«Я не въ состояніи отдать вамъ сердца съ такою радостью, какую вы заслуживаете. Я избрала другое, и если никогда не буду счастлива, то, по крайней мѣрѣ, хочу избѣжать упрека въ будущемъ, что была неискренна. По милости того, чтò у насъ происходитъ, я не могу писать больше, но повѣрьте мнѣ, что я буду вѣчно благодарна вамъ за ваше довѣріе и съ сегодняшняго дня стану просить Бога, чтобы Онъ далъ вамъ возможность найти сердце достойное васъ и благословилъ бы васъ на всю жизнь».

Вотъ и все!

Наступила минута молчанія, потомъ Свирскій сказалъ:

— То, чего мнѣ желаютъ, пустыя слова, но это значитъ: я люблю другого.

— Мнѣ кажется, что это вѣрно,—съ грустью отвѣтила Мариня.—Бѣдная дѣвушка! Письмо ея, все-таки, доброе.

— Доброе письмо, доброе письмо!—воскликнулъ Свирскій.—Онѣ всѣ такія добрыя. Вотъ почему мнѣ немного горько. Не желаетъ меня? Хорошо! Это всякой дозволяется. Любитъ кого-нибудь? Это также всякой дозволяется. Но кого же она любитъ? Не Основскаго же, не Завиловскаго, такъ кого же? Этотъ набалдашникъ отъ трости, этого красавчика, эту портновскую модель, этотъ идеалъ горничныхъ? Вы видали такихъ амуровъ на штукахъ съ ситцами? Вылитый онъ! Еслибъ онъ стоялъ на окнѣ у парикмахера, то барышни, навѣрное, выбили бы окна. «Если хочетъ, носитъ фракъ, а не хочетъ, ходитъ такъ». И прекрасно! Помните, чтò я сказалъ о немъ: дамскій гурій! Вотъ это-то и горько, вотъ это-то и безвкусно,—и онъ говорилъ все съ большимъ раздраженіемъ,—это-то и говоритъ дурно противъ женщинъ. Будь ты Наполеономъ, Рафаэлемъ, Ньютономъ, а въ качествѣ награды пожелай хоть одно женское сердце, хоть одну женскую голову... Какъ бы не такъ! Она предпочитаетъ такого болвана. Вотъ каковы онѣ!

— Не всѣ, панъ Свирскій, не всѣ! Наконецъ, вы, какъ художникъ, должны знать, чтò такое чувство. Найдетъ что-то на человѣка, и всѣмъ здравымъ размышленіямъ конецъ.

— Нѣтъ,—уже спокойно сказалъ Свирскій,—я знаю, что не всѣ. А что относительно любви вы говорите: «найдетъ—и конецъ», то можетъ быть. Это точно болѣзнь... Но существуютъ болѣзни, которыми благороднѣйшіе виды живыхъ существъ не хвораютъ. Существуетъ, напримѣръ, болѣзнь копыта. Позвольте вамъ сказать, что нужно обладать копытомъ для того, чтобъ захворать такою болѣзнью. Вѣдь, не было же случая, чтобъ голубка влюбилась въ удода, хотя и удодъ очень красивая птица. Вотъ видите, на голубку это не найдетъ! Въ удодовъ влюбляются только птицы той же породы. И пусть влюбляются, только не притворялись бы голубками. Мнѣ только это и нужно... Припомните, что когда-то у Бигелей я болталъ что-то про панну Кастелли. А она, въ концѣ-концовъ, предпочла Завиловскаго. Меня больше всего занимаютъ эти фальшивыя стремленія, эта неискренность, эта погоня за фразами. Какъ скоро ты удодъ, имѣй же отвагу признаться въ этомъ. Не притворяйся, не ври, не обманывай. Вѣдь, я, кажется, человѣкъ скверный, и я голову свою отдалъ бы за то, что панна Ратковская не въ состояніи влю-

биться въ такого человѣка, какъ Коповскій, а на самомъ дѣлѣ это есть. Я утѣшусь, рѣчь не обо мнѣ идетъ, а объ этой комедіи, объ этой условной лжи,—не о паннѣ Ратковской, а о томъ, что такой типъ, какъ Копось, побѣждаетъ.

— Да,—сказала Мариня,—только нужно было бы знать, почему все это такъ перепуталось.

Свирскій махнулъ рукою.

— Собственно говоря, это скорѣе распуталось. Еслибъ она вышла за меня, то, навѣрное, черезъ годъ я ее на рукахъ бы носилъ. Честное слово!... Во мнѣ скопилась масса нѣжности. Я былъ бы добръ къ ней и намъ было бы хорошо. Этого мнѣ немного жаль. Но, вѣдь, не одна же она на свѣтѣ. Найдите мнѣ какую-нибудь добрую душу, которая пожалѣетъ меня. И поскорѣе, дорогая пани Поланецкая! Ей-Богу, я едва могу удержаться... Хорошо?

Видя, что Свирскій не особенно принимаетъ къ сердцу утрату панны Ратковской, Мариня развеселилась. Но спокойнѣе относясь къ письму панны Ратковской, она вспомнила одну фразу, на которую сначала, занятая главнымъ вопросомъ, не обратила вниманія,—вспомнила и встревожилась.

— Вы замѣтили,—спросила она,—что въ одномъ мѣстѣ говорится: «по милости того, что̀ у насъ происходитъ, я не могу писать больше»? Вы не догадываетесь, что тамъ могло случиться?

— Можетъ быть, Копось уже сдѣлалъ предложеніе.

— Нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, она написала бы это яснѣй. Если она привязалась къ нему, то несчастная она дѣвушка: у нея, кажется, нѣтъ никакого состоянія, а Коповскій и самъ не богатъ. Сомнительно, чтобы дѣло пришло къ соглашенію.

— Правда,—сказалъ Свирскій.—Знаете, мнѣ это и самому приходило въ голову. Она любитъ его, это не подлежитъ сомнѣнію, но онъ на ней не женится.

Онъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ тамъ сидитъ?

— Онѣ забавляются имъ, а онъ забавляетъ,—поспѣшно отвѣтила Мариня, немного отворачиваясь въ сторону, чтобы Свирскій не замѣтилъ ея смущенія.

Она говорила неискренно. Съ тѣхъ поръ, какъ Поланецкій подѣлился съ ней своими наблюденіями надъ отношеніями Коповскаго къ пани Основской, она часто думала объ этомъ и пребываніе молодого человѣка въ Пшитуловѣ ей самой казалось подозрительнымъ, а притворное ухаживаніе за панной Ратковской —

просто безчестнымъ. Безчестность стала тѣмъ большею, если панна Ратковская дѣйствительно влюбилась въ Коповскаго. Всѣ эти интриги каждую минуту могли всплыть наверхъ и Мариня съ тревогой думала о томъ, не имѣютъ ли слова панны Ратковской именно такого значенія? Въ подобномъ случаѣ это было бы истинною катастрофой и для добраго пана Основскаго, и для панны Стефци. Дѣйствительно, все это могло перепутаться трагическимъ образомъ.

— Я завтра собираюсь въ Пшитуловъ,— сказалъ Свирскій,— хочу нарочно быть у Основскихъ, чтобы показать, что нисколько не обижаюсь. Если тамъ, дѣйствительно, что-нибудь случилось, захворалъ кто-нибудь, что ли, то я дамъ вамъ знать. Завиловскаго тамъ нѣтъ въ настоящую минуту.

— Нѣтъ, панъ Игнась живетъ въ городѣ. Завтра или послѣ завтра онъ появится здѣсь или въ Ясменѣ. Стахъ сегодня собирается въ городъ. Моя пріятельница, сестра Анеля, очень больна и мы хотимъ перетащить ее къ себѣ, а такъ какъ я ѣхать не могу, то ѣдетъ Стахъ.

— Сестра Анеля? Это та, которую вашъ мужъ называетъ пани Эмиліей?... Фра Анджелико!... Лицо настоящей святой. Чудесное лицо! Я раза два видѣлъ ее у васъ. Вотъ, если бы такая не была монахиней!

— И, кромѣ того, она больна, бѣдняжка. Почти не можетъ ходить... Отъ непосильныхъ трудовъ дошла до болѣзни спинного хребта.

— О, это плохо!—сказалъ Свирскій. —Значитъ, у васъ будетъ она и профессоръ? Какіе же вы, однако, дѣйствительно, добрые люди!

— Это Стахъ! —отвѣтила Мариня.

Въ эту минуту на заворотѣ аллеи появился Поланецкій и спѣшными шагами подошелъ къ нимъ.

— Я слышалъ, вы сегодня ѣдете? — сказалъ Свирскій.—Поѣдемте вмѣстѣ.

— Хорошо.

И Поланецкій обратился къ женѣ:

— Мариня, не довольно ли ты ходила? Хочешь опереться на меня?

Мариня взяла его подъ руку и всѣ пошли на балконъ. Пани Поланецкая потомъ отправилась въ комнаты распорядиться насчетъ послѣобѣденнаго чаю.

Поланецкій торопливо подошелъ къ Свирскому.

— Я получилъ странную телеграмму,— сказалъ онъ,— и не хотѣлъ показывать ее при женѣ. Основскій спрашиваетъ меня, гдѣ Игнась, и вызываетъ меня по его дѣлу пріѣхать завтра въ городъ. Что это можетъ быть?

— Странное дѣло,— отвѣтилъ и Свирскій.— Мнѣ панна Ратковская писала, что тамъ что-то случилось.

— Захворалъ кто-нибудь?

— Тогда прямо вызвали бы Завиловскаго... Если бы панна Кастелли или пани Броничъ... сейчасъ же вызвали бы.

— А еслибъ Основскій не хотѣлъ пугать его, то телеграфировалъ бы мнѣ, кто тамъ боленъ.

И они оба съ безпокойствомъ посмотрѣли другъ другу въ глаза.

XXXVII.

На другой день, полчаса спустя послѣ пріѣзда Поланецкаго, у его дверей позвонилъ Основскій. Поланецкій, заслышавъ звонокъ, пошелъ самъ отворить дверь. Со вчерашняго дня онъ жилъ въ великой тревогѣ. Онъ давно допускалъ, что въ Пшитуловѣ каждый день можетъ произойти взрывъ, но тщетно силился постичь, какое отношеніе этотъ взрывъ можетъ имѣть къ Завиловскому.

Основскій пожалъ ему руку съ особенною силой, какъ дѣлалъ это въ исключительныя минуты жизни, а когда Поланецкій попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ, то по дорогѣ спросилъ:

— Ваша барыня въ Бучинкѣ?

— Да,— отвѣтилъ Поланецкій,— мы совершенно одни.

Въ кабинетѣ Основскій сѣлъ на указанный стулъ, склонилъ голову и долго молчалъ, порывисто переводя дыханіе, потому что, благодаря излишнему тренированію, страдалъ растяженіемъ груди, а теперь лѣстница и волненіе еще болѣе стѣсняли его дыханіе. Поланецкій сначала ждалъ терпѣливо, но потомъ его врожденная живость взяла верхъ и онъ спросилъ:

— Что такое случилось?

— Случилось несчастіе,—съ глубокою грустью сказалъ Основскій.— Женитьба Игнася не состоится.

— Не состоится? Отчего?

— Это дѣло такое мерзкое, что, можетъ, было бы лучше, еслибъ Игнась не зналъ причины. Одно время я самъ колебался, не умолчать ли мнѣ о ней, но нѣтъ!... Нужно, чтобъ онъ узналъ все, потому что тутъ дѣло идетъ о болѣе важномъ, чѣмъ его самолюбіе. Можетъ быть, негодованіе и отвращеніе помогутъ ему пере-

нести несчастіе. Сватовство разстроилось потому, что панна Кастелли недостойна руки такого человѣка, какъ онъ, и еслибъ еще сегодня возможна была рѣчь о возстановленіи прежнихъ отношеній, я первый бы наложилъ свое veto.

Панъ Основскій снова началъ ловить воздухъ. Поланецкій до сихъ поръ сидѣлъ неподвижно, но тутъ вдругъ вспыхнулъ:

— Да, ради Бога, что же такое произошло?

— Произошло то, что эти барыни три дня тому назадъ уѣхали за границу, а съ ними и Копвскій, въ качествѣ жениха панны Кастелли.

Поланецкій вскочилъ было со стула, но теперь сѣлъ опять. На лицѣ его, вмѣстѣ со всѣмъ волненіемъ и тревогой, отразилось необычайное изумленіе. Съ минуту онъ всматривался въ Основскаго, потомъ, какъ будто, не имѣя силы собрать свои мысли, сказалъ:

— Копвскій?... и съ панной Кастелли также?...

Но Основскій былъ черезъ-чуръ сильно занятъ самимъ дѣломъ, чтобъ обратить вниманіе на странную форму вопроса Поланецкаго.

— Увы, — сказалъ онъ, — вы знаете, что я въ родствѣ съ этими дамами: моя мать была двоюродною сестрой пани Броничъ и матери Линеты и одно время онѣ даже воспитывались вмѣстѣ. Вы понимаете, что я скорѣе долженъ былъ бы защищать ее. Но не въ томъ дѣло. Наши отношенія порваны разъ навсегда, и, притомъ, если бы панна Кастелли была моею родною сестрой, то я сказалъ бы вамъ то же самое, что скажу теперь. А такъ какъ мы съ женою тоже уѣзжаемъ,—и даже сегодня,— то я могу не увидать Завиловскаго. Я скажу откровенно, что у меня не хватаетъ смѣлости говорить съ нимъ, но вамъ я разскажу все, что видѣлъ. Вы, какъ близкій его другъ, можетъ быть, съумѣете смягчить ударъ, но нужно, чтобъ Игнась зналъ обо всемъ, — отъ несчастія такого рода нѣтъ лучшаго лѣкарства, какъ отвращеніе.

И онъ началъ разсказывать Поланецкому, что̀ видѣлъ въ теплицѣ, задыхаясь, волнуясь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходя въ изумленіе при видѣ горячности, съ какою слушалъ его Поланецкій. Онъ считалъ его болѣе хладнокровнымъ и не могъ догадаться, что у Поланецкаго могутъ быть личныя соображенія, въ силу которыхъ разсказы подобнаго рода производятъ на его нервы болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ произвело бы извѣстіе о смерти Завиловскаго или панны Кастелли.

— Въ первую минуту я потерялъ голову,— продолжалъ Основскій. — Я человѣкъ не горячій, но какимъ образомъ я не поломалъ ему ребра, не понимаю. Можетъ быть, я помнилъ, что онъ мой

гость, что тутъ дѣло о вещахъ болѣе важныхъ, чѣмъ онъ, можетъ быть, думалъ о Линетѣ, можетъ быть, не думалъ ни о чемъ. Я вышелъ вонъ, потомъ вернулся черезъ минуту и сказалъ ему, чтобъ онъ шелъ за мною. Я замѣтилъ, что онъ блѣденъ, но видъ у него былъ рѣшительный. У себя я сказалъ ему, что онъ поступилъ подло, что злоупотребилъ гостепріимствомъ порядочнаго дома, что Линета—презрѣнная тварь, для которой я не нахожу достаточно словъ презрѣнія, что сватовство ея съ Завиловскимъ этимъ самымъ порвано, но его я заставлю жениться, хотя бы мнѣ пришлось прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ... Оказалось, что они уже сговорились за то время, когда я оставилъ ихъ однихъ, и Коповскій отвѣтилъ мнѣ, что Линету любитъ давно и всегда готовъ жениться на ней. Завиловскому же,—конечно, онъ повторялъ слова, которыя продиктовала ему Линета,—онъ готовъ дать какое угодно удовлетвореніе, но ему нѣтъ никакой надобности считаться съ нимъ, потому что передъ нимъ онъ не чувствуетъ себя виновнымъ... «Если панна Линета избрала меня, тѣмъ хуже для него, но это уже ея дѣло...» Что тѣмъ временемъ дѣлалось между теткой и Коповскимъ, я не знаю, но когда я покончилъ съ Коповскимъ, пани Броничъ ввалилась ко мнѣ, какъ фурія, съ упреками, что это мы съ женой не дозволяли Линетѣ слѣдовать естественному влеченію сердца, навязали ей Завиловскаго, котораго она никогда не любила, что Линета плакала по цѣлымъ ночамъ, что она заплатила бы за это замужство жизнью, что все случившееся—явная воля Божія... и цѣлый часъ въ такомъ же родѣ!... Мы виноваты, Завиловскій виноватъ, только они одни безъ упрека.

Основскій потеръ лобъ рукою и добавилъ:

— Ахъ, панъ Поланецкій! Мнѣ тридцать шесть лѣтъ, но я и не воображалъ, что̀ такое женское непостоянство. Понимаете, что не могу я примириться съ такою непонятною способностью выворачивать вещи изнанкою на-лицо. Вѣдь, я понимаю, каково было ихъ положеніе, я вижу,—они увидали, что съ Завиловскимъ все кончено, хотя бы потому, что я буду служить преградой, и имъ не остается ничего, только Коповскій. Но эта легкость, съ которою черное дѣлается бѣлымъ, а бѣлое—чернымъ, это отсутствіе моральнаго смысла, понятія о правдѣ и справедливости, этотъ эгоизмъ безъ дна и мѣры!... Чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, если бы дѣло не шло объ Игнасѣ! Я былъ бы очень несчастливъ съ ними, но для человѣка, такого экзальтированнаго и такъ влюбленнаго, что̀ это за ударъ, что̀ за разочарованіе!... А Линета! Кто бы могъ допустить?... Такой дуракъ, такой дуракъ! И это дѣвушка, какъ

будто бы полная порывовъ, которая такъ недавно обмѣнялась кольцами, дала слово... невѣста такого человѣка, какъ Завиловскій!... Ей-Богу, можно умъ потерять!

— Можно умъ потерять! — какъ эхо повторилъ Поланецкій.

Наступила минута молчанія.

— И давно это случилось? — вдругъ спросилъ Поланецкій.

— Три дня, какъ они уѣхали въ Шевенингенъ, а уѣхали они тотчасъ же послѣ этой исторіи. У Копорскаго былъ паспортъ съ собою. Замѣчаете, оселъ-то онъ оселъ, а на хитрость его хватило. Онъ притворялся, будто ухаживаетъ за моею кузиной Ратковской и какъ будто собирался вмѣстѣ ѣхать съ нами за границу. Притворялся, что добивается расположенія той, чтобы кружить голову этой. Ай, бѣдный Игнась, бѣдный! Даю вамъ слово, что еслибъ онъ былъ моимъ братомъ, то и тогда я не питалъ бы къ нему больше сочувствія... Конечно, лучше, что онъ не связался съ такой... съ Линетой, но что за мученіе!

Основскій вынулъ платокъ и съ огорченнымъ и безпомощнымъ лицомъ началъ протирать пенснэ. Поланецкій спросилъ:

— Отчего вы раньше не дали мнѣ знать?

— Отчего я раньше не далъ вамъ знать? Потому что у меня жена захворала. Нервные припадки... Богъ знаетъ, что!... Вы не повѣрите, какъ она приняла все это къ сердцу. И ничего нѣтъ удивительнаго!... Такая женщина, и еще въ нашемъ домѣ! При ея впечатлительности для нея это былъ тяжелый ударъ... И разочарованіе въ Линетѣ, которую она такъ любила, и состраданіе къ Игнасю, и это столкновеніе со зломъ, и чувство гадливости, — для такой чистой и честной натуры это болѣе, чѣмъ нужно. Въ первое время я думалъ, что она тяжко расхворается, да и теперь еще говорю: дай Богъ, чтобъ это губительно не отозвалось на ея нервахъ. Мы просто-на-просто не съумѣемъ понять, что дѣлается въ такой душѣ при видѣ зла.

Поланецкій внимательно посмотрѣлъ на Основскаго, закусилъ усы и молчалъ. Основскій продолжалъ:

— Я послалъ за докторомъ и во второй разъ потерялъ голову. Къ счастью, тутъ была Стефця Ратковская и эта добрая пани Машко. Обѣ такъ ухаживали за Анетой, что я имъ весь вѣкъ буду признателенъ. Пани Машко только на видъ кажется холодною, а что это за сердце!

— Я думаю, — перебилъ Поланецкій; ему хотѣлось отвлечь разговоръ отъ пани Машко, — еслибъ старый Завиловскій оставилъ Игнасю какое-нибудь состояніе, то всего этого не случилось бы

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Основскій,—но для меня опять-таки не подлежитъ сомнѣнію, что еслибъ Линета вышла за Игнася, то, хотя бы онъ обладалъ всѣмъ состояніемъ пана Завиловскаго, инстинкты тянули бы ее въ сторону такихъ Коповскихъ, какихъ ей пришлось бы встрѣтить въ жизни. Ужь это душа такого сорта. Однако, нѣкоторыя вещи я понимаю. Я сказалъ, что можно умъ потерять при мысли, что все сложилось такъ, но отчасти отдаю себѣ отчетъ, почему это такъ случилось. У нея черезъ-чуръ пошлая натура, чтобъ она дѣйствительно могла полюбить такого человѣка, какъ Завиловскій. Ей нужно было Коповскаго. Но въ нее вбивали разные высшіе порывы, а, въ концѣ-концовъ, она и сама вбила въ себя то, чего въ ней не было. Игнася притянули ради тщеславія, ради самолюбія, ради общественнаго мнѣнія, наконецъ, по незнанію самихъ себя. Но то, что неискренно, то долго длиться не можетъ. Съ минуты, когда ихъ тщеславіе было удовлетворено, Игнась пересталъ удовлетворять ихъ. Потомъ онѣ испугались, что съ нимъ нельзя вести такую жизнь, которую онѣ цѣнятъ выше всего,—можетъ быть, ихъ началъ затруднять его, черезъ-чуръ высокое для нихъ, настроеніе. Прибавьте къ этому исторію съ завѣщаніемъ: она, конечно, не была главною причиной катастрофы, но, однако, уменьшила Игнася въ ихъ глазахъ; прибавьте, прежде всего, инстинкты Линеты, прибавьте Коповскаго, и вы получите отвѣтъ на всѣ вопросы. Есть женщины, какъ ваша жена или какъ моя Анета, но есть и такія, какъ она!...

Здѣсь панъ Основскій снова замолкъ на минуту, а потомъ сказалъ:

— Я предвижу уже и огорченіе, и негодованіе вашей жены и жалѣю, что вы не видали, какъ это приняла моя жена... или даже пани Мàшко. Да, есть женщины и женщины!... О, панъ Поланецкій! Мы на колѣняхъ должны благодарить Бога, что Онъ намъ далъ такихъ женъ!

У него даже голосъ дрогнулъ отъ волненія.

А Поланецкій, несмотря на то, что его, главнымъ образомъ, интересовалъ Завиловскій, рѣшительно недоумѣвалъ, какимъ образомъ человѣкъ, который нѣсколько минутъ тому назадъ выказалъ столько тонкости и проницательности, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть такимъ наивнымъ. Его разбиралъ горькій смѣхъ при упоминаніи Основскаго о негодованіи пани Мàшко. Вообще его охватило чувство какой-то угнетающей ироніи жизни, всю бездну которой онъ раньше еще никогда не видалъ такъ ясно.

— Вы не увидите Завиловскаго?—спросилъ онъ черезъ мину-

ту. — Откровенно повторяю вамъ, что не чувствую въ себѣ доста точнаго мужества. Я сегодня возвращаюсь въ Пшитуловъ и сегодня же мы уѣзжаемъ съ нашей станціи. Я долженъ увезти жену, она сама со слезами просила меня объ этомъ, отъ перемѣны впечатлѣній ея здоровье можетъ поправиться. Мы поѣдемъ куда-нибудь на море, только не въ Шевенингенъ, куда поѣхали тѣ, вмѣстѣ съ Коповскимъ. Но у меня къ вамъ еще одна огромная просьба. Вы знаете, какъ я люблю и цѣню Игнася. Напишите мнѣ, какъ онъ, бѣдняжка, перенесетъ это и что съ нимъ будетъ твориться. Я попросилъ бы объ этомъ Свирскаго, да боюсь, что не увижу его.

Онъ закрылъ лицо руками.

— Ахъ, какъ все это грустно, какъ грустно!

— Хорошо, — сказалъ Поланецкій. — Пришлите мнѣ адресъ и я напишу вамъ, чѣмъ кончится дѣло. Но такъ какъ на меня падаетъ тяжелая обязанность сообщить Завиловскому о случившемся, то облегчите мнѣ эту обязанность. Нужно, чтобъ онъ получилъ это извѣстіе не отъ третьяго лица, а отъ очевидца. Услышавъ о случившемся отъ меня, онъ можетъ допустить, что я представилъ дѣло недостаточно ясно. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ хватается за всякую тѣнь надежды. Садитесь и напишите ему. Я отдамъ ему ваше письмо въ подтвержденіе своихъ словъ. Иначе, онъ, пожалуй, полетитъ за ними въ Шевенингенъ. Я считаю ваше письмо абсолютно необходимымъ.

— Онъ не пріѣдетъ сюда сейчасъ?

— Нѣтъ. Отецъ его боленъ и онъ проводитъ время у его постели. Меня онъ ожидаетъ только послѣ полудня. Пишите письмо.

— Вы правы, совершенно правы, — согласился Основскій и сѣлъ за письменный столъ.

«Иронія жизни, иронія жизни! — думалъ тѣмъ временемъ Поланецкій, волнуясь и ходя по сосѣдней комнатѣ. — Чѣмъ же, если не кровавою ироніей можно назвать то, что встрѣтило Завиловскаго? Что такое эта панна Кастелли со своею фигурой лебедя, съ инстинктами горничной, эта «избранница Божія», какъ еще вчера говорилъ Васковскій? Что такое пани Броничъ и Основскій, со своею вѣрой въ жену, и нервные припадки этой жены, которые были вызваны столкновеніемъ со зломъ *такой чистой* души, и негодованіе пани Машко?... Ничего, только смѣшная человѣческая комедія, въ которой одни обманываютъ другихъ, другіе обманываютъ самихъ себя, — ничего, только обманутые и обманывающіе, — ничего, только ошибки, ослѣпленіе, жизненная ложь, жертвы ошибокъ, жертвы обмана, жертвы заблужденій, путаница безъ конца, смѣшная и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, отчаянная иронія, покрывающая человѣческія чувства, страсти, надежды, какъ снѣгъ покрываетъ зимою поля,—и это жизнь!»

Но эти мысли для Поланецкаго были тѣмъ болѣе тяжелы, что, возникая на чисто-личной почвѣ, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становились чѣмъ-то вродѣ счета съ собственною совѣстью. Онъ былъ настолько эгоистъ, чтобы примѣнять все къ себѣ, и не настолько глупъ, чтобы не знать, что въ этой архи-иронической человѣческой комедіи онъ самъ играетъ страшно позорную роль. Положеніе было такого рода, что онъ изо всей мочи хотѣлъ бы освистать панну Кастелли, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понималъ, что ужь ему - то невозможно осуждать ее. Самъ онъ чѣмъ былъ лучше ея? Въ какомъ отношеніи менѣе гадокъ? Она измѣнила человѣку для дурака, онъ измѣнилъ женѣ для безсмысленной куклы. Она послѣдовала своимъ влеченіямъ инстинктовъ пустой свѣтской женщины, онъ—своимъ влеченіямъ павіана. Но она попрала только искусственныя фразы, которыми обманывала себя и другихъ, онъ попралъ принципы. Она обманула довѣріе и нарушила слово, онъ также обманулъ довѣріе и нарушилъ болѣе, чѣмъ слово,—клятву. Ну, и что же? Имѣетъ онъ право осуждать ее? Если онъ не имѣетъ возможности оправдывать ее, если готовъ признать, — что̀ было бы вещью несправедливой и возмутительной, — чтобы такое существо стало женой Завиловскаго, то по какому праву онъ считается мужемъ Марини? Если онъ найдетъ хоть одно слово осужденія противъ панны Кастелли (а не найти этого слова невозможно), то, желая быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ разстаться съ Мариней, чего, однако, не сдѣлаетъ никогда и не былъ бы въ состояніи сдѣлать. Вотъ заколдованный кругъ-то! Поланецкій не разъ переживалъ уже тяжелыя минуты по поводу своего *успѣха*, но эта минута была такъ тяжела, что привела его даже въ изумленіе. Мало-по-малу это переходило въ муку. Въ концѣ, по простому инстинкту самосохраненія, онъ началъ искать чего-нибудь, что̀ бы принесло ему хоть временное успокоеніе. Но напрасно онъ говорилъ себѣ, что, напримѣръ, такіе люди, какъ Коповскій, будь онъ въ ихъ положеніи, не принимали бы дѣла такъ къ сердцу. Это для него служило такимъ же утѣшеніемъ, какъ ес..бъ онъ подумалъ, что этого также не принимали къ сердцу ни ко..ка, ни лошадь. Напрасно онъ вспоминалъ слова Бальзака: «Вѣро..мство, если не удается, — ничего, если удается — пустяки». «Л..ъ!—повторилъ Поланецкій, стискивая зубы,—хороши *пустяки* которые такъ грызутъ душу!» Правда, онъ понималъ, что за фа..томъ можетъ быть что-нибудь, что̀ дѣлаетъ самый фактъ болѣе

или менѣе преступнымъ, но, въ то же время, понималъ, что въ его случаѣ всѣ подробности таковы, что дѣлаютъ вину неизмѣримой и непростительной. «Вотъ ужь теперь,—думалъ онъ,—у меня отнимается право суда, право распоряженія совѣстью! Человѣка высшаго типа промѣняли на дурака, попрали его, ввергли въ несчастіе, въ трагедію, которая можетъ изломать его; все это сдѣлано самымъ пошлымъ и подлымъ образомъ, а я даже и въ душѣ не могу заклеймить эту панну Кастелли!» И никогда до сихъ поръ передъ нимъ такъ удивительно явственно не представала та правда, что какъ за извѣстные проступки можно лишиться права принимать участіе въ общественной жизни, такъ онъ лишенъ права принимать участіе въ жизни моральной. Угрызеній у него было уже достаточно, но теперь онъ замѣтилъ еще новыя опустошенія, которыхъ сразу не видѣлъ. По мѣрѣ того, какъ онъ раздумывалъ надъ трагедіей Завиловскаго, какъ все болѣе и болѣе начинали поражать его ея размѣры, его самого охватывала глухая тревога, похожая на предчувствіе, что, въ силу какой-то высшей, таинственной логики, и въ его судьбѣ произойдетъ что-то страшное. Кто носитъ въ себѣ зародышъ смертельной болѣзни, для того смерть — только вопросъ времени.

Но, все-таки, онъ почувствовалъ хоть то облегченіе, что мысли его обратились исключительно къ данной минутѣ и къ Завиловскому. Какъ онъ приметъ это? Какъ перенесетъ? Принимая въ соображеніе экзальтацію Завиловскаго, его глубокую, слѣпую вѣру въ панну Кастелли, его любовь, которую онъ питалъ къ ней, вопросъ былъ прямо грозный. «Все въ немъ порвется, вся почва сразу уйдетъ изъ-подъ его ногъ»,—думалъ Поланецкій. Сколько ужаснаго и отвратительнаго въ томъ, что даже такія жизненныя отношенія, которыя не носятъ въ себѣ зародышей трагедіи и которыя должны были бы окончиться хорошо, оканчиваются безъ всякой уважительной причины дурно! Жизнь — точно лѣсъ, въ которомъ несчастія преслѣдуютъ человѣка, хуже чѣмъ собака звѣря, потому что преслѣдуютъ молча. Поланецкій почувствовалъ вдругъ, что, кромѣ давнымъ-давно утраченной вѣры въ самого себя, въ немъ можетъ поколебаться и другое, еще болѣе важное. Въ эту минуту онъ, однако, больше думалъ о Завиловскомъ, чѣмъ о другомъ. Сердце у него было доброе, Завиловскій былъ близокъ ему, и онъ искренно сочувствовалъ его несчастію. «А тотъ пишетъ прямо смертный приговоръ,—думалъ онъ, прислушиваясь къ скрипу пера Основскаго.—Бѣдный малый!... И какъ все это незаслуженно!»

Наконецъ, Основскій окончилъ писать и сказалъ:

— Я писалъ осторожно, но писалъ всю правду. Да ниспошлетъ Богъ ему силы! Думалъ ли я, что мнѣ придется сообщить ему такую новость?

Но за его неподдѣльною грустью было видно какъ будто затаенное удовольствіе. Очевидно, онъ думалъ, что ему удалось написать лучше, чѣмъ онъ разсчитывалъ.

— А теперь я еще разъ повторю свою горячую просьбу,— сказалъ онъ,—написать мнѣ нѣсколько словъ объ Игнасѣ. Ахъ, еслибъ это не было такъ... irréparable!—прибавилъ онъ, протягивая Поланецкому руку.—До свиданія, до свиданія!... Я напишу и Игнасю, но теперь долженъ ѣхать,—меня ждетъ жена... Дай Богъ намъ свидѣться при лучшихъ условіяхъ. До свиданія! Пани Поланецкой сердечный привѣтъ.

И онъ ушелъ.

«Что дѣлать?—думалъ Поланецкій.—Ограничиться ли посылкой письма, искать ли Завиловскаго, или ждать его здѣсь? Въ такія минуты лучше бы было не оставлять его одного, но вечеромъ я долженъ возвратиться къ Маринѣ, значитъ, онъ и такъ останется одинъ. Наконецъ, кто ему запретитъ спрятаться отъ людей? Я бы на его мѣстѣ спрятался... Кромѣ того, надо быть у пани Эмиліи».

Онъ чувствовалъ себя такъ измученнымъ и этою неожиданною трагедіей, и мыслью о тяжкой роли, какую придется ему разыграть, что съ удовольствіемъ вспоминалъ о необходимости пойти къ пани Эмиліи и отвезти ее потомъ въ Бучинекъ. На одну минуту онъ чувствовалъ искушеніе отложить свиданіе съ Завиловскимъ и отдать письмо на другой день, но сообразилъ, что Завиловскій, если не застанетъ его дома, можетъ пріѣхать въ Бучинекъ.

«Пускай лучше узнаетъ обо всемъ здѣсь,—сказалъ онъ себѣ,—Мариня въ такомъ положеніи, что отъ нея нужно сохранить въ строжайшей тайнѣ то, что случилось и что можетъ случиться. Нужно предупредить всѣхъ, чтобъ молчали. Завиловскій лучше бы сдѣлалъ, еслибъ уѣхалъ за границу. Маринѣ я сказалъ бы, что онъ въ Шевенингенѣ, а потомъ, что они обсудили все хорошенько и разошлись».

И онъ снова широкими шагами началъ ходить по комнатѣ и повторять:

«Иронія жизни! Иронія жизни!»

Горечь и угрызенія новою волной прихлынули къ его душѣ. Его охватило странное чувство, словно онъ былъ отвѣтственъ за то, что произошло. «Что за чертовщина,—убѣждалъ онъ себя,— ужъ въ этомъ-то я, по крайней мѣрѣ, не виноватъ!» Но на минуту-

ту ему пришло въ голову, что если лично онъ не провинился, то, во всякомъ случаѣ, онъ дерево изъ того же лѣса, что и панна Кастелли, что такіе, какъ онъ, и виною той общественно-моральной атмосферы, въ которой подобные цвѣтики могутъ всходить, развиваться и цвѣсти. При одной мысли объ этомъ его разбирала дикая злоба.

Въ прихожей послышался звонокъ. Поланецкій былъ человѣкъ храбрый, но при звукѣ колокольчика почувствовалъ, что сердце его начинаетъ биться безпокойно. Онъ забылъ, что условился вмѣстѣ со Свирскимъ идти завтракать, и въ первую минуту былъ увѣренъ, что это пришелъ Завиловскій. Вздохнулъ онъ свободно только тогда, когда услыхалъ голосъ художника, но былъ такъ измученъ, что и это доставило ему непріятность.

«Вотъ этотъ такъ распуститъ языкъ,—съ досадой подумалъ онъ,—вотъ этотъ такъ разболтается!»

Однако, онъ рѣшилъ сказать ему все, потому что дѣло и такъ не могло удержаться въ тайнѣ. Ему нужно было еще и то, чтобы Свирскій, если пріѣдетъ въ Бучинекъ, зналъ, какъ держать себя съ Мариней. Но онъ ошибся, предполагая, что Свирскій будетъ изводить его своими теоріями о неблагодарныхъ сердцахъ. Художникъ посмотрѣлъ на дѣло не со стороны общихъ выводовъ, а со стороны Завиловскаго. Очередь общихъ выводовъ должна наступить позже, а теперь, слушая Поланецкаго, онъ повторялъ: «Вотъ несчастіе-то, сохрани Богъ!» или: «О, чортъ бы ихъ побралъ!» — причемъ его геркулесовскіе кулаки сжимались отъ гнѣва.

Поланецкій увлекся и нападалъ на панну Кастелли безъ милосердія, забывая, что этимъ самымъ изрекаетъ приговоръ и самому себѣ. Но, вообще, бесѣда со Свирскимъ принесла ему облегченіе. Наконецъ, къ нему возвратилась и прежняя энергія. Онъ увидалъ, что Завиловскаго нельзя оставлять въ такую минуту, и сталъ просить Свирскаго отвезти пани Эмилію въ Бучинекъ и объяснить его отсутствіе конторскими занятіями. Свирскому не зачѣмъ было уже ѣхать въ Пшитуловъ, онъ съ удовольствіемъ согласился, и, когда нанятый Поланецкимъ экипажъ пріѣхалъ, они оба отправились къ пани Эмиліи.

Непосильный трудъ сестры милосердія довелъ ее до болѣзни спинного хребта. Поланецкій и Свирскій нашли ее похудѣвшею и измѣнившеюся, съ прозрачнымъ лицомъ и полуопущенными рѣсницами. Она еще ходила, но при помощи двухъ костылей,—ноги отказывались служить ей. Какъ прежде трудъ приближалъ ее къ жизни, такъ теперь болѣзнь снова отдаляла ее отъ дѣйствительности. Она

жила только въ кругу своихъ мыслей и воспоминаній, смотря на людскія дѣла отчасти какъ сквозь сонъ, отчасти какъ будто съ другого берега жизни. Страдала она очень мало, что врачи считали плохимъ признакомъ, но пани Эмилія, въ качествѣ сестры милосердія познакомившись съ разными болѣзнями, знала, что для нея нѣтъ уже спасенія, или, по крайней мѣрѣ, что спасеніе можетъ зависѣть не отъ людей, и оставалась спокойною. На вопросъ Поланецкаго о ея здоровьѣ, она отвѣтила:

— Я плохо хожу, но такъ мнѣ хорошо.

И ей было хорошо. Удручало ее только одно моральное настроеніе. Въ душѣ она глубоко вѣрила, что еслибъ поѣхала въ Люрдъ, то непремѣнно выздоровѣла бы, но не хотѣла этого дѣлать: отъ Люрда до могилы Литки такъ далеко и, кромѣ того, ее томила такая тоска по смерти. И, все-таки, она не знала, имѣетъ ли она право пренебрегать данною ей жизнью и, въ особенности, имѣетъ ли право мѣшать проявленію милосердія Божія и чуду, и сильно безпокоилась этимъ.

Теперь ей улыбалась мысль свиданія съ Мариней и она была уже готова въ дорогу. Свирскій долженъ былъ заѣхать за нею въ пять часовъ, а пока они, вмѣстѣ съ Поланецкимъ, отправились завтракать. Художникъ, несмотря на все сочувствіе къ Завиловскому, былъ голоденъ, какъ волкъ. Сначала они сидѣли молча въ ресторанѣ, наконецъ, Поланецкій сказалъ:

— Я хотѣлъ васъ просить еще объ одномъ: дайте знать паннѣ Еленѣ о томъ, что̀ случилось, и, кромѣ того, пусть она ничего не говоритъ моей женѣ.

— Хорошо,—сказалъ Свирскій,—я пойду сегодня же въ Ясмень подъ видомъ прогулки и постараюсь увидать панну Елену. Если меня не примутъ, я напишу на карточкѣ, что дѣло касается Завиловскаго. Если она захочетъ пріѣхать сюда, я привезу ее, потому что во всякомъ случаѣ возвращусь сегодня.

И черезъ минуту онъ спросилъ:

— Панъ Основскій не говорилъ, что панна Ратковская ѣдетъ съ ними или остается въ Пшитуловѣ?

— Не говорилъ ничего,—отвѣтилъ Поланецкій.—Панна Ратковская обыкновенно живетъ у своей старой родственницы, пани Мельницкой. Если она поѣдетъ, то для того только, чтобы сопровождать пани Основскую; ея ангельская натура не могла видѣть того, что произошло, и это окончилось сердечными припадками.

— А-а!—протянулъ Свирскій.

— Именно. Другого резона нѣтъ. Панна Ратковская гостила у

Основскихъ потому, что Коповскій какъ будто ухаживалъ за нею, а какъ скоро Коповскій выискалъ себѣ другую, то ей оставаться нѣтъ надобности.

— Ей-Богу, это что-то баснословное!—сказалъ Свирскій.—За исключеніемъ Основской, онѣ всѣ были влюблены въ этого удода.

Поланецкій иронически улыбнулся и кивнулъ головой. Ему такъ хотѣлось сказать: «Безъ исключенія, безъ исключенія!»

Свирскій только теперь приступилъ къ своимъ выводамъ, отъ которыхъ до сихъ поръ воздерживался,—къ выводамъ о женщинахъ.

— Видите ли,—говорилъ онъ,—я знаю нѣмокъ, француженокъ, а въ особенности итальянокъ. У итальянокъ вообще меньше порывовъ, меньше образованія, но онѣ болѣе искренни и просты. Не доѣсть мнѣ этихъ макаронъ, если я видѣлъ гдѣ-нибудь столько фальшивыхъ стремленій, такое разногласіе между пошлою натурой и высокими фразами, какъ у насъ. Если бы вы знали, что̀, напримѣръ, панна Ратковская говорила мнѣ о Коповскомъ. Или возьмите этотъ «Тополь», эту «Колонночку», эту «Ниточку»,—однимъ словомъ панну Кастелли. Лилія, вѣдь? Вы присягнули бы? Мимоза, а? Артистка? Сивилла? Златокудрый идеалъ на длинныхъ ногахъ? И вотъ, пожалуйте! Оказалось! Выискала не человѣка, а такъ, франтика какого-то, не мужчину, а куклу. Какъ дошло до дѣла, Сивилла-то и превратилась въ горничную. А я вамъ скажу, что онѣ всѣ тяготѣютъ сердцемъ къ моднымъ франтикамъ, и пусть ихъ чортъ возьметъ!

Свирскій сжалъ свой могучій кулакъ и хотѣлъ ударить имъ по столу, но Поланецкій задержалъ его на половинѣ дороги и сказалъ:

— Вы согласитесь, что случилось что-то необыкновенное?

Свирскій началъ спорить и утверждать, что «онѣ всѣ таковы», что всѣ предпочитаютъ портняжный покрой фидіевскому, но мало-по-малу приходилъ въ равновѣсіе и согласился, что панна Кастелли представляетъ исключеніе.

— Вы помните, что̀ я говорилъ вамъ, когда вы меня спрашивали о Броничахъ,—сказалъ онъ.—Канальи, панъ Поланецкій! Канальи! Ни правилъ, ни характера, духовные первеню, — ничего больше! Онъ былъ дуракъ, а ее вы знаете... Поѣду я за границу съ Завиловскимъ, довольно съ меня всего этого!

Они расплатились и вышли. На улицѣ Свирскій спросилъ:

— Вы что теперь будете дѣлать?

— Иду искать Завиловскаго.

— А гдѣ вы его найдете?

— Думаю, что въ сумасшедшемъ домѣ, у его отца, а если нѣтъ, то буду ждать его у себя дома.

А Завиловскій какъ разъ въ это время подходилъ къ ресторану. Свирскій первый увидалъ его издали.

— Вотъ онъ идетъ,—сказалъ онъ.

— Гдѣ?

— По другой сторонѣ улицы. Я за версту узналъ бы его по подбородку. Вы сейчасъ разскажете ему все? Если такъ, то я ухожу. Вамъ не нужно свидѣтелей.

— Хорошо,—сказалъ Поланецкій.

Завиловскій также замѣтилъ ихъ, ускорилъ шаги и остановился передъ ними, веселый, щегольски одѣтый.

— Отцу моему лучше, — сказалъ онъ, немного задыхаясь и подавая имъ руку,—теперь у меня есть свободное время и я сегодня же нагряну въ Пшитуловъ.

Свирскій крѣпко стиснулъ его руку и ушелъ, не сказавъ ни слова. Молодой человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Панъ Свирскій обидѣлся на меня за что-нибудь?

И, посмотрѣвъ на Поланецкаго, онъ только теперь замѣтилъ, что и его лицо носитъ серьезное, почти суровое выраженіе.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ.—Случилось что-нибудь?

Поланецкій взялъ его за руку и сказалъ взволнованнымъ и сердечнымъ голосомъ:

— Дорогой панъ Игнась, я считаю васъ за человѣка не только съ исключительнымъ талантомъ, но и съ исключительнымъ характеромъ. Я долженъ сообщить вамъ дурныя новости, но увѣренъ, что вы найдете въ себѣ достаточно силы и не поддадитесь несчастію.

— Что же случилось?—и лицо Завиловскаго вдругъ измѣнилось.

Поланецкій подозвалъ извощика.

— Садитесь!—и онъ крикнулъ извощику: — На мостъ!—потомъ досталъ письмо Основскаго и отдалъ его Завиловскому.

Молодой человѣкъ поспѣшно разорвалъ конвертъ и началъ чи- ть письмо.

Поланецкій съ великою нѣжностью обнялъ его за талію, не с ская глазъ съ его лица, на которомъ отражалось сначала недоу ніе, недовѣріе къ тому, что̀ онъ читалъ, а, прежде всего, безгран ный страхъ. Щеки его поблѣднѣли, какъ полотно; было видно, ч сознавая несчастіе, онъ еще не охватываетъ его въ полномъ

объемѣ, не понимаетъ еще ясно. Онъ посмотрѣлъ на Поланецкаго и спросилъ, заикаясь, тихимъ голосомъ:

— Какъ же такъ... какъ же она могла?

Онъ снялъ шляпу и провелъ рукою по волосамъ.

Поланецкій отвѣтилъ:

— Я не знаю, что написалъ вамъ Основскій, но это вѣрно... Теперь уже не для чего уменьшать размѣры несчастія. Имѣйте же отвагу сказать себѣ, что это случилось, и случилось безповоротно. Она не достойна васъ,—вы дороже стòите, чѣмъ все это. Есть люди, которые васъ дѣйствительно цѣнятъ и любятъ. Я знаю, что это ужасное несчастіе, и родной братъ не сожалѣлъ бы васъ болѣе, чѣмъ я. Но... свершилось!... Дорогой мой! Они уѣхали куда-то. Основскіе тоже. Въ Пшитуловѣ никого нѣтъ. Я понимаю, чтò дѣлается съ вами, но передъ вами лучшая будущность, чѣмъ съ панной Кастелли. Богъ предназначилъ васъ для болѣе высокихъ дѣлъ и несомнѣнно далъ большія силы, чѣмъ другимъ. Вы—соль земли. На васъ лежатъ великія обязанности и по отношенію къ себѣ, и по отношенію къ людямъ... Я знаю, трудно сразу махнуть рукою на то, чтò любилъ, и не требую отъ васъ этого, но вамъ не подобаетъ, какъ всякому другому, поддаваться отчаянію. Дорогой мой, бѣдный мой!

Поланецкій говорилъ еще долго и говорилъ съ силой, не только сердечно, но и умно, что несчастіе отличается тѣмъ, что стоитъ на мѣстѣ, а человѣкъ, хочетъ или не хочетъ, долженъ идти въ будущее, значитъ, отдаляется отъ несчастія все больше и больше. Правда, за человѣкомъ тянется нить боли и воспоминанія, но все болѣе и болѣе тонкая; самая сила вещей заставляетъ его жить завтрашнимъ днемъ. Все это правда, но другою правдой, гораздо болѣе близкою, гораздо болѣе реальною и ощутительною, было то, о чемъ говорило письмо Основскаго. За этимъ фактомъ существовали только пустые звуки, вліяющіе на слухъ, но такіе непонятные и также лишенные всякаго смысла для Завиловскаго, какъ шумъ колесъ или грохотъ отъ сотрясенія желѣзной рѣшотки моста, по которому они проѣзжали теперь съ Поланецкимъ. Завиловскій могъ чувствовать и мыслить неясно, но сознавалъ, во-первыхъ, что то, что случилось,—совершенная невозможность, а, однако, оно существуетъ, а, во-вторыхъ, что онъ ни за что согласиться на это не можетъ и никогда не согласится. Ни для чего другого въ его головѣ не было мѣста. Онъ не умѣлъ даже уяснить себѣ ни того, что утрачиваетъ,—за исключеніемъ панны Линеты,—ни своей боли, ни горя, ни крушенія, ни пустоты, ни потери всѣхъ основаній жизни;

онъ зналъ только, что панны Линеты уже нѣтъ, что она его не любитъ, что она бросила его, что она уѣхала съ Коповскимъ, что сватовство его порвано, что онъ остался одинъ,—что все это уже совершилось, но онъ не хочетъ этого, какъ вещи неправдоподобной, невозможной и странной.

А, однако, это совершилось.

За мостомъ пролетка поѣхала тише,—пришлось объѣзжать быковъ, которыхъ гнали въ городъ, а подъ акомпаниментъ ихъ тяжолаго топота Поланецкій говорилъ дальше. До слуха Завиловскаго дошли слова: «Свирскій, заграница, Италія, искусство»; но онъ не понималъ, что Свирскій — это значитъ знакомый человѣкъ, заграница—выѣздъ, а Италія—страна... Онъ теперь говорилъ паннѣ Линетѣ: «Все это хорошо, но что же со мной будетъ? Какъ же ты могла не подумать о томъ, что я такъ сильно люблю тебя?» И черезъ минуту ему показалось, что еслибъ онъ увидалъ ее, еслибъ могъ сказать ей, что съ людскимъ горемъ нужно считаться, то она расплакалась бы и бросилась бы ему на шею. «Вѣдь, столько вещей соединяютъ насъ, — говорилъ онъ ей, — вѣдь, я все тотъ же, твой»... И вдругъ подбородокъ его задрожалъ, жилы на лбу налились кровью, а на глазахъ навернулись слезы. Поланецкій, у котораго было очень доброе сердце и который, кромѣ того, думалъ, что съумѣлъ взволновать его, — вдругъ обнялъ его за шею, и, самъ тоже взволнованный, поцѣловалъ его въ щеку. Но слабость Завиловскаго длилась не долго, и онъ возвратился къ созерцанію дѣйствительности: «Я ей не скажу этого, потому что не увижу ее,—она уѣхала со своимъ женихомъ... съ Коповскимъ». И при этой мысли лицо его снова окаменѣло. Теперь онъ лучше началъ уяснять всю величину своего несчастія. Его въ первый разъ поразила мысль, что если бы Линета умерла, потеря его была бы меньше. Бездна смерти оставляетъ вѣрующимъ надежду на совмѣстную жизнь на другомъ берегу, невѣрующимъ—на совмѣстное уничтоженіе, значитъ, тоже надежду на какую-то общую судьбу и соединеніе. Притомъ, смерть безсильна передъ лицомъ любви, которая идетъ дальше могилы; смерть можетъ взять дорогую душу, но не можетъ запретить намъ любить ее, не можетъ осквернить ее,—напротивъ, обожествляетъ ее и обращаетъ не только въ любимую, но и святую. А Линета, отнимая у Завиловскаго себя, то-есть дорогую душу, отняла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и надежду, и право любви, и право горя, и право тоски, и право почитанія; уходя сама, она, вдобавокъ, оставила опозоренную память. Теперь Завиловскій увидалъ ясно, что если не сможетъ перестать

любить ее, то, въ силу этого, будетъ дрянью, и чувствовалъ, что не сможетъ. И вотъ только съ этой минуты его охватила бездна опустошенія, разрушенія и муки... муки безграничной. Только съ этой минуты онъ понялъ, что это больше, чѣмъ можно перенести.

А Поланецкій говорилъ:

— Поѣзжай со Свирскимъ въ Италію, переболѣй, дорогой мой, перестрадай!... Иначе не можетъ быть. Но, вѣдь, свѣтъ широкъ! И видѣть можно много, и любить. Передъ тобою всѣ двери стоятъ настежь. И ни передъ кѣмъ другимъ настолько, чѣмъ передъ тобою. Ты долженъ много дать свѣту, но и свѣтъ долженъ дать тебѣ много. Дорогой мой, поѣзжай,—вокругъ тебя жизнь вездѣ,— придутъ новыя впечатлѣнія, противъ которыхъ ты не устоишь, и займутъ твои мысли, смягчатъ боль. Ты не будешь метаться вокругъ одного воспоминанія. Свирскій покажетъ тебѣ Италію. Ты увидишь, что̀ это за товарищъ и какіе новые горизонты онъ раскроетъ передъ тобою. Притомъ, я скажу тебѣ, что человѣкъ, какъ ты, обязанъ обладать силою жемчужной раковины и все обращать въ жемчугъ. А теперь слушай, что говоритъ тебѣ истинный другъ. Поѣзжай и оглянись кругомъ. Обѣщай мнѣ, что поѣдешь. Дастъ Богъ, жена моя оправится, можетъ быть, весною и мы къ вамъ выберемся. Увидишь, какъ все хорошо устроится. Ну, что, Игнась, обѣщаешь мнѣ? Хорошо?

— Хорошо,— отвѣтилъ Завиловскій; онъ слышалъ только это послѣднее слово, но вообще не зналъ, въ чемъ дѣло.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ Поланецкій.—Теперь вернемся въ городъ и проведемъ вечеръ вмѣстѣ. У меня есть кое-какія дѣла въ конторѣ и я пріѣхалъ сюда на два дня.

Онъ приказалъ извощику повернуть назадъ, потому что уже и солнце начинало заходить. День стоялъ чудесный, — иногда такіе бываютъ въ концѣ лѣта. Надъ городомъ клубилась тонкая золотистая пыль, крыши, а въ особенности церковныя башни отсвѣчивали янтаремъ, и, ясно вырисовываясь въ прозрачномъ воздухѣ, казалось, таяли въ немъ. Поланецкій и Завиловскій ѣхали въ молчаніи.

— Куда ты предпочитаешь ѣхать, ко мнѣ или къ себѣ?— спросилъ Поланецкій, когда они въѣхали въ городъ.

Городское движеніе, казалось, отрезвляло Завиловскаго, потому что онъ совсѣмъ сознательно посмотрѣлъ на Поланецкаго и сказалъ:

— Я со вчерашняго дня не былъ дома,—ночевалъ у отца. Можетъ быть, есть какія-нибудь письма,—поѣдемъ ко мнѣ.

Предположенія Завиловскаго оказались вѣрными: на квартирѣ его ожидало письмо отъ пани Броничъ изъ Берлина. Завиловскій лихорадочно разорвалъ конвертъ и сталъ читать, а Поланецкій глядя на его мѣняющееся лицо, подумалъ:

«И сказать, что у него нѣтъ никакой надежды!»

Ему вдругъ пришелъ въ голову тотъ молодой докторъ, который когда-то говорилъ ему о паннѣ Краславской: «Я знаю, что она такая, но не могу души оторвать отъ ней!»

Завиловскій кончилъ читать и, подперевъ рукою голову, безсмысленно смотрѣлъ на столъ и лежащія на немъ бумаги. Вдругъ онъ очнулся и подалъ письмо Завиловскому.

— Прочтите,—сказалъ онъ.

Поланецкій взялъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«Я знаю, что вы дѣйствительно вѣрили въ свое чувство къ Ниточкѣ и что въ первую минуту то, что случилось, покажется вамъ несчастіемъ. Повѣрьте, что и мнѣ, и ей не легко было сдѣлать такой рѣшительный шагъ. Вы, можетъ быть, не съумѣете хорошо оцѣнить Ниточку (мужчины не умѣютъ цѣнить многихъ вещей), но вы должны были, по крайней мѣрѣ, узнать ее настолько, чтобы знать, сколько ей стоитъ причинить малѣйшую непріятность даже совершенно чужому человѣку. Мы обѣ дѣлаемъ то, что предписываетъ намъ совѣсть, и Ниточка черезъ-чуръ прямодушна для того, чтобы отдать свою руку безъ искренней привязанности. То, что произошло, произошло не только согласно съ волею Божіей, но и согласно съ благополучіемъ вашимъ и ея; если бы, не любя васъ въ достаточной степени, она сдѣлалась бы вашею женой, то какимъ же образомъ она могла бы противиться вліяніямъ, которымъ такое существо непремѣнно подверглось бы среди испорченнаго свѣта? Кромѣ того, у васъ есть талантъ, значитъ, есть что-нибудь, а у Ниточки только сердце, которое принужденіе разбило бы въ единую минуту, и если вамъ кажется, что она обманула васъ, то добросовѣстно обсудите, чья вина больше. Вы много зла причинили Ниточкѣ, вы опутали ея волю и не позволили пойти за естественнымъ влеченіемъ сердца, а тѣмъ самымъ обрекли или были готовы обречь въ жертву своего эгоизма ея счастье и даже жизнь. Я увѣрена, что при такихъ условіяхъ она не прожила бы и года. Но да проститъ вамъ это Богъ, такъ, какъ мы обѣ прощаемъ, и да будетъ вамъ извѣстно, что еще сегодня мы молились за васъ и заказали за васъ заздравную обѣдню въ костелѣ св. Ядвиги.

«Обручальное кольцо благоволите отослать на дачу Основскихъ; ваше кольцо,—такъ какъ Основскіе тоже должны были немедлен-

но уѣхать,—дойдетъ до васъ черезъ руки панны Ратковской. Еще разъ, да проститъ вамъ Богъ все и да осѣнитъ своимъ милосердіемъ».

— Это что-то неслыханное!—сказалъ Поланецкій.

Завиловскій отвѣтилъ съ раздирающею скорбью:

— Значитъ, и изъ правды можно то же сдѣлать, что изъ любви, а я не догадывался объ этомъ.

— Слушай меня, Игнась (Поланецкій, подъ наплывомъ сочувствія, началъ говорить Завиловскому *ты*),—это уже вопросъ не только твоего несчастія, но и твоего достоинства. Страдай сколько хочешь, но ты долженъ найти достаточно силъ, чтобы показать, что не заботишься объ этомъ.

Наступило долгое молчаніе. Только Поланецкій, вспоминая письмо пани Броничъ, повторялъ отъ времени до времени:

— Это превышаетъ человѣческое пониманіе!

Наконецъ, онъ обратился къ Завиловскому:

— Свирскій возвратится сегодня изъ Бучинка и позднимъ вечеромъ придетъ ко мнѣ. Приходи и ты. Вечеръ проведемъ вмѣстѣ, потолкуете о путешествіи.

— Нѣтъ,—сказалъ Завиловскій,—по возвращеніи изъ Пшитулова, я долженъ былъ провести ночь у отца, и теперь долженъ идти къ нему. Завтра утромъ я приду къ вамъ и увижусь со Свирскимъ.

Онъ говорилъ такъ потому, что хотѣлъ остаться одинъ. Поланецкій не противился его намѣренію провести ночь въ лечебницѣ и думалъ, что присмотръ за больнымъ можетъ занять мысли Завиловскаго, а потомъ придетъ утомленіе и потребность сна. Но, все-таки, онъ захотѣлъ проводить его.

Простились они только у воротъ лечебницы. Завиловскій пробылъ тамъ нѣсколько минутъ, разспросилъ служителя о здоровьѣ отца и украдкой вернулся домой. Онъ зажегъ свѣчи, еще разъ прочиталъ письмо пани Броничъ, закрылъ лицо руками и сталъ думать. Несмотря на сообщеніе Основскаго, несмотря на то, что ему сказалъ Поланецкій, какое-то сомнѣніе и какая-то надежда дѣйствительно таились въ его душѣ. Онъ зналъ, что это совершилось, но по временамъ испытывалъ такое чувство, что это не дѣйствительность, а только сонъ. Только письмо пани Броничъ пробралось до какого-то уголка его души, который все еще не хотѣлъ вѣрить, и изгнало изъ него остатки самообмана. Да, да... Линеты не было уже, не было будущности, не было счастія. Все это захватилъ Коповскій, а ему осталось только одиночество,

униженіе, страшная пустота. Осталось также и представленіе, что если бы «Ниточка» могла вырвать и тотъ талантъ, о которомъ упоминала пани Броничъ, то она вырвала бы его и отдала Коповскому. Чѣмъ же онъ былъ для нея въ сравненіи съ Коповскимъ? «Право, я никогда не пойму этого,—подумалъ онъ,—но такъ оно и есть...»—и онъ началъ присматриваться, что же въ немъ было дурного, чтобы такъ жертвовать имъ безъ милосердія, безъ малѣйшаго вниманія къ нему, чтобы считаться съ нимъ меньше, чѣмъ съ самымъ ничтожнымъ червякомъ? «Почему она любитъ Коповскаго, а не меня,—вѣдь, она говорила, что меня любитъ?»—и онъ вспомнилъ, какъ она дрожала въ его объятіяхъ, когда, послѣ помолвки, онъ прощался съ нею. А теперь она точно такъ же дрожитъ въ объятіяхъ Коповскаго. При этой мысли онъ схватилъ платокъ и стиснулъ его зубами, чтобы не закричать отъ боли и бѣшенства. «Что это? Для чего все это произошло?» Было же время, когда онъ еще не любилъ ее,—почему же она тогда не вышла за Коповскаго? Какая ей польза въ томъ, чтобъ истоптать его безъ всякой надобности?

И онъ снова схватилъ письмо пани Броничъ, какъ бы надѣясь найти въ немъ отвѣтъ на эти страшные вопросы, прочиталъ еще разъ то мѣсто, гдѣ говорилось о волѣ Божьей, о томъ, что онъ былъ виноватъ, что причинилъ много зла «Ниточкѣ», о томъ, что она прощаетъ ему... Прочиталъ онъ и объ обѣднѣ, которую она заказала въ костелѣ св. Ядвиги, кончилъ, потомъ посмотрѣлъ на свѣчку и моргнулъ нѣсколько разъ глазами.

«Какъ такъ?... Развѣ такъ можно?... Въ чемъ собственно я виноватъ?»

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его начинаетъ покидать разумѣніе, что̀ такое правда и что̀ такое фальшь, что̀ зло и что̀ добро, что̀ справедливость и что̀ несправедливость. Ушла отъ него Линета, отняла у него себя, отняла будущее, а теперь начали разрушаться, одна за другой, всѣ основы жизни,—и разумъ, и смыслъ... да и самая жизнь... Онъ зналъ еще, что любилъ свою Ниточку больше своей жизни и ни за что не пожелалъ бы ей зла, но, кромѣ этого сознанія, все, что составляетъ сущность мыслящаго человѣка, разсыпалось въ немъ въ прахъ и, какъ прахъ, развѣивалось свирѣпымъ ураганомъ несчастья.

А, все-таки, онъ любилъ. Въ настоящую минуту Линета раздваивалась на теперешнюю и прежнюю. Онъ началъ припоминать ея голосъ, лицо, свѣтло-золотистые волосы, ея глаза и губы, ея высокую фигуру, ея руки и тепло, которое вѣяло отъ нихъ, когда

онъ припадалъ къ нимъ жадными устами. Могучее воображеніе его воскресило ее почти рельефно и онъ созналъ, что не только любилъ прежнюю Линету, но любитъ и до сихъ поръ, что безмѣрно тоскуетъ по ней и безмѣрно страдаетъ, утративъ ее.

А сознавъ это, онъ снова заговорилъ съ нею:

«Какъ же ты могла допустить, что я съумѣю перенести это?»

Долго просидѣлъ онъ и свѣча почти до половины сгорѣла, когда онъ очнулся.

Онъ испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто отплываетъ на кораблѣ отъ материка, и ему казалось, что всегда кажется въ подобныхъ случаяхъ,—что это не онъ отдаляется, а отъ него отдаляется берегъ, на которомъ онъ до сихъ поръ проживалъ. Все, что было имъ самимъ и вообще его жизнью, всѣ мысли, надежды, честолюбіе, цѣли, намѣренія, даже любовь, даже панна Линета, даже утрата ее, и эти заколдованные круги и муки, которымъ онъ подвергся,—казались уже не только отдаленными отъ него, но какъ бы чужими, принадлежащими исключительно тому берегу. И постепенно они изчезали, постепенно таяли, становились все меньше, все призрачнѣе, все болѣе похожими на сонъ... А онъ отдалялся, чувствуя, что къ этому чужому возвратиться уже не хочетъ, не можетъ, и все, что осталось отъ него самого, принадлежитъ пространству, которое поглощало его и открывалось передъ нимъ,—пространству неизмѣримому и таинственному.

XXXVIII.

Четыре дня спустя, на Успенье,—въ этотъ день приходились и именины пани Поланецкой,— Бигели и Свирскій пріѣхали въ Бучинекъ. Марини они не застали дома,—она, вмѣстѣ съ пани Эмиліей, была у вечерни въ Ясменьскомъ костелѣ. Пани Бигель, узнавъ объ этомъ, отправилась съ цѣлою кучей Бигелятъ за ними. Мужчины остались одни и разговаривали о случаѣ, о которомъ нѣсколько дней толковалъ весь городъ, то-есть о покушеніи на самоубійство Завиловскаго.

— Я былъ у него сегодня третій разъ,— сказалъ Бигель,— но прислуга панны Елены Завиловской получила приказаніе не пускать никого, кромѣ докторовъ.

— И со мной точно такъ же,— отвѣтилъ Поланецкій,— сегодня я въ первый разъ не могъ навѣстить его, но въ первые дни просиживалъ у него по нѣсколько часовъ. Женѣ я говорилъ, что бываю въ конторѣ, по дѣламъ.

— Скажи мнѣ, какъ это случилось? — Бигель хотѣлъ знать всѣ подробности, чтобы потомъ, по своему обыкновенію, взвѣсить все дѣло.

— Случилось такъ, — сказалъ Поланецкій, — Игнась сказалъ мнѣ, что идетъ въ психіатрическую лечебницу къ отцу. Я проводилъ его до воротъ и онъ обѣщалъ придти ко мнѣ на слѣдующій день. Оказалось, что онъ хотѣлъ освободиться отъ меня, чтобъ ему никто не мѣшалъ пустить себѣ пулю въ лобъ.

— Ты не первый нашелъ его въ такомъ положеніи?

— Нѣтъ. Я не допускалъ ничего подобнаго и ждалъ бы его до утра. Къ счастью, панна Елена пріѣхала при первомъ извѣстіи о разрывѣ сватовства Игнася...

— Это я далъ ей знать объ этомъ, — перебилъ Свирскій, — и она такъ приняла это къ сердцу, что я даже удивился. Точно она предчувствовала, что̀ будетъ.

— Странное существо! — сказалъ Поланецкій. — Я не могъ разузнать, какъ это случилось; достаточно, что она первая нашла его, первая оказала ему помощь, первая призвала цѣлую массу врачей и, наконецъ, приказала перенести его къ себѣ.

— Врачи говорятъ, что онъ будетъ живъ?

— Собственно они ничего не знаютъ до сихъ поръ. При выстрѣлѣ онъ нѣсколько наклонилъ револьверъ, такъ что пуля пробила лобъ, пошла кверху и засѣла подъ чашкой. Пулю нашли и извлекли легко, но останется ли онъ живъ, — а если останется, то сохранитъ ли разсудокъ, — неизвѣстно. Одинъ изъ докторовъ опасается насчетъ его рѣчи, но пока дѣло идетъ только о его жизни.

Это происшествіе, хотя всѣмъ извѣстное и описанное уже въ газетахъ, все-таки, производило такое впечатлѣніе, что всѣ на минуту замолчали. Свирскій, при мускулахъ атлета, обладалъ впечатлительностью женщины и теперь немного поблѣднѣлъ и разозлился:

— И это — изъ-за такой дряни!

Но сидящій рядомъ съ нимъ профессоръ Васковскій сказалъ тихо:

— Оставьте ее Божьему милосердію.

— А ты и не подозрѣвалъ? — спросилъ Бигель у Поланецкаго.

— Мнѣ даже и въ голову это не приходило. Конечно, я зналъ, что онъ борется съ самимъ собою. На одну минуту, когда мы съ нимъ ѣхали за городъ, у него затрясся подбородокъ, какъ будто онъ хотѣлъ заплакать, но это гордая душа. Онъ тотчасъ же удер-

жался и по виду успокоился. Главное, онъ обманулъ меня обѣщаніемъ, что придетъ завтра.

И минуту спустя онъ прибавилъ:

— Знаете, что мнѣ кажется? Послѣднею каплей, которая переполнила сосудъ, было письмо пани Броничъ. Игнась далъ мнѣ прочитать его. Она пишетъ, что это—воля Божія, а вина лежитъ на его душѣ, что онъ былъ эгоистъ, а онѣ дѣйствуютъ согласно голосу совѣсти и справедливости, прощаютъ его и просятъ Бога тоже простить его,—однимъ словомъ, что-то неслыханное. Я видѣлъ, что это произвело на него ужасное впечатлѣніе... Воображаю себѣ, что должно было быть съ человѣкомъ, такимъ экзальтированнымъ и такъ оскорбленнымъ, когда, вдобавокъ, онъ увидалъ, что несправедливость приписываютъ ему, когда понялъ, что всякую клятву можно нарушить, можно все извратить, можно попрать правду, разумъ, простѣйшія основанія вѣроятности и прикрыться Господомъ Богомъ. Меня прежде это не интересовало, но когда я увидалъ этотъ цинизмъ, это отсутствіе моральнаго смысла, то, ей-Богу, я задалъ себѣ вопросъ: съ ума я сошелъ, что ли, или правда и добросовѣстность на свѣтѣ — какіе-то миражи?

Поланецкій нервно началъ теребить свою бороду,—такъ волновало его одно воспоминаніе о письмѣ пани Броничъ, а Свирскій сказалъ:

— Я понимаю, что въ такія минуты даже вѣрующій человѣкъ можетъ плюнуть на жизнь.

Васковскій началъ тереть лобъ рукою и потомъ отозвался, какъ бы про себя:

— Да. Видалъ я и такихъ... Есть люди, которые вѣрятъ не по любви, а какъ будто только потому, что атеизмъ оказался несостоятельнымъ... Какъ будто изъ отчаянія. Кто воображаетъ, что тамъ, за предѣлами всякихъ явленій, не Отецъ милосердный, который налагаетъ свою длань на всякую несчастную голову, а какой-то Онъ, недоступный, неизслѣдимый и равнодушный, тогда все равно, если бы сказать: абсолютъ, нирвана,—тогда Онъ только понятіе, а не любовь, и Его любить нельзя. А когда подойдетъ несчастіе, то плюютъ на жизнь.

— Это хорошо,—досадливо сказалъ Свирскій,—но пока-то Завиловскій лежитъ съ разбитымъ черепомъ, а онѣ поѣхали куда-то за море, и имъ хорошо.

— Откуда вы знаете, что имъ хорошо? — спросилъ Васковскій.

— Чортъ ихъ возьми!

— А я говорю вамъ, что это несчастныя женщины. Нельзя

безнаказанно попирать правду. Онѣ будутъ внушать одна другой разныя вещи, но только одной внушить не могутъ—уваженія къ себѣ. Начнутъ онѣ потихоньку презирать другъ друга, и въ концѣ даже привязанность, которую они питаютъ другъ къ другу, обратится въ скрытую недоброжелательность. Это должно наступить.

— Чортъ ихъ возьми! — повторилъ Свирскій.

— Милосердіе Божіе для злыхъ, не для добрыхъ, — закончилъ Васковскій.

Тѣмъ временемъ Бигель восхвалялъ Поланецкому доброту и отвагу панны Елены.

— Изъ этого сплетни выйдутъ страшныя,— сказалъ онъ.

— Она не заботится объ этомъ,— отвѣтилъ Поланецкій.— Со свѣтомъ она не считается, потому что ничего отъ него не хочетъ. Это также гордая душа. Завиловскому она всегда оказывала исключительное расположеніе, а его поступокъ долженъ былъ ужасно встряхнуть ее. Знаешь?... Исторія Плошовскаго!

— Я зналъ его лично,— сказалъ Свирскій.— Его отецъ первый сказалъ мнѣ въ Римѣ, что я выплыву. О паннѣ Еленѣ, дай Богъ памяти, говорили, что она была невѣстой Плошовскаго.

— Никогда не была, но въ глубинѣ сердца, кажется, любила его страшно. Такое ужь у него было счастье... Вотъ это вѣрно, что послѣ его смерти она стала совсѣмъ другою. Для такой вѣрующей женщины его самоубійство должно было быть, дѣйствительно, страшнымъ ударомъ... это значитъ — нельзя даже молиться за человѣка, котораго любила! А теперь вотъ Завиловскій!... Если кто, такъ только она сдѣлаетъ все, чтобы спасти его. Вчера я былъ тамъ,— она вышла ко мнѣ чуть живая,— блѣдная, измученная, сонная. А тамъ есть кому присмотрѣть за больнымъ. Панна Ратковская говорила мнѣ, что въ теченіе четырехъ дней она спала, можетъ быть, одинъ часъ.

— Панна Ратковская? — живо спросилъ Свирскій.

— Да, я забылъ сказать: она узнала изъ газетъ о случившемся и въ тотъ же самый день перебралась къ паннѣ Еленѣ, чтобъ ухаживать за Завиловскимъ. Бѣдняжка тоже похожа больше на тѣнь, чѣмъ на человѣка.

— Панна Ратковская? — повторилъ Свирскій.

И онъ механически началъ нащупывать въ карманѣ сюртука бумажникъ, въ которомъ было спрятано ея письмо.

Теперь онъ вспомнилъ ея слова: «Я избрала себѣ иную долю, и если никогда не буду счастлива, то, по крайней мѣрѣ, хочу себя избавить отъ упрековъ въ будущемъ, что была неискренна». Толь-

ко теперь онъ понялъ и значеніе, и дѣйствительную трагедію этихъ словъ. И вотъ, вопреки всѣмъ свѣтскимъ взглядамъ, не обращая вниманія на людское злоязычіе, эта молодая дѣвушка пошла ухаживать за самоубійцей. Что это могло значить? Дѣло было ясно, какъ день. Правда, Коповскій уѣхалъ съ другою, но она всегда открыто говорила, что̀ думаетъ о Коповскомъ, и если бы была равнодушна къ Завиловскому, то не пошла бы сидѣть у его постели.

— Кажется мнѣ, что я — оселъ,— проворча̀лъ Свирскій.

Но это было не единственное заключеніе, къ которому онъ пришелъ по здравому размышленію. И вдругъ его объяла тоска по паннѣ Ратковской, сожалѣніе, что не случилось того, что̀ могло случиться, и великое, безграничное состраданіе къ ней. «Опять пропуделялъ, старый кабанъ,— говорилъ онъ себѣ,— и подѣломъ тебѣ; но добрый человѣкъ чувствовалъ бы жалость, а ты началъ скрежетать зубами, заподозрилъ ее въ любви къ дураку, болталъ что-то о ея фальшивыхъ стремленіяхъ, о ея пошлой натурѣ, бранилъ ее въ присутствіи пани Поланецкой и ея мужа, обидѣлъ кроткое и невинное существо, не потому, что тебѣ былъ горекъ ея отказъ, а по милости своего самолюбія. По дѣломъ тебѣ! хорошо! Оселъ ты, не стоѝшь ея и будешь метаться одинъ до смерти, какъ мандрилла за рѣшоткой звѣринца!»

Въ упрекахъ этихъ была часть правды. Свирскій не любилъ, какъ слѣдуетъ, панну Ратковскую, но ея отказъ уязвилъ его глубже, чѣмъ онъ самъ сознавалъ, и, не умѣя восторжествовать надъ своею горечью, онъ вдавался въ общіе выводы о женщинахъ, приводя въ примѣръ панну Ратковскую и, конечно, съ ущербомъ для нея.

Теперь онъ понялъ все ничтожество этихъ доводовъ. «Эти глупые синтезы всегда губили меня, — подумалъ онъ. — Женщина такой же индивидуумъ, какъ всѣ люди, и понятіе общее: женщина — ничего не объясняетъ. Есть, напримѣръ, панна Кастелли, есть пани Основская, которой я приписываю разныя плутни, впрочемъ, не имѣя на это доказательствъ, но, съ другой стороны, есть пани Поланецкая, пани Бигель, есть сестра Анеля, и панна Елена, и панна Стѐфця. Бѣдовый ребенокъ—и по дѣломъ мнѣ! Она-то тамъ потихоньку страдала, а я скрежеталъ зубами. Если такая дѣвушка не въ десять разъ дороже меня, то солнце не стоѝтъ моей трубки. Она была вполнѣ права, когда отказала такому буйволу. Поѣду я себѣ на Востокъ—и баста! Такого солнца, какъ въ Египтѣ, нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ... И что это за хорошая женщина! Она сдѣлала мнѣ добро даже своимъ отказомъ: благодаря ей, я убѣдился, что мои теоріи

о женщинахъ собачьимъ хвостомъ разбить можно. Но еслибъ панна Завиловская поставила хоть цѣлый полкъ драгунъ у дверей, я долженъ увидать эту бѣдняжку и сказать ей, что̀ о ней думаю».

И дѣйствительно, на слѣдующій день онъ отправился въ домъ панны Елены. Его не хотѣли пускать, но онъ настаивалъ такъ, что, наконецъ, его приняли. Панна Елена, думая, что имъ руководитъ исключительно любовь и жалость къ Завиловскому, провела его даже въ комнату, въ которой лежалъ больной. Тамъ, въ полусвѣтѣ опущенныхъ шторъ, Свирскій увидалъ Завиловскаго, отъ котораго разило запахомъ іодоформа, съ обвязанною головой, и около него двухъ женщинъ, измученныхъ, съ лихорадочно-горящими лицами отъ безсонницы, дѣйствительно болѣе похожихъ на тѣней. Завиловскій лежалъ съ открытымъ ртомъ, измѣнившійся, совершенно не похожій на себя, точно страшно постарѣвшій, съ опухшими вѣками, выглядывающими изъ-подъ бандажа. Свирскій сильно полюбилъ его, и, при своей впечатлительности, питалъ къ нему сочувствіе не меньше, чѣмъ Поланецкій или Основскій, но его поразилъ ужасный видъ больного. «Вотъ это такъ устроился!»—подумалъ онъ, и, обратившись къ паннѣ Еленѣ, спросилъ въ полголоса:

— Онъ не приходитъ въ себя?

— Нѣтъ,—шепотомъ отвѣтила панна Елена.

— Что говоритъ докторъ?

Панна Елена махнула своими исхудалыми руками въ знакъ того, что все еще сомнительно, и потомъ снова шепнула:

— Сегодня пятый день...

— И жаръ меньше,—добавила панна Ратковская.

Свирскій хотѣлъ предложить свои услуги, чтобъ ухаживать за больнымъ, но панна Елена глазами указала ему на молодого врача, котораго Свирскій не сразу могъ увидать въ полумракѣ. Врачъ сидѣлъ въ креслѣ, около стола съ тазами и іодоформированною ватой, и дремалъ отъ утомленія, ожидая, покуда не смѣнитъ его другой врачъ.

— У насъ два,—шепнула панна Ратковская,—и, кромѣ того, люди изъ больницы,—они умѣютъ ухаживать за больными.

— Но вы, однако, измучились.

— Дѣло идетъ о больномъ,—отвѣтила она, смотря въ сторону.

Свирскій послѣдовалъ за ней своимъ взглядомъ. Теперь глаза его лучше приспособились къ темнотѣ и онъ яснѣе увидалъ лицо Завиловскаго, неподвижное, съ губами почти черными. Длинная фигура его была почти также неподвижна, только пальцы исхуда-

лой руки, лежащей на одѣялѣ, точно царапая его, двигались однообразнымъ движеніемъ.

«Зароютъ его черезъ два дня, какъ Богъ святъ!»—подумалъ Свирскій, вспоминая своего коллегу, того «славянина», съ которымъ когда-то такъ грызся Букацкій и который, прострѣливъ себѣ голову, умеръ только послѣ двухнедѣльныхъ мученій.

Но, желая ободрить женщинъ, онъ сказалъ какъ разъ противъ своего убѣжденія:

— Раны такого рода или сейчасъ же оканчиваются смертью, или излечиваются.

Панна Елена не отвѣтила ничего, только лицо ея судорожно подернулось и губы поблѣднѣли. Видимо, въ душѣ ея таилась страшная мысль, что и онъ можетъ *также* умереть, а она не хотѣла этого допустить. Ей было уже достаточно и того самоубійства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣло шло о чемъ-то большемъ, чѣмъ спасеніе жизни Завиловскаго.

Свирскій началъ прощаться. Онъ входилъ сюда съ подготовленною рѣчью къ паннѣ Ратковской, рѣшилъ признаться ей, что несправедливо обвинялъ ее, выразить все уваженіе, которое питалъ къ ней, просить о дружбѣ, но при дѣйствительной трагедіи, передъ лицомъ угрозы смерти и этого полутрупа, тотчасъ же рѣшилъ, что все подготовленное имъ ничтожно, мелко, и что теперь не время для такого личнаго, пустого дѣла.

Онъ только молча прижалъ къ губамъ руку панны Елены, а потомъ панны Ратковской, и, только выйдя изъ этой комнаты, пропитанной іодоформомъ и несчастіемъ, вздохнулъ всею грудью.

Въ его воображеніи теперь ясно представлялся Завиловскій, измѣнившійся, постарѣвшій на десять лѣтъ, съ обвязанною головой и почернѣвшими губами. И, несмотря на все сочувствіе, вдругъ вспыхнулъ отъ негодованія.

«Продырявилъ себѣ черепъ, — проворчалъ онъ, — продырявилъ талантъ—и ничего! А тѣ двѣ изъ кожи вылѣзаютъ и дрожатъ, какъ осиновый листъ».

Потомъ ему стало завидно, онъ растрогался надъ своею участью и продолжалъ монологъ:

«Ну, трусъ, старикъ! А вотъ если бы ты засадилъ въ свой талантъ кусокъ свинца, такъ никто бы не ходилъ при тебѣ на цыпочкахъ».

На поворотѣ улицы съ нимъ встрѣтился панъ Плавицкій и тотчасъ заговорилъ:

— Я только что изъ Карлсбада. Панъ Свирскій, сколько хо-

рошенькихъ бабенокъ! Сегодня же уѣду въ Бучинекъ... Поланецкаго я уже видѣлъ и знаю, что Мариня здорова, но самъ онъ какъ-то похудѣлъ.

— Горе у него было. Вы слышали о Завиловскомъ?

— Слышалъ, слышалъ! Ну, и что-жь? Что̀ вы скажете на это?

— Что скажу? Несчастіе!

— Несчастіе несчастіемъ, но и то, что теперь нѣтъ правилъ. Все это ваши новыя выдумки,—все это ваши атеизмы, гипнотизмы, соціализмы. Правилъ у молодежи нѣтъ, вотъ что!...

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пророкъ.

(На мотивъ изъ Корана).

Какъ хищный левъ, пророкъ блуждаетъ
И, вѣчнымъ голодомъ томимъ,
Пустыню міра пробуждаетъ
Рыканьемъ царственнымъ своимъ.

Не робкій, дѣвственный мѣчтатель,
Онъ—разрушитель и творецъ,
Онъ—ненасытный пожиратель
Всѣхъ человѣческихъ сердецъ.

Бѣгутъ шакалы и пантеры,
Когда услышатъ львиный ревъ,
Когда онъ выйдетъ изъ пещеры,
Могучъ и святъ, какъ Божій гнѣвъ.

И благодатный, и суровый,
Среди безжизненныхъ песковъ,
Встрѣчаетъ солнце жизни новой
Онъ на костяхъ своихъ враговъ.

Д. Мережковскій.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Частная сибирская золотопромышленность въ шестидесятыхъ годахъ, если судить по количеству добытаго золота, мало развилась сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ, несмотря на открытіе новыхъ мѣстностей для золотого промысла *). Изъ этихъ мѣстностей золотопромышленность стала развиваться въ Алтайскомъ округѣ (въ 1869 году здѣсь уже было добыто 57 п.), въ Нерчинскомъ округѣ (въ 1869 г.—138 п.) и въ Амурской области (въ томъ же году — почти 102 п.). Что же касается прежнихъ золотопромышленныхъ системъ, то въ Маріинскомъ округѣ, Томской губерніи, въ Семипалатинской области и въ Ачинскомъ округѣ, Енисейской губерніи, добыча золота на частныхъ промыслахъ въ теченіе шестидесятыхъ годовъ стояла почти на одномъ уровнѣ, а въ остальныхъ округахъ Енисейской губерніи начала падать въ большей или меньшей степени. Въ Верхнеудинскомъ округѣ, Забайкальской области, въ концѣ первой половины шестидесятыхъ годовъ золото стали промывать въ меньшемъ количествѣ, а въ Баргузинскомъ округѣ добыча его претерпѣвала значительныя колебанія, но къ концу шестидесятыхъ годовъ также стала быстро уменьшаться. Изъ прежнихъ системъ быстрое возростаніе золотопромышленности мы находимъ только въ Олекминскомъ округѣ, Якутской области (съ 199 п. въ 1860 году до 565 п. въ 1869 году).

Несмотря на нѣкоторое увеличеніе количества добытаго золота на частныхъ сибирскихъ золотыхъ промыслахъ **), число рабочихъ нѣсколько уменьшилось: *по даннымъ горнаго вѣдомства*, *среднее* количество рабочихъ въ

*) Въ 1862 г. частная золотопромышленность была дозволена въ той части Алтайскаго горнаго округа, которая лежитъ по правую сторону р. Томи, въ 1863 г.—въ юго-западной половинѣ Нерчинскаго горнаго округа, въ 1865 г.—въ обѣихъ областяхъ Амурскаго края; въ 1866 году разрѣшенъ частный золотой промыселъ въ Туркестанской области.

**) Въ 50-хъ годахъ было добыто 10,758 пуд., въ шестидесятыхъ—11,054 пуда.

50-хъ годахъ (въ 1850—57 и 59 гг.) равнялось въ годъ 31,200 чел. *), а въ 60-хъ годахъ болѣе 29,000 чел. (это уменьшеніе можетъ объясняться дальнѣйшимъ улучшеніемъ техники промывки золота). Но, во всякомъ случаѣ, и увеличеніе количества добытаго золота, и уменьшеніе числа рабочихъ на сибирскихъ промыслахъ весьма ничтожно, и не въ этомъ характерное отличіе двухъ десятилѣтій въ исторіи золотопромышленности, т.-е. 50-хъ и 60-хъ годовъ. Оригинальнымъ явленіемъ 60-хъ годовъ сравнительно съ предшествующею эпохой является *измельчаніе промысла* на большинствѣ золотоносныхъ системъ: между тѣмъ какъ въ 50-хъ годахъ (по даннымъ 1850 — 57 и 59 гг.) на одинъ промыселъ приходилось въ среднемъ 131 человѣкъ рабочихъ, въ 60-хъ годахъ эта средняя цифра равнялась всего 66 чел., т.-е. была ровно вдвое менѣе. Правда, въ нѣкоторыхъ богатыхъ системахъ, какъ, напримѣръ, въ Олекминскомъ округѣ, Якутской области, на одинъ пріискъ приходилось въ 60-хъ годахъ среднимъ числомъ по 140 рабочихъ, въ Нерчинскомъ округѣ, Забайкальской области, во второй половинѣ 60-хъ годовъ по 217 чел. (не говоря, уже объ Амурской области, гдѣ въ 1868 году былъ всего одинъ пріискъ съ 755 чел., а въ 1869 году—два пріиска съ 789 рабочими на обоихъ вмѣстѣ), но за то на промыслахъ Западной Сибири (Маріинскаго и Алтайскаго округовъ и Семипалатинской области) въ среднемъ въ это же десятилѣтіе на одинъ пріискъ приходилось по 36 рабочихъ и въ южной части Енисейскаго округа по 65 чел. (въ сѣверной части Енисейскаго округа нѣсколько болѣе — 84 чел.). Въ 50-хъ годахъ золотые промыслы изъ мануфактуръ превратились въ промышленныя учрежденія съ преобладающимъ *при промывкѣ золота* машиннымъ производствомъ. Казалось бы, золотопромышленность должна была идти далѣе по пути капитализаціи, но препятствіе явилось въ ограниченномъ количествѣ добываемаго металла: на очень многихъ системахъ, и особенно въ славившемся прежде своимъ богатствомъ Енисейскомъ округѣ, «содержаніе» золота въ золотоносномъ пескѣ стало быстро оскудѣвать и потому, вмѣсто дальнѣйшей капитализаціи, на промыслахъ Маріинскаго и Енисейскаго округовъ (а, быть можетъ, и нѣкоторыхъ другихъ) пришлось въ значительной степени перейти къ иной системѣ, а именно—вмѣсто хозяйскихъ работъ съ такъ называемыми обще-контрактными и отрядными рабочими, состоящими на хозяйскомъ содержаніи, являются на многихъ промыслахъ артели старателей-золотничниковъ на своемъ содержаніи и получающія вознагражденіе съ золотника золота. Въ техническомъ отношеніи ихъ работы представляли несомнѣнный регрессъ, но безъ этихъ артелей на многихъ промыслахъ пришлось бы совсѣмъ бросить работы. Что число такихъ старателей-золотничниковъ было довольно значительно, видно изъ того, что въ 1869 году они составляли въ Енисейскомъ округѣ почти 15% всѣхъ рабочихъ.

*) *Раселли*: „Свѣдѣнія о частномъ золотомъ промыслѣ въ Россіи". Изд. 2. Спб., 1863 г. (*Труды коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ*, т. VIII, ч. I). Данную о 1858 годѣ опускаемъ, такъ какъ тутъ явная опечатка.

I.

Литература о прiисковыхъ рабочихъ въ 60-хъ годахъ.—Число и составъ рабочихъ.— Наемъ рабочихъ и размѣръ задатковъ. — Путешествiе на прiиски. — Контракты. — Время начала и окончанiя работъ.— Право золотопромышленниковъ передавать рабочихъ на промыслы другихъ компанiй.—Попытка выработать нормальный контрактъ.

Въ 60-хъ годахъ, чаще чѣмъ въ предъидущее десятилѣтiе, печать затрогиваетъ положенiе прiисковыхъ рабочихъ; это сдѣлалось и болѣе возможнымъ съ облегченiемъ положенiя нашей прессы и съ упраздненiемъ спецiальныхъ цензуръ разныхъ вѣдомствъ. При составленiи въ министерствѣ финансовъ въ началѣ 60-хъ годовъ *Свода замѣчанiй, представленныхъ частными лицами на нѣкоторыя статьи устава о частной золотопромышленности*, были приняты во вниманiе и печатныя статьи, но составитель *Свода* не обратилъ вниманiя на нѣсколько наиболѣе содержательныхъ очерковъ, какъ, наприм., на любопытную статью В—на (Вс. Ив. Вагина) *Договоры найма на золотые прiиски* (въ газетѣ *Амуръ* 1860 г., №№ 30—34) и Кривошапкина—*Взглядъ на состоянiе золотопромышленности въ Енисейскомъ округѣ* *). В. И. Вагинъ въ своей статьѣ разбираетъ юридическiя отношенiя рабочихъ къ золотопромышленникамъ, не касаясь дѣйствительнаго ихъ положенiя; г. Кривошапкинъ также, главнымъ образомъ, основываетъ свое изложенiе на договорахъ рабочихъ съ золотопромышленниками и при составленiи его статьи видно влiянiе работы г. Вагина. Изучая отношенiе печати шестидесятыхъ годовъ къ вопросу о бытѣ прiисковыхъ рабочихъ, мы замѣчаемъ слѣдующее любопытное явленiе: когда появлялись наиболѣе содержательныя статьи о бытѣ рабочихъ, какъ, напримѣръ гг. Вагина и Цвѣтолюбова въ газетѣ *Амуръ* или статья Кривошапкина, золотопромышленники не издавали ни одного звука въ опроверженiе приводимыхъ въ нихъ фактовъ, но когда какая-нибудь корреспонденцiя или журнальная статья, хотя бы и составленная по тѣмъ же источникамъ, печаталась въ болѣе распространенномъ изданiи, они начинали бить тревогу и появлялось опроверженiе, или прямо написанное однимъ изъ нихъ, или очевидно ими внушенное. Бывало, впрочемъ, и такъ, что какой-нибудь золотопромышленникъ брался за перо для того, чтобы, подъ видомъ проявленiя сочувствiя прiисковымъ рабочимъ, провести мысль, осуществленiе которой было бы выгодно для владѣльцевъ промысловъ.

Такъ, напримѣръ, золотопромышленникъ Тарасовъ въ статьѣ *Нѣсколько словъ о ссыльно-поселенцахъ, какъ главной живой силѣ, дѣйствующей на частныхъ золотыхъ промыслахъ въ Енисейской губернiи* *), наговоривъ не мало жалкихъ словъ о печальной судьбѣ ссыльно-поселенцевъ, въ заключенiе своей замѣтки дѣлаетъ правительству слѣдующее предложенiе:

---

*) Въ журналѣ *Промышленность* 1861 г., т. II, кн. 2—3; потомъ въ сокращенномъ видѣ вошла въ его книгу *Енисейскiй округъ*.

*) *Енисейскiя Губернскiя Вѣдомости* 1865 года, часть неоффицiальная къ № 6 и 7.

«Отчего бы не *установить* и того, чтобы *артели ихъ* (рабочихъ-поселенцевъ) *жили недалеко отъ тѣхъ пріисковъ, на которыхъ они каждогодно работаютъ?*... Право, недурно было бы пристроить ихъ къ мѣсту и жизнь скитальческую перемѣнить на осѣдлую, дозволивъ имъ, при содѣйствіи золотопромышленниковъ, селиться около дѣйствующихъ пріисковъ, на пріискахъ или дорогахъ, ведущихъ къ нимъ, артелями, семействами и въ одиночку... Они могли бы въ осеннее и зимнее время заниматься устройствомъ и исправленіемъ пріисковыхъ дорогъ за плату по соглашенію съ промышленниками. Они могли бы брать въ оброчное содержаніе казенныя земли, заниматься доставкою на пріиски сѣна, припасовъ, лѣсныхъ подѣлокъ, дровъ, углей, смолы, дегтя и проч., и проч. Они могли бы завести и скотоводство». Несомнѣнно, все это было бы выгодно для золотопромышленниковъ, такъ какъ удешевило бы стоимость нужныхъ для пріисковъ припасовъ и, главное, создало бы постоянный контингентъ рабочихъ, находящихся въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, но это возобновленіе, въ формѣ газетной статьи, старинныхъ ходатайствъ объ эксплуатированіи ссыльно-поселенцевъ въ интересахъ золотопромышленниковъ *) не встрѣтило сочувствія правительства, къ которому обращался Тарасовъ. Въ другой статьѣ, напечатанной въ томъ же году въ *Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* **) и, очевидно, также принадлежащей перу одного изъ золотопромышленниковъ, авторъ ходатайствовалъ о дозволеніи нанимать рабочихъ на золотые пріиски на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ срокомъ до 5 лѣтъ (по закону 1838 г. на золотые промыслы можно было нанимать рабочихъ не болѣе, какъ на годовой срокъ). Это, разумѣется, было бы очень пріятно для владѣльцевъ промысловъ, которые, однако, всегда пытались доказывать, что они вовсе не желаютъ закабаливать рабочихъ.

Когда въ томъ же году въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появилась (№ 137) корреспонденція изъ Красноярска за подписью «Сибирскій патріотъ», въ которой положеніе пріисковыхъ рабочихъ было представлено въ весьма мрачномъ свѣтѣ, то золотопромышленники были взволнованы этою корреспонденціей, вѣроятно, всего болѣе потому, что она была напечатана въ одной изъ вліятельныхъ газетъ въ такое время, когда составлялся новый уставъ о золотопромышленности. Безъ сомнѣнія, поэтому и возраженіе на письмо «Сибирскаго патріота» было направлено не въ одно изъ частныхъ повременныхъ изданій, а въ редакцію *Журнала Мануфактуръ и Торговли, издаваемаго при Министерствѣ Финансовъ*, гдѣ оно и было напечатано ***).

---

*) См. мою статью: *Проекты введенія обязательнаго труда на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ* (*Вост. Обозр.* 1893 г., № 10).

**) *Предположенія о наймѣ рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ* (*Енис. Губ. Вѣдом.* 1865 г., № 37).

***) *К. Ч—въ*: „Замѣчаніе на письмо изъ Красноярска о золотомъ промыслѣ, въ *Журн. Мануф. и Торговли, изд. при Минист. Финансовъ*, 1866 г., т. VI.

Когда министерство финансовъ задумало въ началѣ шестидесятыхъ годовъ составить новый уставъ о частной золотопромышленности, В. Скарятинъ и Н. В. Латкинъ подавали записки въ это министерство, но и тотъ, и другой находили нужнымъ и путемъ печати послужить близкому имъ дѣлу. Книга В. Скарятина *Замѣтки золотопромышленника* (1862 г., 2 части), весьма бойко написанная, является горячимъ панегирикомъ и апологіей золотопромышленности, но авторъ мало касается положенія рабочихъ. Въ 1862 г. золотопромышленникъ Н. В. Латкинъ издалъ книгу *Очеркъ сѣверной и южной системъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа*, въ которой представляетъ положеніе пріисковыхъ рабочихъ въ то время въ довольно благопріятномъ свѣтѣ, но, однако, не скрываетъ нѣкоторыхъ фактовъ, очень омрачающихъ картину пріисковой жизни *). Книга Н. В. Латкина вызвала рѣзкую, но во многихъ отношеніяхъ справедливую рецензію въ журналѣ *Дѣло* (1869 г., № 11), которая въ свою очередь не осталась безъ отвѣта со стороны золотопромышленниковъ, а именно одинъ изъ нихъ, енисейскій золотопромышленникъ А. Лопатинъ, напечаталъ въ *Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла географическаго общества* ея подробное опроверженіе подъ заглавіемъ *Замѣтки о положеніи рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ промыслахъ*, гдѣ стремился доказать, что мнѣніе рецензента журнала *Дѣло* о невыносимомъ положеніи рабочихъ на промыслахъ Енисейскаго округа, вслѣдствіе эксплуатаціи ихъ золотопромышленниками, основано на свѣдѣніяхъ «или ошибочныхъ, или сомнительныхъ, или относящихся къ давно прошедшему времени», и потому Лопатинъ считалъ необходимымъ «возстановить факты въ ихъ настоящемъ видѣ», а, между тѣмъ, онъ, наоборотъ, слишкомъ тенденціозно прикрасилъ дѣйствительность.

Мы воспользуемся въ своемъ мѣстѣ нѣкоторыми показаніями защитниковъ и противниковъ золотопромышленности по вопросу о бытѣ пріисковыхъ рабочихъ, но вся названная нами литература этого предмета не дала бы намъ возможности составить обстоятельный очеркъ быта рабочихъ въ 60-хъ годахъ, если бы мы не располагали весьма обширнымъ неизданнымъ матеріаломъ, извлеченнымъ какъ изъ петербургскихъ архивовъ (особенно горнаго департамента и комитета министровъ), такъ и изъ сибирскихъ архивовъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ промысловъ. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ не одинаково обиленъ относительно разныхъ мѣстностей Сибири **). Кривошапкина упрекали, что онъ рисовалъ

---

*) Брошюра *О золотопромышленности въ Сибири* (1864 г.), написанная В. Латкинымъ, защищаетъ исключительно интересы предпринимателей.

**) Такъ, наприм., архивъ горнаго исправника сѣверной системы Енисейскаго округа былъ истребленъ пожаромъ въ 70-хъ годахъ и потому мы вовсе не нашли въ немъ матеріаловъ относительно 60-хъ годовъ, но за то архивъ горнаго исправника южно-енисейской системы хранитъ въ себѣ массу пріисковыхъ контрактовъ и другихъ интересныхъ данныхъ. Неравномѣрность количества матеріаловъ относительно разныхъ мѣстностей объясняется отчасти и тѣмъ, что мы имѣли возможность лично посѣтить лишь нѣсколько пріисковыхъ системъ.

бытъ прiисковыхъ рабочихъ исключительно на основанiи ихъ контрактовъ съ золотопромышленниками, указывая на то, что эти договоры не всегда соотвѣтствовали дѣйствительности. Считая и контракты весьма важнымъ источникомъ для изученiя быта рабочихъ, мы, однако же, будемъ сопоставлять ихъ и съ другими фактическими данными—разсчетными книгами, донесенiями золотопромышленниковъ и мѣстной администрацiи, прiисковыми таксами и проч., и все это поможетъ намъ дать правдивую картину быта рабочихъ, главнымъ образомъ, на прiискахъ Марiинскаго, Енисейскаго и Олекминскаго округовъ.

Общее число рабочихъ на промыслахъ Западной Сибири увеличивалось въ теченiе 60-хъ годовъ, но въ среднемъ за все десятилѣтiе было нѣсколько болѣе 3,000 человѣкъ въ годъ. На промыслахъ Восточной Сибири средняя цифра за все десятилѣтiе превосходитъ въ годъ 26,000 рабочихъ (по даннымъ горнаго вѣдомства).

Въ предшествующiя десятилѣтiя преобладающимъ элементомъ среди прiисковыхъ рабочихъ были ссыльно-поселенцы; но постепенно число ихъ стало уменьшаться. Въ 1834 г. ссыльно-поселенцы составляли 82% всѣхъ прiисковыхъ рабочихъ; въ 1847 г. на промыслахъ въ Енисейской губернiи ихъ было уже 68%, а въ 1850 г. даже 53%; но въ 60-хъ годахъ ихъ относительное число вновь нѣсколько увеличилось, а именно въ 1850—54 гг. ссыльно-поселенцы составляли на промыслахъ Енисейской губ. въ среднемъ за эти пять лѣтъ—50,5% всѣхъ рабочихъ, а въ 1863—68 гг.—52%. Быть можетъ, это увеличенiе числа ссыльно-поселенцевъ объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя компанiи стали нанимать ихъ преимущественно предъ другими рабочими, вѣроятно, находя, что съ людьми, лишенными правъ, легче расправляться, чѣмъ съ полноправными рабочими.

Количество рабочихъ, пришедшихъ изъ Европейской Россiи, составляло на промыслахъ Марiинскаго округа въ 1860 г.—5%, а на прiискахъ киргизскихъ округовъ—около 2% всѣхъ рабочихъ. На промыслахъ Енисейской губ. количество рабочихъ, пришлыхъ изъ Великороссiи, сильно увеличилось къ концу 50-хъ годовъ (въ 1858 г. оно равнялось 26%, въ 1859 г.—21% всѣхъ рабочихъ); въ 1860 г. оно опять возросло (26,3%), но потомъ стало быстро падать, затѣмъ вновь подниматься (въ 1867 г.—14%), а въ среднемъ за 8 лѣтъ (1860—67 гг.) на промыслахъ Енисейской губернiи составляло 13,3%, т.-е. нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 50-хъ годахъ, когда оно равнялось 16,1%.

На промыслы старались нанимать рабочихъ въ полномъ цвѣтѣ силъ: такъ, по инструкцiи К° Малевинскаго 1868 г. (сѣв. ч. Енис. окр.), предписывалось нанимать людей совершеннолѣтнихъ и не старѣе 40 лѣтъ, и изъ документовъ этой компанiи за предшествующiй годъ видно, что дѣйствительно на ея промыслахъ были рабочiе не моложе 19 и не старѣе 45 лѣтъ; но, вѣроятно, на другихъ промыслахъ были и несовершеннолѣтнiе работники, по крайней мѣрѣ, въ Киргизской степи на прiискахъ Кокбектинскаго округа употреблялись и мальчики отъ 12 до 14 лѣтъ, которые

служили качальщиками на бутарахъ, а при машинной промывкѣ употреблялись для подчистки почвы въ забояхъ.

Для найма рабочихъ на пріиски золотопромышленники или подговаривали особаго агента, заключая съ нимъ формальный договоръ, или посылали одного изъ служащихъ, снабжая его подробною инструкціей. Такъ, наприм., по договору, заключенному въ ноябрѣ 1868 года однимъ мѣщаниномъ съ уполномоченнымъ К° Малевинскаго (въ сѣверной части Енисейскаго округа), первый обязался нанять въ Енисейской губерніи на промыслы этой компаніи 150 человѣкъ, причемъ долженъ былъ нанимать людей съ узаконенными видами и на годовой срокъ, совершенно здоровыхъ, не моложе 18 и не старше 45 лѣтъ; онъ не долженъ былъ нанимать рабочихъ съ «наружными болѣзнями, какъ-то: грыжею, скорбутомъ, сифилисомъ и одержимыхъ падучими болѣзнями», въ противномъ случаѣ компанія можетъ ихъ не принять и весь расходъ по найму такихъ людей падаетъ на счетъ нанимателя; онъ не долженъ былъ также нанимать разночинцевъ и отставныхъ солдатъ, «какъ положительно неспособныхъ къ горнымъ работамъ и, вообще, всѣхъ тѣхъ людей, которые прежде не занимались черною работой». Наниматель долженъ былъ дозволять женамъ рабочихъ слѣдовать за мужьями на промыслы лишь въ извѣстномъ количествѣ, а именно не болѣе 5 на 100 работниковъ мужского пола, и, притомъ, «женщинъ не старыхъ и не больныхъ, но исключительно способныхъ и годныхъ къ разнымъ хозяйственнымъ занятіямъ». Если рабочіе предоставятъ нанимателю полученіе ихъ видовъ, то всѣ издержки по этому предмету онъ долженъ отнести на счетъ рабочихъ. «Выдача рабочимъ задатковъ при наймѣ и отправкѣ на промыслы, полагая въ томъ числѣ уплату за нихъ податей и другихъ повинностей, одежду, обувь и путевыя издержки до г. Енисейска, не должна превышать въ сложности на всѣхъ до 35 р., а въ частности до 40 р. па человѣка», причемъ наниматель обязывался всѣми мѣрами стараться уменьшить и эту цифру. Всѣхъ нанятыхъ рабочихъ онъ обязался доставить въ Енисейскъ къ 25 марта и долженъ былъ отправить ихъ туда партіями не менѣе 50 человѣкъ въ каждой. Что касается неявки рабочихъ вслѣдствіе побѣговъ или безъ всякихъ законныхъ причинъ, то потерю выданныхъ имъ задатковъ компанія принимала не болѣе какъ 3 человѣкъ на 100, всѣ же прочіе неявившіеся ставились на счетъ нанимателя. За каждаго нанятаго, годнаго къ работамъ и доставленнаго въ срокъ, человѣка компанія Малевинскаго платила нанимателю по 5 руб. сер.

Компанія Родственной, арендовавшей пріиски К° Рязановыхъ въ южно-енисейской системѣ, поручила своему довѣренному въ январѣ 1869 г. нанять 200 человѣкъ, причемъ въ данной ему инструкціи было предписано въ задатокъ рабочимъ, на покупку одежды и обуви и на взносъ податей выдавать не болѣе 50 р. на человѣка, нанимать *преимущественно ссыльно-поселенцевъ*, рабочимъ, желающимъ взять съ собою на пріиски женъ, объявить, что за женщинъ, не работающихъ на промыслахъ, будетъ вычи-

таться изъ платы ихъ мужьямъ за хлѣбъ, соль и помѣщеніе по 5 руб. въ мѣсяцъ, и нанятыхъ рабочихъ отправлять не пѣшкомъ, а партіями, на подводахъ, подъ присмотромъ прикащиковъ.

О томъ, какъ производилась наемка, мы встрѣчаемъ не мало указаній въ тогдашней печати. «Рабочихъ заставляютъ наниматься большею частью пьяныхъ и, пользуясь этою слабостью, обманываютъ ихъ, обольщаютъ, наконецъ, въ число денегъ выдаютъ имъ гнилые товары, которые волей-неволей долженъ брать рабочій» *). Покойный О. А. Дейхманъ, долго служившій въ Сибири и заслуживающій полнаго довѣрія, говоритъ о «наемкѣ подъ пьяную руку», какъ о явленіи обычномъ **). «Безобразный способъ наемки людей при посредствѣ сельскихъ и волостныхъ писарей,—читаемъ въ третьей статьѣ,—спаиваніе и привлеченіелюдей почти силой къ наемкѣ на работы,— все это факты, извѣстные каждому и не подлежащіе сомнѣнію» ***).

Печатныя свидѣтельства подтверждаются и заявленіями составителей записокъ, присланныхъ, по вызову министра, въ министерство финансовъ.

Въ запискѣ, обратившей на себя особенное вниманіе этого министерства и посланной на разсмотрѣніе сибирской администраціи, сказано, что цифры казенныхъ и общественныхъ сборовъ, взыскиваемыхъ съ поселенцевъ волостнымъ начальствомъ, «бываютъ изумительны, потому что никто ихъ не контролируетъ, все зависитъ отъ волостного писаря». Золотопромышленикъ Пестуновъ упоминаетъ въ своей запискѣ (1863 г.) о разныхъ темныхъ поборахъ въ размѣрѣ отъ 5 до 10 р., кромѣ трехрублеваго сбора за выдачу паспорта, въ счетъ задатка рабочаго. Золотопромышленникъ Латкинъ указываетъ на случай платежа податей, волостныхъ повинностей и поборовъ до 40 руб., а Асташевъ въ своей запискѣ говоритъ, что за одного рабочаго приходится уплачивать до 50 р. И изъ одного предписанія предсѣдателя совѣта главнаго управленія Восточной Сибири (1869 г.) мы узнаемъ, что въ волостяхъ при наймѣ съ рабочихъ удерживали иногда по 40 руб. съ человѣка, въ томъ числѣ по 10 руб. «подъ предлогомъ исправленія дорогъ». Такія же жалобы раздавались въ 50-хъ годахъ, раздаются и въ настоящее время.

Рабочіе изъ ссыльно-поселенцевъ, по словамъ корреспонденціи изъ Красноярска (1865 г.), присылаются «на пріиски, какъ слышно, при содѣйствіи волостныхъ писарей»; къ посредничеству этихъ писарей прибѣгали при наймѣ рабочихъ еще въ 40-хъ годахъ, а для первой половины 60-хъ годовъ этотъ фактъ подтверждается запиской золотопромышленника Пестунова ****).

---

*) *Амуръ* 1861 г., № 37, стр. 291.

**) *Горный Журналъ* 1871 г., № 5, стр. 296.

***) *Амуръ* 1861 г., № 65, стр. 569.

****) „Писаря волостные,— говоритъ онъ,—стараются какъ можно болѣе выпроводить на промыслы людей. Нѣкоторые могли бы обойтись безъ пріисковъ, особенно крестьяне, но ихъ торопятъ головы и старшины по приказанію засѣдателя и волостного писаря податьми. Писаря спрашиваютъ довѣренные: есть ли къ найму люди;

О наймѣ рабочихъ на пріиски маріинской системы мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ статьѣ Гр. П—на: «Наемка рабочихъ на пріиски производится тотчасъ послѣ разсчета и даже во время разсчета между тѣми же самыми людьми, которые въ это время работали на пріискѣ; также нанимаются рабочіе и съ чужихъ пріисковъ, потому что въ это время начинаются переходы отъ одного хозяина къ другому; это время—здѣшній «Юрьевъ день». Получивъ задатки и отдавъ паспорта въ пріисковую контору, рабочіе уходятъ отдохнуть на недѣлю, на двѣ въ деревни, лежащія у окраины тайги, а нѣкоторые съ самаго начала наемки остаются на пріискѣ; какъ тѣ, такъ и другіе очень скоро растрачиваютъ свои деньги на вино, а изъ вышедшихъ въ деревни многіе возвращаются почти голыми и съ долгами на шеѣ; для «выгона» ихъ (мѣстное выраженіе) высылаются на пріиски служащіе, которые выкупаютъ и отправляютъ на пріискъ. Послѣ этой предварительной наемки бываетъ другая, главная; для этого сами хозяева «или» ихъ управляющіе выѣзжаютъ въ извѣстныя сборныя мѣста: деревни Баннова, Кедровка, Танбаръ и Тисуль. Если и здѣсь рабочихъ недостаетъ по заранѣе составленной смѣтѣ, то посылаются особые довѣренные въ Томскъ, въ разные округи Томской губерніи, на Иртышъ, Семипалатинскъ и даже въ Тобольскую губернію, въ которой они доѣзжаютъ до Тюмени» *).

Въ Томской губерніи, на основаніи предписанія генералъ-губернатора Западной Сибири (1854 г.), ежегодно командировался чиновникъ казенной палаты для наблюденія за правильностью найма рабочихъ на золотые промыслы и прекращенія при этомъ всевозможныхъ злоупотребленій. Но эти чиновники были сами не прочь отъ лихоимства: въ 1860 г. до свѣдѣнія генералъ-губернатора Западной Сибири дошло, что чиновникъ, командированный для наблюденія за наймомъ рабочихъ, производитъ незаконные и крайне обременительные поборы съ ссыльно-поселенцевъ при наймѣ ихъ на

если нѣтъ, то поѣдутъ въ другую волость. Писарь проситъ подождать: когда будетъ сборъ податей, тогда поневолѣ пойдутъ на промыслы, а ранѣе принудить нельзя. Всѣми этими собранными деньгами писарь дѣлится съ земскимъ исправникомъ, засѣдателемъ и прочими земскими чинами. Головы, старосты и старшины... тоже имѣютъ свою пользу. Имъ кажется завиднымъ, если которая волость выпуститъ болѣе народу на пріиски. Когда бываетъ много народу нанято въ волости, это время они считаютъ самымъ выгоднымъ для нихъ, а когда мало—тужатъ, что плохая пожива. И сотеннымъ писарямъ, и старшинамъ за выдачу увольненія отъ общества для найма тоже есть своя польза. Поселенцевъ также притѣсняютъ выдачею билетовъ на промыслы... Случается, что пріѣзжаютъ на судахъ и баркахъ со сплавомъ и хотятъ наняться на промыслы, но ихъ не нанимаютъ, потому что у него билетъ вольный, а не пріисковый, т.-е. волость не получаетъ своихъ трехъ рублей и лишаетъ человѣка заработка".

*) *Русское Слово* 1861 г., № 6, стр. 11. Есть указанія, что нѣкоторые томскіе золотопромышленники-аферисты нанимали безпаспортныхъ рабочихъ и заставляли ихъ работать на пріискахъ, а потомъ прогоняли, причемъ рабочій не имѣлъ возможности жаловаться. *А. Ш.*: „Уголки золотопромышленнаго міра" (*Дѣло* 1870 г., № 7, стр. 52).

золотые промыслы и вообще позволяетъ себѣ противозаконныя дѣйствія. Томскій губернаторъ напечаталъ въ 1862 году объявленіе, въ которомъ, указавъ на незаконные поборы писарей, оповѣщалъ, чтобы крестьяне платили за паспортный бланкъ лишь 1 р. 40 к., а ссыльно-поселенцы—20 к.

На промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинскаго округа, рабочими были почти исключительно киргизы. Наемъ рабочихъ здѣсь начинался не по окончаніи работъ, а съ половины іюля, иногда съ первыхъ чиселъ августа. Сначала наемъ производился изъ числа тѣхъ людей, которые въ то время уже находились на пріискѣ; вѣсть о началѣ найма разносилась по степи, и тогда на пріискъ наѣзжали толпами желающіе наняться киргизы, такъ что къ 1 октября, т.-е. къ разсчету, большинство рабочихъ уже было нанято, а остальная часть пополнялась въ теченіе зимы. «При наймѣ рабочихъ,— говоритъ П—нъ,— вмѣсто контрактовъ, здѣсь служитъ порука. Поручитель обязывается, если рабочій не явится на пріискъ къ сроку, уплатить золотопромышленнику данный рабочему задатокъ. Если и поручитель, и рабочій оба остаются должниками золотопромышленника, то послѣдній обращается къ волостному начальнику, чтобы тотъ или доставилъ ихъ на работу на будущее лѣто, или взыскалъ съ нихъ скотомъ, причемъ золотопромышленникъ принимаетъ скотъ не иначе, какъ за половинную цѣну». По другимъ свѣдѣніямъ, наемъ на пріиски рабочихъ-киргизъ производился при помощи волостныхъ управителей, начальниковъ киргизскихъ волостей, состоящихъ обыкновенно въ дружбѣ съ пріисковымъ начальствомъ.

Наемъ рабочихъ-киргизъ отличался нѣкоторыми особенностями, порядки же найма русскихъ рабочихъ были во всей Сибири болѣе или менѣе одинаковы. Относительно витимской системы Забайкальской области есть извѣстіе, что большинство рабочихъ на тамошнихъ промыслахъ были поселенцы, которыхъ золотопромышленники считали лучшими рабочими. Старались нанимать преимущественно бездомныхъ и холостыхъ поселенцевъ, такъ какъ они требовали меньше задатка. Наемъ сопровождался, какъ вездѣ, безшабашною гулянкой и пропиваньемъ забранныхъ впередъ денегъ, а иной разъ и одежды и обуви.

Начать отработывать полученный имъ задатокъ рабочій могъ только по приходѣ на пріискъ, между тѣмъ, его обязывали со дня найма не отлучаться съ мѣста жительства и быть готовымъ къ отправкѣ въ тайгу по первому требованію. Такимъ образомъ, у рабочаго, нанятаго лишь на лѣтнюю операцію (а такихъ было большинство), иногда пропадало даромъ мѣсяца три.

Мы видѣли, какія большія суммы взыскивали съ нанимающихся рабочихъ въ волостныхъ правленіяхъ для уплаты податей и недоимокъ. Въ виду этого, въ нѣкоторыхъ контрактахъ, какъ и въ 50-хъ годахъ, рабочіе оговариваются, что принимаютъ въ счетъ задатка то количество податей и повинностей, какое будетъ за нихъ уплачено, «но, во всякомъ случаѣ, платежъ податей за поселенцевъ ограничивается тѣмъ, что не долженъ превышать за податного повинностей за 1 годъ, а за льготнаго по 15 коп. сер.»

Размѣръ задатка далеко превышалъ норму, установленную закономъ для ссыльно-поселенцевъ (7 руб. 50 коп.). «Золотопромышленники,—говоритъ авторъ одной газетной статьи,—вынуждены обходить законъ подъ разными предлогами и выдавать поселенцамъ наравнѣ съ крестьянами и мѣщанами задатковъ отъ 30 до 50 рублей. Обыкновенно такое количество денегъ расписывается по разнымъ предметамъ, какъ-то: на одежду и обувь, на проходъ или содержаніе въ дорогѣ, ставится уплатою долга, а цифра задатка остается неизмѣнною въ 7 руб. 50 коп.» *). По словамъ другихъ авторовъ, задатки бываютъ отъ 30 до 70 руб. Золотопромышленники въ своихъ запискахъ (1860—61 гг.) чаще всего говорятъ о задаткахъ въ 50—60 руб. Они жалуются также на пьянство рабочихъ, на пути и на промыслахъ: «дорогой требуютъ насильно денегъ, точно своихъ собственныхъ, ими уже заработанныхъ, говорятъ: моя шея будетъ отвѣчать».

Въ 1862 г., по окончаніи лѣтнихъ работъ, нѣкоторые енисейскіе золотопромышленники и ихъ уполномоченные предполагали войти между собою въ соглашеніе о невыдачѣ задатковъ болѣе 30 руб. и о томъ, чтобы не нанимать впредь рабочихъ, не явившихся на работу; однако, это предположеніе, вслѣдствіе возникшихъ разногласій, не осуществилось. Въ слѣдующемъ 1863 году большинство золотопромышленниковъ южной части Енисейскаго округа составили объ этомъ обязательное постановленіе; однако, и на этотъ разъ общаго соглашенія достигнуть не удалось. Въ ноябрѣ 1863 г. мѣстному горному исправнику уполномоченные К° Зотовыхъ подали заявленіе, въ которомъ они говорятъ, что уполномоченный этой компаніи подписалъ заявленіе золотопромышленниковъ и ихъ представителей объ уменьшеніи задатка до 30 руб. на человѣка, такъ какъ «имѣлось въ виду», что на эту мѣру согласятся не только золотопромышленники сѣверной части Енисейскаго округа, но и другихъ системъ, «потому что тогда только и могла быть достигнута цѣль постановленія; между тѣмъ, даже въ южной системѣ... нѣкоторые вовсе не подписали постановленія, какъ, наприм., компаніи Лопатина и Асташева, а другіе, и подписавши, отказались» отъ него. На этомъ основаніи,—продолжаетъ уполномоченный К° Зотовыхъ,—«и мы, имѣвшіе въ виду при сокращеніи задатковъ пользу другихъ компаній..., отказываемся совершенно отъ означеннаго постановленія, считая его вовсе не состоявшимся, *точно также какъ отказались отъ постановленія золотопромышленниковъ сѣверной системы»*. Изъ послѣднихъ словъ видно, что было соглашеніе и въ сѣверной части Енисейскаго округа, но также не единогласное. Авторъ одной статьи въ *Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* поясняетъ, что «немногія лица, не участвовавшія въ соглашеніи, продолжая выдавать при наймѣ большіе задатки, выбирали людей наиболѣе сильныхъ и способныхъ къ работамъ. Это заставило и остальныхъ золотопромышленниковъ держаться прежняго порядка».

---

*) *Амуръ* 1861 г., № 54.

А затѣмъ начались новыя жалобы золотопромышленниковъ на слишкомъ большіе задатки. Такъ, В. Латкинъ въ брошюрѣ о *Золотопромышленности въ Сибири* (1864 г.) говоритъ: «Задатку выдаютъ отъ 50 до 70 руб., да на проходъ ему дай, да обуй и одѣнь его, когда придетъ на пріискъ, и выйдетъ всего самое меньшее 70 или 85 руб. сер.... Когда же онъ отработаетъ эту сумму?» Авторъ одной статьи въ *Енис. Губ. Вѣдом.*, въ виду неудачи частнаго соглашенія золотопромышленниковъ, предлагалъ правительству регулировать размѣръ задатковъ. Напротивъ, другіе требовали отмѣны ограниченія размѣра задатковъ, выдаваемыхъ ссыльно-поселенцамъ, и предоставленія вообще выдачи задатковъ добровольному соглашенію *).

Авторъ одной статьи, написанной въ зашиту золотопромышленниковъ, К. Ч—въ, говоритъ: не всѣ «изъ этихъ денегъ выдаются на руки, а часть удерживается на уплату податей и повинностей и на паспортъ... Если довѣренному приходится платить податей и повинностей по 50 руб. за государственныхъ крестьянъ **), то это, конечно, не его вина». Въ счетъ задатка, «по настоятельному требованію нанимающихся», выдаются «деньги на обувь и одежду», а часть также и на уплату долговъ. Золотопромышленникъ Тарасовъ откровеннѣе: онъ не скрываетъ, что не только обувь и одежду рабочіе получаютъ въ счетъ задатка натурою, а не деньгами, но что и для уплаты долговъ поселенцы забираютъ вещи, съ тѣмъ, чтобъ обратить ихъ въ деньги, конечно, съ значительною для себя потерей. «Въ настоящее время,— продолжаетъ К. Ч—въ,— дѣло найма рабочихъ находится въ такомъ положеніи, что если бы кто-нибудь рѣшился выдавать задатки, не доходящіе до 35 руб., то онъ рисковалъ бы остаться безъ рабочихъ. Сами золотопромышленники очень были бы рады избавиться отъ необходимости затрачивать такія деньги на задатки...» ***). Укоры золотопромышленникамъ за выдачу «огромныхъ» задатковъ мы встрѣчаемъ и послѣ того и въ печати, и со стороны администраціи. Посмотримъ, однако, такъ ли велики въ дѣйствительности были задатки рабочихъ, какъ это утверждали и золотопромышленники, и нѣкоторые писатели, и представители администраціи.

Авторъ одной правдивой статьи о положеніи рабочихъ въ Маріинской тайгѣ говоритъ: «Задатки бываютъ различные: для нанятыхъ на пріискѣ» и въ ближайшихъ деревняхъ «отъ 7 до 25 руб., для нанятыхъ въ округахъ Томской и Тобольской губ. и на Иртышѣ и въ городахъ Семипалатинскѣ и Усть-Каменогорскѣ—25—30 руб., но изрѣдка они достигаютъ

---

*) Шелковниковъ въ газетѣ *Амуръ* 1861 г., № 54, и кап. Бѣлопосовъ въ *Горномъ Журналѣ* 1862 г., т. II, стр. 407.

**) По словамъ Н. Латкина, въ его книгѣ *Очеркъ сѣв. и южн. сист. золот. промысл. Енис. окр.*, 1869 г., наиболѣе обыкновенною цифрою податей и повинностей было 20—30 слишкомъ рублей.

***) *К. Ч—въ:* „Замѣчаніе на письмо изъ Красноярска о золотомъ промыслѣ“ (*Журн. Мануф. и Торг., издав. при минист. финансовъ,* 1866 г., т. VI).

здѣсь и до 40 руб.» *). Это свидѣтельство совершенно справедливо: изъ имѣющихся у насъ контрактовъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ 60-хъ годовъ мы видимъ, что наиболѣе обычными задатками можно считать 10—30 руб. и только въ двухъ контрактахъ задатокъ доходитъ до 50 руб., а въ одномъ равняется 67 руб.

Отмѣтимъ еще слѣдующую мысль Гр. П—на: указавъ на то, что рабочіе сплошь и рядомъ выносятъ съ промысловъ ничтожныя додачи или даже остаются въ долгу вслѣдствіе эксплуатаціи ихъ въ пріисковыхъ лавкахъ и тайной продажи вина на промыслахъ, онъ говоритъ: «Зная это, рабочій и старается въ задатокъ вогнать все свое жалованье». Противъ ограниченія задатковъ ссыльно-поселенцевъ «золотопромышленники протестовали, потому что безъ большихъ задатковъ они рисковали вовсе остаться безъ рабочихъ. Рабочіе не хотѣли идти за пятирублевые задатки; *для нихъ это было все равно, что за 5 руб. работать цѣлое лѣто»*. Это замѣчаніе даетъ, по нашему мнѣнію, болѣе правильное освѣщеніе вопроса о размѣрѣ задатковъ, чѣмъ жалобы прессы на то, что большими задатками хотѣли закабалить рабочихъ. Весьма многіе изъ нихъ, дѣйствительно, оказывались промысловыми кабальными, такъ какъ, въ виду небольшихъ заработковъ, а не то и долговъ, они вновь принуждены были наниматься на пріиски; но эта кабальность обусловливалась не величиною задатковъ, а всѣмъ строемъ золотопромышленности. Во время поѣздки въ Сибирь въ 1891 г. я видѣлъ, что даже въ Олекминскомъ округѣ рабочіе нерѣдко нанимаются съ ничтожными задатками или вовсе безъ нихъ, но едва ли можно считать это выгоднымъ для рабочихъ. Нужно помнить, что пока рабочій долженъ хозяину, послѣдній безъ крайней надобности не разсчитаетъ его; при ничтожныхъ же задаткахъ золотопромышленники могутъ безъ церемоніи прогонять рабочихъ.

На промыслахъ Киргизской степи, въ Кокбектинскомъ округѣ, по словамъ Гр. П—на, задатки при наймѣ лѣтнихъ рабочихъ выдавались за 3 мѣсяца впередъ: за полтора мѣсяца деньгами и за полтора мѣсяца товаромъ; слѣдовательно, при мѣсячномъ окладѣ жалованья въ 5 руб. задатокъ состоялъ изъ 7 руб. 50 коп. деньгами и изъ товаровъ на такую же сумму. Рабочіе, нанимавшіеся на одинъ мѣсяцъ, задатка деньгами вовсе не получали,—имъ отпускался только товаръ.

Изъ общихъ контрактовъ шестидесятыхъ годовъ южной части Енисейскаго округа (мы имѣемъ ихъ 37) видно, что и здѣсь задатки въ 50 и болѣе рублей выдавались сравнительно рѣдко (они встрѣчаются только въ 6 договорахъ), чаще же всего задатки равняются 5 — 30 рублямъ. Не крупнѣе, а еще мельче задатки такъ называемыхъ отрядныхъ рабочихъ, нанимающихся на вскрышку турфа или торфа, т.-е. незолотоноснаго пласта, причемъ обыкновенно всѣ такіе рабочіе на одномъ пріискѣ получали одинаковые задатки. Въ сѣверной части Енисейскаго округа задатки всего

*) *Гр. П—з—къ:* „О рабочемъ классѣ въ ближней тайгѣ" (*Русское Слово* 1861 г., № (стр. 12).

чаще колебались между 5 и 45 рублями; они нѣсколько крупнѣе, чѣмъ въ южно-енисейской системѣ и для отрядныхъ рабочихъ: это объясняется большею дальностью сѣверной системы отъ населенныхъ мѣстностей. Нерѣдко отрядные рабочіе изъ Европейской Россіи, такъ называемые «нижегороды», и вовсе не брали задатковъ. Въ Олекминскомъ округѣ при наймѣ рабочихъ осенью 1867 г. на пріискахъ К° Промышленности задатки ихъ колебались между 3 и 40 рублями, а въ Прибрежно-Витимскомъ товариществѣ нѣкоторые рабочіе были наняты на операцію 18$^{7}/_{8}$ года вовсе безъ задатка, наибольшій же задатокъ равнялся 74 рублямъ; но что большинство рабочихъ получили впередъ незначительныя суммы, видно изъ того, что средній задатокъ 322 рубочихъ равнялся 19 руб. 60 коп., а другихъ 258 рабочихъ—почти 17 руб. Что касается амурскихъ пріисковъ, то относительно ихъ есть указаніе, что размѣръ задатка доходилъ тамъ иногда до 100 руб. *), но, не имѣя контрактовъ амурскихъ пріисковъ этого времени, мы не можемъ опредѣлить наиболѣе обычнаго размѣра задатка.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что свидѣтельство о громадныхъ размѣрахъ задатковъ промысловыхъ рабочихъ несправедливо. Но тутъ мы указали только размѣръ задатковъ, полученныхъ при подписаніи контрактовъ или назначенныхъ по контракту, а были еще путевые расходы, увеличивавшіе размѣръ забора до начала работы. Рабочихъ отправляли на пріиски то пѣшкомъ, то на подводахъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ всѣ путевыя издержки падали на ихъ счетъ, и только для прохода по ненаселенной тайгѣ отпускалось на счетъ золотопромышленниковъ извѣстное количество сухарей. «Нерѣдко наниматели», по словамъ одного оффиціальнаго доклада совѣта главнаго управленія Восточной Сибири (1862 г.), «желая избѣжать и неявки, и несвоевременной явки на промысла рабочихъ, отправляютъ ихъ до промысловъ на подводахъ, относя этотъ довольно значительный расходъ на ихъ счетъ». Обязанность рабочихъ, если они будутъ отправлены на подводахъ, принять на свой счетъ путевые расходы опредѣлялась и нѣкоторыми контрактами. Въ 1862 году горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, вѣроятно, по предписанію высшаго начальства, разослалъ циркуляръ съ запросомъ, въ какихъ округахъ производится наемъ рабочихъ и во что обошлась доставка каждаго человѣка на промыслы. Изъ донесеній 16 пріисковыхъ управленій этого округа видно, что наемъ рабочихъ чаще всего производился въ Красноярскомъ и Ачинскомъ округахъ Енисейской губ., въ Томскомъ и Маріинскомъ — Томской губ., рѣже въ Каинскомъ—Томской губ., Канскомъ—Енисейской губ. и Нижне-Удинскомъ—Иркутской губ. Доставка рабочихъ отъ сборнаго мѣста до Климовскаго заведенія (резиденціи) **), села Усть-Тунгусскаго ***) или Стрѣлки ****)

*) *О. Дейхманъ*: „Горная промышленность на Амурѣ". *Горный Журналъ* 1871 г., № 5, стр. 289.

**) На р. Енисеѣ, въ 70 верст. отъ г. Енисейска, противъ с. Усть-Тунгусскаго, на правомъ берегу Енисея.

***) При впаденіи Ангары въ Енисей, въ 68 в. отъ Енисейска.

****) Въ 75 в. отъ Енисейска, также при впаденіи Ангары въ Енисей.

почти всегда производилась на лошадяхъ, а оттуда до пріисковъ обыкновенно пѣшкомъ; путешествіе продолжалось отъ 5 до 23 дней; стоимость доставки (продовольствіе, прогоны, а иногда и выдача разныхъ вещей) въ среднемъ на каждаго рабочаго колебалась между 3 и 20 рублями. Если прибавить указанные путевые расходы къ приведеннымъ выше размѣрамъ задатка въ Южно-Енисейскомъ округѣ, то, все-таки, мы не получимъ такихъ громадныхъ суммъ, какія любили называть нѣкоторые золотопромышленники.

Что касается сѣверной части Енисейскаго округа, то мы видимъ, что въ 1867 г. при наймѣ для компаніи Малевинскаго задатокъ колебался между 21 и 54 рублями (лишь въ одномъ случаѣ онъ поднялся до 81 рубля), въ среднемъ же равнялся почти 38 рублямъ; дорожные расходы (за провозъ до Енисейска на подводахъ, содержаніе въ дорогѣ и въ Енисейскѣ и выдача товарныхъ вещей) обошлись отъ 2 до 25 р., въ среднемъ 17—18 р., слѣдовательно, рабочій являлся на пріиски съ долгомъ въ среднемъ 55—56 руб. При наймѣ на операцію 1869 г. рабочій являлся на пріиски съ долгомъ въ среднемъ 41—44 р., а въ другомъ случаѣ въ ту же операцію съ долгомъ въ 38 руб. Такимъ образомъ, съ путевыми расходами задатки рабочихъ въ сѣверно-енисейской системѣ принимаютъ уже довольно значительные размѣры.

Въ показаніяхъ современниковъ мы встрѣчаемъ не мало жалкихъ словъ о пьянствѣ рабочихъ на пути на промыслы; изъ приведенныхъ выше цифръ *всѣхъ* путевыхъ расходовъ (со включеніемъ прогоновъ, пропитанія и проч.) видно, что пропивать приходилось не особенно-то много.

При наймѣ рабочихъ, какъ и въ прежніе годы, заключались контракты. Кромѣ прежнихъ общихъ контрактовъ (на всѣ работы), контрактовъ на вскрытіе турфа и, наконецъ, договоровъ съ разными служащими и ремесленниками, въ 60-хъ годахъ впервые появляются еще контракты съ золотничниками (см. ниже) въ двухъ видахъ: или съ цѣлою артелью золотничниковъ, или съ подрядчикомъ, обязавшимся поставить отъ себя золотничныхъ рабочихъ. Въ 50-хъ годахъ договоры съ рабочими утверждались горнымъ исправникомъ только въ Олекминскомъ округѣ; то же мы видимъ и въ 60-хъ годахъ, по крайней мѣрѣ, относительно старательскихъ работъ общеконтрактныхъ рабочихъ. Условія относительно этихъ работъ представлялись на утвержденіе олекминскому горному исправнику Измайлову, и онъ дѣлалъ на нихъ такія надписи: «Найдя настоящее условіе вполнѣ удовлетворительнымъ для рабочаго класса людей, утверждаю таковое подписомъ съ приложеніемъ казенной печати»; или: «Находя настоящее условіе для рабочихъ людей не обременительнымъ, а сопряженнымъ съ пользою, утверждаю». Въ 1862 году Измайловъ написалъ управляющему Прибрежно-Ленской компаніи слѣдующее: «Найдя съ своей стороны представленное вами условіе съ рабочими людьми на старательскія работы не безъ выгоды для послѣдней стороны, я, таковое утвердивъ своимъ подписомъ, при семъ для должнаго руководства препровождаю. Причемъ не могу не высказать моего мнѣнія о неуравненіи на мой глазъ платы: въ будничные дни, наприм.,

за 45 таратаекъ урка (т.-е. урочныхъ) 25 коп. и 25 же коп. за 15 таратаекъ старательскихъ; не лучше ли было бы назначить прямо 50 коп. за 60 таратаекъ и, въ случаѣ недовоза кѣмъ-нибудь, по разсчету дѣлать вычетъ. Управленіе отъ этого ничего не потерпитъ и имѣетъ ту выгоду, что даетъ возможность большей части работниковъ заработать денегъ и тѣмъ самымъ избѣжитъ должниковъ». Предложеніе Измайлова было вполнѣ справедливо, но пріисковыя управленія держались другой системы: низкой уплаты урочной работы и гораздо болѣе повышеннаго вознагражденія старательской, съ тою цѣлью, чтобы приманкою повышенной платы за старательскій трудъ побудить рабочаго возможно болѣе напрягать свои силы и исполнять такую работу, какую едва ли они стали бы выполнять при равномѣрномъ вознагражденіи за весь трудъ и пропорціональномъ вычетѣ за недоработку. Въ 50-хъ годахъ замѣчанія Измайлова не всегда отличались такимъ академическимъ характеромъ, иной разъ онъ прямо не утверждалъ условій, которыя находилъ несправедливыми, и требовалъ ихъ измѣненія. И теперь онъ обращалъ вниманіе на такіе случаи, когда рабочіе не согласились на условія, предложенныя имъ пріисковымъ управленіемъ. Такъ, въ іюнѣ 1862 г. «отрядный командиръ олекминскихъ промысловъ» (т.-е. находящихся на нихъ козаковъ) донесъ Измайлову, что вслѣдствіе его предписанія онъ спрашивалъ рабочихъ на Ленскомъ пріискѣ Катышевцева, почему они не подписали составленнаго управленіемъ условія о лѣтнихъ старательскихъ работахъ. Рабочіе единогласно отвѣчали, что они желаютъ исполнять лѣтнія работы безъ письменнаго условія, какъ и въ предшествующіе годы, и предложенныя имъ управленіемъ урочныя работы находятъ соотвѣтствующими ихъ силамъ, а также назначенную за нихъ плату достаточною, но не рѣшаются подписать условіе потому, что хотя они и исполняютъ въ настоящее время при удобнымъ мѣстныхъ условіяхъ назначенныя договоромъ урочныя работы, но опасаются, что эти мѣстныя условія «при почвенной подчисткѣ каменистаго пласта» легко могутъ измѣниться, и въ такомъ случаѣ, хотя бы и при всегдашнемъ ихъ усердіи, они едва ли и въ половину могутъ исполнить назначенный урокъ, а, между тѣмъ, если они подпишутъ условіе, то управленіе можетъ не принять во вниманіе этихъ обстоятельствъ, сочтетъ невыполненіе уроковъ даже на неудобной мѣстности «предлогомъ лѣности къ работамъ» и «прибѣгнетъ къ мѣрамъ болѣе побудительнымъ», что «и дѣлалось съ нѣкоторыми изъ нихъ на Ленскомъ пріискѣ» минувшимъ лѣтомъ. Изъ дѣла не видно, какъ отнесся Измайловъ къ этому разногласію рабочихъ съ пріисковымъ управленіемъ.

Въ Енисейскомъ округѣ или, по крайней мѣрѣ, въ южной его части (дѣла 60-хъ годовъ въ архивѣ исправника сѣверно-енисейской системы, какъ мы уже упоминали, не сохранились) мы не встрѣтили ни одного случая вмѣшательства исправника въ составленіе контрактовъ золотопромышленниковъ съ рабочими, хотя нашли тамъ сотни договоровъ, засвидѣтельствованныхъ имъ въ разсматриваемый періодъ времени. Относительно Ачинскаго

и Минусинскаго округовъ мы знаемъ только одинъ случай, когда горный исправникъ желалъ заставить золотопромышленника перемѣнить контрактъ. Въ іюлѣ 1862 года енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ обратилъ вниманіе высшей администраціи Восточной Сибири на контрактъ, заключенный въ этомъ году съ рабочими золотопромышленниками Минусинскаго и Ачинскаго округовъ братьями Озеровыми. По словамъ Борка въ письмѣ М. С. Корсакову, изъ этого договора можно видѣть, «до какой степени нашъ рабочій классъ, нанимаемый въ одиночку, повидимому, покорно и безсознательно подписываетъ всякіе договоры, какъ бы ни были они тягостны и даже невыносимы для него». Въ виду этого «неумѣнья» рабочихъ «оградить себя», Боркъ полагалъ, что «правительственная, самая внимательная опека» для нихъ «и до настоящаго времени составляетъ полную необходимость», и былъ, конечно, гораздо правѣе тѣхъ членовъ коммиссіи, вырабатывавшей новый золотопромышленный уставъ, которые, подобно Вернадскому, содѣйствовали составленію правилъ объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ въ духѣ либерально-буржуазной политической экономіи. Впрочемъ, Боркъ признавалъ желательность и возможность нѣкоторой самодѣятельности рабочихъ, но при поддержкѣ со стороны законодательства: онъ высказывалъ мысль, что, «только группируясь въ артели», рабочіе могутъ «постепенно пріучиться заботиться сами о себѣ». «Прилагаемый контрактъ,— продолжаетъ Боркъ,—свидѣтельствуетъ самымъ положительнымъ образомъ о возможности подчинить рабочій классъ самому широкому произволу. Въ немъ сказано все для этого и ничего для огражденія правъ рабочихъ»; естественнымъ результатамъ «подобныхъ договоровъ бываютъ безконечныя жалобы, *остающіяся безъ послѣдствій*». По мнѣнію Борка, контрактъ Озеровыхъ составляетъ исключеніе, однако, такой случай оказывается, все-таки, возможнымъ. «Золотопромышленникъ Василій Озеровъ,—продолжаетъ Боркъ,—есть довольно замѣчательное явленіе: владѣя, за исключеніемъ уже многихъ, отошедшихъ въ казну, нѣсколькими десятками промысловъ, заявленныхъ на разныя имена, и не имѣя достаточно средствъ обстановить надлежащимъ образомъ для разработки даже одного пріиска, онъ прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ и выдумкамъ, лишь бы удержать ихъ за собой, нанимая рабочихъ по образцу прилагаемаго контракта. Несчастные рабочіе не всегда сполна получаютъ и ничтожную трехрублевую въ мѣсяцъ плату; Озеровъ или уклоняется подъ разными предлогами, или заставляетъ ихъ брать, вмѣсто денегъ, гнилой товаръ собственнаго издѣлія и пріобрѣтенный имъ, какъ бракъ». Далѣе Боркъ разсказываетъ, что въ прошломъ году горный исправникъ формально доносилъ енисейскому губернатору о неисполненіи Озеровымъ его законныхъ требованій и распоряженій, но губернаторъ передалъ этотъ рапортъ «на распоряженіе губернскаго правленія, которое, сдѣлавъ выговоръ исправнику за то, что онъ безпокоитъ начальство (!!), приказало ему дѣйствовать на основаніи законовъ. Въ настоящемъ году горный исправникъ, получивъ списокъ съ контракта, съ марта мѣсяца разыскиваетъ Озерова, чтобы заставить его перемѣнить контрактъ;

поиски его даже съ помощью земской полиціи остаются до сихъ поръ тщетными, а, между тѣмъ, онъ (Озеровъ) не выѣзжаетъ изъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ». Это свидѣтельство жандармскаго офицера Борка многое объясняетъ въ бездѣятельности исправниковъ. Находясь при своемъ тогдашнемъ ничтожномъ жалованьи въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, даяніями которыхъ они, главнымъ образомъ, существовали, горные исправники и сами не особенно хлопотали о раскрытіи злоупотребленій прінсковыхъ управленій, но, разумѣется, они стали еще менѣе заботиться объ этомъ, узнавъ, что не слѣдуетъ «безпокоить начальство» донесеніями о совершаемыхъ золотопромышленниками безобразіяхъ *).

Какъ мы видѣли, олекминскій горный исправникъ внимательнѣе другихъ исправниковъ относился къ договорамъ, заключаемымъ рабочими съ золотопромышленниками, но и въ Олекминскомъ округѣ встрѣчались контракты, обращавшіе вниманіе высшей администраціи нѣкоторыми незаконными постановленіями. Нужно замѣтить, что олекминскому горному исправнику, повидимому, представлялись на утвержденіе лишь заключаемые весною договоры относительно старательскихъ работъ. Намъ не извѣстно ни одного замѣчанія исправника относительно общихъ контрактовъ, а, между тѣмъ, они иной разъ заслуживали не меньшаго вниманія.

Послѣ того, какъ въ 1860 году, по случаю значительныхъ побѣговъ рабочихъ съ пріисковъ въ Олекминскомъ округѣ и другихъ безпорядковъ, было произведено на мѣстѣ дознаніе, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, разсматривая это дѣло въ слѣдующемъ году, замѣтилъ, что контрактъ Рукавишникова составленъ съ большими отступленіями отъ установленныхъ въ законѣ правилъ и явно стѣснителенъ для рабочихъ: въ немъ было, напримѣръ, сказано, что пріисковое управленіе можетъ оставлять рабочихъ на промыслѣ и послѣ 10 сентября, по личному своему усмотрѣнію, безъ ихъ согласія; время работъ назначено съ 4 час. утра до 8 час. вечера, тогда какъ по закону работа должна была начинаться съ 5 час.; плата за старательскую работу и вознагражденіе за самородки производится по назначенію и разсчету Рукавишникова; въ контрактѣ постановлено, чтобы рабочіе не требовали кваса, хотя жажда во время горныхъ работъ очень велика; условленную плату за особыя подрядныя работы они могли требовать только тогда, если будутъ вырабатывать каждый день заданные имъ уроки, въ противномъ случаѣ плата назначается по усмотрѣнію хозяина,

---

*) Для того, чтобы дать понятіе о контрактѣ, заключенномъ Озеровыми съ рабочими, мы приведемъ только два его параграфа: 1) Относительно старательскихъ работъ было сказано, что ихъ „свойство, составъ и *плата за нихъ* опредѣляется управляющимъ, чему мы (рабочіе) подчиняемся безпрекословно и съ непремѣннымъ тѣмъ условіемъ, что никто изъ насъ и никогда не вправѣ не выйти въ праздникъ на такія работы, а кто это допуститъ себѣ изъ лѣности, такого предоставляемъ высылать (и побуждать) другими болѣе строгими мѣрами". 2) „Уроки, задаваемые намъ въ работахъ, должны выполнить тѣ, *какіе будутъ опредѣлены управляющимъ и его прикащиками безпрекословно*" (размѣръ ихъ въ контрактѣ не опредѣленъ).

и проч. Совѣтъ по этому поводу постановилъ подтвердить, кому слѣдуетъ, чтобы рабочіе не были обременяемы большими уроками, чтобы работы производились не долѣе указаннаго въ законѣ времени, чтобы не было допускаемо жестокаго обращенія съ рабочими и заболѣвшіе не принуждались бы работать, чтобы плата за старательское золото и другія старательскія работы выдавалась по особымъ, заключеннымъ на мѣстѣ, условіямъ, а не по произволу хозяевъ или управляющихъ. Имѣя въ виду ст. 2484 горнаго устава (изд. 1857 г.), гдѣ указано, что̀ должно быть обозначаемо въ договорѣ съ рабочими, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири высказалъ убѣжденіе, что если бы городская и земская полиціи, свидѣтельствующія договоры съ рабочими, и пріисковая полиція, наблюдающая за исполненіемъ ихъ, точно держались установленныхъ закономъ правилъ, то не могло бы случиться ни недоразумѣній, ни отягощенія рабочихъ. Журналъ совѣта былъ утвержденъ Корсаковымъ и затѣмъ въ напечатанномъ по этому поводу въ *Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* оффиціальномъ объявленіи сообщалось, что исправляющій должность генералъ-губернатора предписалъ подтвердить подлежащимъ властямъ, чтобъ онѣ не свидѣтельствовали контрактовъ, составленныхъ съ отступленіями отъ требованій закона и наблюдали за исполненіемъ договоровъ *).

Такимъ образомъ, на основаніи этого распоряженія, мѣстныя власти имѣли полную возможность не свидѣтельствовать контрактовъ, не соотвѣтствующихъ требованіямъ закона, а, между тѣмъ, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, какъ въ дѣлѣ Озерова, горный исправникъ желалъ ограничить самоуправство золотопромышленника, онъ могъ встрѣтить сопротивленіе съ его стороны и отсутствіе поддержки въ губернской администраціи.

Въ контрактахъ съ рабочими 60-хъ годовъ, какъ и въ прежнее время, сплошь и рядомъ не обозначалось срока явки на пріиски, и они обязывались быть «всегда готовыми, по первому извѣщенію», отправиться на пріиски. Въ нѣкоторыхъ договорахъ прибавлялось, что рабочіе не должны уклоняться отъ явки на пріиски, если бы даже ихъ потребовали въ теченіе зимы. Быть можетъ, потому, что въ печати (какъ, наприм., въ статьяхъ Вагина и Кривошапкина) было обращено вниманіе на серьезныя неудобства для рабочихъ отъ того, что они не знаютъ времени, когда ихъ потребуютъ на промыслы, въ проектѣ общей формы контракта, составленной золотопромышленникомъ Крутовскимъ (см. ниже), была попытка установить болѣе удобный для рабочихъ порядокъ, и вліяніе этой попытки мы видимъ въ слѣдующемъ постановленіи договора съ Асташевымъ 1867 г.: «Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть къ 1 января готовы, если кто изъ насъ будетъ раньше того нанятъ, а до того времени» они имѣли «полное

*) 30 сентября 1861 г. исправникъ южной части Енисейскаго округа предписалъ пріисковымъ управленіямъ вывѣсить въ казармахъ рабочихъ выписки главныхъ пунктовъ изъ контрактовъ относительно срока работъ, долговъ, пищи, количества рабочихъ часовъ и проч.

право производить частныя работы въ жилыхъ мѣстахъ; съ 1 же января обязываемся не отлучаться изъ мѣстъ причисленія, по повѣсткѣ же, не уклоняясь ни подъ какимъ предлогомъ, должны немедленно являться на сборныя мѣста и артелями должны слѣдовать на пріиски на собственный нашъ счетъ». Однако, въ данномъ случаѣ предоставленіе рабочимъ свободы по 1 января не имѣло смысла, такъ какъ контрактъ былъ заключенъ 5 января. Въ другихъ договорахъ болѣе или менѣе точно назначенъ срокъ явки на пріиски, обыкновенно въ февралѣ или мартѣ.

Напротивъ, срокъ окончанія работъ обыкновенно точно обозначался, какъ это и требовалось закономъ. Хотя горный уставъ требовалъ прекращенія промывки золота 10 сентября вездѣ, гдѣ не было устроено теплыхъ зимнихъ промывален̆ъ, однако, изъ 11 извѣстныхъ намъ общихъ контрактовъ 60-хъ годовъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ въ восьми срокомъ окончанія договора назначены 1 октября, въ двухъ—20 сентября и лишь въ одномъ—10 сентября. На промыслахъ Киргизской степи разсчетъ съ рабочими производился 1 октября. Напротивъ, въ Южно-Енисейскомъ округѣ наиболѣе обычнымъ срокомъ найма на лѣтнюю операцію было 10 или 11 сентября; впрочемъ, нѣкоторые золотопромышленники предоставляли себѣ право продолжить работы до 20 сентября, а нѣкоторые прямо назначали днемъ разсчета 1 октября. Почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ контрактахъ сѣверно-енисейской системы, а также и во всѣхъ договорахъ Олекминскаго округа срокъ работы, въ виду болѣе суроваго климата этихъ мѣстностей, назначенъ 10 сентября.

Совершенно противорѣчитъ закону договоръ 4 крестьянъ съ Асташевымъ (1863 г.), по которому они обязались быть у него на промыслахъ въ работѣ, какую имъ назначатъ, 4 года за 800 руб., полученныхъ ими для найма рекрута. Здѣсь, такимъ образомъ, годовой заработокъ рабочаго на готовой пищѣ оцѣнивался въ 50 руб. Хотя при выдачѣ денегъ впередъ трудъ рабочихъ и могъ быть оцѣненъ и нѣсколько дешевле, но, все-таки, этотъ договоръ показываетъ, что заработки пріисковыхъ рабочихъ не считались особенно значительными.

Требуя отъ рабочаго, чтобъ онъ не оставлялъ пріисковъ, даже на время, до истеченія срока контракта, безъ разрѣшенія пріисковаго управленія, золотопромышленники предоставляли себѣ право разсчитывать рабочихъ, когда имъ вздумается, причемъ оставшіеся въ долгу обязывались уплатить его или отработать (въ нѣкоторыхъ контрактахъ прибавлено: «во всякое время года, гдѣ управленіе укажетъ»). Золотопромышленники предоставляли себѣ право увольнять до срока и нанявшихся для вскрыши турфа отрядныхъ рабочихъ, притомъ какъ «всю артель», такъ и часть ея; за оставшіеся при этомъ долги обыкновенно отвѣчала вся артель *).

*) Въ операцію 1869—70 г. на Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ и др. (сѣверной части Енисейскаго округа) изъ 412 рабочихъ было разсчитано до срока 14, т.-е. около 3%. На промыслахъ и резиденціяхъ Прибрежно-Витимской К° (Олекминскаго округа) въ операцію 1865—66 г. изъ 1,308 рабочихъ было разсчитано до

Золотопромышленники предоставляли себѣ также право переводить нанятыхъ рабочихъ на другіе свои пріиски; въ нѣкоторыхъ договорахъ дозволялось отправлять рабочихъ изъ сборнаго пункта даже на другую систему промысловъ; въ другихъ контрактахъ сдѣлана только оговорка, что при переводѣ съ одного пріиска на другой рабочимъ даются хозяйскіе харчи (т.-е. сухари); въ третьихъ—что на проходъ съ пріиска на пріискъ полагалось на каждыя 30 верстъ по одному дню въ счетъ мѣсячной платы и рабочіе обязывались ничего болѣе за это не требовать.

Въ контрактахъ хозяевамъ предоставлялось также право передавать нанятыхъ рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ, иногда безъ всякихъ оговорокъ, въ иныхъ же договорахъ прибавлялось условіе, чтобъ у новыхъ хозяевъ они имѣли бы тѣ же права и несли тѣ же обязанности, какія указаны въ договорѣ. Напротивъ, въ контрактахъ съ золотопромышленникомъ Флягинымъ (1865 г.) и съ Цыбульскимъ (1865 г., Маріинскаго округа) было прямо сказано, что при передачѣ другимъ хозяевамъ рабочіе должны будутъ у нихъ «разсчитываться по тѣмъ же условіямъ, какими будутъ обязаны тамъ другіе работники»,— слѣдовательно, рабочіе могли оказаться въ необходимости исполнять такія обязательства и за такую плату, какихъ они не предвидѣли при своемъ наймѣ *). Между тѣмъ, въ контрактахъ 50-хъ годовъ такая передача на промыслы другихъ владѣльцевъ обусловливалась согласіемъ рабочихъ.

Вагинъ, въ своей статьѣ, справедливо возмущается тѣмъ, что золотопромышленники присвоили себѣ право передавать рабочихъ на пріиски другихъ хозяевъ. «Правда,—говоритъ онъ,—законъ не запрещаетъ подобнаго дѣйствія, но не очевидно ли, что онъ отдаетъ въ распоряженіе компаніи не только трудъ, но и личность рабочаго, которою хозяинъ распоряжается по своему произволу, что онъ нѣкоторымъ образомъ вводитъ особый родъ торга людьми?... Это право и на дѣлѣ превращается въ торгъ людьми. Намъ извѣстны,—продолжаетъ г. Вагинъ,—случаи, что одна компанія передавала рабочихъ другой, получивъ съ послѣдней ту сумму, какую, по ея разсчетамъ, рабочіе оставались ей должны. Рабочіе въ такихъ случаяхъ прямо говорятъ, что компанія продала ихъ» **). «Законъ, очевидно, не предвидѣлъ такого случая, онъ старался предупредить только самовольные переходы рабочихъ отъ одного хозяина къ другому (уставъ горный, ст. 2505-я). По общимъ законамъ, переходъ позволяется только по взаимному согласію рабочаго съ прежнимъ хозяиномъ, и въ такомъ случаѣ должно составиться *новое условіе* (зак. гражд., ст. 2262-я). Но при

сро[ка] 51 (около 4%). На олекминскихъ промыслахъ И. Базилевскаго въ операцію 18[6]9—70 г. изъ 502 рабочихъ разсчитано до срока 20 человѣкъ (4%).

*) Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К° Олекминскаго округа (1867 г.) дозволялось передавать рабочихъ другому золотопромышленнику на промысла или въ по[и]сковыя партіи, но не иначе, какъ въ томъ же округѣ и на тѣхъ же условіяхъ.

**) Въ нѣкоторыхъ договорахъ прямо указано, что долги рабочихъ обязано уплатит[ь] то лицо, которому они будутъ переданы.

наймѣ рекрутъ строжайше запрещены не только передача наемниковъ, но и какое бы то ни было посредство въ наймѣ».

Золотопромышленникъ А. Лопатинъ старается доказать въ своей статьѣ, что условія о передачѣ рабочихъ другой компаніи полезны не только золотопромышленникамъ, но и рабочимъ *). Что такія условія выгодны для золотопромышленниковъ, этого нечего и объяснять, если же они полезны и для рабочихъ, то почему бы не обусловливать передачу этихъ послѣднихъ другой компаніи ихъ согласіемъ, какъ это было въ 50-хъ годахъ, иначе все сказанное Лопатинымъ не опровергаетъ замѣчанія Кривошапкина, что, благодаря этому условію, рабочіе могутъ попасть на пріиски такой компаніи, къ которой они ни за какія деньги не нанялись бы добровольно. О возвращеніи рабочихъ «съ долгомъ на шеѣ» въ томъ случаѣ, если работы были прерваны не по ихъ винѣ, по-настоящему не должно бы быть и рѣчи, такъ какъ слѣдовало бы вознаградить рабочихъ за понесенные ими убытки отъ потери возможности заработка, ради котораго они пришли за нѣсколько сотъ и тысячъ верстъ.

Рабочіе, опоздавшіе явиться на промыслы къ назначенному сроку, обыкновенно обязывались въ контрактахъ отработать всѣ просроченные дни послѣ разсчета иногда въ двойномъ размѣрѣ, хотя бы и не были у хозяина въ долгу, а въ иныхъ договорахъ золотопромышленнику предоставлялось право сдѣлать за просроченное время вычетъ изъ заработка (по 50 к. и по 1 р. за день, а по договору съ золотопромышленникомъ южно-енисейской системы Лопатинымъ, авторомъ только что цитированной статьи, и по 2 руб. въ день) **).

Во многихъ договорахъ пріисковому управленію предоставляется право, въ случаѣ неявки рабочаго (иногда сказано, по первому извѣщенію въ назначенное мѣсто), нанять на ихъ счетъ другихъ, хотя бы и за бо́льшую плату ***).

---

*) „Такое условіе не можетъ назваться торгомъ людьми,—говоритъ онъ,—оно вводится въ контрактъ для обоюдной пользы золотопромышленника и рабочихъ. Часто случается, что на томъ пріискѣ, который разрабатывается, неожиданно бѣднѣетъ содержаніе золота или вовсе прекращается золотоносная розсыпь, или же во время половодья разрушаются, а иногда и вовсе уничтожаются водою канавы, машины и даже разрѣзы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ остановка работъ, а иногда и совершенное прекращеніе ихъ на все лѣто необходимо. Тогда золотопромышленнику приходится перевесть рабочихъ на другой свой пріискъ, если у него есть таковой въ запасѣ, или передать ихъ въ другую компанію; иначе онъ долженъ разсчитать рабочихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, сверхъ тѣхъ убытковъ, которые неизбѣжны при остановкѣ работъ, золотопромышленникъ потерпитъ еще и отъ пропажи долговъ за рабочими, а рабочіе, возвратясь за нѣсколько сотъ и тысячъ верстъ съ долгомъ на шеѣ, потеряютъ и время, и заработокъ, какой надѣялись получить“.

**) По договорамъ съ отрядными рабочими, нанявшимися для вскрыши торфа, назначался за просрочку штрафъ и по 3 р. въ день.

***) Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ южно-енисейской системы Григорьевымъ (1869 г.) ему предоставлялось право просить о высылкѣ неявившихся рабочихъ „чрезъ сельскую стражу“ со взысканіемъ съ виновныхъ расходовъ по пересылкѣ.

Изъ общаго числа рабочихъ, нанятыхъ на пріиски Енисейской губ., не являлось въ 60-хъ годахъ отъ 1,2 до 2%. Сравнительно съ первою половиной 50-хъ годовъ процентъ неявившихся въ Енисейской губерніи гораздо ниже. Въ другихъ горныхъ округахъ Восточной Сибири процентъ неявившихся бывалъ иногда больше. Такъ, наприм., въ 1864 г. въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ Забайкальской области не явилось 3,6% нанятыхъ рабочихъ, но въ 1869 г. только 1,9%. Въ Олекминскомъ округѣ не явилось въ 1869 г. даже 5,6%, въ Нерчинскомъ—4,2%, но во всей Восточной Сибири, со включеніемъ Енисейскаго округа, не явилось въ этомъ году лишь 2,4% всѣхъ нанятыхъ рабочихъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что контракты, заключаемые золотопромышленниками съ рабочими, не только не обезпечивали правъ этихъ послѣднихъ, но во многихъ отношеніяхъ предоставляли ихъ полному произволу хозяевъ. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири пришелъ въ 1862 году къ слѣдующему заключенію: «Принявъ во вниманіе, что со стороны золотопромышленниковъ при заключеніи контратовъ съ рабочими, въ изложеніи взаимныхъ ихъ условій, иногда допускались выраженія не ясныя... или двусмысленныя, или, наконецъ, и произвольныя, которыя обращались къ непредвидѣнной рабочими невыгодѣ ихъ, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири полагаетъ, что для отвращенія подобныхъ случаевъ будетъ полезно введеніе формы, по которой бы всѣ взаимныя условія золотопромышленниковъ съ рабочими излагались въ контрактахъ и ясно, и подробно. Составленіе подобной формы слѣдуетъ возложить на горныхъ исправниковъ, обязавъ ихъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи по соглашенію съ золотопромышленниками и подъ наблюденіемъ горныхъ ревизоровъ»; окончательное же утвержденіе формы контрактовъ должно зависѣть отъ высшей администраціи Восточной Сибири.

Послѣ того, какъ заключеніе совѣта было утверждено Корсаковымъ *), ему были представлены до марта 1865 года формы контрактовъ отъ двухъ горныхъ исправниковъ: сѣверной части Енисейскаго округа и Забайкальской области. Поэтому главное управленіе Восточной Сибири разослало къ остальнымъ горнымъ исправникамъ, и, между прочимъ, къ исправнику южной части Енисейскаго округа, циркуляры, въ которыхъ настаивало на немедленномъ составленіи формы контрактовъ.

Но еще ранѣе этого, 29 іюня 1864 года, у исправника южной части Енисейскаго округа состоялось совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ, на которомъ они постановили, чтобы копіи съ контрактовъ всѣхъ промысловыхъ управленій съ рабочими были доставлены къ золотопромышленнику и управляющему промыслами К° Рязановыхъ Мих. Андр. Кру говскому, который и долженъ былъ составить общую для всѣхъ форму контракта; затѣмъ она должна быть сообщена на разсмотрѣніе по всѣмъ промысламъ, а окончательное совѣщаніе предположено было созвать не позже

---

*) Оно было напечатано въ *Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1863 г., № 42.

второй половины августа. Потребовалось, однако, нѣсколько совѣщаній, прежде чѣмъ составленная на нихъ форма контракта была отправлена въ горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири (въ апрѣлѣ 1865 г.).

Въ архивѣ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа сохранился проектъ формы контракта въ двухъ редакціяхъ: первоначальной, вѣроятно, составленной Крутовскимъ, и окончательной, принятой на совѣщаніи золотопромышленниковъ. Любопытно сравнить нѣкоторые параграфы обѣихъ редакцій, такъ какъ это наглядно покажетъ отношеніе золотопромышленниковъ къ рабочимъ. Какъ мы видѣли, въ контракты обыкновенно включалось условіе, что рабочіе должны быть готовы къ отправкѣ на промыслы по первому требованію, безъ точнаго обозначенія срока отправки, что мѣшало имъ наниматься въ еще свободное время на другія работы (на это неудобство указывалось и въ печати). Поэтому Крутовскій внесъ въ свой проектъ слѣдующее условіе: «Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть готовы къ 1 числу января мѣсяца (если кто изъ насъ раньше нанятъ), *а до того времени имѣемъ право производить частныя работы въ жилыхъ мѣстахъ*; съ 1 же января обязываемся ожидать повѣстки со стороны управленія въ мѣстахъ причисленія» и проч. Между тѣмъ, въ окончательной редакціи этотъ пунктъ изложенъ въ томъ видѣ, какъ обыкновенно устанавливалось въ контрактахъ: «Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть готовы *по первому требованію*, не уклоняясь отъ сего ни подъ какимъ предлогомъ», и проч. Напротивъ, относительно осенняго срока работъ общее собраніе золотопромышленниковъ оказалось милостивѣе: Крутовскій желалъ продлить его до 1 октября, а золотопромышленники назначили 20 сентября. Въ окончательной редакціи сказано, что пріисковое управленіе даетъ рабочимъ, если они пожелаютъ, по одному льготному дню въ мѣсяцъ. Жилища рабочихъ на вновь разрабатывающихся пріискахъ должны были по первой редакціи строиться рабочими въ свободное время безплатно, а по второй редакціи «изъ поденной платы». При опредѣленіи пищевого пайка рабочаго въ первоначальной редакціи назначено каждому по 1 ф. говядины, а по окончательной «не менѣе 1 ф.». За леченіе въ больницѣ платы не полагалось *). Въ окончательной редакціи было прибавлено, что за прогульные дни управленіе можетъ дѣлать вычеты съ каждаго по 2 р. 50 к. за каждый день. Такимъ образомъ, измѣненія, сдѣланныя общимъ собраніемъ золотопромышленниковъ въ первоначальной редакціи, хотя иногда и клонились въ пользу рабочихъ, но не-

*) Впрочемъ, съ такою многозначительною оговоркой: „но если бы кто изъ насъ скрылъ при наемкѣ какія-либо застарѣлыя болѣзни или подъ предлогомъ болѣзни находился на излеченіи въ пріисковой больницѣ съ цѣлью уклоненія отъ работъ, то компанія имѣетъ полное право не только дѣлать вычетъ за всѣ употребленные во время леченія медикаменты, но и заставить отработать всѣ дни нахожденія въ больницѣ и послѣ срока работъ“; въ окончательной редакціи еще прибавлено: „если же этого кто изъ насъ не исполнитъ, то платитъ за каждый неотработанный день штрафу по 1 р. с.“

рѣдко были для нихъ и невыгодны. Впрочемъ, намъ придется еще возвращаться къ этому проекту при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ сторонъ жизни пріисковыхъ рабочихъ.

Подлинный экземпляръ окончательной редакціи былъ подписанъ, по предложенію горнаго исправника, управляющими и довѣренными золотопромышленныхъ компаній. При этомъ большинство подписывалось, что принимаетъ эту форму контракта «къ руководству» или «къ исполненію», нѣкоторые же приняли ее только «къ свѣдѣнію».

Проекты формы контракта, составленные въ другихъ округахъ Восточной Сибири, намъ неизвѣстны: мы знаемъ только, что въ 1866 г. генералъ-губернаторъ Корсаковъ представилъ въ министерство финансовъ форму контрактовъ для найма рабочихъ на частные золотые промыслы, проектированную совѣтомъ главнаго управленія Восточной Сибири, но правительство отвергло мысль о составленіи такихъ формъ. Если онѣ составлялись и въ другихъ мѣстахъ въ томъ же духѣ, какъ въ Южно-Енисейскомъ округѣ, то утвержденіе ихъ высшею администраціей ихъ могло бы не улучшить, а скорѣе ухудшить положеніе пріисковыхъ рабочихъ; но, съ другой стороны, и то почти совершенное упраздненіе регулированія отношеній между золотопромышленниками и рабочими, какое мы видимъ въ уставѣ золотопромышленности 1870 г., нельзя считать правильнымъ рѣшеніемъ вопроса, что̀ и начинаютъ сознавать въ настоящее время.

Въ назначенное время рабочіе являлись на сборный пунктъ и оттуда пѣшкомъ или на подводахъ отправлялись на промыслы *). По неоффиціальнымъ свѣдѣніямъ, даже и въ енисейской тайгѣ дороги были не вездѣ удовлетворительны. На сѣверно-енисейскую систему вело 6 дорогъ, но, по словамъ Н. Латкина, не было «ни одной хорошей»; въ южной же системѣ, по его показанію, «дороги устроены довольно порядочно», однако, для экипажей лѣтомъ была доступна только одна дорога (изъ д. Мотыгиной).

II.

Американскій способъ снятія турфа и промывки песковъ.—Продолжительность рабочаго дня.— Ночныя подземныя работы.— Урочная система работъ и размѣръ уроковъ.

Кромѣ обычнаго способа горныхъ работъ на золотыхъ промыслахъ, въ концѣ 50-хъ годовъ былъ заимствованъ изъ Америки новый способъ сня-

*) Относительно пріисковыхъ дорогъ въ оффиціальномъ отчетѣ о золотопромышленности въ Восточной Сибири мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: „Къ золотымъ промысламъ Енисейскаго округа дороги находятся въ удовлетворительномъ состояніи, какъ равно и къ пріискамъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ; къ пріискамъ же Олекминскаго округа онѣ улучшаются съ каждымъ годомъ; наконецъ, къ пріискамъ витимской системы и къ верховьямъ Чикоя, Верхнеудинскаго округа, дороги *едва только возможны для верховой ѣзды*, особенно во время или послѣ дождей. Къ пріискамъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ дороги возможны только для верховой ѣзды“.

тія турфа и промывки песковъ. Вывезъ его изъ Америки Пакулевъ, а впервые онъ былъ примѣненъ въ 1858 г. на промыслахъ К° Зотовыхъ. Золото по этому способу промывалось такимъ образомъ, что золотосодержащіе пески бросали въ длинные, большею частью 5-ти аршинные деревянные желоба или ящики, установленные наклонно на деревянныхъ подставкахъ и вставленные одинъ въ другой, въ которые пускали сильную струю воды. Землистыя части песковъ, а также и мелкіе камешки уносились по желобамъ въ канаву или подставленную деревянную колоду, золото должно было осаждаться на днѣ желоба въ укрѣпленныхъ тамъ рѣшеткахъ или деревянныхъ доскахъ съ просверленными или выдолбленными въ нихъ отверстіями, крупные же камни отбрасывались изъ желобовъ желѣзными вилками или рогульками въ сторону. Почти такимъ же образомъ снимались и торфа или пустые насосы, лежащіе на золотносномъ пласту *).

Уже первые опыты примѣненія американскаго способа показали, что онъ несравненно дешевле добычи золота по обыкновенной системѣ, но, требуя извѣстныхъ условій мѣстности, не можетъ быть введенъ вездѣ. Опыты примѣненія этого способа въ большомъ размѣрѣ на промыслахъ К° Зотовыхъ, а затѣмъ К° Григорова, были неудачны, и обѣ компаніи понесли значительные убытки, но опытъ на одномъ пріискѣ Латкина былъ успѣшенъ. Послѣдній горячо защищаетъ этотъ способъ въ своей книгѣ, главнымъ образомъ, въ виду его дешевизны. Скарятинъ полагалъ, что этому способу предстоитъ большое будущее, такъ какъ онъ можетъ содѣйствовать измѣненію всего строя золотопромышленности въ Сибири; при немъ, по мнѣнію Скарятина, «могутъ работать хоть 10 человѣкъ, и работать если не съ большею, то ужъ никакъ не съ меньшею выгодою, какъ и сотня рабочихъ. Такимъ образомъ, золотой промыселъ дѣлается доступнымъ самымъ мелкимъ капиталистамъ, а, можетъ быть, современемъ *сдѣлается доступнымъ даже и простымъ артелямъ рабочихъ*». Онъ выражалъ надежду, что, благодаря этому способу, произойдетъ устраненіе монополіи большого капитала. Промыселъ «пойдетъ въ разбродъ». Онъ считалъ даже возможнымъ, что современемъ *«хозяиномъ сдѣлается рабочая артель»* (какъ было въ Калифорніи). Пакулевскій способъ почти нигдѣ не привился, но что потребность въ примѣненіи къ золотопромышленности артельнаго труда дѣйствительно назрѣла, показываетъ появленіе въ половинѣ 60-хъ годовъ въ горныхъ округахъ Томской и Енисейской губерній артелей старателей-золотничниковъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Къ сожалѣнію, вторая мысль Скарятина, что современемъ *хозяиномъ* промысла сдѣлается рабочая артель, до сихъ поръ еще не осуществлена, но эта мысль живая и плодотворная, и объ осуществленіи ея должна позаботиться высшая горная администрація.

---

*) *Н. Латкинъ*: „Очеркъ сѣверной и южной системы золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа“. Спб., 1869 г., стр. 150—171. *Таскинъ*: „Объ американскомъ способѣ промывки золото-содержащихъ песковъ“ (*Горный Журналъ* 1860 г., т. IV).

Въ контрактахъ съ рабочими 60-хъ годовъ, какъ и прежде, болѣе или менѣе точно обозначалось количество рабочихъ часовъ, хотя иной разъ при этомъ дѣлались такія оговорки, которыя показывали, что учетъ работы количествомъ часовъ не имѣетъ никакого значенія для горныхъ рабочихъ. По контрактамъ самое раннее начало работъ (по крайней мѣрѣ, когда оно точно обозначалось)—3 ч. утра, между тѣмъ какъ по закону (св. зак. т. VII, ст. 2484), рабочій долженъ былъ трудиться каждый день «не болѣе, какъ съ 5 ч. утра до 8 пополудни, съ означеніемъ, сколько изъ того дается на обѣденный отдыхъ, и съ исключеніемъ воскресныхъ и торжественныхъ дней»; но такъ какъ далѣе упоминалось о «старательской работѣ», какъ о «работѣ сверхъ условленнаго времени», то золотопромышленники, вродѣ г. Безобразова, и толковали это постановленіе такимъ образомъ, что указанное количество рабочихъ часовъ относится только къ урочнымъ работамъ, упуская изъ вида, что если старательская работа превратилась уже въ обязательную, то на нее должно распространяться правило объ ограниченіи количества ежедневнаго труда. Такъ это дѣло понималъ и совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, когда въ своемъ оффиціальномъ, напечатанномъ въ газетахъ, постановленіи (1861 г.) указывалъ на то, что «время работъ назначается съ 4 ч. утра до 8 ч. вечера, а на нѣкоторыхъ пріискахъ работаютъ и до 8½ ч. вечера, тогда какъ закономъ назначено съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера». Въ оффиціальномъ докладѣ одного изъ отдѣленій главнаго управленія Восточной Сибири (1862 г.), какъ на одну изъ причинъ побѣговъ рабочихъ, указывалось на *«непомѣрныя работы съ 4 ч. утра до 11 ч. вечера*, что при маломъ отдыхѣ совершенно обезсиливаетъ рабочаго». Въ печати мы встрѣтили даже указаніе, что работы продолжались иногда отъ 2 ч. утра до 10 ч. вечера, т.-е., если принять отдыхъ въ 2 ч., продолжались 18 часовъ *). Что такіе случаи дѣйствительно бывали, это засвидѣтельствуетъ намъ одинъ золотопромышленникъ, вовсе не склонный рисовать бытъ рабочихъ въ мрачномъ свѣтѣ.

Въ общихъ контрактахъ 60-хъ годовъ съ золотопромышленниками Маріинскаго и Алтайскаго округовъ обыкновенное количество рабочихъ часовъ въ день 13—14½, но условія объ этомъ сопровождаются нерѣдко такими оговорками, которыя давали возможность заставить работать и болѣе, а въ договорѣ съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.) при обозначеніи времени начала и окончанія работъ оставлено даже бѣлое мѣсто, и въ такомъ видѣ контрактъ и былъ вписанъ въ книгу дмитріевскаго волостного правленія въ с. Тисулѣ. Въ контрактѣ съ Петровымъ (Мар. окр. 1864 г.) количество рабочихъ часовъ обозначено такимъ образомъ: «на работу выходить, не исключая и праздниковъ, каждое число *не позже* 5 ч. утра, а сходить *не раньше* 8 ч. пополудни безъ всякихъ отговорокъ на неудобство времени. На обѣдъ же намъ вмѣстѣ съ отдыхомъ въ половинѣ дня полагается *не болѣе* 1½ ч.». Понятно, что подобный контрактъ нисколько не гарантиро-

---

*) Статья Пищикова въ *Сынъ Отечества* 1861 г., № 50.

валъ рабочихъ отъ чрезмѣрнаго напряженія ихъ силъ пріисковымъ управленіемъ *). По словамъ автора одной статьи о золотопромышленности южной части Томской губ., рабочіе должны были трудиться «отъ 4 ч. утра до окончанія урока, съ отдыхомъ по получасу утромъ и вечеромъ для чая и по часу въ полдень для обѣда».

На промыслахъ Кокбектинскаго округа въ Семипалатинской области работа начиналась съ пятаго часа утра и продолжалось до 12; затѣмъ рабочіе обѣдали и отдыхали до третьяго часа пополудни, а потомъ работали до седьмого или восьмого часа вечера **),—слѣдовательно, рабочій день продолжался, если показанія цитированнаго автора справедливы, 11—12 часовъ.

Въ общихъ контрактахъ Южно-Енисейскаго округа количество рабочихъ часовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно точно обозначено, бывало отъ 12½ до 14 часовъ. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1861 г. рабочіе обязываются работать съ 5 до 8 часовъ, за исключеніемъ 2½ часовъ на обѣдъ и отдыхъ, «но мы не будемъ,—сказано далѣе,—имѣть ни претензій, ни ропота на управленіе промысла, если иногда занятіе наше работами и продолжится болѣе вышеозначенныхъ часовъ, ибо при такомъ условіи, какое поставлено ниже... относительно производимой намъ платы (за старательскую работу) продолженіе работъ будетъ зависѣть отъ собственной воли нашей, дабы болѣе сдѣлать выработки, а потому болѣе получить и платы». Въ договорѣ же съ Асташевымъ 1862 г., послѣ опредѣленія времени горныхъ и плотничныхъ работъ (съ 5 до 8 часовъ, съ отдыхомъ въ 1 часъ, т.-е. 14 рабочихъ часовъ), далѣе прибавлено: «а съ 8 до 10 часовъ для себя за особую плату по обоюдному съ управляющимъ промысла согласію» съ золотника добываемаго золота, «для чего намъ и будетъ къ заданному уроку примѣриваться на стараніе излишекъ песковъ по усмотрѣнію управляющаго». Слѣдовательно, въ случаѣ согласія рабочихъ на эту добавочную работу, ихъ рабочій день доходилъ уже до *16 часовъ*. Въ договорѣ съ М. Крутовскимъ (1868 г.) опредѣлено было работать съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, причемъ времени на отдыхъ не было вовсе назначено. Это не значитъ, конечно, чтобы рабочихъ заставляли трудиться безъ перерыва 15 часовъ, но, слѣдовательно, продолжительность отдыха вполнѣ зависѣла отъ произвола пріисковаго управленія. Такъ какъ при существованіи опредѣленныхъ размѣровъ урока постановленія контрактовъ о про-

---

*) По договору съ К° Рязановой и Триполитова (Мар. окр.) работа должна была продолжаться съ 4 ч. утра до 8 ч. вечера, за исключеніемъ на обѣдъ и отдыхъ 1½ часовъ, слѣдовательно, всего 14½ часовъ. Въ договорѣ съ Цыбульскимъ, золотопромышленникомъ Маріинскаго и Ачинскаго округовъ, не были точно обозначены начало и конецъ работъ („не позже 5 ч. утра, не ранѣе 8 ч. пополудни") и, кромѣ того, вовсе не опредѣлена продолжительность отдыха, который названъ только „небольшимъ".

**) См. ст. *Н. Абрамова* о золотопромышленности въ этомъ округѣ въ 1867 г. въ *Тобольск. Губерн. Вѣдом.* 1870 г., № 1.

должительности рабочаго дня не соблюдались и рабочіе не отпускались съ работъ до окончанія урока, то нѣкоторые золотопромышленники и не скрывали этого въ своихъ договорахъ, вовсе не стѣсняясь предписаніемъ закона. Такъ, въ договорѣ съ К° Рязановыхъ (1861 г.) рабочіе обязывались начинать работу съ 4 ч. утра (въ договорѣ съ Завадскимъ 1869 г. даже съ 3 часовъ утра) и оканчивать ее не прежде, какъ по окончаніи урока *).

Въ контрактѣ на вскрышу турфа съ Баландинымъ (1865 г.) опредѣлена продолжительность рабочаго дня *съ 3 ч. утра до 9 ч. вечера*, причемъ не обозначено даже время для отдыха, т.-е. если принять часъ на отдыхъ, то рабочій день могъ быть доведенъ до 17 часовъ. Это бывало и въ дѣйствительности, какъ показываетъ свидѣтельство золотопромышленника И. Латкина (см. ниже). Между тѣмъ, въ 50-хъ годахъ наибольшая продолжительность рабочаго дня, опредѣляемая контрактомъ, равнялась 15 час. Любопытно, что наибольшую продолжительность рабочаго дня мы встрѣчаемъ на нѣкоторыхъ промыслахъ сравнительно крупныхъ золотопромышленниковъ: тутъ, безъ сомнѣнія, сказывалось вліяніе введенія машиннаго производства при промывкѣ золота, какъ и въ 50-хъ годахъ. Крупнымъ компаніямъ, къ тому же, вѣроятно, болѣе мирволили и исправники, допуская нарушеніе закона о продолжительности рабочаго дня. Что дѣйствительность была въ этомъ отношеніи не лучше контрактовъ, видно, между прочимъ, изъ словъ золотопромышленника Безобразова: въ своемъ возраженіи на печатное оффиціальное объявленіе (1861 г.) о различныхъ злоупотребленіяхъ на промыслахъ, Безобразовъ писалъ въ слѣдующемъ году М. С. Корсакову, что работа на пріискахъ, т.-е., конечно, въ лѣтнюю операцію, всегда начиналась въ 3 ч. утра. На недостаточность времени, даваемаго рабочимъ для ночного отдыха, обратила вниманіе и мѣстная администрація. Въ іюнѣ 1865 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа разослалъ слѣдующій циркуляръ: «Я замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ промыслахъ будятъ рабочихъ людей иногда часа за два до выгонки ихъ на работу. Это изнуряетъ людей, такъ какъ при усиленномъ физическомъ трудѣ лишній часъ отдыха могъ бы въ возстановленіи ихъ силъ принести значи-

*) Въ договорѣ съ К° Зотовыхъ (1860 г.) сказано: „Хотя на основаніи горныхъ положеній опредѣлено время съ 5 ч. утра до 8 вечера, но мы, зная по опыту, что здоровый и усердный работникъ заданную ему работу можетъ окончить и скорѣе этого времени и, слѣдовательно, выработаетъ болѣе другого, желаемъ для собственной пользы своей производить работу, не стѣсняясь временемъ поурочно, и за выработку уроковъ получать и самую плату на особыхъ условіяхъ...; на этомъ основаніи, если бы уроковъ своихъ къ 8 часамъ не окончили, то обязываемся продолжать ихъ и далѣе этого времени; но если успѣемъ окончить уроки свои и ранѣе, то ранѣе можемъ быть отъ работъ уволены". Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Поповымъ (1868 г.) опредѣлено было: „на работу выходить по усмотрѣнію управляющаго" и оканчивать ее „не иначе, какъ по совершенной выработкѣ своего урока, для обѣда полагая полтора часа съ 10 мая по 10 августа, а въ остальные мѣсяцы *въ часа*, такъ какъ дни короче".

тельную пользу, а, между тѣмъ, этотъ часъ, проводимый въ докучныхъ тяжелыхъ сборахъ или ожиданіяхъ раскомандировки, ослабляетъ людей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ охоту къ дѣятельности». «Признавая это вреднымъ и тяжелымъ порядкомъ», горный исправникъ просилъ промысловыя управленія «сейчасъ же принять мѣры къ устраненію его и для сего распорядиться: будить рабочихъ всѣхъ вообще въ одно время, напримѣръ, часомъ позже, безъ замедленія группировать ихъ на раскомандировку, раскомандировывать и ставить на работу сейчасъ же безъ всякой потери времени. Я увѣренъ, что эта мѣра будетъ полезна и для рабочихъ, и въ промысловомъ дѣлѣ». Распоряженіе это исправникъ просилъ «объявить рабочимъ и служащимъ къ исполненію».

Въ извѣстныхъ намъ договорахъ сѣверной части Енисейскаго округа продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ 12½—13½ часовъ, но иногда съ оговоркою, что «для собственной пользы» рабочіе желаютъ трудиться, «не стѣсняясь временемъ, а поурочно».

Что продолжительность рабочаго дня бывала въ дѣйствительности и болѣе обычной нормы контрактовъ, видно изъ указаній самихъ золотопромышленниковъ: такъ, Ив. Латкинъ, въ статьѣ *О причинахъ побѣговъ рабочихъ съ золотыхъ промысловъ Восточной Сибири*, указываетъ на «тяжелыя, утомительныя работы, *иногда продолжающіяся на нѣкоторыхъ промыслахъ до 17 часовъ въ сутки*» (!) *). Далѣе въ этой статьѣ авторъ говоритъ: «Усиленная работа по 16—17 часовъ въ сутки должна быть положительно запрещена, чтобы нигдѣ работы не производились долѣе 9 ч. вечера (!) и не начинались бы ра̀нѣе 5 ч. утра и притомъ съ извѣстнымъ двухчасовымъ отдыхомъ на обѣдъ и на ужинъ», слѣдовательно, авторъ предлагалъ не дозволять работать болѣе 14 часовъ въ сутки. Н. В. Латкинъ, въ своей книгѣ, вышедшей въ концѣ 60-хъ годовъ, говоритъ, что «работы начинаются лѣтомъ *обыкновенно въ 4 ч. утра*»; на завтракъ, обѣдъ и ужинъ давалось 2½ часа, и затѣмъ продолжаются работы «обыкновенно до 8 или 9 ч. вечера; но есть промыслы, гдѣ работы заканчиваютъ *въ 10 ч. и позднѣе*; впрочемъ, такихъ немного». Слѣдовательно, по словамъ Н. Латкина, обычная продолжительность рабочаго дня 13½—14½ часовъ, но бываетъ и 15½ *и даже болѣе*. Относительно промысловъ сѣверной части Енисейскаго округа онъ говоритъ: «Въ прежнее время, лѣтъ 6—7 тому назадъ, во многихъ компаніяхъ обращались съ рабочими не совсѣмъ гуманно». Относительно «отягощенія работами славилась одна почтенная (!) и сильная К° Г. и Б. (Голубкова и Бенардаки), и надо правду сказать, что нигдѣ не было столько больныхъ, бѣглыхъ и изнуренныхъ рабочихъ, какъ на ея промыслахъ... Я самъ былъ очевидцемъ,—продолжаетъ Н. Латкинъ,—какъ работы продолжались на нѣкоторыхъ ея промыслахъ *до 11 или даже 12 ч. ночи*, а начинались онѣ въ четвертомъ часу утра», т.-е. если принять въ день 2½ часа отдыха, то, все-таки, получимъ

*) *Содѣйствіе русской промышленности и торговлѣ* 1862 г., прибавл. къ № 3.

18 рабочихъ часовъ, именно столько, сколько указывалъ Пищиковъ въ цитированной выше статьѣ. «Утомленные люди нерѣдко не уходили ужинать и засыпали на забояхъ на сырой землѣ. Благодаря Бога и нынѣшняго взгляда начальства и общества, — говоритъ Латкинъ,—нынѣ этого уже не дѣлается *) и въ этой компаніи, но все же воспоминаніе о возмутительности дѣйствій управленія этой К° не скоро изгладится; при этомъ надо замѣтить, что управленіе этой К° считалось образцовымъ и лицо, руководившее имъ, было въ свое время великимъ авторитетомъ».

Относительно Олекминскаго округа мы видѣли, что въ 1861 году контрактъ Рукавишникова вызвалъ замѣчаніе со стороны главнаго управленія Восточной Сибири, что на основаніи этого договора работы начинались съ 4 ч. утра и кончались въ 8 ч. вечера. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе оффиціальнаго выговора, въ договорѣ съ Рукавишниковымъ слѣдующаго года начало работъ назначено было въ 5 часовъ, а окончаніе даже въ 7 ч., но за то неизвѣстно, какъ продолжителенъ былъ отдыхъ. Въ другихъ договорахъ Олекминскаго округа продолжительность рабочаго дня опредѣляется въ 13½—14 часовъ, а въ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.) рабочіе обязываются трудиться въ лѣтнее время не менѣе 14 часовъ.

При обозначеніи количества рабочихъ часовъ всегда дѣлается оговорка, что въ экстренныхъ случаяхъ при укрѣпленіи плотинъ, устройствѣ водопроводныхъ канавъ, укрѣпленіи ортъ и шурфовъ, въ случаѣ пожара и т. п., рабочіе обязаны безпрекословно и усердно работать во всякое время и во всякую погоду; иногда прибавлено даже: подъ опасеніемъ взысканія за убытки. Ни о какомъ особомъ вознагражденіи за эти труды нѣтъ и рѣчи **).

Въ началѣ 60-хъ годовъ работы на нѣкоторыхъ золотыхъ промыслахъ производились въ двѣ смѣны, такъ что одни работали днемъ, другіе ночью. Но, по словамъ Лопатина, это бываетъ «только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ», и такія работы «бываютъ непроизводительны». Что, дѣйствительно, ночныя работы были весьма рѣдкимъ явленіемъ, видно и изъ того, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ съ пріисковыми рабочими мы встрѣтили упоминаніе о нихъ въ договорахъ всего двухъ золотопромышленныхъ компаній: одномъ—Томской губерніи и одномъ—Олекминскаго округа ***). Это объясняется тѣмъ, что ночныя работы могли быть

---

*) Рецензентъ книги Латкина въ журналѣ *Дѣло* (1869 г., № 11) выражаетъ относительно этого сомнѣніе: „говорятъ, что на нѣкоторыхъ пріискахъ работы начинаются въ 2 ч. ночи и продолжаются до 11 и 12 ч. слѣдующей ночи".

**) Только въ одномъ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ Баснина и Катышевцева (1863 г.) сказано: „Отъ экстренной необходимой работы отказываться мы, рабочіе, не должны ни въ какое время, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ управляющій платилъ намъ каждому въ будничные дни обыкновенную плату изъ 3 р. с. оклада въ мѣсяцъ, т.-е. по 10 коп. въ день, и въ воскресные и праздничные дни каждому задолжающемуся въ работѣ человѣку по 50 к. с. въ день".

***) Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К° Олекминскаго округа (1867 г.)

только подъ землею, а «ортовыя» (подземныя) работы упоминаются въ контрактахъ также весьма рѣдко *).

Относительно поисковыхъ партій, занятыхъ пріисканіемъ новыхъ золотоносныхъ мѣстъ, въ общихъ контрактахъ нерѣдко встрѣчается обязательство рабочихъ тамъ, гдѣ нельзя проѣхать ни на лошадяхъ, ни на лодкахъ, переносить на себѣ припасы и необходимые для работъ инструменты, иногда подъ страхомъ (въ случаѣ уклоненія отъ этого) возмѣщенія всѣхъ убытковъ отъ произшедшей остановки работъ **).

Уже въ 50-хъ годахъ стали, вмѣсто извѣстнаго количества часовъ работы, назначать опредѣленные уроки, и въ дѣйствительности урочная система работъ была общепринятою. Въ 60-хъ годахъ размѣръ уроковъ сталъ указываться во всѣхъ контрактахъ, хотя и весьма возможно, что опредѣленіе контракта въ этомъ отношеніи не всегда соотвѣтствовало дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ показаній свѣдущихъ людей, въ 50-хъ годахъ начала распространяться система такъ называемыхъ полуторныхъ уроковъ, т.-е. *обязательныя* прибавки половины или хотя бы и меньшей доли къ нормальному уроку на условіяхъ старательской работы (при работѣ на пескахъ ранѣе, чѣмъ на турфахъ), между тѣмъ, въ контрактахъ такой порядокъ сказывается лишь въ концѣ этого десятилѣтія. Быть можетъ, контракты потому отставали отъ жизни, что золотопромышленники стѣснялись постановленіями закона, требовавшаго точнаго обозначенія въ договорахъ количества рабочихъ часовъ. Пока существовало такое точное обозначеніе, въ рамки опредѣленнаго рабочаго дня трудно было умѣстить извѣстный размѣръ урока съ *опредѣленною* прибавкой; поэтому на бумагѣ все еще оставался и старый порядокъ распредѣленія работъ, между тѣмъ какъ свѣдущіе люди еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ свидѣтельствовали о началѣ распространенія системы полуторныхъ уроковъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ 60-хъ годахъ на огромномъ большинствѣ пріисковъ стараніе въ праздники было обязательно и производилось въ томъ же порядкѣ и обыкновенно съ тѣми же уроками, какъ и въ будни, а въ

сказано: „если встрѣтится надобность на производство, вмѣсто дня, въ ночное время работъ, то отъ таковыхъ отказываться мы не должны и выполнять ихъ въ точности, какъ бы и днемъ“.

*) Изъ многихъ извѣстныхъ намъ договоровъ южной части Енисейскаго округа ортовыя работы упоминаются только въ двухъ: съ Асташевымъ и Логиновымъ.

**) Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Маріинскаго и Ачинскаго округовъ Цыбульскимъ (1864 г.) мы встрѣтили слѣдующее странное условіе: „Если будемъ мы въ командировкѣ для развѣдки мѣстъ шурфовкою или по другимъ занятіямъ внѣ промысла, то въ этихъ случаяхъ должны имѣть повиновеніе, *не требуя за то время вознагражденія или особой платы* (?!) и старанія, если этого не дастъ намъ самъ хозяинъ или его довѣренный“. Быть можетъ, это означаетъ, что рабочіе не должны въ подобныхъ обстоятельствахъ требовать прибавки къ обычной мѣсячной платѣ, но и въ такомъ случаѣ это мѣсто любопытно для характеристики и контрактовъ вообще, и золотопромышленника Цыбульскаго въ особенности, въ договорахъ котораго и при опредѣленіи количества рабочихъ часовъ мы находимъ подобныя же, весьма опасныя для рабочихъ, неточность и неопредѣленность.

будни работа сверхъ урока, было или нѣтъ нормировано контрактомъ ея количество, обыкновенно также составляла прямое продолженіе урочной работы, т.-е. была общимъ стараніемъ на торфахъ или пескахъ.

Изъ контрактовъ съ промысловыми управленіями Западной Сибири наиболѣе типичнымъ для первой половины 60-хъ годовъ является договоръ съ золотопромышленницею Маріинскаго округа Лавровскою (1864 г.), въ которомъ размѣръ урока опредѣленъ такимъ образомъ: «Вскрышу каждый куб. сажени торфа производить при мерзлой землѣ такимъ числомъ рабочихъ, какое, по усмотрѣнію промысловаго управленія, необходимо будетъ нужно, при такой же землѣ безъ лошадей, т.-е. съ откаткою на тачкахъ, четырмя человѣками, а при одной хозяйской лошади *двумя* человѣками. Добычу каждой куб. сажени золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля въ указанное мѣсто производить не болѣе какъ тремя человѣками съ потребнымъ количествомъ лошадей». Точно такое же опредѣленіе урока мы находимъ и въ нѣсколькихъ контрактахъ южной части Енисейскаго округа въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. По оффиціальному свидѣтельству, въ 1853 г. въ южной части Енисейскаго округа при работѣ съ лошадью ставилось при добычѣ торфа также два человѣка на куб. сажень, а при ручной откаткѣ отъ 4 до 6 человѣкъ; что же касается добычи и промывки песковъ, то при вододѣйствующей чашѣ на кубическую сажень песку требовалось отъ 3 до 4 человѣкъ. Такимъ образомъ, уроки Лавровской, по крайней мѣрѣ, при ручной откаткѣ торфа и при добычѣ и промывкѣ золота, совпадали съ максимальными, а не съ минимальными уроками 50-хъ годовъ. Но въ другихъ извѣстныхъ намъ контрактахъ съ золотопромышленниками Маріинскаго округа въ 60-хъ годахъ уроки были болѣе *). Такимъ образомъ, напряженность труда все болѣе и болѣе увеличивалась.

Въ нѣсколькихъ договорахъ южной части Енисейскаго округа опредѣленіе размѣра уроковъ на торфахъ и пескахъ точно такое же, какъ и въ контрактѣ съ маріинскою золотопромышленницей Лавровской (1864 г.), но и здѣсь уроки современемъ возросли **).

---

*) Такъ, въ договорѣ съ К° Рязановой и Триполитова (1863 г.) урокъ при вскрытіи турфовъ до 1 марта былъ назначенъ по 1 куб. саж. на 2 человѣка съ лошадью (между тѣмъ какъ, по оффиціальному свидѣтельству 1853 г., въ зимнее время прибавлялось по 2—3 чел. на сажень, смотря по качеству турфа), а съ 1 марта до окончанія срока полагалось добывать и отвозить торфовъ и песковъ по $1^1/_4$ саж. на 2 человѣка. Въ контрактѣ съ маріинскимъ и ачинскимъ золотопромышленникомъ Цыбульскимъ 4 человѣка съ 2 лошадьми должны были лѣтомъ добывать и отвозить *3 саж.* торфа (т.-е. болѣе чѣмъ въ К° Рязановой и Триполитова, гдѣ 4 человѣка вскрывали $2^1/_2$ саж.); размѣръ же уроковъ при добычѣ и промывкѣ песковъ былъ вовсе не опредѣленъ въ контрактѣ и назначеніе его предоставлялось усмотрѣнію промысловаго управленія. По договору съ золотопромышленникомъ Шитиковымъ, при добычѣ и промывкѣ песковъ 2 человѣка должны были промывать не менѣе 1 куб. саж. съ добычей и вывозкой песку и отвозомъ эфеля и гальки, между тѣмъ какъ, по договору съ Лавровскою, это количество добывалось и промывалось *тремя* человѣками.

**) По договору съ Асташевымъ 1867 г. при добычѣ турфа (при талой землѣ и ручнымъ откатѣ) на куб. сажень ставилось уже не 4, а 3 чел., а при 1 хозяйской

Въ трехъ договорахъ южной части Енисейскаго округа (съ Удерейскою К° 1861 г., съ Зубовою 1863 г. и съ Асташевымъ 1868 г.) мы встрѣтили при опредѣленіи урока на торфахъ и пескахъ обязательное соединеніе урочныхъ и старательскихъ работъ, а именно прибавку $^1/_4$ старательской сажени. По договору съ А. Лопатинымъ (1862 г.) «на выработку 1 куб. сажени какъ золотоноснаго песка съ отвозкою на машину или къ механическому подъему, такъ и турфа въ отвалы или тоже къ механическому подъему», ставилось по 2 чел. на сажень, причемъ отмѣрялось въ стараніе уже не $^1/_4$, а $^1/_2$ сажени, такъ что при таломъ грунтѣ они должны были вырабатывать каждый день золотоноснаго пласта или турфа по $1^1/_2$ саж., не требуя особыхъ возчиковъ *). По договору съ К° Хотинскаго и Макарова (1868 г.) урокъ былъ назначенъ при вскрышѣ турфа и добычѣ песковъ — 1 куб. саж. двумя человѣками съ 1 лошадью; сверхъ того, для увеличенія своей «заработки» рабочіе обязались сверхъ кубической сажени двумя человѣками съ лошадью вырабатывать «со вступленія въ работы на пріискъ по 10 мая еще $^1/_4$ сажени», а съ мая, т.-е. съ начала промывки песковъ, опредѣленные на вскрышу турфа должны были, сверхъ указаннаго «хозяйскаго урока, безпрепятственно принимать себѣ въ замѣръ торфа въ каждый день для старанія на 2 чел. и 1 лошадь по $^1/_2$ куб. саж., а назначенные на добычу песковъ, подвозку ихъ на машину, отвозку гальки и эфеля и др. работы обязывались забойщикъ и возчикъ въ «хозяйскій урокъ» добыть и свезти на машину 1 куб. саж. песковъ и сверхъ этого урока «принимать себѣ каждый день въ стараніе на 1 забойщика и возчика по $^1/_4$ саж.», если же, сказано далѣе, «кто-либо изъ насъ подъ разными предлогами захотѣлъ бы уклониться и не принимать... старательскаго замѣра торфовъ и песковъ, то изъ насъ никто этого сдѣлать не можетъ и съ работъ самовольно отлучаться не долженъ, а если кто это учинитъ, то управленіе, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, имѣетъ взыскать по всей строгости закона за неповиновеніе и ослушаніе». Эти слова показываютъ,

---

лошади считалось $1^1/_2$ чел., вмѣсто 2, т.-е. 3 чел. на 2 куб. сажени; добывать 4 саж. золотосодержащихъ песковъ должны были 5 чел. (т.-е. на добычу 1 сажени считался $1^1/_4$ чел.), а добыть 1 куб. саж. песку, промыть на машинѣ и отвезти гальку и эфель въ отвалы должны были не болѣе $2^1/_2$ человѣкъ (вмѣсто прежнихъ 3), т.-е. 5 чел.— 2 куб. сажени съ необходимымъ количествомъ хозяйскихъ лошадей. Подобное же увеличеніе напряженности труда произошло и на промыслахъ Исаева, по договору съ которымъ (1865 г.) количество промываемыхъ песковъ еще болѣе увеличено (на 1 куб. саж. полагалось уже не $2^1/_2$, а только $2^1/_4$ чел.). Въ договорѣ съ К° Мясникова на 1861—62 годъ мы находимъ огромный урокъ на торфахъ: при талой землѣ *съ ручною откаткой на тачкахъ* должно было добыть и вывезти 1 куб. саж. *двумя* человѣками (во всѣхъ другихъ договорахъ тремя или четырьмя чел.), а при одной хозяйской лошади $1^1/_2$ чел., т.-е. тремя человѣками 2 саж.

*) При вскрышѣ торфа ручнымъ откатомъ на тачкахъ ставилось по этому договору на выработку 1 куб. саж. при откаткѣ на разстояніи до 15 саж. по 2 чел. на сажень, при разстояніи до 25 саж. — 3 чел. и т. д., при мерзломъ же грунтѣ прибавлялось людей по усмотрѣнію промысловаго управленія.

что введеніе прибавочной старательской четверти или половины сажени было сдѣлано не безъ нѣкоторой борьбы: очевидно, рабочимъ болѣе нравился тотъ порядокъ, когда старательская работа въ будни не была обязательною, а предоставлялась ихъ собственному желанію и усмотрѣнію. Наконецъ, этотъ процессъ сліянія урочныхъ и старательскихъ работъ завершился тѣмъ, что о немъ стало упоминаться въ нѣкоторыхъ договорахъ въ видѣ особаго заявленія, какъ, наприм., въ договорѣ съ Григоровымъ 1869 г. *). Не касаясь пока размѣра платы, мы укажемъ только величину уроковъ. На турфахъ талыхъ конною отвозкой рабочіе обязались по этому договору вырабатывать каждый день двумя человѣками отъ *одной* до *двухъ* (!) куб. саж. **), а ручнымъ откатомъ *двумя* (!), тремя и никакъ не болѣе четырьмя человѣками ***), смотря по свойству турфа и близости откатки въ отвалы. При добычѣ и отвозкѣ песковъ на машину они должны были вырабатывать 3 — 4 куб. саж. тремя или четырьмя человѣками при 2 лошадяхъ. Сравнивъ это количество работъ съ тѣмъ, какое было опредѣлено въ договорѣ съ Лавровскою и другими золотопромышленниками начала 60-хъ годовъ, мы, если даже и примемъ во вниманіе нѣкоторую прибавку въ то время на стараніе (около 1/4 урока), все-таки, увидимъ, какъ сильно увеличилась напряженность труда. При промывкѣ песка это отчасти еще можетъ объясняться усовершенствованіемъ промывальныхъ машинъ, хотя собственно работа забойщиковъ осталась въ столь же первобытномъ видѣ, какъ и прежде, относительно же вскрытія торфа мы не видимъ и этого и лишь изрѣдка въ договорахъ упоминается объ искусственныхъ приспособленіяхъ для подъема торфа. Различіе въ размѣрѣ уроковъ на разныхъ промыслахъ можетъ объясняться различіемъ въ свойствѣ почвы, но, все-таки, увеличеніе уроковъ съ теченіемъ времени несомнѣнно.

Въ Олекминскомъ округѣ, какъ мы уже упоминали, весною заключались съ рабочими особые договоры на старательскія работы. Въ договорѣ 1 мая 1863 г. съ ленскимъ товариществомъ Баснина и Катышевцева рабочіе съ начала промывки песковъ обязались «въ каждый рабочій будничный день вскрыть торфа и отвезти его въ отвалы или добыть и отвезти на машину золотосодержащихъ песковъ двумя человѣками при 1 лошади по 1 куб.

---

*) „За каждый рабочій день на пріискахъ,—сказано здѣсь,—опредѣляется плата по 10 коп. каждому рабочему. Сверхъ того дозволяются золотопромышленниками и ихъ управляющими старательскія работы на золотѣ и на турфѣ въ будни и въ праздники, за которыя, по усмотрѣнію ихъ, и производится еще особая плата. Но такъ какъ неопредѣлительность старательскихъ работъ и самое вознагражденіе за оныя не обезпечиваютъ... заработокъ нашихъ, а равно золотопромышленники и ихъ управляющіе безъ опредѣлительности работъ нашихъ не могутъ основать на нихъ своихъ соображеній, то, во избѣжаніе сего, по взаимному согласію между нанимателемъ и нами, признали для себя нужнымъ и полезнымъ соединить урочныя работы вмѣстѣ со старательскими и получать за тѣ и другія нераздѣльную плату".

**) Въ договорѣ съ К° Григорова и Семенова (1870 г.) отъ $1^1/_2$ до 2 саж.

***) Въ договорѣ 1870 года двумя или тремя чел.

сажени за обыкновенную мѣсячную плату, на отвозку же въ кучу гальки и эфеля на каждыя 3 куб. сажени песковъ должны становиться по 2 лошади» *). Сверхъ только что указанной урочной работы, рабочіе обязались за особую ежедневную плату «двумя человѣками при одной лошади добывать песковъ и подвозить на машину, а торфа вскрыть и отвозить въ отвалы по ¼ куб. саж., а смотря по удобству добычи песковъ и вскрыши торфа—и болѣе» **). Въ праздничный день полагались такіе же уроки для урочныхъ и старательскихъ работъ. Если же кто изъ рабочихъ «сверхъ выполненія урочной и старательской работы изъявитъ желаніе, составя между собою небольшія артели, промывать пески или вскрывать торфа», то управляющій не долженъ былъ имъ въ томъ отказывать, а обязанъ былъ указать имъ мѣсто для работъ. Такимъ образомъ, по этому договору такъ называемая частно-старательская работа (сверхъ урочной въ размѣрѣ 1 саж. и старательской—¼ саж. на указанное количество людей) была не обязательна. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же день особымъ дополнительнымъ условіемъ рабочіе и эту работу превратили въ обязательную ***), и, такимъ образомъ, по этому добавочному условію 2 рабочихъ съ 1 лошадью должны были обязательно вырабатывать въ день уже не 1¼, а 1½ куб. саж. Въ договорѣ Прибрежно-Витимской компаніи (1867 г.) мы также встрѣчаемъ полуторные уроки, т.-е. обязательную прибавку половины урока въ видѣ старанія.

Пищиковъ въ своей статьѣ говоритъ, что обременительность урочныхъ промысловыхъ работъ «выходитъ изъ всякаго вѣроятія»: «Напримѣръ, есть ли какая-либо возможность на разстояніи отъ 200 до 300 саж. отъ мѣста добычи песковъ до промывальной машины перевезти на 1 лош. и 2 чел. рабочихъ 1½ куб. саж., составляющихъ тяжести до двухъ тысячъ пудовъ, и этотъ урокъ отъ того только такъ малъ, что лошадь не въ состояніи больше вывезти; если бы лошадь могла вывозить 2 саж. въ смѣну, двѣ положили бы на урокъ, т.-е. на каждаго человѣка сажень». Какъ мы видѣли, къ концу 60-хъ годовъ дѣло дошло и до этого. «Обыкновенно,— продолжаетъ Пищиковъ,—2 чел. съ лошадью и на вышеозначенномъ разстояніи могутъ добыть и вывезти кубическую сажень безъ большого труда, и этотъ урокъ достаточенъ для пользы хозяина и не обременителенъ для

*) Для разравниванія отваловъ гальки, эфеля и торфа пріисковое управленіе должно было поставить особыхъ людей. Разстояніе отваловъ отъ мѣста работъ не должно было ни въ какомъ случаѣ превышать 150 саженъ.

**) Но для отвоза гальки, эфеля и торфа въ отвалы особыхъ людей они не должны были требовать.

***) Въ этой дополнительной „подпискѣ“ сказано: „Каждые изъ насъ 2 человѣка рабочихъ при одной лошади должны, кромѣ 1 саж. за мѣсячную плату и ¼ саж. изъ поденной платы, вырабатывать еще ¼ саж. частно-старательской работы или же, считая въ каждой куб. сажени 40 таратаекъ песковъ“, рабочіе обязывались „вывозить на машину по 10 таратаекъ по частно-старательской работѣ“, получая добавочную плату за пески съ каждой таратайки, а за турфъ съ сажени.

рабочихъ. «Большіе уроки ведутъ свою родословную,—говоритъ Пишиковъ въ другомъ мѣстѣ, — отъ громадныхъ выработокъ отрядными рабочими, потому что уполномоченные, видя постоянно у отрядныхъ большія выработки... вообразили себѣ, что рабочіе, нанятые по такъ называемому общему контракту... могутъ вырабатывать такіе же уроки», и «приняли себѣ за правило задавать на 2 чел. и 1 лош. 1½ куб. саж., не соображая того, что эти уроки почти никогда не вырабатываются», и «если иногда показываютъ» ихъ «выработанными», то «только тогда, когда рабочіе воровски сами или съ согласія служащаго, находящагося при смотрѣніи за рабочими, передвигаетъ на ¼ или ½ аршина ближе къ началу работъ... шнуръ, означающій окончаніе заданнаго урока» *). Но часто уменьшать, такимъ образомъ, урокъ оказывалось, разумѣется, невозможнымъ, а что неотработка урока не проходила рабочему даромъ, это мы увидимъ ниже. Лопатинъ въ своей статьѣ (1871 г.) говоритъ: «Назначеніе уроковъ при всѣхъ земляныхъ работахъ не одинаково и зависитъ отъ различныхъ условій. Если торфа мерзлые или мясниковатые (глинистые) и отвозка ихъ отдалена, то на выработку одной куб. сажени ставится отъ 7 до 15 человѣкъ; если же грунтъ состоитъ изъ сыпучаго песку съ мелкимъ камнемъ (галькою) и не мерзлый, то 1 сажень вырабатываютъ 2 человѣка при 1 лошади». Но если таковъ былъ урокъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, то 10 лѣтъ позднѣе, когда писалъ Лопатинъ, уроки были уже гораздо болѣе, и у самого Лопатина еще въ 1862 году 2 человѣка (вмѣстѣ съ обязательнымъ стараніемъ) должны были выработать каждый день пласта или турфа по полторы сажени. Увѣряя въ своей статьѣ, что «урочную работу хорошіе рабочіе зачастую кончаютъ въ 5—6 часовъ вечера», Лопатинъ, повидимому, забывалъ, что за урочною саженью у него слѣдовала еще обязательная добавка въ видѣ лишней старательской половины сажени на 2 рабочихъ. Корреспондентъ одной петербургской газеты утверждалъ даже, что пріиски были «страшнѣе каторги» **).

Въ то время, какъ общіе контракты представляютъ большое разнообразіе въ размѣрѣ уроковъ, контракты съ отрядными рабочими на вскрышу

---

*) *Сынъ Отечества* 1861 г., №№ 31 и 50.

**) Въ доказательство своихъ словъ онъ приводитъ слѣдующій примѣръ: „Въ 1861 году ссылался на заводы Енисейской губерніи бѣглый каторжникъ Черниковъ. Дорогою онъ сошелся съ поселенцемъ Ѳедоровымъ, пересылавшимся по этапу на пріискъ компаніи Рязановыхъ. Черниковъ и Ѳедоровъ помѣнялись между собою званіемъ, именами и фамиліями. Черниковъ ушелъ на пріиски, а Ѳедоровъ—на мѣсто Черникова въ каторгу. На пріискахъ Черниковъ пробылъ только до 15 апрѣля и, испытавъ пріисковыя работы, чистосердечно самъ объявилъ о себѣ, что онъ каторжникъ". Авторъ опроверженія на эту корреспонденцію пытался объяснить приведенный случай тѣмъ, будто бы бѣжать съ каторги удобнѣе, чѣмъ съ пріиска (?), вслѣдствіе его отдаленности отъ жилыхъ мѣстъ, забывая, что не мало народа бѣжало, однако, съ пріисковъ и что бѣглому каторжнику также приходилось обыкновенно пробираться по лѣснымъ трущобамъ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ.

торфа гораздо менѣе отличаются въ этомъ отношеніи другъ отъ друга, что, по всей вѣроятности, объясняется задѣльною платой отрядныхъ рабочихъ, при которой они сами старались наработать какъ можно болѣе и выше нормы, установленной въ контрактѣ; усердіе къ труду поддерживалось въ нихъ и тѣмъ, что они нанимались на пріисковыя работы артелями. Въ огромномъ большинствѣ контрактовъ и Маріинскаго, и Енисейскаго округовъ, въ теченіе всего десятилѣтія 60-хъ годовъ, отрядные рабочіе обязывались вскрывать 1 куб. саж. (иногда не менѣе 1 куб. саж.) двумя человѣками на хозяйской лошади; въ нѣкоторыхъ контрактахъ къ этому прибавлено, что сработанное сверхъ урока зачисляется въ стараніе, т.-е. оплачивается по повышенной платѣ *). Въ договорѣ съ компаніей Квятковской и Королева (южной част. Енис. окр. 1865 г.) постановлено, чтобы въ будни лишняя старательская выработка была не болѣе ¼ саж., а въ праздники полагалось выработать 1¼ куб. сажени; въ договорѣ же съ Поротовымъ (южн. част. Енисейск. окр. 1865 г.), при такомъ же условіи относительно будней, въ праздники назначено вырабатывать по 1½ куб. сажени. Въ договорѣ съ компаніей Малевинскаго (сѣв. част. Енис. окр. 1865 г.) выработка 1 куб. саж. съ ручною отвозкой на тачкахъ должна была производиться тремя человѣками при разстояніи отваловъ отъ 3 до 50 саж., а въ договорѣ съ компаніей Голубкова и Кузнецова (сѣв. част. Енис. окр. 1867 г.) на тачкахъ—четырьмя человѣками, на лошадяхъ—двумя человѣками. Что и этотъ послѣдній урокъ былъ не малъ, видно изъ слѣдующаго письма довѣреннаго компаніи Голубкова: «О платѣ за излишнюю сверхъ урока выработку турфовъ въ будни въ условіи не было слова, потому что *я не предполагалъ, чтобы они могли вырабатывать лишнее*», и затѣмъ слѣдуетъ дозволеніе назначить праздничную плату за излишнюю старательскую выработку сверхъ назначеннаго урока. Мы видимъ, слѣдовательно, что если большіе уроки, какъ думалъ Пищиковъ, «ведутъ свою родословную» отъ уроковъ отрядныхъ рабочихъ, то послѣдніе умѣли, по крайней мѣрѣ, мѣшать ихъ дальнѣйшему увеличенію въ контрактахъ, и уроки въ 1½ саж. на 2 человѣкъ съ лошадью очень рѣдки, хотя, можетъ быть, въ дѣйствительности они иной разъ и вырабатывали болѣе назначеннаго.

Въ случаѣ недоработки назначеннаго урока, рабочіе должны были или отработать его на другой день сверхъ урочнаго назначенія, лишаясь, тѣмъ не менѣе, платы за эту недоработку, или подвергались особому вычету (по одному договору отъ 50 коп. до 3 р., смотря по количеству недоработаннаго урока) **). Въ договорахъ съ отрядными рабочими, нанявшимися на

*) По договору съ Лопатинымъ (1862 г.) пріисковому правленію предоставлено право заставить рабочихъ вскрывать турфы съ отвовомъ на тачкахъ, но съ тѣмъ, чтобы ручная откатка продолжалась не долѣе 10 сентября. Болѣе частая ручная откатка турфа въ сѣверно-енисейской системѣ объясняется тѣмъ, что стоимость содержанія тамъ лошадей была очень дорога, вдвое дороже содержанія человѣка (*Гор. Журн.* 1860 г., т. IV, стр. 15—16).

**) По договору съ Даниловымъ (южн. част. Енис. окр. 1863 г.), въ случаѣ не-

вскрытіе турфа, мы встрѣчаемъ, въ случаѣ недоработки урока, или отработку его на другой день, или отработку въ праздничные дни по будничной платѣ, или вычетъ изъ праздничнаго или вообще старательскаго заработка, соотвѣтственно количеству недоработаннаго. Иногда же отрядные рабочіе выговариваютъ въ контрактахъ, чтобы вычета за недоработку съ нихъ не дѣлали.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

доработки, *или* лишеніе платы за невыработанное количество, *или* отработка на другой день. По договорамъ Олекминскаго округа съ Рукавишниковымъ (1862 г.) и Марковымъ (1862 г.) за недоработку полагался денежный вычетъ, въ первомъ пропорціонально количеству, недостающему до урока, во второмъ—по 15—25 к. въ день.

Французская лирика въ XIX столѣтіи *).

VII.

Приступая къ характеристикѣ Сентъ-Бёва, Брюнетьеръ называетъ его «самымъ сложнымъ романтикомъ и единственнымъ, дѣйствительно мыслившимъ». Вслѣдствіе крайне разнообразнаго и трудно уловимаго характера его произведеній, его нелегко понять и опредѣлить. Въ настоящее время поэтическія произведенія Сентъ-Бёва читаются мало. Онъ не обладалъ, подобно Ламартину и Гюго, качествами, способными обезсмертить поэта. Но многія его стихотворенія художественны, остроумны и изящны, такъ что онъ имѣлъ нѣкоторое право съ горечью жаловаться на тотъ вредъ, который, по его словамъ, «прозаикъ нанесъ въ немъ поэту». Но если бы даже въ его стихахъ и не было ничего, кромѣ неясныхъ намековъ на тѣ высокія качества, которыми мы восхищаемся въ его произведеніяхъ, въ *Port-Royal* или *Causeries du lundi*, то и тогда его значеніе и вліяніе не были бы забыты въ исторіи эволюціи лиризма.

Благодаря поэтическимъ произведеніямъ Сентъ-Бёва и его раціональному пониманію поэзіи, лиризмъ пришелъ къ полному сознанію самого себя и той тѣсной связи, которая соединяетъ его съ личностью поэта. Въ Сентъ-Бёвѣ опредѣлились два направленія, изъ которыхъ одно влекло лиризмъ къ внутренней работѣ, въ духѣ *Méditations,* а другое— въ направленіи *Orientales*, къ виртуозности. И, наконецъ, въ *Pensées d'août* и еще болѣе въ *Joseph Delorme* лиризмъ Сентъ-Бёва доходитъ, если можно такъ выразиться, до патологическаго состоянія и тѣмъ самымъ уясняетъ намъ условія, необходимыя для его нормальнаго развитія.

Брюнетьеръ лишь мимоходомъ касается дѣятельности Сентъ-Бёва, какъ критика, сначала въ *Globe*, гдѣ онъ приготовлялъ путь для новой романтической школы, затѣмъ въ другихъ журналахъ и въ его *Tableau de la poésie française au XVI siècle*, гдѣ, связавши съ именемъ Ронсара романтизмъ, онъ далъ послѣднему если не болѣе славныхъ, то болѣе древнихъ, а, слѣдовательно, и болѣе почтенныхъ предковъ, чѣмъ тѣ, которыми

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

хвастались псевдо-классики 1828 г. Отъ «предковъ», прежде всего, требуется, чтобъ они были «древними», а Ронсаръ, по крайней мѣрѣ, на шестьдесятъ лѣтъ старше Малерба. Многіе упрекаютъ Сентъ-Бёва въ излишнемъ «ронсардизмѣ» и въ святотатственномъ намѣреніи уничтожить цѣлый періодъ литературной исторіи, обнимающій собою двѣсти пятьдесятъ лѣтъ. Но каковы въ этомъ случаѣ были намѣренія Сентъ-Бёва,—говоритъ Брюнетьеръ,—лучше всего можетъ разъяснить замѣчаніе, высказанное имъ въ его *Joseph Delorme*, гдѣ знаменитый критикъ, посредствомъ остроумнаго сравненія, знакомитъ насъ съ истинными стремленіями романтической школы.

«Поэзія древнихъ,—говоритъ онъ,—по крайней мѣрѣ, поэзія грековъ, возвышалась надъ прозою и разговорнымъ языкомъ въ видѣ балкона. Французская поэзія съ самаго начала была на одномъ уровнѣ съ землею и представляла, относительно прозы, какъ бы нижній этажъ. Ронсаръ и поэты Возрожденія попробовали выстроить балконъ, но они слишкомъ выдвинули его впередъ и пытались помѣстить его такъ высоко, что балконъ рухнулъ вмѣстѣ съ своими строителями. Затѣмъ наша поэзія очутилась, болѣе чѣмъ когда-либо, на одномъ уровнѣ съ землею. Благодаря Буало, она устроила себѣ тротуаръ дюйма на два выше улицы. Но тротуары, по которымъ часто ходятъ, скоро портятся, что произошло и въ данномъ случаѣ. Поэзія, съ своими напыщенными, но безсодержательными словами, очутилась вновь на обычномъ уровнѣ и въ одномъ этажѣ съ прозою. Теперь идетъ рѣчь о передѣлкѣ заново тротуара и даже имѣется въ виду опять выстроить балконъ».

Лично Сентъ-Бёвъ не имѣлъ честолюбія «выстроить балконъ»; предоставляя это дѣло другимъ смѣльчакамъ, онъ ограничился попыткой «подновить тротуаръ». Эта скромная мысль выражена у него въ стихотвореніи *La Promenade*, напоминающемъ произведенія англійскихъ поэтовъ Коупера, Краббa и Вордсворта, которыхъ Сентъ-Бёвъ изучилъ въ совершенствѣ и которые часто служили для него предметомъ подражанія и восхищенія. Въ одиннадцатомъ томѣ его *Causeries du lundi* есть три статьи о Коуперѣ, въ которыхъ Сентъ-Бёвъ знакомитъ французскихъ читателей съ искренностью и простотою этихъ поэтовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ ихъ индивидуалистическимъ и глубоко гуманнымъ направленіемъ. Въ *Joseph Delorme* мы находимъ подражанія Вордсворту, вполнѣ характеризующія поэзію Сентъ-Бёва. Въ этой поэзіи нѣтъ ни великихъ честолюбивыхъ замысловъ, ни мечтаній о славѣ, счастіи и любви. Напротивъ, спокойная умѣренность, скромныя радости и мелкое личное горе составляютъ общій фонъ этой поэзіи. Мансарда подъ крышей въ одномъ изъ людныхъ кварталовъ, нѣсколько старыхъ книгъ въ пожелтѣвшихъ переплетахъ, бѣдная студенческая обстановка, несложные и легко удовлетворимые вкусы, кувшинъ свѣжаго молока на столѣ—вотъ первая мечта Жозефа Делорма или Сентъ-Бёва. Интересъ, участіе и состраданіе, которые онъ, какъ художникъ и какъ человѣкъ, обнаруживаетъ по отношенію «къ бѣднымъ

людямъ», были совершенною новостью во французской поэзіи описываемаго времени, и это стремленіе Сентъ-Бёва поближе узнать и «воспѣть» маленькій, неизвѣстный до тѣхъ поръ, мірокъ, на который не пришлось обратить своихъ взоровъ ни Гюго, ни Виньи, ни Ламартину, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Вдохновеніе, направленное въ этотъ мірокъ, заслуживаетъ величайшей похвалы, и надо быть благодарнымъ Сентъ-Бёву за его усиліе привить, или, скорѣе, создать во Франціи «народную поэзію». Французская литература долгое время была черезъ-чуръ аристократическою или черезъ-чуръ буржуазною. Между тѣмъ, страданія людей низшихъ классовъ не менѣе реальны и, можетъ быть, болѣе глубоки, чѣмъ страданія тѣхъ, которыхъ до сихъ поръ съ такимъ искусствомъ изображали поэты. Допустимъ даже, что въ радостяхъ бѣдняковъ встрѣчается много грубаго и пошлаго, но воспроизводились же много разъ эти самые сюжеты въ живописи голландцами, а въ романахъ и поэзіи—англичанами, и Сентъ-Бёвъ былъ правъ, сдѣлавъ, въ свою очередь, попытку въ этомъ направленіи. Классическихъ героевъ Корнеля и Расина—Августовъ, Помпеевъ, Андромахъ и Клитемнестръ—упрекали въ томъ, что они стоятъ слишкомъ высоко, что они слишкомъ чужды тревогамъ, печалямъ и заботамъ, лежащимъ въ основѣ нашей повседневной жизни. То же самое можно сказать и объ Эвдорахъ, Манфредахъ, Рюи-Блазахъ, Эрнани, Отелло и Гамлетахъ. Если полезно и даже необходимо,—говоритъ Брюнетьеръ,—устремлять иногда наши взоры вверхъ, то не менѣе необходимо опускать ихъ внизъ или оглядываться вокругъ.

Понятно, что автору *Méditations* и *Harmonies*, пѣвшему гимнъ Богу въ природѣ, или автору *Voix intérieures* и *Chants du crépuscule*, пытавшемуся разгадать тайны міра, дозволялось если не пренебрегать формой, то подчинять ее содержанію, или считать ее второстепенною, отводя первое мѣсто высотѣ сюжета. Но подобная вольность не можетъ быть терпима въ поэтѣ, изображающемъ обыденные предметы. Въ виду того, что въ этомъ случаѣ вся задача состоитъ именно въ изображеніи предмета, которое одно только даетъ возможность отличить этотъ предметъ отъ его каррикатуры, отдѣлка получаетъ здѣсь первенствующее значеніе. А затѣмъ, такъ какъ поэзія сюжета всецѣло обусловливается степенью симпатіи, съ которою авторъ къ нему отнесся, то исполненіе должно свидѣтельствовать объ этой симпатіи. Сентъ-Бёвъ все это хорошо понималъ и видѣлъ, и потому не слѣдуетъ думать, будто его склонность къ сюжетамъ, о которыхъ сказано было выше, стояла въ противорѣчіи съ его ролью критика и законодателя романтизма. Напротивъ, если бы опять понадобилось формулировать то, что можно назвать техническимъ идеаломъ романтической школы, то никто не могъ этого сдѣлать лучше автора *Consolations* и *Joseph Delorme*.

Сентъ-Бёвъ не изобрѣлъ новаго ритма, но за то установилъ три главныя правила для романтическаго стиха: подвижность цезуры, свободный переносъ словъ въ слѣдующій стихъ и богатство риѳмы. Онъ первый, еще задолго до парнасцевъ, нашелъ, что важнѣйшій даръ поэта заключается

въ счастливомъ подборѣ риѳмъ, что эта способность не пріобрѣтается упражненіемъ и что недостатокъ ея препятствуетъ проявленію другихъ достоинствъ поэта. Между тѣмъ, въ *XVIII* вѣкѣ объ этомъ совсѣмъ позабыли. Фенелонъ, напримѣръ, въ *Lettre sur les occupations de l'Academie française* говорилъ о риѳмѣ, какъ о затрудненіи или помѣхѣ, стѣсняющей свободу поэта. Вольтеръ, постоянно защищая риѳму, сожалѣлъ, однако, о невозможности обойтись безъ нея. Возстановивши риѳму во всѣхъ ея правахъ, Сентъ-Бёвъ оказалъ французской поэзіи самую большую услугу, какую только можно было ей оказать, около 1830 года. Чтò Гюго творилъ безсознательно, повинуясь своей геніальности, то Сентъ-Бёвъ подвелъ подъ извѣстные законы; онъ былъ для этого новаго Ронсара какъ бы вторымъ дю-Беллэ и, подобно послѣднему, но съ гораздо бóльшею точностью, установилъ правила для обновленія слога и ритма. Сентъ-Бёвъ много работалъ надъ слогомъ и способствовалъ побѣдѣ, одержанной конкретнымъ и óбразнымъ выраженіемъ надъ выраженіемъ отвлеченнымъ и общимъ.

«Способы,— говоритъ Сентъ-Бёвъ,— которыми Андре Шенье и его послѣдователи достигли блеска и колоритности стиля, почти ограничиваются слѣдующими двумя:

«1) Вмѣсто отвлеченныхъ, неясныхъ, метафизическихъ и сантиментальныхъ словъ, слѣдуетъ употреблять точныя и óбразныя выраженія. Такъ, напримѣръ, вмѣсто *разгнѣваннаго неба*, слѣдуетъ писать *темное небо, облачное небо*; вмѣсто *меланхоличнаго озера* — *голубое озеро; нѣжнымъ пальцамъ* слѣдуетъ предпочитать *длинные бѣлые пальцы*. Только аббатъ Делилль могъ сказать, предполагая, что онъ что-то изображаетъ:

«Упадите, *высокомѣрныя* колоннады, разрушьтесь, *гордыя* капители, *надменные* своды...»

«2) Употребляя постоянно точныя и изобразительныя слова, нужно при случаѣ вставлять, гдѣ это умѣстно, одно изъ неопредѣленныхъ и необъяснимыхъ словъ, которыя заставляютъ читателя угадывать мысль, напримѣръ: *желанныя* прелести и т. д.».

Въ этихъ двухъ правилахъ, могущихъ теперь показаться довольно банальными, заключалось начало переворота въ языкѣ, или, скорѣе, въ самой манерѣ видѣть и чувствовать. Въ 1830 году явилась потребность обновить языкъ XVIII вѣка, измѣнить его, возвратить ему способность передавать съ одинаковою легкостью какъ чувства и мысли, такъ и ощущенія, и невозможно было указать лучшаго способа, чѣмъ тотъ, который придуманъ Сентъ-Бёвомъ.

Сентъ-Бёвъ, соединявшій въ себѣ, какъ мы видѣли, любовь къ искусству и любовь къ бѣднымъ людямъ, былъ далекъ, однако, отъ Коупера или Вордсворта, у которыхъ, по его словамъ, онъ черпалъ свое вдохновеніе. Главною причиной этому служило то обстоятельство, что Сентъ-Бёвъ никогда не имѣлъ ни искренности, ни нравственной высоты, которыми отличались эти два англійскихъ лирика. Воспѣвая радости и горе маленькихъ людей, онъ всегда думалъ не столько о нихъ, сколько о самомъ себѣ и

о своей литературной репутаціи. Будучи, прежде всего, литераторомъ, Сентъ-Бёвъ относился къ описываемымъ имъ бѣднякамъ скорѣе съ любопытствомъ, нежели съ любовью. Ихъ ничтожество или ихъ скромность интересовала его, какъ художника, а не трогала, какъ человѣка. Говоря словами Мюссе, въ немъ не хватало того «голоса сердца, который одинъ имѣетъ доступъ къ другому сердцу». И дѣйствительно, едва только Сентъ-Бёвъ вышелъ изъ этой среды, какъ совершенно позабылъ о ея существованіи и, поглощенный исключительно заботами о своей литературной и свѣтской карьерѣ, предоставилъ другимъ идти дальше по проложеннымъ имъ путямъ.

Сентъ-Бёвъ, по словамъ Брюнетьера, не избѣжалъ погрѣшностей, связанныхъ часто съ такъ называемою «интимною» поэзіей. Постоянное и восторженное созерцаніе самого себя заставляетъ его посвящать читателя въ мельчайшія подробности его повседневной жизни. Такъ, вернувшись съ бала у г-жи Тастю или у г-жи Дебордъ-Вальморъ, гдѣ онъ танцовалъ, онъ описываетъ это въ стихотвореніи *La contredanse*. По поводу любезностей, вызванныхъ его *Жозефомъ Делормъ,* онъ пишетъ извѣстные стихи *A madame..., qui avait lu avec attendrissement les poésies d'un jeune homme, qu'elle croyait mort*. Онъ идетъ гулять и, возвратясь домой въ любовномъ настроеніи, тотчасъ передаетъ его въ стихахъ подъ заглавіемъ: *En m'en revenant un soir d'été, vers neuf heures et demie*. Но главный недостатокъ Сентъ-Бёва заключается въ томъ, что онъ рисуетъ черезъ-чуръ болѣзненныя и потому ненормальныя картины въ своихъ произведеніяхъ. Желая, напримѣръ, познакомить читателя съ своею музой, Сентъ-Бёвъ изображаетъ ее въ видѣ больной дѣвушки, которая не знала ни радостей, ни любви и всю жизнь была обременена тяжелою работой, прерываемою удушливымъ кашлемъ и свистомъ, вылетающимъ изъ ея больной груди... По поводу этого стихотворенія, замѣтивъ, что это не муза поэзіи, а скорѣе муза туберкулеза, Брюнетьеръ разсуждаетъ о томъ, чтò слѣдуетъ считать здоровымъ и нездоровымъ въ искусствѣ. Имѣютъ ли эти понятія какое-нибудь значеніе въ литературѣ, или же это не болѣе, какъ иллюзія критика? Пользуясь ими, не смѣшиваемъ ли мы, совершенно незаконно и неосторожно, нравственность и эстетику?... Извѣстно, однако, что въ человѣкѣ существуетъ «нормальная температура», измѣняющаяся лишь въ предѣлахъ нѣсколькихъ градусовъ, и переходъ за эти предѣлы означаетъ или лихорадку, или алгидное состояніе. Существуетъ нормальное и, слѣдовательно, здоровое состояніе легкихъ или желудка, и уклоненія отъ этого нормальнаго состоянія носятъ названіе «болѣзней», причиняютъ человѣку страданія и грозятъ смертью. Существуетъ, наконецъ, хорошее или плохое состояніе функцій нашихъ органовъ. То же самое мы видимъ въ сферѣ нравственности. И здѣсь діагностика не менѣе вѣрна. Каждый разъ, когда человѣкъ, считая себя центромъ или цѣлью, видитъ въ подобныхъ себѣ лишь «средства» и не стѣсняется эгоистически пользоваться ими,—онъ нездоровъ, болѣнъ и, будучи таковымъ, нуждается въ уходѣ, присмотрѣ и въ томъ, чтобъ его остерегались. Не трудно догадаться,—говоритъ Брюнетьеръ,—что

названіе этой болѣзни—индивидуализмъ. Идя дальше, можно и излишнюю странность назвать болѣзнью. Если человѣкъ горбатъ или хромъ, то едва ли онъ станетъ утверждать, что не другіе, а онъ сложенъ правильно, такъ какъ извѣстно, что горбъ или хромота не входятъ въ анатомическое опредѣленіе человѣческаго тѣла. Это уродливости въ объективномъ и научномъ значеніи слова, то-есть атрофія одного органа или гипертрофія другого, съ одной стороны недостатокъ, съ другой—излишекъ. Нравственныя особенности человѣка представляютъ собою также «немощи» или «уродливости», которыя такъ же ненормальны и неестественны, какъ шестой палецъ на рукѣ или отсутствіе одного легкаго. Однако, не нужно заурядность и посредственность дѣлать мѣркою умственнаго или нравственнаго здоровья. Равнымъ образомъ, не слѣдуетъ слѣпо подчиняться толпѣ, всегда думать и чувствовать, какъ она, или же разрѣшать вопросы искусства на основаніи «среднихъ чиселъ» и статистическихъ данныхъ. Существуютъ эпохи, когда личность *должна* выдѣляться и, въ случаѣ надобности, возставать противъ требованій обычая и рутины. Всѣ эти оттѣнки и границы нужно помнить каждый разъ, когда мы поддаемся соблазну развивать въ себѣ, подъ видомъ оригинальности, эксцентричность, часто вредную.

Возвращаясь къ Сентъ-Бёву, Брюнетьеръ упрекаетъ его въ томъ, что онъ именно съ излишнимъ усердіемъ и, такъ сказать, отеческою заботливостью развивалъ въ себѣ причудливость. Говоря болѣе грубымъ языкомъ, Сентъ-Бёвъ любилъ «обнажать свои язвы» и бередить ихъ. Онъ находитъ удовольствіе въ анализѣ и изображеніи странныхъ и болѣзненныхъ ощущеній. Примѣромъ этому можетъ служить стихотвореніе, описывающее, какъ однажды, во время прогулки по берегу рѣки, у него возникла мысль и даже цѣлый планъ самоубійства, а также другія причудливыя стихотворенія: *Rayons jaunes, La Veillée, Le Rendez-vous* и т. п.

Есть у Сентъ-Бёва недочеты и въ самомъ выполненіи поэтическихъ замысловъ. Даръ подбора риемъ, который онъ такъ хорошо воспѣлъ, былъ не великъ у него, равно какъ и чувство ритма, которымъ мы такъ восторгаемся въ произведеніяхъ Гюго.

Но еслибъ у Сентъ-Бёва были и болѣе крупные недостатки, чѣмъ тѣ, которые отмѣчены выше, все же это не уменьшило бы его вліянія на литературу. Въ *исторіи* лирической поэзіи XIX вѣка, пожалуй, можно было бы обойти его молчаніемъ или достаточно было бы упомянуть его имя, но въ *эволюціи* лиризма это невозможно. Въ поэтическихъ произведеніяхъ Сентъ-Бёва легко отыскать источники вдохновенія Теодора де-Банвиля, Шарля Бодлэра и автора *Les Humbles* и *Les Intimités* — Франсуа Коппе. Таковъ, по словамъ Брюнетьера, законъ исторіи искусства, заключающійся въ томъ, что великіе мастера, Гюго и Ламартины, не являются настоящими «учителями», хотя бы цѣлая литература обогатилась ихъ шедёврами, а главою школъ дѣлаются тѣ, у которыхъ было больше мыслей и дара предвидѣнія, чѣмъ шедёвровъ, оставленныхъ ими потомству. Таковъ былъ и Сентъ-Бёвъ.

VIII.

Альфредъ Мюссе родился въ Парижѣ. Парижане не производятъ впечатлѣніе людей, склонныхъ къ лиризму. Въ нихъ слишкомъ много свойствъ, несовмѣстимыхъ съ нимъ. Таковъ, напримѣръ, ихъ здравый смыслъ, практическое направленіе ума, способность подмѣчать все смѣшное, свѣтскій образъ жизни, установившійся въ свою очередь благодаря ихъ врожденной ловкости и склонности къ повѣсничанью, легкій скептицизмъ или презрительное равнодушіе къ серьезнымъ вопросамъ и пристрастіе къ внѣшности, титуламъ, чинамъ, состоянію, громкимъ фразамъ и чувствамъ. Этотъ скептицизмъ уживается, однако, съ наивнымъ и тѣмъ болѣе глубокимъ убѣжденіемъ, что Парижъ—очагъ просвѣщенія и центръ вкуса. Такой же скептицизмъ и то же убѣжденіе мы встрѣчаемъ у Мюссе. Брюнетьеръ находитъ въ немъ и другія типическія черты парижанина: оттѣнокъ развязности или даже шаловливости, иронію, умѣнье болтать, шутить, занимательно разсказывать и часто, говоря много и хорошо, не сказать ничего или мало.

Этотъ парижанинъ, знакомый съ природою только по Люксембургскому саду или Версальскому парку,—что очень замѣтно въ его произведеніяхъ,—принадлежалъ къ буржуазному семейству, жившему въ довольствѣ. Его отецъ, Musset Pathay, очень свѣдущій и добросовѣстный издатель Руссо, воспиталъ сына въ вѣрованіяхъ XVIII вѣка. Цѣлый міръ личностей, исчезнувшихъ со сцены, міръ Руссо,—г-жа Удето, г-жа д'Эпинэ, Сенъ-Ламберъ, Дюпенъ, г-жа Варенсъ, Тереза Левассёръ, о которыхъ Ламартинъ, Гюго и даже Сентъ-Бёвъ услыхали уже будучи взрослыми,—былъ извѣстенъ Альфреду Мюссе еще въ раннемъ дѣтствѣ. Онъ слышалъ разговоры о нихъ въ родительскомъ домѣ за семейнымъ столомъ; ихъ исторіи возбуждали его дѣтское любопытство, и ему чудились ихъ тѣни. Онъ даже слишкомъ коротко и слишкомъ рано познакомился съ этимъ изящнымъ, фривольнымъ и развратнымъ міромъ, начавъ свое чтеніе съ романовъ Дюкло, Кребильона-сына и Лакло.

«Вернувшись домой,—разсказываетъ онъ самъ,—я нашелъ посреди своей комнаты большой деревянный ящикъ. Одна изъ моихъ тетокъ умерла, завѣщавъ мнѣ незначительную часть своего имущества. Этотъ ящикъ заключалъ въ себѣ, между прочимъ, массу старыхъ, запыленныхъ книгъ... По большей части это были романы, относившіеся къ вѣку Людовика XV. Тетка моя, женщина очень набожная, сама, по всей вѣроятности, получила ихъ отъ кого-нибудь въ наслѣдство и сохраняла ихъ, не читая, такъ какъ это были сплошь катехизисы разврата...

«Я глоталъ ихъ съ безграничною горечью и грустью, съ разбитымъ сердцемъ и улыбкой на губахъ: «Да, вы правы,—говорилъ я имъ,—вамъ однимъ извѣстны тайны жизни, вы одни осмѣливаетесь сказать, что истинны только развратъ, лицемѣріе и испорченность» (*La Confession d'un enfant du siècle*, chap. VII).

Изъ его признаній и нѣкоторыхъ его произведеній мы можемъ заклю-

чить, что онъ слишкомъ увлекался чтеніемъ чувственныхъ, до распущенности, *Элегій* Андре Шенье, слишкомъ рано познакомился съ жизнью, благодаря *Liaisons dangereuses* или *Les Egarements du coeur et de l'esprit*. Разсѣянный образъ жизни, превышавшій его средства, сдѣлалъ остальное. Изъ этой смѣси распущенности и типическихъ чертъ парижанина и образовался *дэнди*.

«Дэнди — человѣкъ изысканной жизни», таково опредѣленіе, которое даетъ Литтре въ своемъ словарѣ; «и полный аффектированныхъ манеръ и тона», добавляютъ англійскіе лексиконы. По мнѣнію Брюнетьера, въ этомъ опредѣленіи не хватаетъ еще одного — дерзости. Дэндизмъ всегда соединяется съ нѣкоторою долей наглости. Но дэндизмъ, независимость, изящество, дерзость, высокомѣріе,—все это идетъ къ человѣку молодому. А Мюссе въ эпоху *Contes d'Espagne* и *Spectacle dans un fauteuil* едва исполнилось двадцать лѣтъ. Эти качества дэнди и парижанина важно отмѣтить въ Мюссе какъ потому, что они помогли ему отдѣлиться отъ романтизма, отъ школы богатой риѳмы и отъ суевѣрнаго поклоненія, которое Сентъ-Бёвъ воздавалъ еще въ это время В. Гюго, такъ и потому, что слѣды дэндизма встрѣчаются почти на каждомъ шагу въ его стихахъ, въ *Mardoche*, въ хорошенькой пьескѣ *A quoi rêvent les jeunes filles*, въ *Namouna*.

Постараемся, однако, уловить настоящій характеръ первыхъ произведеній Мюссе. Никогда, можетъ быть, гордость существованія, радостное сознаніе своей молодости и ощущеніе, какъ сказалъ бы Готье, «избытка крови въ жилахъ», никогда полная беззаботность по отношенію ко всему, кромѣ наслажденія, и, наконецъ, никогда потребность любви не выражалась болѣе наивно и болѣе смѣло. Эпиграфомъ къ произведеніямъ Мюссе могло бы служить извѣстное изреченіе: «Я не любилъ еще, но мнѣ нравилось любить, и я искалъ, кого бы мнѣ полюбить». Единственное содержаніе поэмъ Мюссе: *Don Paëz*, *Portia*, *Mardoche*, *Les Marrons du feu*, *Namouna*, *La Coupe et les Lèvres*—любовь. Уже въ этихъ произведеніяхъ обрисовывается сильное чувство и крупный талантъ; но, не взирая на то, Мюссе, какъ думаетъ Брюнетьеръ, не сдѣлался бы тѣмъ Альфредомъ Мюссе, какимъ мы его знаемъ, если бы съ нимъ не случилось того, что не случилось ни съ Ламартиномъ, ни съ Гюго, ни съ Сентъ-Бёвомъ, ни даже, можетъ быть, съ самимъ Донъ-Жуаномъ, — словомъ, если бы Мюссе въ одинъ прекрасный день не встрѣтилъ той любви, какую онъ искалъ.

Однако,—говоритъ Брюнетьеръ,—дѣло не въ лицѣ и не въ имени, а потому излишне повторять романтическую хронику этой любви, рыться въ перепискѣ и тревожить могилы умершихъ.

Говоря о любви Мюссе, приходится смотрѣть на это чувство съ точки зрѣнія его мучительной и трагической дѣйствительности, его неумолимо-роковогo характера и тѣхъ безконечныхъ страданій, которыми нерѣдко расплачиваются люди за минутные восторги, доставляемые этимъ чувствомъ.

Подобно всѣмъ другимъ страстямъ, подобно честолюбію или скупости, любовь дѣлаетъ человѣка рабомъ чего-то болѣе сильнаго, чѣмъ онъ самъ,

а, слѣдовательно, ставитъ его въ положеніе жертвы. Если Шейлокъ, Гарпагонъ и Макбетъ, по-своему, были несчастливы, то же самое можно сказать и о Герміонѣ, Роксанѣ и Федрѣ. Судьба не могла придумать для нихъ болѣе ужасной пытки, какъ заставить ихъ жить и вѣчно ощущать рану ихъ неудавшейся любви. Съ этою пыткой познакомился и Мюссе. Въ его стихахъ слышится крикъ страданій, искренность же и выразительность этого крика обезсмертили его *Lettre à Lamartine*, его *Nuits* и *Souvenir*. Въ нихъ нѣтъ ничего реторическаго,—нѣтъ ничего, кромѣ правдиваго изображенія души поэта. И, притомъ, какая неподражаемая смѣсь отвращенія и наслажденія, гордости и удивленія, ненависти и умиротворенія! Для характеристики Мюссе остановимся на *Nuits de Décembre*. Языкъ этого стихотворенія по простотѣ граничитъ почти съ прозою; образы и метафоры въ немъ отсутствуютъ. Но замѣчательнѣе всего здѣсь то, что воспоминаніе, составляющее сюжетъ этого стихотворенія, не вызвано искусственнымъ образомъ. Поэтъ не приводитъ себя въ особенное состояніе для того, чтобъ описать или перечувствовать что-нибудь. Нѣтъ, онъ просто сидѣлъ въ своей комнатѣ передъ каминомъ, не имѣя никакого намѣренія писать; онъ мечталъ, машинально перебиралъ бумаги и перечитывалъ старыя письма, какъ вдругъ его взглядъ поразили строки нѣкогда дорогого для него почерка. Толчокъ отозвался въ сердцѣ, и старая рана открылась. Изъ нея полилась кровь и вылилась въ стихи. Ничего не можетъ быть проще и непринужденнѣе. Но, терзаемый своимъ горемъ, Мюссе чувствовалъ, что истиннымъ источникомъ его вдохновенія была любовь. Онъ понималъ, что страсть, давшая ему такую поэтическую силу, какой у него раньше не существовало, была сама чѣмъ-то необыкновеннымъ.

И дѣйствительно, послѣдніе годы его поэтической дѣятельности, когда огонь этой необыкновенной страсти угасъ, представляютъ печальное зрѣлище. Онъ какъ бы разомъ упалъ съ высоты, на которую былъ вознесенъ любовью. Напрасно онъ искалъ въ новыхъ привязанностяхъ остраго и мучительнаго наслажденія прежней любви и источника новыхъ вдохновеній; онъ не нашелъ ихъ. Такъ любятъ только одинъ разъ въ жизни. И хотя поэтъ не исчезъ въ немъ, но «великій» поэтъ, *poeta sovrano,* угасъ, потонулъ во мракѣ своего прошлаго, вмѣстѣ съ великимъ любовникомъ. Въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Мюссе мало лиризма, они полны здраваго смысла и часто ума; въ нихъ опять появляется искусство болтать, умѣнье разсказывать, изящество и врожденная легкость Мюссе. Но они не носятъ печати индивидуальности ихъ автора и одинаково могутъ быть приписаны и Амедею Поммье, и Эмилю Ожье.

Эти послѣднія стихотворенія вызвали много упрековъ и нападокъ, между прочимъ, и со стороны Флобера. Въ это время противъ Мюссе уже готовилась реакція. Такъ какъ онъ въ своихъ шедёврахъ довелъ проявленіе «я» до послѣднихъ предѣловъ, то явился вопросъ, не сдѣлаются ли вскорѣ *эгоизмъ* и *поэзія* синонимами? Стали думать, что на свѣтѣ есть, можетъ быть, многое, болѣе интересное, чѣмъ горести, радости и наслаж-

денія отдѣльнаго человѣка. И какое намъ дѣло до человѣка, жизнь котораго такъ «коротка»?!—роптали Готье, Флоберъ и Леконтъ-де-Лиль. И такъ какъ въ эту эпоху почти вездѣ, — въ философіи, политикѣ, морали и искусствѣ,—начинали сознавать опасность индивидуализма, то общественное мнѣніе сочувствовало этой реакціи. Между 1840 и 1850 годами лиризмъ, какъ проявленіе «я», падаетъ подъ тяжестью своихъ собственныхъ излишествъ, умираетъ и снова возрождается въ иной формѣ. Прослѣдить это перерожденіе лиризма всего удобнѣе въ произведеніяхъ Жоржъ Зандъ.

IX.

Между 1840 и 1850 годами во французской литературѣ произошелъ переворотъ. Съ этого времени она измѣнила свой характеръ, порвавши, хотя не безъ затрудненій и не безъ сожалѣнія, но за то безъ возврата, съ чисто-романтическою традиціей. Отыскать, прослѣдить и установить послѣдовательную связь между отдѣльными моментами этого преобразованія было бы трудно, если бы на выручку не явилась Жоржъ Зандъ съ своими многочисленными произведеніями. Отъ 1830 до 1860 года ея произведенія служили какъ бы отраженіемъ общественнаго мнѣнія. Они содержатъ въ себѣ не только исторію ея собственной жизни и мысли, но и исторію идей и жизни ея современниковъ. Поэтому рядъ ея романовъ раскрываетъ передъ нами въ послѣдовательности движеніе идей и смѣну литературныхъ явленій того времени.

Едва ли нужно доказывать, — говоритъ Брюнетьеръ, — что мы имѣемъ полное право причислить къ лирикамъ автора *Valentine* и *Marquis de Villemer*, несмотря на то, что этотъ авторъ въ теченіе своей жизни не написалъ и двухъ риѳмованныхъ строкъ. Деревенскія идилліи Жоржъ Зандъ, вродѣ *La Mare au diable* или *La petite Fadette*, ея поэмы изъ мѣщанской или quasi-феодальной жизни, какъ *Valentine* или *Mauprat*, являются лирическими произведеніями и по содержанію, и по глубокому и наивному чувству природы, которымъ она дышатъ; завязка ихъ отличается отсутствіемъ «сочиненія», необыкновенною простотой и легкостью, а также красотою, богатствомъ и изяществомъ языка,—свойствами, которыя присущи лиризму. О языкѣ Жоржъ Зандъ, между прочимъ, можно сказать то же самое, что о языкѣ лучшихъ стихотвореній Ламартина; у нѣкоторыхъ писателей слогъ точнѣе или ярче, пластичнѣе или утонченнѣе, но со слогомъ Жоржъ Зандъ не можетъ сравниться никто, даже авторъ *Martyrs*.

Другая причина, заставляющая насъ отвести очень видное мѣсто Жоржъ Зандъ въ эволюціи, или, вѣрнѣе, въ метаморфозѣ современнаго лиризма, заключается въ слѣдующемъ: Жоржъ Зандъ писала почти исключительно романы, а романъ, какъ бы онъ ни стремился сдѣлаться лирическимъ, всегда, въ силу своего внутренняго начала, сводится къ болѣе или менѣе идеализированному подражанію жизни. Напрасно онъ пытается избѣжать этой близости къ жизни и даже въ этихъ видахъ принимаетъ въ настоя-

щее время тысячу разныхъ формъ,—онъ постоянно долженъ возвращаться къ причинѣ своего существованія и къ своему назначенію. Въ десяткахъ ли томовъ, какъ *Клелія* или *Кларисса*, въ двухъ ли сотняхъ страницъ, какъ *Манонъ Леско* или *Адольфъ*,—во всякомъ случаѣ, романъ выражаетъ и удовлетворяетъ то любопытство, съ которымъ человѣкъ относится къ другимъ людямъ; онъ помогаетъ намъ выйти изъ самихъ себя, онъ насъ «обезличиваетъ», такъ сказать, онъ призываетъ насъ къ той совокупности, къ тому обществу людей, отъ котораго лиризмъ, наоборотъ, удаляетъ насъ. Поэтому-то произведенія Жоржъ Зандъ получаютъ въ высшей степени поучительный интересъ.

Жоржъ Зандъ начала свою писательскую дѣятельность съ романовъ личныхъ или лирическихъ (*Индіана, Валентина, Леліа, Жакъ*), которые, по замыслу и содержанію, не отличаются отъ поэмъ Мюссе или драмъ Гюго. Подъ вымышленными поэтическими именами она выводитъ самоё себя; передаетъ разочарованія и печали своей супружеской жизни, повѣряетъ свои мечты и пытается заинтересовать насъ своими несчастіями или законностью своихъ требованій; употребляемыя ею при этомъ средства являются верхомъ индивидуализма.

Подобно Мюссе и Гюго, она воспѣваетъ, какъ извѣстно, право любви: право индивидуума, въ силу своего чувства, стать противъ цѣлаго общества. Исключительныя созданія, которыхъ исключительный характеръ обусловливается ихъ любовью, ея Раймонды и Индіаны, Бенедикты и Валентины, Жаки и Сильвіи, представляются дѣйствительно избранными существами, которымъ дано право дѣлать все и не подчиняться законамъ, стѣсняющимъ ихъ. Послушаемъ, что говоритъ авторъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ романовъ:

«Не видна ли въ сближеніи Бенедикта и Валентины рука высшаго Промысла, который дѣйствуетъ повсюду, наперекоръ людямъ?... Они были созданы другъ для друга... Но между ними стояло общество, считавшее этотъ взаимный выборъ безсмысленнымъ, преступнымъ и беззаконнымъ. Провидѣніе создало дивный законъ природы,—люди его уничтожили. Чья вина? Неужели необходимо, чтобы, щадя толщину нашихъ ледяныхъ стѣнъ, всякій солнечный лучъ отъ насъ прятался?» (*Valentine*, XVII).

Въ другомъ романѣ, пожилой и утомленный Жакъ собирается жениться на молоденькой дѣвушкѣ, и когда старый другъ указываетъ ему на неосторожность его намѣренія, онъ выражаетъ желаніе, чтобы Фернанда была скорѣе несчастна съ нимъ, чѣмъ счастлива съ другимъ. Ни Дюма, ни Гюго, ни Мюссе, ни Сентъ-Бёвъ не заявляли такъ энергично о правахъ личности и не требовали съ такою суровостью этихъ правъ. Нигдѣ еще «я» не возставало съ большею отвагой противъ оковъ, налагаемыхъ на него правами другихъ, какъ въ этихъ лирическихъ романахъ Жоржъ Зандъ. Въ нихъ индивидуализмъ не побоялся выступить открыто.

Индивидуализмъ представляетъ собою не болѣе, какъ «интензивную культуру «я». Сдѣлавъ это опредѣленіе, Брюнетьеръ пытается разрѣшить

вопросы: слѣдуетъ ли въ этой культурѣ видѣть нравственную цѣль и потому стремиться къ ней? И слѣдуетъ ли возводить ее въ правило поведенія?

Индивидуализмъ самъ по себѣ не заслуживаетъ осужденія. Во-первыхъ, свобода ума и достоинство мысли требуютъ, чтобы мы не принимали ничего на вѣру, безъ личной нашей провѣрки; во-вторыхъ, извѣстно, и въ случаѣ надобности можетъ быть доказано, что людямъ всегда приноситъ пользу то, что мы дѣлаемъ для нашего личнаго развитія, и, въ-третьихъ, общество людей есть сумма индивидуумовъ, входящихъ въ его составъ, и личное совершенствованіе кажется намъ необходимымъ условіемъ соціальнаго прогресса: съ увеличеніемъ одного изъ слагаемыхъ сумма, какъ извѣстно, всегда увеличивается.

Но, съ другой стороны, сдѣлавъ культуру «я» одной изъ задачъ воспитанія, не слѣдуетъ забывать, что въ каждомъ изъ насъ существуетъ столько же сѣмянъ зла, сколько зародышей добра, столько же низкихъ инстинктовъ, грубыхъ и вредныхъ желаній, сколько добродѣтельныхъ побужденій.

Поэтому, когда, подъ предлогомъ развитія индивидуальности, у насъ является соблазнъ дать волю нашимъ инстинктамъ и изъ силы нашихъ страстей вывести право на ихъ удовлетвореніе, то мы должны предложить себѣ вопросъ: чѣмъ, какъ, для чего и для кого мы живемъ?

Мы живемъ на средства, оставленныя намъ родителями, или на средства, добытыя нашимъ трудомъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ *обществу* мы обязаны тѣмъ, что оно обезпечиваетъ намъ возможность пользоваться нашими доходами или результатами нашихъ трудовъ. Равнымъ образомъ оно же создаетъ досугъ, который необходимъ для того, чтобы мы свободно могли предаться развитію нашего ума или какого-либо таланта, и беретъ на себя всю, такъ сказать, черную работу человѣчества, пока мы занимаемся философіей, еврейскимъ языкомъ или высшею математикой. Наша жизнь коротка. А такъ какъ одна часть насъ самихъ есть ни что иное, какъ наслѣдіе долгаго прошлаго, то другая часть является какъ бы залогомъ будущаго. Слѣдовательно, и развитіе языка или мысли, и культура «я» возможны *только въ* обществѣ, *благодаря* обществу и *для* общества.

Такимъ образомъ, каждый разъ, когда мы забываемъ, что прежде, чѣмъ быть кредиторами, мы состоимъ должниками передъ обществомъ, индивидуализмъ представляется лишь названіемъ, прикрывающимъ чистый эгоизмъ. «Человѣческое общество,—говоритъ Ламеннэ въ своемъ прекрасномъ *Essai sur l'indifférence,* — основано на взаимномъ дарѣ, или на жертвѣ, приносимой человѣкомъ человѣку, или человѣкомъ — всѣмъ людямъ, и жертва эта составляетъ сущность всякаго правильно сложившагося общества».

Это самое долженъ былъ рано или поздно понять и авторъ *Валентины* и *Индіаны*. Дѣйствительно, около 1836 года въ Жоржъ Зандъ обнаруживается перемѣна, что доказываютъ ея *Sept cordes de la lyre*, символическая драма, написанная подъ вліяніемъ Фауста, *Lettres à Mar-*

cie, le Dieu inconnu и относящаяся къ этому времени переписка ея, въ которой мы, между прочимъ, читаемъ: «Самый крупный недостатокъ, котораго ты долженъ остерегаться,—пишетъ Жоржъ Зандъ сыну 3 января 1836 года,—это излишняя любовь къ самому себѣ. Она составляетъ порокъ всѣхъ мужчинъ и всѣхъ женщинъ. Въ однихъ она является источникомъ хвастовства чинами, въ другихъ—страсти къ деньгамъ и во всѣхъ—источникомъ эгоизма. Ни одинъ вѣкъ такимъ возмутительнымъ образомъ не проповѣдывалъ эгоизма, какъ нашъ. Эту любовь къ себѣ необходимо обуздывать, ограничивать и направлять... Помни, что съ начала міра тѣ люди, которые работали исключительно для своей славы или для удовлетворенія своего честолюбія, дѣлали преступное употребленіе изъ собственныхъ высокихъ качествъ. А тѣ люди, которые не думали ни о чемъ, кромѣ наслажденій, уподобляются животнымъ».

Эту перемѣну въ Жоржъ Зандъ Брюнетьеръ объясняетъ отчасти тѣмъ, что она была принуждена руководить воспитаніемъ сына и къ этому времени сознала опасность, къ которой привело бы ребенка излишнее развитіе въ немъ его «я». Съ другой стороны, изъ ея біографіи извѣстно, что она находилась въ то время подъ сильнымъ вліяніемъ человѣка, который велъ самую ожесточенную борьбу съ индивидуализмомъ. Этотъ человѣкъ былъ Ламеннэ, только что написавшій свои *Paroles d'un Croyant* (1833) и собиравшійся выпустить въ свѣтъ свои *Affaires de Rome* (1836). Отъ него повѣяло на всю Францію духомъ соціализма, и хотя это слово не было еще придумано, но движеніе, давшее ему начало, уже существовало.

Въ то время начинали уже понимать, что у людей, кромѣ страданій несчастной любви или оскорбленной гордости, есть другія страданія, есть горести болѣе тяжелыя, нежели горести Чатертоновъ, Индіанъ и Рюи-Блазовъ. Общество увидѣло, что возростающій успѣхъ индивидуализма влекъ за собою увеличеніе бѣдствій; что съ нимъ вмѣстѣ какъ бы вошло въ міръ что-то жестокое, какой-то «желѣзный законъ», и что самое сострадание уменьшилось среди людей. Начали подозрѣвать, наконецъ, что наши права имѣютъ другія границы, кромѣ границъ нашей власти, и каждый шагъ, дѣлаемый въ этомъ направленіи, отражаясь въ литературѣ, естественно, удалялъ драму или романъ отъ романтическаго идеала.

Жоржъ Зандъ съ необдуманностью, но за то и съ великодушіемъ и безкорыстіемъ женщины, со всѣмъ жаромъ своей горячей и страстной натуры, отважно бросилась въ борьбу. Къ этой эпохѣ относятся ея такъ называемые соціальные романы: *Consuelo, la Comtesse de Rudolstadt, le Compagnon du tour de France, le Péché de M. Antoine* и *le Meunier d'Angibault*.

Они длинны, скучны и представляютъ странную смѣсь великодушныхъ чувствъ и ошибочныхъ идей, безразсудства и искренняго состраданія, равно какъ смѣсь таланта и высокопарныхъ разсужденій. Эти романы не имѣли особеннаго успѣха во Франціи, но за то съ жадностью читались за границей, въ Англіи и Россіи, гдѣ они, полагаетъ Брюнетьеръ, послужили

источникомъ вдохновенія для пѣвцовъ «людскихъ страданій» вродѣ Джоржа Эліота или Достоевскаго.

Въ предисловіи къ одному изъ нихъ, а именно къ *Compagnon du tour de France*, Жоржъ Зандъ говоритъ:

«Можно было бы создать цѣлую литературу на основаніи народныхъ нравовъ, съ которыми такъ мало знакомы остальные классы общества. Эта литература уже зарождается и въ скоромъ времени появится во всемъ своемъ блескѣ. Въ нѣдрахъ народа суждено обновиться романтической музѣ. Въ этихъ сильныхъ людяхъ она найдетъ духовную юность, которая дастъ ей крылья». Благодаря этимъ романамъ Жоржъ Зандъ, во французской литературѣ впервые получаетъ право гражданства цѣлый классъ людей, о которыхъ, повидимому, никогда особенно не заботились ни Мериме, ни Бальзакъ. Эти люди—рабочіе, крестьяне, столяры и слесаря—обычные герои современнаго натуралистическаго романа, зачатки котораго Брюнетьеръ находитъ въ соціальныхъ романахъ Жоржъ Зандъ.

Затрогивая вопросъ о неравенствѣ общественныхъ классовъ, но будучи далеки отъ того, чтобы возстановлять ихъ друга противъ друга, эти романы производятъ скорѣе впечатлѣніе идиллій на соціальныя темы. Въ одномъ изъ нихъ (*Meunier d'Angibault*) Жоржъ Зандъ рисуетъ намъ рабочаго-механика, который отказывается жениться на любящей его дѣвушкѣ только вслѣдствіе того, что она слишкомъ богата. Въ другомъ (*Le Compagnon du tour de France*) богатая и знатная Изё де Вильпрё по собственной волѣ выходитъ замужъ за простого столяра. Находя подобное разрѣшеніе соціальнаго вопроса нѣсколько наивнымъ, Брюнетьеръ говоритъ, тѣмъ не менѣе, что мы должны быть благодарны Жоржъ Зандъ за ея попытку въ этомъ направленіи.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что художественная сторона ея произведеній ничего не потеряла отъ того, что Жоржъ Зандъ, по выраженію Брюнетьера, пережила соціальную утопію. Наоборотъ, ея талантъ отъ этого только выигралъ. Описывая несчастія и радости другихъ людей, она отвыкла заниматься собой и ея романы утратили мало-по-малу ихъ «личный» характеръ.

Около 1848 года мы замѣчаемъ новую перемѣну въ характерѣ произведеній Жоржъ Зандъ. Къ этому третьему и послѣднему періоду ея художественной дѣятельности относятся слѣдующіе романы: *François le Champi*, *Jean de la Roche*, *Mont-Revêche* и *Le Marquis de Villemer*.

Писатель, занимающійся соціальными вопросами,—говоритъ Брюнетьеръ,—не можетъ не чувствовать себя обязаннымъ къ большей точности наблюденія. Онъ долженъ прислушиваться къ разговору крестьянъ и рабочихъ, нравы и языкъ которыхъ хочетъ воспроизвести въ своемъ разсказѣ, долженъ видѣть ихъ въ полѣ или въ мастерской. Мало того, ему нужно умѣть стать на ихъ точку зрѣнія, тѣсно войти въ ихъ радости и страданія. А для этого необходимо забыть о самомъ себѣ и научиться уважать тѣ скромныя добродѣтели, которыя онъ раньше презиралъ. Онъ постоянно

долженъ стремиться къ пріобрѣтенію опыта и всесторонняго, широкаго знанія жизни. Такимъ образомъ, онъ не долженъ повиноваться капризу своей фантазіи и обязанъ подчиниться внушеніямъ дѣйствительности. Доказательствомъ этому могутъ служить романы Жоржъ Зандъ, относящіеся къ третьему періоду ея дѣятельности. Сравнивая ихъ съ первыми произведеніями талантливой писательницы, мы находимъ въ нихъ только одну общую черту, а именно склонность морализировать или заставлять искусство служить другимъ цѣлямъ, кромѣ чисто-художественныхъ.

«Великіе артисты,—говоритъ Жоржъ Зандъ въ своемъ предисловіи къ *Mare au diable*,—писали мощныя сатиры, имѣвшія цѣлью указать на недостатки ихъ вѣка и страны. Мы не хотимъ оспаривать у художника право изслѣдовать язвы общества и обнажать ихъ передъ нашими глазами, но развѣ въ настоящее время нѣтъ другого дѣла, какъ описывать ужасы? Въ этихъ произведеніяхъ, полныхъ таинственности и вымысла, которыя вошли въ моду, благодаря крупнымъ дарованіямъ, мы болѣе любимъ мягкіе и кроткіе образы, чѣмъ драматическихъ злодѣевъ. Первые могутъ совершать перевороты, вторые же внушаютъ только страхъ, а страхъ не излечиваетъ эгоизма, но, наоборотъ, увеличиваетъ его.

«По нашему мнѣнію, миссія искусства—возбуждать чувства, любовь... Цѣль художника должна заключаться въ томъ, чтобы заставить читателя полюбить изображаемые имъ предметы и, въ случаѣ надобности, онъ можетъ даже слегка прикрасить ихъ. Искусство есть не изученіе голой дѣйствительности, а исканіе идеальной правды, и такія произведенія, какъ *Векфильдскій священникъ*, полезнѣе, чѣмъ *Le Paysan perverti* и *Les Liaisons dangereuses*».

Эти слова,—говоритъ Брюнетьеръ,—характеризуютъ направленіе, принятое съ этихъ поръ талантомъ Жоржъ Зандъ. Тщательное изученіе жизни, симпатія, согрѣвающая изображаемые предметы и возбуждающая въ читателѣ сочувствіе къ нимъ; устраненіе своей личности и полное «подчиненіе предмету»,—таковы характерныя черты третьяго и послѣдняго періода писательской дѣятельности Жоржъ Зандъ, уже не измѣняющія ей до послѣдняго дня ея жизни.

Около 1850 года,—говоритъ Брюнетьеръ,—когда Ламартинъ покинулъ литературное поприще, Мюссе влачилъ послѣдніе годы своей жизни въ развратѣ и недовольствѣ собою, а Гюго временно былъ погруженъ въ политику,—только двое, Жоржъ Зандъ и Сентъ Бёвъ: первая—въ наблюденіи и изученіи жизни, а послѣдній — въ изученіи исторіи, переживали вторую молодость и черпали въ чистыхъ источникахъ новыя силы. Романтизмъ отжилъ, и въ исторія литературы начиналась новая эпоха. Уступая давленію обстоятельствъ, индивидуализмъ постепенно, изъ года въ годъ, терялъ захваченную имъ власть; въ искусствѣ подготовлялась новая доктрина,—доктрина объективизма. «Я», въ теченіе двадцати пяти лѣтъ наполнявшее собою литературу, становилось «ненавистнымъ», и его начинали скрывать. Это движеніе замѣчалось не только въ литературѣ, но повсюду:

въ философіи (гдѣ позитивизмъ въ это время одержалъ побѣду надъ эклектизмомъ), въ живописи, въ политикѣ. Для полнаго торжества доктрины объективизма въ поэзіи недоставало, однако, еще нѣкоторыхъ условій. Жоржъ Зандъ, превосходная писательница, мучимая потребностью творчества, по ея собственнымъ словамъ, была неспособна къ «сочиненію»; и, дѣйствительно, мы видимъ изъ ея произведеній, что когда она бралась за перо, то перо увлекало ее за собою, вслѣдствіе чего планъ ея разсказовъ какъ бы постоянно колеблется, романы ея какъ бы идутъ на удачу и часто приходятъ къ совершенно случайной развязкѣ. Порядокъ, планъ, система были чужды талантливой писательницѣ. Эта особенность, подмѣченная нами раньше у Ламартина, является въ Жоржъ Зандъ остаткомъ лиризма. Необходимо было, чтобы послѣ Жоржъ Зандъ на смѣну этого вдохновеннаго, т.-е. инстинктивнаго искусства явилось искусство болѣе сознательное, болѣе увѣренное въ своихъ средстахъ, своихъ пріемахъ и своемъ вліяніи. Другой крупный недостатокъ Жоржъ Зандъ — это отсутствіе въ ней опредѣленныхъ идей, эстетическихъ, соціальныхъ, моральныхъ и политичесвихъ. Будучи неспособна глубоко вникать въ доктрины, воспринимаемыя ею скорѣе сердцемъ, нежели умомъ,— говоритъ Брюнетьеръ,— она не докапывалась до принциповъ, и ея чувства не вращались въ идеѣ. У нея не было собственнаго, ею самою выработаннаго взгляда на жизнь. Ей недоставало идеала, въ силу котораго она имѣла бы право проповѣдывать или рекомендовать тотъ, а не иной способъ дѣйствій или поведенія. Благодаря этому, Жоржъ Зандъ въ теченіе своей жизни постоянно находилась подъ чьимъ-либо вліяніемъ, которое неизбѣжно отражалось на ея произведеніяхъ.

Пополнить эти недостатки и тѣмъ способствовать торжеству доктрины объективизма въ литературѣ предстояло преемникамъ Жоржъ Зандъ—Теофилю Готье и Альфреду Виньи.

Этимъ заканчивается первый томъ сочиненія Брюнетьера, въ которомъ талантливый критикъ рисуетъ намъ картину развитія лиризма, останавливаясь на главнѣйшихъ его моментахъ и ставя его въ тѣсную связь съ развитіемъ индивидуализма. Девятнадцатый вѣкъ, характерная черта котораго заключается, по словамъ Брюнетьера, въ излишнемъ развитіи индивидуализма, благопріятствовалъ, какъ мы видѣли, пышному разцвѣту лиризма, дошедшаго въ послѣднихъ своихъ представителяхъ до крайности и, наконецъ, около 1850 года подвергшагося преобразованію, началомъ котораго послужили романы Жоржъ Зандъ.

А. Ч.

Развитіе колонизаціи и устройство земледѣльческихъ поселеній въ Аргентинѣ *).

IV.

Успѣхъ колоній, какъ уже приходилось указывать не разъ, привелъ къ тому, что въ страну все больше и больше стало появляться иммигрантовъ, переселившихся сюда на свой собственный счетъ и рискъ. Токъ европейской эмиграціи, направлявшійся дотолѣ почти исключительно въ Сѣверную Америку, далъ вѣтвь и въ Южную. Естественная, какъ выражаются въ Аргентинѣ, «самопроизвольная» иммиграція (immigracion espontanea) сюда стала правильно развиваться. Я приведу таблицу иммиграціи, начиная съ 1880 года:

	Иммигранты.	Эмигранты.	Избытокъ иммиграціи.
1880 г.	41,651	20,377	21,274
1881 »	47,484	22,374	25,110
1882 »	51,503	8,720	42,783
1883 »	63,243	9,510	53,733
1884 »	78,402	14,441	63,961
1885 »	108,722	14,585	94,137

Но этотъ ростъ количества иммигрантовъ съ одной стороны и быстрый успѣхъ колоній съ другой стороны вскружилъ голову аргентинцамъ. Само національное правительство, теперь ясно увидавшее въ колонизаціи самый вѣрный и чуть ли не единственный залогъ прогресса страны, издаетъ рядъ новыхъ законоположеній, всячески содѣйствующихъ развитію этого дѣла. За національнымъ правительствомъ вслѣдъ пошли и правительства отдѣльныхъ провинцій, и вотъ издаются законы, на основаніи которыхъ всякій желающій могъ получить концессію на колонизацію тѣхъ или другихъ казенныхъ земель, аналогичную тѣмъ концессіямъ, какія у насъ даются на постройку желѣзныхъ дорогъ; при этомъ чуть ли не задаромъ и на льготныхъ условіяхъ отдаются предпринимателямъ громадныя площади казен-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

ныхъ земель. Правительства нѣкоторыхъ провинцій идутъ еще дальше. Такъ, правительство провинціи Кордова издаетъ законъ 2 августа 1886 г., на основаніи котораго отъ правительства назначается премія въ 25,000 пезо всякому землевладѣльцу, который соберетъ на своемъ полѣ 2,500 тоннъ пшеницы или 3,500 тоннъ кукурузы.

Еще больше увлеклись частные владѣльцы земли. За землю, которую такой владѣлецъ еще такъ недавно получилъ чуть не даромъ, по 100 пезо за легву, ему теперь даютъ 5,000, еще черезъ годъ 10,000 и 15,000 пезо. Продавъ свою еще вчера ничего не стоившую землю за крупную сумму, онъ норовитъ теперь купить новую, опять продать, заложить и такъ дальше. Созданъ былъ цѣлый рядъ банковъ, гдѣ закладывались земли, Богъ вѣсть гдѣ находящіяся. Пошла горячка спекуляціи, доведенная до чудовищныхъ размѣровъ: кто-то продалъ землю, по разсчету оказавшуюся на днѣ морского залива Багіа-Бланка. Какъ бы на подмогу спекулянтамъ-аргентинцамъ явились стаи авантюристовъ изо всѣхъ концовъ Европы, а за ними со своими милліонами потянулись и европейскіе капиталисты. Увлеченные спекулянтами и авантюристами, капиталисты эти бросились брать концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, портовъ, даже цѣлыхъ городовъ. Въ короткій срокъ отъ 1885 до 1889 года государственные внѣшніе долги республики достигли колоссальныхъ размѣровъ. Деньги изъ банковъ государственныхъ выдавались, какъ я сказалъ, за земли, неизвѣстно гдѣ существующія, или просто шли въ карманы лицъ, близко стоявшихъ къ правительству.

За капиталистами и ихъ милліонами потянулись и новые десятки тысячъ иммигрантовъ, и всѣ нашли себѣ занятія въ постройкахъ, предпріятіяхъ, колонизаціонныхъ и другихъ, начавшихся разомъ.

Зарвавшееся правительство не останавливалось; оно предлагаетъ въ 1888 году палатѣ утвердить кредитъ въ 900,000 фунт. стерл. на привлеченіе новыхъ и новыхъ тысячъ иммигрантовъ. Рѣшено было даромъ возить всякаго желающаго переселиться. Основаны были спеціальныя бюро для справокъ (Bureaux des informations) во многихъ главныхъ городахъ Европы, заключены контракты съ разными пароходными обществами на перевозку иммигрантовъ,—на 50,000 нѣмцевъ, на 25,000 французовъ и т. д. За агентами правительства отправились вслѣдъ цѣлые легіоны агентовъ разныхъ банковъ и частныхъ предпринимателей ловить въ Европѣ людей для аргентинскихъ степей. Вмѣсто прежняго естественнаго роста иммиграціи, мы въ 1888 и 1889 г. видимъ уже ненормальный подъемъ.

Въ 1886 г. иммигрантовъ было	93,116
» 1887 г. » »	120,840
» 1888 г. » »	172,436
» 1889 г. » »	260,909

Тысячами распространялись по Европѣ книжки и брошюры какъ правительства, такъ и колонизаціонныхъ банковъ и частныхъ предпринимате-

лей, разсказывавшія разныя были и небылицы, и голодные европейцы шли на эту удочку.

Все это кончилось знаменитымъ аргентинскимъ крахомъ 1889 года, тяжело отразившимся и въ Европѣ и заставившимъ очнуться какъ европейцевъ, такъ и самихъ аргентинцевъ.

Вотъ въ это-то время, именно въ 1889 г., почти наканунѣ этого краха, и начинается исторія иммиграціи въ Аргентину русскихъ евреевъ, которой чуть было не суждено сдѣлаться народнымъ движеніемъ среди всего еврейскаго населенія Россіи. Какъ всякое народное движеніе, и это выдумано, создано не интеллигентными силами народа; не баронъ Гиршъ далъ ему начало, какъ это думаютъ въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Вотъ какъ началось это движеніе.

Въ 1889 г., когда только подтвержденъ былъ законъ, запрещающій евреямъ жительство въ 50-ти верстной полосѣ отъ западной границы, евреи цѣлаго ряда мѣстечекъ Подольской губерніи, близъ этой полосы лежащихъ, Проскурова, Новой-Ушицы, Городка и мн. др., которымъ невмоготу стало жить въ тѣснотѣ и обидѣ, рѣшились эмигрировать и мѣстомъ переселенія избрали Палестину, твердо рѣшившись заняться тутъ землепашествомъ. Рѣшили послать ходоковъ въ Парижъ, чтобы хлопотать о покровительствѣ у барона Ротшильда, который за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ сталъ основывать въ Палестинѣ земледѣльческія колоніи для своихъ единовѣрцевъ. Быстро собрано было по нѣскольку рублей съ семьи, и ходоки отправились. Безуспѣшно просидѣли они 5 или 6 мѣсяцевъ въ Парижѣ: баронъ Ротшильдъ не прямо имъ отказалъ, нѣсколько медлилъ отказомъ, но, наконецъ, окончательно отказалъ въ пріемѣ новыхъ семействъ въ свои палестинскія колоніи. Потерпѣвъ неудачу, всѣ ходоки вернулись въ Россію; остался лишь одинъ Лазарь Кауфманъ. Онъ сталъ хлопотать объ иномъ, о переселеніи пославшихъ его семей на счетъ другого филантропа, барона Гирша, въ Сѣверо-Американскіе Штаты. Опять ему не было прямо отказано, онъ ждалъ безуспѣшно еще два мѣсяца и уже собирался уѣхать, когда случайно натолкнулся на одну изъ тысячъ брошюрокъ, которыя, какъ мы уже видѣли, распространялись по всей Западной Европѣ разными агентами аргентинскаго правительства и аргентинскихъ колонизаціонныхъ банковъ. Онъ заинтересовался этою брошюрой, далъ перевести ее и по указанному на этой брошюрѣ адресу разыскалъ агента одного изъ колонизаціонныхъ банковъ, г. Франка. Брошюрка и Франкъ убѣдили его, что въ Аргентинской республикѣ, о которой онъ до сихъ поръ и не слыхалъ, даютъ иммигранту и земли вдоволь, и все, что нужно для работы, и поддержку до урожая. Однако, Кауфманъ не сразу повѣрилъ брошюркѣ и Франку; простой, необразованный еврей, онъ разыскиваетъ въ Парижѣ всякіе источники для провѣрки ихъ показаній и данныхъ. Онъ разыскалъ въ Парижѣ Bureaux des informations, представителемъ котораго былъ въ это время нѣкто Ломасъ. Когда этотъ сановникъ Аргентинскаго государства, котораго Кауфманъ принялъ даже за посланника, подтвердилъ, что взаправду все, что обѣщается, будетъ

дано, и что все, что сказано въ брошюркѣ о плодородіи и прекрасномъ климатѣ страны, вѣрно, Кауфманъ уже не сомнѣвается. Къ тому же, справки, наведенныя имъ у частныхъ лицъ о странѣ, только подтверждали то, что ему говорили брошюрка, Франкъ и Ломасъ. И вотъ Кауфманъ вступаетъ въ переговоры съ Франкомъ, и берется набрать для эмиграціи въ Аргентинскую республику 120 семействъ. Кауфманъ условливается, что каждое принятое имъ семейство вышлетъ Франку въ Парижъ задатокъ въ 25 фр., и Франкъ долженъ тогда выслать предварительный контрактъ.

Кауфманъ возвращается въ Россію, но уже не какъ простой человѣкъ, а какъ представитель аргентинскаго правительства, за котораго онъ уже себя серьезно считаетъ и самъ.

Слухъ объ Америкѣ и о томъ великомъ счастьѣ, которое тамъ обѣщается, быстро разносится по всѣмъ уѣздамъ Подольской губерніи, проникаетъ даже и въ сосѣднія мѣстечки Бессарабіи и Волынской губерніи. Передъ Кауфманомъ начинаютъ хлопотать о пріемѣ, и онъ является самодержавнымъ распредѣлителемъ будущаго счастья. Но каждое семейство должно представить задатокъ въ 25 фр.,—капиталъ очень значительный для голодающаго еврея Западнаго края, и вотъ люди начинаютъ продавать единственную драгоцѣнность, которою особенно дорожитъ нищій-еврей, это подушки—«бедгевандъ». Деньги высланы Франку и скоро семьи начинаютъ получать изъ Парижа французскую бумажку безъ подписи, принятую всѣми за предварительный контрактъ.

Быстро собрались условленныя 120 семействъ, распродали весь свой хламъ и въ концѣ 1889 г. двинулись въ числѣ 800 душъ въ далекій край. Я не стану разсказывать о тѣхъ мытарствахъ, которымъ подвергались на пути переселенцы; скажу только, что какъ разъ во время ихъ сборовъ и долгаго странствованія въ Аргентинѣ произошли государственный крахъ и послѣдовавшая за нимъ революція. Всѣ обязательства прежняго правительства и обанкротившихся банковъ теперь уже лопнули, какъ мыльные пузыри. Когда переселенцы прибыли въ Буэносъ-Айресъ, оказалось, что все то, что имъ обѣщано,—миѳъ. Понятно то ужасное положеніе, въ которомъ они очутились. Ими заинтересовались, и тутъ одинъ изъ тысячей буэносъ-айресскихъ адвокатовъ, Паласіосъ, типъ дореволюціоннаго спекулянта, предложилъ имъ поселиться на его «кампѣ». Онъ обѣщалъ дать необходимое для работы и кормить ихъ до перваго урожая. Евреи съ жадностью ухватились за этотъ единственный исходъ и поѣхали въ пустыню, гдѣ находился «кампъ» Паласіоса. Тутъ былъ одинъ сарай, въ который помѣстили женъ и дѣтей, а мужчины размѣстились подъ открытымъ небомъ. Паласіосъ, однако, не торопился устраивать колонистовъ по той простой причинѣ, что у него было на это денежныхъ средствъ. И между переселенцами начинается голодъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль отъ голода и голоднаго тифа умираетъ 70 дѣтей. Нѣсколько осмотрѣвшись, мужчины разбрелись искать поденной работы, которую, къ счастію, они скоро нашли на строившейся вблизи желѣзной дорогѣ.

Прошелъ годъ, и картина измѣнилась. На заработанные гроши съ нѣкоторою поддержкой того же Паласіоса евреи уже устроились понемногу на «кампѣ», стали работать и успѣли уже сдѣлать небольшой посѣвъ. Въ это-то время ихъ посѣтилъ проф. Лозанскаго университета Левенталь, приглашенный аргентинскимъ правительствомъ для изслѣдованія нѣкоторыхъ спеціальныхъ гигіеническихъ вопросовъ. Левенталь былъ пораженъ быстрымъ приспособленіемъ евреевъ къ труду и къ условіямъ новой страны. Вернувшись въ Европу, онъ сталъ разсказывать въ Парижѣ о видѣнномъ и заинтересовалъ этимъ парижскаго филантропа барона Гирша.

Тутъ-то и начинается дѣятельность послѣдняго. Гиршъ просилъ Левенталя выработать ему проектъ устройства въ Аргентинской республикѣ земледѣльческихъ колоній русскихъ евреевъ. Когда проектъ былъ выработанъ, проф. Левенталь командируется вскорѣ барономъ Гиршемъ въ Буэносъ-Айресъ для переговоровъ съ аргентинскимъ правительствомъ и для закупки земель.

Посѣтивъ снова первое селеніе русскихъ евреевъ, названное Моизесвилль, проф. Левенталь оказываетъ имъ небольшую денежную поддержку для закупки затвенныхъ машинъ; безъ этой своевременной поддержки первая жатва русскихъ евреевъ обязательно погибла бы; но, что всего интереснѣе, Левенталь создалъ изъ этихъ піонеровъ «кооперативное товарищество» для работы на кооперативныхъ началахъ—«Sociedad cooperativa de agricultura de Moisesville». Крайне интересенъ уставъ, выработанный Левенталемъ сообща со старѣйшими изъ евреевъ. По уставу, члены товарищества обязываются сообща обрабатывать принадлежащія товариществу поля и сообща дѣлить полученные доходы. Цѣль товарищества—та, «чтобы всѣ работали для всѣхъ», чтобы болѣе сильный работалъ вмѣстѣ и за болѣе слабаго, не имѣя права требовать за это особаго вознагражденія; если бы, однако, кто-либо безъ вреда для общей работы могъ сработать еще больше, ему это не возбранялось, но никто не могъ приступить къ частной работѣ раньше, чѣмъ было обработано по 20 гект. на каждое семейство общины.

Товарищество просуществовало годъ въ полномъ порядкѣ. Поразительны та строгая экономія и тотъ порядокъ въ веденіи отчетности, которые наблюдаются въ дѣлахъ товарищества. Только тогда, когда еврейское колонизаціонное общество, основанное бар. Гиршемъ, откупило у Паласіоса его право на землю этой колоніи и ввело свою администрацію, кооперативное товарищество отъ общества перестало существовать.

Какъ разъ въ то время, когда проф. Левенталь только что пріѣхалъ въ Буэносъ-Айресъ для переговоровъ съ правительствомъ и закупки земель, началось выселеніе евреевъ изъ Москвы. Это было приблизительно въ срединѣ 1891 года. Въ это время евреи тысячами стали эмигрировать изъ Россіи. Создались въ Германіи комитеты помощи, собравшіе средства для отправки этихъ тысячъ въ Сѣверо-Американскіе Штаты. Но скоро средства комитета стали изсякать, и онъ сталъ хлопотать передъ барономъ Гиршемъ объ отправкѣ бѣглецовъ на его средства въ Аргентину.

И вотъ допущенъ былъ неосторожный шагъ: раньше, чѣмъ были закуплены земли и что-либо заготовлено, въ Буэносъ-Айресъ явилось сразу до 1,500 переселенцевъ.

Положеніе проф. Левенталя было, конечно, ужасно; онъ, однако, не растерялся, быстро купилъ 25,000 гектар. нынѣшней колоніи Мауриціо и кое-какъ въ палаткахъ устроилъ новоселовъ. Левенталь вскорѣ, къ сожалѣнію, былъ отозванъ; дирекція была поручена полковнику англійской службы Гольдсмиду, а до его пріѣзда обязанности главнаго директора исполнялъ нѣкто Ротъ. Къ этому времени опять сотнями стали прибывать бѣглецы изъ Россіи, и Роту пришлось также впопыхахъ пріобрѣсти земли, какъ незадолго передъ этимъ сдѣлалъ это проф. Левенталь. Къ счастью, земли куплены очень удачно, хотя нѣсколько дорого.

Полковнику Гольдсмиту выпало на долю устроить колонистовъ: необычайно быстро построены дома, куплены скотъ и орудія, и не прошло года, какъ большинство уже приступило къ работѣ.

Вся эта поспѣшность, съ которой сначала такъ неосмотрительно посылали сюда бѣглецовъ, и затѣмъ та поспѣшность, съ которой пришлось размѣщать и устраивать ихъ, невольно привела къ разнымъ ошибкамъ, вообще, какъ мы видѣли, неизбѣжнымъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ колонизація. Во-первыхъ, послано было очень много старыхъ и больныхъ людей, даже эпилептиковъ, отъ которыхъ нельзя было требовать тяжелаго труда, но, что не менѣе важно, неосмотрительно были разбиты и разбросаны въ разныя мѣста крѣпкія рабочія семьи. Съ этимъ пришлось считаться посланной изъ Россіи въ помощь полковнику Гольдсмиду коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Когана. Быстро исправлены были эти ошибки: высланы были негодные элементы, соединены разбитыя семьи, перераспредѣлены участки и т. д. Теперь уже всѣ давно стали работать, и достигнутые результаты вполнѣ удовлетворительны.

Приведу въ цифрахъ эти результаты, причемъ замѣчу, что изъ приводимыхъ ниже колоній первыя четыре представляютъ нынѣ собственность еврейскаго колонизаціоннаго общества, послѣднія же три устроились самостоятельно и пользуются нынѣ лишь покровительствомъ общества.

	Душъ.	Посѣва въ 1893 году въ гектарахъ.				
		Пшеницы.	Маиса.	Льна.	Огород.	Люцер.
Моизесвиль (3 г. сущ.) . .	436	1,592	600	197	40	48
Маурицію (2 г. сущ.). . .	789	3,349	2,500	63	150	232
К[illegible]ара ($1\frac{1}{2}$ г. сущ.) . . .	999	1,347	3,200	—	150	46
С[illegible] Антоніо ($1\frac{1}{2}$ г. сущ.). .	291	330	900	—	25	5
М[illegible]нииготесъ (3 г. сущ.) . .	69	240	—	—	—	4
Б[illegible]лестеросъ ($\frac{1}{2}$ г. сущ.) .	69	276	380	—	5	23
С[illegible]нъ-Хуліо ($\frac{1}{2}$ г. сущ.). .	30	110	—	—	—	15
	2,683	7,294	6,980	260	370	373

Въ текущемъ году уже закончены зимніе посѣвы (пшеницы, льна, овса, ржи), лѣтніе же (маиса) только что начаты, причемъ площади посѣвовъ во всѣхъ колоніяхъ почти удвоились. Такъ, въ колоніи Мауриціо одной пшеницы засѣяно 5,200 гектар., льна, овса и ржи посѣяно около 800 гектар. Точныя цифры посѣвовъ въ другихъ колоніяхъ мнѣ еще не сообщены.

Теперь, когда почти закончено устройство первыхъ колоній, вниманіе еврейскаго колонизаціоннаго общества централизуется на созиданіи новыхъ колоній. Теперь опытъ научилъ относиться съ большею осмотрительностью къ каждому шагу, какъ это нѣкогда было съ обществомъ центрально-аргентинской желѣзной дороги или обществомъ «Курумаланъ». Семьи принимаются не въ Гамбургѣ, Бременѣ или Константинополѣ, откуда изъ жалости къ ихъ положенію комитеты посылали и хромого, и больного, но принимаются на мѣстѣ въ Россіи, и, притомъ, только большія семьи, со многими рабочими руками. Набранныя семьи выбрали делегатовъ, которые больше полугода пробыли въ Аргентинѣ, слѣдя за приготовленіемъ домовъ, закупкой скота и пр., и только когда все болѣе или менѣе было заготовлено, была выслана, именно въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ текущаго года, первая новая партія приблизительно въ 1,200 — 1,500 душъ, основавшихъ три новыя колоніи. Когда будутъ закончены дальнѣйшія приготовленія, будутъ въ скоромъ времени отправлены еще отъ 2 до 3,000 душъ.

Много было потеряно времени вслѣдствіе требованій новыхъ делегатовъ объ устройствѣ селъ, въ то время какъ мѣстное управленіе считало возможнымъ лишь устройство отдѣльныхъ фермъ.

Изъ предъидущаго очерка развитія колонизаціоннаго дѣла въ Аргентинѣ ясно, что дѣло, затѣянное барономъ Гиршемъ, не есть нѣчто особенно новое, неслыханное въ Аргентинской республикѣ, какъ это обыкновенно думаютъ у насъ. Оно имѣетъ цѣлый рядъ прецедентовъ, какъ общество центрально-аргентинской желѣзной дороги, «Курумаланъ» и др.; даже не впервые, какъ мы видѣли, устраивается здѣсь колонизація людей, не знавшихъ прежде земледѣлія: общество «Курумаланъ» имѣло дѣло съ тѣмъ же элементомъ изъ сапожниковъ, торгашей и т. п. людей, какъ и еврейское колонизаціонное общество. Эти торгаши или сапожники значительно легче, чѣмъ думаютъ въ Европѣ, пріучаются тутъ къ земледѣльческому труду, благодаря прекраснымъ климатическимъ условіямъ страны, главнымъ же образомъ благодаря особымъ условіямъ аргентинскаго хозяйства: послѣднее совершенно лишено здѣсь примитивнаго характера, который имѣетъ крестьянское хозяйство у насъ въ Россіи, и носитъ скорѣе характеръ фабричный, гораздо легче усваиваемый прежнимъ ремесленникомъ или даже торгашомъ. Еврейское колонизаціонное общество встрѣтилось съ тѣми же затрудненіями и вопросами и ведетъ свое дѣло совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ и другія общества. Это не есть только благотворительное общество, какъ думаютъ. Ничего рѣшительно не дается въ даръ переселенцамъ, а съ нихъ будутъ даже браться и % за затраченный на нихъ капиталъ. Благотворительность тутъ въ идеѣ, въ результатѣ: людямъ

дадутъ возможность устроиться, работать и жить, а на деньги, возвращенныя ими, и на полученную отъ предпріятія прибыль будутъ устроены новыя и новыя семьи.

V.

Обобщимъ теперь тѣ факты исторіи развитія колонизаціоннаго дѣла въ Аргентинской республикѣ, съ которыми мы теперь познакомились.

Мы видѣли, что, когда созрѣло, въ лицѣ Уркизы, у аргентинскаго правительства сознаніе полезности и необходимости привлечь иммиграцію европейцевъ въ страну, на помощь правительству явилась частная инициатива въ лицѣ Брюнье, Кастелляноса и др., которые и положили начало этому столь развившемуся теперь дѣлу. Государственные люди, стоявшіе во главѣ республики, какъ Уркиза, Кулленъ и другіе, только поддержали это трудное, почти непосильное вначалѣ для частнаго предпринимателя дѣло, которое затѣмъ на время переходитъ, какъ мы видѣли, въ руки правительства, и нѣсколько второстепенныхъ дѣятелей государства, какъ Габарретъ въ Эсперансѣ, честнымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ поддерживаютъ, а, быть можетъ, и спасаютъ дѣло.

Однако же, долго это не остается въ рукахъ государства, и именно по тѣмъ причинамъ, что, во-первыхъ, у государства не оказалось свободныхъ денегъ, которыя были нужны для такого колоссальнаго дѣла, но, главное, потому, что, говоря вообще, любое государство часто оказывается плохимъ предпринимателемъ и устроителемъ такихъ предпріятій, которыя до извѣстной степени обладаютъ коммерческимъ характеромъ. Дѣло, такимъ образомъ, переходитъ опять въ руки частныхъ предпринимателей, и только для русскихъ нѣмцевъ правительство рѣшается сдѣлать счастливое исключеніе.

Мы видѣли частныя общества, и, притомъ, солидныя, такія, какъ англійская компанія центрально - аргентинской желѣзной дороги, общество «Курумаланъ», еврейское колонизаціонное общество, или такихъ лицъ, какъ Кассадо и др.,—эти общества и лица сильно поддерживаютъ и ведутъ впередъ это колоссальное дѣло. Не трудно, однако, понять, что никакимъ милліонерамъ, ни самому правительству не подъ силу довести это невѣроятное дѣло до такой степени развитія, чтобъ ежегодно перевозить, а, главное, устраивать въ странѣ сотни тысячъ людей.

Въ началѣ частная предпріимчивость дала дѣлу инициативу, правительство, принявъ эту инициативу, дало дѣлу импульсъ, затѣмъ опять частное общество и лица развиваютъ это дѣло, но теперь уже задача правительства и частной предпріимчивости почти исчерпана, и вмѣсто прежней искусственной иммиграціи начинается иммиграція естественная. Письмо счастливо устроившагося, благодаря правительству или частному предпринимателю, колониста домой въ отечество, къ брату, куму, родственнику, дѣйствовало неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ самое пламенное увѣреніе агентовъ правительства или частнаго предпринимателя. Еще краснорѣчивѣе было такое письмо,

когда къ нему были приложены деньги или билетъ на проѣздъ, какъ это обыкновенно дѣлается итальянцами и русскими нѣмцами, а съ этого года и русскими евреями въ Аргентинѣ.

Такой естественный ходъ развитія иммиграціи мы можемъ наблюдать въ Аргентинской республикѣ на примѣрѣ итальянцевъ и швейцарцевъ.

	Итальянцевъ.	Швейцарцевъ.
Въ 1886 г. иммигрировало	43,328	1,284
» 1887 » »	67,139	1,420
» 1888 » »	75,029	1,479
» 1889 » »	88,647	1,571

Мы видимъ здѣсь естественный ходъ впередъ, котораго не могли измѣнить и даровые проѣздные билеты, распространявшіеся съ 1888 г. въ Европѣ. Мы этого не можемъ наблюдать на иммиграціи въ ту же Аргентину, наприм., французовъ или испанцевъ.

	Французовъ.	Испанцевъ.
Въ 1886 г. иммигрировало	4,662	9,895
» 1887 » »	7,036	15,618
» 1888 » »	17,105	25,485
» 1889 » »	27,173	71,151

Но этотъ естественный ходъ иммиграціи итальянцевъ и швейцарцевъ достигнутъ былъ, какъ мы это видѣли, именно благодаря тому началу, которое дали ему государство и частная предпріимчивость.

Совершенно съ аналогичнымъ приходится нынѣ считаться и еврейскому колонизаціонному обществу. Оно никогда не сможетъ переселить и сотой доли того количества русскихъ евреевъ о которомъ условилось съ нимъ русское правительство. Такое переселеніе въ нѣсколько сотенъ тысячъ ежегодно практически невыполнимо уже хотя бы потому одному, что это противорѣчитъ естественнымъ законамъ развитія той страны, куда должно направляться переселеніе, въ данномъ случаѣ Аргентинской республики. Въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ количество переселенцевъ, которое можетъ воспріять Аргентинское государство, не изъ одной Россіи, а со всего земного шара, достигаетъ 75—85 тысячъ. Когда аргентинское правительство пожелало гнать природу впередъ и искусственными мѣрами (раздачей даровыхъ проѣздныхъ билетовъ) подняло количество иммигрантовъ выше естественнаго предѣла,—излишку нечего было дѣлать въ странѣ, онъ уже въ слѣдующіе годы возвращается назадъ въ Европу, и въ 1891 году эмиграція изъ страны больше иммиграціи, а именно:

Иммигрантовъ	73,597
Эмигрантовъ	90,936

Что страна можетъ быть неподготовленной для воспріятія переселенцевъ выше естественной нормы, особенно наглядно на примѣрѣ еврейскаго колонизаціоннаго общества. Послѣднему не приходится считаться съ недостат-

комъ денежныхъ средствъ, которое могло бы въ другомъ случаѣ маскировать неподготовленность страны. Какъ это ни странно, обществу приходится считаться, напримѣръ, съ трудностью получить въ такой странѣ, какъ Аргентина, достаточное количество прирученнаго рабочаго скота. Страна, гдѣ милліоны быковъ, но дикихъ, не могла заготовить, однако же, достаточнаго количества ручныхъ быковъ. Еврейскому колонизаціонному обществу приходится сначала устраивать заводы для прирученія скота и уже пропорціонально развитію этого дѣла развивать и дѣло переселенія. Легко понять, что пріѣзжающему въ страну итальянцу уже не приходится считаться съ такимъ затрудненіемъ добыть себѣ рабочій скотъ, если онъ пріѣхалъ къ своему раньше поселившемуся здѣсь брату или дядѣ; этотъ братъ уже давно самъ научился приручать дикій скотъ и даже предпочитаетъ работать съ полудикимъ быкомъ, чѣмъ съ ручнымъ. Тоже самое мы наблюдаемъ на евреѣ: колонистъ, пробывшій всего $1^1/_2$—2 года въ колоніи, охотно мѣняетъ своихъ уже постарѣвшихъ ручныхъ быковъ на молодыхъ дикихъ.

Еврейскому колонизаціонному обществу удастся въ виду этого устроить въ странѣ относительно небольшое число поселенцевъ, но потомъ эти послѣдніе сами разовьютъ дѣло, вызывая къ себѣ своихъ родичей.

Если такимъ образомъ вызвать «самопроизвольное» переселеніе, начатое раньше подъ руководствомъ государства или частной осторожной и разумной переселенческой инициативы, желательно для государственныхъ интересовъ мало населенной страны, того же нельзя сказать о такомъ переселеніи слѣпой массы, которое не руководилось раньше интеллигентною, до возможности осторожною рукой правительства или не менѣе осторожной частной иниціативы. Какъ на примѣръ такого слѣпого переселенія, мы можемъ указать на переселеніе русскихъ поляковъ въ Бразилію или на не менѣе плачевный примѣръ переселенія нашихъ крестьянъ изъ внутренней Россіи въ менѣе населенныя южныя и восточныя степи или Сибирь. Въ случаѣ естественнаго роста и хода переселенія, забота о новыхъ переселенцахъ постепенно слагается съ государства на родственниковъ, переселившихся ранѣе, и, благодаря попеченію послѣднихъ, новый поселенецъ очень скоро освоится и устроится въ новой странѣ или краѣ. Роль государства, такимъ образомъ, ограничивается лишь тѣмъ, чтобы осторожно и постепенно довести дѣло переселенія до той ступени, когда оно больше не будетъ уже нуждаться въ какой-либо помощи, приметъ естественный ростъ.

Изъ предъидущаго выяснилось, что отъ успѣха устройства первыхъ переселенцевъ зависитъ вся будущность дѣла переселенія. Такъ это и было въ Аргентинской республикѣ съ колонизаціей итальянцевъ, швейцарцевъ или русскихъ нѣмцевъ. Естественно, что къ тому же, т.-е. къ обязательному успѣху первыхъ своихъ колонистовъ, должно стремиться еврейское колонизаціонное общество и всякое государство, для котораго сдѣлалась

очевидной необходимость иммиграціи чужеземцевъ, или же, какъ это у нас, полезность переселенія части населенія изъ одной части государства въ дру-гія, менѣе населенныя. Такъ какъ устроившійся переселенецъ почти обя-зательно послѣ первыхъ своихъ удачъ вызоветъ переселеніе другого и самъ поддержитъ этого другого въ новомъ мѣстѣ, ясно, что затраты, понесенныя для устройства одного семейства, въ концѣ-концовъ, такъ сказать, въ среднемъ, поведутъ къ устройству двухъ или нѣсколькихъ се-мействъ.

Вотъ этихъ-то правилъ и держались въ Аргентинѣ при рѣшеніи во-проса о тѣхъ суммахъ, которыя нужно было потратить на устройство бы-та первыхъ переселенцевъ, и должно держаться всегда въ аналогичныхъ случаяхъ.

Мы видѣли, что для дѣятелей Аргентинской республики начала ны-нѣшняго вѣка, какъ Ривадавіа, уже было ясно, что недостаточно пере-везти въ страну земледѣльцевъ, недостаточно даже дать имъ земли, все равно сколько, а что необходимо опредѣленную сумму назначить и на обзаведеніе колониста, и на поддержку его до урожая. Мы видѣли, что по уставу коммиссіи, учрежденной въ 1824 году Ривадавіа, предполага-лось назначать семействамъ на обзаведеніе и прочее сумму въ 300 золо-песо (т.-е. около 1,500 фр.).

Въ контрактахъ Брюнье и Кастелляноса правительства провинцій Ко-ріэнтесъ и Санта-Фэ идутъ еще дальше. Они обязуются снабдить ко-лонистовъ рѣшительно всѣмъ, что имъ можетъ понадобиться до перва-урожая при тогдашнихъ условіяхъ обработки и хозяйства. Мы видѣли, что предполагалось давать, и при основаніи Эсперанса, дѣйствительно, далъ инвентарь, который при тогдашнихъ условіяхъ обработки, при тогдашнемъ положеніи рынка надо признать вполнѣ достаточнымъ. Кромѣ того, мы уже знаемъ, что колонистъ пользовался продовольствіемъ отъ казны вплоть до урожая. То же самое, само собою разумѣется, имѣло мѣсто и при основаніи другихъ первыхъ колоній правительства, какъ Барадеро, Вилла-Уркиза и друг., а также колоній Оллаваріа и Діаманте русскихъ нѣмцевъ; въ Діа-манте, какъ мы видѣли, правительство продовольствовало нѣмцевъ цѣлыхъ два года.

Тѣхъ же правилъ держались частные предприниматели, къ которымъ вскорѣ перешла прежняя роль правительства; того же держались при ос-нованіи Санъ-Карлосъ, Санъ-Жеронимо и др. Мы видѣли, что болѣе инте-лигентные предприниматели, какъ Кассадо, идутъ еще дальше и заботятся рѣшительно обо всемъ, что касается интересовъ колониста, и всячески под-держиваютъ его во время невзгодъ и неурожаевъ. Тѣхъ же правилъ, какъ мы видѣли, держались и общества центрально-аргентинской желѣзной до-роги и «Курумаланъ». Мнѣ приходилось упоминать, что въ колоніяхъ «Ку-румаланъ» не мало колонистовъ, которые задолжали обществу до 15 ты-сячъ франковъ и затѣмъ все выплатили. Дѣло колонизаціи не похоже ни на одно другое, и тутъ часто задолжавшему наиболѣе приходится ка-

болѣе помогать и кредитовать дальше, и тогда задолжавшій получаетъ возможность вмѣстѣ съ новымъ долгомъ уплатить и старый.

Какова же сумма, необходимая для полнаго устройства семьи? Мы видѣли, что въ началѣ нынѣшняго вѣка Ривадавіа опредѣлилъ эту сумму въ 300 золот. пезо (1,500 фр.). При основаніи Эсперанса было выдано всего на сумму приблизительно отъ 1,000 до 2,000 франк. При основаніи Санъ-Хозе и другихъ колоній выдано приблизительно столько же. На устройство русскихъ нѣмцевъ Оллаваріа правительство провинціи Буэносъ-Айресъ, какъ мы видѣли, опредѣлило выше 2,000 фр. на семейство.

Но теперь, съ началомъ 80-хъ годовъ, дѣло рѣзко мѣняется. Условія всемірнаго хлѣбнаго рынка сильно мѣняются, на сцену всемірной конкурренціи особенно сильно выступаютъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Цѣна на хлѣбъ на лондонской биржѣ, регулирующей хлѣбныя цѣны всего міра, падаетъ въ теченіе 80-хъ годовъ, такъ что въ концѣ этихъ годовъ цѣны такъ низки, какъ онѣ ни разу не были въ теченіе полутора столѣтія.

	Среднія цѣны пшеницы за квартеръ (220 кил.).		
1801—10 гг.	83	шил.	11 пенс.
1811—20 »	87	»	6 »
1821—30 »	59	»	5 »
1831—40 »	56	»	10 »
1841—50 »	53	»	4 »
1851—60 »	54	»	7,5 »
1861—70 »	51	»	1 »
1871—80 »	51	»	1 »
1881 г.	45	»	4 »
1882 »	45	»	1 »
1885 »	33	»	0 »
1886 »	29	шил.=73 мет. коп. за пудъ.	

Это измѣненіе цѣнъ на рынкѣ имѣло причиной и, въ то же время, слѣдствіемъ все большее и большее усовершенствованіе земледѣльческихъ орудій и способовъ доставки (на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и корабляхъ). И вотъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ Аргентинскую республику впервые ввозятся сѣверо-американскія усовершенствованныя машины: цѣлый рядъ разныхъ саможатокъ, молотилокъ, сѣялокъ, локомобилей и т. п., безъ которыхъ теперь уже не ведется ни одно хозяйство. Введеніе этихъ усовершенствованныхъ машинъ въ сельское хозяйство Аргентины имѣло естественнымъ слѣдствіемъ увеличеніе съ 80-хъ годовъ той суммы, которая необходима для устройства колониста. Общество «Курумаланъ» даетъ первымъ колонистамъ своихъ колоній рѣшительно все, даже часто по саможаткѣ цѣнностью въ 1,250 фр., и такимъ-то образомъ сдѣлалось возможнымъ задолжаніе со стороны нѣкоторыхъ колонистовъ суммы почти въ 15,000 фр.

Разберемъ приблизительную смѣту расходовъ, потребныхъ въ настоящее время въ Аргентинѣ на устройство семьи. Эти расходы должно дѣлить на два вида: такіе расходы, которые должны быть затрачены предпринимателемъ-колонизаторомъ прямо на устройство *даннаго* колониста, и такіе расходы, которые тратятся имъ не прямо на даннаго колониста, а либо на все селеніе, либо же на сборъ и храненіе продуктовъ. Первые расходы составляютъ прямой долгъ колониста, вторые же либо уплачиваются всѣмъ селеніемъ, либо же уплачиваются продуктомъ и входятъ въ расходы по его сбору.

Для того, чтобы колонистъ могъ сразу приступить къ маленькому, но правильному хозяйству, ему безусловно необходимъ при нынѣшнихъ условіяхъ аргентинской культуры слѣдующій минимальный инвентарь:

8 быковъ, по 30 р.	240	руб.
2 лошади, по 18 р.	36	»
2 коровы, по 21 р.	42	»
2 плуга и 2 бороны	90	»
½ телѣги *) въ 120 р. . . .	60	»
Упряжь (сѣдло и проч. мелочь хозяйств.)	32	»
Весь инвентарь . .	500	руб.
Изба и колодезь	150	руб.
Кораллъ **) и алямбрадо ***) .	250	»
Сѣмена	100	»
Всего на первое обзаведеніе . .	1,000	руб.

Сюда надо прибавить еще расходы по проѣзду семьи изъ Европы до колоніи по 85 руб. на душу, т.-е. для средняго семейства въ 7 душъ—600 руб., и, наконецъ, расходы по содержанію семьи до урожая и на необходимую поддержку колониста во второй трудный для него годъ пребыванія въ странѣ, въ среднемъ въ теченіе 15 мѣсяцевъ по 25 р., всего 400 р.

Такимъ образомъ, расходы на первое обзаведеніе, на продовольствіе и на проѣздъ достигаетъ суммы въ 2,000 руб. Сюда же къ прямому долгу колониста должно прибавить стоимость даннаго ему надѣла земли. Предполагая надѣлъ для семьи въ 75 гект., при существующей нынѣ цѣнѣ въ провинціи Энтре-Ріосъ 60,000 бум. пезосъ за легву въ 2,700 гектаровъ, мы получимъ цѣну за гектаръ около 22 пезо или 13,2 руб., или за 75 гектаровъ около 1,000 руб.

Прямые расходы на устройство семьи равны, такимъ образомъ, приблизительно 3,000 руб., прямой же долгъ колониста нѣсколько увеличивается, если предпринимателемъ является частное лицо или общество, какъ

*) Т.-е. двѣ семьи могутъ вначалѣ обойтись одною телѣгой, хотя нельзя назвать желательнымъ такое общее пользованіе предметами хозяйственнаго инвентаря.

**) Загонъ для скота.

***) Изгородь изъ столбовъ и желѣзной проволоки.

«Курумаланъ» или еврейское колонизаціонное общество; послѣднія, сами уплачивая по 13,2 руб. за гектаръ при покупкѣ десятковъ тысячъ гектаровъ, не могутъ брать той же цѣны съ колониста, такъ какъ при покупкѣ является рядъ расходовъ по совершенію купчихъ актовъ, по размежеванію земель, по содержанію администраціи, да, наконецъ, предпринимательскія общества обязательно, въ особенности въ началѣ предпріятія, должны терпѣть рядъ убытковъ, а для того, чтобы существовать и развиваться, они должны, стоя на солидныхъ коммерческихъ началахъ, наоборотъ, желать прибыли. Въ виду всего этого, напримѣръ, еврейское колонизаціонное общество за гектаръ земли должно будетъ брать съ колониста не менѣе 35—40 пезосъ или 20—24 рублей съ гектара (въ провинціи Энтре-Ріосъ), т.-е. значительно больше своей оптовой цѣны. Прямой долгъ колониста составится теперь слѣдующимъ образомъ:

За первое обзаведеніе	1,000	руб.
» продовольствіе до урожая	400	»
» проѣздъ изъ Европы до колоніи. .	600	»
» 75 гектаровъ земли	1,800	«
Всего . . .	3,800	руб.

Я сказалъ, что рядомъ съ этими прямыми расходами на семейство предприниматель, будь то правительство или частное общество, долженъ затрачивать и на общія нужды селенія, а также на закупку машинъ, находящихся въ общемъ пользованіи колоніи. Предполагая, что амортизація послѣднихъ будетъ, какъ это предполагаетъ еврейское колонизаціонное общество, входить въ расходы по жатвѣ съ каждаго пуда или кинтала (100 кил.), машины эти съ теченіемъ времени предприниматель передастъ въ собственность общины. Эти косвенные расходы составятся въ среднемъ на семейство слѣдующимъ образомъ:

1) На постройку церкви, училища, больницы, аптеки и пр. въ среднемъ на одно семейство (предполагая 50 сем. въ колоніи) по	150	р.
2) На постройку въ общихъ амбаровъ въ центрѣ колоніи въ среднемъ на семейство по	60	»
3) $1/_2$ сѣялки, $1/_2$ катка	90	»
4) $1/_2$ саможатки	225	»
5) $1/_{10}$ молотилки и локомобиля.	240	»
Всего . . .	765	р.

Мы видимъ, что общіе расходы предпринимателя по полному устройству семьи, такимъ образомъ, составятся изъ:

прямыхъ расходовъ	3,000	р.
косвенныхъ расходовъ . . .	765	»
Всего . . .	3,765	р.

т.-е. какъ расходы предпринимателя, такъ и долгъ колониста доходятъ почти до 4,000 руб. Я долженъ замѣтить, что при этой смѣтѣ я считалъ лишь прямо необходимое. Если, наприм., не пріобрѣтать достаточнаго числа дорогихъ машинъ, то при условіяхъ Аргентинской республики легко можетъ оказаться, что какъ разъ во время жатвы ихъ нигдѣ нельзя будетъ разыскать, и жатва погибнетъ.

Перехожу теперь къ вопросу о величинѣ надѣла.

Мы видѣли, что въ первыхъ контрактахъ, заключенныхъ съ Брюнье и Кастелляносомъ и др. въ концѣ 50-хъ годовъ, на семейство (предполагалось 3 взрослыхъ) назначался надѣлъ въ 20 квадр. или 33 гектара, или, приблизительно, 30 дес. Мы видѣли дальше, что надѣлъ этотъ въ концѣ 60-хъ годовъ уже увеличвается почти вдвое, и общество центральн. жел. дор. даетъ уже на колониста съ взрослымъ сыномъ надѣлъ въ 40 квадр. или, приблизительно, 60 дес. Нужно при этомъ замѣтить, что такое общество, какъ общество центральн. жел. дор., должно было въ этомъ случаѣ руководствоваться только стремленіемъ къ успѣху колониста, такъ какъ успѣхъ или неуспѣхъ колониста долженъ былъ вести къ успѣху или неуспѣху всего предпріятія общества.

Мы видѣли, однако же, дальше, что въ концѣ 70-хъ годовъ и этотъ надѣлъ въ 60 дес. оказывается недостаточнымъ и уже само правительство опредѣляетъ на семейство, наприм., въ колоніи Оллаваріа, до 150 гектаровъ (около 135 дес.) и больше. Точно также такое серьезное общество, какъ «Курумаланъ», минимумъ надѣла, какъ мы видѣли, опредѣляетъ въ 100 гектаровъ; многія же семьи получаютъ и въ короткое время успѣваютъ выкупить и гораздо большіе надѣлы. Наконецъ, съ этимъ же вопросомъ о величинѣ надѣла пришлось, естественно, считаться и еврейскому колонизаціонному обществу. Послѣднее сначала опредѣлило надѣлъ на семейство въ 50 гектаровъ на пашни и отъ 8 до 15 гектаровъ на огороды, выгонъ и дворы; скоро, однако, выяснилось, что такой надѣлъ недостаточенъ, и въ новѣйшихъ колоніяхъ рѣшено было увеличить надѣлъ до 75 гектаровъ. Въ настоящее время дѣятелямъ общества пришлось убѣдиться въ недостаточности и этого надѣла.

Какія же причины заставляютъ увеличивать надѣлы до размѣровъ, кажущихся странными и даже до невѣроятности великими въ Европѣ?

Я долженъ, прежде всего, замѣтить, что при условіяхъ аргентинскаго хозяйства каждый хорошій хозяинъ опредѣляетъ около $1/_8$ своего надѣла на выгонъ: въ настоящее время скотъ круглый годъ остается на подножномъ корму, который, вообще говоря, значительно хуже европейскаго и русскаго подножнаго корма, такъ какъ мѣстами здѣсь сухая и жесткая трава, которой скотъ вовсе не ѣстъ; зимой же кормъ до невозможности плохъ и въ эстансіяхъ, т.-е. въ имѣніяхъ, занимающихся исключительно скотоводствомъ, зимой наблюдается большой падежъ скота. Современемъ, съ вздорожаніемъ земли, конечно, отъ такого подножнаго корма въ з-

ченіе всего года обязательно придется перейти къ стойлу и къ посѣву улучшеннаго корма; теперь уже мы наблюдаемъ зачатки будущей системы въ такихъ колоніяхъ, какъ Барадеро, въ которыхъ, вслѣдствіе близости къ Буэносъ - Айресу, земля дорога, или въ эстансіяхъ, гдѣ вводится улучшенная система скотоводства: здѣсь уже теперь засѣвается много люцерны. Въ колоніяхъ еврейскаго колонизаціоннаго общества вмѣнено въ обязанность каждому колонисту посѣять хотя бы по 1—2 гект. люцерны.

Такимъ образомъ, при теперешнихъ условіяхъ, если колонистъ получитъ надѣлъ даже въ 75 гектаровъ, онъ подъ пашню можетъ опредѣлить максимумъ 50 гектаровъ. При относительной дешевизнѣ земли и дороговизнѣ труда, въ Аргентинской республикѣ, естественно, царитъ еще экстензивная система хозяйства. Допустимъ теперь, что колонистъ, получивши 75 гект., всѣ 50 гект., которые онъ отводитъ подъ пашню, засѣетъ пшеницей; онъ можетъ на самомъ дѣлѣ засѣять пшеницей лишь, скажемъ, 35 гект. или нѣсколько больше, а остальные кукурузой, какъ это чаще и дѣлается, такъ какъ эти оба посѣва бываютъ въ разное время года и колонисту легче управиться съ жатвой, но разсчетъ отъ этого мало измѣнится.

Сдѣлаемъ приблизительный разсчетъ доходовъ и расходовъ по посѣву и сбору этихъ 50-ти гект. пшеницы. Средній урожай въ Аргентинской республикѣ, какъ это ни странно, значительно ниже европейскаго, хотя нѣсколько выше русскаго, что, быть можетъ, зависитъ отъ того, что, въ виду относительной новизны въ странѣ дѣла земледѣлія, еще недостаточно выработаны опытомъ наиболѣе удобныя условія обработки; такъ, въ Энтре - Ріосѣ съ одинаковымъ успѣхомъ на гектарѣ высѣваютъ и 100 кило, и 35 кило. Примемъ средній урожай съ гектара въ 8 кинталовъ (въ 100 кило) или 50 пудовъ. Съ 50-ти гектаровъ получимъ урожай въ 400 кинталовъ или 2,500 пудовъ.

Средняя цѣна въ Буэносъ-Айресѣ съ кинтала (100 кило) до текущаго года колебалась отъ 6 до 8 пезо. Примемъ цѣну 7 пезо или (при нынѣшнемъ курсѣ бум. пезо и рубля) около 4 р. 20 к. съ кинтала или, приблизительно, 67 к. съ пуда; тогда валовой доходъ съ 50-ти гектаровъ приблизительно = 2,800 пезо или 1,680 руб.

Посмотримъ теперь, чему равняются прямые расходы по посѣву и жатвѣ съ кинтала въ 100 кило:

Сѣмена	60	сентаво	36	коп.
Жатва и молотьба . .	150	»	90	»
Мѣшки	50	»	30	»
Перевозка до порта. .	70	»	42	»
Накладные расходы. .	20	»	12	»
	3 пезо	50 сент.	2 руб.	10 коп.

Мы видимъ, что ровно половина стоимости кинтала въ Буэносъ-Айресѣ

должна уходить на расходы по посѣву и жатвѣ. Такимъ образомъ, съ 50 гектаровъ чистый доходъ у колонистовъ будетъ максимумъ въ 1,400 пезо или около 840 руб.

Какъ теперь распредѣляются эти 1,400 пезо или 840 руб. дохода у колониста въ теченіе года?

Онъ долженъ платить предпринимателю проценты за свой долгъ; даже еврейское колонизаціонное общество, если хочетъ развиваться и существовать, должно, конечно, брать % за затраченный капиталъ; обыкновенно частные предприниматели берутъ въ Аргентинской республикѣ 7—10 и 12%, еврейское же колонизаціонное общество рѣшило брать 5%. Такимъ образомъ, за свой долгъ приблизительно въ 4,000 руб. колонистъ долженъ платить процентовъ, считая даже по 5%, 200 руб.

На прожитіе въ теченіе года (причемъ вовсе не должно имѣться въ виду заставлять семейства жить впроголодь), на пріобрѣтеніе платья, обуви и пр.,— необходимо, при высокихъ въ Аргентинѣ цѣнахъ на предметы первой необходимости, семейству въ 7 душъ имѣть, приблизительно, по 60 пезо (30—35 руб.) въ мѣсяцъ или 700 пезо (420 руб.) въ годъ. Далѣе, на содержаніе въ колоніи церкви, больницы, аптеки, школы и на непредвидѣнные расходы (какъ свадьбы и пр.) семейство должно имѣть минимумъ 100 пезо (60 руб.) въ годъ.

Наконецъ, на налоги и на ремонтъ инвентаря такое семейство должно тратить опять не меньше 100 пезо (60 руб.) въ годъ.

Такимъ образомъ, годовые расходы семейства составятся слѣдующимъ образомъ:

% за долгъ	(350 пезо)	200 руб.
Прожитіе	(700 »)	420 »
Церковь, больница, аптека, школа и пр.	(100 »)	60 »
Ремонтъ, налоги.	(100 »)	60 »
	(1,250 пезо)	740 руб.

Изъ 840 руб. дохода семья должна затрачивать 740 руб., т.-е. только около 100 руб. у семьи остается для амортизаціи долга и, значитъ, при надѣлѣ въ 75 гект. долгъ въ 4,000 руб. можетъ быть возвращенъ въ теченіе почти 40 лѣтъ.

Картина совершенно мѣняется, если увеличимъ надѣлъ на семейство отъ 75 гект., скажемъ, до 100 гект. Почти при томъ же инвентарѣ и количествѣ рабочихъ рукъ колонистъ свободно можетъ при аргентинскихъ условіяхъ засѣять еще 25 гект., сжать еще 200 кинталовъ или 1,250 пуд. и выручить новые 700 пезо (420 руб.). Прежній долгъ его, правда, теперь увеличится на сумму стоимости новыхъ 25 гектаровъ, т.-е. на 1,000 пезо (600 руб.), и ему изъ этихъ новыхъ 700 пезо дохода придется платить еще 50 пезо (30 руб.) %. Все же теперь чистой прибыли у него уже будетъ около 800 пезо (480 руб.) и весь свой долгъ, достигающій теперь

ммы приблизительно въ 4,500 руб., колонистъ уплатитъ въ 9—10 лѣтъ, при болѣе хорошихъ урожаяхъ или большей экономіи въ расходахъ и ;е значительно скорѣе.

Въ предъидущемъ разсчетѣ я взялъ, конечно, только приблизитель-ю; я допустилъ, что колонистъ засѣетъ максимальное число гектаровъ, го на самомъ дѣлѣ онъ не можетъ и не долженъ дѣлать, но, во всякомъ учаѣ, разсчетъ этотъ очень близокъ къ дѣйствительности и можетъ дать юдставленіе о тѣхъ причинахъ, по которымъ оказывается необходимымъ ;еличивать размѣръ надѣла. Что же касается того, можетъ ли средняя семья ъ 7 душъ) обработать, посѣять и убрать такую площадь, какъ 75 гек-ровъ посѣва, мы должны замѣтить, что это гораздо легче при тѣхъ усо-ршенствованныхъ машинахъ, какія повсемѣстно введены въ Аргентинѣ Сѣверной Америкѣ, и при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ Ар-нтины, чѣмъ это представляютъ себѣ въ Европѣ. Уже въ колоніяхъ рейскаго колонизаціоннаго общества мнѣ пришлось убѣдиться, что сравни-льно небольшія семьи управляются безъ особыхъ затрудненій съ 70—80 ктарами посѣва; у старыхъ же колонистовъ республики я видѣлъ посѣвы вчетверо, и впятеро большіе.

Съ вопросами о величинѣ затратъ, необходимыхъ для полнаго устрой-ва семьи, и о величинѣ надѣла, необходимаго для безбѣднаго существо-ванія семьи и для предоставленія ей возможности скорѣе освободиться ъ долговъ и сдѣлаться собственникомъ, неразрывно связанъ вопросъ о идѣ, формѣ, которую желательно придать основываемому селенію.

При такихъ большихъ затратахъ, которыя, какъ мы выяснили, необхо-ымы, и тѣхъ практическихъ трудностяхъ, которыя приходится преодолѣть ри устройствѣ колонистовъ, конечно, необходимо ограничиться на первыхъ рахъ относительно незначительнымъ количествомъ переселенцевъ. Но мы аньше показали на примѣрѣ итальянцевъ и швейцарцевъ, что устроившійся орошо поселенецъ неизбѣжно вызоветъ къ себѣ и уже самъ очень легко строитъ новаго поселенца: онъ, какъ мы уже сказали, отдастъ ему юихъ дорогихъ ручныхъ быковъ, а самъ уже будетъ пользоваться олодыми быками, приростомъ собственнаго хозяйства, которыхъ и самъ ріучитъ къ работѣ; онъ отдастъ новому поселенцу свою деревянную орону, такъ какъ теперь, когда вся цѣлина поднята, ему уже нужна елѣзная борона; онъ самъ въ свободное время устроитъ новому поселенцу збу и т. д. Такая забота стараго колониста о новомъ приведетъ, какъ мы ке видѣли, къ тому, что то, что затрачено на одну семью, въ среднемъ кажется потраченнымъ на двѣ и болѣе семьи. Но это возможно лишь при мъ условіи, что новому поселенцу будетъ возможно устроиться рядомъ старымъ, а не гдѣ-нибудь за много верстъ,—иными словами, это воз-ожно, когда рядомъ съ участкомъ, который отданъ старому колонисту, дется оставленъ про запасъ другой участокъ для новаго переселенца.

Съ другой стороны, необходимъ еще другой запасъ, именно для есте-

ственнаго прироста населенія основываемой колоніи, такъ какъ, конечно, колонія устраивается навсегда, а не на время. Если такой запасъ не будетъ оставленъ и данная площадь будетъ сразу распредѣлена между первыми ея поселенцами, то черезъ нѣсколько лѣтъ окажется необходимымъ и неизбѣжнымъ, чтобы часть населенія опять переселилась куда-нибудь еще. Это имѣло мѣсто, какъ мы видѣли, у русскихъ нѣмцевъ: приростъ населенія изъ Оллаваріа ушелъ въ близкое Саусе-Корто; въ самое недавнее время молодежь этой колоніи стала переселяться даже въ другую провинцію—Кордова. Нечего, конечно, распространяться о нежелательности такого новаго выселенія или переселенія, ведущаго, понятно, къ дробленію сильныхъ рабочихъ семействъ.

Теперь ясно, что рядомъ съ надѣломъ одного семейства нужно оставлять двоякаго рода запасъ: для новыхъ поселенцевъ и для естественнаго прироста. А если это такъ, то естественно, что площадь, опредѣляемая для даннаго количества семействъ, входящихъ въ составъ основываемой колоніи, скажемъ для 50 семействъ, должна значительно разростись.

Если бы даже не оставлять вовсе запасовъ, то для 50 семействъ колоніи по вышеизложеннымъ соображеніямъ понадобилась бы площадь въ 5,000 гектаровъ. Всего удобнѣе для дѣленія и для хозяйства будетъ, если возьмемъ четырехъугольную фигуру площади. Если возьмемъ фигуру такой площади съ наименьшимъ периметромъ, т.-е. квадратную площадь, то сторона такого квадрада будетъ имѣть приблизительно 7,5 километровъ. При сохраненіи же тѣхъ двоякаго рода запасовъ, необходимость которыхъ мы выяснили, мы получимъ сторону наименьшаго квадрата приблизительно въ 12,5 кил., въ дѣйствительности же и больше.

Эта необходимость брать большую площадь для поселенія, напримѣръ, 50 семействъ приводитъ къ слѣдующему важному слѣдствію: это дѣлаетъ невозможнымъ поселить семьи селомъ и дѣлаетъ необходимымъ поселить ихъ отдѣльными фермами или хуторами. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что при сельской системѣ нѣкоторымъ хозяевамъ при такой большой площади, отведенной для колоніи, пришлось бы пройти со своими быками до мѣста работы много верстъ. Допустимъ, что село будетъ устроено даже въ срединѣ такой площади, и въ этомъ случаѣ при квадратной формѣ площади и сторонѣ квадрата, равной 12,5 килом., нѣкоторымъ хозяевамъ придется пройти разстояніе равное половинѣ гипотенузы этого квадрата, т.-е. около 9 килом. Если же, какъ это при сельской системѣ бываетъ, и выгонъ будетъ общій для всего села, мы можемъ себѣ представить такой случай, что быкамъ придется пройти сначала отъ крайней точки выгона, который, конечно, теперь будетъ великъ, до села, а потомъ отъ села къ пашнѣ до 15 и болѣе килом. Это приведетъ къ тому, что колонистъ чуть ли не полдня потеряетъ на хожденіе, не говоря уже о томъ, что работникъ и быкъ устанутъ раньше, чѣмъ приступятъ къ работѣ. При аргентинскомъ же климатѣ, слабой породѣ тамошняго рабочаго скота и дурномъ кормѣ сельская система оказывается въ виду всего этого уже совершенно невозможной.

Эти-то причины, конечно, и привели къ тому, что въ Аргентинѣ, какъ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, утвердилась система хуторная и вовсе почти неизвѣстна система сельская. Не только обычай, но даже и законъ поэтому требуетъ хуторной системы. Закономъ 1876 года предписывается, чтобы земля, полученная колонистомъ отъ правительства, была не только обработана, но также и заселена. Мы видѣли, что русскіе нѣмцы были первыми, которые потребовали и ввели въ страну систему села; мы видѣли, что чуть ли не военною силой хотѣли заставить ихъ подчиниться закону. Интересно то, что теперь русскіе же нѣмцы сплошь и рядомъ устраиваются въ Аргентинѣ фермами; такъ, въ сравнительно новыхъ колоніяхъ русскихъ нѣмцевъ, какъ Урдинарайнъ и др., мы уже не видимъ села. Мнѣ приходилось бесѣдовать объ этомъ съ тѣми самыми нѣмцами, которые когда-то такъ возставали противъ хуторной системы и требовали села; изъ нихъ многіе уже говорятъ, что будь это теперь, они предпочли бы обязательно хутора.

Съ тѣмъ же затрудненіемъ устраивать села встрѣтилось уже на первыхъ порахъ и еврейское колонизаціонное общество. Первая колонія Моизесвилль, учрежденная евреями до начала дѣятельности общества, устроена въ видѣ большого села. При основаніи первой колоніи общества Мауриціо, евреи также требовали обязательнаго устройства селъ минимумъ въ 50 хозяйствъ. Дѣятели общества нашли, однако, въ виду изложенныхъ выше соображеній, невозможнымъ удовлетворить этому требованію, но придумали нѣчто среднее между деревней и хуторомъ, а именно устроили группы въ 6, 7 и до 15 хозяйствъ. Не трудно понять, что въ группѣ въ 6 домовъ возможно добиться, чтобы каждый жилъ близъ своего участка и даже на самомъ участкѣ.

Однако, при этомъ пришлось очень мало земли оставить подъ выгоны, меньше 100 гектаровъ на 6 хозяйствъ, и уже теперь послѣ двухъ лѣтъ существованія колоніи ощущается недостаточность этихъ выгоновъ; когда же вся площадь кругомъ будетъ запахана, колонистамъ безусловно придется встрѣтиться съ очень большими затрудненіями. И уже теперь многіе колонисты группъ, гдѣ больше 6 хозяйствъ, хлопочатъ о выселеніи по жребію кого-нибудь изъ нихъ въ другія незаполненныя группы. Администрація колоніи принимаетъ въ виду этихъ будущихъ затрудненій и другія мѣры, поощряя всячески колонистовъ засѣвать возможно больше люцерны. И теперь нѣтъ колониста въ колоніи, у котораго не было бы 1 или 2, а у многихъ и больше гектаровъ люцерны. Въ нѣкоторыхъ группахъ люцерной засѣвается и значительная часть выгона.

Въ новѣйшихъ колоніяхъ, какъ С.-Антоніо, введена уже система группъ въ 4 хозяйства, гдѣ дворы устраиваются въ углахъ 4 сходящихся участковъ. То же предполагалось сдѣлать и въ нынѣ основываемыхъ колоніяхъ. Однако, делегаты семействъ возстали, какъ мы это видѣли, противъ этой хуторной системы. Администрація въ Буэносъ-Айресѣ не нашла возможнымъ уступить требованію делегатовъ и цѣлыхъ полгода потеряно на рѣшеніе этого вопроса. Въ настоящее время рѣшено построить, въ виду

настоятельнаго требованія делегатовъ, три деревни въ 25 или 50 хозяйствъ, но при этомъ совѣтъ главной дирекціи въ Парижѣ рѣшился въ будущемъ обязательно держаться во возможности системы хуторовъ.

Съ вопросомъ о видѣ селенія, который должно придавать основываемой колоніи, связанъ не менѣе интересный вопросъ—о видѣ землепользованія.

Мы видѣли, что въ началѣ вѣка Ривадавіа предполагалъ казенныя земли не отдавать имигрантамъ въ полную собственность, а отдавать ихъ лишь въ наслѣдственную аренду. Такой наслѣдственный арендаторъ являлся бы, однако, полнымъ собственникомъ тѣхъ улучшеній, которыя онъ ввелъ на арендованной землѣ, но земля находилась бы лишь въ его пользованіи.

Укажу попутно, что совершенно тотъ же типъ землепользованія существуетъ и въ настоящее время въ Британской Индіи. Такъ, въ провинціяхъ Мадрасской и Бомбейской эту систему землепользованія мы встрѣчаемъ въ такъ называемой «ryotwary»; и тутъ владѣльцемъ земли является государство, у котораго арендуетъ ее земледѣлецъ; на арендованной землѣ послѣдній пользуется всѣми правами собственности на тѣ улучшенія, какія онъ ввелъ, но за пользованіе самою землей платитъ государству извѣстную часть своихъ доходовъ въ видѣ арендной платы; однако же, арендная плата не можетъ быть измѣнена въ теченіе 30 лѣтъ.

Мы уже видѣли, что этотъ видъ землепользованія не укоренился въ Аргентинской республикѣ. При основаніи первыхъ колоній, какъ Эсперанса, Санъ - Хозе и друг., мы видѣли, колонисту уступался его надѣлъ въ полную собственность. Однако же, рядомъ съ этою частною собственностью допущена была и общинная собственность 4-хъ легвъ вокругъ колоніи подъ общественный выгонъ; при этомъ въ контрактѣ уже было оговорено, что изъ каждаго участка частной собственности будетъ выходъ къ общинному выгону. Само собою разумѣется, что послѣднее обстоятельство, т.-е. существованіе прямого выхода изъ участка къ выгону, было необходимо при той фермерской формѣ селенія, которая была дана колоніи, такъ какъ иначе скотъ одного хозяина постоянно наносилъ бы вредъ пашнѣ другого. Эти-то постоянныя потравы, эта-та борьба скотоводства съ зарождавшимся земледѣліемъ и привели къ необходимому появленію въ странѣ «аламбрадо», т.-е. особой изгороди, отдѣляющей либо пастбище отъ пашни, либо пашню отъ пастбища. Въ колоніи Санта-Елена (близъ Эсперанса) для бо́льшаго охраненія пашенъ отъ скота нѣсколько измѣнена форма колоніи. Выгонъ устроенъ здѣсь не вокругъ всѣхъ пашенъ, какъ предполагалось сдѣлать въ Эсперансѣ, а устроенъ такъ: съ одной стороны длинной дороги въ 20 метр. шириною идетъ рядъ пашенъ, съ другой стороны идетъ дворъ (тутъ же огородъ, садъ, небольшая рощица), а сзади двора выгонъ. Каждый дворъ приходится, такимъ образомъ, между соотвѣтствующимъ участкомъ даннаго хозяина и общиннымъ выгономъ.

Время, однако же, показало, что и это неудобно. Оказалось, что часто скотъ даннаго хозяина забѣгалъ за много километровъ въ конецъ дли-

наго пастбища, что приводило къ лишней потерѣ времени и силъ. И вотъ явилась необходимость помощью «аламбрадо» разбить длинное общинное пастбище на участки; сначала на нѣсколько хозяевъ приходился одинъ сравнительно большой участокъ, но кончилось тѣмъ, что и эти участки были разбиты на отдѣльные участки для каждаго отдѣльнаго хозяина, приходящіеся какъ разъ противъ каждаго двора и пашни. Въ концѣ-концовъ, каждый хозяинъ получилъ такой участокъ выгона въ свою полную собственность.

Такимъ образомъ, тѣ же самыя спеціальныя условія аргентинскаго хозяйства, которыя привели къ увеличенію надѣловъ, къ системѣ фермъ, привели и къ тому, что здѣсь не утвердилась общинная система землепользованія. Если поселенцы, въ виду этихъ условій хозяйства, должны жить на своемъ участкѣ и здѣсь строить свой домъ, свой огородъ, свой садъ, свой лѣсъ, заводить люцерну, катория лишь съ годами улучшается и не пересѣвается тутъ въ теченіе 15—25 лѣтъ, конечно, уже не можетъ быть и рѣчи о передѣлѣ земли, какъ это бываетъ при общинномъ владѣніи, и каждый поселенецъ долженъ получить свой участокъ въ свою полную собственность.

Въ послѣднія десятилѣтія установился такой порядокъ перехода участка въ полную собственность колониста. Каждый собственникъ земли, желающій ее колонизировать, обязанъ, прежде всего, выработать планъ будущей колоніи; при этомъ онъ обязанъ соблюсти всѣ предписанія сельскаго кодекса (codigo rural) той провинціи, гдѣ находится земля. Планъ этотъ представляется въ топографическій департаментъ (departamento topografico) провинціи. Департаментъ особенно зорко слѣдитъ за соблюденіемъ спеціальныхъ законовъ о дорогахъ, площадяхъ, границахъ и т. п., и только когда планъ утвержденъ департаментомъ, собственникъ приступаетъ къ размежеванію земли.

Обыкновенно земля размежевывается параллельными линіями на ряды параллельныхъ же участковъ, между которыми проходятъ совершенно прямолинейныя дороги. Участки въ послѣднее время нарѣзываются прямоугольниками или квадратами въ 50 или 100 гектар. Каждый участокъ (lote) носитъ опредѣленный номеръ и границы его опредѣляются номерами сосѣднихъ участковъ.

Колонистъ, выбравъ себѣ номеръ участка, заключаетъ съ собственникомъ запродажную запись,—bolleto de compra-venta,—въ которой точно обозначается номеръ участка, его размѣры и стоимость. Обыкновенно покупатель вноситъ небольшой задатокъ при заключеніи записи, всю же остальную сумму стоимости участка онъ тутъ же въ bolleto de compra-venta обязуется уплатить въ нѣсколько годичныхъ сроковъ послѣ жатвы, а именно, обыкновенно, 1 марта. Рѣдко назначается больше 5 лѣтъ для выплаты; чаще назначается срокъ даже въ 3—4 года. За капиталъ колонистъ либо платитъ 7—10%, либо вовсе не платитъ процентовъ; въ послѣднемъ случаѣ соотвѣтственно повышается сама стоимость участка. Въ запродажной записи точно опредѣляется, сколько колонистъ обязанъ уплатить послѣ каждой жатвы, включая проценты. Тутъ же заносится, что если колонистъ по какой-либо причинѣ не въ состояніи будетъ уплатить сроч-

ный взносъ, послѣдній откладывается на годъ, причемъ колонистъ какъ бы въ видѣ пени обязуется платить за просроченный взносъ нѣсколько увеличенный процентъ: обыкновенно, вмѣсто 7—10%, онъ платитъ 10—12%. Дальше же собственникъ вправѣ не откладывать платежа, и если колонистъ и въ слѣдующій годъ не внесетъ срочнаго взноса, контрактъ считается уничтоженнымъ и всѣ улучшенія, произведенныя на землѣ колонистомъ, поступаютъ въ собственность землевладѣльца. Въ случаѣ неурожаевъ, послѣдній, однако, обыкновенно отсрочиваетъ колонисту платежъ еще на годъ и больше и вообще дѣлаетъ ему всевозможныя облегченія, пока тотъ не получитъ возможности уплатить долгъ. Очень часто, чтобы поощрить колониста къ скорѣйшей уплатѣ всего долга, собственникъ земли выдаетъ колонисту купчую крѣпость на часть участка, соотвѣтствующую уже уплаченной долѣ долга. Для этой цѣли при межеваніи земли участки (lotes) въ 50 и 100 гектар. обыкновенно размежевываются соотвѣтственно на 2 или 4 части по 25 гектаровъ. Установилось специальное названіе «concesion» для такихъ отдѣльныхъ частей участка (lote).

Съ обѣихъ сторонъ, конечно, возможны злоупотребленія. Колонистъ можетъ снять съ земли нѣсколько урожаевъ и уйти, не уплативъ землевладѣльцу ни копѣйки ни за землю, ни за сѣмена, орудія и пр., которыя, какъ мы знаемъ, онъ могъ получить у послѣдняго. Наоборотъ, землевладѣлецъ можетъ пользоваться неурожаемъ или другимъ несчастіемъ колониста, чтобъ удалить его съ земли и овладѣть постройками и улучшеніями, какія тотъ произвелъ.

Законъ, конечно, въ значительной степени оберегаетъ интересы обѣихъ сторонъ; однако, и законъ, и обычай вообще больше на сторонѣ колониста: стóитъ, наприм., колонисту, хотя бы по утратѣ имъ почему-либо на основаніи контракта всякаго права на землю,—стóитъ ему засѣять какой-либо новый посѣвъ, собственникъ земли не вправѣ съ нимъ ничего дѣлать до новой жатвы и не можетъ воспрепятствовать колонисту снять урожай. И безъ такого новаго посѣва законъ всегда предоставляетъ колонисту льготный срокъ въ 6 и болѣе мѣсяцевъ въ случаѣ, если на основаніи несоблюденій имъ условій запродажной записи землевладѣлецъ потребуетъ удаленія колониста съ земли. При этомъ законъ запрещаетъ за земельный долгъ обращать взысканіе на движимое имущество колониста (орудія, скотъ и пр.); только то имущество, которое прикрѣплено къ землѣ, собственникъ послѣдней можетъ присвоить. Должно сказать, что чаще злоупотребленія допускаются колонистами, а не владѣльцами земли, но, говоря вообще, злоупотребленія относительно рѣдки и обыкновенно въ 4—8 лѣтъ колонистъ уплачиваетъ всю сумму стоимости земли, а также всѣ другіе долги, которые онъ сдѣлалъ. Теперь онъ взамѣнъ запродажной записи получаетъ купчую крѣпость (titulos de propiedad); обыкновенно расходы по совершенію купчихъ актовъ падаютъ на колониста. Получивъ эти titulos de propiedad, колонистъ дѣлается полнымъ собственникомъ своего участка.

А. Беркенгеймъ

Японія, ея государственный, общественный и экономическій строй *).

Юный членъ семьи цивилизованныхъ народовъ, Японія продолжаетъ возбуждать къ себѣ интересъ не меньшій, если не большій, чѣмъ прежде **). Реформаціонный періодъ, начавшійся со второй половины текущаго столѣтія, продолжается до сихъ поръ. Руководители судебъ новой Японіи, борясь съ фанатическими сторонниками старыхъ порядковъ, не отступаютъ отъ своего плана — идти наравнѣ съ требованіями времени и проводить въ жизнь основныя начала европейской культуры.

Новѣйшія научныя изслѣдованія европейскихъ и молодыхъ японскихъ ученыхъ въ области исторіи ея государственныхъ учрежденій, соціальнаго и экономическаго быта раскрываютъ намъ дѣйствительный смыслъ и значеніе совершающагося въ этой странѣ перерожденія и совершенно разрушаютъ тѣ невѣрныя и противунаучныя представленія о прошломъ, настоящемъ и возможномъ будущемъ Японіи, которыя до сихъ поръ циркулируютъ въ просвѣщенныхъ кругахъ не только нашего, но и лучше освѣдомленнаго западно-европейскаго общества.

Разсказы о многотысячелѣтнемъ существованіи культуры Японіи, представленія объ отсутствіи всякой связи между старымъ строемъ страны и новыми порядками, о непрочности новой цивилизаціи, которая, того и

---

*) *K. Rathgen:* „Japans Volkswirthschaft und staatshaushalt“. „G. Shmoller's Staats- und socialwissenschafliche Forschungen“. B. X. 1891. *Inazo Ota-Nitobe:* „Bauerbefreiung in Japan. Conrad's Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. B. II. *K. Friedrichs:* „Zum japanischen Recht“. „Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft“. 1892. B. X. H. III. *I. Kohler:* „Studien aus dem japanischen Recht“. Ibidem. *La constitution japonaise du 11 février 1889. Annuaire de legislation etrangère publié par la société de legislation comparée.* 1890. *Les lois complementaires de la constitution japonaise du 11 février 1889.* Notice par M. G. Appert, docteur en droit. Ibidem. *G. Valbert:* „La question japonaise d'après un voyageur anglais“. *Revue de deux Mondes* 1892, 1 août.

**) Наша статья уже была написана, когда возгорѣлась война между Японіей и Китаемъ изъ-за Кореи, которая усилила еще болѣе вниманіе къ первой изъ этихъ странъ, какъ къ представительницѣ прогресса среди народностей монгольской расы.

гляди, будетъ сдунута съ оставшагося, въ сущности, тѣмъ же китайскаго основанія, и многія другія представленія являются, согласно этимъ изслѣдованіямъ, ничѣмъ инымъ, какъ поверхностными выводами, плодомъ прежней скудости истинно-научныхъ свѣдѣній о прошломъ Японскаго государства *).

Культура Японіи не только не насчитываетъ нѣсколькихъ тысячелѣтій, но, будучи занесена изъ Китая въ VI столѣтіи по Р. Х., достигла того состоянія, въ которомъ застали ее новѣйшія реформы, всего лишь за 2—3 послѣднихъ столѣтія; реформы въ ней проводились не однимъ лицомъ, а многими даровитыми людьми, умѣвшими смѣло плыть впередъ по теченію, прислушиваясь къ требованіямъ времени, и все совершившееся въ ней за послѣднія десятилѣтія произвело глубочайшія измѣненія во всемъ ея бытѣ и сдѣлало для нея обращеніе вспять невозможнымъ.

Въ Японіи борьба между центральною властью и феодальнымъ дворянствомъ привела не къ усиленію первой, какъ во Франціи, а къ ея ограниченію, и не къ потерѣ политической самостоятельности, какъ въ Польшѣ, а къ превращенію этого государства въ державу, умѣющую при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранцами держать себя съ бо̀льшимъ достоинствомъ, чѣмъ Небесная имперія съ ея 400-милліоннымъ населеніемъ. Японскіе бароны съ ихъ вассалами до послѣдняго времени сохранили свою самостоятельность, жили своимъ умомъ, своею волей и избѣгли печальной участи знати Китая, на судьбахъ котораго отразились тысячелѣтія поголовнаго рабства и вѣка чужеземнаго ига. Можно сказа́ть, что Японія, подобно другому островному государству, Англіи, изъ эпохи распрь средневѣковаго феодализма уже нѣсколько столѣтій тому назадъ перешла въ фазу мирнаго состоянія государства, покоющагося на оригинальной неписаной конституціи, явившейся результатомъ взаимодѣйствія и взаимоограниченія трехъ главныхъ политическихъ силъ страны: *микадо* съ священнымъ престижемъ его верховной власти, *шёгуна,* перваго пэра страны съ его фактическою силой, и *даймiосовъ,* могущественныхъ бароновъ Японіи, опирающихся на многочисленный классъ преданныхъ имъ *самураевъ* (рыцарей, воиновъ).

Японцы успѣли въ послѣднее время стать и могущественною военною силой. «Японія,—говоритъ одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ, H. Norman,— создала свою армію съ такою быстротой, которая вызываетъ удивленіе. Она ввела у себя всеобщую воинскую повинность и можетъ выставить, въ случаѣ надобности, до 200,000 человѣкъ; и эта армія можетъ смѣло выдержать сравненіе съ любой изъ европейскихъ». Благодаря любезности японскаго военнаго министра, графа Оуата, H. Norman'у удалось видѣть солдатъ японской арміи вблизи, и онъ увѣряетъ, что «ихъ выдержка, ихъ дисциплина, вѣрность ихъ движеній не оставляютъ желать ничего луч-

*) „Въ то время,— говоритъ K. Rathgen,— какъ мы имѣемъ рядъ весьма цѣнныхъ трудовъ о Японіи въ области естествознанія, техники и филологіи, въ области государственныхъ знаній въ этомъ отношеніи чувствуется большой пробѣлъ“.

шаго, такъ что они могли бы пройти черезъ одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ континентальной Европы безъ того, чтобы толпа, которая собралась бы смотрѣть на нихъ, могла открыть въ ихъ маршѣ и выправкѣ что-нибудь особенное, чужеземное» *).

То же говорятъ и послѣднія газетныя извѣстія. По ихъ словамъ, выражающимъ мнѣніе спеціалистовъ, постоянное войско Японіи находится въ прекрасномъ состояніи, хорошо организовано и вооружено. Солдаты—здоровые, сильные люди, прекрасные маршировщики, замѣчательно дисциплинированы и храбры. Пѣхота снабжена ружьями японскаго изобрѣтенія, кавалерія — малорослыми и весьма выносливыми лошадьми. Артиллерія состоитъ изъ горныхъ батарей съ крупповскими пушками. Врачебная и санитарная часть тоже въ отличномъ состояніи. Японскій флотъ не уступаетъ европейскому; японскіе моряки обучены по европейскому образцу, а суда содержатся въ самомъ образцовомъ порядкѣ.

Итакъ, болѣе близкое ознакомленіе съ тѣмъ, что такое представляетъ изъ себя Японія теперь, чѣмъ она была въ прошломъ и чѣмъ обѣщаетъ быть въ будущемъ, является для каждаго образованнаго человѣка желательнымъ и своевременнымъ.

I.

Японская оффиціальная хронологія начинаетъ исторію японскаго государства съ восхожденія на престолъ въ 660 г. до Р. Х. перваго японскаго императора Jimmu **). Предполагаютъ, что японскій народъ въ качествѣ завоевателя приплылъ на нынѣ принадлежащій ему архипелагъ съ запада, изъ Китая или Кореи, и сталъ занимать островныя земли шагъ за шагомъ, отвоевывая ихъ у первоначальныхъ жителей страны, эбизу, предковъ нынѣшнихъ аиновъ.

Можно предположить также, что внутренній строй начавшагося образовываться новаго государства съ самаго начала получилъ родовой и феодальный характеръ. Отдѣльныя области раздавались главой поселенцевъ-завоевателей, микадо, главнымъ вождямъ, вассаламъ, въ ленъ. Поселенцы брали, вѣроятно, землю въ общее владѣніе и періодически передѣляли ее для пользованія между сочленами большихъ родовъ.

Но все это лишь предположенія. Первыя же болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о прошломъ страны сообщаетъ Kojiki, древнѣйшій трудъ

*) *The real Japon, studies of contemporary japonese manners, morals, administration and polities*, by Henry Norman. 1892. Изложеніе у G. Valbert'a въ *Revue*. См. примѣч. выше.

**) При правописаніи японскихъ словъ въ иностранной литературѣ обыкновенно придерживаются системы Romaji Kwai (общество для распространенія латинскаго шрифта). Изъ особенностей этой системы отмѣтимъ слѣдующія: ei произносится какъ долгое е, ch—какъ русское ч, sh—ш (с), j—дж (дз), z—з, y—й (ь), т.-е. произношеніе этихъ звуковъ близко къ англійскому.

по исторіи Японіи, законченный въ началѣ VIII ст. по Р. Х. Сочиненіе это даетъ довольно полное представленіе о состояніи Японіи передъ побѣдоноснымъ вторженіемъ въ нее буддизма и китайской цивилизаціи, т.-е. объ ея состояніи въ V—VI столѣтіи.

Политическій строй въ эту эпоху страны носитъ всѣ черты родового государства. Императоръ сперва является только главою самаго могущественнаго изъ родовыхъ союзовъ и только впослѣдствіи получаетъ все большее и большее значеніе, въ качествѣ, главнымъ образомъ, представителя государства въ международныхъ отношеніяхъ, верховнаго жреца и судьи. Всѣ государственныя отношенія просты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вылились еще въ болѣе или менѣе опредѣленныя формы. Внутри каждаго рода глава его пользуется неограниченною властью. Рѣзкихъ сословныхъ различій еще не существуетъ, но экономическое неравенство начинаетъ уже сказываться и тѣ общинно-патріархальныя формы землевладѣнія, существованіе которыхъ можно предположить, являются измѣнившимися. Рабство, однако, хотя и существуетъ, но въ незначительныхъ размѣрахъ, и, притомъ, въ формѣ домашняго рабства (tomobe). Культура народа стоитъ на довольно низкой ступени развитія. На невысокой ступени стоитъ и нравственный уровень населенія. Семейственное право является мало развитымъ. Фамильныхъ именъ народъ еще не знаетъ. Воззрѣнія на отношенія половъ довольно примитивны и брачный союзъ мало чѣмъ отличается отъ простого полового сожительства.

Вотъ въ общихъ чертахъ состояніе Японіи въ концѣ древняго періода ея исторіи.

Въ VI—VII ст. варварскій еще, но даровитый японскій народъ приходитъ въ соприкосновеніе съ болѣе высокою цивилизаціей Китая. Проникали ея начала въ Японію, разумѣется, и ранѣе, но все же вліяніе ея было отрывочно и не глубоко; замѣтнымъ же и значительнымъ оно сдѣлалось вслѣдствіе начавшагося въ это время въ Японіи сильнаго духовнаго движенія, именно вслѣдствіе обращенія ея къ буддизму. Посредникомъ въ этомъ отношеніи между Китаемъ и Японіей явилась Корея *), въ которой индійская религія пустила крѣпкія корни еще въ IV в. Изъ нея-то въ VI в. началась горячая миссіонерская дѣятельность съ цѣлью обращенія Японіи къ буддизму, закончившаяся къ концу этого вѣка полною побѣдой послѣдняго.

Параллельно съ религіозною шла и культурно-просвѣтительная дѣятельность со стороны корейскихъ и китайскихъ миссіонеровъ. Важнѣйшимъ послѣдствіемъ обращенія Японіи къ буддизму было установленіе на ряду съ отношеніями къ Кореѣ непосредственнаго общенія съ самимъ Китаемъ,

*) По сообщеніямъ японскихъ источниковъ, культура этой страны въ то время стояла на довольно высокой ступени развитія. Упадокъ ея, вѣроятно, произошелъ во время гражданскихъ междоусобій XI ст., во время которыхъ побѣдили варварскія сѣверныя племена, а древній культурный народъ южной части страны, цивилизовавшій Японію, погибъ. *Rathgen*, S. 17.

откуда вмѣстѣ съ религіозными книгами стали проникать въ Японію и законодательные кодексы. Японцы познакомились съ бюрократическою организаціей политическаго строя Китая, съ китайскимъ правомъ и церемоніаломъ и началась энергичная дѣятельность японской государственной власти въ пользу введенія въ Японію китайскихъ государственныхъ порядковъ.

Однако, попытка пересозданія всего строя на чисто-бюрократическихъ началахъ должна была сокрушиться о силу родовыхъ союзовъ съ ихъ стремленіемъ къ наслѣдственности въ управленіи и хозяйствѣ и объ экономическія отношенія. Основаніе чисто-бюрократическаго государства въ эпоху первобытнаго натуральнаго хозяйства было столь же трудно, какъ и во франкскомъ государствѣ въ эпоху каролинговъ. Сила родовыхъ союзовъ была также причиной слабости императорской и вообще центральной власти. Ограниченію первой много содѣйствовало совершившееся въ эпоху среднихъ вѣковъ обособленіе въ составѣ населенія страны военнаго сословія, образовавшагося изъ главъ значительнѣйшихъ родовыхъ союзовъ и ихъ дружинниковъ высшаго и низшаго разряда. Наиболѣе воинственные изъ этихъ родовъ стали выдвигаться на первый планъ. Главнѣйшими изъ нихъ явились фамиліи Tairo и Minamoto. Начальствуя арміями императора въ качествѣ его полководцевъ (shoguno'овъ) во время войнъ и возстаній на сѣверныхъ границахъ Японскаго государства, они все болѣе и болѣе усиливали свое военное могущество. Благодаря сосредоточенію военныхъ силъ на сѣверѣ, центръ политическаго вліянія сталъ переноситься туда же и сѣверная провинція Kwanto стала пріобрѣтать съ этого времени все большее и большее значеніе. Соперничество за обладаніе ею двухъ вышеназванныхъ фамилій приняло особенно острый характеръ въ срединѣ XII в. и въ сумятицѣ этого времени главы важнѣйшихъ родовъ сбросили съ себя окончательно надзоръ и контроль императорской власти и настало царство кулачнаго права, которое продолжалось до побѣды надъ другими соперниками главы дома Минамото, Yoritomo, который и захватилъ власть надъ страной въ свои руки.

Yoritomo оставилъ безсильнаго императора съ его безсильнымъ чиновничествомъ въ покоѣ, а самъ, довольствуясь титуломъ sei-i-tai-shogun'а (т.-е. главнокомандующаго, подчиняющаго варваровъ), наряду съ императорскими правительственными учрежденіями образовалъ свою собственную организацію и, такимъ образомъ, положилъ начало той удивительной системѣ дуализма въ государственномъ управленіи страны, которая съ короткими перерывами просуществовала до 1868 г. и придала всей дальнѣйшей политической исторіи страны столь своеобразный характеръ.

Въ XIII в. закончилось раздѣленіе сословій черезъ дѣятельное законодательство 1230—1290 гг., которое облекло въ правовыя нормы возникшія уже фактически отношенія между князьями, рыцарями и крестьянами. Всѣ виды землевладѣнія въ это время получили характеръ леннаго владѣнія, а непосредственное веденіе хозяйства въ имѣніяхъ находилось въ рукахъ обычныхъ владѣльцевъ третьей, четвертой степени. Многіе крестьяне добровольно отдавали себя и свои земельныя владѣнія подъ власть вліятельной

знати для того, чтобы черезъ это подчиненіе найти въ нихъ могущественныхъ защитниковъ отъ окружающаго произвола и облегченіе податныхъ тягостей; черезъ это могущество феодальной знати все росло, а значеніе власти императора все болѣе и болѣе уменьшалось.

XVI вѣкъ является однимъ изъ самыхъ смутныхъ періодовъ японской исторіи. Безсиліе центральной власти, какъ императора, такъ и шёгуна, съ одной стороны, безконечныя распри князей и борьба за господство въ провинціяхъ—съ другой,—все это рисуетъ намъ картину полной безурядицы, царившей въ странѣ. То тамъ, то здѣсь удается какой-нибудь фамиліи одержать верхъ, но все это не надолго: измѣняютъ друзья, соединяются враги, и власть уходитъ изъ ея рукъ. Битва при Sekigohara въ 1600 г. рѣшила споръ за власть между князьями страны въ пользу Jyeyasu Tokugawa. Опираясь на свою силу, онъ заставилъ микадо провозгласить себя главнокомандующимъ, т.-е. шёгуномъ, основалъ свою резиденцію и свое правительство въ Yedo (въ провинціи Kwanto) и принялся за укрѣпленіе власти своего дома.

Въ эту же смутную эпоху завязываются первыя сношенія Японіи съ европейцами, которые воюющимъ феодаламъ принесли огнестрѣльное оружіе, а терзаемому ихъ распрями народу христіанство.

Христіанскіе миссіонеры появились въ странѣ тотчасъ послѣ открытія ея португальцами въ 1542 г. Первыми проповѣдниками явились энергичные представители ордена Іисуса, и народъ жадно сталъ слушать проповѣдь любви и мира изъ устъ умныхъ и энергичныхъ пришельцевъ. Миссіонеры нашли поддержку не только въ простомъ народѣ, но и у правительства и феодальнаго дворянства; представители послѣдняго, приглашая въ свои города и гавани іезуитовъ, надѣялись, кромѣ того, привлечь туда же европейскіе корабли и оживить свою торговлю. Въ 1581 году въ Японіи уже было до 150,000 христіанъ, и японское посольство отправилось въ Европу, гдѣ оно было принято Филиппомъ II и папой Григоріемъ XIII. Но къ концу XVI в. такое благопріятное для христіанъ положеніе дѣлъ радикально измѣнилось: антихристіанская по духу политика іезуитовъ, францисканцевъ и доминиканцевъ, которые, вмѣсто внесенія умиротворенія въ страну, стали эксплуатировать довѣрчивый народъ и, соединившись съ противниками буддизма, разжигать его противъ ламъ, возбудила ненависть ко всѣмъ европейцамъ въ народѣ и буддійскомъ духовенствѣ и надолго оттолкнула его отъ христіанства и европейцевъ. Уже въ 90-хъ годахъ XVI ст. начинаются массовыя избіенія и изгнанія христіанъ; и Японія стала вновь отстраняться отъ всякаго общенія съ чужеземцами.

II.

Возстановивъ въ третій разъ шёгунатство, Jyeyasu Tokugawa своими мѣропріятіями умѣлъ сильно ослабить феодализмъ и привелъ его существованіе въ согласіе съ требованіями центральной власти.

Дальнѣйшее развитіе культуры, заимствованной изъ Китая, а отчасти и отъ европейцевъ, шло въ этотъ многолѣтній періодъ почти совершенно самостоятельно. Гоненія на христіанъ, начавшіеся въ концѣ XVI в., въ XVII ст. усилились, и гавани одна за другой были закрыты для ихъ кораблей. Воспрещеніе сношеній съ иностранцами было внесено въ основные законы страны, и нарушеніе черезъ 200 слишкомъ лѣтъ этого воспрета правительствомъ шёгуна дало врагамъ послѣдняго поводъ обвинить его въ нарушеніи конституціи, поднять знамя возстанія и съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту ея. Съ 1841 г. Японію можно считать замкнувшеюся въ самоё себя страной, запертою для европейцевъ очень крѣпко. Оставались для японцевъ сношенія со своимъ старымъ цивилизаторомъ, Китаемъ, но отъ него она не могла заимствовать ничего новаго, оживляющаго и двигающаго впередъ.

Въ эту-то эпоху Японія одна съумѣла такъ развиться и поднять свою культуру на такую высокую ступень, что въ наше время, когда эта страна вновь вступила въ связь съ цивилизованнымъ міромъ, она явилась болѣе или менѣе подготовленной къ воспріятію высшихъ государственныхъ и общественныхъ формъ, выработанныхъ взаимными усиліями передовыхъ націй міра. Какъ извѣстно, до послѣднихъ научныхъ изслѣдованій эта культура разсматривалась какъ результатъ многотысячелѣтняго развитія.

«Долгій миръ» отразился, прежде всего, на ростѣ матеріальной культуры. Культурѣ шелка, хлопчатой бумаги, выдѣлкѣ фарфора и фаянса и производству многихъ другихъ продуктовъ, которыми японская промышленность такъ удивляетъ насъ въ настоящее время, положено начало не ранѣе, какъ въ XVII ст. Духовная культура получила широкое развитіе также въ эту эпоху. Вліяніе китайской философіи и науки сдѣлалось глубокимъ и всеобщимъ. Литература развилась, а языкъ сдѣлался гибче, утонченнѣе и богаче. Возникновеніе японскаго театра съ его превосходнымъ развитіемъ сценическаго искусства относится также къ этому времени.

Что же касается соціально-политическаго строя страны во время господства токугавской династіи, то къ концу XVI в. его можно считать сложившимся въ той формѣ, въ какой застали страну новѣйшія реформы.

Во главѣ всего государства въ эту эпоху стоитъ микадо, верховный властитель страны, обладатель государственной территоріи, посредникъ между небомъ и землей. Онъ живетъ въ недоступной замкнутости въ своемъ дворцѣ въ Kyoto, окруженный своею древнею придворною знатью (Kuge), подъ строгимъ, хотя и высокопочтительнымъ надзоромъ чиновниковъ шёгуна. Онъ живетъ внѣ всякаго непосредственнаго общенія съ народомъ и военною (не придворною) знатью страны и представляется совершенно неопаснымъ для власти шёгуна; но настанетъ время, когда взоры всѣхъ недовольныхъ стремленіемъ къ абсолютизму шёгуновъ и отжившими государственными и общественными формами обратятся къ нему; его именемъ совершится величайшій изъ переворотовъ, которые знавала Японія, и онъ станетъ во главѣ лучшихъ представителей своей страны и призоветъ съ

высоты своего трона свой даровитый народъ къ движенію впередъ отъ жалкаго и сѣраго существованія къ лучшему и болѣе счастливому будущему.

Непосредственно за этимъ почетнымъ верховнымъ лицомъ стоитъ его главнокомандующій, его вѣрный и послушный майордомъ, въ дѣйствительности же самостоятельный правитель страны, *шёгунъ* (sei-i-tai shogun). Фактическая основа власти шёгуна покоится на его силѣ, какъ территоріальнаго владѣльца. Шёгунъ въ качествѣ главнокомандующаго былъ главою всѣхъ даймiосовъ (феодальныхъ князей), princeps inter pares; но, кромѣ того, весьма значительное число ихъ было его непосредственными вассалами дома Tokugawa, а нѣкоторые изъ самыхъ могущественныхъ были даже членами этой фамиліи.

За шёгуномъ слѣдуетъ вліятельный слой высшаго дворянства, военной знати *даймiосовъ* (koku-si-daimyo), владѣющихъ областями самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Число ихъ въ это время простиралось отъ 260—270, изъ которыхъ большинство, впрочемъ, были только замковладѣльцами, но были и такіе, ежегодные доходы которыхъ простирались до 3.000,000 р. Эти послѣдніе были баронами — Варвиками, Лейстерами и Перси Японіи. Послѣ долгихъ войнъ за свою самостоятельность, они были признаны независимыми отъ шёгуна, что было внесено самимъ шёгуномъ Lyeyasu въ основной законъ и утверждено императоромъ. 24 изъ нихъ входили въ составъ особаго совѣта при шёгунѣ и охраняли при немъ права микадо и свои; они покорялись шёгуну, какъ силѣ. Этихъ-то могущественныхъ властителей боялись шёгуны болѣе чѣмъ безсильнаго императора и обезсиленіе и даже разореніе ихъ было одной изъ главныхъ задачъ ихъ политики, а девизъ «divida et impera» ихъ главнымъ, руководящимъ принципомъ.

Чтобы понять все различіе между даймiосами при Tokugawa и, напримѣръ, нѣмецкими феодалами, съ которыми ихъ такъ часто сравнивали, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что эти даймiосы по праву были не вѣчными и наслѣдственными обладателями управляемыхъ ими областей, а только намѣстниками императора съ весьма широкими полномочіями. Одни изъ нихъ могли въ наказаніе быть переводимы въ менѣе значительныя области, а другіе получать приращенія къ своимъ областямъ.

Подъ этимъ вліятельнымъ сословіемъ стояло другое менѣе могущественное и подчиненное ему, но многочисленное сословіе самураевъ (samurai), вассаловъ, оруженосцевъ и воиновъ шёгуна и даймiосовъ. Вѣрность и преданность своему князю является однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ чувствъ въ сословіи самураевъ: на службѣ ему жизнь самурая не имѣла для него никакой цѣны; кровавая месть за него, также какъ и за родителей своихъ, была первою его обязанностью. Князь со своими вассалами образовывалъ мѣстный взаимоотвѣтственный союзъ, pan (что переводится часто словомъ *кланъ*). Всѣ государственныя военныя должности занимались самураями (если не самими даймiосами) *), и только въ общинномъ управленіи при-

*) Главная же обязанность самураевъ была нести военную службу.

нимал участіе и простой народъ. Еще въ большей степени, чѣмъ даймiосы, не имѣли самураи того твердаго территоріальнаго основанія, какъ это имѣло мѣсто въ отношеніи лицъ, входившихъ въ феодальный союзъ въ Европѣ; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самураи надѣлялись земельными ленами; въ большинствѣ же случаевъ они получали за свою службу лишь земельную ренту (рисомъ).

На ряду съ этою поставленною въ привилегированное положеніе меньшею частью класса самураевъ стояла еще болѣе многочисленная масса другихъ, которые были ничѣмъ инымъ, какъ дворней знати, челядью и солдатами, которые получали содержаніе натурой и жили въ казармахъ кучами по 5 человѣкъ въ одной комнатѣ, въ то время, какъ ихъ жены и дочери шитьемъ, мотаньемъ шелка и другими подобными занятіями нѣсколько увеличивали скудные доходы своихъ семей; и если сословіе самураевъ въ своихъ высшихъ слояхъ имѣло самыхъ просвѣщенныхъ людей страны, знакомыхъ со всею китайскою философіей и наукой, то въ низшихъ слояхъ этотъ классъ заключалъ много грубаго, хвастливаго и лживаго люда.

Совершенно внѣ феодальнаго союза господъ и слугъ, знати, ея рыцарей и челяди, стоялъ *misera contribuens plebs* простой народъ (heimm), распадавшійся на три класса: крестьянъ (no), ремесленниковъ (ko) и купцовъ (sho).

Хотя и связанные землей, крестьяне въ Японіи, однако, не были ни рабами, ни крѣпостными въ европейскомъ смыслѣ; лично они оставались всегда свободными. Во многихъ мѣстностяхъ они могли свободно мѣнять родъ своихъ занятій и даже вступать въ брачные союзы съ самураями, а также и пріобрѣтать это званіе куплей или чрезъ усыновленіе, и многія способныя личности изъ крестьянъ перешли дѣйствительно въ это высшее сословіе и достигли даже довольно высокаго общественнаго положенія. Право собственности крестьянина на обрабатываемую имъ землю было вполнѣ въ это время признано, но это право не было абсолютнымъ: земледѣлецъ могъ закладывать, арендовать, прикупать земли; но все это дѣлалось подъ контролемъ и съ вѣдѣнія правительственныхъ чиновниковъ; хозяиномъ земли оставался императоръ. Къ ленному союзу крестьянинъ и вообще heimen, «простой человѣкъ», не принадлежалъ; вассальной преданности отъ него никто не ожидалъ, и, если случались примѣры таковой, то это считалось чѣмъ-то особеннымъ; крестьянинъ могъ имѣть земельные участки въ двухъ дайміатахъ и нести обязанности по отношенію къ двумъ господамъ; феодалу нуженъ былъ рисъ крестьянина, а не преданность и готовность положить за него свою жизнь; для этого у него были вѣрные вассалы и челядь. Въ большей части страны крестьяне имѣли самоуправленіе въ своихъ общинахъ; они составляли собранія и выбирали представителей въ мѣстное управленіе.

Несмотря на такое выгодное положеніе японскаго крестьянина сравнительно съ европейскимъ, судьба перваго все же далеко не была завидной.

Государственные доходы получались, главнымъ образомъ, отъ поземельныхъ налоговъ и всею своею тяжестью ложились на крестьянъ, которые должны были уплачивать въ житницы ленныхъ владѣльцевъ ½, нерѣдко ⅔, а иногда, какъ это было, напримѣръ, въ XIV—XV вв., даже ⅘ урожая риса. Коль скоро они выполняли эту свою главную обязанность, они могли свободно жить и пользоваться предоставленными имъ правами. Однако, дѣйствительность далеко не всегда соотвѣтствовала такой правовой независимости крестьянина. Администрація сильно ограничивала пользованіе крестьяниномъ своими правами; патримоніальная власть стремилась, съ одной стороны, удержать народъ отъ склонности къ комфорту и роскоши, чтобы онъ оставался трудолюбивымъ и скромнымъ, а съ другой стороны—препятствовала полному развитію его духовныхъ способностей, чтобы въ немъ не исчезла покорность судьбѣ и тупое довольство своимъ положеніемъ. Такъ, крестьяне были контролируемы въ отношеніи одежды, которую они носили, построекъ жилищъ, выборѣ занятій, въ отношеніи арендованія и сдачи въ аренду земельныхъ угодій и во многомъ другомъ. Въ нѣкоторыхъ феодальныхъ владѣніяхъ опека надъ крестьяниномъ простиралась до мелочнаго регулированія всей его частной жизни и хозяйственной дѣятельности. Ремесленники и купцы не играли еще въ то время сколько-нибудь значительной роли и ихъ положеніе было не хуже и не лучше положенія крестьянина.

Весьма важною особенностью государственнаго управленія, какъ вакири *), такъ и дайміатныхъ правительствъ было то участіе, которое они принимали въ законодательномъ и административномъ регулированіи народнаго хозяйства, представлявшаго съ его натуральнымъ характеромъ и неразвитымъ обмѣномъ много аналогичнаго съ европейскимъ средневѣковымъ хозяйствомъ, но имѣвшаго много также и своеобразнаго. Были издаваемы законы противъ роскоши, установлены таксы на всѣ главные продукты, запрещался скупъ, нормировалась экспедиціонная торговля и проч. Но на первомъ планѣ стояла забота о рисѣ, который былъ главнымъ объектомъ какъ народнаго, такъ и финансоваго хозяйства. Эта забота выражалась, съ одной стороны, въ управленіи государственными житницами, съ другой—во вліяніи на производство и потребленіе риса: въ запрещеніи употребленія рисовыхъ полей для другихъ цѣлей, въ запрещеніи обращать слишкомъ много риса на производство sake (рисовой водки) и проч.

Таковъ былъ строй дореформенной Японіи, сложившійся къ концу XVI ст. и продержавшійся до половины нашего вѣка. Фактически верховная власть надъ государственною территоріей находилось въ рукахъ шёгуна, но юридически онъ былъ не абсолютный монархъ, а лишь отвѣтственный майордомъ микадо, обязанный править въ согласіи съ основными законами страны, которые для ихъ утвержденія нуждались въ санкціи императора.

*) Такъ называлось правительство шёгуна.

Верховная власть юридически принадлежала послѣднему, но фактически онъ являлся безсильнымъ. Однако, попытки со стороны нѣкоторыхъ шёгуновъ присвоить себѣ всѣ атрибуты этой власти и превратить микадо лишь въ верховныхъ первосвященниковъ окончились полною неудачей. Пока шёгунъ управлялъ страной въ согласіи съ основными законами, измѣненіе которыхъ, при необходимости санкціи ихъ со стороны микадо, фактически зависѣло отъ согласія общественнаго мнѣнія вліятельныхъ классовъ, пока самовольные акты его и его правительства были сравнительно незначительными,—власть его являлась болѣе или менѣе законной; но лишь только эти акты стали переходить извѣстныя границы, накопившееся недовольство его самовластнымъ управленіемъ вспыхиваетъ и въ странѣ совершилась революція, которая была направлена на защиту древней конституціи и правъ ея верховнаго хранителя, микадо.

Фактическими хранителями этой конституціи были могущественные пэры страны, которыхъ сами же шёгуны заставляли жить въ ихъ столицѣ въ видахъ облегченія надзора за ними и экономическаго обезсиленія ихъ. Сила самихъ пэровъ заключалась въ ихъ han'ахъ, въ преданности имъ многочисленнаго и самаго дѣятельнаго въ странѣ класса самураевъ. Весь же строй покоился на плотно-организованномъ управленіи военнаго класса, состоявшаго изъ совокупности han'овъ, надъ массой народа. Онъ покоился на искусномъ пользованіи правительствомъ шёгуна сосуществованіемъ многихъ маленькихъ соперничившихъ государствъ въ государствѣ; на детальномъ регулированіи всѣхъ жизненныхъ отношеній посредствомъ неподвижнаго кодекса чести и церемоній, связывавшаго высшія сословія и державшаго народъ въ безропотной покорности и на всеобщемъ господствѣ принципа взаимоотвѣтственности, которой обязывались по отношенію другъ къ другу мужъ и жена, родители и дѣти, господа и слуги, сосѣди и односельчане.

Подобный строй кажется вѣчнымъ, какъ кажется таковымъ быть роя пчелъ и муравьевъ. Но есть двѣ историческія силы, которыя рано или поздно въ состояніи пробуждать къ новой жизни всякій народъ. Первая изъ этихъ силъ—сила, хотя и медленнаго, внутренняго развитія, являющагося прямымъ слѣдствіемъ того, что личность борется съ окружающею природой и людскою средой за свое болѣе счастливое существованіе. Ростетъ населеніе, развиваются его способности и пріемы борьбы; отдѣльныя личности выдѣляются, развивается критическое и творческое мышленіе, новыя духовныя силы начинаютъ искать исхода и находятъ его. Вторая сила, это—сила вліянія другихъ народовъ. Никакая нація на земномъ шарѣ не можетъ жить лишь подъ вліяніемъ общественныхъ условій принадлежащей ей территоріи. Рано или поздно она должна будетъ придти въ соприкосновеніе съ другими народностями, съ ихъ культурой.

Японія пришла въ соприкосновеніе съ народами европейской цивилизаціи въ тотъ великій вѣкъ, когда умъ человѣка дѣлаетъ попытки построить

общественную жизнь на счастьѣ личности, на всестороннемъ развитіи всѣхъ ея силъ и способностей.

Посмотримъ же теперь, каковы были тѣ прогрессивныя стремленія и силы, которыя привели къ полному перерожденію въ четверть вѣка того государства, которому не знакомые ранѣе съ нимъ европейцы предрекали вѣчный застой.

III.

Какъ въ средніе вѣка микадо былъ устраненъ отъ непосредственнаго управленія страной сначала своими придворными, а позднѣе шёгунами, такъ точно шёгуны изъ династіи Tokugawa мало-по-малу все болѣе устранялись отъ дѣлъ и передавали управленіе своимъ чиновникамъ. Высшіе чиновники въ свою очередь предоставляли завѣдываніе текущими дѣлами своимъ вассаламъ и подчиненнымъ. То же происходило и внѣ владѣній Tokugawa, въ дайміатахъ. Такимъ образомъ, дѣйствительное управленіе государственными дѣлами въ странѣ постепенно перешло въ руки средняго чиновничества.

Такой порядокъ дѣлъ, прежде всего, породилъ злоупотребленія въ юстиціи и финансовомъ управленіи. Финансовая нужда стала принимать все большіе и большіе размѣры и сдѣлалась больнымъ мѣстомъ всей правительственной системы какъ во владѣніяхъ шёгуна, такъ и феодаловъ. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что купцы не хотѣли ссужать деньгами отдѣльныхъ дайміосовъ, даже при поручительствѣ бикуфу (правительство шёгуна), такъ какъ фанансовое хозяйство послѣдняго было въ столь же неблестящемъ состояніи.

Главною причиной такой нужды была постепенно совершавшаяся въ эту эпоху эволюція народо-хозяйственныхъ отношеній. Населеніе Японіи росло. При неизмѣнности земледѣльческой техники приходилось распространять все болѣе область пахотныхъ земель и переходить къ обработкѣ все худшихъ участковъ и издержки производства росли. Съ развитіемъ торговыхъ сношеній и промышленности увеличивалась нужда въ деньгахъ, назрѣвала необходимость перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Какъ и въ Европѣ, такая эволюція была причиной большихъ затрудненій. Чувствовали симптомы, но не знали ихъ причинъ. Пытались производить эксперименты надъ монетною системой, но они не уменьшали жалобъ на недостатокъ денегъ въ странѣ.

Росло производительное населеніе, росло и непроизводительное, именно чрезвычайно размножился классъ самураевъ, и владѣтельнымъ князьямъ дѣлалось все затруднительнѣе прокармливать массу людей, которые въ большинствѣ не умѣли дѣлать ничего другого, какъ только драться и прислуживать, которые смотрѣли на всякій производительный трудъ съ презрѣніемъ. И число безгосподныхъ самураевъ все увеличивалось. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что среди этого слоя населенія находилось

много способныхъ и наиболѣе образованныхъ элементовъ въ странѣ, а, между тѣмъ, экономическая нужда и все болѣе и болѣе укрѣплявшійся порядокъ наслѣдственности должностей въ привилегированныхъ фамиліяхъ закрывали имъ путь впередъ къ примѣненію своихъ силъ и дарованій. И этотъ классъ сыгралъ въ исторіи японской революціи такую же роль, какъ tiers état во Франціи въ эпоху первой революціи.

Въ то время, какъ старый строй разлагался все болѣе и болѣе политически и испытывалъ различныя общеэкономическія и чисто-финансовыя затрудненія, умственное развитіе сдѣлало въ Японіи въ періодъ «долгаго мира» большіе успѣхи. Несмотря на сравнительную общую бѣдность страны, элементарное образованіе въ ней въ концѣ этого періода уже было поставлено довольно прочно. Ко времени паденія стараго порядка чуть ли не каждая деревня и не каждая улица и городъ имѣли свою школу, въ которой учились мальчики чтенію, письму и ариѳметикѣ, а дѣвочки еще и шитью и вышиванью у жены учителя. Каждый японецъ считалъ стыдомъ не выучить своихъ дѣтей хотя бы грамотѣ, а учителя, хотя были бѣдны, пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Среднихъ школъ было мало, но все же онѣ были. Что касается наукъ, то онѣ никогда не были въ пренебреженіи, напротивъ, разрабатывались весьма тщательно и съ величайшимъ усердіемъ. Любознательность находилась въ постоянномъ напряженіи и нужно было только явиться европейской наукѣ, чтобы ее приняли съ распростертыми объятіями.

Идея политическаго единства имперіи всегда была жива въ японскомъ народѣ и попытки наиболѣе энергичныхъ и популярныхъ шёгуновъ возстановить его (т.-е. ограничить власть феодаловъ, а не микадо) пользовались въ немъ большимъ сочувствіемъ. Съ этою идеей соединялась другая идея—о самостоятельности развитія страны не на началахъ китайской цивилизаціи, а на своихъ національныхъ. И вотъ, въ концѣ XVI в., возникло въ странѣ національное литературно-религіозное движеніе, которое стало стремиться вызвать вновь къ жизни древнюю религію (синто), древнюю поэзію и все, что жило еще подъ наноснымъ слоемъ чужой цивилизаціи.

Это-то националистическое, религіозное и литературное движеніе обратило свои взоры въ Кіото къ старому дому сына солнца, потомки котораго жили окруженные торжественнымъ и почетнымъ церемоніаломъ, все еще продолжая считаться верховными властителями страны. Движеніе сперва совершенно не имѣло политической и оппозиціонной шёгунамъ окраски и даже поощрялась фамиліей Tokugawa, такъ какъ шёгуны этой династіи надѣялись мало-по-малу присвоить себѣ всѣ аттрибуты верховенства и современемъ совсѣмъ устранить микадо отъ власти, превративъ его въ верховнаго первосвященника и перенести на себя весь престижъ его сана. Но попытки подобнаго рода оказывались слишкомъ рискованными и не удавались, а движеніе, между тѣмъ, развивалось и начинало оказывать практическое воздѣйствіе на жизнь. Японцы сравнивали дѣйствительное положеніе микадо съ теоретическимъ, анализировали основы власти стремившихся

ся къ абсолютизму шёгуновъ и находили ее властью узурпаторовъ. Это воззрѣніе нашло себѣ наиболѣе благопріятную почву въ могущественныхъ и, слѣдовательно, менѣе зависимыхъ отъ Йедскаго правительства феодальныхъ владѣніяхъ юга и со второй половины XVIII в. стало принимать опредѣленное политическое направленіе. Уже въ 1787 г. Motoori, одинъ изъ самыхъ выдающихся синтаистскихъ ученыхъ, подвергъ критикѣ режимъ своего времени: въ 1836 г. подверглись запрещенію по политическимъ мотивамъ сочиненія другого главы этой же школы, Hirata. Съ 1820 г. политическіе процессы по поводу нападокъ на правительство шёгуна дѣлались все болѣе и болѣе частыми. Вся исторія Японіи была реконструирована въ духѣ новаго ученія, въ духѣ легитимистическомъ.

На ряду съ этимъ націоналистическимъ движеніемъ развивалось исподволь другое скрытое и менѣе замѣтное, западническое. Японія съ XVII в. совершенно замкнулась и стала оберегать себя очень старательно отъ всякаго общенія съ христіанами. Но замкнулась она хотя и крѣпко, но все же не герметически. Осталась лазейка для проникновенія кое-чего съ Запада, и лазейка немаловажная—это голландская факторія въ Нагасаки, на небольшомъ островѣ, единственное оставшееся не тронутымъ съ XVII в. мѣсто для пребыванія европейцевъ на японской территоріи. Черезъ нее проникали въ страну довольно подробныя и постоянныя извѣстія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ далекихъ странахъ христіанскаго міра, о могуществѣ, славѣ и богатствѣ далекихъ заморскихъ народовъ. Голландскіе корабли, каждогодно приходившіе въ эту факторію, были обязаны привозить японцамъ газеты, энциклопедіи, историческія карты и проч. Вслѣдствіе всего этого, японцы, при возобновленіи сношеній съ иностранцами, поражали послѣднихъ такими вопросами о современной Европѣ, которые показали ихъ близкое знакомство со всѣмъ въ ней совершавшимся. Въ результатѣ оказалось, что мнѣніе о необходимости возобновленія прерванныхъ нѣкогда сношеній съ иностранцами получило къ началу второй половины XIX столѣтія въ извѣстныхъ кругахъ японскаго общества довольно широкое распространеніе, а многіе изъ учащейся молодежи видѣли въ грёзахъ картины далекихъ и чудныхъ въ ихъ глазахъ странъ.

Таково было настроеніе страны, когда 8 іюля 1853 г. на йедскомъ рейдѣ появилась американская эскадра. Начальникъ ея, адмиралъ Перри, несмотря на различныя увертки японцевъ, своею настойчивостью успѣлъ добиться того, что былъ принятъ посланниками шёгуна. Имъ онъ вручилъ посланіе своего президента, въ которомъ объяснялось, что адмиралъ Перри съ *достаточно сильною эскадрой* посланъ для того, чтобы предложить правительству императора *) согласиться на установленіе общенія между обѣими державами, Японіей и Сѣверо-Американскою республикой. Тактичность

*) Иностранцы долго принимали жившаго въ Йедо шёгуна за свѣтскаго абсолютнаго монарха страны, а микадо, имѣвшаго свою резиденцію въ Кіото, за духовнаго главу въ имперіи. Мы помнимъ, что тому же насъ неправильно учили и въ школѣ.

и рѣшительный тонъ этого посланія произвели на японцевъ сильное впечатлѣніе и съ адмираломъ былъ заключенъ трактатъ, хотя и съ заднею мыслью его не исполнять.

Открытіе правительствомъ шёгуна гаваней для иностранцевъ вызвало въ странѣ страшный переполохъ. Со стороны патріотовъ посыпались на него обвиненія въ измѣнѣ національнымъ традиціямъ и въ нарушеніи конституціи страны. Бакуфу испугалось того двойственнаго положенія, въ которомъ оно очутилось, и сдѣлало такой шагъ, который ясно показалъ, что оно чувствуетъ себя слабымъ: оно обратилось къ кіотскому двору за санкціей заключеннаго имъ договора. Дворъ понялъ, о чемъ говоритъ такое неожиданное вниманіе къ нему со стороны правительства императорскаго майордома, и... запротестовалъ: «Бакуфу можетъ дѣйствовать какъ ему угодно, но санкціонировать его дѣйствія, неугодныя народу, микадо не станетъ». Могущественные феодалы юга, давно скрѣпя сердце терпѣвшіе надъ собой надзоръ сѣверной столицы, встрепенулись и почуяли, что время ихъ настало. Правительству пришлось заключить новые договоры съ другими иностранными державами, недовольство вспыхнуло еще сильнѣе. Открытіе гаваней для торговыхъ сношеній съ иностранцами подняло до небывалой высоты цѣны на всѣ продукты и удорожило всю жизнь. Классъ самураевъ очутился въ бѣдственномъ положеніи. Возбужденіе стало рости. Южные князья вошли въ сношенія съ кіотскимъ дворомъ и побудили его дѣйствовать энергично въ пользу того, чтобы политика бакуфу была измѣнена, чтобы страна была вновь закрыта для иностранцевъ. Императоръ послалъ посольство къ шёгуну и потребовалъ, чтобы тотъ явился въ Кіото, «гдѣ онъ lenno хочетъ посовѣтоваться со всѣми своими князьями о томъ, какъ освободить страну отъ варваровъ».

Въ ноябрѣ 1862 г. это собраніе состоялось. Молодой шёгунъ и регентъ явились на него. Это было событіемъ чрезвычайной важности. Шёгунъ являлся на немъ только однимъ изъ владѣтельныхъ князей, подвластныхъ микадо. Всѣ теперь видѣли, что центръ политической жизни находится уже не въ Йедо, а въ Кіото. Собраніе рѣшило вести войну съ европейцами, и хотя регентъ высказался за невозможность возврата къ прежней замкнутости, князь Choshu (Nogato) въ своихъ владѣніяхъ (на юго-западѣ главнаго острова) началъ приводить въ исполненіе приказаніе императора объ изгнаніи иностранцевъ. Убійство нѣкоего Ричардсона вызвало грозный протестъ со стороны европейскихъ державъ, который заставилъ японцевъ уступить и уплатить большое вознагражденіе. Сношенія, происходившія по этому поводу съ иностранцами, и одновременно начавшія доходить свѣдѣнія о плохихъ послѣдствіяхъ для Китая отъ его столкновенія съ европейскими вооруженными силами заставили японскихъ патріотовъ нѣсколько задуматься и понять, что бакуфу, можетъ быть, было право въ своей уступчивости иностранцамъ.

Между тѣмъ, англійскій адмиралъ Альковъ рѣшилъ дѣйствовать энергично. Въ сентябрѣ 1864 г. онъ открылъ огонь по укрѣпленіямъ, защищавшимъ входъ въ проливъ Shimonoseki, и разрушилъ ихъ. Эта побѣда имѣла

огромныя послѣдствія. Японскіе патріоты впервые ясно сознали, что ихъ страна не самая сильная въ свѣтѣ, и положеніе дѣлъ съ этого времени стало принимать совсѣмъ другой оборотъ. Сознаніе невозможности борьбы съ чужеземцами посредствомъ военной силы, необходимость заимствованія отъ нихъ техническихъ и военныхъ усовершенствованій, необходимость объединенія всей страны въ политическомъ отношеніи сдѣлались ясными даже для тѣхъ изъ феодаловъ, которые начали борьбу за измѣненіе положенія политическихъ дѣлъ въ странѣ, руководясь совсѣмъ иными воззрѣніями. Прежде они только и заботились о низверженіи власти дома Tokugawa, чтобы затѣмъ занять его мѣсто, причемъ они являлись врагами и по отношенію другъ къ другу, и въ этой-то взаимовраждѣ враговъ бакуфу заключалась главная надежда послѣдняго на сохраненіе за нимъ власти въ странѣ. Теперь, когда сдѣлалось яснымъ, что политическое раздробленіе есть причина слабости страны, общенаціональное чувство взяло верхъ надъ чувствомъ мѣстнаго патріотизма. Мысль объ объединеніи всей государственной территоріи подъ главенствомъ императора, прежде высказавшаяся лишь съ цѣлью прикрытія сепаратическихъ стремленій каждаго han'а, получила дѣйствительное значеніе, и рознь между вождями движенія исчезла, хотя, разумѣется, каждый изъ нихъ имѣлъ заднюю мысль взять себѣ большую часть въ предстоящемъ дѣлежѣ добытой общими силами добычи.

Шёгунъ Hitotsubashe понялъ, что время старой правительственной организаціи нельзя уже болѣе удержать, что характеръ ея долженъ быть измѣненъ, и заключилъ съ воевавшими князьями перемиріе. Онъ думалъ примириться съ новымъ положеніемъ дѣлъ на такихъ началахъ, чтобы потомъ постепенно вернуть себѣ утерянную власть. Этому, повидимому, содѣйствовало то обстоятельство, что какъ разъ въ это время умеръ старый микадо и на престолъ вступилъ юный (14 лѣтній) Mutsuhito.

Но враги шёгуна не дремали и неустанно продолжали работать надъ его низверженіемъ. Черезъ долго приготовляемый заговоръ удалось имъ (3 января 1868 г.) *) завладѣть юнымъ императоромъ и удалить отъ него дружелюбныхъ шёгуну придворныхъ. Въ битвѣ при Tushimi (недалеко отъ Кіото) 27 января 1868 г. войска шёгуна были разбиты на голову. 5 февраля появился императорскій декретъ, отрѣшавшій шёгуна отъ должности и объявлявшій его приверженцевъ бунтовщиками, а 8 февраля императоръ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Флотъ шёгуна завладѣлъ островомъ Yezo и тамъ была провозглашена республика. Но 27 января 1869 г. существованіе республики кончилось и вожди революціи сдѣлались единственными господами всей государственной территоріи.

Кто же были люди, совершившіе переворотъ и ставшіе затѣмъ во главѣ новаго правительства? Конечно, не юноша императоръ, воспитанный въ стѣнахъ дворца-тюрьмы, внѣ знанія жизни, окруженный съ дѣтства при-

*) Здѣсь времяисчисленіе обозначается нами по новому стилю, который съ 1876 г. принятъ и въ Японіи.

дворными льстецами и лицемѣрами, могъ стать во главѣ реформаціоннаго движенія; онъ примкнулъ къ нему сознательно нѣсколько позже, когда великія событія той эпохи уже успѣли оказать на него свое воспитывающее вліяніе. Также не изъ придворной знати, дайміосовъ и ихъ министровъ, долго устранявшихъ себя, какъ мы уже указывали выше, отъ непосредственнаго веденія государственныхъ дѣлъ, вышли главнѣйшіе изъ вождей. Изъ этого разряда лицъ высшаго класса страны выдвинулись на первый планъ только очень немногіе. Главный же контингентъ дѣятелей этого времени далъ классъ самураевъ. Эти дѣятели вышли изъ южныхъ провинцій.

Они то во главѣ съ принцемъ императорской крови Arisugawa въ званіи sosai'я (генералъ-штатгальтера) дѣятельно принялись за проведеніе реформъ. Прежде всего, имъ нужно было выслушать всѣ вліятельные элементы въ странѣ. Новые правители нашли необходимымъ созвать не только собраніе владѣтельныхъ князей, но на ряду съ нимъ и собраніе выборныхъ нотаблей по 2 отъ каждаго изъ большихъ гановъ, по 2 отъ среднихъ и по 1 отъ малыхъ. 6 апрѣля 1868 г. состоялось первое засѣданіе созваннаго, такимъ образомъ, имперскаго собранія нотаблей, передъ которымъ и были возвѣщены въ формѣ клятвеннаго обѣщанія со стороны микадо основные принципы дальнѣйшей политики новаго правительства. При всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ мѣропріятіяхъ должно быть спрашиваемо общественное мнѣніе; безпристрастіе и справедливость должны лечь въ основу всего управленія; знаніе и образованіе должны получить самое широкое распространеніе, какъ главный источникъ національной силы,—вотъ главныя положенія этого императорскаго обѣщанія.

Вторымъ важнымъ мѣропріятіемъ новаго правительства было удалить императора изъ реакціоннаго воздуха Kyoto и перенести центръ управленія туда, гдѣ онъ находился въ теченіе всей предшествующей эпохи, т.-е. въ столицу павшихъ шёгуновъ, Yedo. Съ апрѣля 1869 г. этотъ городъ подъ именемъ Tokyo, «Восточной столицы», сталъ главнымъ политическимъ и умственнымъ центромъ возрождающейся страны.

Вскорѣ послѣ этого былъ сдѣланъ третій шагъ чрезвычайной важности: князья страны передали свои владѣнія императору. Именно 5 мая 1869 г. была опубликована петиція князей Сатсумы, Чошу, Тоса и Хизенъ, въ которой они съ подобающею китайскою витіеватостью и съ особенною выразительностью указывали на необходимость централизаціи въ управленіи страны и добровольно предоставляли въ полное распоряженіе императора списки населенія и налоговъ (т.-е. все внутреннее управленіе) въ ихъ дайміатахъ. Примѣру этихъ князей тотчасъ же послѣдовали и прочіе крупные и мелкіе владѣтели, числомъ до 241. Согласія немногихъ, не сдѣлавшихъ подобнаго же, не спрашивали. Что эта петиція только по формѣ была актомъ добровольнаго отреченія дайміосовъ отъ своихъ правъ, въ сущности же дѣломъ новыхъ правителей, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Общій упадокъ силы сословія крупныхъ магнатовъ, вслѣдствіе его

вырожденія и финансовой нужды, былъ въ это время вполнѣ яснымъ для всѣхъ. Поэтому правительству императора стоило не много труда побудить представителей сословія дайміосовъ къ названному шагу.

Просьба князей была удовлетворена и задуманъ былъ планъ новой организаціи государственнаго управленія. Пока тѣ же дайміосы въ награду за свой практическій шагъ были оставлены въ ихъ же владѣніяхъ въ качествѣ намѣстниковъ (chihanji) императора. Но государственная машина продолжала работать тяжело; всѣми чувствовалось, что это лишь переходное состояніе, и въ Токіо готовились къ четвертому шагу первостепенной важности.

Лѣтомъ 1871 г. этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Различные чиханджіи, по побужденію правительства, подали опять императору петицію о превращеніи управляемыхъ ими областей въ округи и въ августѣ того же года послѣдовалъ лаконическій указъ: han'ы (кланы) уничтожаются; страна раздѣляется на ken'ы (округи) и вся территорія вслѣдствіе этого указа была раздѣлена, примѣнительно къ древнему административному дѣленію, на 73 округа, во главѣ управленія которыхъ были поставлены императорскіе префекты. Дайміосы и придворная знать были соединены въ одно сословіе высшаго дворянства, kwazoku. Они обязывались жить со своими семьями въ Токіо. Феодализмъ былъ отмѣненъ.

Паденіе феодальнаго строя само собою привело къ передачѣ государству тѣхъ финансовыхъ правъ, которыя принадлежали при старомъ порядкѣ привилегированнымъ сословіямъ по отношенію къ податнымъ классамъ, т.-е. привело къ освобожденію крестьянъ отъ уплаты ренты дворянскому сословію.

При описаніи стараго порядка мы видѣли, что феодализмъ въ Японіи на низшихъ ступеняхъ покоился не на владѣніи землей, а на полученіи ренты, которая уплачивалась, главнымъ образомъ, рисомъ, иногда, впрочемъ, бобами, рѣдко деньгами. За эту-то ренту самураи служили государству въ качествѣ чиновниковъ и солдатъ. Теперь мѣсто рентополучателя занялъ чиновникъ на жалованьи, а ряды арміи стали пополняться на основаніи закона о всеобщей воинской повинности (введенной въ 1872 г.).

И вотъ въ августѣ 1876 г. вышелъ указъ, по которому полученіе ренты отмѣнялось, а въ возмѣщеніе ея были выпущены государственныя долговыя обязательства, по которымъ долгъ долженъ былъ быть погашенъ въ теченіе 30 лѣтъ. Каждому лицу, получившему ранѣе ренту, государство обезпечивало пенсію въ размѣрѣ 1/10 его прежняго капитализированнаго дохода. Всѣ пенсіонеры *) были раздѣлены на 4 класса сообразно съ размѣромъ ихъ притязаній и получили долговыя свидѣтельства, дававшія имъ 5, 6, 7 и 10%. Ежегодно извѣстное число этихъ свидѣтельствъ должно было погашаться, а ихъ владѣльцы получать всю ихъ капитальную стоимость. «Вся сумма, которая понадобилась для того, чтобы ликвидировать

*) Число пенсіонеровъ-дайміосовъ было 177, а самураевъ около 402,000 семей.

историческое прошлое, — говоритъ *Ota-Nitobe*, — высчитывается въ 240 милліоновъ йенъ» *).

И такъ, въ Японіи, какъ въ Россіи и Германіи, государство явилось посредникомъ между классомъ дворянъ и крестьянствомъ. Но, вмѣсто взиманія процентовъ и выкупныхъ платежей, оно ввело въ странѣ единый поземельный налогъ, такъ что теперь является вопросомъ, слѣдуетъ ли разсматривать этотъ налогъ отчасти какъ ренту, или же какъ чистую земельную подать? Налогъ этотъ былъ опредѣленъ сперва въ размѣрѣ 3% дохода (согласно съ данными произведеннаго кадастра), но затѣмъ былъ пониженъ до 2½%, причемъ было установлено, что мѣстный налогъ не долженъ былъ превышать ⅓ государственнаго. Землепашцы, вмѣсто уплаты подати въ натуральной формѣ, должны были съ этого времени уплачивать ее государству въ денежной покадастровой оцѣнкѣ земельныхъ участковъ. Другими словами, эта реформа освободила крестьянъ отъ всякой обязанности по отношенію къ бывшимъ господамъ.

Л. Кирилловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) 1 yen=4,5 герм. марки.

Люди и факты недалекаго прошлаго.

(По поводу книги *Antoine Guillois*: «Le Salon de madame Helvetius». Paris, 1894).

Современная историческая литература Франціи носитъ довольно оригинальную окраску. Во многихъ отношеніяхъ она вполнѣ отвѣчаетъ эпохѣ всевозможныхъ болѣзненныхъ припадковъ въ искусствѣ и въ общественной жизни. Новѣйшій декадентъ и символистъ съ большимъ удовольствіемъ могутъ перечитывать многія научныя сочиненія по литературной и политической исторіи. Сначала Тэнъ ввелъ въ большую моду классическую эпоху, и именно тѣ стороны этой эпохи, которыя ярче всего характеризовали духовное разслабленіе общества при Людовикѣ XIV. Съ блестящимъ талантомъ была описана салонная жизнь приснопамятныхъ «смѣшныхъ маркизовъ», подробно объяснены ихъ насущные интересы, т.-е., въ сущности, всевозможные petits jeux и любовныя приключенія. Историкъ видимо наслаждался, разсказывая о томъ, какъ аристократическія дамы готовили въ салонахъ яичницы и кавалеры разорялись на безумные подарки метрессамъ. Стиль историка достигалъ высоко-художественной красоты, когда ему, въ прозѣ и совершенно серьезнымъ тономъ, приходилось воспроизводить характеры и факты, уже два съ половиной вѣка тому назадъ преданные осмѣянію Мольеромъ.

Это была безпримѣрная и необыкновенно увлекательная «реабилитація прошлаго», столько разъ заклейменнаго презрѣніемъ и ненавистью. Въ высшей степени поучительно было слышать отъ француза-гражданина третьей республики, какъ онъ тоскуетъ по минувшему комедіанству пестрыхъ шутовъ XVII вѣка, какъ онъ мысленно упивается душною атмосферой напудренныхъ жеманницъ. Мы никогда не поймемъ этого настроенія, но для читателей Тэна, современныхъ французовъ, это оказалось истиннымъ откровеніемъ. Въ литературѣ и въ обществѣ на каждомъ шагу воскресали все новыя симпатіи къ прошлому, упраздненному первою революціей. Ложно-классическая литература, униженная и, казалось бы, окончательно развѣнчанная дѣятельностью Виктора Гюго, снова нашла почитателей и защи-

никовъ. На встрѣчу имъ шли самыя модныя теченія въ искусствѣ. Парнасцы, фанатически обожая красивую форму въ ущербъ не только какой бы то ни было живой идеѣ, а просто здравому смыслу, въ сущности, являлись истинными потомствомъ классическихъ риѳмоплетовъ и каламбуристовъ. Упражненія декадентовъ, ихъ удивительные опыты надъ звуками и риѳмами безъ всякой заботы о томъ, что̀ получится въ результатѣ, успѣшно могли конкуррировать съ буриме, мадригалами, сонетами, столь остроумно осмѣянными у того же Мольера. Вообще, основная черта новѣйшихъ писателей-вырожденцевъ: литература—только игра и забава,—въ полномъ смыслѣ классическая черта. Когда вы слушаете проповѣдь теоретика-символиста о томъ, что поэзія и вообще литература должны стоять возможно дальше отъ дѣйствительности, оставаться достояніемъ только избранныхъ, а отнюдь не доставаться въ руки обыкновенныхъ смертныхъ, въ вашей памяти невольно воскресаетъ извѣстная сцена съ поэтомъ-маркизомъ въ мольеровскомъ *Мизантропѣ*.

На долю Тэна выпала обязанность воскресить этихъ господъ во всемъ блескѣ ихъ умственной ограниченности и рафинированнаго эгоизма.

Но оригинальныя увлеченія современныхъ французовъ на этомъ не остановились. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ насъ преслѣдуетъ «наполеоновская легенда». Какой смыслъ этого явленія? И что можетъ быть общаго между пережитками классическаго упадка и человѣкомъ, именовавшимъ себя сыномъ революціи?

Общаго оказалось весьма много. Во-первыхъ, ссылка на революцію для Бонапартовъ, начиная съ перваго, играла, въ сущности, такую же роль, какъ, напримѣръ, извѣстная папская формула: *Servus servorum Dei* (рабъ рабовъ Божіихъ), т.-е. давала нѣкоторый внѣшній ореолъ, прикрывавшій лицемѣріе прирожденнаго деспота. Сколько бы ни было самыхъ разнообразныхъ причинъ, создавшихъ первую имперію, въ концѣ-концовъ, революція для Наполеона имѣла значеніе мутной воды, въ которой, какъ извѣстно, особенно удобно ловить рыбу; то же самое повторяется до послѣднихъ дней. «Наполеоновская легенда» своимъ возрожденіемъ обязана смутнымъ настроеніямъ, царящимъ надъ современнымъ французскимъ обществомъ по всѣмъ направленіямъ мысли и практической дѣятельности. Нація, искони привыкшая къ вождямъ и вдохновителямъ, переживаетъ удручающее безлюдье. Она по временамъ готова ухватиться за мимолетный призракъ чего-то сильнаго, вдохновляющаго. Буланжистская эпопея смѣхотворна только по внѣшнимъ фактамъ, по существу же она одно изъ знаменательнѣйшихъ культурно-историческихъ явленій современной Франціи. Недаромъ парижскіе рабочіе до сихъ поръ хранятъ совершенно серьезныя воспоминанія о генералѣ, котораго буржуазія безъ всякихъ оговорокъ низвела до уровня опереточнаго фарсёра... Оперетка на самомъ дѣлѣ была предисловіемъ къ «наполеоновской легендѣ».

Самое распространенное мнѣніе, будто легенда эта воскресла на основаніи реванша, не выдерживаетъ критики. Идея реванша была несравнено

популярнѣе, можно сказать, сливалась съ болѣзненно-жгучимъ чувствомъ оскорбленной національной гордости, именно въ то время, когда имя Бонапартовъ, въ лицѣ низверженнаго императора, казалось Франціи позорнымъ пятномъ и роковымъ бѣдствіемъ. Съ теченіемъ времени идея и чувство сильно ослабѣли и въ послѣднее время хранятся въ первобытной чистотѣ развѣ только среди кучки энтузіастовъ-шовинистовъ. Это—особаго рода секта, искони вѣковъ процвѣтающая во Франціи въ той или другой формѣ и, смотря по обстоятельствамъ, охватывающая большій или меньшій кругъ послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ идея реванша — неизмѣнный спутникъ французской націи во всѣ времена. Чуть ли не всѣ народы Западной Европы перебывали попеременно въ положеніи нѣмцевъ: сначала англичане, потомъ испанцы, снова англичане, въ самомъ концѣ XVIII вѣка австрійцы, снова англичане и, наконецъ, нѣмцы. Въ живучести этой идеи собственно и выражается традиціонная «галльская воинственность» французовъ, о которой такъ любятъ говорить сами французы и иногда ихъ враги.

«Наполеоновская легенда» не имѣла бы такого значенія, если бы выражала собой только патріотическій задоръ націи. Она такъ и осталась бы узкополитическимъ движеніемъ въ простѣйшемъ смыслѣ слова. На самомъ дѣлѣ передъ нами симптомъ культурной усталости, глубокаго отвращенія современнаго человѣка къ жизни и вообще къ дѣйствительности. Ея сѣрый тонъ, безконечная вереница всевозможныхъ шаблоновъ, золотыхъ срединъ съ теченіемъ времени угнетаетъ, даже можетъ привести въ отчаяніе самаго нетребовательнаго «существователя». Людямъ свойственно тосковать по силѣ, по энергіи, по великимъ талантамъ и дѣламъ, и чѣмъ безличнѣе и низменнѣе настоящія будни, тѣмъ болѣзненнѣе тоска. Въ уродливомъ созданіи Нитче не одинъ только бредъ безумнаго. Образъ сверхчеловѣка—истинное порожденіе нашего времени, своего рода разгулъ воображенія, удрученнаго мелочами и всякаго рода безсиліемъ и немощами. Человѣческому чувству естественно отдыхать на контрастахъ, и сверхчеловѣкъ—именно логическая противуположность современному реальному человѣку.

Могучія органическія страсти, не вѣдающія ни страха, ни удержу, неугасимая жажда личной дѣятельности, полное отсутствіе рефлексіи и какихъ бы то ни было гуманныхъ соображеній,— таковы свойства идеала, приведшаго къ сумасшествію нѣмецкаго философа. И здѣсь, что ни черта, то приговоръ надъ нашимъ поколѣніемъ, давшимъ для литературы типы малодушныхъ эгоистовъ, пошлыхъ чувственниковъ и трусливыхъ struggleforlifer'овъ, стремящихся удовлетворять своимъ страстишкамъ и обдѣлывать свои дѣлишки по возможности гдѣ-нибудь въ темнотѣ, за угломъ.

Просмотрите, напримѣръ, галлерею хотя бы только героевъ Мопассана, въ настоящее время популярнѣйшаго автора во всемъ мірѣ, и вы затруднитесь рѣшить, чего здѣсь больше,—нравственнаго растлѣнія и стихійной порочности или подлаго страха за свои подленькія поползновенія. Современный типичный человѣкъ больше всего на свѣтѣ боится заявить о своей

личности, и не только въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ идетъ о порокѣ и преступленіи, онъ отнюдь не меньше боится также за свои добродѣтели, если онѣ у него есть. По возможности не выходить изъ общей формулы, установленной общественнымъ мнѣніемъ для «порядочнаго человѣка»,—вотъ вѣнецъ всѣхъ нашихъ стремленій.

Недавно одинъ французскій критикъ, разбирая произведенія новѣйшихъ французскихъ беллетристовъ, и въ томъ числѣ Мопассана, пришелъ къ необыкновенно поучительному практически-философскому выводу. Современный «почтенный человѣкъ»—l'honnête homme—во что бы то ни стало долженъ приспособляться къ данной средѣ,—величайшее несчастіе для него показаться страннымъ, смѣшнымъ. Въ наше время насмѣшки глупцовъ могутъ уничтожить какого угодно умнаго и достойнаго человѣка. Что же для насъ особенно смѣшно? Оригинальность, вообще личное качество, свойственныя только одному и не вошедшія въ модный этикетъ всѣхъ. «Мы не герои и не святые»,—пишетъ критикъ, и дико было бы возбуждать недоумѣніе общества какою-нибудь исключительною, хотя бы и очень похвальною чертой своего характера и ума. Это—лишнее безпокойство и для себя, и для другихъ. Будемъ, какъ всѣ, низведемъ нашъ нравственный міръ и особенно наши житейскія отношенія до такой же идеальной чинности и однообразія, какихъ современная мода достигаетъ въ нашихъ костюмахъ...»

Это говорится вполнѣ серьезно, тономъ моралиста, безусловно увѣровавшаго въ свой символъ. Тѣмъ болѣе, что такой идеалъ нисколько не мѣшаетъ «почтенному человѣку» вести какую угодно разрушительную и преступную войну противъ общества и отдѣльныхъ его членовъ, лишь бы не было ничего слишкомъ рѣзкаго, необычайнаго, смѣшного. «Надо дѣйствовать умненько»,—говоритъ герой современнаго романа: это значитъ не выходить изъ предѣловъ общепринятыхъ шаблоновъ—общественныхъ, нравственныхъ и юридическихъ—и умѣть достигать своихъ цѣлей. Дальше врядъ ли могутъ идти вожделѣнія мѣщанскаго духа, владѣющаго современными европейскими дѣятелями и весьма многими писателями.

Естестенно при такихъ условіяхъ, съ одной стороны, увлекаться преданіями классическаго общества: именно оно, безусловно отрицая личность, давало полный просторъ всевозможнымъ тлетворнымъ инстинктамъ и до такой степени вытравливало изъ человѣка все оригинальное и сильное, что современный наблюдатель затруднялся отличить одного салоннаго гостя отъ другого послѣ трехчасовой бесѣды. Съ другой стороны, также естественно протестовать противъ все подавляющаго буржуазнаго идеала и въ порывѣ протеста дойти до настоящаго дикаря-разрушителя, того же сверхъ-человѣка Нитче. Одно явленіе неразрывно связано съ другимъ.

«Наполеоновская легенда» — непосредственный отголосокъ протеста. Первый Бонапартъ—превосходная иллюстрація къ фантазіи нѣмецкаго философа. Французамъ не надо было пускаться въ область теоріи, чтобы создать своего *Ueber-mensch'a*: онъ былъ давно готовъ,—стоило только

подновить воспоминанія. И ихъ дѣйствительно подновляютъ уже нѣсколько лѣтъ. *Страхъ личности* прямымъ путемъ привелъ къ культу величайшаго врага европейской цивилизація,—и гдѣ же?—въ странѣ, принесшей жестокія, до сихъ поръ не искупленныя жертвы бонапартизму,—въ странѣ, съ честью занимавшей когда-то первое мѣсто въ прогрессивномъ движеніи человѣчества. Варварскій кровавый ореолъ наполеоновской славы померкъ предъ мучительною жаждой современнаго человѣка—отдохнуть отъ повседневныхъ банальностей на чемъ-нибудь сильномъ и оригинальномъ.

Эта жажда до такой степени настоятельна и такъ трудно ее удовлетворить въ наши дни, что даже смѣхотворныя потуги декадентовъ на театральное величіе и психопатическую оригинальность интересуютъ общество. Какой-нибудь фанфаронъ или просто помѣщанный, въ облаченіи персидскаго мага или гроссмейстера, характеризуютъ то же самое настроеніе, какое вызвало наполеоновскую легенду, только въ каррикатурной формѣ, подлежащей скорѣе изученію медика, чѣмъ историка. И толпа мелкихъ шутовъ бѣжитъ за чудакомъ: иностранныя жертвы недуга плодятъ даже у насъ подражателей еще болѣе мелкихъ и смѣшныхъ.

Таковы два господствующихъ теченія современной общественной мысли, вызывающія живой отголосокъ въ наукѣ. Съ одной стороны, мертвыя рабскія формы классической эпохи снова кажутся изящнѣйшими украшеніями цивилизованнаго общества, полное уничтоженіе личности предъ модными шаблонами, низведеніе мысли и творчества на уровень минутной забавы: это—идеалы толпы, счастливой и удовлетворенной. Но среди всякой толпы всегда и вездѣ существуютъ «мыслящіе инако», протестанты: тѣ грезятъ дикимъ разгуломъ инстинктовъ, безпощаднымъ торжествомъ эгоизма надъ идеями и гуманностью. Сообразно съ этими симпатіями распредѣляются и труды современной науки: Людовикъ XIV—снова «король-солнце», въ его салоны историкъ переносится какъ въ нѣкое Эльдорадо; для другихъ Наполеонъ—снова полубогъ и даже его циническія приключенія съ женщинами удостоиваются особыхъ необыкновенно серьезныхъ и сочувственныхъ изслѣдованій. Наше положительное время возводитъ на высоту поэтической легенды дѣла и личности, давно развѣнчанныя отъ всякаго поэтическаго ореола еще современниками...

Но между Людовикомъ и Наполеономъ существуетъ историческій промежутокъ, одинаково ненавистный и салоннымъ комедіантамъ классической эпохи, и корсиканскому цезарю. Въ этотъ промежутокъ люди сдѣлали, можетъ быть, не мало ошибокъ, успѣли поддаться совершенно неосновательнымъ увлеченіямъ и иллюзіямъ, но за ними одного нельзя отрицать: глубокаго уваженія къ человѣческой личности и искренняго стремленія къ общему благу. При этомъ личность рисовалась имъ не въ формѣ человѣка-звѣря, строющаго себѣ пьедесталъ изъ милліоновъ слабѣйшихъ: ничто не казалось имъ ненавистнѣе эгоистической матеріальной силы. Разумъ и чувство—неизмѣнно-гуманные, снисходительные—должны, по ихъ мнѣнію, вести человѣчество. Не ихъ вина, если слишкомъ высокіе разсчеты не оправ-

дались въ дѣйствительности; такова судьба вообще идеалистовъ. Но наша вина въ томъ, что мы до сихъ поръ слишкомъ мало знаемъ этихъ людей и повторяемъ множество шаблонныхъ обвиненій, безусловно несправедливыхъ и незаслуженныхъ.

Въ то время, когда «смѣшной маркизъ» и «смѣшная жеманница» находятъ достойныхъ истолкователей своихъ прелестей въ лицѣ такихъ писателей, какъ Тэнъ, и съ каждымъ днемъ освѣщается все болѣе яркимъ свѣтомъ частная и политическая жизнь Наполеона,—историческая наука въ самой Франціи хранитъ почти полное равнодушіе къ XVIII вѣку. Мы отнюдь не хотимъ, чтобы непремѣнно питали сочувствіе къ этому вѣку, увлекались его людьми и идеями,—достаточно, если все это постараются узнать совершенно объективно, съ самой строгой научной точки зрѣнія. Сколько бы недоразумѣній было разсѣяно! И, что еще важнѣе, сколько бы пользы было оказано борьбѣ съ современными недугами, хотя бы только въ области искусства!

Какъ не мѣшало бы намъ научиться смотрѣть на всякаго рода мистическій бредъ декадентовъ съ ясной, проницательно-насмѣшливой точки зрѣнія философа XVIII вѣка, чувствовавшаго глубокое отвращеніе ко всему патологическому и нелѣпому! Одна искра вольтеровской ироніи могла бы испепелить всѣхъ современныхъ маговъ и кудесниковъ и, можетъ быть, зажгла бы краску стыда на лицѣ самаго отчаяннаго уличнаго увеселителя современной литературы. А эта непоколебимая вѣра въ человѣка и его нравственныя силы—какимъ бы могла быть противоядіемъ противъ ясновидѣній Нитче и наполеоновскаго эпоса! Но публика и ея учители далеки отъ этого свѣта.

Работы по XVIII вѣку, мы сказали, крайне рѣдки въ современной французской исторіографіи, и тѣ, которыя появляются, носятъ особый характеръ. Образцомъ можно считать пикантныя и, слѣдовательно, весьма популярныя розсказни Гонкуровъ. Въ основѣ подобныхъ книгъ лежитъ анекдотъ, исторія превращается въ сплошную *chronique scandaleuse*, а дѣятели великой эпохи преображаются въ пошлыхъ салонныхъ шаркуновъ или просто прихлебателей у богатыхъ меценатовъ. Именно съ послѣдней точки зрѣнія Гонкуры произнесли приговоръ надъ многими писателями XVIII вѣка только потому, что тѣ посѣщали салоны и нерѣдко обѣдали у свѣтскихъ дамъ. Интересно, какой бы судъ Гонкуры изрекли, напримѣръ, надъ Ренаномъ, за которымъ въ послѣдніе годы его жизни парижскія дамы ухаживали какъ за моднымъ артистомъ и до приторности услаждали досуги знаменитаго историка, врядъ ли отдавая отчетъ въ истинномъ смыслѣ его дѣятельности. А, вѣдь, Ренанъ не сидѣлъ въ Бастиліи, не подвергался всякаго рода сыскамъ, что безпрестанно случалось именно съ несчастнымъ Морелле, по мнѣнію Гонкуровъ, только паразитомъ и наемникомъ. Удивительно смѣлы и забавны современные буржуа въ роли историковъ и моралистовъ! Впрочемъ, это общее свойство особаго рода людей-скептиковъ, дрожащихъ за свое весьма сомнительное литературное и общественное достоин-

ство. Конечно, современнымъ французскимъ «историкамъ-натуралистамъ» нѣтъ необходимости получать пенсіи отъ покровительницъ литературы: у нихъ обширная публика, всегда готовая оцѣнить спеціальный букетъ книжки, будь это романъ или «научное» изслѣдованіе. Но были времена, когда литература считалась чуть ли не контрабанднымъ промысломъ, и судить о людяхъ, переживших эти времена, слѣдуетъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ принципы новѣйшаго литератора-торговца, часто дѣйствующаго при такихъ же условіяхъ, какъ всякій фабрикантъ послѣднихъ новостей.

Буржуазное отношеніе къ прошлому отражается не только на выборѣ предметовъ, но и на самой оцѣнкѣ всей эпохи. Современные французы на просвѣтителей XVIII вѣка смотрятъ совершенно какъ многоопытный chevalier d'industrie на наивнаго и безтактнаго мечтателя, котораго даже совѣстно и опасно показывать въ хорошемъ обществѣ. Великія имена произносятся съ сдержанною улыбкой или съ холоднымъ почтеніемъ, неизбѣжнымъ по традиціи. Въ то время, когда классическая эпоха изслѣдована съ величайшею тщательностью, посвященъ длинный рядъ работъ какому-нибудь Буало,—отъ XVIII вѣка въ памяти новыхъ поколѣній скоро останется развѣ только десятокъ именъ, да и то на половину безапелляціонно развѣнчанныхъ разными Гонкурами. Множество произведеній, когда-то волновавшихъ всю Европу, похоронено въ архивной пыли, и вамъ стоитъ великаго труда отыскать въ парижской *Bibliotheque Nationale* сочиненія такихъ авторовъ, какъ Седэнъ, Мерсье, Лебланъ, Колле, и, отысканные, они появляются предъ вами чаще всего совершенно не тронутыми, просто не разрѣзанными съ того самаго времени, когда впервые были изданы въ свѣтъ.

До какой степени у нынѣшнихъ историковъ заброшенъ XVIII вѣкъ, видно изъ самаго простого факта. Возьмите книги такихъ извѣстныхъ знатоковъ литературы, какъ Lenient, Desnoireterres, сравните ихъ свѣдѣнія, положимъ, съ *Корреспонденціей* Гримма или другимъ какимъ-либо источникомъ, и вы будете поражены, сколько событій и именъ осталось внѣ кругозора изслѣдователей и сколько *фактическихъ* ошибокъ надѣлано ими даже въ тѣхъ жалкихъ отрывкахъ, какіе они сочли нужнымъ сообщить публикѣ. Вы безпрестанно убѣждаетесь, что авторъ судитъ о такой-то брошюрѣ по наслышкѣ, ея онъ не читалъ, недаромъ она хранится въ неприкосновенномъ видѣ. Внутренней связи между главными произведеніями литературы онъ не знаетъ, потому что ему неизвѣстны промежуточныя звенья, и въ результатѣ весь разговоръ вертится вокругъ именъ, извѣстныхъ изъ учебниковъ: Вольтеръ, энциклопедисты, Бомарше, съ прибавленіемъ коекакихъ замѣчаній о другихъ. Въ публикѣ дѣло обстоитъ еще печальнѣе. Она неизмѣнно повторяетъ давно заученныя положенія, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительностью: Вольтеръ—безбожникъ и, вообще, фанатическій отрицатель; Руссо—необыкновенно оригинальный, даже странный писатель, изобрѣтатель естественнаго состоянія; комедіи Бомарше—безпримѣрно смѣлыя и остроумныя произведенія XVIII вѣка. И это вполнѣ естественно. Публикѣ не отъ кого узнать, что большая часть произведеній

Руссо — искусное переложеніе чужихъ и уже давно распространенныхъ идей, что пьесы Бомарше—экстрактъ изъ комедій и драмъ, не сходившихъ со сцены почти въ теченіе полувѣка до появленія Бомарше. Но всѣ «мелкіе» учителя великихъ учениковъ для насъ погибли безвозвратно и мы любуемся только верхушками грандіозныхъ сооруженій, не видя основъ. Такое отношеніе вполнѣ простительно для публики, если историки, вродѣ Тэна, отлично изучившіе салонные пустяки XVII вѣка, относительно слѣдующей эпохи даютъ превратныя представленія—и въ общихъ, и частныхъ вопросахъ. Достаточно вспомнить блестящую, живописную картину неограниченнаго будто бы распространенія просвѣтительныхъ идей въ высшихъ слояхъ французскаго общества, на самомъ дѣлѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ увлекавшагося философіей и литературой, какъ пикантными новинками, своего рода модными принадлежностями домашняго комфорта, и не пропускавшаго случая строить всевозможныя козни новымъ писателямъ. Это—*общая* фальшивая критика. Въ томъ же духѣ разрѣшаются и частные вопросы. Напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ большую роль игралъ терминъ *гражданинъ—citoyen*. Появленіе его въ общемъ обиходѣ знаменовало крупный поворотъ въ политическомъ настроеніи литературы и публики. Поэтому въ высшей степени важно опредѣлить точный срокъ возникновенія этого термина. Тэнъ дѣлаетъ грубую ошибку, приписывая исключительно Руссо популяризацію понятія и самаго слова *citoyen*, т.-е. пріурочивая энергическій подъемъ оппозиціи къ шестидесятымъ годамъ. На самомъ дѣлѣ понятія *sujet* и *citoyen* противуполагалась другъ другу среди французскаго общества независимо отъ сочиненій Руссо и раньше ихъ выхода въ свѣтъ. Ошибка Тэна произошла оттого, что онъ просто не знаетъ второстепенныхъ литературныхъ явленій эпохи и не изучилъ съ должнымъ вниманіемъ *мемуаровъ* и *корреспонденцій*, относящихся къ XVIII вѣку *).

Если подобныя недоразумѣнія обычны въ изслѣдованіяхъ корифеевъ французской исторической науки, что же говорить о второстепенныхъ авторахъ? До послѣдняго времени они стараются изъ великаго прошлаго извлечь только анекдоты и пикантности, вродѣ, напримѣръ, недавнихъ статей въ *Revue des Deux Mondes* и *Revue historique*. Правда, восемнадцатый вѣкъ богатъ всевозможными интригующими эпизодами, но ими не исчерпывается его содержаніе. Относительно классической эпохи достаточно, можетъ быть, разсказать о lettres de cachet и intrigues galantes, чтобъ удов-

*) Среди многочисленныхъ примѣровъ подобныхъ недоразумѣній Тэна относительно XVIII вѣка одинъ особенно любопытенъ. Историкъ говоритъ въ первомъ томѣ своихъ *Les origines* о нравственномъ и матеріальномъ подъемѣ, который обнаружился среди *буржуазіи* въ эпоху развитія философіи, и ради иллюстраціи ссылается на произведеніе, гдѣ на самомъ дѣлѣ выведенъ не *буржуа*, сознающій свое достоинство, а *родовитый дворянинъ*, пренебрегшій предразсудками и занявшійся торговлей, изображается, слѣдовательно, совершенно другое общественное явленіе. Историкъ, очевидно, не прочелъ внимательно сочиненія, сослался на него по памяти и впалъ въ ошибку, едва вѣроятную для ученаго изслѣдователя. *Les origines de la France contemp*. Paris, 1882. I, p. 408.

летворить любознательности самыхъ строгихъ современныхъ французскихъ читателей. Эпоха, подготовившая новый строй западно-европейскаго общества, должна заключать въ себѣ, несомнѣнно, и другія данныя. Только ихъ не хотятъ знать французскіе историки и крайне рѣдко приходится встрѣчаться съ единичными исключеніями. Ихъ необходимо отмѣчать съ особеннымъ вниманіемъ. Можетъ быть, они—предвѣстія поворота къ лучшему. Но даже независимо и отъ этихъ надеждъ книга о литературѣ и людяхъ XVIII вѣка является элементомъ освѣжающимъ среди современнаго декадентскаго бреда и всевозможныхъ рабскихъ культовъ, вродѣ наполеоновскаго.

Объ одной изъ такихъ книгъ мы и намѣрены сказать нѣсколько словъ.

Любопытно, что она принадлежитъ автору, не съумѣвшему избѣжать современнаго повѣтрія и принесшему свою лепту на алтарь наполеоновской легенды. Antoine Guillois,—у насъ почти совсѣмъ неизвѣстный,—занимался до сихъ поръ преимущественно революціоннымъ періодомъ и издалъ, между прочимъ, книгу: *Napoléon, l'homme, le politique, l'orateur*. Изученіе личности Наполеона и отчасти наполеоновскаго режима не помѣшало автору посвятить весьма тщательное изслѣдованіе личности, далеко не столь знаменитой, какъ первый императоръ, но неизмѣримо болѣе культурной и для своего времени весьма оригинальной: мы говоримъ о г-жѣ Гельвецій. Книга Guillois носитъ названіе *Le salon de madame Helvetius* и только что появилась у Calmann Levy.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какую роль играли салоны въ XVIII вѣкѣ, въ особенности хозяйки салоновъ. Всякому непремѣнно приходятъ на память имена m-me Жоффренъ, m-me Дюдеффанъ, m-lle Лепинасъ и среди этихъ именъ нѣтъ имени m-me Гельвецій. Вы припомните, конечно, Гельвеція, ея мужа, но ни Тэнъ, ни цѣлый рядъ его подражателей ничего не сообщили вамъ о женѣ. Но мало ли чего они вамъ не сообщили!...

Кому, напримѣръ, извѣстно, что изъ всѣхъ хозяекъ парижскихъ салоновъ искреннѣйшимъ другомъ философовъ была та самая m-me Гельвецій, о которой вы ничего не знаете. Развѣ только подругу Даламбера можно поставить съ нею рядомъ. Вообще дамскія философскія увлеченія въ XVIII вѣкѣ—явленіе весьма сомнительное въ культурномъ отношеніи. Дамы, благодаря своей природной впечатлительности и чисто-женской способности увлекаться всѣмъ новымъ, оригинальнымъ, и особенно всѣмъ, что производитъ шумъ, попадали часто и въ XVIII вѣкѣ, какъ и во всякую другую эпоху, въ первые ряды послѣдователей философіи. Но трудно сказать, чего было больше въ этомъ увлеченіи — моднаго лицемѣрія или просто легкомыслія? Пристать къ философской партіи, въ прошломъ вѣкѣ, значило создать себѣ репутацію высокопросвѣщеннаго и передового человѣка. Для дамъ этотъ разсчетъ имѣлъ такое значеніе, что на него указала даже Марія-Антуанета по поводу m-me Жоффренъ. Королевѣ, мало вдумчивой, чуждой всякихъ общихъ интересовъ, на этотъ разъ удалось даже съострить. Когда Вольтеру закрыли доступъ ко двору, ея величес во

замѣтила: «Странно, мы отказываемся принять Вольтера, главу писателей-философовъ, послѣ того какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, благодаря интригамъ секты, мнѣ представили г-жу Жоффренъ, а она всею своею извѣстностью обязана титулу *кормилицы философовъ*».

Такіе собиратели анекдотовъ и закулисныхъ пикантностей, какъ Гонкуры, не преминули разсказать своимъ читателямъ, какъ г-жа Жоффренъ кормила и одѣвала нѣкоторыхъ философовъ, но они или не знали, или тщательно скрыли, что эти услуги философіи со стороны прославленной хозяйки салона уравновѣшивались совершенно другого рода поступками. Она, прежде всего, держала своихъ гостей въ строжайшей дисциплинѣ, пристально слѣдила за ихъ разговорами и немедленно налагала *veto* въ случаѣ слишкомъ, по ея мнѣнію, крайнихъ или опасныхъ заявленій. Наконецъ, г-жа Жоффренъ имѣла несчастіе въ лицѣ своей дочери воспитать жесточайшаго врага философовъ. Эта дочь — m-me de la Ferté-Imbault — открыла свой салонъ, основала спеціальное шутовское общество для вышучиванія энциклопедическихъ собраній. Во время болѣзни матери она разослала философамъ крайне дерзкія письма съ совѣтами больше не являться, и г-жа Жоффренъ весьма благодушно острила по поводу «удаленія невѣрныхъ».

Такова была одна до сихъ поръ на всѣ лады прославляемая «кормилица философовъ».

Г-жа Дюдеффанъ превосходила г-жу Жоффренъ умомъ, оригинальностью, искусствомъ вести бесѣду. Она вела усердную переписку съ Вольтеромъ, не стѣсняла философовъ въ своемъ салонѣ, но, по странному противорѣчію, покровительствовала одновременно пасквильной литературѣ, направленной противъ философовъ и, въ особенности, противъ Вольтера. Г-жа Дюдеффанъ неустанно читала журналъ Фрерона, переполненный клеветами и доносами на энциклопедистовъ, и даже не стѣснялась въ обществѣ восхищаться выходками продажной рептиліи противъ Вольтера. Это фактъ, засвидѣтельствованный такими очевидцами, какъ Даламберъ. И, между тѣмъ, та же г-жа Дюдеффанъ доносила Вольтеру о небывалыхъ козняхъ парижскихъ философовъ противъ него...

Всѣ эти данныя остаются до сихъ поръ почему-то въ тѣни, такъ и въ учебники перешло: салоны XVIII вѣка — важнѣйшіе просвѣтительные центры. Несомнѣнно, въ салонахъ собиралось много достойныхъ людей — это естественно; но вопросъ: кто и зачѣмъ собиралъ этихъ гостей? А, между тѣмъ, стоитъ только разукрасить цвѣтами краснорѣчія дамъ вродѣ двухъ только что названныхъ, и немедленно философія превращается въ салонную болтовню, изумительно комфортабельную, а сами философы—въ паразитовъ и приживалокъ. Такъ именно и выходитъ на основаніи новѣйшихъ сказаній.

Гонкуры, напримѣръ, не могутъ простить философамъ обѣдовъ у г-жи Жоффренъ. Но они не знаютъ или не хотятъ знать, что задушевнѣйшія бесѣды и многолюднѣйшія собранія происходили не у этой блестящей хо-

зяйки великолѣпнаго салона, а у скромной m-lle Леспинассъ, не имѣвшей средствъ предложить гостямъ даже легкой закуски. Философы просиживали у нея по цѣлымъ часамъ и часто уходили кончать бесѣду въ Тюльери, отнюдь не за роскошными яствами. Объ этихъ бесѣдахъ съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ именно Морле, заклейменный Гонкурами, какъ обжора и низкій угодникъ. Сама m-lle Леспинассъ — бывшая компаньонка г-жи Дюдеффанъ, безъ церемоніи прогнанная послѣдней за то, что многіе гости стали предпочитать комнату компаньонки салону госпожи. Удивительная, послѣ этого, заботливость со стороны госпожи именно о философіи!..

Г-жа Гельвецій не блистала среди этихъ *papillons-philosophes,* не производила шума своими философскими вкусами, не поражала энциклопедистовъ остротами и свѣдѣніями по такимъ наукамъ, какъ химія и анатомія; она была, прежде всего, любящая, простая, искренняя жена и мать и безгранично-терпимая и любезная хозяйка.

Какъ извѣстно, книга Гельвеція *О духѣ*, излагавшая теорію эгоизма, встрѣтила всеобщее негодованіе философовъ. Болѣе осторожные, вродѣ знаменитаго Бюффона, прекратили знакомство съ авторомъ, другіе устно и печатно подвергли книгу жесточайшей критикѣ. Друзья перепугались и обратились къ г-жѣ Гельвецій съ просьбой повліять на мужа, заставить его отказаться отъ своихъ идей. Г-жа Гельвецій заявила, что она скорѣе отправится въ ссылку за предѣлы Франціи, чѣмъ рѣшится производить давленіе на совѣсть мужа, хотя, въ довершеніе всѣхъ огорченій, онъ потерялъ придворную должность, лишилъ, слѣдовательно, жену одной изъ завиднѣйшихъ привилегій свѣтской дамы стараго порядка.

Лучшимъ опроверженіемъ книги Гельвеція являлась личная жизнь автора. Никто не раздавалъ такихъ щедрыхъ пенсій совершенно постороннимъ людямъ, никто съ бо́льшимъ участіемъ не относился къ чужому горю, и во всемъ Парижѣ не было болѣе мирной и благородной семьи. Guillois собралъ подробныя свѣдѣнія о частной жизни Гельвеціевъ; эти свѣдѣнія рисуютъ домашній очагъ, можно сказать, безпримѣрный въ высшемъ обществѣ XVIII вѣка. Взаимная любовь и преданность этихъ супруговъ были до такой степени искренни и трогательны, что даже обезоруживали свѣтское злословіе, изощрявшееся съ особеннымъ наслажденіемъ именно надъ семейными добродѣтелями. Гельвецій постоянно сопровождалъ свою жену въ ея посѣщеніяхъ бѣдныхъ поселянъ. Докторъ и сестра милосердія были также неизмѣнными спутниками въ этихъ визитахъ. Картина довольно оригинальная и ярче всего характеризующая гуманную натуру автора страшной матеріалистической книги. Даже Руссо, питавшій жестокую ненависть къ «философамъ», т.-е. кружку энциклопедистовъ, восторженно отзывался о личныхъ качествахъ Гельвеція. Это едва ли не единственное исключеніе, сдѣланное женевскимъ гражданиномъ.

Г-жа Гельвецій, мы видѣли, должна была вынести добрую долю непріятностей, обрушившихся на ея мужа. Но она попрежнему осталась радушнѣйшею хозяйкой салона. Современники прямо говорятъ, что философы,

тѣснимые нетерпимостью m-me Жоффренъ и даже m-me Неккеръ, находили убѣжище у Гельвеціевъ. Здѣсь можно было говорить все, что угодно. Если споръ становился слишкомъ горячимъ, m-me Гельвецій прибѣгала къ очень невинному средству: съ наивностью и свободой красивой женщины, она бросалась въ самую свалку философской борьбы и производила полный безпорядокъ, разрывая нить спора. Никому и на мысль не приходило претендовать на эти уловки. Философскій вѣкъ умѣлъ быть галантнымъ и любезнымъ несравненно больше, чѣмъ герои классической эпохи, нерѣдко устраивавшіе скандальныя сцены и даже драки въ присутствіи своихъ томныхъ богинь. Образцомъ этой галантности и буквально неизсякаемаго остроумія можетъ служить Фонтенелль, близкій другъ Гельвеціевъ, почти уже столѣтній старецъ.

Нѣкоторыя импровизаціи этого удивительнаго кавалера исполнены изящества и тонкой пикантности, столь любимой въ прошломъ вѣкѣ. Ихъ отнюдь не слѣдуетъ забывать историку: онѣ также характеризуютъ эпоху, не слѣдуетъ только видѣть въ нихъ всю ея сущность и все ея содержаніе. Guillois приводитъ нѣсколько изреченій Фонтенелля. Они большею частью извѣстны, но одно обыкновенно не встрѣчается въ сочиненіяхъ о XVIII в.

Разъ Фонтенелль осыпалъ любезностями молодую хозяйку, а пять минутъ спустя онъ прошелъ мимо m-me Гельвецій, даже не взглянувъ на нее. Она обратилась къ нему съ упрекомъ: «Вотъ какъ я должна цѣнить ваши любезности! Вы проходите мимо, даже не взглянувъ на меня». Девяностосемилѣтній философъ не смутился: «Madame,— былъ отвѣтъ,— если бы я взглянулъ на васъ, я уже не прошелъ бы».

По смерти мужа г-жа Гельвецій удалилась изъ роскошнаго парижскаго отеля въ улицѣ св. Анны, но попрежнему оставалась хозяйкой популярнѣйшаго салона, у нея попрежнему собирались «генеральные штаты человѣческаго разума». Г-жѣ Гельвецій суждено было пережить ужасы революціи, террора, но домъ ея неизмѣнно привлекалъ избранный кругъ писателей и политическихъ дѣятелей. Это—рѣдкое исключеніе въ эпоху, спутавшую всѣ отношенія, разбившую множество старыхъ привязанностей и, что особенно важно, измѣнившую воззрѣнія и идеи многихъ дѣятелей философскаго періода. Философы менѣе всего ожидали страшной грозы, всколебавшей всѣ основы стараго общества и государства,—терроръ явился для нихъ совершенно неожиданнымъ ударомъ и вызвалъ вполнѣ естественныя слѣдствія: прежніе свободные мыслители превратились въ горячихъ реакціонеровъ и посылали теперь проклятія на всю просвѣтительную эпоху и ея идеи. Много требовалось нравственнаго мужества, чтобъ изъ одной вр іности не впасть въ другую. Умѣвшіе устоять противъ новыхъ собл зновъ, спасшіе въ себѣ былую вѣру въ прогрессъ и свободу, попр кнему, собирались у г-жи Гельвецій и здѣсь въ дружескихъ бесѣдахъ об егчали свое наболѣвшее горе.

Незадолго до революціи г-жѣ Гельвецій пришлось пережить эпизодъ, до :ихъ поръ мало извѣстный въ литературѣ и подробно разсказанный

нашимъ авторомъ. Мы говоримъ объ отношеніяхъ Веніамина Франклина ко вдовѣ французскаго философа.

Американскій посолъ немедленно по пріѣздѣ въ Парижъ познакомился съ кружкомъ г-жи Гельвецій. По нѣсколько разъ въ недѣлю его видѣли по дорогѣ въ ея отель. Философъ любилъ часто останавливаться по пути, подолгу разговаривая съ дѣтьми и крестьянами. Юморъ и блестящій умъ Франклина скоро очаровали г-жу Гельвецій; онъ вскорѣ сталъ однимъ изъ интимныхъ ея друзей; ему принадлежитъ, между прочимъ, прозвище, стяжавшее обширную популярность: *Notre Dame d'Auteuil;* Auteuil—названіе мѣстности, гдѣ находился домъ г-жи Гельвецій. Дружба превратилась со стороны Франклина въ горячую любовь и онъ предложилъ г-жѣ Гельвецій руку и сердце. Та въ самыхъ сдержанныхъ выраженіяхъ отклонила предложеніе и выразила твердую рѣшимость оставаться одинокой въ память мужа. Франклинъ прислалъ письмо, остроумно-шутливое и, въ то же время, исполненное грусти, прекрасно характеризующее одного изъ симпатичнѣйшихъ мыслителей и людей прошлаго вѣка. Письмо это почти неизвѣстно. Мы приведемъ изъ него нѣкоторые отрывки.

«Опечаленный вашею столь твердою рѣшимостью оставаться одинокой на всю жизнь въ честь вашего дорогого мужа, я удалился къ себѣ, упалъ въ постель и, какъ мертвецъ, очутился въ Елисейскихъ поляхъ.

«Меня спросили, не желаю ли я видѣть кого-нибудь. Ведите меня къ философамъ. «Здѣсь двое живутъ, недалеко, въ этомъ же саду. Они добрые сосѣди и большіе друзья».— Кто же это?—«Сократъ и Гельвецій».— Я глубоко ихъ уважаю обоихъ, но покажите мнѣ сначала Гельвеція, потому что я кое-какъ понимаю по-французски и ни слова по-гречески». Гельвецій принялъ Франклина очень вѣжливо, спросилъ его о разныхъ дѣлахъ во Франціи, Франклинъ удовлетворилъ его, но изумился, почему онъ ничего не спрашиваетъ о своей женѣ:

«— Ахъ! — воскликнулъ философъ, — вы заставляете меня вспомнить о моемъ прошломъ счастьи, но о немъ приходится забыть, чтобы быть счастливымъ здѣсь. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я только и думалъ о ней. Наконецъ, я утѣшился, женился на другой, до такой степени похожей на мою первую жену, какъ только можно вообразить. Правда, она не столь красива, но она такъ же умна, остроумна и любитъ меня безгранично. Ея непрестанная забота нравиться мнѣ. Она въ настоящую минуту ушла, чтобы приготовить для меня на сегодняшній вечеръ лучшаго нектара,— останьтесь, и вы ее увидите.

«Франклинъ отвѣчалъ:

«— Я вижу, что ваша прежняя подруга вѣрнѣе васъ. Ей представлялось нѣсколько хорошихъ партій и она всѣ ихъ отвергла. Я вамъ сознаюсь, что я самъ полюбилъ ее безумно, но она осталась непреклонной и рѣшительно отвергла меня изъ-за любви къ вамъ.

«— Мнѣ жаль васъ,—отвѣчалъ Гельвецій,—потому что она дѣйствительно прекрасная жена».

Дальше Гельвецій спрашиваетъ у Франклина о своихъ друзьяхъ и узнаетъ, что они всѣ остались вѣрны его супругѣ. Тогда Гельвецій совѣтуетъ Франклину обратиться за помощью къ кому-нибудь изъ нихъ, напримѣръ, аббата Морле угостить кофеемъ со сливками и попросить этого тонкаго и ловкаго говоруна замолвить словечко г-жѣ Гельвецій, а аббату Ларошу подарить какое-нибудь классическое сочиненіе въ рѣдкомъ изданіи и попросить его уже не ходатайствовать за бракъ, а, напротивъ, возставать противъ него. «Потому что,—поясняетъ Гельвецій,—моя жена всегда чувствовала склонность поступать какъ разъ вопреки его совѣтамъ».

Въ этотъ моментъ вошла новая г-жа Гельвецій и Франклинъ узналъ въ ней свою покойную жену и обратился къ ней съ упреками. Та холодно отвѣтила:

«— Я была вамъ доброю супругой въ теченіе 49 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ,—почти полвѣка. Будьте же этимъ довольны. Здѣсь я вступила въ новый союзъ, который останется вѣчнымъ».

«— Я,—продолжаетъ Франклинъ,—недовольный отказомъ своей Эвридики, рѣшилъ немедленно оставить царство неблагодарныхъ тѣней и возвратиться въ этотъ міръ, чтобы вновь узрѣть солнце и васъ. И вотъ я здѣсь. Отомстимъ за себя».

Но г-жа Гельвецій осталась непреклонной. Это не нарушило дружескихъ отношеній между ею и Франклиномъ. Онъ ввелъ въ ея салонъ другихъ американскихъ дипломатовъ, и всѣ они сохранили о ней лучшія воспоминанія. Джефферсонъ говорилъ: «У всякаго человѣка два отечества — его собственное и Франція».

У Guillois много страницъ посвящено друзьямъ г-жи Гельвецій,—Шамфору, Ларошу и, особенно, Кабанису, не пропущенъ и Бонапартъ, сначала близко сошедшійся съ идеологами и потомъ отплатившій имъ чисто-карѳагенскою отплатой. Мы остановимся на фактахъ, касающихся болѣе благородныхъ личностей, и приведемъ факты наименѣе извѣстные или совсѣмъ пропущенные исторической литературой.

Революція захватила въ своемъ полетѣ и кружокъ г-жи Гельвецій, тѣмъ болѣе, что именно здѣсь, благодаря гостепріимству и терпимости хозяйки, собирались наиболѣе пламенные ораторы. Въ первый періодъ революціи образовалось три центра этихъ собраній: по утрамъ—у Мирабо, днемъ—въ залѣ національнаго собранія, вечеромъ—въ салонѣ г-жи Гельвецій.

Великій ораторъ былъ однимъ изъ близкихъ ея друзей. Кабанисъ, котораго она любила, какъ сына, не покидалъ Мирабо. Въ книгѣ подробно разсказаны предсмертные часы трибуна. Кабанисъ находился при немъ неотступно, въ качествѣ друга и врача; ему Мирабо завѣщалъ часть своихъ бумагъ, касавшихся вопросовъ законодательства и литературы. Многія рѣчи Мирабо и его доклады въ національномъ собраніи были составлены общими силами друзей г-жи Гельвецій, причемъ разные вопросы постепенно были распредѣлены между разными лицами,— оригинальный фактъ сотрудниче-

ства на такомъ горячемъ, лихорадочномъ политическомъ поприщѣ, какое прошелъ Мирабо.

Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ выносилъ на своихъ плечахъ буквально сверхчеловѣческую работу и при этомъ не забывалъ пользоваться жизнью со всею бѣшеною страстностью своего темперамента. Смерть подкралась незамѣтно. Въ воскресенье 27 марта 1791 года «левъ» внезапно почувствовалъ себя наканунѣ конца. Хотѣли послать за Кабанисомъ, но Мирабо воспротивился: «Воскресенье,—замѣтилъ онъ,—единственный день, въ который Кабанисъ можетъ посвятить нѣсколько часовъ подрядъ своимъ друзьямъ въ Отэйлѣ. Это для него драгоцѣнное удовольствіе, и я безусловно не хочу, чтобъ его безпокоили». На слѣдующій день Кабанисъ явился и принялся дѣятельно ухаживать за умирающимъ. Г-жѣ Гельвецій онъ не рѣшился объявить о состояніи больного, боясь испугать ее. Усилія Кабаниса не приносили пользы и день спустя Мирабо обратился къ нему съ словами: «Ты—великій врачъ, но есть больше тебя: это Создатель вѣтра, все ниспровергающаго, воды, всюду проникающей и несущей плодотворную силу, огня, все оживляющаго и разлагающаго».

Смерть быстро приближалась. 30 марта въ комнатѣ больного открыли окно, потянуло теплымъ весеннимъ воздухомъ. Мирабо произнесъ: «Воздухъ и солнце нужны затѣмъ, чтобъ жить, но, кромѣ того, нужны друзья, чтобы любить жизнь». Кабанисъ въ это время стоялъ у ногъ Мирабо, и нѣжный взглядъ послѣдняго краснорѣчиво дополнилъ слова.

Агонія наступила и длилась необыкновенно долго. Умирающій испытывалъ страшныя муки, умолялъ Кабаниса дать ему опіума, и когда тотъ отказалъ, воскликнулъ: «Развѣ можно допускать друга умирать подъ колесомъ, можетъ быть, въ теченіе цѣлыхъ дней?» Мирабо въ полной памяти сдѣлалъ свое завѣщаніе. Его послѣднія слова къ друзьямъ свидѣтельствуютъ о глубоко любящемъ сердцѣ, которое врядъ ли кто могъ подозрѣвать, зная біографію Мирабо, его богатую приключеніями бурную жизнь и еще болѣе бурную политическую дѣятельность. Мирабо умиралъ, преслѣдуемый подозрѣніемъ—въ сношеніяхъ съ дворомъ, въ интригахъ противъ націи. До сихъ поръ этотъ вопросъ не получилъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Сношенія съ дворомъ — внѣ сомнѣнія, но врядъ ли Мирабо, съ его геніальнымъ талантомъ и почти неограниченнымъ авторитетомъ, представлялась нужда прислуживаться двору. Вѣрнѣе всего, сношенія были вызваны быстро надвигавшеюся революціонною анархіей. Ее Мирабо предвидѣлъ раньше всѣхъ,—раньше министровъ и раньше ораторовъ національнаго собранія,—и пытался предотвратить примирительною политикой. Именно въ такомъ смыслѣ писалъ Кабанисъ десять лѣтъ спустя послѣ смерти Мирабо: «Онъ умеръ безупречнымъ предъ отечествомъ и дружбой. Его сношенія съ дворомъ имѣли единственную цѣль—подготовить торжество свободѣ, которую онъ только и любилъ...»

Вскорѣ послѣ Мирабо г-жѣ Гельвецій пришлось потерять еще одного близкаго друга—Кондорсе. Авторъ относительно катастрофы съ этимъ фи-

лософомъ даетъ также немало любопытныхъ свѣдѣній. Они являются весьма кстати въ виду многихъ до сихъ поръ неразъясненныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ гибель одного изъ блестящихъ представителей философіи, хотя въ нынѣшнемъ году минулъ уже цѣлый вѣкъ со дня этой гибели.

Въ домѣ Кондорсе собирались писатели и политики всѣхъ странъ, здѣсь можно было встрѣтить Томаса Пэна, Мэккинтоша. Но хозяинъ превосходилъ всѣхъ своихъ гостей энтузіазмомъ, страстностью въ спорѣ и готовностью слѣдовать извѣстной идеѣ до самыхъ крайнихъ логическихъ слѣдствій. Даламберъ говорилъ о Кондорсе: «это—вулканъ, покрытый снѣгомъ», другіе называли его—«mouton enragé». И врядъ ли кто превосходилъ Кондорсе восторженною вѣрой въ прогрессъ человѣчества и, въ то же время, врядъ ли кого судьба наказала болѣе горькимъ испытаніемъ именно за эту вѣру.

Супруги Кондорсе, принадлежавшіе къ высшей аристократіи по рожденію, всю жизнь приносили жертвы философскимъ идеямъ, отказываясь отъ великосвѣтскихъ знакомствъ, видя, какъ передъ ними закрываются двери одного салона за другимъ, и прежде всего г-жа Кондорсе потеряла право являться ко двору,—судьба, сходная съ положеніемъ г-жи Гельвецій. Но супругѣ Кондорсе предстояли несравненно болѣе чувствительныя испытанія.

Въ іюлѣ 1793 г. Кондорсе былъ объявленъ внѣ закона за обращеніе къ французамъ по поводу проекта новой конституціи. Съ этого дня философу приходится жить подъ вѣчнымъ страхомъ смерти. Онъ скрывается сначала у г-жи Гельвецій, потомъ у нѣкоторыхъ оффиціальныхъ лицъ. Но терроръ имѣлъ тысячи глазъ, и друзья г-жъ Гельвецій и Кондорсе гибли одинъ за другимъ подъ гильотиной. Кондорсе, наконецъ, нашелъ убѣжище у m-me Vernet, вдовы знаменитаго въ свое время скульптора.

Въ ея домѣ жилъ ея двоюродный братъ Sarret, и онъ именно разсказалъ о жизни Кондорсе въ послѣдніе мѣсяцы передъ смертью.

Это было время тоски и скорби. Единственное утѣшеніе Кондорсе находилъ въ работѣ. Онъ, конечно, безъ подписи, послалъ нѣсколько записокъ въ комитетъ общественной безопасности, принимался писать свою апологію, составлялъ даже учебникъ по ариѳметикѣ, пока, наконецъ, по совѣту жены не остановился на гораздо болѣе важномъ и до сихъ поръ въ высшей степени интересномъ трактатѣ *Tableau historique des progrès de l'esprit humain*. Сочиненіе осталось неоконченнымъ: смерть прервала работу. Но и написанныя страницы свидѣтельствуютъ, какою изумительною нравственною энергіей, какою вѣрой въ будущее человѣчества долженъ былъ обладать человѣкъ, наканунѣ казни рисующій безграничныя перспективы прогресса.

Но самымъ трогательнымъ памятникомъ этихъ печальныхъ дней осталось завѣщаніе Кондорсе дочери—*Avis d'un proscrit*. Оно начинается слѣдующими строками:

Дитя мое, если мои ласки, мои заботы могли иногда утѣшать тебя въ

годы твоего ранняго дѣтства, если твое сердце сохранило объ этомъ воспоминаніе, прими съ прежнимъ довѣріемъ мои совѣты, продиктованные нѣжною любовью и желаніемъ тебѣ счастья».

Дальше отецъ убѣждаетъ дочь постоянно работать, хранить свое сердце отъ эгоистическихъ, узко-личныхъ стремленій, пріучать себя къ дѣламъ милосердія. Это цѣлый кодексъ гуманности и благородства, лучшихъ чувствъ и желаній, какія только могъ питать истинный сынъ просвѣтительной эпохи.

Иногда страхъ за участь жены и дочери, болѣзненно-нѣжная любовь къ нимъ выливалась въ стихахъ. Кондорсе обращался къ женѣ:

Crois tu que notre enfant puisse encore retenir,
De son père proscrit un faible souvenir?
Que son coeur de mes traits ait gardé quelque image?
Dis lui que je l'aimais...

Въ другой разъ онъ, припоминая свое прошлое, сравнивалъ его съ переживаемою неволей:

Ils m'ont dit: choisis, d'être oppresseur ou victime.
J'embrassai le malheur et leur loissai le crime.
. . . .
J'ai servi mon pays, j'ai possedé ton coeur,
Je n'aurai point vécu sans goûter le bonheur.

Въ такія минуты онъ смѣло глядѣлъ въ глаза грядущей смерти. Г-жа Кондорсе навѣщала мужа и эти посѣщенія должны были еще выше поднимать бодрость узника. Она рѣшила остаться въ Парижѣ, не имѣя никакихъ средствъ. Въ эту эпоху женщины умѣли быть вѣрными женами и подругами. Г-жѣ Роланъ казалось «чудовищнымъ»—быть женой и не обладать мужествомъ. Г-жа Кондорсе могла бы повторить то же самое. На ея рукахъ оставалась трехлѣтняя дочь и больная сестра. Приходилось кормиться трудомъ. Немедленно былъ открытъ небольшой магазинъ бѣлья на улицѣ S. Honoré по странной случайности рядомъ съ домомъ Робеспьерра, былъ взятъ прикащикъ, сама хозяйка принялась за рисованіе. Г-жѣ Кондорсе нерѣдко приходилось писать портреты съ тюремщиковъ, съ солдатъ, чтобы заручиться ихъ благосклонностью.

Большимъ горемъ было для г-жи Кондорсе ежедневныя путешествія въ Парижъ и изъ Парижа. Ей, какъ женѣ человѣка, объявленнаго внѣ закона, нельзя было ночевать въ столицѣ, и вотъ каждое утро, одѣтая въ крестьянское платье, она приходитъ въ Парижъ, остается здѣсь работать нѣсколько часовъ и снова уходитъ въ Отэйль. Иногда судьба особенно благопріятствуетъ: г-жа Кондорсе получаетъ тайное извѣстіе, что ей можно повидаться съ мужемъ. Тогда она идетъ къ нему, утѣшаетъ его, ухаживаетъ за нимъ. Ей приходилось нерѣдко вмѣшиваться въ толпу, постоянно бѣгавшую за гильотиной, идти до самой площади Революціи, ежеминутно дрожа быть узнанной.

Однажды всѣ предосторожности оказались тщетными. Г-жу Кондорсе едва не отправили въ тюрьму: пришлось срисовать по портрету съ каждаго члена комитета.

Исторія не должна забыть также и самоотверженія г-жи Верне, пріютившей Кондорсе. Онъ узналъ, что у нея готовится обыскъ, и немедленно рѣшилъ оставить свое убѣжище. Г-жа Верне стала его удерживать. «Но, вѣдь, вы внѣ закона,—сказалъ Кондорсе,—потому что укрываете меня».— «Да, но не внѣ человѣчности»,—отвѣтила она.

Кондорсе ушелъ, бродилъ два дня по Парижу, причемъ нѣкоторые прежніе друзья сочли нужнымъ запереть передъ нимъ двери, былъ, наконецъ, арестованъ 27 марта, а на слѣдующій день въ четыре часа вечера его нашли мертвымъ. Докторъ объявилъ, что онъ умеръ отъ удара (28 марта 1794 г.).

Но вопросъ о смерти Кондорсе этимъ не разрѣшался. Много и долго объ этомъ спорили, хотя отвѣтъ, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. Кабанисъ открыто заявилъ, что онъ задолго еще до ареста Кондорсе далъ ему яду. Изъ другого источника, хранящагося въ архивѣ французской академіи, извѣстно, что Кабанисъ въ 1793 году роздалъ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ такъ называемый «хлѣбъ братьевъ». т.-е. опіумъ, приготовленный со страмоніемъ. Въ числѣ получившихъ этотъ хлѣбъ былъ и Бонапартъ, посѣщавшій домъ г-жи Гельвецій. Извѣстно, что Наполеонъ никогда не разставался съ ядомъ, мѣнялъ только одинъ сортъ на другой.

Кондорсе не долго пришлось ждать посмертной славы. Тотъ самый конвентъ, который рѣшилъ перенести прахъ Руссо и Вольтера въ Пантеонъ *), постановилъ напечатать 3,000 экземпляровъ книги *Tableu des progrés de l'esprit humain* и раздать ихъ по всей странѣ.

Мы ограничимся этими замѣчаніями о книгѣ Guillois. Они не исчерпываютъ всего ея содержанія. Авторъ охватываетъ весь періодъ имперіи. Но въ этой части сочиненія мало новаго, до сихъ поръ не успѣвшаго проникнуть въ общедоступную историческую литературу. А относительно Бонапарта свѣдѣнія автора можно было бы даже дополнить многими дан-

---

*) Въ послѣднее время, по поводу похоронъ президента Карно, писалось, что прахъ его будетъ покоиться рядомъ съ прахомъ двухъ великихъ философовъ XVIII-го вѣка. На самомъ дѣлѣ въ Пантеонѣ находятся только пустые гроба, обозначающіе мѣста погребенія Вольтера и Руссо, кости же ихъ были вывезены изъ Пантеона еще при реставраціи и ночью выброшены на одинъ изъ парижскихъ пустырей. Есть даже точное указаніе, когда это произошло,—именно въ одну изъ майскихъ ночей 1814 года. Фактъ долго оставался подъ сомнѣніемъ, неоднократно дебатировался въ печати и въ политическихъ собраніяхъ, пока, наконецъ, при Наполеонѣ III окончательно не было выяснено, что гробъ Вольтера въ Пантеонѣ совершенно пустъ,—выяснено путемъ тщательнаго осмотра саркофага. Одновременно было удостовѣрено, что такая же судьба постигла и прахъ Руссо. Фактъ этотъ до сихъ поръ почему-то остается какъ будто въ тайнѣ,—по крайней мѣрѣ, намъ не приходилось встрѣчать даже намека на него

ными, выплывшими на свѣтъ благодаря «наполеоновской легендѣ». Но для насъ и, думается, вообще для современныхъ читателей важнѣйшая и интереснѣйшая часть книги, несомнѣнно, та, гдѣ трактуются люди и событія философской эпохи. Здѣсь не мало сообщеній, добытыхъ авторомъ изъ архивовъ. Но даже и старое и общеизвѣстное о XVIII-мъ вѣкѣ всегда не лишнее повторить и вспомнить. Рѣдко можно встрѣтить въ исторіи такое гармоническое соединеніе убѣжденной мысли, гуманнаго чувства и свѣтлой вѣры въ будущее человѣчества. Все это — достояніе прошлаго, а для насъ—въ полномъ смыслѣ «забытыя слова».

Z.

Изъ литературныхъ наблюденій.

25 сентября нынѣшняго года исполнилось тридцать лѣтъ со дня кончины даровитаго, но мало извѣстнаго критика Аполлона Александровича Григорьева. Газеты посвятили памяти этого писателя сочувственныя статьи, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлались попытки выяснить значеніе Григорьева и причину его непопулярности. Въ этомъ отношеніи интересна живо и толково написанная статейка въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* *). Газета полагаетъ, что публика мало интересовалась дѣятельностью *творца органической критики*, «потому что была увлечена *Современникомъ* и его публицистами, потому что Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ текущихъ общественныхъ интересовъ во время почти поголовнаго увлеченія злобою дня». Въ этомъ лежитъ значительная доля правды, но самъ же *Правительственный Вѣстникъ* дополняетъ свое объясненіе: другая причина малаго интереса, въ обширныхъ кругахъ читателей, къ статьямъ несомнѣнно ученаго, искренняго и талантливаго критика заключается въ туманности его изложенія, въ запутанности мысли, въ крайней безпорядочности статей. *Правительственный Вѣстникъ* называетъ *слишкомъ широкимъ размахомъ* у Григорьева то, что онъ, напримѣръ, взявшись писать о значеніи комедій Островскаго, дошелъ только до лѣтописи Нестора и до Посошкова.

Газета полагаетъ, что «Апполонъ Александровичъ Григорьевъ отгадалъ внутреннюю силу развитія нашей литературы и смыслъ ея движенія, отгадалъ, что въ Пушкинѣ проявилось наше типовое, народное, и съ тѣхъ поръ ростетъ и выясняется. Разрѣшеніе этой глубокой и важной задачи составляетъ несомнѣнную заслугу Аполлона Александровича Григорьева въ исторіи русской литературы, русской критики и русскаго общественнаго сознанія».

...кой взглядъ ясенъ и понятенъ. Мы не раздѣляемъ его потому, между про...мъ, что не можемъ признать вѣрнымъ утвержденіе Григорьева, будто сми...енный *типъ* (Бѣлкина въ повѣстяхъ Пушкина) есть простѣйшая

---

*) *Правительственный Вѣстникъ*, № 209.

форма нашего народнаго типа, будто этимъ типомъ красна Русская земля... Но, повторяемъ, такое отношеніе къ Григорьеву и ясно, и основывается на правильномъ пониманіи его взглядовъ. А вотъ *Московскихъ Вѣдомостей* мы не понимаемъ: съ чего это они вообразили, что Григорьевъ ихъ единомышленникъ? Среди разныхъ заносчивыхъ причитаній этой газеты по поводу тридцатилѣтней годовщины со дня кончины Григорьева мы читаемъ, что Григорьевъ—основоположникъ русской литературной критики, что съ нимъ связано и будетъ связано все живое, что появится въ этой области, что «центръ всей дѣятельности Григорьева и главнѣйшая его заслуга заключаются въ объясненіи Пушкина», и т. д., и т. д.

Да позвольте, однако, господа; кто вы такіе? *Моск. Вѣд.* несутъ знамя, развернутое Катковымъ, а Григорьевъ былъ не единомышленникомъ знаменитаго публициста, а врагомъ его, и о *Русскомъ Вѣстникѣ* отзывался въ такихъ выраженіяхъ, что ихъ нельзя напечатать. Вы, господа критики *Моск. Вѣд.*, утверждаете, что *центръ* дѣятельности Григорьева, его главная заслуга лежитъ въ глубокомъ и вѣрномъ, по вашему мнѣнію, объясненіи Пушкина, а извѣстно ли вамъ (конечно, извѣстно но безразлично ли?), что Катковъ въ этомъ *центрѣ* рѣшительно расходился съ Григорьевымъ? Великій поэтъ,—писалъ Катковъ о Пушкинѣ,—не былъ виновникомъ эпохи въ развитіи нашего народнаго сознанія. Пушкинъ,—говорилъ Катковъ далѣе,—былъ по преимуществу поэтъ лирическій, *поэтъ мгновенія*, и т. п.

Моск Вѣд. весьма одобряютъ Григорьева за любовь къ литературѣ и за искренность. Восхвалять писателя за искренность, разумѣется, похвально; но всего лучше это дѣлать искреннимъ людямъ, а вотъ въ искренности-то *Моск. Вѣд.* сомнѣваться и позволительно Кстати: мнѣ недавно указали на грубую выходку противъ *Русской Мысли* того же критика *Моск. Вѣд.*, учиненную нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ (я не имѣю ни времени, ни охоты читать всѣ номера *Моск. Вѣд.*): журналу было брошено обвиненіе въ томъ, что онъ проводитъ опредѣленные взгляды *ради наживы*. У искренняго писателя, у добросовѣстнаго литератора, не хватило бы духу сказать про своихъ литературныхъ противниковъ такую мерзость.

Если бы *Моск. Вѣд.* въ самомъ дѣлѣ почитали Григорьева, то непремѣнно научились бы у него уважать чужое убѣжденіе, и тогда съ ними была бы возможна серьезная полемика, полезная для читателей и для обѣихъ спорящихъ сторонъ. А до наступленія этого маловѣроятнаго момента поговоримъ о другомъ.

Недавно вышла книга (мы дали уже о ней рецензію), написанная бойко, занимательно, съ знаніемъ дѣла и трактующая о вопросахъ очень важныхъ. Я имѣю въ виду *Критическія замѣтки къ (?) вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи* г. Струве. Если не ошибаюсь, авторъ выступалъ раньше только немногими статьями въ *Вѣстникѣ Европы*. Онъ — сторонникъ теоріи экономическаго матеріализма, противъ которой многое ит-

но выступала *Русская Мысль*, и,—надо отдать ему справедливость,—онъ смѣлѣе и послѣдовательнѣе большинства своихъ единомышленниковъ: дѣлать нечего, по его мнѣнію, надо поскорѣе обезземеливать крестьянъ и идти на выучку къ капитализму.

Если въ основу соціологическихъ объясненій взять только экономическій базисъ, если отрицать вліяніе идей и ростущаго въ исторіи самосознанія личности и цѣлаго общества, то такой выводъ можно признать и правильнымъ.

Для сторонниковъ этой теоріи религія, философія, политическія учрежденія—только надстройки надъ экономическими отношеніями, этими отношеніями и опредѣляемыя. Лютеръ, напримѣръ, усомнился въ одной изъ такихъ надстроекъ въ римско-католической церкви по экономическимъ основаніямъ, и вся исторія реформаціи есть только послѣдствіе экономической эволюціи. Мученики за идеи, очевидно, находились въ прискорбномъ заблужденіи: они или безсознательно служили переходу изъ одного хозяйственнаго строя въ другой, или пропадали даромъ, безъ всякой пользы для своего народа, для всего человѣчества. Въ роковомъ процессѣ видоизмѣненія формъ производства смерть какого-нибудь Джіордано Бруно не имѣетъ никакого смысла.

Когда подумаешь, что изъ-за разныхъ *надстроекъ* страдали и боролись лучшіе люди, что въ эти *надстройки* вложили свои силы, свое сердце геніальнѣйшіе мыслители, художники и общественные дѣятели,—въ странное положеніе становишься по отношенію къ соціологамъ-марксистамъ: чѣмъ же красна жизнь, что же придаетъ человѣческій смыслъ борьбѣ за существованіе, какъ не эти *надстройки?*

Поищемъ, однако, у самого г. Струве счастливыхъ противорѣчій. Государство—надстройка; но *огромное значеніе* въ процессѣ развитія денежнаго хозяйства принадлежитъ этой надстройкѣ, *экономическому фактору первостепенной важности—государству*. Вотъ это хорошо: дѣйствительно, странно было бы не признать, что въ исторической жизни, какъ и повсюду, *результатъ* (если бы даже государство было результатомъ только экономическихъ отношеній, формъ производства) становится *причиною* дальнѣйшихъ измѣненій въ общественномъ складѣ, можетъ замедлять, ускорять или преобразовывать экономическую эволюцію.

Для г. Струве, какъ для соціолога, личность ничего не значитъ; даже «кучка идеалистовъ, мечтающихъ о сохраненіи *устоевъ*,—говоритъ онъ,—есть въ *соціологическомъ* отношеніи quantité négligeable». Авторъ сейчасъ же прибавляетъ, въ примѣчаніи, что вполнѣ признаетъ и интеллектуальную мощь, и великое этическое значеніе этой *кучки идеалистовъ*... если она примкнетъ къ стихійному историческому процессу. Странная, въ такомъ случаѣ, мощь, и удивительное этическое значеніе! До сихъ поръ было (и, конечно, такъ и будетъ), что нравственная сила и красота измѣрялись тѣмъ противодѣйствіемъ, которое приходилось преодолѣвать, а интеллектуальная мощь выводила человѣка и общество изъ стихійнаго процесса. Те-

перь ихъ хотятъ впречь въ колесницу неизбѣжнаго процесса развитія формъ производства и обмѣна. Конечно, для соціолога отдѣльный человѣкъ ничего не значитъ; но для него важенъ и неизбѣженъ вопросъ о большемъ или меньшемъ вліяніи выдающейся личности, объ отношеніи массы среднихъ людей къ человѣку геніальному. Статистикъ можетъ и долженъ высчитывать, что на тысячу рожденій приходится, напримѣръ, сто двѣ съ половиною смерти; но не слѣдуетъ забывать, что эта *половина* на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Человѣкъ—не стереотипное изданіе одного и того же *продукта среды*, его дѣйствительныя стремленія, его мысли, чувства не замкнуты въ кругѣ экономическихъ отношеній, не ими только опредѣляются, а, наоборотъ, часто на нихъ вліяютъ. Производство и распредѣленіе могутъ быть одинаковы въ свободной общинѣ и въ католическомъ монастырѣ; но, вѣдь, это—два разныхъ міра, даже два враждебныхъ лагеря.

Г. Струве приводитъ слова Риля, который говоритъ, что «міръ и жизнь не могутъ цѣликомъ войти въ науку. Наслѣдственный грѣхъ метафизики всѣхъ временъ состоялъ въ томъ, что она принимала безусловное уравненіе между наукою и жизнью, что для нея всякое бытіе было вполнѣ познаннымъ бытіемъ,—словомъ, что она считала систему за міръ. Кромѣ царства науки, есть царство нравственнаго дѣянія и царство художественнаго творчества. Ни одно изъ этихъ царствъ не должно вторгаться во внутреннія дѣла другого и нарушать ихъ ходъ, потому что каждое изъ нихъ представляетъ особую сторону реальнаго міра».

«Это вѣрно,—глубокомысленно замѣчаетъ г. Струве,—но горе тому нравственному дѣянію, которое игнорируетъ результаты работы объективной мысли!» Какъ же это такъ: наука (объективная мысль) и нравственное дѣяніе не зависятъ другъ отъ друга, это признается *вѣрнымъ*; но если *нравственное дѣяніе* согласится съ г. Струве, то ему будетъ *горе*. Кромѣ того, не о пренебреженіи объективною мыслью идетъ рѣчь, а именно о томъ, что нравственные идеалы и художественное творчество не надстройки, но *особыя стороны реальнаго міра*.

Конечно, существуютъ законы историческаго развитія человѣчества; но покуда они еще не дознаны, мы имѣемъ дѣло лишь съ болѣе или менѣе правдоподобными гипотезами, въ лучшемъ случаѣ—съ эмпирическими законами. Законы физической природы извѣстны намъ поточнѣе,—во всякомъ случаѣ, и мы можемъ поэтому заставить силы природы служить нашимъ цѣлямъ, не природою поставленнымъ. Можно, конечно, утверждать, что эти цѣли—надстройки, что такая надстройка надъ зоологическими основами и желѣзныя дороги, *паровой транспортъ* вообще (ему г. Струве придаетъ рѣшающее значеніе въ новой фазѣ экономической эволюціи) и т. п.; но будетъ ли это имѣть серьезный смыслъ, подвинетъ ли это насъ въ *соціологическомъ отношеніи?* Согласится ли г. Струве, что экономическія отношенія, формы производства и т. д.—надстройка надъ біологическими отношеніями, а тѣ надъ химическими, физическими, механическими? Не с ш-

комъ ли ужь много надстроекъ выйдетъ? Если какая-нибудь надстройка провалится,—не разрушитъ ли она своего основанія?

Вопросъ о личности имѣетъ особенное значеніе именно у насъ: на Западѣ личность развилась уже давно, развивалась иногда чрезмѣрно, тогда какъ мы страдаемъ безличностью, изобиліемъ Бѣлкиныхъ, смиреннаго типа. Намъ и такъ проповѣдуютъ *недѣланіе*, а тутъ еще подоспѣваетъ предложеніе ускорить развитіе пролетаріата, во имя объективной мысли, пойти на выучку къ капитализму, какъ будто мы неспособны повиноваться справедливости, любить ее, стремиться къ ней...

Я упомянулъ о *недѣланіи*: это, конечно, «идея» графа Л. Н. Толстого, извѣстная читателямъ. Она вызвала интересную отповѣдь г. Кожевникова, о которой слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ *).

Книжка вышла вторымъ изданіемъ,—стало быть, читается. Авторъ занимается исправленіемъ взглядовъ на трудъ, на науку, на жизнь, высказанныхъ Золя, Дюма и графомъ Л. Н. Толстымъ; публика, оказывается, такими исправленіями интересуется. Долженъ сознаться, я не понимаю этой публики, правильнѣе говоря, я понимаю того читателя книжки г. Кожевникова, который писалъ ему, послѣ перваго изданія *Недѣланія*, что слѣдовало бы подробнѣе опредѣлить задачи *общаго дѣла* и средствъ къ его выполненію. Безъ исполненія этого требованія благожелательныя и расплывчатыя размышленія г. Кожевникова врядъ ли могутъ кого-либо и на что-либо направить.

«Надо знать, надо вѣрить, надо трудиться, надо надѣяться и, прежде всего, больше всего, надо любить»,—возвѣщаетъ г. Кожевниковъ. Что можетъ быть банальнѣе и, въ то же время, неопредѣленнѣе этихъ любезныхъ предложеній? Есть вещи, которыя каждый можетъ заставить себя дѣлать: заниматься наукою, трудиться инымъ путемъ. Но какой смыслъ патетически говорить невѣрующему: вѣрь! потерявшему любовь: люби! Рѣшительно никакого. И вѣра, и надежда, и любовь не возникаютъ и не пропадаютъ въ душѣ человѣка по предписанію какого бы то ни было внѣшняго авторитета. Они, прежде всего, наши психологическія состоянія, и измученный, изстрадавшійся человѣкъ даже не оцѣнитъ, быть можетъ, и вовсе не замѣтитъ силы, стройности, горячности тѣхъ доказательствъ, которыми его призываютъ на добрый трудъ, на *общее дѣло*. Многимъ, конечно, приходилось слушать такія просьбы: что мнѣ дѣлать, чему бы я могъ (или могла) отдаться душой, въ чемъ можно бы найти душевное умиротвореніе, смыслъ жизни? Въ большинствѣ случаевъ, спрашивающіе—л[illegible] и духовно надломленные или въ психическомъ отношеніи пустоцвѣты. П[illegible]линный *искатель правды* между ними рѣдокъ, а самолюбивыхъ лѣнт[illegible]въ не мало. Это бываетъ иногда видоизмѣненіемъ, въ плохую сторону, н[illegible]расовскаго героя, который

Книги читаетъ да по свѣту рыщетъ—
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,

---

*) *Безцѣльный трудъ. „Недѣланіе“ или дѣло?* М., 1894 г., 2 изданіе.

Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,
Благо идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала да разумъ развитой.

Теперь эта программа упрощена: книжекъ читаютъ мало, а то и вовсе не читаютъ, исканіе же исполинскаго дѣла замѣняется *недѣланіемъ*.

Кто тутъ виноватъ? Многіе и многое, едва ли не больше всего воспитаніе, которое не только не развиваетъ, а угнетаетъ бодрую, пытливую мысль, не только не поддерживаетъ любви къ осмысленному, болѣе или менѣе самостоятельному труду, а вгоняетъ ребенка и потомъ юношу въ автоматическія колодки, возбуждаетъ отвращеніе къ тѣмъ предметамъ, которыми заставляютъ заниматься въ школѣ и, поневолѣ, въ семьѣ.

Вялость мысли и сантиментальное томленіе о томъ, въ чемъ счастье, составляютъ, дѣйствительно, очень распространенное явленіе; но не ими, конечно, будетъ твориться новое и лучшее движеніе русскаго общества. Муки сомнѣнія, горькія разочарованія были извѣстны многимъ людямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ; но такіе люди или гордо молчали, или доходили до крайнихъ предѣловъ отчаянія, а не ныли и не причитывали по цѣлымъ годамъ, по десяткамъ лѣтъ. Максъ Нордау въ книгѣ, которая вышла въ двухъ русскихъ переводахъ и сильно читается, говоритъ, что мы переживаемъ эпоху *вырожденія*. По отношенію къ многочисленнымъ группамъ людей и во многихъ областяхъ общественной жизни это выраженіе можетъ быть употреблено съ достаточнымъ основаніемъ. Но, опять-таки, въ нѣсколько меньшихъ или большихъ размѣрахъ, *вырожденіе* часто наблюдается въ исторіи. Обветшалое преданіе, не сформировавшееся, какъ слѣдуетъ, новое движеніе, утонченность, изысканность и извращенность нѣкоторыхъ сторонъ культуры, переплетаясь съ грубыми элементами свѣжихъ и, въ сущности, плодотворныхъ теченій, производятъ странное, хаотическое цѣлое. Но нѣтъ никакихъ основаній предсказывать Европѣ страшный конецъ, гибель цивилизаціи и тому подобные ужасы. Максъ Нордау посвящаетъ свое *Вырожденіе* Цезарю Ломброзо,—это характерно и понятно; но забавно читать въ этомъ посвященіи, что Ломброзо—*гордость и слава нашего вѣка*. Excusez de peu! Этою гордостью и славой въ области науки и мышленія останутся Дарвины, Гельмгольцы, Пастёры и многіе другіе, но отнюдь не изобрѣтатель уже развалившагося *преступнаго типа*.

Для русскихъ любопытно, конечно, чтò говоритъ Нордау о близкой намъ формѣ *вырожденія*, о «толстоизмѣ».

Толстоизмъ,—говоритъ Нордау,—душевная болѣзнь, особая форма вырожденія. Толстой — вырождающійся мистикъ. «Характерная особенность мистической мысли заключается въ недостаткѣ сосредоточеннаго вниманія, опредѣляющаго нашъ выборъ и группирующаго явленія въ такомъ видѣ, что они разъясняютъ господствующую въ нашемъ умѣ мысль. Если этого чувства нѣтъ, міръ представляется взору равномѣрнымъ теченіемъ загадочныхъ явленій, безпорядочно другъ друга смѣняющихъ, исчезающихъ и для сознанія совершенно безразличныхъ».

Максъ Нордау констатируетъ, что всемірная слава и вліяніе графа Толстого начались съ 1889 года, когда на всѣ европейскіе языки была переведена *Крейцерова соната*. Эта слава потомъ поддерживалась и развивалась не художникомъ - Толстымъ, а Толстымъ - философомъ и моралистомъ. Философію эту Нордау формулируетъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «отдѣльный человѣкъ—ничто; родъ человѣческій—все; индивидъ живетъ, чтобы дѣлать добро ближнимъ; мысль и пытливая работа ума—вредъ; наука—гибель; вѣра—наше спасеніе».

Въ *Исповѣди* гр. Толстой говоритъ, какъ онъ мучительно задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ я живу? Нордау возражаетъ, что это—*поверхностный и неправильный* вопросъ: «Вѣрующій христіанинъ,—говоритъ нѣмецкій писатель, — теряетъ всякое право задавать вопросъ: *зачѣмъ я живу*? Это было бы дерзкимъ посягательствомъ, стремленіемъ слабаго, ничтожнаго человѣка прозрѣть планы мірозданія, присвоить себѣ даръ всезнанія. Если же Толстой — невѣрующій, понятіе о цѣли снова теряетъ для него всякое значеніе, такъ какъ природа не знаетъ цѣли, а разъ нѣтъ цѣли, нельзя спрашивать у себя: *зачѣмъ я живу?*—а надо искать первопричины явленія».

Какъ это просто и убѣдительно: если у васъ въ душѣ возникъ тягостный вопросъ о цѣли и смыслѣ человѣческой жизни, признайте этотъ вопросъ безсмысленнымъ и займитесь чѣмъ-нибудь другимъ. Если васъ при этомъ не подкрѣпитъ вѣра, то постарайтесь отыскать,—это такъ легко,—*первопричину*

Я не раздѣляю, готовъ рѣшительно возставать противъ многихъ и многихъ изъ мыслей гр. Толстого и не могу не согласиться со многимъ изъ того, что говоритъ Нордау; но предлагаемаго имъ разрѣшенія вопроса о томъ, *зачѣмъ я живу*, нельзя не признать именно *поверхностнымъ и неправильнымъ*.

Страненъ и тотъ пріемъ, какимъ Нордау опровергаетъ нѣкоторыя изъ идей (отчасти или совершенно невѣрныхъ, спѣшу прибавить), какія высказываетъ гр. Толстой - моралистъ. Возражая на теорію любви къ ближнему, съ которой выступаетъ великій русскій художникъ, Нордау примѣрами Делесова (*Альбертъ*) и Нехлюдова (*Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова*) доказываетъ, что оба они—эгоисты, что они больше ненавидятъ другихъ, чѣмъ любятъ тѣхъ бѣдняковъ, на которыхъ падаетъ ихъ сострадательный взглядъ. По отношенію къ двумъ названнымъ лицамъ это совершенно справедливо (и давно уже и превосходно разъяснено Писаревымъ); но при чемъ же тутъ современная моральная проповѣдь гр. Толстого о любви къ ближнему, на его образецъ, о непротивленіи злу и т. п.? Въ двухъ названныхъ разсказахъ мы имѣемъ дѣло съ великимъ художникомъ-психологомъ, а въ нравственныхъ разсужденіяхъ этого автора — съ плохимъ мыслителемъ.

Нордау говоритъ, что въ ученіи гр. Толстого отдѣльный человѣкъ—ничто, родъ человѣческій—все. Мнѣ кажется, наоборотъ, что въ основѣ всѣхъ идей и стремленій нашего писателя лежитъ безмѣрный индивидуализмъ.

Зачѣмъ *я* живу? Какъ *мнѣ* относиться къ ближнему и міру? Въ чемъ *мое* счастье? и т. д., и т. д. Страданія и радости громаднаго *я*, его разочарованія, его запросы и его превращенія—вотъ что лежитъ въ глубинѣ нравственныхъ разсужденій, сентенцій и инвективъ гр. Толстого. Конечно, при этомъ признаются и другія *я*, но *родъ человѣческій* разсыпается на отдѣльные атомы,—общественныя связи и основанія отметаются. Въ этомъ, между прочимъ, заключается великое зло той моральной проповѣди, которую ведетъ графъ Толстой. Трудно сказать, что вреднѣе: ученіе, по которому личность ничего не значитъ, или ученіе, по которому общество ничего не значитъ. Первое изъ нихъ, въ случаѣ своего торжества, подсѣкло бы крылья у каждаго изъ *кучки идеалистовъ*, лишило бы жизнь общества полноты, богатства и разнообразія наслажденій, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; второе превратило бы общество въ своего рода пустыню, гдѣ бродили бы и случайно сталкивались непротивящіеся злу отшельники-аскеты.

Дѣло въ томъ, что наши физическія и духовныя силы развиваются обществомъ и *должны* поэтому служить этому обществу. Но у человѣка есть обязанности и по отношенію къ себѣ самому, есть права, которыхъ отымать у него не должно общество,—права, ограждающія независимость и достоинство человѣческой личности. Общество, въ которомъ всѣ члены были бы стереотипнымъ изданіемъ одного и того же *недѣлимаго*, есть самая ужасная картина, какую только можетъ себѣ представить наше воображеніе. Оно было бы поистинѣ царствомъ безъисходной скуки для каждаго свѣжаго человѣка, какимъ-то автоматическимъ ульемъ. Поэтому-то надо подмѣчать, беречь и укрѣплять еще въ ребенкѣ тѣ особенности его природы, его ума и способностей, которыя могутъ сослужить добрую службу и ему самому, и цѣлому обществу. Хорошая политика требуетъ хорошей педагогики, и наоборотъ. Къ сожалѣнію, педагогическое дѣло и на Западѣ Европы, и у насъ не стоитъ еще на высотѣ, соотвѣтствующей его сложности и важности. По этому поводу здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить книжку г. Лавриченка, повидимому, учителя, такъ какъ одна изъ статей, вошедшихъ въ его книжку, носитъ названіе доклада на съѣздѣ преподавателей одесскаго учебнаго округа. Статьи г. Лавриченка испытали печальную участь: авторъ заявляетъ въ предисловіи, что съ 1878 года до настоящаго времени ихъ упорно отказывались печатать всѣ, и общіе, и спеціальные журналы и газеты, въ какіе онъ ни обращался. Г. Лавриченко приводитъ болѣе или менѣе лестные для него отзывы редакцій, статей его не принимавшихъ, и, очевидно, не догадывается, что причиной отказа является—*horribile dictu!*—глубокая безграмотность почтеннаго педагога, которому нельзя отказать и въ искренней любви къ юношеству, и въ кое-какихъ правильныхъ мысляхъ.

Обвиненіе педагога, да еще давно дѣйствующаго на своемъ поприщѣ, въ безграмотности, есть обвиненіе тяжелое, и мы должны, конечно, представить доказательства. Мы ихъ сейчасъ и представимъ, пожалѣвъ о томъ,

что г. Лавриченко не понялъ истиннаго смысла вѣжливыхъ отказовъ газеты *Русская Правда*, журнала *Вѣстника Воспитанія* и другихъ повременныхъ изданій.

На страницѣ восьмой прочитанной нами книжки *) мы читаемъ, что юноша въ учебныхъ заведеніяхъ «долженъ предстоять съ озабоченностью относительно заданныхъ темъ». Далѣе мы узнаемъ, что «зарождающееся безпокойство организма по случаю наступающаго укомплектованія и завершенія половой организаціи чувствуется какъ нѣчто нуждающееся въ болѣе обширномъ примѣненіи инстинктивныхъ влеченій и порывовъ» (стр. 28). Напугавъ родителей такими загадочными словами, авторъ даетъ имъ не менѣе загадочное утѣшеніе: «Темпераменты холерическіе и сангвиническіе,—говоритъ онъ на стр. 29,—спасаются отъ пораженій критическаго момента или сильнымъ внѣшнимъ вліяніемъ, или сосредоточенностью на своемъ сюжетѣ». Но сейчасъ же оказывается (стр. 30), что «юноша таетъ, храня сюжетъ, который одинъ и составляетъ для него весь міръ, которому онъ преданъ религіозно, до фанатизма». Долженъ сознаться, что я такъ и не уразумѣлъ, что за штука этотъ *сюжетъ*: кажется, авторъ разумѣетъ подъ нимъ исключительное увлеченіе юноши какими-нибудь мыслями.

Мы узнаемъ изъ сочиненія г. Лавриченка, что «понятіе за понятіемъ, какъ звенья въ цѣпи, идутъ *до безконечности*, пока не ощутится надобность остановиться, т.-е. пока не наткнешься на предметъ, въ который ввинченъ *конецъ* цѣпи, состоящій изъ звеньевъ» (стр. 31). По увѣренію почтеннаго педагога, «воспитательная сторона открытыхъ заведеній стремилась стать на настоящую точку своихъ отправленій» (стр. 44); мы знакомимся съ существованіемъ *внутреннихъ пансіонеровъ* (37) и *внѣшнихъ воспитанниковъ* и т. д., и т. д. На ряду съ такою вопіющею безграмотностью мы встрѣчаемъ и странныя, по меньшей мѣрѣ, сужденія. Одинъ юноша, даровитый, изъ дворянской достаточной семьи, началъ колобродить въ переходномъ возрастѣ (на значеніи этого возраста не безъ основанія настаиваетъ г. Лавриченко), выходитъ изъ гимназіи, поступаетъ въ бывшую Петровскую земледѣльческую академію, изгоняется оттуда и т. д. «Потомъ видимъ его,—прибавляетъ авторъ,—въ канцеляріи мѣстнаго отдѣленія государственнаго банка, *слышимъ, что онъ хотѣлъ жениться на богатой шестидесятилѣтней дѣвицѣ*». Теперь ему,—пишетъ г. Лавриченко,—не больше двадцати двухъ лѣтъ. «Это милая, юная, полная всяческихъ увлеченій натура, общій любимецъ товарищей, другъ всякой высшей (sic) идеи, въ общихъ чертахъ прекрасный человѣкъ сороковыхъ годовъ».

[illegible]акъ это вамъ нравится? *Другъ всякой высшей идеи*, юноша въ цвѣтѣ л[illegible]ь, собирался жениться на богатой старухѣ, которая по естественному за[illegible]ону природы перестала уже быть женщиной,—и это—*милая* натура! И пр[illegible]емъ тутъ сороковые года?

[illegible]) *Г. Т. Лавриченко:* „Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія“. Спб., 18[illegible] г.

И при такой-то безграмотности и шаткости нравственнаго сужденія г. Лавриченко о миссіи педагога (стало быть, и о своей собственной) болѣе, чѣмъ высокаго мнѣнія: «Необходимо,—возвѣщаетъ онъ,—чтобы воспитывающій твердо вѣрилъ въ самого себя и проникся мыслію, что онъ большая величина; что онъ миссіонеръ современной исторіи; что въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія онъ и священнодѣйствующій, и дипломатъ, судья и военачальникъ, и въ такихъ своихъ великихъ обязанностяхъ дѣйствуетъ и внушаетъ, совѣтъ даетъ и повелѣваетъ, нисходитъ и прощаетъ, любитъ, радуется и горе несетъ!...»

Не въ томъ, конечно, бѣда, что г. Лавриченко напечаталъ такой вздоръ и что онъ пишетъ безграмотно, а въ томъ, что подобные священнодѣйствующіе дипломаты и военачальники въ самомъ дѣлѣ *горе несутъ* нашимъ дѣтямъ.

Говоритъ г. Лавриченко и хорошія вещи, да только такимъ языкомъ, что приходится лишь улыбаться. Признавши основнымъ началомъ и для семьи, и для школы гуманность, *искреннее и глубокое уваженіе человѣка человѣкомъ*, нашъ авторъ сейчасъ же начинаетъ сыпать такими фразами: «Человѣкъ, прежде всего, форма, персона, особа, морфологическій идеалъ»... и пошла писать губернія.

Въ концѣ своей книжки г. Лавриченко объявляетъ себя *представителемъ классической школы* и съ свойственнымъ ему безграмотнымъ паѳосомъ громитъ нашу печать: «Пресса видитъ не школу, а систему. Ей нѣтъ дѣла до живыхъ людей, до работниковъ и тружениковъ; она видитъ только тѣхъ, на кого возложена тяжкая обязанность непосредственнымъ образомъ развить, укрѣпить и провести въ жизнь эту систему». Позвольте, однако: если *пресса* видитъ *только* такихъ людей, которые непосредственно развиваютъ и проводятъ въ жизнь *систему*, то кого же она не видитъ, до кого же ей нѣтъ дѣла? Кто тѣ таинственные незнакомцы, которыхъ сердитый педагогъ въ первой половинѣ своей фразы, противорѣчащей второй половинѣ, называетъ *живыми людьми и работниками?* Выходитъ такъ, что *не* живые люди и *не* работники *проводятъ въ жизнь систему*. Въ этомъ, пожалуй, есть доля истины.

О. Т. В.

Меліораціонный кредитъ въ Германіи.

Необходимость меліораціи почвъ нигдѣ и никѣмъ въ настоящее время не оспаривается. Меліораціонный вопросъ сводится теперь къ анализу той или иной уже имѣющейся постановки меліораціоннаго дѣла, характеръ и размѣры котораго должны, конечно, находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ условіями данной страны, со всѣмъ строемъ ея экономической жизни.

Соблюденіе послѣдняго условія, несмотря на всю его тривіальность, особенно важно для странъ, не имѣющихъ систематизированной организаціи меліораціонныхъ предпріятій, такъ какъ, само собою разумѣется, при всей выгодности и неоспоримой полезности меліораціоннаго дѣла, установить и рекомендовать одинъ абсолютный типъ организаціи, наиболѣе совершенный и удачный, является дѣломъ совершенно невозможнымъ. Нечего уже и говорить о прямой пересадкѣ учрежденій въ чужестранную почву,— пересадкѣ, являющейся въ наше время всѣми сознаваемою аномаліей. Это, конечно, отнюдь не исключаетъ возможности не только поучаться, но даже и руководствоваться опытомъ чужой страны.

Правительства западно-европейскихъ странъ еще съ конца второй четверти текущаго столѣтія были озабочены пріисканіемъ необходимыхъ средствъ для веденія дѣла земельныхъ улучшеній. Такъ, Франція съ 1846 г., Англія съ 1854 г., почти единовременно съ нею Бельгія и нѣсколько ранѣе Пруссія выдѣляютъ соотвѣтствующіе фонды изъ государственныхъ суммъ, а нѣсколько лѣтъ спустя въ Саксоніи возникаетъ спеціальное учрежденіе, предназначенное исключительно для меліораціоннаго кредита. Саксонскому подражаютъ затѣмъ правительства и остальныхъ государствъ Германской имперіи. Въ маѣ 1879 года возникаютъ подобныя учрежденія въ Пруссіи, въ слѣдующемъ затѣмъ году въ Гессенѣ, въ 1883 г. въ Ольденбургѣ и, наконецъ, годъ спустя, и Баварія издаетъ соотвѣтствующее законоположеніе.

Въ Россіи вопросъ меліораціоннаго кредита также былъ поднятъ давно. Меліораціи почвъ, какъ предпріятія, возникавшія на частныя средства и по частной иниціативѣ, извѣстны у насъ еще съ начала 50-хъ годовъ *).

Впрочемъ, имѣются указанія и болѣе раннія. „Такъ, въ 1815 г. образованъ былъ Новороссійскій капиталъ сельской промышленности, составляющій въ общей

Равнымъ образомъ и правительство произвело въ разное время рядъ иногда весьма обширныхъ, какъ, наприм., по осушкѣ болотъ, меліоративныхъ работъ.

Въ 1882 году были опубликованы и особыя правила для производства осушительныхъ работъ на частныхъ земляхъ, совмѣстно съ однородными работами на земляхъ, принадлежащихъ казнѣ. Согласно этимъ правиламъ, министерство государственныхъ имуществъ брало на себя выполненіе нужныхъ предпріятій на тѣхъ условіяхъ, чтобы землевладѣльцы участвовали въ расходахъ по этимъ работамъ.

Все это, конечно, мѣропріятія не систематической и планомѣрной организаціи, но все же подготовляющія для таковой необходимую почву

Въ нашихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ меліораціоннаго кредита и вообще систематической постановки дѣла въ видѣ общегосударственной мѣры началъ обсуждаться лѣтъ пять тому назадъ, съ каковою цѣлью и была организована въ 1891 году при министерствѣ государственныхъ имуществъ соотвѣтствующая коммиссія. Вопросъ былъ, какъ извѣстно, разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ и выработанный ею проектъ мѣропріятій былъ внесенъ на разсмотрѣніе высшихъ законодательныхъ учрежденій.

Программа составленныхъ коммиссіей положеній превзошла по широтѣ проектированной организаціи постановку таковой въ Западной Европѣ. Кромѣ прямыхъ и непосредственныхъ задачъ (земельныя улучшенія съ долгосрочнымъ кредитомъ), предполагалось надѣлить будущія учрежденія меліораціоннаго кредита нѣкоторыми функціями, хотя и не стоящими въ прямомъ отношеніи съ дѣломъ улучшенія почвъ, какъ, наприм., выдача краткосрочныхъ ссудъ на сѣмена, орудія, удобреніе и проч., но вообще способствующихъ поднятію сельскаго хозяйства.

Общая пресса въ свое время указывала на эту широту, какъ на отрицательное свойство, а нѣкоторыя компетентныя лица предлагали ограничиться исключительно операціями долгосрочнаго кредита, что̀ по существу своему меліораціонный кредитъ и представляетъ.

Въ послѣднее время правительство, усиленно озабоченное положеніемъ

сложности около полумилліона рублей. Капиталъ служитъ для выдачи ссудъ на производство извѣстнаго рода сельско-хозяйственныхъ улучшеній въ губерніяхъ Таврической, Херсонской, Екатеринославской и Бессарабской. Ссуды выдаются въ размѣрѣ не свыше 5 тыс. рублей изъ 4%, на срокъ не болѣе 5-ти лѣтъ. Особый капиталъ въ 60 тысячъ рублей существуетъ также на выдачу ссудъ на обводнительныя работы въ Таврической губерніи. Процентъ по ссудѣ установленъ въ 4% годовыхъ, расходы по займу, оцѣнкѣ и осмотру работъ падаютъ на заемщика; ссуды выдаются на срокъ отъ 1 года до 10 лѣтъ. Большинство ссудъ употреблено на буреніе артезіанскихъ колодцевъ, на устройство запрудъ, дренажныхъ каналовъ и т. п.". *Сельское и лѣсное хозяйство Россіи*. Изданіе мин. государ. им. 1893 г. (см. литер.), статья *Сельско-хозяйственный кредитъ*. Тутъ же указанъ и рядъ мѣропріятій по кредиту на сѣмена, орудія и удобреніе, прямого отношенія къ „меліоративному" кредиту не имѣющихъ.

нашего сельскаго хозяйства и создавшее для послѣдняго особое министерство, снова выдвинуло этотъ важный вопросъ.

Предстоящая сессія государственнаго совѣта, какъ извѣстно, должна окончательно регламентировать дѣло, съ практическимъ осуществленіемъ котораго значительно повысится доходность нашего земледѣлія и Россія получитъ прочную государственную организацію меліораціоннаго кредита.

Находясь, такимъ образомъ, наканунѣ реформы, мы сочли вполнѣ своевременнымъ ознакомить интересующихся съ уже организованною постановкой этого дѣла на Западѣ, а именно въ Германіи.

Предлагаемый очеркъ излагаетъ какъ исторію, такъ и наиболѣе существенныя черты организаціи меліораціоннаго дѣла въ трехъ наиболѣе важныхъ государствахъ Германской имперіи: Саксоніи, Пруссіи и Баваріи *).

Работа сдѣлана на основаніи какъ литературныхъ источниковъ, преимущественно оффиціальныхъ изданій (см. литературу), такъ и личнаго знакомства съ дѣломъ на мѣстѣ.

Приступая къ изложенію, не могу не засвидѣтельствовать здѣсь моей благодарности за оказанное въ работѣ содѣйствіе доставленіемъ нѣкоторой части необходимаго матеріала директору королевскаго баварскаго Landeskultur-Rentenanstalt'а барону Лихтенхейсу и профессору Мюнхенскаго университета Вальтеру Лотцу (Walter Lotz).

Мюнхенъ, августъ, 1894 г.

I.

Саксонія.

Это первое по времени государство Германіи, устроившее у себя особое учрежденіе для меліораціоннаго кредита. Здѣсь имѣлись предварительно всѣ необходимыя для этого данныя. Отнюдь не земледѣльческая страна, страна съ превышающимъ по численности деревенское городскимъ населеніемъ, Саксонія, тѣмъ не менѣе, всегда шла впереди остальной Германіи и въ заботахъ о своей колоссальной промышленности не забывала и нуждъ земледѣлія. Такъ, еще въ 1832 году имѣлся здѣсь особый банкъ земельной ренты (Landrentenbank), стремившійся облегчить кредитъ землевладѣльцамъ. Дѣйствовалъ здѣсь съ начала 50-хъ годовъ и спеціальный законъ относительно орошенія и осушенія почвы, который не оставался мертвою буквой, но былъ сопряженъ съ вызваннымъ имъ же въ свѣтъ институтомъ меліораціонныхъ товариществъ. По § 9 саксонскаго законоположенія, забота о проведеніи въ жизнь и реализаціи постановленій объ орошеніи и ос[уш]еніи возлагались на особыя, и понынѣ сохранившіяся, «водныя» това[ри]щества (Wassergenossenschaften), дѣятельность которыхъ я ниже буду им[ѣ]ть случаи изложить подробно.

*) „Наибольшій интересъ въ вопросѣ объ организаціи меліоративнаго кредита, бе[зъ] сомнѣнія, представляетъ Германія, гдѣ для этой цѣли созданы спеціальныя кр[еди]тныя учрежденія". *М. Я. Герценштейнъ* (см. литературу).

26 ноября 1861 года основано было въ Саксоніи и первое особое кредитное учрежденіе для дѣла земельныхъ улучшеній. Учрежденіе это было названо рентнымъ банкомъ земельной культуры — Landeskultur-Rentenbank, каковое названіе удержалось затѣмъ и для всѣхъ подобныхъ ему учрежденій Германіи.

Саксонскій рентный банкъ выдаетъ ссуды землевладѣльцамъ, товариществамъ и общинамъ изъ 5% годовыхъ для веденія работъ по осущенію или орошенію почвы. Ссуда погашается ежегодно въ теченіе 41 года небольшими взносами. Ежегодный взносъ заемщика называется «культурною рентой» — Kulturrente. Подъ обезпеченіе займа предъявляется, обыкновенно въ формѣ гипотеки, залогъ, причемъ при всѣхъ, за исключеніемъ водной, меліораціяхъ необходимо согласіе кредитора, если таковой значится въ гипотечныхъ книгахъ. Гипотечныя же книги въ Германіи, какъ извѣстно, ведутся повсемѣстно съ особою тщательностью и строгостью. Дѣятельность этого банка гарантируется правительствомъ и расходы по управленію производятся изъ государственныхъ суммъ. Для пріобрѣтенія необходимыхъ средствъ банкъ выпускаетъ, по мѣрѣ необходимости, *четырехпроцентныя акціи* или *рентныя квитанціи* — Landeskultur-Rentenscheine.

Такова постановка дѣла, а результаты ея слѣдующіе.

Изъ заявленій частныхъ изслѣдователей, а равно и по оффиціальнымъ отчетамъ видно, что Саксонскій банкъ меліораціоннаго кредита находится со дня своего возникновенія въ очень хорошихъ условіяхъ. Выдача ссудъ, а равнымъ образомъ взносы заемщиковъ, протекаютъ въ образцовомъ порядкѣ и учрежденіе за все свое слишкомъ тридцатилѣтнее существованіе не вызвало ни одного нареканія. Знатокъ меліораціоннаго дѣла Генрихъ Гаагъ *) приводитъ слѣдующія данныя о дѣятельности банка, заимствованныя имъ изъ обширнаго труда *Langsdorff'а*: «Die Landwirtschaft ein Königreiche Sachsen». Изъ общей площади, занятой запашкою, помощью банка было осушено 1,30 ея поверхности, а изъ общей плащади луговъ въ 0,51% ея были устроены оросительныя сооруженія. Другими словами, дѣятельность банка въ періодъ отъ 1862 г. по 1885 годъ распространяется на 24,614 гектара и 43½ акра. При этомъ главная масса меліораціи пришлась на работы осушительныя—свыше 23 тыс. гектаровъ, и только сравнительно небольшая часть въ 1,246 гектаровъ на орошенія. Работы эти были исполнены слишкомъ 1,400 предпріятій и потребовали для себя громадный превышающій, 10½ милліоновъ марокъ капиталъ. Что касается «среднихъ чиселъ», то вообще въ среднемъ въ періодъ отъ 1880 по 1885 г. было по 89,5 со стоимостью по 6,107 марокъ за предпріятіе. Затѣмъ истраченный капиталъ pro гектаръ равнялся для осущенія 300,34 мар., для орошенія 758,02. Наконецъ, средняя, платимая заемщикомъ, рента не превышала въ годъ 305,37 марки **).

---

*) См. Литература.

**) Болѣе подробныя свѣдѣнія и различныя детали относительно Саксоніи можно найти въ сочиненіи: *Kunzel'я*: о саксонскомъ меліораціонномъ законодательс въ

Меліораціонныя предпріятія были исполнены «водными» товариществами, общинами и отдѣльными землевладѣльцами.

Что касается собственно финансовой части саксонскаго банка, то положеніе ея наглядно рисуется слѣдующими двумя таблицами. Для большаго удобства повсюду отброшены пфениги.

I. Отношеніе прихода къ расходу въ періодъ отъ 1862—1880 г.

Годы.	Приходъ.	Расходъ.	Касса.
	(въ	маркахъ).	
1862	73,513	71,772	1,741
1865	402,352	378,324	24,028
1868	564,428	529,196	35,232
1871	310,390	270,020	40,369
1874	662,157	633,009	29,147
1877	1.101,007	1.058,962	42,045
1880	836,652	729,762	106,889

II. Балансъ банка въ періодъ отъ 1862—1885 г.

Годы.	Активъ.	Пассивъ.	Имущество.
1862	70,742	70,662	80
1868	2.298,875	2.296,050	2,825
1874	3.679,515	3.673,698	5,817
1880	6.018,456	6.003,792	14,664
1885	10.682,485	—	—

Сумма въ 14,664, означенная въ графѣ: «имущество», составилась отъ покупки банкомъ рентныхъ квитанцій по курсу отъ частныхъ лицъ, явившихся въ банкъ для погашенія ими сдѣланнаго займа. Дѣло въ томъ, что разница между платимою предпринимателемъ 5% рентою и четырехъ процентными изданными банкомъ и гарантированными правительствомъ рентными квитанціями составляетъ постепенно резервный капиталъ, увеличивающійся также отъ курсовой покупки банкомъ своихъ квитанцій.

Рентныя квитанціи саксонскаго банка дѣлятся на двѣ серіи; первая квитанціи по 1,500 марокъ каждая, вторая—по 300 мар. Курсъ же на квитанціи съ года основанія банка по 1885 годъ былъ слѣдующій.

годы	1861	г.	курсъ	100	марокъ.
»	1862	»	»	102,50	»
»	1865	»	»	101,25	»
»	1868	»	»	91,15	»
»	1871	»	»	88,66	»
»	1874	»	»	97,44	»

(Л 'пцигъ, 1872) и въ офиціальныхъ изданіяхъ: *Ueber die Landeskultur-Rentenbank*, *Ze 'chrift.* и *Die Landeskultur - Rentenbank in Königreiche Sachsen.* Dresden, 1881. (С Литература).

годы	1877 г.	курсъ	95,68	марокъ.
»	1880 »	»	100,25	»
»	1883 »	»	101,10	»
»	1885 »	»	103,00	»

Максимальный курсъ приходился на 1883 годъ—103 марки, минимальный па іюль 1871 года, когда квитанція продавалась по 70 мар. 80 к.

Надо вообще замѣтить, что обыкновенно рентныя квитанціи стоятъ нѣсколько ниже квитанцій кассы государственныхъ долговъ (Staatsschuldenkassenscheine), съ которыми онѣ имѣютъ равную высоту процента. Это явленіе объясняется тѣмъ, что рентныя квитанціи саксонскаго банка не играютъ никакой особой роли на биржѣ.

Я выше уже говорилъ, что всѣ расходы по управленію рентнымъ банкомъ правительство взяло на себя, чтобы тѣмъ самымъ, конечно, не перекладывать ихъ на заемщиковъ ввидѣ повышеннаго процента при ссудахъ. Было бы небезъинтереснымъ опредѣлить и ту сумму, которая затрачивается правительствомъ на управленіе, но, къ сожалѣнію, она не можетъ быть точно вычислена, такъ какъ рентный банкъ тѣсно связанъ съ другимъ учрежденіемъ, именно саксонскимъ земельнымъ банкомъ (Landrentenbank). Кромѣ того, при нихъ же функціонируетъ и такъ называемый банкъ пожизненной ренты (Alterrentenbank) и чиновники послѣднихъ двухъ учрежденій равно заняты и дѣломъ меліораціоннаго кредита. Высшая же администрація всѣхъ трехъ одна и та же. Впрочемъ, принимая въ соображеніе общій духъ бережливости нѣмецкой администраціи, а равно и интенсивность труда отдѣльныхъ, немногочисленныхъ, но заваленныхъ громадною работой чиновниковъ, можно предположить а priori, что расходы на управленіе вообще крайне незначительны. Въ этомъ можно убѣдиться также и изъ бюджета черезъ одну главу описаннаго нами ниже подобнаго же рентнаго банка въ Баваріи.

II.

Пруссія.

Вторымъ государствомъ Германской имперіи, въ которомъ было организовано дѣло меліораціоннаго кредита, явилась Пруссія. Здѣсь, какъ мы ниже увидимъ, были сохранены всѣ основныя положенія саксонскаго рентнаго банка, но самый рентный банкъ вошелъ совершенно инымъ способомъ въ систему государственнаго организма. Онъ явился въ Пруссіи учрежденіемъ совершенно измѣненнаго въ смыслѣ государственнаго управленія типа, а потому и потребовалъ для себя и иного веденія финансовой части.

Но предварительно нѣсколько словъ объ исторіи возникновенія меліораціоннаго дѣла въ Пруссіи до 1879 года, т.-е. до времени основанія прусскихъ рентныхъ банковъ.

Я уже выше сказалъ, что правительства западно-европейскихъ странъ еще съ конца второй четверти текущаго столѣтія были озабочены приис а-

нiемъ необходимыхъ средствъ для веденiя дѣла земельныхъ улучшенiй и что Пруссiя *) находилась въ числѣ странъ, выдѣлившихъ соотвѣтствующiе фонды изъ суммъ государственнаго казначейства.

Дѣйствительно, въ бюджетѣ 1850 года, въ графѣ чрезвычайныхъ расходовъ прусскаго министерства земледѣлiя, имѣется отчисленiе особыхъ суммъ (Dispositionsfond für Landesmeliorationen), предназначенныхъ для мелiорацiонныхъ предпрiятiй. Затѣмъ изъ бюджетовъ послѣдующихъ лѣтъ видно, что отчисленiя эти производились регулярно и вошли спустя нѣкоторое время въ смѣту обыкновенныхъ расходовъ, и, притомъ, въ видѣ одной и той же разъ навсегда опредѣленной величины въ 750 т. марокъ. Такимъ образомъ, размѣры фонда, приходившаго на помощь къ земледѣлiю, постепенно увеличивались. Относительно размѣровъ этого фонда приведу слѣдующiя данныя:

Въ 1850 году		150,000 марокъ.
» 1867 »		750,000 »
» 1870 »		859,353 »
» 1875 »		3.224,850 »

Сверхъ того, съ 1853 года начали поступать обратно въ казну, возвращаемыя заемщиками, взятыя изъ фонда ссуды, которыя постепенно образовали новый фондъ. Послѣднiй снова пускался въ обращенiе, снова возвращался и т. д. Этотъ вторичный фондъ равнялся къ концу 1875 года 213,216 маркамъ наличными деньгаии, которыя въ теченiе двѣнадцатилѣтняго ихъ обращенiя функцiонировали въ качествѣ 9 милл. капитала **).

Слѣдуетъ еще добавить, что къ услугамъ прусскихъ сельскихъ хозяевъ, помимо этихъ исходившихъ отъ государства суммъ, были готовы и капиталы другихъ кредитныхъ учрежденiй. Въ провинцiи и тогда уже успѣшно функцiонировали различные рентные банки, провинцiальныя вспомогательныя кассы (Prowinzial-Hilfskassen), земельные банки (Landschaften) и другiя учрежденiя сельско-хозяйственнаго кредита, которыя появились въ Прусской провинцiи въ связи съ незадолго передъ тѣмъ проведенною реформой аграрнаго законодательства.

Но все же все это вмѣстѣ взятое не представляло изъ себя никакой прочной и солидной организацiи и потребность реформы ощущалась всѣми землевладѣльцами.

---

*) Относительно Пруссiи вообще можно замѣтить, что правительство ея много ранѣе остальныхъ государствъ задумывалось надъ положенiемъ дѣла земельныхъ улучшенiй. Г. Герценштейнъ, между прочимъ, приводитъ слѣдующее: „Въ Пруссiи издавна производились затраты на осушенiе болотъ. Фридрихъ Великiй исправленiемъ русла Одера съ затратой 520,000 тал. прiобрѣлъ 225,650 моргеновъ земли, на которой очень скоро возникли 43 новыя деревни и колонiи; цѣна земли достигаетъ теперь 1,800—2,400 марокъ, аренда 48—60 марокъ". Аналогичные примѣры приводятся имъ для Варта, Рейна и пр.

**) Послѣ 1875 года, въ силу новыхъ распоряженiй (Dotationsgesetz vom 8 Juli 1875) суммы были раскассированы по провинцiямъ.

И вотъ съ начала 70-хъ годовъ въ рейхстагъ начинаетъ поступать съ каждымъ годомъ все возростающее количество различныхъ петицій, усиленно ходатайствовавшихъ о преобразованіи меліораціоннаго дѣла.

Въ виду особенныхъ почвенныхъ условій Пруссіи, всѣ петиціи особенно настаиваютъ на одной изъ формъ меліорацій, именно дренажѣ *).

Вообще же надо замѣтить, что въ прусскомъ аграрномъ законодательствѣ совершенно не упоминается этотъ родъ земельной меліораціи.

Комментаторъ прусскаго закона о рентныхъ банкахъ, г. Шоберъ (см. литературу), находитъ это упущеніе явленіемъ вполнѣ понятнымъ. Въ виду того,—говоритъ онъ,—что оно произошло какъ будто бы отъ того, что въ то время дренажное искусство было или совсѣмъ, или крайне недостаточно извѣстно. Странность этого заявленія становится очевидною при одномъ сопоставленіи его съ тѣми фактами, которые приведены мною въ только что сдѣланной сноскѣ.

Особенно же любопытно то обстоятельство, что въ то время, когда и въ Россіи (не говоря уже объ Англіи и Бельгіи) дренажъ нашелъ себѣ вполнѣ успѣшное примѣненіе, а въ Петербургѣ уже читались инженеромъ Фалевичемъ (въ 1858—1859 гг.) спеціальныя лекціи, прусскій министръ земледѣлія въ рейхстагской сессіи 1860 года увѣрялъ при дебатахъ объ одной силезской петиціи, домогавшейся закона о дренажѣ, что послѣдній еще слишкомъ мало достовѣрный и слишкомъ мало испытанный видъ меліораціи **).

---

*) Дренажъ (англійское: draih—сточная труба, draihager—осушать) есть способъ непрерывнаго удаленія воды изъ почвы помощію особыхъ подземныхъ трубъ. Дренажное искусство въ настоящее время дошло до высокой степени совершенства. Особенно пригоденъ и полезенъ дренажъ для сырыхъ и такъ называемыхъ тяжелыхъ глинистыхъ почвъ. Дренажное дѣло отнюдь не ново. Оно было отлично извѣстно римлянамъ временъ императоровъ, а въ въ новѣйшее время снова распространяется съ конца XVI столѣтія. Сохранились и сочиненія француза Olivier de Serres: *Théâtre d'Agriculture* 1600 г. и англичанина Walter'a Bligh: *The englisch Impover* 1652 г., основательно излагающихъ дренажное дѣло. Съ начала этого столѣтія дренированіе почвъ производится въ обширныхъ размѣрахъ въ Англіи, а съ 1843 года, т.-е. со времени изобрѣтенія John Read машины, приготовляющей дренажныя трубы, и на европейскомъ континентѣ. Что особенно интересно, это—тотъ фактъ, что дренажъ хорошо извѣстенъ въ Россіи еще съ самаго начала 50-хъ годовъ. Кромѣ ряда удачныхъ предпріятій этого рода въ Остзейскомъ краѣ, въ Польшѣ и Финляндіи, а также постройки заводовъ дренажныхъ трубъ, этимъ дѣломъ вполнѣ успѣшно занимались и нѣкоторые изъ нашихъ сельскихъ хозяевъ, а также желѣзныя дороги. При этомъ повсюду увеличеніе урожайности происходило отъ 25% (Н. И. Желѣзновъ, Новгород. губ.) до 50% (Остзейскія провинціи). Дренажное искусство владѣетъ въ настоящее время своею обширною спеціальною литературой, къ которой и отсылаемъ интересующихся. Для перваго оріентированія въ дѣлѣ могутъ служить по-русски А. [illegible]повъ: *Курсъ сельскаго инженернаго искусства*. 1889 г. Фалевичъ: *Лекціи о дрена[illegible]ъ*. Спб., 1860 г., и статья А. Таненбаума въ т. XI, стр. 151—154, *Энциклопедич. С[illegible]варя Брокгауза и Ефрона*. Спб., 1893 г., на иностранныхъ: French: *Farm of Dra[illegible]nage*, № 7, 1860. Krenter: *Handbuch der Drainage*. B. 1887, и Merl: *Neue Theorie [illegible]r Bodenentwässerung* 1890.

**) Его подлинныя слова гласятъ: „Die Drainage sei eine in ihren Erfolgen [illegible]o unsichere und dabei so kostspielige Melioration, auch lägen darüber so wenig Erf[illegible]-

Впрочемъ, какъ бы извиняясь за легкомыслiе своего министра, нѣмцы вскорѣ поспѣшили радикально измѣнить свои воззрѣнiя на дренажъ.

Дренажъ или голодъ! — вотъ назанiе одной статьи *), имѣвшей громадный успѣхъ и выражавшей общее настроенiе прусскихъ землевладѣльцевъ. Красиво, горячо и эффектно написанная, эта статья стремилась побудить сельскихъ хозяевъ, которые умѣли жаловаться и тогда не хуже нынѣшнихъ аграрiевъ, завалить правительство петицiями, дабы хоть этимъ побудить его къ немедленному изданiю соотвѣтствующаго законодательнаго акта. Голодъ въ Пруссiи, голодный тифъ 47 года въ Верхней Силезiи и вообще слабый урожай во всѣхъ мѣстностяхъ Германiи съ преобладающею сырою глинистою почвой объясняются въ вышеназванной статьѣ исключительно отсутствiемъ дренажа.

«Если же при равной работѣ и при равной стоимости издержекъ производства дренированныя поля даютъ не только двойную, но даже и тройную противъ обыкновенной жатву, то остается ли намъ, — патетически восклицаетъ авторъ статьи,—выборъ между дренажемъ и голодовкою?»

Конечно, дѣло было еще далеко до голода, но во всемъ этомъ эффектномъ паѳосѣ скрывалась большая доза неприкрашенной дѣйствительности и интересно, что на всѣ приводимые въ этой статьѣ какъ агрономическiе, такъ научные и санитарные доводы въ пользу дренажа ссылались затѣмъ или такъ или иначе повторяли какъ многочисленныя журнальныя и газетныя статьи, такъ и рядъ петицiй въ рейхстагъ, подававшихся по этому поводу со всѣхъ концовъ Прусскаго королевства.

Къ этому времени на прусское министерство дѣйствительно обрушились петицiи такихъ важныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, какъферейны провинцiй: Бранденбургъ, Померанiя, собственно Пруссiя, Познань и Силезiя. Въ нихъ указывалось, что въ другихъ странахъ уже давно правительство пришло на помощь земледѣлiю не отрывочными мѣропрiятiями, но систематическою организацiей, и что соотвѣтствующiя дѣлу вѣдомства оказали необходимую поддержку мелiорацiоннымъ предпрiятiямъ не только помощiю случайныхъ и отдѣльныхъ позаимствованiй изъ суммъ государственныхъ фондовъ, но созданiемъ особаго капитала.

Но, несмотря на все это, прусское правительство по разнымъ мотивамъ откладывало дѣло.

Въ 1875 году вопросъ снова поднимался въ рейхстагѣ, но безуспѣшно. Наконецъ, два года спустя прусское министерство земледѣлiя принялось за разработку законопроекта о рентномъ банкѣ, а въ ноябрѣ 1878 года прое ъ закона, составленный соединенными усилiями какъ чиновниковъ заи ересованнаго министерства, такъ и свѣдующихъ людей и представителей

---

r gen vor, dass ich sich nicht bewagen fühlen könne, auf die Petition näher einz ,ehen". Цит. по G. Schober'у, стр. 7.

*) *Neue Landwirtschaftliche Zeitung*, тетр. 9, т. XVII, 1868 года, изд. D-r I 'ing'a.

различныхъ провинціальныхъ кредитныхъ учрежденій, внесли на разсмотрѣніе рейхстага.

Законъ о введеніи въ Пруссіи въ дѣйствіе положенія о рентномъ банкѣ былъ обнародованъ 13 мая 1879 года.

Организація меліораціоннаго кредита въ Пруссіи, какъ уже было выше указано, по своему типу значительно разнится отъ саксонскаго.

Прусскій рентный банкъ не представляетъ изъ себя государственнаго учрежденія. Онъ является особымъ кредитнымъ органомъ при мѣстномъ самоуправленіи, а потому долженъ имѣться въ каждой отдѣльной провинціи. Кругъ его дѣятельности не распростаняется далѣе границъ его провинціи. Такіе мѣстные обособленные банки пришлось поэтому учредить въ большомъ количествѣ и согласно § 3 прусскаго о нихъ закона открывать ихъ только съ согласія и по рѣшенію мѣстнаго лантага данной провинціи, которому открытіе это ни въ какомъ случаѣ не обязательно.

Но, устранивъ принудительное начало, законодатель поставилъ и условіе, что разъ только рентный банкъ будетъ открытъ въ извѣстной провинціи, то онъ обязательно долженъ строжайше слѣдовать всѣмъ предписаніямъ изданнаго законоположенія.

Суммы государственнаго казначейства, употреблявшіяся въ Пруссіи до 1875 года на меліораціонное дѣло, а затѣмъ раскассированныя по провинціямъ, были причислены къ вновь открывающимся провинціальнымъ рентнымъ банкамъ. Въ тѣхъ же провинціяхъ, гдѣ ранѣе закона 1879 года уже существовали годныя сельско-хозяйственныя кредитныя учрежденія, послѣднія сливались съ рентнымъ банкомъ. При этомъ, въ видѣ исключенія, допускались нѣкоторыя измѣненія и комбинаціи въ уставѣ рентнаго банка. Провинцій, въ которыхъ предлагается въ законѣ основать рентные банки, насчитывается 15 *).

Что касается финансовой стороны организаціи, то въ ней прусскій банкъ до нѣкоторой степени напоминаетъ саксонскій. Прусскій банкъ также выпускаетъ акціи или рентныя квитанціи, которыя носятъ здѣсь названія Landeskulturrentenbriefe. Что касается залоговаго обезпеченія и порядка относительно испрошенія согласія у кредиторовъ, записанныхъ въ гипотечную книгу, то для заемщиковъ, въ виду крайней задолженности прусскаго землевладѣнія, сдѣланы всевозможныя облегченія. Общины и меліора-

---

*) 1. Восточная и Западная Пруссія, Поммеранія, Познань, Бранденбургъ, Прусская Силезія, Прусская Саксонія, Ганноверъ, Шлезвигъ-Голштейнъ, Вестфаль и Прирейнская провинція (Die Provinzial-Verbände von Ostpreu[ssen], etc.).

2. Округи Кассель и Висбаденъ (Die Kommunal-Verbände der Regierung[s]bezirk Kassel und Wiesbaden).

3. Гогенцоллернъ (Die Landes-Kommunal Verband der Hohenzollern'schen Lande).

4. Лауэнбургъ (Die Kommunal-Verband des landrätlichen Kreises Herzogtum Lauenburg).

цiонныя товарищества не представляютъ никакихъ обезпеченiй. Дѣятельность прусскихъ банковъ распространяется на нѣсколько видовъ мелiорацiй *), которыя въ саксонскомъ уставѣ совершенно не имѣются. Нѣкоторые же пункты (напримѣръ, объ облѣсенiи, водяныхъ путяхъ сообщенiя и о помощи при устройствѣ новыхъ деревенскихъ хозяйствъ) не имѣются ни въ одномъ изъ германскихъ уставовъ. Дѣятельность банковъ сопряжена съ созданiемъ мелiорацiонныхъ товариществъ, для которыхъ имѣется выработанный правительствомъ нормальный уставъ.

Выпускаемыя банкомъ рентныя квитанцiи не должны превышать $4^{1}/_{2}\%$ годовыхъ, а % погашенiя долженъ быть не ниже $^{1}/_{2}$ въ годъ. Рента должна взноситься сполна въ теченiе года или наличными деньгами, или квитанцiями банка по наличной цѣнѣ.

Составляющiйся отъ покупки квитанцiй фондъ **) (разница между номинальною цѣной и курсомъ составляетъ прибыль банка), увеличенный сверхъ того и иными операцiями банка, носитъ названiе резервнаго. Резервный капиталъ снова пускается въ оборотъ и къ нему приписываются наростающiе отъ этого проценты. Когда же резервный фондъ переступитъ

---

*) Въ этомъ отношенiи небезъинтересно сравнить тексты обоихъ законовъ. Въ саксонскомъ (26 ноября 1861 г.) говорится: Landeskultur-Rentenbauk hat nur die Leistung und Zahlung solcher Geldbeträge ganz oder theilweise zu vermitteln und zu übernhmen welche:

A) zur Ausführung einer Wasserlaufs—berichtigung aufzubringen oder;

B) zu Ausführung eines Ent oder Bewässerunganlage für landwirthschaflich benutzte Grundstücke zu verwenden sind (§ 3), и въ дополненiе къ нему (отъ 1 iюля 1872 года) прибавлено: Die Landescultur Rentenbank hat die Leistung und Zahlung auch solcher Geldbeträge ganz oder theilweise zu vermitteln und zu übernehmen, welche von Grundstücksbesitzern nach Ortsverfassung als antheiliges Anlage Kapital:

a) zur Ausführung oder zum Umbaue einer im öffentlichen Interesse nöthigen Anlage zu Entwässerung eines Ortes oder von Theilen eines Ortes, oder;

b) zür ersten Herstellung einer bauplanmässigen Strasse inerhalb einer Ortschaft auf zubringen sind. (§ 1). Между тѣмъ несравненно обширнѣе задачи прусскаго рентнаго банка. § 1 его устава гласитъ: zu folgenden Zwecken:

1) zur Förderung der Bodenkultur, insbesondere zu Entwässerungs - (Drainierungs) und Bewässerungs-Anlagen, zur Anlage und *Regulirung von Wegen, zu Waldkulturen und Urbarmachung, zur Einrichtung neuer ländlicher Wirtschaften*;

2) *zu Ufferschutzanlagen;*

3) zur Anlage, Erweiterung und Unterhaltung *von Deichen* und dazu gehörigen Sicherungs und Meliorations Anlagen;

4) zur Anlegung, Benutzung oder Unterhaltung *von Wasserlaufen* oder *Sammelbecken*, zur Herstellung und Verbesserung von *Wasserstrassen* (Flössereien) und anderen Schiffahrtsanlagen.

Können Landeskultur-Rentenbanken errichtet werden.

**) § 17 закона говоритъ: „Aus denjenigen Summen, welche die Landes Kultur Rentenbank durch zinstragende Benutzung ihrer Kassenbestände, durch Kursgewinn oder durch Verjährung von Zinscheinen und aus gelosten Laudeskultur Rentenbriefen gewinnt, wird ein Reserwefonds gebildet. Die Zinsen des Reserwefonds werden denselben zugeschlagen".

извѣстную высоту, то изъ него берутся необходимыя для покрытія расходовъ по управленію суммы. И здѣсь законодательство, также какъ и въ Саксоніи, уклонилось отъ перенесенія расходовъ по управленію на заемщиковъ рентнаго банка.

Администрація прусскихъ банковъ служитъ въ нихъ по выборамъ и обязуется правительствомъ ежегодно представлять въ министерство, опубликованный для всеобщаго свѣдѣнія, свой печатный годовой отчетъ.

III.

Баварія.

На этой послѣдней изъ взятыхъ мною странъ придется остановиться нѣсколько подробнѣе. Сдѣлаю это я по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, потому, что Баварія сравнительно съ остальными государствами имперіи представляетъ изъ себя наиболѣе земледѣльческую страну; въ ней по послѣдней германской переписи числилось до 50 процентовъ земледѣльческаго населенія, а этотъ фактъ весьма для насъ важенъ.

Во-вторыхъ, потому, что законъ, дающій Баваріи организованный меліораціонный кредитъ, какъ по времени изданія наиболѣе поздній, такъ и по содержанію своему наиболѣе богатый. Законъ этотъ, по-моему, по своей полнотѣ и законченности свободно можетъ являться образцовымъ учрежденіемъ типа меліораціоннаго банка, основаннаго на государственныя средства.

Для большей наглядности излагаемыхъ далѣе свѣдѣній какъ о дѣятельности баварскаго рентнаго банка, такъ и о значеніи для Баваріи меліораціоннаго кредита, приведу нѣсколько данныхъ изъ области сельско-хозяйственной статистики.

Баварія занимаетъ площадь въ 7.586,479 гектаровъ; изъ нихъ 40,5% находятся подъ полевымъ хозяйствомъ и огородничествомъ.

Относительно распредѣленія хлѣбовъ и жатвы даетъ наглядную картину слѣдующая табличка:

Чѣмъ занято.	Колич. гектаровъ.	Размѣры урож. въ тысяч. килогр.
Рожь	543,615	816,539
Овесъ	322,453	520,594
»	351,268	541,017
»	450,648	620,158
Картофель	300,094	3.659,584
Луга	1.275,537	5.611,674
Лѣсъ	2.600,000	—

Что же касается скотоводства *), то головъ скота въ то же время было:

*) Свѣдѣнія какъ по земледѣлію, такъ и но скотоводству взяты изъ *Статистическаго Ежегодника Герман. Имперіи за 1894 г.* Для интересующихся подробностями нельзя не указать на превосходное изданіе баварскаго министерства внутреннихъ дѣлъ: *Die Landwirtschaft in Bayern*. Denkschrift. München, 1890.

лошадей	369,035
рогатаго скота . . .	3.337,978
овецъ	968,414
свиней.	1.358,744
козъ.	268,471

Баварія всегда была по преимуществу страною земледѣльческою и жители справедливо называли себя въ шутку не «Bayernland» а «Bauerland». Строго католическая, мало населенная, съ рѣдкими и, притомъ, кромѣ двухъ-трехъ, незначительными городами, страна эта какъ-то всегда отставала отъ остальныхъ нѣмецкихъ государствъ. Та же отсталость наблюдалась и въ земледѣліи, и въ народныхъ нравахъ, и въ экономическомъ устройствѣ.

Новая эра для баварскаго сельскаго хозяйства началась съ конца 40-хъ годовъ. Подъ давленіемъ охватившаго всю Европу движенія, былъ проведенъ и въ Баваріи рядъ преобразованій. Законъ 4 іюня 1848 года снималъ съ землевладѣльцевъ всѣ тормазившія сельское хозяйство повинности, а два послѣдовавшія нововведенія, — лѣсной законъ 1852 года и законъ о коллегіальныхъ меліораціонныхъ предпріятіяхъ, изданный въ маѣ того же 1852 года, — вызвали въ свѣтъ частную иниціативу. Благодаря какъ этому толчку, такъ и подъ вліяніемъ ряда другихъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ земельныхъ законоположеній, эта дѣятельность частной иниціативы продолжалась безъ особыхъ коренныхъ измѣненій вплоть до 1884 года, когда дѣло земельныхъ улучшеній было окончательно урегулировано и подпало подъ контроль государства.

Предварительно остановимся на первомъ періодѣ, именно на времени до окончательной организаціи меліораціоннаго кредита, т.-е. до 1884 года.

Баварскій законъ 28 мая 1852 года дарилъ странѣ тѣ громадныя богатства, которыя могутъ быть извлекаемы изъ почвы при раціональномъ пользованіи водою. Устраивая водяное дѣло по требованіямъ техники и агрономической науки, осушая болота, дренируя тяжелыя глинистыя почвы, орошая пески, регулируя рѣчки, устраивая водохранилища и системы клапанныхъ трубъ, дающихъ возможность урегулировать необходимый притокъ воды, законъ этотъ сравнительно въ короткій промежутокъ времени поднялъ доходность меліорированныхъ имѣній и завоевалъ довѣріе сельскихъ хозяевъ. Но, конечно, одного закона и одной частной иниціативы при ограниченности частныхъ средствъ было недостаточно и потребность организаціи необходимаго для дѣла кредита вскорѣ стала ощутительною.

Не помогали дѣлу и вызванныя этимъ же закономъ въ свѣтъ такъ называемыя водныя товарищества (Wassergenossenschaften), хотя и оказавшія громадную услугу баварскому сельскому хозяйству, но все же бывшія, въ виду отсутствія необходимыхъ средствъ, какъ бы со связанными руками.

Водныя товарищества, существующія въ Баваріи и функціонирующія успѣшно и до сихъ поръ, надѣлены были закономъ довольно значительными правами и привилегіями. Онѣ при извѣстныхъ условіяхъ могли производить принудительныя работы на чужой землѣ. Эта принудительность осо-

бенно горячо поддерживалась закономъ при обширныхъ меліораціонныхъ предпріятіяхъ, скорѣе служившихъ общественной пользѣ, чѣмъ непосредственной выгодѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ.

Выработанный закономъ простой и удобный нормальный уставъ водныхъ товариществъ разрѣшалъ ихъ возникновеніе при наличности всего трехъ желающихъ заняться водною меліораціей землевладѣльцевъ. Вызванные въ свѣтъ самою необходимостью, они скоро покрыли собою всю Баварію и къ 1870 году въ водныхъ товариществахъ насчитывалось нѣсколько больше 13 тысячъ членовъ.

Въ періодъ отъ 1853 по 1870 годы были исполнены въ Баваріи слѣдующія предпріятія *).

Группа меліорацій по орошенію и осушенію, произведенныхъ на основаніи §§ 1 и 46 закона 28 мая 1852 года:

Число предпріятій, исполненныхъ товариществами за этотъ періодъ времени	321
Число членовъ товариществъ	13,094
Изъ нихъ лицъ, къ тому вынужденныхъ	61
Число меліорированныхъ участковъ	27,643
Земельная площадь меліорацій	31,893 гект.
Оказано косвенное вліяніе на	23,531 »
Издержки	811,818 мар.

Группа иныхъ меліораціонныхъ работъ по водному дѣлу, произведенныхъ на основаніи §§ 62, 63, 86 и 89 того же закона:

Меліорированная земельная площадь	3,156 гек.
Издержки на это	228,600 мар.

Группа меліораціонныхъ работъ по дренажу:

Число предпріятій	1,695
Дренированная площадь	7,785 гек.
Расходы по дренированію	1.084,654 мар.

Группа работъ по округленію владѣній, уничтоженію черезполосицъ и пр. (такъ называемой Arrondirungen), произведенныхъ на основаніи §§ 6 и 25 закона 10 ноября 1861 года:

Количество предпріятій	834
Количество землевладѣльцевъ	4,525
Количество участковъ до округленія	30,002
Количество участковъ послѣ	10,880
Общая земельная площадь	12,706 гек.

Для первыхъ трехъ группъ меліорацій имѣются и среднія цифры стоимости работъ за одинъ гектаръ.

Вычисленіе показало, что *при осушительныхъ и оросительныхъ работахъ* стоимость расходовъ на одинъ гектаръ обходилась въ среднемъ

*) Цифровыя данныя цитированы по г. Гаагу (см. литературу).

21 мар., что при разсчетѣ на одного члена товарищества давало 2,38 гектара и 61 м.

Вторая группа — остальныхъ меліорацій по водяному дѣлу за гектаръ . . . . 69 мар.

Дренажъ за гектаръ въ среднемъ . . . . 123 мар., т.-е. былъ наиболѣе цѣнною меліораціей. Впрочемъ, въ разное время въ Германіи цѣнность дренированія одного гектара доходила и до 300 мар. *).

Всѣ эти предпріятія дѣлались, какъ я уже говорилъ, на частныя средства и по частной инициативѣ. Это указываетъ, что меліораціонное дѣло было вызвано не «теоріями», а нуждою, какъ и вообще всѣ эти рентные банки, дренажи, интензивныя культуры не есть плодъ фантастическихъ затей, а неизбѣжная необходимость.

Гонимые этою необходимостью, баварскіе меліораторы обращались за помощію къ мѣстной администраціи и иногда удавалось добиться кредита и изъ общественныхъ суммъ.

Въ 1866 году, по инициативѣ г. Гаага, возникло въ Верхней Баваріи сельско - хозяйственное кредитное общество, задавшееся исключительною цѣлью доставленія необходимаго для меліораціонныхъ предпріятій кредита. Но отсутствіе значительнаго оборотнаго капитала, а равно и рядъ затрудненій чисто-бюрократическаго свойства, наприм., особое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніе ландрата, не дали возможности сдѣлать дѣятельность этого учрежденія сколько-нибудь значительною.

Къ этому времени и баварскіе ипотечные банки начинаютъ открывать меліораціонный кредитъ землевладѣльцамъ. При ихъ помощи также были выполнены нѣкоторыя предпріятія, но банки эти затруднялись во многихъ случаяхъ ассигновками денегъ на ссуды, такъ какъ, не владѣя особымъ техническимъ персоналомъ, они не являлись достаточно компетентными въ этомъ дѣлѣ.

Необходимость спеціальнаго органа меліораціоннаго кредита сознавалась все болѣе и болѣе. И вотъ въ началѣ 1876 г. сельско-хозяйственнымъ комитетомъ округа Хофъ была подана петиція въ баварскую камеру депутатовъ, въ которой указывалось на громадный успѣхъ, достигнутый въ Саксоніи при помощи рентнаго банка. Эта петиція обсуждалась въ іюлѣ того же года въ баварскомъ лантагѣ. Обѣ камеры лантага, по зрѣлому обсужденію дѣла, рѣшились обратиться къ верховной власти за разрѣшеніемъ издать постановленіе для открытія въ Баваріи рентнаго банка.

По высочайшему указу 29 іюня 1876 года, распускавшему лантагъ, предписывалось (§ 30) министерству внутреннихъ дѣлъ произвести надлежащія подготовительныя работы, но министерство по неизвѣстнымъ причинамъ медлило дѣломъ.

І только восемь лѣтъ спустя послѣ запроса, сдѣланнаго (13 января 188[illegible] года) однимъ изъ депутатовъ къ правительству, стало общеизвѣст-

*) У насъ дренажъ обходился приблизительно отъ 50 до 60 руб. за десятину.

нымъ, что министерство намѣрено въ самомъ ближайшемъ будущемъ осуществить реформу. Отвѣчая на этотъ запросъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, сверхъ того, заявилъ, что правительство, озабоченное изысканіемъ всевозможныхъ средствъ для поднятія баварскаго сельскаго хозяйства и основываясь на богатомъ опытѣ другихъ странъ, уже давно разрѣшило вопросъ меліораціоннаго кредита въ положительномъ смыслѣ и все это время не упускало его изъ виду.

За скорѣйшее введеніе реформы высказался и генеральный комитетъ баварскаго сельско-хозяйственнаго общества, играющаго, какъ извѣстно, въ силу числа своихъ членовъ, средствъ и привилегій, громадную роль въ экономической жизни страны. Не лишнимъ будетъ, можетъ быть, здѣсь добавить, что именно этимъ обществомъ въ Баваріи доставляется необходимый для сельскаго хозяйства *кратко-срочный* кредитъ для покупки орудій и машинъ, сѣмянъ, скота и удобреній. Закупая все это въ громадныхъ количествахъ, общество ссужаетъ по своей цѣнѣ своимъ членамъ, взимая самый минимальный %. Ссуды же, предназначенныя для меліорированія почвъ, несмотря на свои неустанныя заботы о сельско-хозяйственномъ кредитѣ, баварское общество никогда не выдавало, такъ какъ, съ одной стороны, операціи эти по существу своему долгосрочныя, т.-е. требующія громаднаго спеціальнаго капитала, съ другой—настолько обширныя и спеціальныя по своей техникѣ, что требуютъ особой и довольно сложной организаціи.

По высочайшему указу, баварскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, совмѣстно съ министерствами юстиціи и финансовъ (но безъ участія представителей мѣстныхъ и кредитныхъ учрежденій, какъ то дѣлалось въ Пруссіи), было приступлено къ выработкѣ соотвѣтствующаго законопроекта, который по общему порядку затѣмъ былъ внесенъ на обсужденіе лантага. Лантагъ передалъ проектъ на заключеніе особой коммиссіи, вполнѣ его одобрившей *).

Затѣмъ при окончательномъ обсужденіи законопроектъ прошелъ въ палатѣ депутатовъ съ 120 голосами за и съ однимъ противъ, въ камерѣ государственныхъ совѣтниковъ—единогласно.

Наконецъ, законъ о введеніи въ Баваріи спеціальнаго учрежденія меліораціоннаго кредита былъ окончательно санкціонированъ верховною властью и вошелъ въ силу подъ именемъ закона 21 апрѣля 1884 года.

Основныя положенія баварскаго закона болѣе походятъ на саксонскія, чѣмъ прусскаго, хотя и отъ нихъ они значительно разнятся.

Баварскій рентный банкъ земельной культуры (Landeskulturrentenbank) есть государственное учрежденіе и имѣетъ свое мѣстопребываніе въ

*) Въ коммиссію эту вошли: въ качествѣ предсѣдателя депутатъ бар. Содэнъ, референта—депут. Гунценхензеръ, корреферента—депут. д-ръ Франкъ, членовъ отъ правительства—министръ финансовъ Ф. Кидэль, министръ внутреннихъ дѣлъ Ф. Фейлитцшъ и три коммисара лантага: Ф. Ноессъ, Гаагъ и Рейзенбахъ.

столицѣ Баварiи, городѣ Мюнхенѣ, гдѣ причисленъ къ вѣдомству по погашенiю государственныхъ долговъ.

Онъ находится въ вѣдѣнiи министерства внутреннихъ дѣлъ, которое сносится относительно его съ министерствомъ финансовъ на общихъ основанiяхъ. Но банкъ, причисленный къ вѣдомству погашенiя государственныхъ долговъ, все же является, въ сущности, только одною конторой, ведущею счетную часть и операцiи по изданiю рентныхъ квитанцiй и ихъ покупкѣ. Самое же дѣло мелiорацiи находится въ вѣдѣнiи двухъ другихъ инстанцiй: постоянной *коммиссiи* по мелiорацiонному дѣлу, входящей въ составъ управленiя *министерства внутреннихъ дѣлъ*, и *административнаго управленiя округовъ*, которое при своемъ вѣдомствѣ (но опять не по внутреннимъ дѣламъ) имѣетъ соотвѣтствующiй отдѣлъ. Этотъ послѣднiй черезъ рядъ подчиненныхъ ему лицъ непосредственно вѣдаетъ дѣла мелiорацiи.

Прошенiя о ссудахъ разсматриваетъ коммиссiя, а исполненiе работъ ведетъ окружная администрацiя черезъ окружныхъ инженеровъ (Kreis Kulturingenteur), ихъ помощниковъ, спецiалистовъ-техниковъ, надсмотрщиковъ и пр.

Выше было уже сказано, что банкъ, коммиссiя и округи, т.-е. всѣ три инстанцiи, касающiяся мелiорацiоннаго дѣла, *относятся къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ*. Само собою разумѣется, что имѣй Баварiя *особое министерство земледѣлiя, то по духу и смыслу всего мелiорацiоннаго дѣла, не созданнаго для фискальныхъ цѣлей, но вызваннаго нуждами сельскаго хозяйства, оно перешло бы въ вѣдѣнiе подобнаго министерства*, но отнюдь *не министерства финансовъ*. Баварскiй министръ финансовъ относительно мелiорацiоннаго кредита поступаетъ по общимъ основанiямъ, которыми руководствуется онъ при разсмотрѣнiи бюджетовъ чужихъ вѣдомствъ.

Баварскiй рентный банкъ выпускаетъ по мѣрѣ необходимости четырехпроцентныя акцiи или рентныя квитанцiи (Schuldverschreibungen, Landeskultur-rentenscheine), обращенiе которыхъ на основанiи закона 1882 года не должно было въ общей сложности превышать 2 милл. марокъ. Въ послѣдней же сессiи баварскаго ландтага ($^{93}/_{94}$ года) разрѣшено было размѣръ обращенiя довести до 4 миллiоновъ марокъ.

Ссуды выдаются на возможно болѣе выгодныхъ условiяхъ для землевладѣльцевъ изъ $3^3/_4$% годовыхъ и $^1/_2$% погасительныхъ, а срокъ погашенiя займа простирается до 58 лѣтъ. Возвратъ ссуды происходитъ ежегодно небольшими взносами, носящими названiе культурной ренты (Kulturrente). Взносъ составляется изъ двухъ частей: процентовъ за ссуду и нѣкоторой доли капитала, равномѣрно такимъ образомъ погашаемаго. При займахъ съ болѣе короткимъ срокомъ, само собою понятно, и погашенiе производится въ болѣе крупной суммѣ [1]).

---

[1]) Подробности изложены въ двухъ соотвѣтствующихъ законодательныхъ распоряженiяхъ: 7 апрѣля 1885 г. и 18 мая 1886 г., которыя помѣщены въ оффицiальномъ баварскомъ изданiи *Gesetz und Verordnungsblatt*, стр. 237 и 195, за соотвѣтствующiе годы.

Поэтому вся система погашенія и процентовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Ссуда должна быть погашена въ теченіе:	Процентъ за ссуду (Zins) равняется:	Процентъ погашенія (Tilgungsquote).	Культурная рента или общій % займа.
58 лѣтъ	3¾	½	4¼
42 »	»	1	1¾
28½ »	»	2	5¾
26½ »	»	2¼	6
23½ »	»	2¾	6½
21 »	»	3¼	7
20 »	»	3½	7¼
17½ »	»	4¼	8
15 »	»	5¼	9
10 »	»	8½	12¼
9½ »	»	9	12¾

Ссуды отбираются закономъ только въ самыхъ рѣдкихъ, предусмотрѣнныхъ законами случаяхъ, а именно: если ссуда не была употреблена соотвѣтственно заявленнымъ плану и сроку предпріятія, если вообще право на полученіе или высоту ссуды оспариваемо и, наконецъ, если наслѣдникъ или вообще лицо, пріобрѣтшее тѣмъ или инымъ способомъ начавшійся меліорироваться участокъ, не желаетъ продолжать дѣла своего предшественника, а слѣдовательно и перевести дѣла на себя. Нѣкоторыя другія детальныя свѣдѣнія по взносу и уплатѣ ссудъ и пр. можно найти въ приложеніи, помѣщенномъ въ концѣ книжки.

Что касается представленія залоговыхъ свидѣтельствъ, то это дѣло поставлено сообразно кредитоспособности заемщиковъ. Отъ общинъ (Gemeinde) не требуется ничего въ видѣ обезпеченія, равнымъ образомъ и товарищества, которыя производятъ меліораціи на основаніи закона 28 мая 1852 г. объ орошеніи и осушеніи съ цѣлью улучшенія почвенной культуры, освобождаются отъ обезпеченій. Прочіе же предприниматели должны представлять гипотеку подъ находящіеся въ ихъ пользованіи лѣсные или сельскохозяйственные земельные участки. Представляемое ими обезпеченіе должно равняться половинной цѣнѣ гипотеки.

Въ небольшой, изолированной отъ главной части Баваріи, находящейся по правую сторону Рейна, обезпеченіе представляется въ нѣсколько иномъ порядкѣ. Съ согласія кредитора, значущагося въ гипотечной книгѣ, культурная рента вписывается въ гипотечную книгу впереди остальныхъ рентъ, какъ обыкновенная, требующая уплаты, реальная рента, капиталъ которой для даннаго случая приравнивается первой половинѣ цѣны земельнаго владѣнія. Такимъ образомъ, здѣсь культурная рента пользуется въ дѣлѣ своего погашенія преимуществомъ передъ другими лежащими на томъ же участкѣ обязательствами и на нее раньше всего должно быть направлено вниманіе землевладѣльца-заемщика.

---

*) Въ виду громадной задолженности западно-европейскаго землевладѣнія, гипотека

Капиталъ, нужный для выполненія меліораціонныхъ работъ, получается банкомъ помощью выпуска четырехпроцентныхъ акцій или рентныхъ квитанцій, обращеніе которыхъ, какъ я уже сказалъ, въ общей сложности не должно превышать по послѣднему распоряженію 4-хъ милліоновъ. Въ виду того, что заемщики уплачиваютъ всего $3^3/_4\%$, но четырехпроцентными квитанціями, образуется разница въ $^1/_4\%$ со стомарочной квитанціи, которая и поступаетъ въ пользу государственной кассы. По росписи Лоджера на 90—91 годъ *), изъ этой разницы составилась сумма въ 3 тыс. марокъ.

Баварскій рентный банкъ былъ вызванъ, какъ было выше показано, на свѣтъ настоятельною необходимостью въ меліораціонномъ кредитѣ. Извѣстно, что въ Германіи, съ одной стороны, въ виду неоспоримаго факта замѣтнаго общаго пониженія въ послѣдніе годы земельной ренты, съ другой— въ виду прироста народонаселенія и возростанія размѣровъ крупной промышленности, увеличился спросъ на главнѣйшіе сельско-хозяйственные продукты: хлѣбъ и мясо, и вынудилъ и правительство, и населеніе обратить усиленное вниманіе на земледѣліе.

При малой продукціи своего зернового хозяйства, подавленные конкуренціей двухъ земледѣльческихъ великановъ, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Россія, нѣмецкіе сельскіе хозяева, а съ ними и администрація, обратили свое вниманіе на другія стороны хозяйства, именно на хозяйство водяное и луговое.

Первое, водяное, улучшая вообще плодородіе почвы, а, слѣдовательно, и повышая урожайность, должно было быть подспорьемъ второго. И дѣйствительно, водяное хозяйство также, кромѣ земледѣлія въ тѣсномъ смыслѣ, полезное и для нуждъ мелкой кустарной промышленности (вода, какъ двигатель), усиленно приводилось въ Германіи въ порядокъ и на немъ до нѣкоторой степени развилось и все меліораціонное дѣло. За меліораціонное дѣло германскіе сельскіе хозяева ухватились какъ за якорь спасенія,—это должно было быть универсальнымъ средствомъ противъ всѣхъ нуждъ земледѣлія и землевладѣнія. «Der Ackerboden kann noch in vielfacher Beziung verbessert werden»,—твердилось съ надеждою на всѣ лады въ Германіи. И мы выше уже видѣли, съ какою горячностью въ свое время ухватились тамъ за дренажъ. Надежды эти, конечно, въ сильной степени сбылись и повысили значительно доходность имѣній, но все же меліораціонное дѣло, при всѣхъ его достоинствахъ, одно не смогло окончательно водворить въ Германіи экономическій рай. Оставало ь сдѣлать еще очень и очень многое. И вотъ, отыскивая новые пути, взя-

---

иг етъ весьма важную роль въ тамошнемъ государственномъ хозяйствѣ: Гипотечныя кн ги, поэтому, ведутся съ замѣчательною, буквально изъ ряда вонъ выходящею строго ью и аккуратностью.

*) Въ Баваріи бюджетная роспись производится на два года или на одинъ такъ на ваемый финансовый періодъ.

лись за луговое хозяйство, раціональную постановку котораго въ высшей степени подготовила какъ правильная постановка водяного дѣла, такъ и вообще вся меліораціонная система, стремившаяся свести до минимума количество пустырей и заброшенныхъ земель.

Къ этой мысли пришли, конечно, не сразу и первые, кажется, подняли вопросъ пруссаки *).

Задумались надъ этимъ и въ Баваріи. Дѣло въ томъ, что Баварія владѣетъ 16% всей площади луговъ Германской имперіи, т.-е. 1.246,619 гектарами изъ общей поверхности въ 5.907,629 гектаровъ.

Не вдаваясь далѣе въ дѣло лугового хозяйства, что завело бы слишкомъ далеко, замѣчу только, что то же стремленіе къ его усиленію поддерживается и спеціальною агрономическою прессой.

Одна силезская сельско-хозяйственная газета **) указывала во время особеннаго возбужденія въ пользу лугового хозяйства, что вообще задача европейской агрономіи, это—усиленіе скотоводства на счетъ земледѣлія.

Эта мысль, конечно, имѣетъ совершенно особенное значеніе для Баваріи, которая, какъ извѣстно, славится своимъ рогатымъ скотомъ. Превосходныя породы его, какъ алльдауерская, пинцгауерская, мисбахская и др. въ Верхней Баваріи и Швабіи, шенфельдская и фойгтленская въ долинахъ сѣвернѣе Дуная, составляютъ въ Баваріи уже много лѣтъ предметъ торговли ***). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новая сельско-хозяйственная тенденція Баваріи, стремящаяся усилить луговое хозяйство, а съ нимъ увеличить производство столь важнаго продукта, какъ мясо, будетъ имѣть въ будущемъ полный успѣхъ и въ этомъ цѣликомъ будетъ обязана исключительно одной раціональной организаціи меліораціоннаго дѣла и кредита.

Но вернемся снова къ послѣднему. Баварскій рентный банкъ со дня своего открытія завоевалъ симпатіи населенія. Общины, товарищества, а постепенно и отдѣльные землевладѣльцы стали обращаться къ нему за по-

---

*) Любопытна мотировка учрежденія въ Пруссіи рентнаго банка, въ которой уже чувствуется указанная выше тенденція: „Es fordern hiezu Erscheinungen auf, welche im lezten Jahrzehnt zu Tage getreten sind, Erscheinungen, welche unwiderleglich darthun, das die Einfuhr der nothwendigsten Lebensmittel aus dem Auslande sich in regelmässiger Zunahme befindet. Soviel aber wird unbedingt als feststehend angenommen werden müssen, das die Produkte der einheimischen Landwirthschaft zur Ernährung der Bevölkerung nicht ausreichen und dass mithin das allgemeine Interesse ausgiebiger und wohlfeiler Ernährung der gesammten Bevölkerung *Massregeln erfordert*, welche geeignet sind, der Vermehruug der inländischen Produktion *an den unentbehrlichsten Wahrungsmitteln* wirksam zu dienen". Цит. по Гаагу, приводящему подлинныя слова стенограф. отчета засѣданій рейхстага $^{78}/_{79}$ г. (см. литературу).

**) „Der Landwirth", годъ 1883, № 8.

***) Напримѣръ, небольшой скотопригонный рынокъ въ г. Бамбергѣ въ Баваріи продалъ въ періодъ 1864—81 гг. свыше 92 тысячъ штукъ крупнаго рогатаго скота, а въ одномъ 1882 году тотъ же рынокъ сбылъ около 13 тыс. штукъ скота цѣною въ общей сложности въ $5{,}_2$ милліона марокъ.

собіемъ. Это, конечно, отнюдь не исключило предпріятій, производившихся на частныя средства по желанію землевладѣльцевъ, но послѣдніе получили возможность дарового составленія проектовъ меліорацій и предварительно для нихъ смѣты расходовъ, а равно могли, по желанію, и обращаться къ техническому персоналу, поставленному банкомъ, безвозмездно принимающему на себя руководство при исполненіи работъ.

По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, рентный банкъ выдалъ по 15 октября 1889 года слѣдующія суммы:

въ 1884	году	77,360	марокъ
» 1885	»	49,648	»
» 1886	»	85,137	»
» 1887	»	72,955	»
» 1888	»	87,206	»
» 1889	»	143,803	»

Итого въ теченіе 5 лѣтъ было выдано 486,109 марокъ. Послѣднія распредѣлились въ такомъ порядкѣ: общины взяли себѣ 258,765 марокъ, товарищества—125,880 м., а остальныя 101,464 м. получили частныя лица. Эти суммы были получены 41-ю общиной и 830 сельскими хозяевами, изъ которыхъ 775 человѣкъ числилось членами водныхъ товариществъ. Что касается величины пособія, то на одно предпріятіе приходится въ среднемъ по 556 марокъ.

Дѣятельность банка за первое пятилѣтіе его существованія выразилась въ слѣдующей картинѣ:

1) работы по орошенію.	103,307 м.
2) работы по осушенію	88,480 »
3) работы по осушенію и орошенію одновременно . .	134,702 »
4) поправка руслъ ручьевъ и рѣчекъ, защита береговъ и проч.	108,050 »
5) округленіе участковъ, уничтож. черезполосицы и пр.	2,500 »
6) работы по увеличенію плодородія и улучшенію почвы полей и луговъ	19,690 »
7) пути сообщенія для лучшаго пользованія сельско-хозяйственнымъ землевладѣніемъ	17,380 »
8) облѣсеніе принадлежащихъ общинамъ пустырей . .	12,000 »
Итого . . .	486,109 м.

Отдѣльные землевладѣльцы брали обыкновенно ссуды на 58 л., товарищества же на срокъ болѣе короткій—на $26^1/_2$ лѣтъ.

о другимъ источникамъ, за весь періодъ отъ 1870 года по январь 188 года было произведено:

I. По водной меліораціи:

76 предпріятій (число членовъ товарищ. 26,119) улучшили 23,727,32 гектара, стоимостью 1.737,666 мар., и 135 предпріятій—1,335,97 гектара, стоимостью работъ 385,310 марокъ.

II. Дренажъ:

Произведено было дренированіе на 10,120,87 гектара, на что израсходовано 1.734,432 марки.

Таковы въ общихъ чертахъ баварскій рентный банкъ и его меліораціонная дѣятельность.

Впрочемъ, значеніе послѣдней становится особенно яркимъ и очевиднымъ, когда мы примемъ во вниманіе всю вообще картину положенія сельско-хозяйственнаго кредита въ Баваріи.

Кромѣ обычныхъ операцій государственнаго и частныхъ земельныхъ банковъ, кромѣ разносторонней дѣятельности (исключительно краткосрочнаго кредита) богатаго и вліятельнаго баварскаго сельско-хозяйственнаго общества, здѣсь имѣется и широко развитая система сельско-хозяйственныхъ кредитныхъ союзовъ или сельскихъ банковъ типовъ Шульце-Делича и Рейфэйзена. Дѣятельность послѣднихъ слишкомъ извѣстна, чтобы здѣсь на ней останавливаться *). Такимъ образомъ, баварскій меліораціонный банкъ является полезнымъ и важнымъ звеномъ въ общей раціонально поставленной системѣ сельско-хозяйственнаго кредита.

Остается сказать нѣсколько словъ о постановкѣ въ Баваріи технической части, о дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя на основаніи открываемаго меліораціоннымъ банкомъ кредита непосредственно руководятъ дѣломъ.

Различныя меліораціонныя работы производились кое-гдѣ въ Баваріи и до 1852 года, но спеціалистовъ-техниковъ для производства соотвѣтствующихъ сооруженій тогда еще не существовало. Топографы, архитекторы и другія лица, безъ особыхъ спеціальныхъ знаній, исполняли при нуждѣ кое-какія подвертывавшіяся меліораціонныя работы, истрачивая при этомъ массу и времени, и денегъ.

Недостатокъ въ спеціально подготовленныхъ людяхъ началъ ощущаться особенно сильно послѣ изданія въ свѣтъ вышеупомянутыхъ законовъ 1852

*) Приведу только нѣкоторыя данныя, касающіяся Баваріи. „Шульце-деличское“ движеніе проникло сюда, также какъ и въ остальную южную Германію, въ началѣ 60-хъ годовъ. Первые ферейны—среднефранкскіе—возникли въ главномъ городѣ баварской провинціи Средней Франконіи въ Ансбахѣ, въ 1862 году. Затѣмъ появились: верхнебаварскіе — Мюнхенъ, 1866 г.; верхнепфальцкіе — Регенсбургъ, 1867 г.; швабскіе—Аугсбургъ, 1868 г., и т. д. Затѣмъ вообще кредитный вопросъ особенно сильно занималъ баварцевъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Собранія баварскихъ сельскихъ хозяевъ (такъ назыв. Werderversamlungen) въ 1881 году въ Шпейерѣ, затѣмъ въ Тольцѣ, Аугсбургѣ и друг. городахъ Баваріи, а также и генеральный комитетъ не разъ уже мною упомянутаго баварскаго сельско-хозяйственнаго общества постоянно ставили на очередь организацію кредитнаго дѣла. Въ это же время возникли и сельскіе банки или ферейны по типу Рейфэйзена, которые въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ настолько умножились, что почти вытѣснили шульце-деличскіе. Такъ, по свѣдѣніямъ *1881 года* въ Баваріи были: *94 шульце-деличскаго типа, 42 Рейфэйзена* и *2 вольныхъ* сельскихъ банка, а въ 1890 году ихъ числилось уже *197 рейфэйзеновскихъ*, около *100 шульце-деличскихъ* и *19 мѣстныхъ* ссудо-сберегательныхъ кассъ.

года. Баварское правительство, для практическаго осуществленія послѣднихъ, было вынуждено приглашать изъ другихъ европейскихъ государствъ спеціалистовъ и назначать стипендіи молодымъ людямъ, изъявившимъ готовность изучить технику улучшенія почвы за границей.

Это дало возможность постепенно назначить въ каждый изъ административныхъ округовъ Баварскаго королевства по одному спеціально подготовленному лицу, которому было присвоено званіе «окружного культуръ-инженера». Затѣмъ явилась необходимость организовать и требуемый низшій вспомогательный персоналъ, что было уже не трудно при наличности спеціально образованныхъ инженеровъ. Низшій персоналъ слѣдилъ на мѣстѣ за исполненіемъ приказаній инженера, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовалъ и самолично. Чины послѣдняго подраздѣлялись на такъ называемыхъ луговыхъ надсмотрщиковъ (вольный переводъ нѣмецкаго Wiesenbaumeister), окружныхъ и участковыхъ культуръ-техниковъ (Kreiskulturtechniker, Bezirkskulturtechniker, Kulturvorarbeiter) и проч.

Окружные культуръ-инженеры назначаются обыкновенно администраціей округа. Въ отдѣльныхъ случаяхъ ихъ предлагаютъ и утверждаютъ въ должности окружные комитеты баварскаго сельско-хозяйственнаго общества. Содержаніе инженера выплачивается изъ суммъ такъ называемаго окружного фонда. Окладъ жалованья вмѣстѣ съ разъѣздными и суточными (во время служебныхъ поѣздокъ) колеблется обыкновенно между 3 и 5 тысячами марокъ.

Въ административно-техническомъ отношеніи Баварія раздѣляется на 8 округовъ; во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ обыкновенно одинъ культуръ-инженеръ.

Округи эти и составъ штата слѣдующіе:

I. *Верхняя Баварія*: 2 высшихъ (инженеръ и его ассистентъ) и 8 низшихъ чиновниковъ.
II. *Нижняя Баварія:* 1 инженеръ и 3 надсмотрщика.
III. *Пфальцъ:* 1 инженеръ и 5 надсмотрщиковъ.
IV. *Верхній Пфальцъ и Регенсбургъ:* 2 высшихъ чиновника.
V. *Верхняя Франконія*: 2 инженера и 4 низшихъ чин.
VI. *Средняя Франконія:* 2 высшихъ; низшіе нанимаются по мѣрѣ необходимости.
VII. *Нижняя Франконія и Ашаффенбургъ:* 1 инженеръ, 1 техникъ, 1 окружной надсмотрщикъ, 7 участковыхъ техниковъ, 8 надсмотрщиковъ.
VIII. *Швабія и Нейбургъ:* 1 инженеръ, 2 отъ правительства и 3 отъ сельско-хозяйственнаго общества надсмотрщика.

.а симъ въ двухъ маленькихъ самостоятельныхъ участкахъ числятся по одному технику. Участки эти, Цизмархаузенъ и Диллингенъ, находятся подъ вѣдѣніемъ управленія VIII округа.

сего, такимъ образомъ, персонала, занятаго меліораціоннымъ дѣломъ въ Баваріи, высшаго 18 человѣкъ, низшаго около 60 человѣкъ. Въ настоящее время окружные инженеры получаютъ трехлѣтнюю подготовку въ

мюнхенскомъ политехникумѣ (высшей технической школѣ), для поступленія въ число студентовъ которой принимаются молодые люди, окончившіе курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ (Oberrealschule) или въ классическихъ гимназіяхъ.

Учебный планъ занятій слѣдующій: въ I году проходятся: высшая математика, общая ботаника, агрономическая химія, ученіе о питаніи растеній, геогнозія, ученіе о содѣйствіи плодородію почвы и искусство осушки ея, геометрическое черченіе.

II. Техническая механика съ графическою статикой, архитектура, практическая геометрія, общее ученіе о путяхъ сообщенія, ученіе объ уходѣ за лугами, топографическое черченіе.

III. Высшая геодезія, водныя сооруженія, спеціальное ученіе о путяхъ сообщенія, составленіе смѣтъ и проектовъ, баварское государственное и полицейское право.

Для окончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ планъ занятій нѣсколько иной.

Въ 1877 г. былъ первый выпускъ культуръ-инженеровъ, и съ тѣхъ поръ, въ виду того, что на это отдѣленіе молодежь идетъ очень охотно, совершенно не ощущается недостатка въ спеціально подготовленномъ для меліораціоннаго дѣла персоналѣ.

По окончаніи курса въ политехникумѣ молодые люди поступаютъ на практическія занятія при окружныхъ инженерахъ и въ это время или подъ именемъ ассистентовъ помогаютъ послѣднимъ въ работѣ, или занимаютъ низшія должности: окружныхъ техниковъ или надсмотрщиковъ.

Низшій персоналъ подготовляется въ соотвѣтствующихъ окружныхъ школахъ луговыхъ надсмотрщиковъ, содержимыхъ, по большей части, изъ кассы окружнаго комитета сельско-хозяйственнаго общества.

Въ окружныхъ школахъ преподаются имъ искусство ухода за лугами, ученіе объ осушкѣ и орошеніи почвы и другіе связанные съ ихъ спеціальностью предметы. Практическія занятія также не оставлены здѣсь безъ вниманія. Въ одной подобной школѣ (въ Вюрцбургѣ) числилось въ 1881 году 26 учениковъ.

Въ Россіи вопросъ меліораціоннаго кредита также стоитъ на очереди. Какъ извѣстно, мы находимся наканунѣ изданія соотвѣтствующаго законоположенія. Резюмируя же въ виду этого все вышесказанное, приходится замѣтить слѣдующее: во всѣхъ трехъ разобранныхъ нами государствахъ подъ именемъ меліораціоннаго кредита понимается долгосрочный кредитъ, направленный исключительно на предпріятія капитальныхъ улучшеній почвы. Иныя же нужды сельскаго хозяйства, какъ-то: помощь населенію въ пріобрѣтеніи орудій и машинъ, сѣмянъ, удобренія и пр., хотя и чрезвычайно

существенныя, къ дѣлу меліораціоннаго кредита ни въ какомъ случаѣ не относятся.

Что же касается характера меліораціоннаго кредита, то онъ, по удачному опредѣленію г. Герценштейна *), «самъ создаетъ источникъ, изъ котораго будетъ производиться уплата процентовъ и погашеніе долга; онъ оплодотворяетъ землю, создаетъ новый доходъ, возвышаетъ производительность земли. Платежи падаютъ не на доходъ, существовавшій до производства меліорацій, а на тотъ дополнительный доходъ, который создается меліораціей». Слѣдовательно, и земельная рента повышается на разницу мел. % кр. и увеличивается.

Поэтому становится вполнѣ понятнымъ и то покровительство, которое оказываютъ ему законоположенія трехъ разобранныхъ выше странъ. Дѣйствительно, съ одной стороны дѣятельность меліораціонныхъ товариществъ можетъ принимать характеръ *принудительности,* съ другой — возвратъ меліораціонныхъ ссудъ приравнивается государственному налогу и производится ранѣе, чѣмъ уплата обыкновенной гипотеки.

«Примѣръ Англіи,—говоритъ относительно послѣдняго пункта г. Герценштейнъ,—показываетъ, что меліоративный кредитъ получилъ съ самаго начала надлежащее развитіе, главнымъ образомъ, потому, что меліоративная рента пользуется пріоритетомъ даже помимо воли кредиторовъ. Опытъ скоро доказалъ, что меліораціи дѣйствительно не нарушаютъ интересовъ ипотечныхъ кредиторовъ и съ ихъ стороны поступаетъ все меньше и меньше возраженій» (ibid., стр. 89).

Хотя въ Германіи всѣ ссуды на меліораціонныя предпріятія и долгосрочны и, притомъ, направлены исключительно на дѣло улучшенія почвъ, но, тѣмъ не менѣе, это отнюдь не значитъ, что рамки дѣятельности рентныхъ банковъ и меліораціонныхъ товариществъ узки и незначительны. Наоборотъ, меліораціонный кредитъ представляетъ въ Германіи громадное, требующее, какъ мы уже видѣли, спеціальной постановки, дѣло. Одинъ голый перечень разнаго рода предпріятій, на которыя предназначаются суммы, выдаваемыя рентными банками, говоритъ самъ за себя. Ссуды же вообще выдаются для слѣдующихъ предпріятій:

1) дренажъ, осушеніе и орошеніе;

2) регулированіе ручьевъ, защита береговъ отъ наводненій, постройка плотинъ;

3) облѣсеніе;

4) округленіе участковъ;

5) раздѣлка болотъ и пустырей;

6) улучшеніе луговъ и

*) М. Я. Герценштейнъ въ своей статьѣ *Къ вопросу о меліоративномъ кредитѣ,* напечатанной въ декабрской книжкѣ *Русской Мысли* за 1893 годъ, на основаніи богатаго матеріала рисуетъ широко обобщенную картину постановки дѣла меліораціоннаго кредита не только во всѣхъ государствахъ Европы, но также и положеніе этого дѣла въ Америкѣ и Австраліи.

7) проведеніе проселочныхъ дорогъ и иныхъ необходимыхъ для нуждъ сельскаго хозяйства путей сообщенія.

Такого рода программа была бы, конечно, вполнѣ пригодна и для Россіи. Соображаясь съ нашими условіями, пришлось бы, конечно, измѣнить нѣкоторые пункты и кое-что добавить.

По справедливому замѣчанію И. Скворцова, для Россіи слѣдуетъ причислить: 1) рытье колодцевъ и прудовъ и вообще снабженіе водою (не для орошенія, а для потребностей людей и животныхъ) безводныхъ степныхъ мѣстностей, а также и 2) облѣсеніе балокъ и насажденіе живыхъ изгородей и лѣсныхъ опушекъ въ тѣхъ же степныхъ мѣстностяхъ.

Сюда можно добавить постройку плотинъ по балкамъ для задержки весеннихъ водъ, сооруженія по задержанію снѣговыхъ водъ, сбереженіе существующихъ лѣсныхъ зарослей, разведеніе ивы на летучихъ пескахъ,—словомъ, всѣ тѣ мѣропріятія, которыя, съ одной стороны, помогаютъ успѣху мѣстнаго сельскаго хозяйства, а съ другой—вообще способствуютъ смягченію климата Россіи.

Дѣло земельныхъ улучшеній тѣсно связано въ Германіи съ дѣятельностью «водныхъ» товариществъ и со всею организаціей водяного права и водяного хозяйства страны. Само собою разумѣется, что одинъ меліораціонный кредитъ не можетъ быть нигдѣ введенъ безъ побочныхъ мѣропріятій подобнаго рода и, какъ извѣстно, наприм., у насъ въ Россіи самая юридическая постановка «воднаго» вопроса еще недостаточно урегулирована и соотвѣтствующее законодательство оставляетъ еще многаго желать.

В. Святловскій.

Литература.

1. *Das Bayerische Gesetz vom 21 April 1884 die Landes-Kultur-Renten anstalt betref. erlautert* von Haag. Nördlingen, 1884.

2. *Die Landescultur-Rentenbank im Konigreiche Sachsen.* Denkschrift für die Gewerbe und Industrie Austellung zu Halle 1881 herausgegeben von der Landes-Kultur-Rentenbank-Verwaltung. Dresden, 1881.

3. *Etat der Staats-Schuld* für ein Jahr XXII Finanzperiode 1894 und 1895. № 20. *Отчетъ баварскаго министерства финансовъ.* Мюнхенъ, 1894 г. Въ продажѣ нѣтъ.

4. *G. Schober:* „Die Landes-Kultur-Rentenbanken in Preussen, Sachsen und Hessen“. Berlin, 1887.

5. *Statistisches Jahrbuch* für der Deutsche Reich. fünfzehnter Jahrgang. Berlin, 1894.

6. *Die Landwirtschaft im Bayern.* Denkschrift. München, 1890.

7. *D-r Stroeck:* „Gewässer“ въ III томѣ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften Conrad* etc. а также и нѣкоторыя другія статьи оттуда же.

8. *Трухановскій:* „Почвы и ихъ меліорація“. Саратовъ, 1893 г.

9. *Die Landrentenbank im Konigreich Sachsen. Festschrift.* Dresden, 1889.

10. *Проф. А. Скворцовъ:* „Меліораціонный кредитъ“. *Сѣверный Вѣстникъ* 1891 г. іюль.

11. *И. Бліохъ:* „Меліораціонный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и пр.“. Спб., 1890 г.

12. *Дренажъ*, статья X тома *Энциклопедическаго Словаря* Брокгауза - Ефрона. Спб., 1894 г.

13. *Бржескій и Голубевъ:* „Меліоративный кредитъ. Сельское и лѣсное хозяйство Россіи". Изданіе департамента земледѣлія и сельской промышленности министерства государственныхъ имуществъ для всемірной выставки въ Чикаго. Спб., 1893 г., стр. 413—415.

14. *М. Я. Герценштейнъ:* „Къ вопросу о меліоративномъ кредитѣ". *Русская Мысль* 1893 г., кн. XII.

15. *Мѣропріятія удѣльнаго вѣдомства въ борьбѣ съ засухами и другими климатическими вліяніями.* Спб. 1893 г.

Москва-Самаркандъ.

Тяжелыя времена переживала Россія 500 лѣтъ тому назадъ, когда на нее надвинулась страшная гроза съ Востока, въ лицѣ знаменитаго Тамерлана. Будучи, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, «свирѣпъ зѣло», онъ разгромилъ полчища Тохтамыша, преслѣдовалъ ихъ до Волги и дошелъ до Ельца, всюду неся за собой смерть и разрушеніе. Та же лѣтопись говоритъ о немъ: «Пріятъ же и Ассирію и Вавилонское царство, и Севастію и Арменію и вся орды поплѣни, и пріятъ и Синюю орду, еже есть близъ Индіи, и Сарай Великій». Послѣ этого погрома вся Золотая орда, а вмѣстѣ съ нею и данница ея, Россія, вошли въ составъ обширной имперіи «хромого» Тимура, простиравшейся отъ Кашгара до Средиземнаго моря и отъ равнинъ далекой Сибири до береговъ Индійскаго океана. Столицею этой огромной имперіи былъ величественный Самаркандъ, полный блеска и богатствъ, сосредоточенныхъ въ немъ со всѣхъ концовъ міра. Нужно ли говорить, что малоизвѣстная въ то время Москва совершенно меркла въ ореолѣ славы, сіявшей надъ этой «жемчужиной магометанскаго Востока»? Но прошли вѣка и роли названныхъ городовъ существенно измѣнились. Нынѣ Москва—первопрестольная столица Россійской имперіи, значительно превосходящей своими гигантскими размѣрами имперію Тамерлана, а Самаркандъ—не больше, какъ одинъ изъ заурядныхъ русскихъ областныхъ городовъ, въ которомъ время почти совершенно стерло слѣды его былого величія. Таковы внѣшніе результаты историческихъ событій, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія между Москвой и Самаркандомъ или, лучше сказать, между Россіей и Среднею Азіей, за послѣднія 500 лѣтъ.

Къ сожалѣнію, русская публика мало интересуется ими и въ большинствѣ случаевъ крайне поверхностно оцѣниваетъ ихъ значеніе, что, въ свою очередь, порождаетъ цѣлый рядъ весьма лживыхъ понятій, глубоко корэнящихся на почвѣ невѣрныхъ и разнорѣчивыхъ свѣдѣній о юго-восточныхъ окраинахъ Россіи, которыя рисуются намъ то въ видѣ безотрадныхъ пустынь, не заслуживающихъ ни малѣйшаго вниманія, то въ видѣ какого-то сказочнаго эдема, окутаннаго дымкою поэтическихъ грёзъ и фантастическихъ легендъ о его, будто бы, неисчерпаемыхъ богатствахъ. Сплошь и

рядомъ у насъ можно встрѣтить людей, которые готовы думать, что намъ не только нечего дѣлать въ Средней Азіи, но и не подъ силу даже что-нибудь сдѣлать тамъ, тогда какъ другіе кичливо говорятъ о нашей культурной миссіи на Востокѣ и не шутя мечтаютъ о завоеваніи побережій Индійскаго океана.

Такая шаткость мнѣній еще могла найти себѣ оправданіе въ то время, когда, за отдаленностью и малодоступностью средне-азіатскихъ ханствъ, туда проникали лишь немногіе европейскіе путешественники и когда волей-неволей приходилось довольствоваться разсказами объ этихъ странахъ изъ вторыхъ рукъ. Теперь, однако, обстоятельства совершенно измѣнились и на сторонѣ публики всѣ удобства и средства для непосредственнаго ознакомленія съ предметомъ разнорѣчія. Изъ Москвы, напримѣръ, по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ легко можно добраться до Самарканда въ 10 дней. Между тѣмъ, мы попрежнему такъ же мало знаемъ о закаспійскихъ странахъ, какъ и при Михаилѣ Өеодоровичѣ, когда «торговые люди съ торгами хаживали туда съ великимъ утѣсненіемъ».

Все это дѣлаетъ крайне желательнымъ, чтобы каждый, посѣщающій эти страны и, такимъ образомъ, имѣющій случай составить личное сужденіе о нихъ, не скупился дѣлиться съ публикой тѣми свѣдѣніями, которыя онъ могъ собрать на мѣстѣ о заинтересовавшихъ его предметахъ. Исходя изъ этихъ побужденій, я и рѣшаюсь предложить вниманію всѣхъ, заинтересованныхъ нашими средне-азіатскими дѣлами, тѣ впечатлѣнія, какія мнѣ пришлось вынести изъ кратковременной поѣздки въ Закаспійскую область, Бухару и Туркестанскій край лѣтомъ текущаго года. Спѣшу при этомъ заранѣе оговориться, что ко многому я былъ вынужденъ отнестись поверхностно— не столько по невниманію, сколько по обилію матеріала, представляющаго глубокій интересъ.

Совершенно случайныя обстоятельства заставили меня направить свой путь до Самарканда по Волгѣ, которую я проѣхалъ на этотъ разъ отъ Нижняго-Новгорода до ея впаденія въ Каспійское море. Такимъ образомъ, мнѣ невольно пришлось слѣдовать однимъ изъ главнѣйшихъ путей, какимъ издавна Россія вела свои сношенія съ Среднею Азіей. Правда, это нѣсколько удлиняло путь и дѣлало переѣздъ до Самарканда болѣе продолжительнымъ, но жалѣть объ этомъ особенно не приходилось. Плаваніе по Волгѣ обставлено такими удобствами и полно столь живого интереса, что предпринять его можно посовѣтовать всякому, кто только не стѣсненъ временемъ и не привыкъ скучать внѣ обстановки своей обыденной жизни.

Волга всегда прекрасна. Величаво катитъ она свои мутныя волны мимо чу ныхъ береговъ, на которыхъ время и исторія отложили цѣлый рядъ ку льтурныхъ наслоеній. За Нижнимъ-Новгородомъ, долго представлявшимъ пе едовой форпостъ Россіи въ ея вѣковой борьбѣ съ различными инородцами и оволжскою вольницей, слѣдуетъ татарская Казань, облагороженная свѣто ь науки, скромно пріютившейся подъ сѣнью ея университетскихъ учреж-

деній. Далѣе появляется Симбирскъ, этотъ мрачно насупившійся обломокъ столбового дворянства, а по сосѣдству съ нимъ—молчаливые Жегули, отъ которыхъ и понынѣ вѣетъ духомъ молодечества и разбойничества. Слѣдомъ за ними раскинулась торговая Самара съ ея бойкимъ кулачествомъ и непозволительною неряшливостью. Ее смѣняетъ, затѣмъ, оживленный Саратовъ, въ которомъ уже издавна находило себѣ пріютъ всероссійское разночинство. Наконецъ, выступаетъ людная Астрахань, почти столь же грубая и безшабашная, какою она была во времена Стеньки Разина.

Какъ, однако, ни характерны историко-культурныя черты названныхъ городовъ, въ настоящее время всѣ они видимо затушевываются отложеніями новой, такъ сказать, «купонной» формаціи, которая быстро охватываетъ почти все Поволжье. Она властно даетъ себя чувствовать въ грохотѣ поѣздовъ, въ медленномъ движеніи громадныхъ баржъ и пароходовъ, въ грудахъ перевозимаго ими товара, въ потокахъ нефти, льющейся изъ гигантскихъ цистернъ, въ массѣ рабочаго люда, толпящагося на каждой пристани, — короче сказать, во всемъ, чѣмъ живетъ современная Волга. Впрочемъ, сила «купона» уже замѣтно ослабѣваетъ за Астраханью или, лучше сказать, за плавуче «Двѣнадцати - футовою» пристанью на взморьѣ. Здѣсь начинается царство стихій, передъ которыми, какъ извѣстно, «купонъ» еще нѣсколько робѣетъ.

Переходъ отъ Волги къ морю едва уловимъ и пароходъ почти незамѣтно вплываетъ въ Каспій, омывающій и причудливые берега Персіи, и знойный Кавказъ, и душныя пустыни Средней Азіи. Горизонтъ становится все шире и шире, а даль туманнѣе, пока, наконецъ, не выплываютъ изъ моря ряды мачтъ и темные корпуса судовъ, столпившихся на «Двѣнадцати футахъ». Съ рѣчного парохода приходится пересаживаться на морской, причемъ на азіатскій берегъ можно направиться или круговымъ рейсомъ черезъ порты кавказскаго берега до Баку и оттуда въ Узунъ-Ада, или восточнымъ берегомъ черезъ фортъ Александровскій.

Былъ тихій, нѣсколько пасмурный вечеръ, когда, избравъ послѣднее направленіе, я перешелъ на винтовую шхуну *Туркменъ* общества «Кавказъ и Меркурій». Кругомъ свѣтились огни на сосѣднихъ судахъ, раздавались свистки пароходовъ, слышался говоръ людей, а впереди разстилалась необъятная ширь морского простора. Прозвучали, наконецъ, послѣднія слова команды съ рубки, *Туркменъ* дрогнулъ отъ перваго удара винта и плавно двинулся впередъ, мѣрно покачиваясь своимъ длиннымъ корпусомъ. Ночь становилась все темнѣе и темнѣе. Только изрѣдка черезъ дымку облаковъ вспыхивали яркія звѣзды и привѣтливо озаряли непроглядный сумракъ, окутавшій и море, и небо.

Утренняя заря застала нашъ пароходъ въ открытомъ морѣ. Небо было ясно, воздухъ чистъ и прозраченъ, а море весело сверкало подъ лучами яркаго солнца. Волны чистѣйшаго аквамариннаго свѣта не спѣша катились одна за другой. На горизонтѣ, какъ крылья гигантскихъ птицъ, мелькали паруса рыбачьихъ лодокъ. Москва, Волга, а вмѣстѣ съ ними и скучн...

сутолока обыденной жизни,—все это осталось позади. Невольно чувствовалось, что находишься на рубежѣ иного міра, сложившагося на почвѣ историческихъ событій, теряющихся въ глубинѣ вѣковъ. Хотѣлось поскорѣе вступить въ этотъ міръ и изучить его въ тѣхъ реальныхъ подробностяхъ, какія скрываются за привычными картографическими знаками. Первою изъ такихъ подробностей былъ мысъ Тюбъ-Караганъ, составляющій сѣверо-западную оконечность полуострова Мангишлакъ. Издали онъ обрисовался въ видѣ темно-синей полосы, которая, по мѣрѣ движенія парохода, становилась все сѣрѣе, пока, наконецъ, не превратилась въ груду сѣровато-бурыхъ обрывовъ, едва оживляемыхъ жалкою растительностью и безъ малѣйшихъ признаковъ человѣческаго существованія. Угрюмый и пустынный Тюбъ-Караганъ служитъ внушительнымъ предвѣстіемъ той своеобразной суровости, которая составляетъ характерную черту средне-азіятской природы.

Пароходъ здѣсь довольно близко подходитъ къ берегу, направляя свой курсъ на уединенную башню маяка, сиротливо пріютившуюся на вершинѣ пустынной береговой кручи. Кстати сказать, это почти единственный мало-мальски сносный маякъ на всемъ восточномъ побережьи Каспійскаго моря, которое освѣщается не лучше какого-нибудь уѣзднаго захолустья. Частныя пароходныя предпріятія не имѣютъ для этого достаточныхъ средствъ, а спеціальныя правительственныя учрежденія даже сносное освѣщеніе восточныхъ береговъ Каспійскаго моря находятъ излишнимъ. За маякомъ выдвигается на горѣ группа домиковъ, а недалеко отъ нея другая, раскинувшаяся на песчаной косѣ, у самаго обрѣза воды. Это и есть фортъ Александровскій съ его рыбачьей Никольской слободой.

Исторія возникновенія этого поселенія несложна и заключается въ слѣдующемъ. Еще Петръ Великій въ 1714 — 1717 гг. задумалъ утвердиться здѣсь и завязать торговыя сношенія съ сосѣдними кочевниками, для чего, по его приказанію, и были возведены два укрѣпленія: одно близъ нынѣшняго форта Александровскаго, у залива Александръ-Бай, а другое на Красноводской косѣ. Но, послѣ гибели отряда Бековича-Черкасскаго и со смертью самого Петра Великаго, дѣло водворенія русскихъ въ Закаспійскомъ краѣ пріостановилось болѣе, чѣмъ на цѣлое столѣтіе, а отъ возведенныхъ тогда укрѣпленій не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Только въ 1834 г., передъ походомъ гр. Перовскаго въ Хиву, для наблюденія въ тылу его отряда за киргизами, было построено на восточномъ берегу Мертваго-Култука, у залива Кайдака, укрѣпленіе Ново-Александровское. Въ 1843 г. укрѣпленіе это, по трудности доступа къ нему съ моря и по крайне нездорово у климату, было упразднено, а вмѣсто него въ 1846 г. возведено ново укрѣпленіе на полуостровѣ Мангишлакѣ, у Тюбъ-Караганскаго залива названное первоначально Ново-Петровскимъ, а потомъ, въ 1857 г., переименованное въ фортъ Александровскій, представляющій собой въ настоящее время административный центръ Мангишлакскаго уѣзда Закаспійской области.

По внѣшности, это—ничтожный городокъ, стиснутый моремъ и пусты-

ней и замѣчательный развѣ только тѣмъ, что въ свое время онъ послужилъ мѣстомъ ссылки Тараса Шевченка, который увѣковѣчилъ память о себѣ насажденіемъ небольшого сада, существующаго и понынѣ. Въ скучной и однообразной жизни форта приходъ парохода составляетъ цѣлое событіе и привлекаетъ къ себѣ чуть не все его населеніе, не представляющее, однако, ничего интереснаго. Впрочемъ, пароходъ здѣсь не застаивается и вскорѣ снова уходитъ въ открытое море, слѣдуя сначала тѣмъ же путемъ, какимъ онъ раньше подходилъ къ форту. Послѣднее объясняется тѣмъ, что прямой и ближайшій выходъ въ открытое море у Никольской слободы закрытъ песчаною мелью, черезъ которую, однако, легко можно было бы пробраться, если бы только были сдѣланы необходимые промѣры, но ихъ никто не дѣлаетъ и, благодаря этому, пароходы, посѣщающіе фортъ Александровскій, теряютъ отъ 2 до 3 часовъ на обходъ длиннѣйшей мели, тогда какъ по прямому направленію на выходъ въ море понадобилось бы не болѣе 20—30 минутъ.

Всю ночь и весь слѣдующій день *Туркменъ* держался вдали отъ береговъ и только въ исходѣ третьихъ сутокъ по отъѣздѣ изъ Астрахани, раннимъ утромъ, на востокѣ появилась узкая полоса земли, а за ней темносиняя громада горъ. Это была песчаная Красноводская коса съ примыкающимъ къ ней островомъ Челекенъ и горы, окаймляющія берега Красноводскаго и Балханскаго заливовъ. Между этими горами особенно выдѣлялся массивный кряжъ большого Балхана, поднимающійся до высоты 6,000 фут. надъ уровнемъ моря. Вскорѣ пароходъ повернулъ на востокъ, направляясь въ Узунъ-Ада черезъ цѣлый лабиринтъ узкихъ и мелководныхъ проливовъ, между множествомъ песчаныхъ бугристыхъ островов. При вѣтрѣ съ берега, форватеръ часто настолько мелѣетъ, что ни грузовые, ни пассажирскіе пароходы не могутъ подойти къ Узунъ-Ада. На этотъ разъ вѣтеръ былъ благопріятный и *Туркменъ* бойко шелъ впередъ, только изрѣдка врѣзываясь въ песокъ на особенно мелководныхъ перекатахъ.

Сѣровато-желтые песчаные бугры, кое-гдѣ прикрытые клочьями зелени, одинъ за другимъ выдвигались изъ бѣлесоватой воды, все больше и больше стѣсняя и безъ того уже узкій проливъ. Еще два-три поворота—и за однимъ изъ песчаныхъ бугровъ показались верхи мачтъ и крыши домовъ, а затѣмъ и вся груда хибарокъ, составляющихъ одно изъ наиболѣе оживленныхъ русскихъ поселеній на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Видъ Узунъ-Ада съ моря болѣе, чѣмъ скромный, даже нѣсколько убогій. Не хочется вѣрить, что это начальный пунктъ одной изъ важнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ, но толпа рабочихъ, множество служащихъ всѣхъ ранговъ, груды товаровъ, свистки паровозовъ, вереницы вагоновъ, подкатываемыхъ къ самому морю, убѣдительно говорятъ вамъ, что Узунъ-Ада заправскій дѣловой городокъ. Несмотря на адскую жару и душный зной, какіе нерѣдко стоятъ здѣсь по цѣлымъ мѣсяцамъ, живая и напряженная дѣятельность кипитъ въ Узунъ-Ада безъ перерыва. «Купонъ» и здѣсь никому не даетъ покоя, понемногу забирая въ свои руки торговые интересы Средней

Азіи и обращая военную закаспійскую желѣзную дорогу въ обыкновенную торговую линію, работающую на чисто-коммерческихъ началахъ.

Дорога эта, какъ извѣстно, строилась въ нѣсколько пріемовъ. Дѣло началось съ того, что въ 1880 г., когда былъ поднятъ вопросъ о снаряженіи экспедиціи генерала Скобелева въ Ахалъ-Теке, было рѣшено: послать въ Закаспійскій край партію инженеровъ для предварительныхъ изысканій и, въ случаѣ благопріятнаго результата ихъ, проложить, для облегченія военныхъ сообщеній между Михайловскимъ заливомъ и тыломъ дѣйствующаго отряда, въ видѣ опыта, 100 верстъ переносной узкоколейной желѣзной дороги системы Дековиля. Изысканія были начаты въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1880 г. подъ руководствомъ генерала Анненкова и привели къ тому заключенію, что на участкѣ отъ Михайловскаго залива до колодцевъ Мулла-Кара, протяженіемъ въ 23 версты, вслѣдствіе сыпучести песчанаго грунта, невозможно проложить желѣзный путь системы Дековиля. Въ виду этого, было предположено на указанномъ участкѣ устроить желѣзную дорогу съ паровою тягой, на дальнѣйшихъ же 100 верстахъ проложить конную, а съ конечнаго пункта ея пользоваться для перевозки военныхъ грузовъ верблюдами. Высочайшее разрѣшеніе на осуществленіе этого проекта было дано 9 іюня 1880 г. При этомъ, въ виду временнаго значенія проектированнаго пути и во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, было разрѣшено также допустить на участкѣ между Михайловскимъ заливомъ и Мулла-Кара нѣкоторыя отступленія противъ общепринятыхъ нормъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и вообще придать временный характеръ всѣмъ желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ. Постройка этого перваго участка закаспійской желѣзной дороги была окончена въ шесть недѣль. Успѣшный исходъ работъ по его сооруженію имѣлъ очень важныя послѣдствія. Независимо отъ той пользы, какую онъ оказалъ въ военномъ отношеніи, самый фактъ успѣшной постройки его показалъ, насколько были преувеличены всѣ тѣ, будто бы, непреодолимыя препятствія, на какія указывали скептики, отрицательно относившіеся къ проекту постройки желѣзной дороги въ закаспійскихъ пустыняхъ. Правда, нужна была величайшая рѣшимость и энергія для того, чтобы предпринять и выполнить подобное сооруженіе, но разъ дѣло было начато и оказалось проще, чѣмъ это предполагалось раньше, то оставалось только продолжать его. Къ тому же, дальнѣйшія работы по проведенію желѣзно-дорожнаго пути въ глубь Закаспійскаго края не встрѣтили бы тѣхъ препятствій, какія пришлось преодолѣть на первомъ участкѣ его. Все это привело къ тому, что 25 ноября 1880 г. снова состоялась высочайшее повелѣніе продолжить желѣзную дорогу отъ Мулла-Кара до Кизылъ-Арвата, въ общей сложности на протяженіи 217 верстъ, считая отъ Михайловскаго залива. Меньше чѣмъ черезъ годъ, а именно 1 сентября 1881 г., укладка пути да Кизылъ-Арвата была закончена и тогда же началась правильная эксплуатація вновь сооруженной желѣзнодорожной линіи. Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ она постепенно достраивалась, хотя движеніе на ней, въ особенности частныхъ грузовъ

было за это время весьма слабое. Но въ 1885 г. обстоятельства существенно измѣняются. Послѣ добровольнаго присоединенія Мервскаго и Пендинскаго оазисовъ къ Россіи, а, главнымъ образомъ, послѣ вооруженнаго столкновенія съ афганцами, происшедшаго 18 марта 1885 г., наши отношенія съ Англіей значительно обострились, что въ свою очередь заставило опасаться развитія военныхъ дѣйствій на границѣ Афганистана. Необходимо было подумать объ обезпеченіи русскихъ военныхъ силъ въ Закаспійской области, слѣдствіемъ чего 20 апрѣля 1885 г. и явилось высочайшее повелѣніе о продолженіи постройки желѣзной дороги отъ Кизылъ-Арвата до Аму-Дарьи. Завѣдующимъ постройкой этого новаго участка былъ назначенъ генералъ Анненковъ, который повелъ дѣло съ чрезвычайною энергіей. Сооруженіе всего участка въ 775 вер. было начато 2 іюля 1885 г., а окончено 30 ноября 1886 г. Одновременно съ этимъ, вслѣдствіе сильнаго обмелѣнія Михайловскаго залива, былъ изысканъ и устроенъ новый, болѣе удобный портъ—Узунъ-Ада, куда и была продолжена линія закаспійской желѣзной дороги на разстояніи 26 вер. При значительномъ протяженіи всей линіи въ 998 вер., было очевидно, что эксплуатація ея ничего, кромѣ убытковъ, принести не можетъ, если только она не будетъ продолжена въ глубь Средней Азіи, что дало бы ей возможность вызвать усиленное движеніе грузовъ. Въ силу этого соображенія, 10 іюня 1887 г. состоялось высочайшее повелѣніе продолжить постройку дороги до Самарканда. Въ іюлѣ того же года начались земляныя работы и постройка временнаго деревяннаго моста черезъ Аму-Дарью, а 15 мая 1888 г. закаспійская желѣзная дорога была доведена до Самарканда. Общее протяженіе ея въ настоящее время составляетъ 1,343 вер.

Въ свое время было много говорено и писано какъ о постройкѣ закаспійской желѣзной дороги, такъ и, въ особенности, объ ея главномъ строителѣ, генералѣ Анненковѣ. Многое при этомъ преувеличивалось, на многое не обращалось должнаго вниманія. Теперь же обо всемъ этомъ можно говорить съ гораздо большимъ спокойствіемъ и осмотрительностью. Между прочимъ, весьма часто указывалось на то, что сооруженіе дороги обязано если не иниціативѣ, то, по крайней мѣрѣ, энергіи генерала Анненкова. Въ общемъ, это отчасти вѣрно, но едва ли возможно ставить въ заслугу того или другого лица извѣстныя свойства его темперамента. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что другое лицо повело бы дѣло иначе. Скорѣе или медленнѣе, хуже или лучше,—это вопросъ другой, но въ окончательномъ результатѣ получилось бы то же самое, т.-е. линія желѣзной дороги, все-таки, была бы доведена до Самарканда, въ силу тѣхъ обстоятельствъ, какія были указаны выше. Точно также говорили, что постройка закаспійской желѣзной дороги отличается необыкновенною дешевизной. Общій расходъ по ея сооруженію исчисляется около 51.000,000 руб., что, при 1,343 вер. ея протяженія, составитъ на версту почти 37,975 руб. Нельзя сказать, чтобъ эта цифра была особенно мала, если принять во вниманіе, что, во-первыхъ, линія дороги проходитъ по такой мѣстности, гдѣ земляныя

работы примѣнялись въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ; во-вторыхъ, мостъ черезъ Аму-Дарью построенъ деревянный, а не желѣзный, и, наконецъ, въ-третьихъ, достройка линіи не прекращается и по настоящее время. Не забудемъ еще, что при постройкѣ дороги въ весьма широкихъ размѣрахъ примѣнялся дешевый, солдатскій трудъ. Въ концѣ-концовъ, если учесть дѣйствительную стоимость версты, то едва ли она окажется особенно скромной. Во всякомъ случаѣ, предметомъ особой кичливости она быть не можетъ.

Какъ бы то ни было, закаспійская желѣзная дорогда въ настоящее время вполнѣ приведена въ порядокъ и имѣетъ видъ совершенно благоустроенной линіи. Ежедневно въ оба конца отправляется по одному товаро-пассажирскому поѣзду, затѣмъ три раза въ недѣлю изъ Узунъ-Ада и Самарканда отходятъ почтовые поѣзда съ особою кухней и столовой, и, наконецъ, по особому расписанію ходятъ такъ называемые воинскіе и водяные поѣзда. Прочное полотно позволяетъ развивать весьма значительную скорость движенія, а удобства вагоновъ дѣлаютъ переѣздъ по линіи нисколько не затруднительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ѣхать отъ станціи до станціи по закаспійской желѣзной дорогѣ, выходить за чашкой утренняго чая на станціи Геокъ-Тепе, а ужинать въ тотъ же день въ Мервѣ, постоянно видя предъ собою прочные, чисто содержимые станціонные дома посреди красивыхъ садиковъ, освѣжаемыхъ струями фонтановъ, то съ трудомъ вѣрится, что всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ были сценами самыхъ отчаянныхъ и кровопролитныхъ стычекъ и что только немногіе безстрашные путешественники проникали сюда лишь съ крайнею опасностью для жизни, а, главное, что все это совершается въ странѣ, которую мы привыкли считать мертвою и ужасною пустыней.

Столь блестящіе результаты по устройству и содержанію дороги въ исправномъ видѣ пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что они достигнуты путемъ постоянной и напряженной борьбы съ нѣкоторыми чисто-стихійными явленіями, каковы, напримѣръ, песчаные заносы полотна тѣхъ участковъ, гдѣ линія проходитъ частью по слабо закрѣпленнымъ, частью же по совершенно голымъ и подвижнымъ или барханнымъ пескамъ. Изъ 1,343 вер. всего пути на долю такихъ участковъ приходится 250 вер. Наибольшаго протяженія въ 156 вер. сплошной песчаный участокъ достигаетъ между ст. Кельчи и Аму-Дарья. Самый же тяжелый участокъ въ 25 верстъ имѣется между станц. Фарабъ и Ходжа-Давлетъ, гдѣ песчаные заносы бываютъ столь значительны, что въ теченіе одной ночи на полотно дороги надуваетъ слой песка въ 1 саж. толщиной и, такимъ образомъ, полотно сплошь заносится пескомъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Вполнѣ надежныхъ средствъ въ борьбѣ съ песками пока еще не выработано и волей-неволей въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится довольствоваться лишь пассивнымъ сопротивленіемъ имъ, т.-е. прямою расчисткой занесенныхъ участковъ. Тѣмъ не менѣе, борьба съ ними, все-таки, ведется, и, притомъ, съ значительнымъ успѣхомъ. Между прочимъ, въ первое время

на песчаныхъ участкахъ дороги употреблялись щитовыя огражденія полотна отъ песчаныхъ заносовъ, но примѣненіе ихъ было признано не только безполезнымъ, а даже прямо опаснымъ, въ виду того, что валы песка, образуемые щитами съ обѣихъ сторонъ полотна, могли создать въ будущемъ новыя грозныя массы уже движущихся барханныхъ песковъ. Въ концѣ-концовъ, пришлось совершенно отказаться отъ употребленія щитовыхъ огражденій. Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ оказалось расширеніе вымоекъ до 4,5 саж. по дну и уменьшеніе крутизны откосовъ, которые, какъ и все полотно, прикрываются теперь тонкимъ слоемъ глины. Работа эта производилась систематически въ теченіе трехъ лѣтъ на участкѣ между ст. Кельчи и Аму-Дарья и дала весьма хорошіе результаты. Кромѣ того, было замѣчено, что всѣ барханы на одной и той же значительной площади имѣютъ приблизительно одинаковую высоту. Это обстоятельство навело на мысль о необходимости поднять уровень полотна дороги выше средняго уровня прилежащихъ къ нему бархановъ, которые, такимъ образомъ, будутъ безсильны перешагнуть черезъ него. Произведенные опыты поднятія отдѣльныхъ насыпей подтвердили справедливость этого соображенія, а въ настоящее время уже ассигнованы необходимыя средства на сплошную подъемку полотна на всѣхъ участкахъ съ барханными песками. Одновременно съ этими работами откосы полотна и выемокъ закрѣпляются также посадкою и разведеніемъ песчаныхъ растеній. Слѣдуетъ замѣтить, что мысль о закрѣпленіи движущихся песковъ растительностью явилась гораздо ранѣе, нежели соображенія о всѣхъ другихъ мѣрахъ борьбы съ ними. Еще при постройкѣ дороги въ 1886 г. генералъ Анненковъ командировалъ лѣсовода закаспійской желѣзной дороги въ Алжиръ для ознакомленія съ культурой песчаныхъ растеній и вывоза ихъ сѣмянъ въ Закаспійскую область. Къ сожалѣнію, командировка эта въ практическомъ отношеніи осталась совершенно безрезультатной. Впрочемъ, и особенной надобности въ ней не было, такъ какъ въ самой области есть нѣсколько сотъ видовъ песчаныхъ растеній, которыя отлично ростутъ въ пескахъ и очень прочно закрѣпляютъ ихъ. Всего интереснѣе то, что одновременно съ развитіемъ мысли о закрѣпленіи подвижныхъ песковъ растительностью администрація закаспійской желѣзной дороги, какъ во время ея постройки, такъ и въ первое время ея эксплуатаціи, усиленно истребляла степныя древесныя заросли по линіи дороги. Такъ, около ст. Курбакъ-Кола, Равнина, Учъ-Аджи, Пески, Репетекъ и др., т.-е. на одномъ изъ тяжелыхъ песчаныхъ участковъ дороги, были начисто вырублены огромныя площади саксаулькахъ зарослей. Обыкновенно, при отдачѣ поставки дровъ и фашинъ съ торговъ, отъ подрядчиковъ не требовалось принятія какихъ-либо лѣсохранительныхъ мѣръ, въ виду чего поставщики топлива не находили нужнымъ обременять себя излишнею заботливостью объ сгоняемыхъ ими пескахъ и хищнически уничтожили древесную степную растительность. Только съ 1890 года на охраненіе и изученіе ея было обращено необходимое вниманіе, котораго она вполнѣ заслуживала по своей удивительной приспособленности

къ существованію. Уже одно это обстоятельство указывало на положительную возможность обсѣмененія песковъ у полотна дороги, а также разведенія песчаныхъ растеній черенками, что и практикуется въ настоящее время съ замѣтнымъ успѣхомъ. Сплошь и рядомъ по линіи на песчаныхъ участкахъ попадаются зеленѣющія бровки песчанаго овса, саксаула и гребенщика, прочно укоренившихся въ пескѣ. На дѣло садоводства и лѣсоводства на закаспійской желѣзной дорогѣ ежегодно ассигнуется по смѣтѣ до 30,000 руб., но до сего времени большая часть этой суммы расходовалась на развитіе растительности по станціямъ, требующей постоянной поливки, и огородовъ при нихъ. Въ настоящее же время предположено, по возможности, сократить культуту поливныхъ растеній и обратить самое серьезное вниманіе на опыты насажденія песчаныхъ растеній безъ поливки. Какъ мѣра административно-предохранительная, теперь запрещена также вырубка естественныхъ зарослей саксаула и вообще кустарниковыхъ растеній на 5 вер. по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ общемъ, произведенными за послѣднія 7 лѣтъ работами по закрѣпленію полотна дороги на песчаныхъ участкахъ, даже при настоящихъ сравнительно скудныхъ средствахъ, пески порабощены настолько, что задержки движенія отъ заносовъ почти не бываетъ, а расходы по расчисткѣ полотна составляютъ весьма скромную сумму, въ среднемъ не превышающую 30,000 руб. въ годъ.

Столь же успѣшно идетъ борьба съ другою стихійною силой, угрожающею цѣлости полотна дороги, а именно съ размывами пути такъ называемыми «силевыми» потоками, происходящими отъ страшныхъ ливней, которые изрѣдка выпадаютъ въ горахъ, лежащихъ вблизи дороги, а также отъ разлива рр. Теджена и Мургаба. Насколько бываютъ сильны эти потоки, можно судить по слѣдующему факту. Ручей Арвазъ на IV дистанціи закаспійской желѣзной дороги при меженной водѣ несетъ 0,05 куб. саж. въ секунду. Между тѣмъ, 27 мая 1891 года количество воды въ немъ, благодаря ливню, разразившемуся въ горахъ, увеличилось въ 130 разъ. Скорость потоковъ, размывающихъ полотно, обыкновенно колеблется около 3—4 фут. въ сек., при глубинѣ до 0,1 саж. и ширинѣ отъ 50 до 400 саж. Прежде дорога весьма серьезно страдала отъ нихъ, но въ настоящее время путемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій это зло значительно ослаблено и только изрѣдка составляетъ помѣху движенія.

Самымъ слабымъ мѣстомъ на закаспійской желѣзной дорогѣ служитъ, конечно, мостъ черезъ Аму-Дарью, который, будучи построенъ изъ дерева, легко можетъ быть размытъ или разрушенъ отъ значительнаго давленія на него. Мостъ этотъ былъ построенъ еще въ 1887 году, ради экономіи, взамѣнъ постояннаго желѣзнаго моста. Первоначальная длина его была 1 верста 307 саж. Кромѣ этого, въ виду значительнаго лѣтняго разлива рѣки, была устроена цѣлая система дополнительныхъ мостовъ и охранительныхъ дамбъ. Такъ, вслѣдъ за главнымъ мостомъ шла земляная дамба въ 347 саж. длины, далѣе новый деревянный мостъ въ 81 саж., за нимъ снова дамба въ 250 саж. и опять мостъ въ 56 саж. и, наконецъ, снова

дамба въ 361 саж., а за ней послѣдній мостъ въ 28 саж. Такимъ образомъ, отъ лѣваго берега Аму-Дарьи тянулся къ правому цѣлый рядъ сооруженій протяженіемъ 1,929 саж. или почти въ 4 вер. Однако, въ іюлѣ 1889 г. рѣка снесла часть восьмидесятисаженнаго моста и часть первой дамбы и, избравъ это мѣсто своимъ главнымъ теченіемъ, разлилась здѣсь на 200 саж. въ ширину. Пришлось соорудить новый мостъ и цѣлый рядъ другихъ достроекъ. Въ настоящее время общее протяженіе непрерывной настилки моста составляетъ 1.242,6 саж. Не забудемъ, что онъ построенъ черезъ одну изъ капризнѣйшихъ и многоводныхъ рѣкъ на свѣтѣ. Наибольшее количество воды, проходящей у моста, приходится на іюнь и іюль и достигаетъ въ среднемъ 550 куб. саж. въ секунду, а 22 іюня 1890 года здѣсь проходило даже 650 куб. саж., при скорости теченія до 1,14 саж. въ секунду. Нужно видѣть въ это время Аму-Дарью, чтобы вполнѣ оцѣнить, сколько вниманія и энергіи требуется со стороны желѣзно-дорожныхъ служащихъ, на обязанности которыхъ лежитъ непрерывный и самый бдительный техническій надзоръ за исправностью моста. Мнѣ пришлось подробно осматривать его въ самый разгаръ лѣтняго половодья рѣки, которая стремительно несла свои мутныя воды, разлившись на нѣсколько широкихъ протоковъ. Особенно много воды шло по главному форватеру, гдѣ рѣка быстро углубляла свое ложе, все болѣе и болѣе подмывая мостовыя сваи. Отъ напора воды въ этомъ мѣстѣ мостъ дрожалъ и даже слегка выгибался по теченію рѣки. Пришлось прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ для защиты моста отъ разрыва, для чего въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и было выгружено съ моста въ рѣку три поѣзда камня, который придалъ дну рѣки большую устойчивость и тѣмъ ослабилъ его размывъ. Но если бы даже и произошелъ разрывъ моста, то это, все-таки, не прервало бы сообщенія съ Самаркандомъ, такъ какъ на правомъ берегу рѣки всегда имѣется достаточный подвижной составъ, а пассажировъ и грузы легко было бы перевозить на паромахъ и лодкахъ. Какъ бы то ни было, перерывъ движенія былъ бы только временный, ибо то самое обстоятельство, что мостъ построенъ изъ дерева, облегчаетъ его починку, для чего и держится всегда наготовѣ достаточный запасъ лѣса. Въ связи съ работами по содержанію моста въ исправномъ видѣ уже нѣсколько лѣтъ ведутся еще работы по выпрямленію теченія Аму-Дарьи, которыя въ настоящее время сосредоточены, главнымъ образомъ, на правомъ берегу ея. Помимо этого, предприняты также развѣдочныя буренія въ руслѣ рѣки для составленія проекта сооруженія постояннаго желѣзнаго моста. Скоро ли онъ будетъ сооруженъ, сказать трудно, а пока остается только пожелать, чтобы бдительность и энергія лицъ, имѣющихъ надзоръ за исправностью теперешняго моста, не ослабѣвали и чтобы движеніе по немъ совершалось такъ же благополучно, такъ и теперь.

Другую слабую сторону закаспійской желѣзной дороги составляетъ полнѣйшее безводье нѣкоторыхъ ея участковъ, куда вода доставляется особыми такъ-называемыми водяными поѣздами. За отсутствіемъ пове х-

постной текучей воды пробуютъ добывать подземную какъ грунтовую, такъ и артезіанскую. Первую чаще всего извлекаютъ при помощи особыхъ гидротехническихъ сооруженій, называемыхъ «кяризами». Каждый кяризъ состоитъ изъ ряда водосборныхъ колодцевъ и подземныхъ водопроводовъ, какіе собираютъ грунтовую воду обыкновенно на склонахъ горъ. Съ особеннымъ искусствомъ кяризы сооружаются персидскими мастерами, къ услугамъ которыхъ и обращается желѣзная дорога. Существенный недостатокъ кяризной системы составляетъ быстрое истощеніе наличнаго запаса грунтовыхъ водъ данной мѣстности, что приводитъ къ необходимости, для обезпеченія непрерывнаго водоснабженія, имѣть подъ руками нѣсколько кяризовъ и вести въ нихъ, такъ сказать, водосмѣнное хозяйство, послѣдовательно закрывая одни и пуская въ оборотъ другіе. Что же касается артезіанскихъ буреній, то всѣ предпринятыя на линіи работы этого рода пока еще не дали положительныхъ результатовъ. Наиболѣе крупная артезіанская скважина была заложена подъ Асхабадомъ въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года. На проведеніе ея военнымъ министерствомъ ассигновано 70,000 руб. въ разсчетѣ, что она не будетъ глубже 150 саж. Однако, въ настоящее время пройдено уже болѣе 150 саж., а воды все нѣтъ, что объясняется чисто-мѣстными и совершенно исключительными геологическими условіями. Предполагается продолжать буреніе, пока не истощатся ассигнованныя на него средства. Есть основаніе думать, что и на этомъ дѣло не остановится и что буреніе будетъ продолжено до 300 саж., а если позволятъ средства, то даже и до 500 саж. глубины, что было бы, пожалуй, совершенно излишнимъ, такъ какъ на такой глубинѣ его пришлось бы вести наудачу, при полномъ почти отсутствіи руководящихъ геологическихъ указаній. Каковъ бы, однако, ни былъ окончательный результатъ буренія въ Асхабадѣ, этимъ отнюдь не рѣшается вопросъ о примѣнимости его въ другихъ мѣстностяхъ по линіи желѣзной дороги. Для этого необходимо произвести въ нихъ независимыя буренія и въ особенности на томъ участкѣ дороги, который болѣе другихъ страдаетъ отъ безводья, т.-е. между Мервомъ и Аму-Дарьей, гдѣ, по геологическимъ условіямъ мѣстности, повидимому, можно найти хорошую и обильную артезіанскую воду.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ весьма существенный недостатокъ закаспійской желѣзной дороги, а именно: довольно крупныя техническія «отступленія» отъ обычныхъ нормъ на первыхъ 48 вер. и обмелѣніе моря въ Узунъ-Ада. Первыя, какъ мы уже видѣли, были допущены еще при самомъ началѣ постройки дороги, а второе совершается безъ всякаго участія человѣка. Каспійское море, помимо вѣкового пониженія своего уровня, мѣняетъ его періодически и за послѣднее время онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе понижается. Слѣдствіемъ этого является довольно быстрое обмелѣніе мелководныхъ заливовъ и проливовъ полуострова Дорджа, съ котораго начинается теперь желѣзная дорога. Строго говоря, было большою ошибкой избрать эти неудобные песчаные берега за начальный пунктъ дороги. Ошибка эта, а равно и указанныя «отступленія» въ настоящее

время даютъ себя чувствовать въ столь осязательной формѣ, что устраненіе ихъ стало неизбѣжнымъ. Послѣднее достигается закрытіемъ порта въ Узунъ-Ада и перенесеніемъ его въ Красноводскъ. Соотвѣтственно этому первыя 54 версты существующей линіи должны быть закрыты, а взамѣнъ ихъ она будетъ продолжена по берегу Балханскаго и Красноводскаго заливовъ до Красноводска на протяженіи 122 вер. Необходимыя работы по приведенію этихъ предположеній въ исполненіе въ настоящее время уже начаты и черезъ годъ линія будетъ доведена до Красноводска, чѣмъ значительно облегчится доступъ къ ней со стороны моря.

Красноводскъ былъ основанъ въ 1869 г. на берегу довольно глубокой и удобной Муравьевской бухты Красноводскаго залива, главнымъ образомъ, съ цѣлью установленія торговаго караваннаго движенія къ важнѣйшимъ среднеазіатскимъ рынкамъ. Въ то же время, онъ сдѣлался и опорнымъ пунктомъ въ борьбѣ Россіи съ кочевниками въ прилежащихъ частяхъ Закаспійскаго края. За послѣдніе годы онъ былъ какъ бы забытъ, и если продолжалъ существовать, то единственно только благодаря тому, что не переставалъ быть административнымъ центромъ Красноводскаго уѣзда. Въ настоящее время это крохотный городокъ, расположенный на скатѣ почти совершенно безводныхъ горъ, на которыхъ едва-едва держится жалкая травянистая растительность. Мѣстами же горы сплошь обнажены и своими нерѣдко чрезвычайно затѣйливыми очертаніями нѣсколько разнообразятъ унылый видъ красноводскихъ окрестностей. Въ виду скораго перехода сюда порта изъ Узунъ-Ада, вся мѣстность вокругъ города распланирована, разбита на отдѣльные участки и почти вся занята еще не существующими пока улицами и зданіями. Нечего и говорить, что по удобствамъ своей бухты Красноводскъ является лучшимъ портомъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, но значеніе его существенно умаляется почти полнымъ безводьемъ его окрестностей. Въ городѣ есть колодцы, но воды въ нихъ мало и она замѣтно солоновата. На артезіанскую воду разсчитывать нельзя, такъ какъ геологическое строеніе мѣстности рѣшительно говоритъ противъ возможности ея полученія. Остается только надежда получить воду изъ колодцевъ, лежащихъ къ сѣверо-западу, верстахъ въ 20 отъ города, но едва ли притокъ воды оттуда будетъ значителенъ. Такимъ образомъ, Красноводску придется или пользоваться привозною водой съ линіи дороги, или получать ее изъ опрѣснителей. Другое, не менѣе существенное неудобство Красноводска заключается въ томъ, что онъ подвергается довольно частымъ и разрушительнымъ землетрясеніямъ, которыя неоднократно замѣчались здѣсь уже съ перваго года по его основаніи. Нельзя, конечно, поручиться, что явленія эти не будутъ повторяться и что разрушительность ихъ не увеличится. Во всякомъ случаѣ, въ виду несомнѣнной возможности ихъ повторенія, слѣдовало бы принимать во вниманіе это обстоятельство какъ при распланировкѣ будущаго города, такъ и при выработкѣ типа отдѣльныхъ зданій.

Удлиняясь по направленію къ Красноводску, закаспійская желѣзная

дорога, вѣроятно, въ скоромъ будущемъ удлинится также и на восточномъ своемъ концѣ. Лѣтомъ нынѣшняго года уже начаты желѣзно-дорожныя изысканія тремя партіями инженеровъ. Одна партія выступила изъ Самарканда черезъ Джизакъ къ Беговату на Сыръ-Дарьѣ, другая изъ Андижана черезъ Маргеланъ и Коканъ къ тому же пункту и третья направилась туда же изъ Ташкента. Такимъ образомъ, предполагается довести существующую линію до Беговата, а отсюда направить одну вѣтвь къ Ташкенту и другую въ Фергану, къ китайской границѣ, въ ея наиболѣе доступной части.

Въ общемъ, все вышеизложенное сулитъ закаспійской желѣзной дорогѣ блестящую будущность какъ въ коммерческомъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ. Я не безъ умысла остановился на нѣкоторыхъ подробностяхъ по ея устройству, такъ какъ она несомнѣнно оказываетъ громадное цивилизующее вліяніе въ Средней Азіи. Отдавая должное беззавѣтной храбрости нашихъ войскъ, ихъ необыкновенной выносливости и авторитетному руководительству лицъ, на отвѣтственности которыхъ лежитъ благополучіе нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, все-таки, необходимо признать, что полное умиротвореніе ихъ произошло только тогда, когда ихъ опоясала линія закаспійской желѣзной дороги. Независимые и свободолюбивые туркмены открыто боролись противъ грубой матеріальной силы, въ которой они видѣли привычнаго врага, но они оказались совершенно безсильными передъ геніемъ науки, который привелъ ихъ къ быстрому и добровольному подчиненію. Замѣчательно, что за все время постройки и эксплуатаціи дороги ни разу не было случая злонамѣренной порчи ея со стороны туземцевъ, которые, однако, не стѣснялись нападать на отдѣльные отряды русскихъ войскъ. Таково магическое дѣйствіе современной науки и цивилизаціи, мирными средствами которыхъ намъ не трудно будетъ ввести въ кругъ высшихъ культурныхъ интересовъ цѣлый рядъ богатоодаренныхъ національностей. Непосредственное знакомство съ тѣмъ, чего намъ удалось достигнуть въ этомъ отношеніи въ Средней Азіи и что еще остается сдѣлать здѣсь, даетъ даже мимолетный переѣздъ по закаспійской желѣзной дорогѣ, хотя для болѣе близкаго изученія производительныхъ силъ перерѣзываемыхъ ею странъ и всѣхъ подробностей ихъ соціальной жизни этого, конечно, недостаточно.

Садясь въ вагонъ желѣзной дороги въ Узунъ-Ада и отправляясь затѣмъ въ глубь Средней Азіи, путешественникъ, прежде всего, вступаетъ на обширную территорію Закаспійской области, занимающей пространство въ 501,696 кв. вер. съ населеніемъ около 325,000 душъ обоего пола. Территорія эта составилась такимъ образомъ, что отъ сосѣднихъ болѣе богатыхъ странъ въ нее вошли исключительно негодныя части. Понятно, что въ такихъ предѣлахъ область не можетъ оставаться и естественно стремится расширить ихъ на счетъ Хивы, Бухары, Афганистана и Персіи. Дѣлается это не въ силу какихъ-либо политическихъ разсчетовъ, а единственно только [illegible]тъ экономической необходимости, которая стала особенно ощутима съ

проведеніемъ желѣзной дороги. Насколько велика территоріальная неустойчивость Закаспійской области, можно судить уже по тому, что нѣкоторая часть ея границъ, особенно съ Персіей, и до сихъ поръ не вполнѣ прочно установлена, не говоря уже про то, что во многихъ мѣстахъ она совершенно условна, что приводитъ къ цѣлому ряду пограничныхъ столкновеній изъ-за имущественныхъ и правовыхъ отношеній. Если же прибавить къ этому, что нѣкоторая часть населенія названныхъ сосѣднихъ странъ замѣтно тяготѣетъ къ Россіи, то едва ли можно сомнѣваться, что територія Закаспійской области, быть можетъ, уже въ недалекомъ будущемъ получитъ соотвѣтствующее расширеніе.

Унылую картину представляютъ первыя версты пути по закаспійской желѣзной дорогѣ. Груды барханнаго песка, безплодные солончаки, узкія полоски длиннѣйшихъ заливовъ, клочья жалкой растительности,— все это невольно настраиваетъ путешественника противъ страны, съ которою ему предстоитъ познакомиться. Еще болѣе пустынная мѣстность разстилается здѣсь къ югу отъ полотна дороги, въ сторону громаднаго солончака Баба-Ходжа и Нефтяной горы, за которыми по направленію къ персидской границѣ начинается совершенно неизслѣдованная область. Достаточно сказать, что она даже не снята на карты, на которыхъ въ этомъ мѣстѣ значится большое бѣлое пятно. Ближе къ горамъ—Большому и Малому Балханамъ—мѣстность нѣсколько оживляется, растительность становится богаче и вся мѣстность представляетъ собою обширную степь, однако, мало пригодную для жилья по причинѣ ея полнѣйшей безводности. Затѣмъ, начиная со ст. Казанджикъ, расположенной у подножія Кюрень-Дага, на протяженіи около 400 верстъ линія желѣзной дороги проходитъ по весьма однообразной мѣстности. По одну сторону ея тянется непрерывный рядъ горныхъ цѣпей, пустынныхъ и мрачныхъ, мѣстами безъ малѣйшихъ признаковъ растительности, а по другую—разстилается уходящая за горизонтъ столь же пустынная песчано-глинистая равнина. Далѣе къ востоку равнина эта мѣстами окаймляется сыпучими песками, которые изрѣдка совершенно прерываютъ ее, подходя къ самой подошвѣ горъ. Почва этой равнины, даже и тамъ, гдѣ она становится песчаной, отличается удивительнымъ плодородіемъ, но только подъ условіемъ орошенія. Дѣйствительно, весною, при обиліи атмосферной влаги, она сплошь покрывается роскошною зеленью, испещренною цвѣтами всѣхъ оттѣнковъ. Точно также въ мѣстахъ, орошаемыхъ текучею водой, видны обширныя селенія, окруженныя садами и огородами, и поля, засѣянныя разными хлѣбными растеніями, дающими прекрасный урожай. Но, за недостаткомъ воды, такихъ мѣстъ немного и они только изрѣдка мелькаютъ на сѣровато-желтомъ фонѣ унылой и монотонной равнины, по которой пробѣгаетъ поѣздъ желѣзной дороги. Еще менѣе осѣдлыхъ мѣстъ въ слѣдующемъ участкѣ закаспійской желѣзной дороги отъ ст. Душакъ до Аму-Дарьи. Участокъ этотъ тянется почти на 400 вер. и только два оазиса — Тедженскій и Мервскій, орашаемые рр. Тедженомъ и Мургабомъ, нѣсколько разнообразятъ безотрадность общей картины закаспійскихъ пусть-

рей. Правда, они не лишены нѣкоторой своеобразной, чисто-дѣвственной прелести, но человѣкъ въ нихъ съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе.

Тѣмъ не менѣе, еще со временъ глубочайшей древности здѣсь ютилось довольно многолюдное населеніе, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ обширныя развалины, которыхъ особенно много въ Мервскомъ оазисѣ. Мнѣ пришлось побывать въ нѣкоторыхъ его частяхъ и лично убѣдиться, что всѣ разсказы о его быломъ многолюдствѣ мало преувеличены. Дѣйствительно, развалины городовъ и селеній мѣстами тянутся здѣсь на десятки верстъ. Многія изъ нихъ еще довольно хорошо сохранились, какъ, наприм., около ст. Байрамъ-Али, чаще же всего они обращены въ простыя мусорныя кучи, изъ которыхъ мѣстное населеніе добываетъ кирпичи прекрасной выдѣлки. Видъ этихъ развалинъ, перерѣзанныхъ глубокими арыками или оросительными канавами, теперь, конечно, совершенно безводными, весьма внушителенъ и производитъ сильное впечатлѣніе. Они не поражаютъ ни оригинальностью, ни красотой, но ихъ такъ много и отъ нихъ вѣетъ такою стариной, что они невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе, заставляя оглянуться въ глубь вѣковъ и припомнить рядъ кровавыхъ и мирныхъ событій, ареною которыхъ былъ древній Мервъ, занимающій пространство въ 104 кв. вер. Первыя историческія свѣдѣнія о немъ относятся ко времени, по крайней мѣрѣ, за 2,500 лѣтъ до Р. Х. Затѣмъ, во всѣ послѣдующія историческія эпохи мы видимъ его то въ полномъ упадкѣ, то въ ореолѣ славы и блеска. Были періоды, когда онъ становился достояніемъ грубѣйшаго варварства, но по временамъ онъ пріобрѣталъ всемірную извѣстность, какъ знаменитый центръ наукъ и искусствъ во всей Средней Азіи, въ которомъ рядомъ съ великолѣпными дворцами и роскошными садами были устроены многолюдныя училища, астрономическая обсерваторія и обширныя библіотеки. Недаромъ одинъ изъ разрушенныхъ городовъ въ округѣ древняго Мерва заслужилъ горделивый титулъ Шахъ-джеханъ, т.-е. «царь міра». Не мало, конечно, любопытныхъ вещественныхъ памятниковъ скрывается въ нѣдрахъ мервскихъ развалинъ, но, если не ошибаюсь, они, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не были предметомъ систематическихъ археологическихъ изысканій. Понятно, что такія изысканія не должны ограничиваться однѣми только поверхностными частями развалинъ, а ихъ необходимо вести на значительную глубину, чтобы вскрыть болѣе древніе горизонты культурныхъ остатковъ, быть можетъ, не менѣе интересныхъ, чѣмъ тѣ, которые были находимы въ развалинахъ древнихъ городовъ Малой Азіи и Сиріи.

Въ послѣдній разъ Мервскій оазисъ былъ опустошенъ въ концѣ прошлаго столѣтія, когда бухарскій эмиръ Шахъ-Мурадъ разрушилъ знаменитую плотину Султанъ-бентъ на Мургабѣ, разорилъ всѣ поселенія и большую часть жителей оазиса переселилъ за Аму-Дарью въ Бухару и Кара-Куль. Вскорѣ послѣ этого здѣсь поселились туркмены, сначала сарыки, а затѣмъ текинцы, которые остаются здѣсь и по настоящее время, занимая западную половину оазиса, а восточная, нынѣ совершенно безводная и покры-

тая развалинами, вошла въ составъ Мургабскаго Государева имѣнія. Туркмены же составляютъ господствующее населеніе всей Закаспійской области.

Внѣшній видъ туркменъ весьма внушителенъ. Они высоки ростомъ, стройны, съ выразительными чертами лица и горделивою осанкой. Высокія бараньи шапки еще болѣе увеличиваютъ ихъ ростъ и усиливаютъ рѣзкость лицевыхъ линій. Только халаты нѣсколько портятъ ихъ фигуру, но сплошь и рядомъ туркмены носятъ ихъ съ такою щеголеватостью, что не чувствуется ни малѣйшей неуклюжести. Женщины выглядятъ гораздо болѣе грубыми и между ними рѣдко встрѣчаются красивыя. Условія быта туркменъ сохранились пока еще въ полной неприкосновенности и являются чисто-патріархальными. Въ основѣ ихъ общежитія лежитъ исключительно родовое начало, которое, однако, нисколько не стѣсняетъ личную свободу. Каждый туркменъ совершенно независимъ. Единственно, что они уважаютъ,—это адатъ или обычай, опредѣляющій, впрочемъ, только личныя и семейныя отношенія. Общественныхъ установленій у нихъ почти нѣтъ, за исключеніемъ порядка пользованія водою и орошаемою ею землею,—здѣсь все строго регулировано и даже есть спеціальныя лица, обязанныя слѣдить за строгимъ исполненіемъ соотвѣствующихъ правилъ. Другихъ властей, до прихода русскихъ, они не знали и даже гордились этимъ, какъ на это указываетъ, между прочимъ, хвастливая поговорка самихъ туркменъ: «Настоящій туркменъ не нуждается ни въ тѣни дерева, ни въ сѣни власти». Правда, у нихъ были аксакалы (старцы) и ханы, а теперь есть старшины, но власть ихъ ничтожна, особенно въ томъ случаѣ, когда претендующій на нее не отличается особеннымъ умомъ. Туркмены всѣ сунниты, но муллъ между ними очень мало и, вообще, духовнымъ лицамъ, появляющимся между ними со стороны или изъ ихъ же среды, они не придаютъ большого значенія. Но если мулла оказался умнымъ, умѣющимъ хорошо говорить и находчивымъ человѣкомъ, то онъ легко дѣлается весьма вліятельнымъ, пріобрѣтая титулъ ишана, какъ бы избранника Божія или излюбленнаго Богомъ человѣка, которому все удается. Но, опять-таки, вліяніе его ограниченно, такъ какъ не всякое дѣло требуетъ участія ишана, и нужно много такта съ его стороны, чтобы знать, гдѣ употребить свое вліяніе и гдѣ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства, изъ опасенія потерять необходимое уваженіе со стороны народа. Въ религіозномъ отношеніи туркмены болѣе, чѣмъ индифферентны и весьма мало фанатичны. Мечетей въ аулахъ почти совсѣмъ не видно. Мѣстомъ молитвы обыкновенно служитъ небольшая площадка, окопанная со всѣхъ сторонъ неглубокою канавою. На этой площадкѣ, въ опредѣленное время, нѣсколько разъ въ день, собираются молящіеся, между которыми преобладаютъ пожилые люди. Значительная же часть туркменъ никакихъ религіозныхъ обрядовъ не совершаетъ и мечетей или молитвенныхъ мѣстъ совсѣмъ не посѣщаетъ. Такое отношеніе туркменъ къ дѣламъ религіи объясняется ихъ былою отчужденностью отъ крупныхъ центровъ средне-азіатскаго мусульманства, наприм., Хивы, Бухары, Самарканда и т. п. Въ послѣднее

время, однако, по мѣрѣ замиренія края, въ средѣ туркменъ стали все чаще и чаще появляться муллы изъ названныхъ городовъ съ цѣлью оживить ихъ религіозныя чувства и, такимъ образомъ, подчинить этихъ сыновъ пустыни своему религіозному вліянію. Между прочимъ, съ тою же цѣлью религіозной пропаганды, въ Закаспійской области не такъ давно появились миссіонеры крайне интересной секты—«бабидовъ». Возникшая въ пятидесятыхъ годахъ въ Персіи, секта эта подверглась сильнѣйшему преслѣдованію со стороны персидскаго мусульманскаго духовенства, такъ какъ основоположенія ея во многомъ расходятся съ ученіемъ корана. Послѣ казни основателя секты Хадратъ-Аллаха, одни изъ его послѣдователей бѣжали въ Азіатскую Турцію, тогда какъ другіе пытались упрочиться въ странахъ, лежащихъ къ востоку отъ Персіи. Изъ числа этихъ послѣднихъ многіе проникли въ средне-азіатскія ханства, но и тутъ подверглись фанатичному преслѣдованію; только туркмены отнеслись къ нимъ снисходительно. Благодаря этому, бабиды въ Закаспійской области встрѣчаются довольно часто. Такъ, въ Асхабадѣ, при переписи, произведенной въ 1892 г., ихъ оказалось 76 мужчинъ и 30 женщинъ, а всего 106 человѣкъ. Сущность вѣроученія бабидовъ представляетъ попытку примирить основы магометанства и христіанства на почвѣ нравственнаго раціонализма. На практикѣ же все дѣло свелось къ обоснованію, такъ сказать, неомагометанства. Какъ бы то ни было, бабиды имѣютъ сильное вліяніе на мусульманъ, тогда какъ христіане относятся къ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Что касается нравственныхъ качествъ туркменъ, то, по общему отзыву, они весьма высоки. Они правдивы, честны и чрезвычайно дорожатъ довѣріемъ къ нимъ, благодаря чему имъ можно давать какія угодно порученія, такъ какъ они скорѣе умрутъ, чѣмъ нарушатъ свое слово. Во всемъ ихъ поведеніи сказывается смѣсь прямоты и дикости, но въ нихъ вовсе нѣтъ необузданной неукротимости. Туркмены трезвы и не развратны. Женщины у нихъ не отличаются распущенностью нравовъ, чего далеко нельзя сказать про персіанокъ, хивинокъ и бухарокъ. Только въ тѣхъ частяхъ Закаспійской области, которыя лежатъ по сосѣдству съ Персіей, а именно въ Серахскомъ и Атекскомъ приставствахъ, туркменамъ не чужды черты персидскаго характера, которыя далеко не могутъ быть названы хорошими. Такъ, напримѣръ, здѣсь не мало курильщиковъ опія, и администраціи края приходится вести дѣятельную борьбу съ этою пагубною страстью. Подавляющее большинство туркменъ не грамотно, но, повидимому, не прочь учиться. Мнѣ пришлось посѣтить школу са водства близъ Асхабада, устроенную по мысли командующаго войсками За аспійской области, генералъ-лейтенанта А. Н. Куропаткина, и лично уб диться въ успѣхахъ учащихся въ ней туркменскихъ юношей, которые, по второму году занятій, недурно читали и передавали прочитанное пору ски, красиво писали и безъ особыхъ затрудненій рѣшали несложныя ар ѳметическія задачи. Говорить по-русски туркмены выучиваются дово о легко и многіе говорятъ весьма правильно. Поболтать туркмены

большіе охотники. Сопровождавшіе меня во время поѣздокъ проводники и туркмены-джигиты цѣлыми часами говорили другъ съ другомъ наперебой и безъ перерыва. Особенно оживленные разговоры можно услышать въ базарные дни въ болѣе крупныхъ центрахъ туркменской осѣдлости, напримѣръ, въ Мервѣ. На базаръ туркмены ѣдутъ за десятки и за сотни верстъ, ѣдутъ на лошадяхъ, ослахъ, верблюдахъ и даже на коровахъ,—ѣдутъ не столько для того, чтобы купить или продать что-нибудь, сколько для того, чтобы провести время въ пріятной бесѣдѣ о текущихъ новостяхъ. Весьма любопытно, что въ базарной толпѣ вы никогда не увидите здѣсь ни ссоры, ни драки и не услышите того крика и гама, какимъ отличаются наши сборища подобнаго рода. Во всемъ чувствуется разумная сдержанность и порядокъ, которыми почти совершенно исключается необходимость въ полицейскомъ надзорѣ. По отношенію къ русскимъ туркмены обнаруживаютъ полную готовность примѣниться къ измѣнившимся обстоятельствамъ и къ новымъ условіямъ жизни, какъ къ фактамъ неустранимымъ. Вообще, можно сказать, что они находятся на пути къ рѣшительному забвенію недавняго прошлаго и къ установленію самыхъ дружественныхъ отношеній къ своимъ побѣдителямъ.

За прекращеніемъ набѣговъ съ цѣлью грабежа или «аламановъ», туркмены обратились къ различнымъ мирнымъ занятіямъ: земледѣлію, садоводству, огородничеству, скотоводству и т. п. Весьма любопытны порядки ихъ землевладѣнія и ихъ сельско-хозяйственные пріемы. Источникомъ права на землю является здѣсь владѣніе водою, которая можетъ составлять или общественную, или частную собственность. Въ составъ первой входятъ всѣ воды открытыхъ источниковъ и потоковъ, а ко второй принадлежатъ воды, искусственно извлекаемыя изъ нѣдръ земли или отводимыя при помощи спеціальныхъ гидротехническихъ сооруженій, исполняемыхъ на частныя средства. Такимъ образомъ, наличность воды, примѣнимой для цѣлей орошенія, опредѣляетъ какъ характеръ, такъ и размѣры землевладѣнія, и земля пріобрѣтаетъ цѣнность только тогда, когда она орошена. Обыкновенно дарится, передается по наслѣдству, продается или отдается въ аренду пай воды, а не земельный участокъ, который считается принадлежностью этого пая. Короче сказать, землевладѣніе у туркменъ нераздѣльно связано съ водовладѣніемъ. Въ силу обычая или адата, всякій семейный туркменъ имѣетъ право на пай воды съ соотвѣтствующимъ ему земельнымъ надѣломъ. Тѣ, которые почему-либо не хотятъ или не могутъ воспользоваться своимъ паемъ воды, уступаютъ его родственникамъ или сдаютъ въ аренду изъ доли урожая, причемъ лица, фактически пользующіяся водой, принимаютъ на себя всѣ повинности по содержанію въ порядкѣ ирригаціонной сѣти. Всѣ земли, обыкновенно, дѣлятся на частныя или «мюльковыя» и общественныя или «санышекъ», которыя бываютъ двухъ родовъ: пашни или «акъ-ери» и огороды или «гекъ-ери». На пашняхъ засѣваются ячмень и пшеница, а на огородахъ воздѣлываются дыни, арбузы, джугара, кукуруза, хлопокъ, рисъ, кунжутъ, лукъ, морковь и т. п. Мюльковыя

земли могутъ быть отчуждаемы, но только единоплеменникамъ. Общественныя же земли не подлежатъ отчужденію, но онѣ могутъ быть отдаваемы въ аренду кому угодно, обыкновенно на годъ, причемъ арендная плата дѣлится между всѣми членами владѣющаго ею общества. Въ аулахъ, владѣющихъ водою на мюльковомъ правѣ, значительное число жителей водою не владѣетъ, а, слѣдовательно, и не имѣетъ земли. Такіе обитатели аула, обыкновенно, занимаются скотоводствомъ, нанимаются къ хозяевамъ воды въ работники или арендуютъ у нихъ воду изъ извѣстной доли урожая. Пастбищныхъ земель, строго говоря, у туркменъ не существуетъ. Чаще всего, послѣ уборки хлѣбовъ, всѣ земли, за исключеніемъ мюльковыхъ, дѣлаются общественнымъ достояніемъ и служатъ выгономъ для скота. Пастбища же въ пескахъ хотя и считаются вольными, однако, на самомъ дѣлѣ, ограничиваются правомъ водопоя, принадлежащимъ владѣльцамъ отдѣльныхъ колодцевъ. Крупнаго землевладѣнія у туркменъ, все-таки, не существуетъ, а господствующею формой является общинное, съ довольно частымъ передѣломъ земель. Система хозяйства переложная, что объясняется обиліемъ удобной для обработки земли при маломъ количествѣ необходимой для ея орошенія воды. Большинство хозяевъ сами обрабатываютъ свои поля. Наемъ рабочихъ практикуется рѣдко. Точно также рѣдки случаи отдачи земли изъ доли урожая. Во время жатвы въ обычаѣ прибѣгать къ помочи или «кумэку» за угощеніе отъ владѣльца посѣва. Пріемы обработки земли и земледѣльческія орудія отличаются крайнею примитивностью. Тѣмъ не менѣе, благодаря необыкновенному плодородію почвы, при достаточномъ орошеніи во многихъ мѣстностяхъ Закаспійской области получаются отличные урожаи. Въ качествѣ рабочаго скота употребляются волы, верблюды, лошади и ослы. Удобреніе примѣняется какъ исключеніе. Озимь засѣваютъ въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и даже въ декабрѣ, до выхода на зимнія кочевки, а яровые посѣвы производятся по возвращеніи съ кочевки, т.-е. въ февралѣ, мартѣ и даже апрѣлѣ. Уборка хлѣбовъ бываетъ въ маѣ и іюнѣ. Хлѣбъ обыкновенно жнутъ серпами и затѣмъ молотятъ лошадьми и ослами на токахъ, причемъ солома дробится довольно мелко и въ такомъ видѣ, подъ названіемъ «самана», идетъ въ кормъ скоту. Ко всѣмъ полезнымъ сельско-хозяйственнымъ указаніямъ туркмены относятся съ большимъ вниманіемъ и охотно примѣняютъ на своихъ земляхъ рекомендуемыя улучшенія.

За удовлетвореніемъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ данной общины въ большинствѣ случаевъ остается нѣкоторый избытокъ общественной земли. Избытокъ этотъ чаще всего, какъ я уже и говорилъ выше, отдается въ аренду, причемъ такой способъ эксплуатаціи его носитъ названіе «каренды», а самыя земли въ этомъ случаѣ называются карендными. Съ увеличеніемъ числа аульныхъ обществъ и числа отдѣльныхъ хозяйствъ или семей въ аулахъ, вслѣдствіе прироста населенія, образованія новыхъ семей и всякихъ другихъ соціальныхъ условій, конечно, должно увеличиться также и число участковъ, на которые дѣлится

вся общественная земля, и, вслѣдствіе этого, уменьшается и размѣръ избытка, т.-е. въ общемъ площадь карендныхъ земель съ теченіемъ времени должна постепенно уменьшаться. Такъ какъ раздѣлъ земли на участки въ отдѣльныхъ общинахъ дѣлается ежегодно, то составъ и расположеніе карендныхъ земель перемѣняется также ежегодно. Тѣ земли, которыя въ данный моментъ считаются карендными, съ теченіемъ времени могутъ войти въ надѣлъ, и, обратно, земли, входящія въ надѣлъ, могутъ впослѣдствіи обратиться въ карендныя. Кромѣ того, карендныя земли могутъ составлять собственность или цѣлаго рода, или отдѣльнаго аула. По различнымъ соображеніямъ, администрація Закаспійской области нашла нужнымъ: 1) оставить аульныя карендныя земли въ вѣдѣніи туркменъ, но расходованіе доходовъ съ нихъ подчинить болѣе тщательному, чѣмъ нынѣ, контролю администраціи; 2) родовыя же карендныя земли, по возможности, полностью принять въ вѣдѣніе администраціи, вмѣнивъ въ обязанность ей наблюденіе за тѣмъ, чтобъ отдѣленіе воды на эти карендные участки производилось безъ ущерба потребности въ ней со стороны туземнаго населенія; 3) предоставить право на арендованіе карендныхъ земель и пришлому населенію изъ внутреннихъ губерній Россіи, и 4) образовать на карендныхъ участкахъ русскія селенія въ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя земли будутъ лежать на особой оросительной канавѣ, и, притомъ, когда отдѣленіе потребной для ихъ орошенія воды не будетъ сопровождаться существеннымъ нарушеніемъ интересовъ туземнаго населенія. Вмѣстѣ съ этимъ, администрація Закаспійской области находитъ несвоевременнымъ перечисленіе этихъ земель или даже части ихъ въ казенную собственность, имѣя въ виду, что онѣ, прежде всего, орошаются сѣтью каналовъ, устроенныхъ самимъ населеніемъ, и что, кромѣ того, при ближайшемъ изученіи поземельнаго вопроса въ области, онѣ легко могутъ отойти въ надѣлъ населенію. Какъ бы то ни было, но въ настоящее время родовыя карендныя земли уже поступили въ вѣдѣніе администраціи, причемъ доходы съ нихъ идутъ на общественныя нужды области. Къ таковымъ нуждамъ, главнымъ образомъ, относятся расходы: по поддержанію въ порядкѣ ирригаціонной сѣти карендныхъ земель; по завѣдыванію орошеніемъ въ области; по увеличенію древесныхъ насажденій; по улучшенію путей сообщенія въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя обойтись натуральною повинностью, и, вообще, по всѣмъ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ упорядоченію сельскаго хозяйства въ области.

Обращаясь къ характеристикѣ пришлаго населенія въ Закаспійской области, приходится, прежде всего, отмѣтить, что оно крайне незначительно. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ за 1892 г., число пришлаго населенія разныхъ національностей опредѣлялось въ 22,432 души обоего пола, не считая войскъ. Изъ этого числа коренныхъ русскихъ было 9,082, персіянъ 5,158, армянъ 2,871, татаръ 2,815 и остальныхъ инородцевъ 2,506 человѣкъ. По отношенію ко всему населенію области русскіе составляли всего только 2,8%, а по отношенію ко всему пришлому населенію—41%. Живутъ они по преимуществу въ городахъ и другихъ осѣдлыхъ пунктахъ области,

а также размѣстились по линіи Закаспійской желѣзной дороги, гдѣ они составляютъ большинство рабочихъ и служащихъ. Кромѣ того, часть русскаго населенія занимается земледѣліемъ въ недавно образованныхъ поселеніяхъ на границѣ съ Персіей и Афганистаномъ, а также промышляетъ рыболовствомъ по побережью Каспійскаго моря. За послѣдніе годы администрація области дѣятельно хлопочетъ объ усиленіи русскаго элемента въ краѣ, всячески стараясь привлечь его, съ одной стороны, на работы по линіи желѣзной дороги, гдѣ русскому человѣку отдается безусловное предпочтеніе передъ всякимъ другимъ инородцемъ, а съ другой — къ постоянному водворенію въ земледѣльческихъ поселеніяхъ. Нельзя сказать, чтобы хлопоты эти давали особенно удачные результаты, такъ какъ до настоящаго времени въ область привлекался по преимуществу бродячій людъ, причемъ наибольшимъ бродяжничествомъ отличаются желѣзно-дорожные рабочіе, что составляетъ крупное неудобство въ желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ постоянно приходилось слышать жалобы на русскихъ рабочихъ, которые въ отношеніи выносливости, исполнительности и трезвости значительно уступаютъ рабочимъ изъ персовъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло значительно выиграло бы, если бы русскіе рабочіе принимались на службу съ большимъ разборомъ, а не огуломъ, какъ это дѣлается теперь, по предложенію администраціи области, и, главное, если бы была повышена заработная плата, что, однако, совершенно не по силамъ желѣзной дорогѣ. Что же касается переселенческаго дѣла и, вообще, русской земледѣльческой колонизаціи Закаспійской области, то вопросъ объ ея возможности былъ возбужденъ еще въ концѣ 1882 г., послѣ выселенія персидскими пограничными властями своихъ подданныхъ изъ ауловъ Гермабъ и Кулкулабъ, отошедшихъ къ Россіи по конвенціи 9 декабря 1881 г. Параграфъ III этой конвенціи обязывалъ насъ не допускать поселенія туркменъ-текинцевъ въ Гермабской котловинѣ. Тогда же бывшимъ начальникомъ Закаспійской области, генералъ-лейтенантомъ Рербергомъ, было возбуждено ходатайство о поселеніи въ этой мѣстности 50 семействъ закавказскихъ молоканъ, или же объ отдачѣ ея въ арендное содержаніе. Затѣмъ, въ 1883 г. вся Гермабская котловина, согласно послѣднему изъ указанныхъ предположеній, со всѣми къ ней угодьями, была отдана въ аренду армянину Меликову срокомъ по декабрь 1885 г., но, вслѣдствіе неисправности съ его стороны во взносѣ арендной платы, контрактъ съ нимъ былъ нарушенъ до срока. Только въ 1887 г. бывшимъ начальникомъ Закаспійской области, генералъ-лейтенантомъ Камаровымъ, по просьбѣ 13 русскихъ семействъ, уже нѣсколько лѣтъ проживавшихъ въ области, было возбуждено ходатайство о поселеніи ихъ въ Гермабской котловинѣ. Въ томъ же году ходатайство это было уважено и затѣмъ дополнено разрѣшеніемъ водворяти и впредь, по усмотрѣнію начальника области, благонадежныя русскія семейства въ означенной мѣстности. Въ 1888 г. въ Гермабѣ было уже поселено 21 русское семейство, съ выдачею по 100 рублей на каждое и съ надѣленіемъ новыхъ поселенцевъ усадебными и пахотными участками въ

общественное пользованіе, чѣмъ и положено было начало русской земледѣльческой колонизаціи Закаспійской области. За послѣдніе годы дѣло это еще болѣе подвинулось впередъ образованіемъ новыхъ поселеній въ полосѣ, пограничной съ Персіей и Афганистаномъ. Таковыхъ поселеній въ настоящее время существуетъ около 10, причемъ самое южное изъ нихъ, Алексѣевское, расположено на плоскости праваго берега р. Кушка, близъ Кушкинскаго военнаго поста, въ 300 вер. отъ Мерва и всего только въ 100 вер. отъ Герата. Поселеніе это возникло въ 1892 г. путемъ переселенія сюда 61 семейства, въ количествѣ 415 душъ обоего пола, крестьянъ Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Въ какомъ положеніи находится это поселеніе въ настоящее время, я не знаю, но въ другихъ мѣстахъ русскіе поселенцы устраиваются недурно. Лично мнѣ довелось осмотрѣть только одно изъ такихъ поселеній, а именно Козельное, расположенное въ Фирюзинской долинѣ, верстахъ въ 25 къ западу отъ Асхабада. Поливныя земли этого поселка расположены узкою полосой, до 4 вер. длины, по берегамъ многоводнаго ручья и въ общемъ составляютъ площадь до 140 дес. Кромѣ этого, въ надѣлѣ поселенцевъ здѣсь имѣется до 400 дес. для неполивныхъ запашекъ и около 400 дес. покосныхъ земель. Населеніе описываемаго поселка составляетъ семей 12, изъ которыхъ лишь немногія обнаруживаютъ склонность къ прочной осѣдлости. Даже наиболѣе зажиточные изъ поселенцевъ, имѣющіе нѣсколько десятковъ головъ рогатаго скота и прекрасную усадебную землю со всѣми необходимыми угодьями и, главное, съ обильною водой, все поглядываютъ по сторонамъ, ища мѣста получше, такъ какъ теперешнимъ своимъ положеніемъ они далеко не довольны. Ихъ особенно обижаетъ то, что ихъ равняютъ съ туземцами.

«Виданое ли это дѣло,—говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ, хотя и зажиточныхъ, но недовольныхъ, поселенцевъ,—чтобы русскаго человѣка ровнять съ персюкомъ и туркменомъ? Я свой домъ на полтора аршина въ землю вкопалъ, а онъ свой домъ на верблюдахъ возитъ!»

Трудно сказать, на чемъ русскій человѣкъ могъ бы основать свое право на особое предпочтеніе передъ всѣми другими инородцами, развѣ только на своей полнѣйшей неприспособленности къ мѣстнымъ условіямъ. Дѣйствительно, являясь въ новую для него страну, онъ несетъ съ собой всѣ тѣ привычки, навыки и требованія, которыми онъ жилъ раньше, и, въ то же время, онъ не даетъ себѣ ни малѣйшаго труда вникнуть въ условія новой обстановки своей жизни. Между тѣмъ, для такихъ мѣстностей, какъ Закаспійская область или Туркестанскій край, внимательное отношеніе къ мѣстнымъ условіямъ жизни и хозяйства является важнѣйшимъ факторомъ успѣха ихъ колонизаціи. Въ виду этого, слѣдовало бы допускать къ поселенію въ нихъ не всякаго русскаго человѣка, безъ разбора, а лишь только тѣхъ, кто представитъ достаточную гарантію своей осмотрительности и находчивости въ оцѣнкѣ условій новой жизни. Послѣднее же дается только высокимъ уровнемъ общаго развитія, которое и должно считаться главнѣйшимъ указаніемъ пригодности даннаго лица для цѣлей колонизаціи края,

если только она желательна или необходима. Иначе колонизація Закаспійской области будетъ туго подвигаться впередъ и большинство русскихъ поселенцевъ въ ней долго не выйдетъ изъ сферы попечительной заботливости мѣстной администраціи.

Другою причиной, ограничивающею успѣхъ колонизаціи области, является крайняя ограниченность ея водъ, пригодныхъ для орошенія. Быть можетъ, прежде онѣ были обильнѣе, какъ объ этомъ можно заключить на основаніи нѣкоторыхъ физико-географическихъ данныхъ, но въ настоящее время запасы ихъ несомнѣнно весьма незначительны, въ особенности сравнительно съ привольемъ способной къ воздѣлыванію земли. Вся полоса отъ Кизылъ-Арвата до Мерва и даже нѣсколько далѣе на востокъ обладаетъ изумительно плодородною почвой и, при болѣе обильныхъ атмосферныхъ осадкахъ или при большемъ количествѣ текучихъ водъ, этой полосѣ предстояло бы стать болѣе людной и необыкновенно производительной. Ничего этого мы не видимъ теперь и весьма возможно, что она навсегда останется столь же угнетенною различными неблагопріятными физико-географическими условіями, какою она является въ настоящее время.

В. Соколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Новѣйшіе успѣхи въ наукѣ и въ жизни международнаго права *).

Многіе изъ образованнаго общества относятся до сихъ поръ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ международному праву. Какая это, говорятъ, наука? Развѣ она не представляется изобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ, быть можетъ, благожелательныхъ, но отвлеченныхъ умовъ, мало знакомыхъ съ жизнью, такъ какъ въ жизни мы видимъ, что государства, въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ, слѣдуютъ лишь собственнымъ интересамъ, а вовсе не какимъ-либо началамъ права.

Эти предубѣжденія весьма стары и распространенны. На нихъ были даваемы часто болѣе или менѣе мѣткія и вѣрныя разъясненія, повторять которыя мы теперь вовсе не намѣрены. Замѣтимъ только, что ничего нѣтъ легче, какъ слѣдовать предубѣжденіямъ и рутинѣ, но для каждой науки они являются такимъ препятствіемъ, объ устраненіи котораго слѣдуетъ позаботиться прежде всего.

Относительно спеціально международнаго права скажемъ только, что эта одна изъ младшихъ отраслей правовѣдѣнія дѣлаетъ именно въ наши дни такіе сравнительно быстрые успѣхи, которые лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій свидѣтельствуютъ объ ея живучести и важности и стоятъ того, чтобы на нихъ обратили вниманіе.

Мы думаемъ бросить бѣглый взглядъ на эти успѣхи въ области науки и практики, какъ они сказались лишь за самое послѣднее время.

I.

Во всѣхъ областяхъ теоретическаго мышленія по международному праву насъ встрѣчаютъ новые труды и изслѣдованія, которые, такъ или иначе обогащая наши свѣдѣнія, способны вызвать новыя дальнѣйшія работы по этой области знанія, представляющей еще такъ много недоконченныхъ или

---

*) Лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ въ сент. 1894 г.

даже вовсе не затронутыхъ задачъ. Для удобства обозрѣнія, мы раздѣлимъ ихъ на слѣдующія четыре рубрики: а) исторія, б) новые курсы, в) журналы и г) монографіи.

а) Исторія.

Исторія имѣетъ для нашего предмета важное значеніе, ибо она показываетъ намъ причины возникновенія международнаго права и фазисы его послѣдовательнаго развитія до нашего времени. А лишь зная прошлое и настоящее положеніе науки мы можемъ дѣлать заключенія объ ея вѣроятномъ будущемъ.

По части исторіи международныхъ сношеній намъ приходится отмѣтить два сочиненія, оба посвященныя капитальному вопросу о появленіи въ жизни положительнаго международнаго права, но, при различіи ихъ содержанія, дополняющія другъ друга. Это—труды бар. Таубе и Ниса *).

Въ вышедшемъ пока *первомъ* томѣ бар. Таубе (введеніе и часть общая) мы находимъ какъ бы философію исторіи среднихъ вѣковъ съ точки зрѣнія международныхъ отношеній и правъ. Авторъ задается мыслью прослѣдить исторію возникновенія основного начала нашей науки—*идеи общенія*—за этотъ періодъ и высказываетъ мысль, что оно является продуктомъ второй половины его, т.-е. тѣхъ пяти вѣковъ, которые протекли съ начала 2-го тысячелѣтія послѣ Р. Х. до вѣка Реформаціи (X—XV вв.).

Во второмъ томѣ (часть особенная) авторъ думаетъ сдѣлать очеркъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришли средніе вѣка по отдѣльнымъ отраслямъ международнаго права, т.-е. показать зачатки его *отдѣльныхъ институтовъ* за эту эпоху.

Справедливо говоря, что изучаемый имъ періодъ—эпоха образованія международнаго права—есть одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ культурной жизни человѣчества, онъ трудомъ своимъ желаетъ хотя отчасти восполнить крупный пробѣлъ въ современной юридической литературѣ не только нашей, но даже иностранной, ибо, съ точки зрѣнія избранной имъ темы, среднимъ вѣкамъ посчастливилось даже менѣе, чѣмъ древности: нѣтъ ни одного цѣльнаго, охватывающаго весь вопросъ сочиненія о зарожденіи нашего предмета именно въ этотъ періодъ, такъ сказать, его младенчества.

Книга бар. Таубе распадается на три отдѣла. Въ первомъ, установивъ руководящіе принципы, авторъ разъясняетъ, почему не было международнаго права въ древности, и дѣлаетъ это особенно хорошо относительно Греціи, гдѣ, повидимому, были на-лицо многія изъ условій, необходимыхъ для его возникновенія: существованіе многихъ независимыхъ государствъ, общность происхожденія, одинаковость религіи. Все это въ результатѣ повели къ единству ея культуры. Но при всемъ этомъ городовыя ея респуб-

*) *Бар. Таубе:* „Исторія зарожденія современнаго международнаго права (Средніе [illegible]а)“. Томъ I. 1894 г.—*Nys:* „Les origines du droit international“. 1894.

лики не возвысились до международнаго права, потому что жили въ вѣчныхъ между собою соперничествѣ и враждѣ. За немногими рѣдкими исключеніями, имъ была совершенно чужда великая идея общности и солидарности народовъ, безъ которой немыслимо это право. Идеаломъ каждаго государства античной Греціи, говоритъ авторъ, было не устройство ея въ видѣ большой *культурной солидарной семьи,* состоящей изъ *равноправныхъ членовъ,* а нѣчто прямо ему противоположное, именно — *гегемонія* даннаго государства надъ всѣми остальными.

Второй отдѣлъ посвященъ раннимъ среднимъ вѣкамъ (Ⅴ—Ⅹ), когда Западная Европа выдѣлилась въ особое культурно-историческое цѣлое. Ей противополагаются, съ одной стороны, Византійская имперія, съ другой— греко-славянскій міръ, на почвѣ которыхъ международное общеніе не могло облечься въ юридическую форму. Это стало дѣлаться на Западѣ лишь во вторую половину средневѣковья (Ⅹ—ⅩⅤ вв.), когда зародилась тамъ идея международнаго общенія, благодаря особенно дѣйствію такихъ факторовъ, какъ феодализмъ, имперія и папство. Ихъ общественная и международная сторона выясняется обстоятельно и хорошо въ третьемъ отдѣлѣ, который, въ свою очередь, подраздѣляется авторомъ на два періода: высшаго разцвѣта этихъ учрежденій и ихъ постепеннаго разрушенія въ эпоху переходную къ новому времени, когда на исторической сценѣ появляются субъекты международнаго права — новыя государства. Общіе выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, онъ резюмируетъ въ *заключеніи:* «Средніе вѣка,— говоритъ онъ тутъ,— дали современной Европѣ и самый фактъ, и идею общества народовъ. Именно имъ принадлежитъ и честь, и громадная заслуга начала превращенія разъединенныхъ, вѣчно-враждебныхъ другъ другу народовъ,—настоящее стадо какихъ-то хищныхъ по отношенію одинъ къ другому звѣрей,—въ тѣсную и солидарную, родственную семью трудолюбивыхъ работниковъ на общей нивѣ человѣческаго прогресса».

«Средніе вѣка заключали въ себѣ много, очень много варварскаго, и можно только благодарить Провидѣніе, что мы далеко и невозвратно ушли отъ этихъ ужасныхъ временъ. Но, все-таки, говоря словами Шлегеля и Лорана, «если они и были еще глубокою ночью въ жизни человѣчества, то эта ночь была звѣздная»,— въ эту ночь родился не одинъ элементъ нашего современнаго строя, былъ положенъ не одинъ новый устой въ дѣлѣ людского прогресса вообще и въ дѣлѣ совершенствованія международной жизни въ частности. Средніе вѣка были великимъ этапомъ на томъ длинномъ, обильно залитомъ и кровью, и слезами, пути, которымъ уже вѣками идетъ человѣчество, чтобы, выйдя изъ мрака, рабства, произвола и всеобщей ненависти, притти къ свѣту и свободѣ, къ праву и любви» *).

*) Въ *приложеніяхъ* къ своей книгѣ бар. Таубе касается еще слѣдующихъ вопросовъ: международное право и его отрицатели; Россія и средневѣковой западно-европейскій міръ; пожалованіе королевскихъ титуловъ въ средніе вѣка; западно-европейскіе соборы конца среднихъ вѣковъ и современные конгрессы; литература по общей исторіи международнаго права въ средніе вѣка.

Вообще, книга бар. Таубе написана живо и интересно и надо пожелать, чтобы второй томъ не долго заставилъ себя ждать. Не малымъ подспорьемъ для него, вѣроятно, послужитъ трудъ Ниса, профессора въ Брюсселѣ и уже извѣстнаго многими дѣльными изслѣдованіями по исторіи международныхъ сношеній и литературы. Его книга весьма счастливо дополняетъ и какъ будто развиваетъ далѣе книгу русскаго писателя. Въ 17 главахъ *), безъ систематической выдержки, но на основаніи богатѣйшаго фактическаго и научнаго матеріала, Нисъ знакомитъ насъ со всѣми проявленіями международныхъ институтовъ и теорій за долгій средневѣковой періодъ. Онъ пользовался не одними рѣдкими, теперь почти неизвѣстными печатными сочиненіями о той эпохѣ, но и рукописнымъ матеріаломъ, найденнымъ имъ въ Британскомъ музеѣ и въ королевской брюссельской библіотекѣ. Часто, желая быть возможно точнымъ, онъ дѣлаетъ изъ источниковъ длинныя буквальныя заимствованія, что пестритъ его изложеніе и ведетъ иногда къ повтореніямъ, но вездѣ сказывается его начитанность и любовь, съ которою онъ изучилъ свой трудный и доселѣ мало извѣстный предметъ. Авторъ останавливается на многовѣковомъ соперничествѣ папства съ имперіею, расшатавшемъ ихъ обоихъ въ основаніи и приведшемъ къ образованію независимыхъ новыхъ государствъ, между которыми установилась система политическаго равновѣсія, какъ основа ихъ взаимныхъ сношеній. Главными институтами, проложившими въ то время дорогу международному общенію, явились война и дипломатія и поэтому естественно, что онъ отводитъ имъ много мѣста въ своемъ сочиненіи. Онъ начинаетъ съ мнѣній отцовъ церкви о дозволенности войны вообще, переходитъ затѣмъ къ ея формамъ въ средніе вѣка, къ законнымъ ея причинамъ, по мнѣнію писателей того времени, къ способахъ ея веденія и окончанія. Тутъ, въ частности, рѣчь идетъ о положеніи комбатантовъ и не-комбатантовъ, о военноплѣнныхъ, о правѣ добычи, о морской войнѣ и нейтральныхъ, поскольку о таковыхъ можно было тогда говорить. Впрочемъ, уже тогда споры между правителями оканчивались не одною войною, а разными другими, мирными и насильственными способами, въ числѣ которыхъ особенно были распространены репрессаліи. На всемъ этомъ авторъ также останавливается. Послѣ войны онъ отводитъ видное мѣсто и дипломатіи и касается также долгихъ споровъ о рангѣ и предсѣдательствѣ между государями и ихъ уполномоченными. Онъ говоритъ еще о торговлѣ, судоходствѣ, монетной системѣ и въ концѣ своей книги доходитъ уже до рубежа новаго времени. Здѣсь онъ разсматриваетъ вопросъ о занятіи земель, вновь тогда открытыхъ, и о распредѣленіи ихъ папами между христіанскими государями въ XVI стол., о признаніи свободы моря въ XVII и о попыткахъ къ установленію среди европейскихъ народовъ мира.

Таково богатое содержаніе этой работы Ниса. Безспорно, многое въ ней

---

*) Обзоръ имъ дѣлаетъ *Берїбомъ* въ *Centralblatt für Rechtswissenschaft* 1894, Juli S. 348—349.

имѣетъ интересъ лишь историческій и даже археологическій, но она даетъ намъ, все-таки, довольно полную, по первоисточникамъ составленную, картину столь уже чуждаго для насъ и своеобразнаго международнаго строя въ средніе вѣка. Какъ бы хорошимъ къ ней введеніемъ представляется вступительная лекція автора: «Международное право предъ исторіею», которою онъ открылъ, въ мартѣ настоящаго года свой курсъ по исторіи нашего предмета въ школѣ общественныхъ наукъ (Ecole des sciences sociales), соединенной съ Брюссельскимъ университетомъ *). Онъ въ ней тонко проводитъ основную мысль, что хотя католическіе, протестантскіе и не христіанскіе государи часто грубо попирали международное право и болѣе всего въ XVIII в., но оно зародилось и, хотя медленно, но крѣпло безъ перерыва въ продолженіе вѣковъ благодаря потребностямъ самой совмѣстной жизни новыхъ народовъ. Сперва фактически между послѣдними установилось общеніе, которое развѣтвляясь, превратило ихъ сожитіе въ настоящее общество народовъ. Жизнію же этого общества и вырабатывается международное право, которое, въ силу этого, и есть право — живое, положительное, а не какая-либо часть морали, какъ объ этомъ ошибочно думаютъ нѣкоторые даже доселѣ. Въ виду исторически-несомнѣннаго роста международныхъ нормъ, не существеннымъ представляется возраженіе тѣхъ, которые указываютъ на отсутствіе для ихъ защиты особой власти и принужденія. Не забудемъ, говоритъ авторъ, что въ такомъ же точно положеніи долго находилось частное право, пока оно не было опредѣлено законодателемъ. Кодификація является вездѣ позднѣе обычаевъ, которые, въ свою очередь, слѣдуютъ за судебными рѣшеніями, постановляемыми старшими членами общинъ. И въ гражданскомъ быту принудительное примѣненіе властью юридическихъ нормъ составляетъ исключеніе, а не правило. Государственное же право въ большинствѣ странъ остается до сихъ поръ безъ санкціи, но развѣ это даетъ намъ право сказать, будто современныя конституціи лишены положительнаго юридическаго характера?

Не только начала многихъ институтовъ, но и первыя проявленія многихъ важныхъ для насъ ученій восходятъ къ среднимъ вѣкамъ. Такъ уже тогда, наприм., пытливые умы задумывались надъ проблемою общаго мира, подвергали сомнѣнію законность вообще войны, тщательно анализировали причины, могущія ее до извѣстной степени оправдать, и изучали всѣ пріемы ея веденія. Какіе это были глубокіе умы и благородныя сердца!—восклицаетъ Нисъ. Въ числѣ послѣднихъ онъ особенно выдвигаетъ августинскаго монаха XIV в., Honoré Bonet, испанца Викторію, проф. въ Саламанкѣ и ученую женщину Христину Пизанскую. Боне въ своемъ трактатѣ (Ar[illegible] des batailles), посвященномъ Карлу VI и изданномъ стараніями того [illegible] Ниса, всюду проповѣдуетъ любовь къ ближнему. Вездѣ, говоритъ [illegible]

*) *Nys*: „Le droit international devant l'histoire" въ *Revue de droit internat*[illegible], 1894, p. 254—268.

авторъ, онъ выступаетъ защитникомъ терпимости, милосердія, вѣрности данному слову и человѣколюбія на войнѣ. Его идеи поражаютъ своею преждевременностью особенно для той эпохи. Онъ предлагаетъ реформы, не осуществленныя даже въ наши дни. Какой контрастъ представляетъ онъ съ Бинкерсгукомъ, великимъ юристомъ, жившимъ въ первую половину XVIII в. Бинкерсгукъ превосходитъ его по силѣ юридическаго мышленія, но онъ жестокъ; онъ узаконяетъ въ международномъ правѣ воззрѣнія и пріемы, осуждаемые сердцемъ. Боне гораздо болѣе слабый юристъ, но онъ болѣе человѣченъ. И что же? Его идеи, съ теченіемъ времени, частію осуществились, частію будутъ выполнены, а суровыя доктрины Бинкерсгука давно осуждены и совершенно забыты. Новое подтвержденіе той истинѣ, что человѣчество движется впередъ по направленію къ великодушію, къ добротѣ.

Очеркъ свой авторъ оканчиваетъ Гроціемъ, котораго онъ называетъ творцомъ нашей науки въ томъ смыслѣ, что онъ соединилъ уже существовавшіе до него элементы ея въ одно цѣлое на подобіе членовъ тѣла и вдохнулъ въ нихъ дыханіе жизни.

Въ заключеніе онъ ставитъ себѣ великій вопросъ: «призвана ли война свирѣпствовать на всѣ времена»? Тутъ необходима одна предварительная оговорка. Война въ наши дни уже потеряла опору въ учрежденіяхъ варварскихъ, но носившихъ прежде юридическій характеръ. Я говорю о репрессаліяхъ, о каперствѣ, о безграничномъ правѣ на добычу, о превращеніи побѣжденныхъ въ рабовъ. Нынѣ война становится человѣчнѣе, она цивилизуется. Но исчезнетъ ли она совершенно, какъ послѣдній способъ утвержденія права? Постигнетъ ли и ее участь, которой подверглись частная война, кулачное право? Будущее отъ насъ сокрыто, но отъ прошедшаго и настоящаго мы можемъ дѣлать относительно его извѣстныя предположенія, сводящіяся къ тому, что усилія великихъ умовъ не погибаютъ въ человѣчествѣ, но со временемъ дополняются и приносятъ всѣ свои благословенные плоды. Три великія идеи властно управляютъ міромъ: идеи прогресса, свободы, человѣчности. Противъ нихъ безсильны всѣ усилія и козни. Это даетъ намъ увѣренность, что наступитъ время, когда исполнится блестящее слово Мирабо, брошенное имъ, сто лѣтъ тому назадъ, съ вершины трибуны въ учредительномъ собраніи: «право—владыка міра, Марсъ только его тиранъ!»

б) Новые курсы.

Не только въ *историческомъ*, но и въ *теоретическомъ* отношеніи международное право дѣлаетъ быстрые шаги впередъ. Тутъ нельзя не отмѣтить слѣдующій любопытный фактъ: между тѣмъ, какъ еще недавно первенство в нашей наукѣ принадлежало частію Германіи, гордившейся Гефтеромъ, Блюнчли, Гольцендорфомъ, частію Италіи, прославленной Манчини и Фіоре, нынѣ это первенство видимо переходитъ къ Франціи, писатели которой проявляютъ изумительную дѣятельность едва ли не во всѣхъ областяхъ нашего предмета.

Начнемъ съ *общихъ курсовъ*. Долгое время въ нихъ чувствовался недостатокъ во Франціи. Два-три дѣльныя общія сочиненія, напечатанныя на французскомъ языкѣ, принадлежали перу иностранцевъ (Уитонъ, Кальво). Пробѣлъ этотъ до нѣкоторой степени восполнялся переводами лучшихъ иностранныхъ руководствъ: Гефтера (въ перев. Bergson), Блюнчли (Lardy), Гольцендорфа (Zographos), Нейманна (Riedmatten), Фіоре (Antoine, Chrétien), Лоримера (Nys), нашего Мартенса (Léo), Твисса, Алькорты. Но, все-таки, это явленіе было страннымъ для страны, играющей столь видную роль въ международной политикѣ и языкъ которой считается по преимуществу международнымъ.

Нынѣ этой ея отсталости наступилъ конецъ. Въ теченіе одного послѣдняго года мы видимъ появленіе въ ней нѣсколькихъ оригинальныхъ курсовъ, составленныхъ притомъ, профессорами различныхъ провинціальныхъ юридическихъ факультетовъ и вдобавокъ лицами, либо впервые выступающими съ научными трудами, либо сравнительно недавно отмѣтившими себя ими.

Фактъ этотъ знаменателенъ: онъ свидѣтельствуетъ объ оживленіи, среди французской молодежи, интереса къ нашей наукѣ *) и, въ значительной степени, при распространенности французской рѣчи и умѣньи французовъ хорошо писать, поведетъ къ популяризаціи международныхъ идей въ современномъ образованномъ обществѣ вообще. Намъ нечего останавливаться на этихъ курсахъ въ подробности: ихъ научное значеніе и интересъ, ими представляемый, различны, но въ цѣломъ они составлены толково, читаются легко, обращаютъ вниманіе на новѣйшія событія въ наукѣ и въ жизни и могутъ служить болѣе или менѣе удобными пособіями для приступающихъ къ изученію нашего предмета въ теоретическихъ ли, или чисто практическихъ цѣляхъ. Въ числѣ этихъ курсовъ надо назвать сперва небольшое *Введеніе въ науку международнаго права* Лёзёра **). Бо́льшую часть своей книги авторъ (проф. въ Ліонѣ) отводитъ исторіи международныхъ сношеній, сообразно съ ея основною задачею—выяснить положительный характеръ практическаго международнаго права. Среднимъ вѣкамъ онъ также, какъ Нисъ и бар. Таубе, приписываетъ выдающуюся роль въ процессѣ зарожденія этого права и хорошо отмѣчаетъ значеніе вестфальскаго мира, французской революціи и вѣнскихъ постановленій 1815 г. По части литературы онъ воздаетъ должное заслугамъ ея главныхъ авторитетовъ: Гроцію, Пуфендорфу, Бинкерсгуку, Вольфу, Мозеру и др. Наконецъ, авторъ касается и вопросовъ объ основѣ международнаго права, его источникахъ, методѣ и проч***).

Цѣльный курсъ всего международнаго права далъ намъ недавно проф

*) Недавно преподаваніе международнаго права сдѣлано обязательнымъ во всѣхъ юридическихъ факультетахъ Франціи.

**) *Leseur*: „Introduction à un cours de droit international public", 1893.

***) Замѣтка *Blondel* въ *Centralblatt* 1894, Februar, S. 176—177.

въ Бордо, *Деспанье* *), напечатавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ свое *Руководство* по частному международному праву **). Новою же своею книгою Деспанье желаетъ дать полезное пособіе студентамъ, имѣющимъ въ виду поступить на дипломатическую или консульскую службу. Поэтому онъ старался придать ей и соотвѣтствующій объемъ, средній «между толстыми трактатами, совершенно недоступными для начинающихъ, и такими сжатыми руководствами, съ другой стороны, которыя, довольствуясь лишь передачею общихъ идей, являются, однако, недостаточными для тѣхъ, которые пожелали бы освоиться съ историческимъ развитіемъ и съ современнымъ положеніемъ дѣйствующаго международнаго права». Все-таки, книга его вышла въ 723 страницы!

Послѣ введенія, авторъ излагаетъ весь свой предметъ въ слѣдующихъ семи книгахъ: государства, какъ субъекты международнаго права; ихъ права и обязанности; столкновенія между ихъ законодательствами; о положеніи частныхъ лицъ въ сферѣ международныхъ отношеній; объ имуществахъ въ той же области; международныя обязательства государствъ и столкновенія между ними.

Эта система не можетъ быть названа ни оригинальною, ни вѣрною: съ внѣшней стороны она удобна и потому усвоена многими, но она не соотвѣтствуетъ юридической самостоятельности международныхъ принциповъ и ихъ соединенію въ особую стройную дисциплину.

Авторъ—приверженецъ историческаго метода: онъ всюду показываетъ примѣненіе права къ фактамъ и черезъ это придаетъ своему изложенію болѣе солидную основу. Нельзя одобрить разсмотрѣніе ихъ источниковъ международнаго права съ двоякой точки зрѣнія: со стороны теоріи и права положительнаго,—какъ будто существуетъ два международныхъ права—теоретическое и практическое.

Деспанье не усматриваетъ никакой практической пользы отъ кодификаціи международнаго права, за которую однако, высказываются многіе серьезные писатели въ наши дни: таковая, по его мнѣнію, неразлучна съ введеніемъ международнаго суда, который, однако, еще не существуетъ. Но неразрывной связи между ними обоими нѣтъ: по многимъ вопросамъ международное право, благодаря новѣйшимъ народнымъ конвенціямъ, кодифицировано и примѣняется на практикѣ, несмотря на отсутствіе международной юрисдикціи.

Государство онъ опредѣляетъ вѣрно, какъ личность, и говоритъ, что, въ силу своей этой природы, оно должно пользоваться на территоріи другихъ государствъ всѣми ему принадлежащими правами. Въ вопросѣ о націон льностяхъ онъ высказывается противъ радикальныхъ воззрѣній тѣхъ, кото ые, во имя предполагаемыхъ естественныхъ границъ и расширенія

---

* *Despagnet*: „Cours de droit international public", 1894. Обстоятельный разборъ _го сдѣланъ *Merignhac* (проф. международнаго права въ Тулузѣ) въ *Revue de droit* _*ublic et de la science politique* 1894, № 1, p. 157—165.

** *Précis de droit international privé* 1886 (2 édit. 1891).

того или другого государства, желали бы ниспровергнуть существующее statu quo въ Европѣ. Конкордатамъ онъ не приписываетъ характера международныхъ договоровъ, ибо папство, лишенное территоріи, не есть государство. Это воззрѣніе не нравится его французскому критику (Мериньяку): «развѣ конкордаты,—восклицаетъ послѣдній,—не суть въ сущности соглашенія между государствомъ и *иностраннымъ государемъ?»* Такъ можетъ смотрѣть на дѣло католикъ. Папа не есть государь (не говоря уже о томъ, что онъ нынѣ лишенъ территоріи), но онъ лице въ международномъ правѣ и стоитъ также подъ его охраною. Заключаемые имъ съ правительствами соглашенія не суть *договоры* и даже не *законы* въ юридическомъ смыслѣ, а нормы совершенно sui generis, заимствующія многое не только отъ тѣхъ и отъ другихъ, но и отъ каноновъ церкви, главою извѣстной части которой и является папа.

Неудачнымъ находимъ воззрѣніе Деспанье на интервенцію: она по его мнѣнію, оправдывается, если требуется строгою необходимостію *защиты правъ* государства, къ ней прибѣгающаго. Это исправленная редакція англійскихъ государственныхъ людей въ 20 годахъ нашего столѣтія, когда они, возставъ противъ тогдашнихъ непрерывныхъ вмѣшательствъ великихъ державъ во внутреннія дѣла слабѣйшихъ народовъ, требовали, чтобы эти вмѣшательства вызывались, по крайней мѣрѣ, необходимостью *защиты интерессовъ* интервенирующаго. Обѣ эти формулы невѣрны: защита права, принадлежащаго извѣстному государству, можетъ узаконить для него обращеніе къ различнымъ принудительнымъ мѣрамъ и даже, въ крайнемъ случаѣ, къ войнѣ, но весь вопросъ объ интервенціяхъ долженъ быть перенесенъ на почву международнаго права и рѣшаемъ во свѣтѣ его началъ, что и дѣлаетъ прекрасно Фіоре въ своемъ курсѣ. По поводу интервенцій авторъ дѣлаетъ очеркъ восточному вопросу до его послѣднихъ фазисовъ.

Столь интересный для юриста и трудный на практикѣ вопросъ о разрѣшеніи столкновеній между законодательствами различныхъ государствъ относится въ подробностяхъ къ частному международному праву, но, будучи связанъ съ принципомъ ихъ суверенитета, онъ касается не менѣе и права публичнаго. Тутъ нашъ авторъ отправляется отъ вполнѣ вѣрной мысли, что правила о разрѣшеніи указанныхъ столкновеній должны быть выработаны согласно не съ законами той или другой страны въ отдѣльности, а съ принципами международнаго права, которые одни только могутъ придать имъ должную общность и однообразіе въ примѣненіи. Поэтому онъ выставляетъ тутъ два начала, богатыя по своимъ послѣдствіямъ: а) вслѣдствіе уваженія, которое государства должны питать другъ къ другу, какъ къ личностямъ, и вытекающихъ отсюда правъ ихъ на юридическое равенство и сношенія, каждое изъ нихъ обязано допускать на своей территоріи дѣйствіе иностраннаго закона, если послѣдній по природѣ компетентенъ для опредѣленія даннаго юридическаго отношенія, и б) въ силу самосохраненія государства всегда могутъ, какъ личности, уве-

ренныя и независимыя, устранить примѣненіе у себя иностраннаго закона несовмѣстнаго съ ихъ публичнымъ порядкомъ.

Въ вопросѣ о присоединеніи территоріи авторъ осуждаетъ плебисцитъ. Но эта точка зрѣнія, справедливо замѣчаетъ Мериньякъ, ведетъ къ тому, что на населеніе смотрятъ какъ на стадо животныхъ, подчиненныхъ интересу государства, подъ личиною котораго можно оправдать самыя возмутительныя неправды. Осуждать должно не плебисцитъ, вполнѣ законный въ принципѣ, но насилія и обманъ, съ которыми его примѣняли на практикѣ и отъ которыхъ его слѣдуетъ предохранить.

Сообразно съ природою вещей, большая часть разбираемаго нами сочиненія посвящается праву мира *). Но и о войнѣ авторъ высказываетъ много здраваго и интереснаго. Изучая ее во всѣхъ ея проявленіяхъ, онъ особенно настаиваетъ на необходимости подчиненія ея твердымъ правиламъ въ видахъ возможно большаго ея смягченія. Эти правила онъ сводитъ къ слѣдующимъ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) война есть отношеніе одного государства къ другому; 2) она проявляется непосредственно лишь между ихъ вооруженными силами и 3) всѣ военныя дѣйствія должны ограничиваться лишь областью необходимаго, т.-е. направляться на ослабленіе или уничтоженіе военнаго могущества врага.

Говоря о согласіи палатъ на начало войны, тамъ, гдѣ это требуется по конституціи, Деспанье осуждаетъ дѣлаемое правительствами иногда на практикѣ различіе между настоящею войною и отдѣльными походами, особенно въ странахъ внѣ-европейскихъ. Послѣдніе тоже не должны бы быть предпринимаемы безъ разрѣшенія подлежащей власти, въ данномъ случаѣ палатъ. Про морскую войну онъ выражается, что, съ международной точки зрѣнія, она по природѣ своей однородна съ войною сухопутной, отличаясь отъ нее только своимъ театромъ. Мирную блокаду онъ отвергаетъ, съ чѣмъ нельзя согласиться, если ее подчинить опредѣленнымъ правиламъ и не смѣшивать съ блокадою военною. Въ теоріи непрерывности морского пути (continuité du voyage), выставленной недавно американскими призовыми судами и даже одобренной смѣшанною третейскою коммиссіею, засѣдавшею въ силу вашингтонскаго договора 1871 г., онъ справедливо видитъ раззореніе на практикѣ нейтральной торговли и предаетъ ее осужденію вмѣстѣ съ большинствомъ современныхъ интернаціоналистовъ. Частная собственность непріятеля и на морѣ должна оставаться неприкосновенною во время войны, за исключеніемъ только нарушенія имъ блокады или подвоза контрабанды. Обо всѣхъ этихъ вопросахъ авторъ говоритъ обстоятельно, излагая современное устройство призовыхъ судовъ. Институтъ, какъ извѣстно, предложилъ придать имъ международный характеръ во второй апелляціонной инстанціи, но мы полагаемъ, замѣчаетъ Мериньякъ, что ре-

---

*) Въ немъ особенно заслуживаютъ вниманія отдѣлы: о трактатахъ, вмѣшательствахъ и выдачѣ преступниковъ.

форму ихъ нужно довести до конца и уже первой ихъ инстанціи дать международную организацію, чего и требовалъ покойный Бульмерингъ.

Въ заключеніе авторъ останавливается на любопытномъ движеніи умовъ, за послѣднее время, въ пользу международныхъ третейскихъ судовъ, призванныхъ со временемъ все рѣшительнѣе замѣнить въ спорахъ государствъ дипломатію и войну. Онъ даетъ намъ списокъ главныхъ третейскихъ договоровъ и на основаніи ихъ знакомитъ читателя съ практическимъ устройствомъ этихъ судовъ: съ ихъ составомъ, дѣлопроизводствомъ и пр. Наконецъ, онъ касается и вопроса о постоянномъ международномъ судѣ, къ которому очевидно поведутъ практикуемые уже третейскіе суды. Тутъ онъ разбираетъ предложенія о такомъ судѣ, сдѣланныя многими извѣстными писателями: Лавёле, Фильдомъ, Лоримеромъ, Блюнчли, Маркоарту и др. и высказывается противъ его учрежденія, ибо ему пришлось бы примѣнять право, далеко еще не установившееся, рѣшенія его оставались бы безъ санкціи и государства отвергали бы ихъ всякій разъ, когда они затрогивали бы вопросы, касающіеся ихъ чести или независимости.

Такимъ образомъ, онъ допускаетъ лишь спеціальныя международныя юрисдикціи для извѣстнаго рода дѣлъ, какъ-то: призовые суды, рѣчныя коммиссіи и т. п. Важныя это проблеммы, замѣчаетъ Мериньякъ, и авторъ нашъ, быть можетъ, слишкомъ легко рѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Мы коснулись въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ только нѣкоторыхъ пунктовъ книги Деспанье, но она, повторяемъ, представляетъ много интереснаго и призвана распространить въ болѣе широкихъ кругахъ читателей свѣдѣнія о наукѣ, имѣющей предъ собою безспорно великую будущность.

Кромѣ книги Деспанье, передъ нами начала двухъ новыхъ курсовъ, недавно изданныя также провинціальными профессорами во Франціи—*Пьедёльевромъ* и *Кретьенъ* *). Первый авторъ (проф. юридич. фак. въ Реннъ) еще не извѣстенъ въ наукѣ, второй (проф. того же факультета въ Нанси) успѣлъ уже зарекомандовать себя переводомъ на французскій языкъ кодекса по международному праву Фіоре.

Оба эти сочиненія, почти одинаковыя по объему (въ 560 и 600 стр.), ограничиваются введеніемъ въ нашу науку и правомъ мира, но они различны по системѣ и отчасти направленію. Книга Пьедёльевра, по своей простотѣ и ясности, болѣе доступна для начинающаго; у Кретьенъ гораздо болѣе ссылокъ на литературу, которой онъ отводитъ не только особый отдѣлъ во введеніи, но и на которую ссылается передъ каждымъ параграфомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. За то система его и запутанна, и искусственна. По многому оба эти автора другъ друга восполняютъ.

Введеніе обстоятельнѣе у Пьедёльевра. Въ немъ онъ разсматриваетъ:

---

*) *Piédelièvre*: „Précis de droit international public. T. I. Des Etats et de leurs relations en temps de paix", 1894.— *Chrétien*. „Principes de droit international public." Première partie, 1893.

ıредѣленіе международнаго права; его основаніе; область примѣненія от›сительно предмета и мѣста; способъ его образованія и успѣхи въ ис›ріи.

Хорошо излагая предметъ, нельзя сказать, чтобъ онъ далъ о немъ ѣрное опредѣленіе: подъ международнымъ правомъ онъ разумѣетъ сово/пность правилъ, которымъ слѣдуютъ государства въ своихъ взаимныхъ юшеніяхъ,—правилъ, оцѣниваемыхъ съ точки зрѣнія естественнаго пра›. «Такое опредѣленіе тѣмъ болѣе странно, что самъ же авторъ говоритъ, ›о международное право далеко не есть какая-либо часть права есте›веннаго, распространеннаго на взаимныя сношенія народовъ». Конечно, ›о имѣетъ совершенно отъ него отличныя область и задачу.

Коротко, но толково трактуется о возраженіяхъ противъ нашего пред›та. Авторъ сводитъ ихъ къ двумъ главнымъ: фактическому и юридиче›кому. Первое, отправляясь якобы отъ опыта, ссылается на то, что въ ›йствительной жизни сношенія государствъ управляются не нормами пра›, какъ хотятъ того теоретики, а силою и деньгами (войскомъ и финан›ми). Второе проводитъ параллель между гражданскимъ порядкомъ и меж/народнымъ и указываетъ на то, что въ послѣднемъ нѣтъ, какъ въ пер›мъ, для охраны его верховной власти, судовъ и организованнаго при›жденія. На это онъ говоритъ: положительный характеръ международнаго рава связанъ не съ существованіемъ этихъ учрежденій, а онъ вытекаетъ ›ъ факта признанія его цивилизованными государствами. Они сознательно добровольно слѣдуютъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ извѣстнымъ ›редѣленнымъ правиламъ, которыя считаютъ необходимыми для поддержа›ія и продолженія совмѣстной своей жизни. На практикѣ нынѣ спорятъ ›е объ этихъ правилахъ, окрѣпшихъ въ право, а лишь объ ихъ толкова›ін. Европейскіе конгрессы не разъ ихъ провозглашали. Подчиняя свои ›оры третейскимъ судьямъ, государства прямо заявляли, чтобы послѣдніе ›йствовали по принципамъ права. Даже во время войны воюющіе ссыла›тся на положительныя нормы военнаго права. Въ своихъ внутреннихъ ›конахъ правительства часто даютъ подтвержденіе международнымъ нор›амъ. Самыя войны, благодаря возростающей ихъ убійственности, стано›ятся болѣе рѣдкими, но за то крѣпнутъ и развѣтвляются, во всѣхъ об›астяхъ, сношенія народовъ и усиливается ихъ стремленіе къ миру. Все ›о, заключаетъ авторъ, достаточно для того, чтобы придать международ›ому праву характеръ вполнѣ положительный и практическій и побудить ›равительства къ болѣе строгому соблюденію его началъ.

Авторъ говоритъ объ отношеніяхъ международнаго права къ другимъ ›раслямъ правовѣдѣнія и допускаетъ возможность со временемъ распро›траненія его на всѣ народы земли, вслѣдствіе какъ улучшенія средствъ ›ношеній, успѣховъ промышленности и торговли, такъ и большаго повсюду ›аспространенія идей порядка и справедливости. Слишкомъ узко смотритъ ›нъ на источники или формы международнаго права, относя къ нимъ только ›бычаи и трактаты. Впрочемъ, въ этомъ онъ сходится съ большинствомъ

позитивистовъ. О значеніи науки и юристовъ онъ говоритъ хорошо, но, въ отдѣлѣ объ обычаяхъ, Гольцендорфа, по странной ошибкѣ, относитъ къ Австріи. Между классиками по нашей наукѣ забываетъ упомянуть такія имена, какъ Фильдъ, Гооль, Лоримеръ. За то къ нимъ нельзя причислять, какъ онъ дѣлаетъ, Брентано, Сореля (мы не говоримъ объ его историческихъ трудахъ) и Бри *). Вообще иностранными авторами онъ пользуется во французскихъ переводахъ, но не обозначая ни года, ни числа ихъ изданія. Главными его руководителями являются: Шово **), Рено и Прадье Фодере.

Авторъ, какъ и Деспанье, противникъ кодификаціи, но главные его противъ нея доводы могли бы быть обращены и противъ самого международнаго права. Кодификація не убила бы, какъ онъ полагаетъ, силу обычаевъ; верховная юрисдикція въ народной области не есть химера, а потребность все рѣшительнѣе назрѣвающая. Между кодификаторами авторъ забылъ упомянуть о примѣчательномъ трудѣ Фіоре.

Историческій очеркъ международныхъ сношеній сдѣланъ авторомъ живо и интересно. Онъ ставитъ ему вѣрную задачу,—не перечисленіе войнъ и мирныхъ договоровъ, а изложеніе идей, которыя послѣдовательно опредѣляли взаимныя сношенія народовъ. Въ этомъ отношеніи его добавляетъ Кретьенъ, который въ этомъ отдѣлѣ останавливается болѣе на деталяхъ. Излишнее только значеніе придаетъ Пьедёльевръ такъ называемому международному праву римлянъ. Это была, вѣрнѣе, политика, но, при любви ихъ къ формализму, облеченная въ извѣстныя юридическія формы, по существу далеко расходившіяся съ тѣмъ, что̀ мы называемъ международное право.

Самую догму онъ излагаетъ въ трехъ большихъ отдѣлахъ: о лицахъ, о вещахъ и о международныхъ сношеніяхъ въ мирное время. Это весьма распространенная въ нашемъ предметѣ систематика, взятая съ небольшимъ измѣненіемъ изъ институцій и которой, между прочимъ, слѣдуетъ и Гефтеръ. Она удобна своею простотой и тѣмъ, что воспроизводитъ частноправовую систематику, но она не соотвѣтствуетъ оригинальной природѣ собственно международныхъ институтовъ.

Къ основнымъ правамъ государствъ, которыя невѣрно называются абсолютными и первообразными, отнесены права: на сохраненіе, суверенитетъ или независимость, равенство и собственность. Тутъ же, какъ ихъ видоизмѣненія и ограниченія, разсматриваются государства зависимыя, нейтрализованныя, трактаты о гарантіи, международныя повинности и интервенціи. Очевидно, подъ этою рубрикой соединены вопросы разнородные, которые удобнѣе было бы размѣстить по другимъ отдѣламъ догмы.

Абсолютнымъ правамъ противупоставляются права случайныя или относительныя (тоже неудачная терминологія). Это тѣ, которыя возникаютъ изъ договоровъ и правонарушеній.

---

*) *Bry:* „Précis élementaire de droit intern. public“, 1891 (2 édit., 1892).

**) *Chauveau:* „Le droit des gens ou droit intern. public“, 1892.

Международныя сношенія авторъ сводитъ къ тремъ группамъ—дипло-мическія, торговыя и экономическія и морскія. Это даетъ ему возмож-ть подробно изложить въ этихъ главахъ посольское право, консульское гъ рѣчь и о торговыхъ договорахъ), а равно ученія о корабляхъ, мор-й полиціи и морскомъ церемоніалѣ. На этомъ и останавливается его иненіе *).

Много также интереснаго и поучительнаго представляетъ трудъ Креть-ь. Введеніе у него простирается на меньшее число предметовъ, чѣмъ у эдшествующаго автора. Оно распадается на четыре отдѣла: опредѣленіе характеръ публичнаго международнаго права; его источники; очерки раз-тія его въ исторіи и въ литературѣ.

Невѣрными и неудачными представляются намъ черты, которыми, по гору, болѣе всего характеризуется нашъ предметъ: онъ, большею частью, аво обычное, право несовершенное, т.-е. лишенное прямой санкціи, и, по йствію своему, право универсальное.

Черты эти, по существу, преходящи; первыя двѣ съ теченіемъ времени в болѣе сглаживаются, а послѣдняя на практикѣ не вступила еще въ лу. Кретьенъ осуждаетъ международное право навсегда оставаться, глав-ымъ образомъ, обычнымъ и только въ видѣ исключенія принимать иногдаісьменную форму лишь потому, что онъ приписываетъ государствамъ не инадлежащіе имъ абсолютные суверенитетъ и независимость. Нѣтъ и юри-ческой санкціи, по автору, для международныхъ нормъ, ибо война въ льшинствѣ случаевъ попираетъ, а не защищаетъ право. Функъ-Брентано Сорель думали видѣть эту санкцію въ необходимой связи причинъ съ съ послѣдствіями въ жизни народовъ, но и это будетъ санкція нрав-твенная, говоритъ авторъ, а не юридическая. Послѣдняя, вѣдь, предпола-етъ принужденіе, дѣйствующее по предписанію закона въ видахъ его раны.

Но развѣ и общество государствъ не можетъ современемъ облечься въ ридическую организацію съ правильно устроенною принудительною властью? вторъ хочетъ поговорить объ этомъ въ концѣ своего труда, пока же за-ѣтимъ, что уже теперь международный союзъ, вопреки ему, во многихъ тношеніяхъ превращается изъ фактическаго въ юридическій. Дѣло науки ыяснить и ускорить этотъ переходъ.

Авторъ вѣрно установляетъ различіе между источниками международ-аго права, внутренними причинами его творящими, съ одной стороны, и нѣшними формами его проявленія—съ другой. Къ первымъ онъ относитъ рирожденное народамъ сознаніе о справедливости, развивающееся съ ус-ѣхами ихъ культуры, а также ихъ согласіе, молчаливое или точно выра-женное. Формъ же онъ насчитываетъ не менѣе шести: международные обы-аи, трактаты, деклараціи одного или нѣсколькихъ государствъ (это было

*) Въ немъ подробнѣе всего изложены ученія: о присоединеніи территоріи, о ерриторіальномъ морѣ и посольское право.

бы вѣрнѣе назвать ихъ законами въ широкомъ смыслѣ), наука, рѣшенія судовъ и печать.

Ни число этихъ формъ, ни порядокъ ихъ расположенія не могутъ быть названы вѣрными. Наукѣ принадлежитъ послѣднее мѣсто въ ряду собственно международныхъ формъ. Печать, при всемъ ея вліяніи въ наши дни на общественное мнѣніе, должна быть вычеркнута изъ этого списка: слишкомъ она въ цѣломъ неустойчива и противорѣчива, большею частью заражена національными и партійными интересами, чтобы считаться серьезною формой международнаго права. Тамъ же, гдѣ она дѣйствительно въ нашей области выражаетъ правосознаніе народовъ, она является органомъ науки, а не самостоятельнымъ отъ нея факторомъ. Наконецъ, авторъ совершенно излишне умаляетъ значеніе международныхъ третейскихъ судовъ.

Новѣйшихъ писателей по нашему предмету онъ относитъ вообще къ эклектической школѣ и располагаетъ ихъ по національностямъ. Пріемъ едва ли вѣрный и не дающій ему возможности подмѣтить различія въ ихъ научныхъ направленіяхъ и методахъ и, на основаніи этихъ признаковъ, расположить ихъ въ болѣе естественной системѣ.

Теорію международнаго права въ состояніи мира Кретьенъ излагаетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) международныя лица; 2) государства; ихъ составные элементы (населеніе, территорія, правительство); ихъ образованіе и признаніе; 3) основныя права государствъ: тутъ рѣчь сперва идетъ о принципѣ ихъ равенства, а потомъ эти права сводятся къ двумъ главнымъ категоріямъ: къ праву на существованіе и къ праву суверенитета. Каждое подраздѣляется потомъ на другія менѣе важныя категоріи, но эта классификація *) (дающая схему 2, 5, а далѣе и 9 группъ основныхъ правъ) намъ представляется совершенно произвольною и запутанною. Не впадали бы во всѣ эти ошибки новѣйшіе писатели, еслибъ они дали себѣ трудъ ознакомиться съ превосходными критическими работами нѣмецкихъ интернаціоналистовъ (особенно Кальтенборна, Бульмеринга).

Къ основнымъ правамъ, по примѣру Фіоре, авторъ присоединяетъ 4: обязанности государствъ. Ихъ онъ дѣлитъ на совершенныя, носящія вполнѣ юридическій характеръ и исполненіе которыхъ можетъ требовать каждое государство (но тогда въ чемъ же ихъ различіе отъ правъ?), и на несовершенныя, отличающіяся лишь своею нравственною обязательностью. Собственно о послѣднихъ только и должно тутъ говорить, какъ и дѣлаетъ Фіоре, не упоминающій объ обязанностяхъ совершенныхъ. Къ нимъ Кретьенъ относитъ: уваженіе основныхъ правъ, исполненіе обязательственныхъ отношеній и постоянное и на всѣхъ простираемое соблюденіе справедливости. Обязанности же несовершенныя авторъ сводитъ, по примѣру итальянскаго писателя, къ двумъ группамъ: къ обязанностямъ вѣжливости, дружелюбія (courtoisie) и взаимной помощи, человѣколюбія.

Двѣ послѣднія главы (5-ю и 6-ю) авторъ посвящаетъ правамъ и с я-

*) На стр. 180.

зательствамъ случайнымъ (возникающимъ изъ договоровъ или правонарушеній) и представителямъ государствъ.

По многимъ отдѣльнымъ пунктамъ онъ высказываетъ мнѣнія либо оригинальныя, либо заслуживающія вниманія. Главный интересъ его книги заключается не только въ многочисленныхъ ссылкахъ на литературу предмета, но и въ указаніяхъ на новѣйшія событія международной жизни. Ко второму тому онъ предполагаетъ присоединить обзоръ главнѣйшихъ трактатовъ Франціи съ 1648 г. до нашихъ дней, составленный Nachbaur.

Въ истекшій годъ во Франціи появились не только новые, разсмотрѣнные нами курсы,—вышелъ еще и *шестой* томъ громаднѣйшаго труда *Прадье-Фодере* *). Его сочиненіе, начатое еще въ 1885 г., является самымъ обширнымъ трактатомъ по нашему предмету, обнимающимъ какъ публичное, такъ и частное право, международныя сношенія какъ Европы, такъ и Америки. Это—цѣлая энциклопедія, весьма драгоцѣнная для самостоятельныхъ и детальныхъ изслѣдованій по нашей наукѣ. Отдѣльные вопросы въ ней получаютъ характеръ и размѣры монографическихъ работъ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что авторъ, болѣе 30 лѣтъ изучающій свой предметъ, вездѣ отмѣчаетъ новѣйшія явленія въ области науки и практики.

Только что вышедшій шестой томъ еще не послѣдній: содержа въ себѣ 1,141 стр. (кромѣ подробнаго оглавленія на 33 стр.), онъ касается лишь двухъ большихъ отдѣловъ нашей науки: способовъ рѣшенія споровъ между государствами безъ войны и начала права войны (§ 1—объявленіе войны; § 2—враждебныя дѣйствія). Особенно въ этомъ томѣ любопытенъ обстоятельный отдѣлъ о международныхъ третейскихъ судахъ.

За послѣднее время большее оживленіе замѣтно и въ области частнаго международнаго права. Тутъ нельзя не указать на начало небольшого, но прекраснаго учебника *Нимейера,* вышедшаго въ Германіи **). Въ виду постоянно разростающихся сношеній не только между государствами, но и между ихъ подданными, какъ частными лицами, очень важно не только для теоріи, но и для практики, имѣть предъ собою сжато, толково составленныя пособія, въ которыхъ сопоставлялись бы положительныя нормы, дѣйствующія въ цивилизованныхъ государствахъ относительно столкновеній между ихъ законодательствами. Необходимы при этомъ самые тексты иностранныхъ законовъ, а равно указанія на главныя къ нимъ дополненія и пособія.

Такую цѣль и ставитъ себѣ Нимейеръ: въ вышедшей пока первой части онъ даетъ намъ положительныя нормы по частному международному праву Германіи, извлеченныя какъ изъ законодательнаго матеріала, договоровъ, такъ и изъ судебной практики, причемъ авторъ не ограничиваетъ своихъ изслѣдованій лишь имперіею, но и простираетъ ихъ на ея членовъ, т.-е.

*) *Pradier-Fodéré:* „Traité de droit international public". Tome VI, 1894.

**) *Niemeyer:* „Positives internationales Privatrecht. Nebst Uebersichten über die Rechtsquellen". Erster Theil: „Das in Deutschland geltende internationale Privatrecht", 1894.

на отдѣльныя ея государства. Процессуальнаго, конкурснаго права и охраны нематеріальныхъ правъ авторъ не касается. Во введеніи онъ говоритъ объ общихъ руководящихъ принципахъ и о методѣ своей науки *).

Во второй части по этой же методѣ онъ предполагаетъ обработать иностранныя законодательства.

в) Журналы.

Переходимъ къ *журналамъ*. Почти нѣтъ періодическаго изданія въ наше время, которое не помѣщало бы болѣе или менѣе часто статьи, замѣтки по международнымъ вопросамъ. Ими видимо интересуются все болѣе широкіе круги читателей и сама жизнь скрѣпляетъ узы общности и солидарности между всѣми цивилизованными народами. Все это придаетъ международному праву и въ практическомъ отношеніи такое возростающее значеніе и распространеніе, о которомъ прежде нельзя было и думать.

Не только спеціально-юридическіе и ученые журналы чаще помѣщаютъ работы, къ нему относящіяся, но и ростетъ число такихъ органовъ, которые ставятъ себѣ одною изъ своихъ главныхъ задачъ научную и практическую его разработку.

Мы можемъ тутъ отмѣтить нѣсколько знаменательныхъ фактовъ. Съ прошлымъ (1893) годомъ окончило свое первое XXV-лѣтіе извѣстное брюссельское изданіе *Revue de droit international et de législation comparée*. Основанное въ 1869 г. *Роленъ-Жекменомъ* (бельгійскимъ писателемъ, адвокатомъ, а потомъ министромъ), *Ассеромъ* (голландскимъ профессоромъ) и *Уестлекомъ* (англійскимъ профессоромъ), оно скоро привлекло къ себѣ лучшія научныя силы разныхъ странъ Европы и даже Америки. Поэтому неудивительно, что оно стало наиболѣе интереснымъ и живымъ юридическимъ органомъ нашего времени. Вѣрный своему заглавію, журналъ этотъ помѣстилъ за истекшія 25 лѣтъ множество статей самыхъ разнообразныхъ и важныхъ, какъ по международному праву, такъ и по всѣмъ отраслямъ сравнительнаго законодательства. Постоянные библіографическіе обзоры, въ немъ печатавшіеся, давали возможность каждому слѣдить за новыми явленіями въ области мысли не только по части нашей науки, но и въ цѣломъ правовѣдѣніи вообще. Душою его и главнымъ направителемъ былъ Роленъ-Жекменъ. Изъ множества его работъ, тутъ помѣщенныхъ, выдѣляются особенно превосходные его этюды о вопросахъ современной международной политики и жизни, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія принциповъ международнаго права. Таковы его очерки алабамскаго спора, франко-германской войны, восточнаго вопроса въ его различныхъ послѣднихъ фазисахъ, среднеевропейской лиги мира, берлинской рабочей конференціи и др. Это — изъ самой жизни взятыя, мастерски написанныя толкованія къ теоретическимъ положеніямъ нашей науки. Не менѣе хороши и его критическіе отзывы и

*) Подробнѣе въ разборѣ von Streit (*Centralblatt für Rechtsw*. 1894, Juni. S. 323—325).

работы о новыхъ сочиненіяхъ, составленные имъ некрологи и т. п. Благодаря ему и друзьямъ его, Муанье и покойному Блюнчли, состоялось и учрежденіе въ 1873 г. *института международнаго права,* этого главнаго объединяющаго центра для нашей науки. Съ тѣхъ поръ работы его членовъ и свѣдѣнія о немъ постоянно печатаются въ этой *Revue*.

Въ виду ея громаднаго научнаго и практическаго значенія, нельзя не порадоваться счастливой мысли ея редакціи издать подробные указатели ея статей за прошедшія 25 лѣтъ въ трехъ частяхъ: указатель методическій, аналитическій (или алфавитный) и библіографическій *).

Въ настоящее время комитетъ редакціи этого журнала составляютъ, кромѣ трехъ выше названныхъ его основателей, еще Ривье и Нисъ (профессора въ Брюсселѣ), а главнымъ его редакторомъ состоитъ Эдуардъ Роленъ, сынъ Роленъ-Жекмена. Наиболѣе отличающія этотъ брюссельскій журналъ черты — строгая научность, безпристрастіе, широкій международный характеръ, богатое, разнообразное содержаніе, отзывчивость на запросы современной государственной науки и жизни.

Съ начала нынѣшняго года во Франціи возникли два новыхъ научныхъ журнала съ весьма интересною программою и заслуживающіе общаго вниманія. Оба они хотятъ быть широко международными по составу своихъ сотрудниковъ и по содержанію помѣщаемыхъ въ нихъ работъ; оба посвящаютъ себя исключительно публичному праву, получающему все большее значеніе въ наши дни, оба стремятся въ научномъ направленіи и духѣ работать надъ тѣми вопросами общественной жизни, которые выдвигаются на первый планъ въ наши дни.

Одинъ изъ нихъ, *Revue générale de droit international public,* основанъ Пилье (Pillet), профессоромъ международнаго права въ Греноблѣ, и Фошилемъ (Fauchille), уже извѣстными своими трудами по нашему предмету **), и носитъ болѣе спеціальный характеръ. Онъ отводитъ преобладающее мѣсто международному праву (публичному), но не исключаетъ также статей по праву уголовному, финансовому, административному и по дипломатической исторіи. Международные вопросы, говорятъ его издатели, интересуютъ теперь и волнуютъ каждаго, но весьма немногіе умѣютъ ихъ, какъ должно, разбирать и рѣшать. Мы постараемся помочь имъ въ этомъ, принимая за наше правило своевременность и точность сообщаемыхъ нами свѣдѣній. Заниматься будемъ мы не одними государствами, но и тѣми корпораціями, союзами, а также вопросами, которые, представляя общій соціальный интересъ, имѣютъ, очевидно, и международное значеніе (вопросы о желѣзнодорожныхъ, рѣчныхъ, морскихъ компаніяхъ и сообщеніяхъ; о

*) *Tables générales des matières contenues dans les vingt-cinq volumes parus (1869—1893) de la Revue de droit international.* Эти указатели составятъ томъ въ 400 стр. и нынѣ печатаются.

*) Пилье издалъ свой курсъ по праву войны, читанный имъ для офицеровъ, а Фошиль напечаталъ сочиненія: о блокадѣ, о французской дипломатіи и лигѣ нейтральныхъ 1780 г., удостоенное недавно преміи института Франціи.

разныхъ формахъ страхованія; о торговыхъ агентствахъ и предпріятіяхъ и т. п.). Журналъ долженъ служить не столько чистой наукѣ, сколько прикладной. Занимаясь всѣми безчисленными вопросами, возникающими ежедневно изъ взаимныхъ сношеній народовъ, онъ будетъ прилагать къ нимъ не одинъ масштабъ политики, но и болѣе всего оцѣнку права. Хотя мы знаемъ, замѣчаютъ его редакторы, что люди далеко не всегда руководятся въ своихъ поступкахъ понятіями о справедливости и несправедливости, но наша совѣсть громко говоритъ намъ о томъ, что эти понятія приложимы также и къ дѣйствіямъ государей и что между государствами давно сложились всѣми уважаемые обычаи, соединяющіе ихъ крѣпкою сѣтью правъ и обязанностей другъ къ другу. Возможно точное выясненіе ихъ — вотъ предметъ международнаго права, а равно основываемаго нами органа. По содержанію въ немъ должны быть четыре отдѣла: общія научныя статьи; краткія хроники всѣхъ интересныхъ въ международномъ отношеніи событій, расположенныя по странамъ; библіографическіе замѣтки и указатели и новѣйшіе дипломатическіе документы. Программа, очевидно, весьма разнообразная и живая.

Въ вышедшихъ пока двухъ книжкахъ за этотъ годъ помѣщены статьи *Пилье:* «О международномъ правѣ (его элементахъ, области и предметѣ)»; *Мартенса* и *Рено*: «О международномъ третейскомъ судѣ, засѣдавшемъ въ Парижѣ (въ 1893 г.) по поводу Берингова спора»; *Леера:* «Объ исполненіи дипломатическими и консульскими агентами нѣкоторыхъ обязанностей нотаріусовъ»; *Деспанье:* «Занятіе новыхъ территорій»; *Фошилъ:* «Смѣшанные суды въ Египтѣ, ихъ продолженіе и измѣненіе»; *Ростворовскій:* «Международная унія для изданія трактатовъ». Хроника новѣйшихъ событій составлена интересно, касаясь не только европейскихъ, но и внѣ-европейскихъ странъ. Чтеніе ея весьма полезно при изученіи нашего предмета и чтобы слѣдить за событіями дня. Въ библіографическомъ отдѣлѣ находимъ краткіе разборы новыхъ сочиненій и указатели интересныхъ статей по нашему предмету, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ не только французскихъ, но и иностранныхъ. Это очень цѣнное пособіе. Наконецъ, въ числѣ *документовъ* отмѣтимъ: соглашеніе между Германіею и Великобританіею относительно взаимнаго разграниченія сферы ихъ интересовъ вдоль Гвинейскаго залива (15 ноября 1893 г.); монетная конвенція, подписанная въ Парижѣ въ 1893 г. между членами латинской монетной уніи; посланіе президента Кливленда къ конгрессу 4 декабря 1893 г.; французскій законъ 8 августа того же года объ иностранцахъ; декретъ французскаго президента 10 декабря того же года объ обнародованіи санитарной конвенціи, заключенной въ Венеціи 30 января 1892 г.; новый французскій регламентъ 21 марта 1893 г. о военно-плѣнныхъ.

Болѣе широкую, нѣсколько измѣненную, но тоже крайне для насъ интересную программу ставитъ себѣ другой новый французскій журналъ—*Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, основанный *Ларнодъ*, проф. юрид. фак. въ Парижѣ. «Число періодическихъ

изданій, занимающихся вопросами публичнаго права, по крайней мѣрѣ, у насъ во Франціи,—говоритъ его редакторъ *), — далеко не столь велико, какъ число подобныхъ же органовъ, посвященныхъ частному праву. Между тѣмъ, значеніе права публичнаго ростетъ съ каждымъ днемъ: для его изученія возникаютъ новыя высшія училища; съ тою же цѣлію преобразуется на новыхъ основаніяхъ преподаваніе въ нашихъ юридическихъ факультетахъ; задачи, имъ выдвигаемыя, обсуждаются ежедневно въ палатахъ, въ газетахъ. Поэтому намъ показалось своевременнымъ создать такой органъ, въ которомъ всѣ эти вопросы составили бы предметъ теоретическихъ или практическихъ (но безъ научнаго характера) работъ со стороны лицъ, занимающихся ими по профессіи или по расположенію (число послѣднихъ ежедневно ростетъ). Въ видахъ привлеченія къ нашему изданію работниковъ обоего рода мы и дали ему двойное заглавіе (*Обозрѣнія публичнаго права и политической науки*). Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ имѣть возможность, какъ слѣдуетъ, заниматься вопросами государственнаго, административнаго и даже международнаго права, надо быть юристомъ. Необходимо, до приступленія къ этимъ предметамъ, основательное знакомство собственно съ правомъ. Желательно, чтобъ идея права, его формы и пріемы все болѣе проникали и водворялись на почвѣ государственной, административной, международной. Лишь при этомъ условіи учрежденія получаютъ крѣпость и способность противостоять всякимъ бурямъ. Тамъ же, гдѣ право отсутствуетъ, гдѣ оно не является для нихъ матеріаломъ, прочно связывающимъ ихъ части, они не устойчивы и не долговѣчны. Государство, лица, общественныя группы въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ должны всѣ имѣть точно-опредѣленныя права и полномочія. А къ этой цѣли нѣтъ двухъ дорогъ. Необходимо, чтобы право укоренилось въ государственномъ строѣ, въ управленіи, въ международныхъ сношеніяхъ. Но это не мыслимо безъ юристовъ».

Упомянувъ о необходимости юридической подготовки и при изученіи собственно государственныхъ наукъ, Ларнодъ говоритъ, что журналу его не будетъ чужда ни одна изъ обширныхъ ихъ областей; поэтому онъ будетъ помѣщать работы по праву государственному, административному, международному; будетъ заниматься вопросами о судебной организаціи, пенитенціарной системѣ, правахъ гражданъ по отношенію къ государству, задачами финансовой, колоніальной политики и т. д. Исключаются вопросы по гражданскому, торговому, уголовному праву и по политической экономіи, если, впрочемъ, они не имѣютъ непосредственнаго соприкосновенія съ областью публичнаго права.

Ларнодъ широко открываетъ страницы своего журнала иностраннымъ авторамъ. Онъ желалъ бы, чтобъ они стали извѣстны его соотечественникамъ и имъ поручаетъ веденіе политическихъ хроникъ по своимъ отдѣльнымъ странамъ. Съ другой стороны, онъ хотѣлъ бы чрезъ это противодѣйствовать столь распространенной во Франціи привычкѣ смотрѣть на все

*) *Larnaude:* „Notre programme". Назв. журнала № 1, p. 1—14.

иностранное исключительно съ французской точки зрѣнія. «Это вело насъ,—замѣчаетъ онъ,—ко многимъ ошибкамъ и ослѣпленію, въ которыхъ насъ справедливо упрекали. Какъ ни велика Франція и какъ ни желаемъ мы ей еще большаго величія, но мы должны же сознаться, что не она одна содѣйствуетъ общему прогрессу человѣчества. Если, кромѣ насъ, другіе народы живутъ и благоденствуютъ, то какъ же намъ не признавать ихъ въ ихъ національной своеобразности и особенности? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать за аномаліи и дивиться всему, что у нихъ расходится съ нашимъ народнымъ характеромъ и міровоззрѣніемъ».

Спеціально по международному праву редакторъ желаетъ допускать лишь статьи, написанныя въ духѣ самаго строгаго научнаго безпристрастія. «Политическимъ журналамъ и правительствамъ,—по его словамъ,—принадлежитъ роль вести переговоры и полемику, въ которыхъ національные интересы являются рѣшающимъ двигателемъ. Но это не дѣло органа, желающаго служить прежде всего научной истинѣ и справедливости. Онъ долженъ быть трибуной, одинаково открытой для всѣхъ, но исключающей предвзятыя воззрѣнія и всякія лишь раздражающія словопренія. Забываютъ, что только при этомъ условіи можно достигнуть авторитета и быть выслушанными».

Обращаясь не къ однимъ спеціалистамъ, а ко всѣмъ образованнымъ людямъ вообще, новая *Revue* хочетъ говорить имъ о великихъ и разнообразныхъ задачахъ публичнаго права отъ имени науки. «Мы полагаемъ,—заключаетъ Ларнодъ,—что въ наше время, когда эти вопросы получаютъ все возростающее значеніе, нечего представлять ихъ на рѣшеніе однихъ палатъ и партій. Наука, никогда не бывшая такъ хорошо вооруженною, какъ въ наше время, должна тоже возвышать свой голосъ въ этомъ концертѣ, въ которомъ партіи распредѣлили себѣ донынѣ всѣ роли. Ей нельзя оставаться чуждою интересамъ нашего времени, но она должна проявить на нихъ воздѣйствіе болѣе непосредственное и даже стать, въ случаѣ нужды, болѣе воинствующею. Хотя и она не непогрѣшима, но именно вслѣдствіе того, что она идетъ путемъ изслѣдованія и обсужденія, не заинтересована прямо въ исходѣ политическихъ столкновеній, она рискуетъ гораздо менѣе впасть въ ошибки, нежели партіи, палаты и общественное мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, и она вправѣ сказать, что̀ она считаетъ за истину, и она измѣнила бы своему призванію, не дала бы обществу того, чего оно вправѣ отъ нея требовать, еслибъ она не дѣлилась съ людьми тѣми сокровищами знанія, умѣнья и критики, которыми она сама обладаетъ?

И въ этомъ журналѣ четыре отдѣла: *статьи научныя* по всѣмъ отраслямъ государствовѣдѣнія, представляющія живой современный интересъ, *хроника политическая* о движеніи законодательствъ, государственной жизни и дѣятельности палатъ и т. п.; обстоятельные и критическіе *разборы* новыхъ книгъ съ присоединеніемъ *обзоровъ*, но также болѣе или менѣе распространенныхъ, иностранныхъ ученыхъ журналовъ и *замѣтки* по части преподаванія политическихъ наукъ, ученыхъ съѣздовъ и т. п.

Въ вышедшихъ пока двухъ первыхъ нумерахъ этого журнала особенно

интересны слѣдующія статьи: двѣ формы правленія (Esmein); объ юридической личности во Франціи папскаго престола и другихъ иностранныхъ державъ (Ducrocq); видоизмѣненія, внесенныя въ законодательство о печати закономъ 12 декабря 1893 г. (Barbier); о роли государственнаго совѣта въ вопросахъ о натурализаціи (Despagnet); франко-сіамское столкновеніе 1893 г. и вопросъ о нейтрализованной полосѣ (Merignac); объ ограниченіяхъ, возлагаемыхъ на государства торговыми договорами по отношенію къ ихъ внутреннему финансовому управленію (Contuzzi); швейцарская національность и право гражданства въ кантонѣ Во (Berney); реформа въ финансахъ Германской имперіи по одному новому сочиненію (Worms).

Парламентская хроника начата съ половины истекшаго года для Франціи, Англіи, Австріи, Испаніи, Скандинавскихъ странъ и должна постепенно обнять всѣ другія цивилизованныя государства. Нечего и говорить о высокомъ интересѣ этой лѣтописи, тѣмъ болѣе, что она, составляемая лицами вполнѣ свѣдущими, вездѣ даетъ нужныя поясненія о современномъ положеніи политическаго строя разсматриваемой страны, о группировкахъ и тенденціяхъ политическихъ въ нихъ партій, о составѣ и дѣятельности кабинетовъ и правящихъ лицъ, о теченіяхъ общественнаго мнѣнія и т. д. Словомъ, эта хроника весьма счастливо восполняетъ и расширяетъ собственно *международную хронику Revue générale de dr. intern. public.*

И вообще оба эти новые журнала даютъ, каждый по своей программѣ и какъ бы другъ друга восполняя, много самаго живого и интереснаго матеріала, и если къ нимъ присоединить такъ много уже сдѣлавшее для международнаго права брюссельское изданіе, то можно сказать, что предметъ нашъ находитъ себѣ и въ серьезной періодической литературѣ не менѣе дѣятелей, какъ любая иная отрасль человѣческаго знанія вообще. Съ удовольствіемъ должны отмѣтить, что отъ этого оживленія не отстаетъ и *Италія.* Съ января прошлаго года тамъ тоже сталъ выходить новый журналъ *La giurisprudenza internazionale,* подъ редакціею извѣстнаго профессора въ Неаполѣ, *Contuzzi.* Онъ ставитъ себѣ цѣлью—обработку вопросовъ по всѣмъ отдѣламъ права, представляющимъ какой-либо международный характеръ или интересъ. Указавъ на подобныя изданія за границей, особенно же во Франціи, редакторъ замѣчаетъ, что менѣе всего къ лицу отставать въ этомъ отношеніи Италіи. Италія—колыбель международнаго права. Она по самому своему географическому положенію является связующимъ звеномъ между цивилизованными народами, ибо, съ одной стороны, къ ней притекаютъ со всѣхъ пунктовъ земнаго шара лица для краткаго ли пребыванія, или для поселенія; съ другой, она—страна, изъ которой болѣе всего выходитъ эмигрантовъ. Все это создаетъ между ея гражданами и иностранцами цѣлый рядъ сложныхъ и чисто-юридическихъ отношеній, разбираться въ которыхъ приходится не только ея судамъ, но и прочимъ властямъ.

Поэтому итальянское обозрѣніе отличается отъ своихъ собратьевъ по оружію въ двоякомъ направленіи: оно придаетъ себѣ болѣе широкій *юри-*

дическій характеръ и преслѣдуетъ особенно *практическія* цѣли. Въ послѣднемъ отношеніи оно желаетъ быть всегда полезною справочною книгой, или пособіемъ: для адвокатовъ и судей, помѣщая на своихъ столбцахъ систематически составленные обзоры рѣшеній судовъ, какъ итальянскихъ, такъ и иностранныхъ по вопросамъ международнаго права; для нотаріусовъ, административныхъ и другихъ служебныхъ лицъ; для дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ; наконецъ, для студентовъ и для кандидатовъ, подвергающихся государственнымъ экзаменамъ предъ поступленіемъ на службу.

Сообразно съ этимъ, въ журналѣ три отдѣла: 1) статьи по международному праву: публичному, частному и морскому; толкованія итальянскихъ и иностранныхъ законовъ по вопросамъ международнымъ въ широкомъ смыслѣ этого слова; 2) судебная хроника, рѣшеніе не только судовъ, но и другихъ правительственныхъ учрежденій въ этой сферѣ, и 3) свѣдѣнія о новыхъ трактатахъ, законахъ, сочиненіяхъ и даже о лицахъ, отличающихся, или отличавшихся на дипломатическомъ или консульскомъ поприщѣ.

Въ книжкахъ за 1893 годъ помѣщены небольшія, но ясно написанныя большею частью самимъ Контуцци, статьи по нашему предмету: о трактатахъ и конвенціяхъ; о конгрессахъ и конференціяхъ; способы мирные и фактическіе для рѣшенія несогласій между государствами; о государствѣ съ точки зрѣнія международнаго права и обязанности государствъ; объ ихъ отвѣтственности. По части практической замѣтимъ: списки иностранныхъ консуловъ въ Италіи; текстъ итальянской конституціи; отвѣты редакціи на разные практическіе вопросы правовѣдѣнія со стороны ея сотрудниковъ; судебную хронику и т. д.

Наконецъ, и про нашу періодическую печать мы можемъ сказать, что съ начала нынѣшняго года выходившій въ Петербургѣ *Журналъ гражданскаго и уголовнаго права* перешелъ подъ редакцію проф. Латкина и значительно расширилъ свою программу, включивъ въ нее всѣ юридическія науки, а, слѣдовательно, и международное право. Съ тѣмъ вмѣстѣ, измѣнено и его заглавіе *Журналъ Юридическаго Общества* при Петербургскомъ университетѣ. Въ періодически тутъ печатаемыхъ библіографическихъ указателяхъ юридической литературы (русской и иностранной) отведены отдѣлы политическимъ и экономическимъ наукамъ.

Органомъ Московскаго юридическаго общества, съ прекращеніемъ *Юридическаго Вѣстника*, является *Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній*. Онъ выходитъ въ свѣтъ отдѣльными томами, по мѣрѣ накопленія матеріала, одинъ или два раза въ годъ, и въ немъ печатаются работы по всѣмъ также предметамъ, входящимъ въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Вышло пока три тома (1893—94 г.).

г) Монографіи.

Болѣе всего международное право развивается въ области *монографической* литературы. Тутъ съ каждымъ годомъ появляются такіе цѣнные и

иногда обширные труды, которые представляются настоящими обогащеніями нашей науки и болѣе всего свидѣтельствуютъ объ ея бодрой, могучей жизненности и о томъ интересѣ, который она возбуждаетъ въ юныхъ, пытливыхъ умахъ въ особенности.

Подробное изученіе этой стороны дѣла, — какъ оно ни важно само по себѣ, — завлекло бы насъ слишкомъ далеко и мы остановимся на двухъ лишь областяхъ нашего предмета, которымъ событія дня придаютъ особый интересъ современности—на *правѣ войны*, въ виду вспыхнувшей недавно войны между обѣими имперіями крайняго Востока и на *международномъ третейскомъ судѣ*, принципы котораго только что получили новое и столь блестящее подтвержденіе на практикѣ, благодаря таковому суду, засѣдавшему лѣтомъ 1893 г. въ Парижѣ по поводу спора о ловляхъ въ Беринговомъ морѣ между Соединенными Штатами и Англіею. Впрочемъ, независимо отъ практическаго интереса, работы по этимъ отдѣламъ выдвигаются еще по своимъ научнымъ достоинствамъ.

Относительно *войны* назовемъ небольшую, но дѣльную брошюру Трипеля, приватъ-доцента въ Лейпцигѣ: *Новѣйшіе успѣхи въ области права войны* *), общій курсъ Пилье, вышедшій въ двухъ частяхъ **), прекрасное изслѣдованіе Ромберга о военно-плѣнныхъ ***), обстоятельные этюды Клена о военной котрабандѣ ****), частью помѣщенныя въ брюссельской *Revue* за 1893 г. (объ исторіи, литературѣ и положеніи въ законодательствахъ этого вопроса), частью изданныя теперь самостоятельною книгою (мотивированный проектъ международнаго регламента по этому вопросу, представленнаго авторомъ на разсмотрѣніе института международнаго права).

Весьма серьезно и съ разныхъ сторонъ обработанъ, за эти послѣдніе годы, столь интересный и для юристовъ вопросъ о *международной юрисдикціи*. Нечего и говорить, что лишь съ установленіемъ таковой международный порядокъ превратится въ вполнѣ юридическій и можно будетъ на практикѣ осуществить хотя въ извѣстныхъ размѣрахъ идею объ уменьшеніи вооруженій, столь пагубно дѣйствующихъ на весь современный, политическій и экономическій строй народовъ.

Тутъ мы должны, прежде всего, назвать небольшую, но хорошо составленную работу Руаръ де-Каръ объ успѣхахъ международной третейской юрисдикціи за послѣднія 20 лѣтъ, со времени рѣшенія знаменитаго алабамскаго спора женевскимъ судомъ въ 1872 г. *****). Теорія этой юрисдикціи

*) *Triepel*: „Die neuesten Fortschritte auf dem Gebiete des Kriegsrechts“ 1894. Вызвано предложеніемъ Швейцаріи объ измѣненіи женевской конвенціи и новымъ французскимъ положеніемъ о плѣнныхъ 21 марта 1893 г.

**) *Pillet*: „Le droit de la guerre“, 2 ves, 1892—94.

***) *Romberg*: „Des belligérants et des prisonniers de guerre“.

****) *Kleen*: „De la contrebande de guerre et des transports interdits aux neutres d'après les principes du droit international contemporain“ 1893.

*****) *Rouard de Card*: „Les destinées de l'arbitrage international depuis la sentence rendue par le tribunal de Genève“, 1892. Авторъ—нынѣ проф. юридическаго факультета въ Тулузѣ.

превосходно обработана двумя французскими же писателями Дрейфусомъ и Ревономъ. Оба писали на тему, заданную для соисканія преміи французскою академіею. Дрейфусъ *) выдвигаетъ въ своемъ изслѣдованіи историческую и юридическую сторону. Онъ довольно подробно останавливается и на мнѣніяхъ писателей. Книга Ревона **) написана по строго философскому методу, блестящимъ увлекательнымъ языкомъ и изобилуетъ глубокими мыслями. Это лучшее изо всѣхъ изслѣдованій въ этой области.

Изученіе третейской юрисдикціи приводитъ само собою къ необходимости болѣе глубокой и коренной реформы всего международнаго строя вообще. И тутъ уму, прежде всего, представляются настоятельными *постоянный международный судъ*, правильно организованный, и *международный кодексъ*, выработанный и введенный правительствами на основаніи соглашенія между ними. Этихъ сторонъ дѣла, но расходясь въ подробностяхъ относительно его практическаго объема, и касаются сочиненія Мужэнъ дё-Рокфора ***) и Д'Армстронга ****).

II.

Нашъ предшествующій бѣглый очеркъ привелъ насъ къ выводу, что международное право въ области науки усердно и съ любовью обрабатывается въ самыхъ различныхъ направленіяхъ теоретическаго мышленія: изслѣдуются его начала и первыя проявленія въ средніе вѣка, пишутся новые курсы для приступающихъ къ его изученію, возникаютъ новые, съ широкими программами, журналы, призванные поднять въ обществѣ интересъ къ нему и проводить его начала въ возможно широкіе слои населеній; наконецъ, многочисленныя спеціальныя изслѣдованія посвящаются отдѣльнымъ его вопросамъ, либо особенно важнымъ для нашего времени, либо недостаточно еще обработаннымъ.

Что сказать про международное право, если обратиться отъ этого разносторонняго развитія его въ области науки къ его положенію на *практикѣ*, въ дѣйствительной жизни?

Тутъ, останавливаясь тоже на послѣднихъ лишь годахъ, мы можемъ отмѣтить нѣсколько отрадныхъ явленій, но при этомъ должны помнить, что если поступательное движеніе въ этой сферѣ совершается медленно, то вслѣдствіе многочисленныхъ и немаловажныхъ препятствій, представляющихся этому прогрессу на каждомъ шагу.

Тѣмъ не менѣе, и тутъ сказывается улучшеніе, и не малое. Оно можетъ

---

*) *Dreyfus*: „L'Arbitrage international", 1892. Съ предисловіемъ Фред. Пасси.

**) *Revon*: „L'Arbitrage international. Son passé; son présent; son avenir", 1892. Съ отзывомъ Desjardins, по которому академія и предоставила премію Ревону.

***) *Mougins de Roquefort*: „De la solution juridique des conflits internationaux", 1889.

****) *Thomas de Saint-Georges d'Armstrong*: „Principes généraux du droit international public. De l'utilité de l'Arbitrage", 1890. Tome I.

быть сведено къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: къ расширенію области *договорныхъ отношеній* между государствами, къ укрѣпленію этихъ отношеній собственно *юридическою защитою* и къ стремленіямъ водворить, наконецъ, въ совмѣстной жизни народовъ болѣе прочный и плодотворный *миръ*.

Скажемъ о каждомъ изъ этихъ явленій нѣсколько словъ.

Расширеніе области *договорнаго* международнаго права совершается въ двоякомъ направленіи: все большее число отношеній между правительствами опредѣляются путемъ соглашеній между ними и къ этимъ соглашеніямъ присоединяются все бо̀льшее число участниковъ.

Въ нынѣшнемъ году состоялось заключеніе на 10 лѣтъ торговаго договора между Россіей и Германіею. Не много позднѣе слѣдовалъ такой же договоръ между нашимъ отечествомъ и Австро-Венгріею. Эти акты стоятъ въ связи съ таковыми же договорами, которые заключила Германія въ 1892 г. на 12 лѣтній срокъ съ Австріею, Италіею, Бельгіею и Швейцаріею. Ими всѣми вносится, хотя на извѣстное число лѣтъ, устойчивость и опредѣленность во взаимныя экономическія и торговыя сношенія договорившихся сторонъ. Черезъ это улучшаются и ихъ политическія отношенія. Надо желать расширенія принциповъ этихъ торговыхъ договоровъ, конечно, насколько это только совмѣстимо съ процвѣтаніемъ національнаго труда и промышленности.

Въ сентябрѣ 1893 г. засѣдала въ Гагѣ, хотя подготовительная, но оффиціальная, конференція изъ представителей тринадцати государствъ (въ томъ числѣ и Россіи) для разсмотрѣнія важнаго между ними соглашенія по вопросамъ частнаго международнаго права. Ей удалось выработать нѣсколько правилъ относительно брачнаго права, наслѣдованія и взаимной помощи между судами различныхъ государствъ. Недавно была въ Парижѣ международная санитарная конференція. Вмѣстѣ съ предшествовавшими ей конференціями въ Дрезденѣ (1893 г.) и въ Венеціи (1892 г.), она была созвана правительствами въ видахъ принятія общихъ мѣръ для огражденія народнаго здравія противъ холеры, но безъ излишнихъ стѣсненій свободы передвиженія лицъ и товаровъ.

Заключеніе этихъ договоровъ характерно: въ наши дни политическія соглашенія между государствами становятся все рѣже, уступая мѣсто договорамъ по различнымъ экономическимъ, юридическимъ и культурнымъ вопросамъ вообще. Не одни кабинеты, но и частныя лица все болѣе и шире втягиваются въ великую сѣть международнаго оборота. Нѣтъ почти такой отрасли человѣческой дѣятельности въ наши дни, которая не стремилась бы выйти изъ мѣстнаго, національнаго круга на болѣе широкое поприще—международное. Однородныя задачи и стремленія стали связывать теперь людей независимо отъ политическихъ границъ.

Все это увеличиваетъ необходимость собственно *юридической* защиты для этихъ широко-развѣтвляющихся сношеній. Отсюда—новѣйшіе успѣхи международной третейской юрисдикціи не только въ наукѣ, но и на практикѣ. Правительства нынѣ охотнѣе обращаются къ ней въ своихъ спорахъ и

даже иногда въ случаяхъ болѣе значительныхъ, чѣмъ простыя денежныя недоразумѣнія. Но гораздо большія требованія въ этомъ направленіи предъявляетъ къ нимъ общественное мнѣніе.

Прошлымъ лѣтомъ (въ 1893 г.) окончилъ свои работы международный третейскій судъ, засѣдавшій въ Парижѣ. Послѣ Женевскаго суда 1872 г. это наиболѣе любопытный и важный примѣръ юрисдикціи, примѣненной къ разбирательству споровъ между государствами. Парижскому суду удалось не только счастливо рѣшить многолѣтній споръ между Соединенными Штатами и Англіею относительно ловли котиковъ въ Беринговомъ морѣ,— споръ, который никакъ не могла уладить дипломатія, — но и, съ согласія сторонъ, выработать весьма раціональныя правила объ охранѣ въ будущемъ этого важнаго промысла въ тамошнихъ водахъ. Нынѣ оба кабинета—Вашингтонскій и Лондонскій—не только приняли рѣшеніе этого суда, но и вступили съ нѣкоторыми правительствами въ переговоры о введеніи предложенныхъ имъ мѣръ огражденія котиковъ отъ хищныхъ промышленниковъ.

Новое доказательство, что и въ международной области путемъ юрисдикціи будетъ расширяться и крѣпнуть и матеріальное право. А это повлечетъ за собою и большую прочность самого *мира* между народами. Объ этомъ съ усиленной энергіей хлопочутъ особенно многочисленныя общества мира, повсюду и во всѣхъ слояхъ населенія вербующія себѣ приверженцевъ и горячихъ проповѣдниковъ. Особенно видна ихъ дѣятельность въ Америкѣ, въ Англіи и въ Швейцаріи. Лишь наше отечество доселѣ остается въ сторонѣ отъ этого движенія и не имѣетъ у себя ни одного такого общества, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть. Стараніями этихъ обществъ созываются ежегодно такъ называемые *конгрессы мира* *), въ связи съ которыми устраиваются конференціи изъ членовъ палатъ различныхъ государствъ тоже ежегодно. Связующимъ и центральнымъ органомъ ихъ является постоянное *международное бюро мира*, открытое съ 1892 г. въ Бернѣ. Почетнымъ секретаремъ его состоитъ Elie Ducommun. Эти общества выработали обширную программу мира, которую они и стараются постепенно провести въ жизнь. Въ ней отмѣтимъ особенно любопытный для насъ пунктъ о расширеніи международной третейской практики. Объ этомъ составилъ особое ходатайство ко всѣмъ цивилизованнымъ правительствамъ міра конгрессъ, засѣдавшій въ Чикаго (1893 г). Въ этомъ интересномъ документѣ упоминаются всѣ новѣйшіе случаи третейскихъ рѣшеній и указывается на дешевизну этого способа сравнительно съ современными расходами на войну. Заслуживаетъ также вниманія недавно вышедшій отчетъ объ усиліяхъ общества мира въ пользу практики международныхъ третей-

---

*) Эти конгрессы происходили: въ Парижѣ (1889 г.), Лондонѣ (1890 г.), Римѣ (1891 г.), Бернѣ (1892 г.), въ Чикаго во время всемірной тамъ выставки (1893 г.), и Антверпенѣ (1894 г.). Подробные отчеты объ ихъ занятіяхъ изданы на разныхъ языкахъ, но бернское бюро напечатало сводъ ихъ постановленій: Résolutions des cinq premiers Congrès universels de la Paix.

скихъ судовъ *). Тутъ помѣщены интересные проекты объ ихъ устройствѣ Hodgson Pratt, Leone Levi, Edmond Hornby, а равно проектъ, составленный коммиссіею названнаго бюро мира и озаглавленный: *Manuel des lois de la paix. Code de l'arbitrage international.*

Нынѣ въ Англіи друзья мира составили записку, покрытую безчисленными подписями лицъ всѣхъ сословій и профессій, въ которой они просятъ англійское правительство взять на себя починъ въ открытіи переговоровъ съ другими правительствами о неувеличеніи ихъ вооруженій на извѣстный срокъ, напримѣръ, до конца настоящаго столѣтія.

Истекшимъ лѣтомъ всѣхъ глубоко опечалила мученическая кончина французскаго президента Карно. Газеты самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ заговорили о необходимости международныхъ мѣръ противъ анархистовъ. Законы и усилія отдѣльныхъ странъ оказываются противъ нихъ безсильными.

Итакъ, со стороны практической государственной жизни мы видимъ то же явленіе, которое наблюдаемъ и въ области мысли: влеченіе къ международному праву и значеніе его постоянно ростутъ, потому что того требуютъ могучіе интересы, національные и общечеловѣческіе.

Гр. Л. Камаровскій.

---

*) Rapport destiné à orienter les Sociétés de la Paix sur les études relatives à l'arbitrage international 1894 г. Издано также бернскимъ бюро.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Война Японіи съ Китаемъ продолжается, и на сторонѣ японцевъ до сихъ поръ весьма значительный перевѣсъ: они нѣсколько разъ разбили китайцевъ и овладѣли всею Кореей. Превосходство европейской культуры получило новое подтвержденіе. Дѣло не въ европейскомъ только вооруженіи: у китайцевъ также крупповскія пушки, броненосцы и т. д.,—а въ общемъ культурномъ подъемѣ народа, который сказывается теперь и въ торжествѣ его оружія.

Европейскія державы продолжаютъ внимательно слѣдить за ходомъ событій на дальнемъ Востокѣ, воздерживаясь покуда отъ всякаго вмѣшательства. Въ прошломъ обозрѣніи мы замѣтили, что съ точки зрѣнія русскаго государственнаго эгоизма понятно, чтобы война Японіи съ Китаемъ протянулась подольше,—иными словами, чтобы побольше было съ той и другой стороны убитыхъ, изувѣченныхъ, раненыхъ. По этому поводу одинъ изъ собственныхъ Бисмарковъ *Русскаго Обозрѣнія* осмѣиваетъ наши слова, видя въ нихъ, по сравненію, конечно, съ собственными «здравыми» сужденіями, забавную наивность. Мы продолжаемъ, однако, думать, что государственный эгоизмъ далеко не тождественъ съ существенными интересами европейскаго христіанскаго государства, что Россія настолько велика и могуча, что можетъ въ международныхъ отношеніяхъ служить святому дѣлу мира и справедливости. Штатскіе полководцы и государственные люди, завѣдующіе тѣмъ или другимъ отдѣломъ *Русскаго Обозрѣнія*, заслуживаютъ осужденія не только на основаніи современнаго международнаго права, но и на основаніи великихъ заповѣдей нравственности, которыя они хотятъ изгнать изъ политики. Толкуя вкривь и вкось о церковныхъ вопросахъ, заявляя себя органомъ правильнаго пониманія этихъ вопросовъ, *Русское Обозрѣніе* устами г. Spectator'а проповѣдуетъ грубую, кровожадную, антихристіанскую международную политику.

Мы не имѣемъ, разумѣется, смѣшного притязанія въ какой бы то ни было степени повліять на эту политику: задача русскаго публициста заключается въ томъ, чтобы давать, въ иностранномъ обозрѣніи, отчетъ о важнѣйшихъ фактахъ міровой, въ особенности западно-европейской поли-

тическій жизни. Такіе отчеты помогаютъ читателю разобраться въ сложномъ ходѣ современной исторіи и составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе о важнѣйшихъ интересахъ дня. Наше собственное отношеніе къ подобнымъ событіямъ есть по преимущественно нравственное: мы стараемся оцѣнивать ихъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія сохраненія мира и развитія справедливости. Захватывать территоріи, поддерживать внѣшній престижъ нашего отечества—не наше дѣло, и соперничать въ этомъ отношеніи съ *Русскимъ Обозрѣніемъ* мы отказываемся.

Именно слѣдуя нашему постоянному обычаю, мы укажемъ читателю на новую *черную точку* въ международныхъ отношеніяхъ. Европейцы—англичане и французы въ особенности,—расхватали множество земель въ другихъ частяхъ свѣта. Оттуда идутъ значительныя торговыя выгоды, но расширеніе колоніальныхъ владѣній влечетъ за собою и вредныя для метрополіи послѣдствія. Въ колоніяхъ приходится содержать значительныя военныя силы; противуположные промышленные интересы вызываютъ столкновенія съ сосѣдними колоніями другихъ державъ, и т. п. Тонкинская, напримѣръ, экспедиція стоила Франціи пятьсотъ милліоновъ франковъ и на управленіе колоніи метрополіи приходится приплачивать ежегодно по двадцати милліоновъ франковъ. Не мало идетъ денегъ на Суданъ, на укрѣпленіе положенія въ Томбукту и т. д. Теперь для Франціи предстоитъ нелегкая экспедиція на Мадагаскаръ.

Попытки колонизировать Мадагаскаръ дѣлались уже давно, но безуспѣшно. Къ началу нынѣшняго вѣка французы владѣли только нѣсколькими постами на берегу этого острова. Во время войнъ первой имперіи исчезли и послѣдніе остатки французскихъ владѣній, уцѣлѣло только *историческое право* Франціи.

Островъ населенъ разнообразными племенами, по большей части малайскаго происхожденія. Главнымъ изъ этихъ племенъ являются говасы. Англичане покровительствовали царькамъ говасовъ постепенно расширять и укрѣплять свои владѣнія, и, наконецъ, одинъ изъ нихъ провозгласилъ себя мадагаскарскимъ королемъ. Этому королю, Радама, англичане доставляли оружіе, военныхъ инструкторовъ, на островѣ появились христіанскіе миссіонеры и т. д. Но въ 1828 году Радама умеръ, христіане были изгнаны, школы уничтожены, Мадагаскаръ замкнулся отъ всякихъ сношеній съ европейцами. Только съ 1861 года, когда на престолъ взошла вдова Радама, Рановало первая, возродилось вліяніе Англіи, вновь завязались торговыя сношенія и появились проповѣдники христіанства. Черезъ семь лѣтъ королева Рановало вторая и ея первый министръ обратились въ протестантизмъ, эта религія становится государственною и получаетъ быстрое распространеніе *).

*) Въ 1892 г. протестантовъ считалось 350,000, преимуществснно въ высшихъ кас[illegible]ахъ; протестантскія школы посѣщали 120,000 дѣтей; католиковъ въ этомъ году (бы[illegible]о 130,000, учениковъ въ католическихъ миссіонерскихъ школахъ—только 17,000 *Ma[illegible]ice Ordinaire: La France à Madagaskar, La Revue de Paris,* 15 Septembre.

Съ паденіемъ второй имперіи, Франція, начавшая возстановлять свои внутреннія силы, увлеклась колоніальною горячкой. При этомъ не было обдуманнаго плана и много средствъ и времени пропадало совсѣмъ безполезно. Французское правительство вспомнило и о своихъ *историческихъ правахъ* на Мадагаскарѣ.

Говасы неоднократно нарушали торговый трактатъ, заключенный съ ними Франціей въ 1868 году. Присоединились и другіе мотивы къ столкновенію, и парламентъ разрѣшилъ правительству кредитъ для военной экспедиціи противъ Мадагаскара. Но тутъ подоспѣло обостреніе отношеній съ Китаемъ, и французы ограничились блокадою мадагаскарскихъ портовъ и военнымъ занятіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Затѣмъ наступила реакція противъ колоніальной политики Жюля Ферри, и въ 1886 году былъ заключенъ съ Мадагаскаромъ новый договоръ, по которому королева говасовъ была признана Франціею королевой всего острова, а французскій резидентъ, съ военною эскортою, получилъ право жить въ Тананаривѣ и наблюдать за внѣшними сношеніями Мадагаскара, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла. Кромѣ того, Франціи предоставлено было право занять отличный военный портъ на сѣверѣ острова, Діего-Суарецъ.

На дѣлѣ оказалось, что французскому резиденту совершенно не удалось руководить международными отношеніями Мадагаскара. Въ 1890 году Франція договорами съ Англіей и съ Германіей достигла признанія своего протектората надъ Мадагаскаромъ; но вліяніе Франціи на говасское правительство отнюдь не возросло. Французамъ удалось только провести телеграфную проволоку отъ Таматавы до Тананаривы, организовать почтовое сообщеніе, учредить для европейцевъ судъ по гражданскимъ дѣламъ въ Таматавѣ.

Во главѣ говасскаго управленія стоитъ первый министръ, обладающій неограниченною властью. Онъ женатъ на трехъ королевахъ, въ томъ числѣ и на нынѣ царствующей Ранавало третьей. Высшее сословіе не пользуется большимъ значеніемъ, между прочимъ, и потому, что первые министры, уже сорокъ лѣтъ управляющіе Мадагаскаромъ, принадлежатъ къ говасской буржуазіи.

Жителей на Мадагаскарѣ считаютъ до четырехъ милліоновъ, изъ которыхъ одинъ милліонъ населяетъ чисто говасскую область (Имерина). Остальной островъ дѣлится на одиннадцать провинцій съ губернаторами во главѣ; но авторитетъ говасскаго правительства ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ Имерины, а нѣкоторыя племена и совсѣмъ его не признаютъ.

Такъ какъ губернаторы не получаютъ жалованья, то они «кормятся» на счетъ населенія, полудикаго, разъѣдаемаго существованіемъ рабства. Злоупотребленіямъ и прямому грабежу открывается при такихъ условіяхъ полный просторъ. Въ основѣ податной системы лежитъ натуральная повинность, ничѣмъ не опредѣленная. Каждый и во всякое время можетъ быть потребованъ на какую бы то ни было общественную работу, напримѣръ, въ рудникахъ, и удержанъ тамъ, сколько вздумается патріархальному правительству. Потому не только покоренные мальгаши, но и низшіе классы

говасскаго племени не чувствуютъ ничего добраго по отношенію къ этому правительству и вовсе не такіе враги европейцевъ, какими являются высшія сословія говасовъ.

Торговля Мадагаскара покуда незначительна, не превышаетъ 25 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ около 45% приходится на долю англичанъ, 22%—сѣверо-американцевъ, 20%—французовъ *). Но естественныя богатства острова велики, не маловажно для французовъ и его стратегическое значеніе.

Въ послѣднее время французское правительство, потерявшее терпѣніе въ сношеніяхъ съ вѣроломнымъ говасскимъ правительствомъ, рѣшило, повидимому, принять довольно энергическія мѣры. Бывшій генеральный резидентъ, Миръ-де-Вилье, возвращается на Мадагаскаръ съ ультиматумомъ, въ Діего-Суарецъ посланы подкрѣпленія. Англійская печать забила тревогу, потому что англичане, уступая Франціи протекторатъ надъ Мадагаскаромъ, надѣялись, что изъ этого ничего фактически важнаго не выйдетъ. Значительная часть французской печати не вѣритъ въ успѣшность переговоровъ съ говасскимъ правительствомъ и признаетъ необходимость сильной военной экспедиціи на Мадагаскаръ, потому что пріобрѣтеніе фактическаго протектората надъ этимъ островомъ—дѣло не легкое.

Figaro **) напечатала тревожную статью объ очень серьезныхъ дипломатическихъ разногласіяхъ между Франціей и Англіей изъ-за Мадагаскара,—разногласіяхъ настолько значительныхъ, что дѣло идетъ будто бы къ открытому разрыву. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ,—говоритъ авторъ статьи,—обѣ стороны наносили другъ другу булавочные уколы, которые образовали, наконецъ, язвы. *Figaro* ужасается перспективою войны между двумя націями, которыя идутъ во главѣ цивилизаціи, и называетъ эту войну почти братоубійственною. Но, повидимому, опасенія парижской газеты весьма преувеличены. Нѣмецкая печать слѣдитъ за событіями на Мадагаскарѣ съ понятнымъ интересомъ ***).

Испытываетъ въ своихъ колоніяхъ затрудненія и Голландія. Ей приходится вести войну въ Ломбокѣ (одинъ изъ небольшихъ Зондскихъ острововъ, между Бали и Зумбавой). Населеніе Ломбока опредѣляется въ четыреста тысячъ ****) и находится подъ верховенствомъ голландцевъ. Туземцы нанесли, въ концѣ августа, пораженіе небольшому голландскому отряду, что возбудило въ метрополіи сильную тревогу. Послѣднія извѣстія звучатъ, однако, успокоительно. Жители острова принадлежатъ къ разнымъ племенамъ, и покоренные бализійцами сасаки будутъ, по всей вѣроятности, дер-

*) Значительно низшія цифры даетъ *Revue bleue* (22 septembre).

**) *Figaro*, 29 septembre.

***) *National. Zeitung* сообщаетъ, что нѣмецкая торговля съ этимъ островомъ значительнѣе французской (22 September).

****) По французскимъ источникамъ оно простирается до 540,000 (*Journal des Débats* 1 septembre).

жать сторону голландцевъ. Бализійцы исповѣдуютъ индусскую религію, а сасаки—магометане. Разноплеменность и разновѣрность туземцевъ въ огромныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ голландцевъ только и даетъ имъ возможность держать подъ своею властью при помощи арміи въ тридцать тысячъ человѣкъ (изъ которыхъ европейцевъ не болѣе 13,000) тридцатимилліонное полудикое населеніе. Франція находится въ этомъ отношеніи въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, и поэтому нападенія на колоніальную политику правительства, стремящуюся все къ новымъ и новымъ территоріальнымъ расширеніямъ, имѣютъ, какъ мы уже неоднократно указывали, весьма серьезныя основанія. Несмотря на необыкновенныя естественныя богатства самой Франціи и на ея въ высшей степени замѣчательную культуру, бюджетъ и безъ того тяжело отзывается на населеніи, въ особенности, конечно, военныя издержки и платежи по долгамъ, вызваннымъ этими же издержками и уплатою пятимилліардной контрибуціи Германіи послѣ несчастной войны 1870—1871 гг. По послѣднимъ извѣстіямъ, смѣта, внесенная въ парламентъ министромъ финансовъ, исчисляетъ государственные расходы въ 3.428.176,805 франковъ. Весьма важнымъ нововведеніемъ является въ финансовомъ законопроектѣ Пуанкаре прогрессивный (очень умѣренный) налогъ на наслѣдства. Это предложеніе вызываетъ, однако, рѣшительные протесты со стороны органовъ оппортунистской печати и газетъ лѣваго центра, вродѣ *Journal des Débats*. Имѣя въ виду эти нападки и предстоящую не легкую борьбу въ палатѣ депутатовъ, министръ финансовъ произнесъ въ Коммерси большую рѣчь, вызвавшую во французской печати оживленное обсужденіе. «Особенный интересъ возбудила та часть рѣчи, которая касается финансовыхъ реформъ, проектируемыхъ правительствомъ. Недавнія заявленія Пуанкаре по тому же вопросу и опубликованіе составленнаго имъ бюджета вызвали цѣлую бурю въ оппортунистскихъ и консервативныхъ газетахъ. Леонъ Сэ не замедлилъ выступить самымъ рѣшительнымъ противникомъ даже тѣхъ скромныхъ улучшеній французской финансовой системы, въ пользу которыхъ высказался министръ. Въ обширной статьѣ, напечатанной въ послѣднемъ выпускѣ *Revue des Deux Mondes*, онъ проливаетъ слезы о принципахъ, которые, по его словамъ, «теперь не въ модѣ», и призываетъ къ защитѣ существующаго порядка обложенія» *).

Министръ финансовъ возражаетъ на эти и подобныя обвиненія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы также либералы и хотимъ остаться ими. Но г. Леонъ Сэ первый будетъ рукоплескать намъ, если мы скажемъ, что недостаточно быть либераломъ; нужно еще быть демократомъ и прогрессистомъ. Свобода составляетъ цѣль, пока она не достигнута; но когда свобода обезпечена, какъ при республиканскомъ режимѣ, она служитъ только средствомъ; съ этого времени цѣлью является матеріальный и моральный прогрессъ. Разумѣется, мы не думаемъ, чтобы современное обще-

*) *Русскія Вѣдомости*, 2 октября.

ство могло предоставить каждому своему члену равную долю богатства и равную мѣру благополучія. Но, по нашему убѣжденію, законодательство обязано не увеличивать естественнаго неравенства искусственною неравномѣрностью; если въ области финансовыхъ вопросовъ мы не допустимъ, что обложеніе можетъ исправлять неравенства въ распредѣленіи богатствъ, то мы не въ состояніи будетъ понять и того, что налоги могутъ приводить къ несправедливостямъ и увеличивать бѣдствія. Вотъ почему при составленіи бюджета на 1895 г. мы не только добросовѣстно заботились о достиженіи равновѣсія при помощи сокращенія расходовъ и измѣненія налоговъ и безъ новыхъ займовъ, но полагали также, что, понижая налогъ на умѣренныя наслѣдства, мы имѣемъ право нѣсколько сильнѣе обложить болѣе крупныя имущества, переходящія по наслѣдству, и, притомъ, облагать ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше ихъ размѣры и отдаленнѣе степени родства, въ которомъ находятся наслѣдники къ завѣщателю». Истолковавъ такимъ образомъ цѣль, которую преслѣдуетъ бюджетъ, министръ заявилъ, что правительство рѣшило защищать основныя положенія смѣты безъ послабленій въ ту или другую сторону» *).

Занятія французскаго парламента скоро возобновятся и участь проекта Пуанкаре рѣшится въ ближайшихъ засѣданіяхъ. Кабинетъ Дюпюи считается доживающимъ послѣдніе дни. На мѣсто министра-президента прочатъ Вальдека-Руссо, бывшаго министромъ при Гамбеттѣ. Онъ отличается энергіей, дѣловитостью и принадлежитъ къ умѣреннымъ республиканцамъ.

Другая реформа, которую все настойчивѣе начинаетъ требовать французское общественное мнѣніе, это—прекращеніе протекціонизма, уже надѣлавшаго много зла. Высокія покровительственныя пошлины повели, напримѣръ, къ серьезному неудовольствію со стороны Швейцаріи, которое, въ виду особенностей международнаго положенія Франціи, имѣетъ для нея весьма важное значеніе.

До прекращенія торговаго договора съ Швейцаріей ввозъ и вывозъ товаровъ равнялся въ среднемъ выводѣ 340 милліоновъ франковъ; теперь онъ упалъ до 185 милліоновъ. Въ 1892 году Маконъ отправлялъ въ Швейцарію 250,000 гектолитровъ вина, въ 1893 году только 25,000 гектолитровъ, т.-е. въ десять разъ менѣе. Естественно, что оппозиція противъ протекціонизма все ростетъ во Франціи. Недавно въ Маконѣ было собраніе сельскихъ хозяевъ, на которомъ участвовалъ бывшій президентъ Швейцарской республики Нума Дрозъ и многіе депутаты и сенаторы французскаго парламента. Дрозъ справедливо указывалъ, что странно и неблагоразумно со стороны Французской республики давить таможенными пошлинами швейцарскую промышленность, не давать такихъ уступокъ, на какія пошли Германія, Австрія, Италія **). Интересно будетъ слѣдить за тѣмъ, какое положеніе по отношенію къ этимъ вопросамъ займетъ президентъ Фран-

*) Ibid.

**) *Justice*, 27 septembre.

пузской республики. Популярность Казиміра Перье покуда не велика. Его до сихъ поръ продолжаютъ считать представителемъ и энергичнымъ защитникомъ господствующей нынѣ во Франціи крупной буржуазіи.

Въ Германіи неожиданно обострился *польскій вопросъ*. На выставкѣ въ Галиціи поляки изъ Познани сдѣлали нѣсколько заявленій, въ которыхъ прусскія газеты увидали нелойяльность по отношенію къ Пруссіи и Германіи. Съ нѣсколькими словами осужденія по этому поводу выступилъ въ одной изъ своихъ рѣчей императоръ Вильгельмъ, а бывшій желѣзный канцлеръ произнесъ противъ поляковъ двѣ рѣчи, которыя произвели сильное впечатлѣніе въ Германіи. Познанскимъ полякамъ ставится на видъ, чтобъ они и не мечтали о такомъ самоуправленіи, какимъ они пользуются въ Галиціи. Ихъ въ Германіи всего два милліона, а нѣмцевъ сорокъ восемь, и послѣдніе настойчиво стремятся къ тому, чтобы стереть съ лица нѣмецкой земли поляковъ, *какъ славянъ*.

Вопросу о германизмѣ и полонизмѣ нѣмецкая печать посвятила и посвящаетъ много статей. Въ особенности часто на страницахъ консервативныхъ и националъ-либеральныхъ газетъ появляются *Deutschthum* и *Polenthum*, и газеты жалуются на то, что германизація польскаго населенія не дѣлаетъ успѣховъ, не ведется съ достаточною, по ихъ мнѣнію, энергіей.

Рѣчи князя Бисмарка были очень сочувственно встрѣчены австро-нѣмецкою либеральною печатью съ *Neue Freie Presse* во главѣ. Это вызвало ироническую статью чешской *Politik*, которая еще разъ подчеркиваетъ тѣ неразрѣшимыя противорѣчія, въ какія впала эта партія, защищая либеральные принципы и всѣми силами продолжая бороться съ равноправностью другихъ народностей Цислейтаніи. Для поляковъ австро-нѣмецкіе либералы-централисты дѣлаютъ исключеніе: въ Галиціи поляки—хозяева, и отъ такихъ порядковъ, при нынѣшней системѣ выборовъ въ парламентъ и ландтагъ, сильно терпитъ русское населеніе Галиціи. *Politik* *) еще разъ предостерегаетъ поляковъ, что союзъ съ ними нѣмцевъ-централистовъ неискрененъ и непроченъ, что этого союза австрійская нѣмецко-либеральная партія держится лишь потому, что безъ поляковъ она вновь осталась бы въ рейхсратѣ въ меньшинствѣ. Но поляки, насколько мы можемъ судить изъ Москвы, и не обманываются въ этомъ отношеніи: они знаютъ, что въ настоящій моментъ необходимы для габсбургской монархіи и для правительства, и стремятся извлечь изъ такого положенія вещей всѣ возможныя выгоды. Ошибочнымъ и несправедливымъ мы признаемъ образъ дѣйствія поляковъ лишь потому, что они, т.-е. аристократія и католическихъ духовенство, не принимаютъ въ соображеніе многихъ интересовъ польской народной массы и законныхъ требованій русскаго (или русинскаго,—дѣло не въ названіи) населенія Галиціи. Кромѣ того, близорука и несправедлива та политика, которая возбуждаетъ противъ поляковъ ихъ

---

*) *Politik*, 20 September.

естественныхъ союзниковъ—чеховъ. Чехи добиваются того же, чего достигли поляки. Они отстаиваютъ свою національную самостоятельность, и отступиться отъ нихъ, стать на сторону ихъ враговъ, можетъ быть, и выгодно въ данную минуту; но невыгоды этого безнравственнаго шага не заставятъ себя ждать. Довѣріе и уваженіе должны господствовать и въ международныхъ отношеніяхъ.

Мы давно уже не говорили о событіяхъ въ Сербіи и Болгаріи и дѣлали это на томъ основаніи, что положеніе вещей въ обоихъ государствахъ отличается, попрежнему, неопредѣленностью и, насколько мы можемъ судить, неустойчивостью. Съ прибытіемъ въ Сербію бывшаго короля и потомъ простого сербскаго гражданина Милана Обреновича, продавшаго за большія деньги оба эти званія и обязавшагося не возвращаться въ отечество, Сербія сошла съ законнаго и правильнаго пути. Молодой король самовольно отмѣнилъ одну конституцію и ввелъ новую (т.-е. возстановилъ отмѣненную народнымъ собраніемъ). Чувствуя непрочность своего положенія, король Александръ ищетъ поддержки у Австро-Венгріи и Германіи, совершаетъ поѣздки къ австрійскому и германскому двору. Мы можемъ только порадоваться, что русская дипломатія лишила короля Александра возможности искать такой поддержки у русскаго правительства. Россіи дороги и близки интересы сербскаго народа, которые компрометируются интригами Милана и неблагоразуміемъ поддающагося его вліянію молодого короля. Благоволеніе, снисканное въ Берлинѣ и Вѣнѣ, не замѣнитъ любви сербскаго народа и дружбы Россіи.

Въ Болгаріи отставка Стамбулова установила болѣе правильную и свободную внутреннюю жизнь, но не повела, какъ надѣялись нѣкоторыя наши газеты, къ измѣненію положенія Болгаріи въ международномъ отношеніи, къ сближенію ея съ нашимъ отечествомъ. Для характеристики состоянія дѣлъ въ княжествѣ очень интересна брошюра г. Ризова, которой, къ сожалѣнію, не было у насъ въ рукахъ и о содержаніи которой мы скажемъ нѣсколько словъ по изложенію *Русскихъ Вѣдомостей* *). Г. Ризовъ при Стамбуловѣ былъ эмигрантомъ. Онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе образованныхъ и симпатичныхъ болгарскихъ общественныхъ дѣятелей. Ризовъ «подробно останавливается на общественной сторонѣ событій, ареной которыхъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ была Болгарія, и указываетъ на недостатокъ общественной нравственности, какъ на главную причину всѣхъ политическихъ несчастій, вынесенныхъ Болгаріей за этотъ періодъ времени. Въ своемъ обзорѣ г. Ризовъ оставляетъ въ сторонѣ внѣшнее политическое положеніе княжества. Онъ признаетъ происки нѣкоторыхъ западныхъ державъ, глухо говоритъ объ ошибкахъ русской дипломатіи, но главную вину за событія возлагаетъ на само болгарское общество. Первый болгарскій князь и обѣ партіи, которыя онъ на-

*) *Русскія Вѣдомости*, 23 сентября.

шелъ въ странѣ, были лишены твердыхъ политическихъ правилъ; они первые подали примѣръ того политическаго оппортунизма, который привелъ позднѣе къ полному нарушенію народныхъ правъ и деспотическому режиму Стамбулова».

Задачами либеральной партіи,—продолжаетъ г. Ризовъ,—должны быть въ Болгаріи насажденіе конституціонныхъ демократическихъ убѣжденій въ странѣ, правильная организація экономическаго быта народа, духовное сліяніе массы съ интеллигенціей. Упрекая во многомъ талантливаго вождя либеральной партіи, Каравелова, Ризовъ признаетъ за нимъ и большія заслуги, полагаетъ, что преслѣдованія Стамбулова и долгое тюремное заключеніе, которое такъ мужественно переноситъ Каравеловъ, искупили его прежніе грѣхи.

Взгляды г. Ризова *Русскія Вѣдомости* резюмируютъ слѣдующимъ образомъ: «Болгаріи рѣшительно не зачѣмъ тѣсно примыкать къ западнымъ державамъ, враждебнымъ Россіи, и приносить имъ въ жертву интересы болгарскаго народа, какъ то дѣлалъ Стамбуловъ. Сближеніе съ этими державами имѣло бы смыслъ только въ одномъ случаѣ: если бы Болгаріи грозилъ дѣйствительный захватъ со стороны Россіи. Но въ этомъ случаѣ западные конкурренты этой послѣдней поспѣшатъ безъ всякихъ вознагражденій со стороны Болгаріи подать ей помощь, руководясь своими личными интересами. Политика угодливости по отношеніи къ этимъ державамъ прямо не имѣетъ смысла. Съ другой стороны, единственнымъ возможнымъ союзникомъ при осуществленіи болгарскихъ національныхъ идеаловъ въ будущемъ, какъ показалъ опытъ, можетъ быть только Россія. Поэтому заключеніе съ Россіей договора, опредѣляющаго внѣшнюю политику Болгаріи, имѣетъ смыслъ и представляетъ выгоду. Но тотъ же договоръ долженъ гарантировать полную внутреннюю самостоятельность болгарскаго народа, его арміи и территоріи».

Въ Германіи много шуму надѣлали дисциплинарные безпорядки въ берлинской унтеръ-офицерской школѣ. Безпорядки эти вскрываютъ, до нѣкоторой степени, настроеніе значительной доли нѣмецкой арміи, ибо нельзя предположить, что происшествіе въ Берлинѣ составляетъ вполнѣ изолированный случай. Половину унтеръ - офицеровъ ночью, съ экстреннымъ поѣздомъ, подъ строгимъ конвоемъ, отправили въ Магдебургскую крѣпость. Тамъ и произойдетъ «разборъ» дѣла. Безпорядки объясняютъ крайне суровымъ режимомъ и безтактностью военныхъ вождей, признающихъ въ молодыхъ людяхъ, которые попадаютъ въ ихъ дрессировку, отнюдь не душу, а лишь мундиръ.

О прелестяхъ милитаризма свидѣтельствуютъ и военные подвиги греческихъ офицеровъ, о которыхъ недавно сообщали газеты: въ одномъ кафе двое молодыхъ людей пристально поглядѣли на бывшихъ тамъ офицеровъ; тѣ бросились на молодыхъ людей и нанесли имъ множество ударовъ саблями плашмя. На другой день, разсказавъ объ этомъ случаѣ, газета *Асто-*

polis замѣтила, что государство ввѣряетъ саблю офицерамъ вовсе не для избіенія ею мирныхъ гражданъ, и въ виду плохого употребленія, какое аѳинскіе офицеры дѣлаютъ изъ своего оружія, газета предлагала запретить его ношеніе въ городѣ. Тогда на собраніи офицеровъ рѣшено было наказать смѣлую газету. Образовалась для атаки правильная колонна, дверь того дома, гдѣ помѣщалась редакція, была выбита, одинъ изъ служителей редакціи былъ при этомъ раненъ изъ револьвера, атакующій отрядъ врывается въ домъ, разрушаетъ или выбрасываетъ на улицу счетныя книги, вещи, рукописи, разбивается денежный ящикъ, содержимое его исчезаетъ... Развоевавшіеся, опьяненные «побѣдой» офицеры проникаютъ въ частную квартиру редактора газеты и подвергаютъ ее полному, варварскому разгрому. Затѣмъ была разрушена и типографія.

Всѣ офицеры аѳинскаго горнизона объявили себя солидарными съ тѣми, которые буйствовали въ редакціи *Акрополиса*. Военный судъ оправдалъ участниковъ въ этомъ буйствѣ. Корреспондентъ *Journal des Débats*, откуда мы беремъ подробности этого разсказа, замѣчаетъ, что «il y a quelque chose de pourri en Grèce» *).

---

*) Въ Греціи что-то гнило.

Очерки провинціальной жизни.

Говоря въ іюньской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ о различныхъ попыткахъ отдѣльныхъ лицъ помогать народу въ сферѣ экономической, мы, между прочимъ, указывали на почтенную дѣятельность секретаря шадринской земской управы, Н. Г. Ѳедорова, которому принадлежитъ иниціатива устройства земледѣльческихъ артелей. Теперь мы получили отъ И. И. Ефимова весьма интересную брошюру объ этихъ артеляхъ. Брошюра явилась результатомъ служебной поѣздки г. Ефимова въ нѣкоторыя губерніи, въ томъ числѣ и въ Пермскую. Въ бытность свою въ Пермской губерніи, г. Ефимовъ имѣлъ случай ознакомиться съ возникшими здѣсь недавно, по иниціативѣ г. Ѳедорова, артелями и сообщаетъ о нихъ много поучительнаго. Возникновеніе упомянутыхъ земледѣльческихъ артелей относится ко времени неурожая 1891 года. Въ числѣ многихъ другихъ мѣстностей Россіи жестоко пострадала отъ него также Пермская губернія, и въ частности Шадринскій уѣздъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ шадринскою уѣздною земскою управой, число безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ достигло 38%. Поддержать это населеніе въ его критическомъ положеніи, поставить его на ноги составило задачу дѣятельности г. Ѳедорова. Средства, собранныя г. Ѳедоровымъ, не позволяли ему снабдить лошадью каждый безлошадный крестьянскій дворъ. Поэтому онъ организовалъ цѣлую сѣть маленькихъ артелей по 6 человѣкъ въ каждой, снабдилъ каждую артель двумя лошадьми (впослѣдствіи число лошадей было поднято до трехъ) и кое-какимъ инвентаремъ, и, такимъ образомъ, далъ возможность безлошадному хозяину произвести посѣвъ на своей землѣ, не прибѣгая къ разорительной помощи разнаго вида деревенскихъ кулаковъ. Первое время г. Ѳедоровъ велъ дѣло организаціи артелей на частныя пожертвованія и достигъ въ очень короткое время значительныхъ результатовъ. Въ 1893 г. имъ было организовано уже 54 сельско-хозяйственныхъ артели въ составѣ 324 семействъ. Затѣмъ, организаторъ артелей сдѣлалъ въ январѣ 1893 г. докладъ пермской губернской управѣ. Докладъ произвелъ настолько благопріятное впечатлѣніе, что бывшее вскорѣ очередное земское собраніе ассигновало 20 тысячъ рублей на расширеніе дѣла. Такимъ образомъ, въ на-

ящее время, рядомъ съ указанными ранѣе артелями, обязанными своимъ никновеніемъ частной инициативѣ, имѣются артели, устроенныя на средв земства и состоящія на его попеченіи.

Организація артелей, въ общихъ чертахъ, слѣдующая. Артель составтся изъ шести домохозяевъ, выбирающихъ изъ своей среды артельнаго росту. Каждая изъ нихъ должна имѣть въ посѣвѣ не менѣе 7 десятинъ, томъ числѣ 3 дес. озимой ржи, 2 дес. овса, 1 дес. пшеницы и по ½ . гречи, проса, ячменя, гороха или чечевицы и картофеля. Полученный ь этого артельнаго посѣва хлѣбъ составляетъ, точно такъ же, какъ и данныя артели въ ссуду лошади, земледѣльческія орудія и посѣвныя іена, собственность всей артели При этомъ, расходованіе артельныхъ пасовъ подчиняется слѣдующимъ правиламъ: изъ урожая всѣхъ хлѣбовъ ѣляется, прежде всего, часть, необходимая для возобновленія на слѣющій годъ въ прежнемъ размѣрѣ артельнаго посѣва; послѣ чего остаъ ржи раздѣляется на три части: одна идетъ на погашеніе ссуды, друя обращается на уплату продовольственныхъ и иныхъ казенныхъ взыаній, равномѣрно за всѣхъ членовъ артели, и третья оставляется въ засѣ на посѣвъ и продовольствіе въ случаѣ неурожая; остатокъ овса слутъ для корма артельныхъ лошадей; изъ остатковъ же остальныхъ яроіхъ хлѣбовъ ⅓ употребляется на пополненіе артельнаго инвентаря, а ⅔ ідаются заимообразно на собственные посѣвы членовъ артели. Каждая ібота сначала производится на артельныхъ запашкахъ, земля для котоіхъ отводится, по возможности, въ одномъ мѣстѣ, а затѣмъ уже у члеовъ артели по очереди.

Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ земскою управой проектированы нѣкотоыя измѣненія въ только что приведенной организаціи, сводящіяся къ тоу, что артели не вмѣняется въ обязанность заботиться объ уплатѣ проовольственныхъ долговъ и разнаго рода повинностей ея членовъ, самое е распредѣленіе запасовъ, за отдѣленіемъ изъ нихъ части, необходимой ія возобновленія артельнаго посѣва, ведется такимъ образомъ, что они ѣлятся на три равныя части, изъ коихъ одна поступаетъ поровну въ полое распоряженіе каждаго члена артели, другая идетъ на погашеніе долга эмству и на уплату повинностей за артельную землю и третья на образованіе запаснаго капитала; послѣдняя часть, съ разрѣшенія управы, моетъ быть обращаема на улучшеніе хозяйства, а также на помощь членамъ артели, въ случаѣ неурожая.

Попечителями артелей, кромѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей, остоятъ народные учителя и учительницы, волостные писаря и лица той е крестьянской среды.

Въ настоящее время артели имѣются въ уѣздахъ Шадринскомъ, Екатеинбургскомъ, Камышловскомъ и Красноуфимскомъ; болѣе всего ихъ въ ервомъ изъ этихъ уѣздовъ, гдѣ число артелей достигаетъ 80; въ Екатеинбургскомъ ихъ 25, а въ остальныхъ двухъ уѣздахъ онѣ только что ачинаются.

На разспросы членовъ артелей о томъ, какъ идетъ у нихъ дѣло, г. Ефимовъ получалъ отвѣты, что дѣло идетъ ладно, что многіе изъ нихъ стали вводить въ артель и остальную свою, сверхъ обязательнаго посѣва, землю, а артельщики села Макарова всю свою землю, по ихъ выраженію, «сгрудили» въ артель, причемъ раздѣлъ урожая между отдѣльными членами, несмотря на разнообразіе ихъ семейнаго состава, не представилъ, по словамъ артельщиковъ, никакихъ затрудненій. При посѣщеніи г. Ефимовымъ этой артели, она была занята молотьбою хлѣба на предоставленной ей въ ссуду ручной молотилкѣ. Мотивомъ введенія всей земли въ артельную обработку было сознаніе, что при такомъ условіи достигается лучшая утилизація каждымъ артельщикомъ силы артельныхъ лошадей, т.-е. обнаруживается именно преимущество артельной формы производства, тогда какъ при самостоятельной обработкѣ ими своихъ участковъ у одного земля можетъ оказаться обработанною болѣе своевременно, нежели у другого, вызывая тѣмъ различіе въ количествѣ получаемаго урожая. Въ результатѣ: нѣкоторые изъ артелей успѣли уже увеличить число лошадей и произошелъ ростъ артельнаго имущества вообще.

Хотя,—замѣчаетъ г. Ефимовъ,—протекшаго времени еще недостаточно, чтобы произнести окончательное сужденіе о дальнѣйшей судьбѣ возникшихъ въ Пермской губерніи земледѣльческихъ артелей, тѣмъ не менѣе, нельзя не пожелать расширенія испытанія у насъ жизнеспособности артельной формы земледѣльческаго производства. Правильно поступило пермское земство, принявъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Оказавъ помощь артелямъ, оно уже и теперь принесло много добра наиболѣе пострадавшей отъ неурожая части населенія и спасло его хозяйственную самостоятельность. Въ заключеніе, г. Ефимовъ заявляетъ, что со стороны губернской администраціи дѣло организаціи земледѣльческихъ артелей встрѣтило полное сочувствіе и желаніе оказать ему, въ случаѣ надобности, возможную поддержку.

Если устройство земледѣльческихъ артелей не представило большихъ трудностей, если члены ихъ вводятъ въ артель и остальную свою, сверхъ обязательнаго посѣва, землю, то произошло это благодаря вѣковой привычкѣ русскаго народа къ общинному пользованію землею. Великое бы было дѣло воспользоваться общинными навыками народа и содѣйствовать съ энергіей развитію земледѣльческихъ артелей, соединяющихъ всѣ выгоды мелкаго и крупнаго сельскаго хозяйства, и устраняющихъ, въ то же время, ихъ недостатки. Это такая задача, работать ради которой можно съ полнымъ воодушевленіемъ, ибо немного соціальныхъ проблеммъ могутъ быть поставлены, по своему значенію, рядомъ съ нею. Между тѣмъ, у насъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться всѣми благими свойствами общиннаго землевладѣнія и стараться о дальнѣйшемъ развитіи принципа общиннаго хозяйства, время отъ времени возникаютъ проекты о насильственномъ уничтоженіи общиннаго землевладѣнія.

Въ одномъ изъ нашихъ очерковъ *) мы говорили уже о томъ, какое

*) Мартъ 1894 г.

значеніе имѣло бы обращеніе государственныхъ земель Сибири подъ крупное и среднее землевладѣніе. Результатомъ этого явилась бы крайне вредная спекуляція землею. Спекуляція выразилась бы въ двухъ видахъ: одни собственники занялись бы перепродажей земли нуждающемуся въ ней сельскому населенію; другіе, смотря по обстоятельствамъ, нашли бы болѣе выгоднымъ спекулировать землею въ формѣ сдаванія ея крестьянамъ въ аренду. Въ результатѣ же, во всякомъ случаѣ, оказалось бы, что людьми, ведущими сельско-хозяйственный промыселъ, явились бы лишь крестьяне, а собственники крупныхъ и среднихъ участковъ получали бы за это ренты. Ошибочно было бы думать, что крупныя помѣстья могутъ явиться сельско-хозяйственными школами для народа. Если этого мы не видимъ въ Европейской Россіи, то тѣмъ болѣе это не явится въ Сибири, гдѣ экономическія условія и не позволяютъ вести сколько-нибудь усовершенствованное земледѣльческое хозяйство. А, между тѣмъ, продажа казенныхъ земель въ частныя руки отняла бы у государства или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабила бы для него возможность надѣлить землями переселенцевъ, т.-е. элементъ, который стоитъ ближе къ землѣ и для котораго земля—насущная потребность. Такая мѣра сократила бы государственный земельный фондъ, ослабила бы тотъ рессурсъ, который представляетъ собою могучее средство для устраненія соціальныхъ недуговъ страны не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Такого именно взгляда держался бывшій недавно генералъ-губернаторомъ Восточною Сибири Д. Г. Анучинъ. Близко знающій условія сибирской жизни, г. Анучинъ рѣшительно утверждаетъ, что образованіе въ Сибири крупнаго землевладѣнія путемъ раздачи или льготной продажи земель не соотвѣтствуетъ выгодамъ правительства и мѣстнымъ условіямъ. Характеризуя свое отношеніе къ дѣлу, Д. Г. Анучинъ пишетъ: «Во время моего управленія Восточною Сибирью (съ 1879 по 1885 гг.) ни одного вершка земли не поступило въ пользу крупнаго землевладѣнія, такъ какъ раздаваемые въ частныя руки земельные участки непроизводительно ускользали бы изъ рукъ правительства и уменьшали бы его средства для обезпеченія переселенцевъ земельными надѣлами».

Совершенно другой политики держался недавно умершій приамурскій генералъ-губернаторъ бар. Корфъ. Въ началѣ этого года имъ были изданы правила о продажѣ земли въ Приамурской области значительными участками въ частную собственность. И вотъ, въ силу этихъ правилъ, государственная земля здѣсь, какъ сообщаетъ *Сибирскій Листокъ*, дѣятельно распродается частнымъ лицамъ и прибывающіе въ этотъ край переселенцы «*начинаютъ уже испытывать утѣсненіе въ землѣ*». Мотивы изданія упомянутыхъ правилъ непонятны, тѣмъ болѣе, что самъ покойный генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ, въ своемъ отчетѣ хабаровскому съѣзду, засвидѣтельствовалъ необычайное преуспѣяніе земледѣльческаго промысла у переселенцевъ Приморской области. Богатство русскихъ поселенцевъ,—говорилъ онъ,—быстро возростаетъ. Крестьяне, высадившіеся тридцать

лѣтъ тому назадъ въ одной сорочкѣ и полушубкѣ, владѣютъ въ настоящее время сотнями головъ скота и лошадей, а запасные капиталы многихъ изъ нихъ считаются тысячами рублей. На каждаго хозяина приходится въ среднемъ въ Приморской области 7 головъ скота. Казалось бы, не можетъ быть другого вывода изъ этихъ данныхъ, какъ способствовать всѣми возможными мѣрами дальнѣйшему заселенію края переселенцами... и вдругъ изданіе правилъ о продажѣ государственной земли крупными участками частнымъ лицамъ.

На ряду съ дѣломъ объ огражденіи государственныхъ земель въ Сибири отъ частнаго захвата и предоставленія ихъ въ пользу переселенцевъ-земледѣльцевъ выдвигается еще другая задача, не менѣе важная, именно задача о формѣ крестьянскаго землевладѣнія, о лучшемъ способѣ охранить равномѣрность въ распредѣленіи земли и въ пользованіи среди переселенцевъ. Извѣстно, что для этого нѣтъ другого способа, кромѣ общиннаго землевладѣнія. Между тѣмъ, начальство Приамурскаго края начинаетъ принимать энергическія мѣры къ переводу переселенцевъ отъ общиннаго землевладѣнія къ частному. Такъ, въ газетѣ *Владивостокъ* разсказаны подробности дѣла, какъ жители села Никольскаго (330 семей) въ Южно-Уссурійскомъ округѣ, Приморской области, составили приговоръ о выдѣлѣ въ частную собственность изъ общаго надѣла по 15 десятинъ на дворъ. По словамъ газеты, этотъ приговоръ состоялся по «предложенію» отъ имени генералъ-губернатора и даже «при извѣстномъ давленіи». Не трудно видѣть, къ чему приведутъ такіе выдѣлы. «Мы прямо заявляемъ,—говоритъ газета *Владивостокъ*,—что эта мѣра будетъ имѣть вредныя и развращающія послѣдствія на жизнь крестьянъ и послужитъ лишь для развитія здѣсь частнаго землевладѣнія. Мы увѣрены, что съ раздѣленіемъ земли на участки будетъ усиленная скупка ихъ кулаками или лицами, ничего съ землею общаго не имѣющими, а вслѣдъ за первымъ опытомъ послѣдуетъ и второй и т. д.; тогда собственно крестьянская трудовая масса останется безъ земли и ей придется снова переселяться въ другія области». И дѣйствительно, новые земельные порядки въ селѣ Никольскомъ сказались уже тѣмъ, что 20 семей рѣшили переселиться.

Въ нашемъ журналѣ была уже отмѣчена недавно напечатанная цѣнная работа проф. Карышева *Подворное и общинное хозяйство*. Работа эта основана на богатомъ земско-статистическомъ матеріалѣ. Если бы,—говоритъ проф. Карышевъ,—въ самомъ дѣлѣ были справедливы утвержденія, что община ставитъ преграды развитію земледѣлія, то послѣднее находилось бы на болѣе высокой ступени развитія у подворныхъ владѣльцевъ, находящихся въ прочихъ равныхъ условіяхъ съ сосѣдними общинниками. Утвержденія о вредѣ мірского пользованія землей должны были быть признаны справедливыми лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что хозяйство общинниковъ, обставленное не хуже хозяйства сосѣднихъ подворныхъ, даетъ худшіе результаты въ смыслѣ своей производительности и устойчивости. Такое сравненіе,—продолжаетъ авторъ,—представляется

возможнымъ сдѣлать у насъ для тѣхъ мѣстностей, гдѣ рядомъ со старою, укоренившеюся общиной имѣется тоже старое и укоренившееся «четвертное» землевладѣніе. Естественныя условія хозяйствъ того и другого типа тамъ вполнѣ одинаковы: тотъ же климатъ, та же почва, тѣ же культуры. Оба вида хозяйствъ разбросаны въ перемежку одинъ съ другимъ. Тотъ же народъ, тѣ же главныя и подспорныя занятія. Тождеству условій мѣшаетъ только большее земельное обезпеченіе подворныхъ по сравненію съ общинниками, слѣдовательно, первые обставлены лучше вторыхъ.

Нѣкоторыя изъ мѣстностей, пригодныхъ для сравненія хозяйства подворныхъ и общинниковъ, какъ извѣстно, подверглись сплошному земско-статистическому изслѣдованію. Слѣдовательно, относительно ихъ имѣется налицо матеріалъ, позволяющій уловить основныя черты, характеризующія хозяйственный бытъ обоихъ типовъ владѣльцевъ въ моментъ изслѣдованія. Работа проф. Карышева и представляетъ собою попытку такого сравненія для Курской губерніи хозяйства бывшихъ государственныхъ четвертныхъ крестьянъ (подворныхъ) съ хозяйствомъ ближайшихъ къ нимъ по размѣрамъ надѣла бывшихъ государственныхъ душевыхъ (общинниковъ). Конечные результаты изслѣдованія почтеннаго профессора слѣдующія:

Прежде всего, г. Карышевъ обращаетъ вниманіе читателя на выводъ изъ статистическихъ исчисленій, показывающій, что, въ отношеніи перваго элемента производства земли, подворное хозяйство поставлено лучше, чѣмъ общинное. Надѣльной земли у подворныхъ больше, чѣмъ у общинниковъ. И, несмотря на такое важное преимущество подворныхъ надъ общинниками, первые по всѣмъ хозяйственнымъ статьямъ уступаютъ вторымъ.

Количество скота у обоихъ разрядовъ крестьянъ почти одинаковое, а такъ какъ у подворныхъ земли больше, то на единицу пашни приходится меньше удобренія, что ведетъ за собою *худшую систему хозяйства у подворныхъ сравнительно съ общинниками*. Именно подворные много практикуютъ ту особую систему хозяйства, которая именуется «пестропольемъ» или «разнопольемъ». При этой системѣ нѣтъ правильнаго чередованія посѣвовъ. Безпорядочность сѣвооборота обусловливаетъ паденіе урожайности. Крестьяне и сами смотрятъ на пестрополье, какъ на крайне неразумную систему полеводства, но не всегда имѣютъ силу замѣнить ее другой,— «нечѣмъ взяться».

«Черезполосица, самая мелкая, представляетъ самую характерную особенность подворнаго владѣнія». Раздѣлы полосъ бываютъ съ каждымъ раздѣломъ семьи. «Еще пока три брата живутъ вмѣстѣ, загонъ въ 2 сажени ширины пахать можно, а какъ подѣлились, каждому достается такая узкая лента, что и борону протащить нельзя». Черезполосица, конечно, составляетъ непремѣнный спутникъ и общины съ передѣлами. Но здѣсь невыгоды ея возмѣщаются качественнымъ и количественнымъ равненіемъ земель, для котораго она именно и возникаетъ. Причемъ общинѣ открыта возможность и избѣжать ея путемъ упраздненія передѣловъ и введенія кол-

лективнаго пользованія. Черезполосица подворныхъ владѣльцевъ возникаетъ каждый разъ при раздѣлахъ, выдѣлахъ, продажахъ и пр., ничего общаго съ «равненіемъ» не имѣетъ и избѣжать ея нельзя.

Среди подворныхъ владѣльцевъ болѣе хозяйствъ, не имѣющихъ собственнаго инвентаря, нежели среди общинниковъ. Обработка надѣловъ собственнымъ инвентаремъ преобладаетъ у подворныхъ только тамъ, гдѣ ихъ преимущество въ размѣрахъ надѣловъ предъ общинниками значительно. Тамъ и сдача ими надѣловъ меньше. Но тамъ, гдѣ общинники обезпечены землей, хотя и меньше подворныхъ, но немного меньше, тамъ они обнаруживаютъ гораздо бо̀льшую устойчивость своего хозяйства.

Аналогичны и относящіяся сюда же свѣдѣнія о бездомовыхъ, характеризующія проявленіе той же относительной устойчивости хозяйства обоихъ разрядовъ. Въ шести уѣздахъ, въ которыхъ общинники имѣютъ гораздо меньше земли, чѣмъ подворные, количество бездомовыхъ у первыхъ въ четырехъ случаяхъ больше, а въ двухъ—тождественно съ такою же величиной у подворныхъ. Въ другихъ шести уѣздахъ, гдѣ надѣлъ общинниковъ также меньше надѣла подворныхъ, но въ болѣе слабой степени, количество бездомовыхъ у общинниковъ въ одномъ случаѣ тождественно и въ пяти случаяхъ меньше таковаго же числа у подворныхъ. Такимъ образомъ, мы еще разъ убѣждаемся, что *общинники борятся за свое хозяйство и свою усадьбу успѣшнѣе подворныхъ*.

Эта слабость подворныхъ владѣльцевъ въ борьбѣ за свою хозяйственную самостоятельность ведетъ къ тому, что масса ихъ мало-по-малу теряетъ самую землю, которая концентрируется въ рукахъ наиболѣе состоятельныхъ членовъ этого разряда. Съ тѣхъ поръ, какъ только крестьяне получили право продажи своихъ земель, — говорится въ сборникахъ земской статистики, — начался такого рода процессъ: наиболѣе зажиточные домохозяева скупали землю у менѣе состоятельныхъ, малоземельныхъ и, такимъ образомъ, понемногу увеличивали и округляли свои дѣдовскіе участки, а тѣ, въ свою очередь, постепенно дробили свои участки или окончательно обезземеливались... Процессъ этотъ не только не пріостановился, но, наоборотъ, съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры... Малоземельные хозяева обыкновенно стремятся скорѣе продавать обрывки своихъ наслѣдственныхъ участковъ и на вырученную сумму, если она оказывается достаточной, поднимаются съ своихъ насиженныхъ мѣстъ и идутъ искать вольныхъ земель; если же сумма, вырученная отъ продажи надѣла, недостаточна для переселенія, обезземелившійся ищетъ заработка тутъ же на родинѣ и нерѣдко, нанявшись къ тому же мужику, который купилъ у него землю, съ душевною скорбью тянетъ лямку батрака обрабатывая въ пользу совершенно чужого человѣка участокъ пашни, политый пòтомъ его предковъ. По словамъ земскихъ статистиковъ, волостныя и сельскія общественныя «книги приговоровъ», куда вносится, по требованію закона, мірская санкція переходовъ земель отъ одного лица къ другому, даютъ весьма богатый матеріалъ для характеристики этого процесса

капитализаціи подворной земли, ея округленія въ рукахъ немногихъ. При переписи встрѣчались волости, гдѣ при 1,000—1,500 дворахъ насчитывалось по 200—300 случаевъ земельныхъ переходовъ въ теченіе года.

И такъ, въ результатѣ изслѣдованіе проф. Карышева показало, что о переходѣ къ высшимъ системамъ полеводства, къ производству земельныхъ улучшеній и капитальныхъ затратъ у подворныхъ владѣльцевъ нѣтъ и рѣчи. Напротивъ, губительная для производительности почвы система «пестрополья» практикуется ими даже чаще, чѣмъ у общинниковъ, распаханность полей—не меньше; они не могутъ лучше удобрять своихъ нивъ, ибо имѣютъ для того относительно меньше скота. Далѣе, черезполосица подворныхъ оставляетъ за собой черезполосицу общинниковъ. Наконецъ, право частной собственности на землю не спасаетъ подворныхъ отъ сильнаго размельченія, отъ большой дробности участковъ. Результаты названныхъ явленій отражаются, прежде всего, на меньшей устойчивости ихъ хозяйствъ. Они сказываются въ развитіи безхозяйственности и бездомовности въ относительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ это наблюдается у общинниковъ. А это обстоятельство, въ связи съ легкостью отчужденія участковъ, вызываетъ усиленную мобилизацію четвертныхъ земель, вслѣдствіе чего происходитъ паденіе продажной цѣны участковъ; это облегчаетъ концентрацію земельной собственности въ рукахъ болѣе состоятельныхъ четвертныхъ же крестьянъ и иныхъ сословій, съ одной стороны, а съ другой—является причиной обезземеленія менѣе состоятельныхъ и вызываетъ необходимость ихъ батрачества и болѣе частыхъ переселеній.

И такъ, *сельское хозяйство у общинниковъ идетъ лучше, нежели у подворныхъ владѣльцевъ*. А это означаетъ, что даже та позиція, на которую единственно направлена атака противниковъ общиннаго землевладѣнія, стоитъ прочно и противникъ отбитъ съ урономъ. Но благодѣянія, вносимыя общиннымъ землевладѣніемъ въ жизнь крестьянскихъ сельскихъ массъ, такъ существенны и важны, послѣдствія, вытекающія изъ общиннаго владѣнія для цѣлаго строя народной жизни, такъ многозначительны и плодотворны, что нельзя разсматривать этотъ видъ поземельныхъ отношеній лишь съ точки зрѣнія производительности труда. Государственный интересъ не ограничивается однимъ производствомъ страны. Если мы не хотимъ, рано или поздно, видѣть у себя массы пролетаріевъ, мы не должны расшатывать народнаго обычая, который носитъ въ себѣ всѣ зачатки правильной экономической и поземельной организаціи. Особенно теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, мы должны обратить вниманіе на общинное землевладѣніе и позаботиться о сохраненіи его. Наше великорусское крестьянство вступило въ настоящее время въ тотъ періодъ своего развитія, черезъ который неизбѣжно проходятъ всѣ народы,—въ періодъ разложенія непосредственныхъ, природныхъ, семейныхъ и родовыхъ союзовъ на ихъ составныя единицы. Прежнія большія крестьянскія семьи дробятся безконечно во всѣхъ концахъ Россіи; отовсюду слышно, что раздѣлы семействъ изъ года въ годъ усиливаются. Начало индивидуальности предъявляетъ свои права весьма

замѣтно. Въ такую минуту особенно важно, чтобы это начало не разнесло и не разрушило того, что составляетъ прочное основаніе благосостоянія, осѣдлости многочисленнаго сельскаго населенія. Періодъ развитія, который оно теперь переживаетъ, очень многозначителенъ, и если мы пойдемъ по пути индивидуализаціи поземельной собственности, то попадемъ безвозвратно на тотъ опасный путь, благодаря которому казнится теперь Европа и съ котораго, можетъ быть, крайне трудно будетъ сойти впослѣдствіи. Поэтому то мы и должны не упразднять, а, напротивъ, бережно охранять общинное владѣніе и развивать дальше лежащій въ немъ принципъ общности интересовъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для устойчивости общиннаго землевладѣнія является, въ настоящее время, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи надѣлы такъ малы, что затрачивать трудъ на обработку клочка пашни, выручкой съ котораго нельзя даже прокормиться, невыгодно, и крестьянинъ поневолѣ бросаетъ землю и идетъ отыскивать хлѣбъ въ другомъ занятіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, поднявъ вообще благосостояніе земледѣльца, уменьшитъ число случаевъ оставленія земли по неимѣнію средствъ обрабатывать ее. Въ *Орловскомъ Вѣстникѣ* напечатана прекрасная статья о процессѣ образованія у насъ класса безземельныхъ крестьянъ. Статья эта представляетъ точный снимокъ съ дѣйствительности, и хотя она говоритъ объ Орловской губерніи, но тѣ же самыя причины обезземеливанія дѣйствуютъ и во всей остальной Россіи.

Крестьяне,—говорится въ статьѣ,—очень часто цѣликомъ или частями сдаютъ свои надѣлы въ аренду, отказываясь, такимъ образомъ, отъ земледѣльческаго труда и отъ своего хозяйства. Массовая сдача надѣловъ стала постояннымъ, ежегодно повторяющимся явленіемъ, въ силу чего значительное число орловскихъ надѣльныхъ домохозяйствъ надо считать фактически безземельными.

Въ числѣ причинъ, вызывающихъ сдачу надѣловъ, прежде всего, приходится остановиться на той выдающейся роли, которую играетъ въ этомъ отношеніи малоземелье или измельченіе крестьянскихъ надѣловъ. Затрачивать цѣлый сезонъ на обработку клочка пашни невыгодно, и крестьянинъ подчиняетъ разсчету свою, быть можетъ, и крѣпкую любовь къ земледѣльческому труду.

Отсутствіе или недостатокъ въ надѣлѣ тѣхъ угодій, которыя необходимы для содержанія лошади, а иногда и коровы, влечетъ за собою появленіе безлошадныхъ и безкоровныхъ дворовъ, а послѣдніе кончаютъ обыкновенно тѣмъ, что сдаютъ свои надѣлы въ аренду.

Между тѣмъ какъ бѣдняки покидаютъ землю и уходятъ на сторону, богачи хорошо знаютъ цѣну земли, понимаютъ, что она — кормилица и источникъ богатства, поэтому стараются пріобрѣтать ее у разорившихся крестьянъ.

Взысканіе податей и связанная съ нимъ нужда въ деньгахъ на уплату

послѣднихъ является также однимъ изъ важныхъ мотивовъ сдачи земли. Здѣсь имѣетъ огромное значеніе способъ взиманія податей. Объ этомъ способѣ само министерство государственныхъ имуществъ въ своемъ оффиціальномъ изданіи говоритъ слѣдующее: «Земство по своимъ сборамъ старается не прибѣгать къ продажѣ сельско-хозяйственнаго имущества; что же касается взысканія податей, то въ этомъ отношеніи самый способъ взысканія, отличаясь крайнею энергіей безъ соображенія хозяйственныхъ условій времени и мѣста, наноситъ неизгладимые ущербы крестьянскому благосостоянію»*). Въ силу этого, во время взысканія податей, крестьяне массами сдаютъ свои надѣлы для того, чтобы достать нужныя деньги.

Слѣдуетъ также упомянуть здѣсь о той фискальной мѣрѣ, которая прямо предписываетъ сдавать надѣлъ недоимщика въ аренду. Ст. 188 Общаго Положенія о крестьянахъ даетъ обществу право отобрать у недоимщика часть полевыхъ угодій или весь надѣлъ и сдать его за подати въ аренду. Нечего и говорить, какое пагубное вліяніе имѣетъ эта статья въ рукахъ ловкихъ кулаковъ-арендаторовъ и какъ легко злоупотребляютъ они ею.

Что касается арендныхъ цѣнъ за крестьянскіе надѣлы, то онѣ стоятъ ниже арендныхъ цѣнъ за частно-владѣльческія земли. Происходитъ это оттого, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ сдача земли въ наемъ является обыкновенно слѣдствіемъ хозяйственнаго упадка двора, а не результатомъ коммерческаго разсчета. Поэтому и самыя арендныя цѣны въ значительной мѣрѣ носятъ на себѣ характеръ случайности. Мы зачастую можемъ видѣть, что очень хорошія земли въ селеніяхъ, гдѣ земледѣльческое хозяйство пошатнулось и гдѣ значительное количество домохозяевъ не въ силахъ управиться со своими надѣлами, сдаются по цѣнамъ крайне низкимъ. Даже въ одномъ и томъ же селеніи цѣны надѣловъ могутъ рѣзко разниться по индивидуальнымъ условіямъ сдающихъ домохозяевъ; дѣло въ томъ, что рынокъ, на которомъ могутъ обращаться надѣльныя земли, весьма ограниченъ; по большей части наемъ и сдача земли практикуются между общественниками или односельчанами и потому уравнивающее вліяніе конкурренціи съемщиковъ можетъ оказывать лишь незначительное вліяніе на наемныя цѣны. Нужда въ деньгахъ,— время взноса податей, нехватка хлѣба,— сразу охватываетъ собою значительныя группы населенія и масса крестьянъ сразу предлагаютъ свои земли въ аренду. Въ виду этихъ двухъ условій, предложеніе надѣльной земли превышаетъ спросъ на нее и арендныя цѣны за надѣльныя угодья стоятъ ниже такихъ же цѣнъ за частновладѣльческія земли.

Сдавшіе надѣлы крестьяне большей частью перестаютъ быть пахарями и занимаются или промыслами, или работой по найму, или просто нищенствомъ. Не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда земля сдается на нѣсколько лѣтъ, сдача земли даже на одинъ годъ, въ теченіе котораго крестьянинъ

*) *Матер. для изученія соврем. положенія землевладѣнія и сельско-хоз. пром. въ Рос..* вып. 3, стр. 32.

не можетъ кормить скотъ, копить удобреніе, сберечь сѣмена, зачастую превращаетъ земледѣльца въ пролетарія. Добыть же въ теченіе года столько денегъ, чтобы хватило не только на проживаніе семьи, но и на покупку всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые остаются у земледѣльца, какъ продуктъ его натуральнаго хозяйства, очень трудно, а при дешевизнѣ промысловаго труда—часто и невозможно.

Немного такихъ счастливыхъ уголковъ въ нашемъ отечествѣ, которымъ процессъ обезземеливанія совершенно неизвѣстенъ. Къ ихъ числу принадлежитъ *Сосницкая* волость въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. И посмотрите, какъ хорошо воспользовались крестьяне своимъ экономическимъ благополучіемъ, какая добрая жизнь течетъ въ этомъ благодатномъ уголкѣ. Отдыхаешь душою, — пишетъ корреспондентъ *Смоленскаго Вѣстника,*— смотря на семейную и общественную жизнь въ деревняхъ Темкинѣ, Кордюковѣ и Петровкахъ, образующихъ собою Сосницкую волость. Государственныя подати и различные мірскіе сборы всегда поступаютъ своевременно и безъ всякихъ побуждающихъ средствъ, каковыя обычно, для этой цѣли, употребляются въ другихъ обществахъ и волостяхъ уѣзда. Не было случая, чтобъ эти деревни привлекались къ отвѣтственности за какой-нибудь проступокъ. Общественнаго пьянства вы здѣсь рѣшительно не встрѣтите. Несмотря на то, что въ Темкинѣ давно уже существуетъ кабакъ, вы не увидите въ немъ даже и въ праздники мѣстныхъ обывателей и кабакъ этотъ существуетъ только благодаря обширному проѣзду здѣсь разнообразнаго чужого люда, такъ какъ деревня Темкина стоитъ на бойкой трактовой дорогѣ.

Основной причиной стройнаго общественнаго порядка и господства добрыхъ нравовъ въ описываемой мѣстности является достаточное количество земли у крестьянъ, столь достаточное, что они находятъ на ней полное примѣненіе своему труду. Пользуясь матеріальнымъ достаткомъ, крестьяне, по собственной иниціативѣ, устроили школу, которую и содержатъ при небольшомъ пособіи мѣстнаго земства. Школа находится въ цвѣтущемъ состояніи; въ ней учатся и мальчики и дѣвочки. Связь учениковъ со школой не прекращается и по выходѣ ихъ изъ нея. Связь эта поддерживается снабженіемъ бывшихъ учениковъ книгами школьной библіотеки, бесѣдами съ ними и пр.

Благодаря тому, что крестьяне находятъ примѣненіе своему труду на собственныхъ земляхъ, они не вынуждаются покидать домъ ради отхожихъ заработковъ. Оставаясь при своихъ хозяйствахъ, они успѣшно развиваютъ домашніе промыслы, дающіе имъ значительные заработки. Въ деревняхъ Темкинѣ, Кордюковѣ и Петровкахъ вы встрѣтите кузнецовъ, красильщиковъ, валяльщиковъ, чесальщиковъ шерсти, маслобойщиковъ, бондарей, столяровъ, плотниковъ.

Обыватели Сосницкой волости, какъ мы уже сказали, чуждаются кабака и заглядываютъ въ него весьма рѣдко. Водку они замѣняютъ чаемъ. Почти у всѣхъ крестьянъ имѣются самовары. Предметомъ развлеченія во

время досуга для многихъ мѣстныхъ обывателей служатъ книги. Среди нихъ есть не мало лицъ, имѣющихъ у себя порядочное количество книгъ различнаго содержанія. Между книгами встрѣчаются сочиненія Пушкина, Лермонтова, Гоголя и пр. Вотъ къ этимъ-то лицамъ въ зимніе вечера и собираются неимѣющіе книгъ обыватели послушать чтеніе. Послушать чтеніе составляетъ, по отзывамъ крестьянъ, самый пріятный для нихъ отдыхъ.

Хорошо бы такихъ благодатныхъ уголковъ побольше! А, вѣдь, сдѣлать это не только возможно, но и задача эта не особенно трудная. Россія обладаетъ такимъ громаднымъ государственнымъ земельнымъ фондомъ, что въ состояніи значительно увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія и тѣмъ поднять народное благосостояніе.

Какъ по отношенію къ сельскому населенію главною задачей нашей экономической политики надлежало бы быть упроченіе самостоятельности крестьянскаго хозяйства, такъ, въ сферѣ обрабатывающей промышленности, важно упроченіе самостоятельности кустарнаго производства. Для первой цѣли лучшимъ средствомъ служитъ община съ достаточнымъ размѣромъ землевладѣнія, для второй — поддержка кустарнаго производства, созданіе условій, благопріятствующихъ его развитію и образованію изъ кустарей-одиночекъ промышленныхъ артелей. Въ нашихъ очеркахъ мы не разъ уже указывали на внимательное отношеніе многихъ земствъ къ кустарной промышленности, на цѣлый рядъ принятыхъ ими мѣръ къ развитію этой народной формы труда и на начатыя уже попытки формированія кустарныхъ артелей. Вмѣстѣ съ земствомъ работаютъ на этомъ поприщѣ и частныя лица. Одному изъ такихъ лицъ, а именно г. Штанге, удалось организовать даже крупное артельное предпріятіе, которое дѣйствуетъ съ полнымъ успѣхомъ. Г. Штанге, проживъ нѣсколько лѣтъ въ селѣ Павловѣ и изучивъ бытъ тамошнихъ кустарей, увидѣлъ, что тысячи кустарей дѣйствуютъ въ разбродъ, конкуррируютъ между собою изъ-за насущнаго хлѣба, а десятокъ сплоченныхъ скупщиковъ опутали сѣтями всю павловскую бѣдноту, которая на нихъ работаетъ, какъ крѣпостное село. Чтобъ освободить мухъ отъ пауковъ, надо было организовать артель изъ рабочихъ и найти выходъ въ продажѣ товара помимо скупщиковъ. Это и было выполнено г. Штанге при дѣятельной помощи двухъ рабочихъ: Кроткова и Титова. Образовавшаяся артель приготовленія ножей и вилокъ выбрала г. Штанге своимъ руководителемъ. Вскорѣ къ артели примкнули еще два интеллигентныхъ лица: инженеръ г. Ефремовъ, который является дѣятельнымъ сотрудникомъ г. Штанге въ Павловѣ, и г. Григоровъ, открывшій въ Петербургѣ обширный складъ товаровъ артели. Издѣлія артели настолько хороши, что на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ артель получила за свои экспонаты серебряныя медали. Въ началѣ іюля текущаго года посѣтилъ артель членъ государственнаго кустарнаго комитета, проф. А. А. Исаевъ. Г. Исаевъ въ теченіе многихъ лѣтъ внимательно слѣдитъ за положеніемъ кустарнаго дѣла въ Павловѣ; подъ его предсѣда-

тельствомъ въ V отдѣленіи общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности состоялся рядъ докладовъ о павловскомъ кустарномъ районѣ. Профессоръ осмотрѣлъ артельную фабрику, процессы производства, издѣлія, контору, книги и присутствовалъ на очередномъ общемъ собраніи артели. Въ концѣ собранія г. Исаевъ обратился къ артели съ привѣтствіемъ и поздравилъ артель съ достигнутыми успѣхами. «Издѣлія артели,—засвидѣтельствовалъ А. А. Исаевъ,—весьма хороши и клеймо ея пріобрѣтаетъ заслуженную извѣстность».

Павловская артель представляетъ собою наиболѣе интересный примѣръ артельнаго веденія сложнаго промышленнаго предпріятія; у нея имѣется собственная фабрика и всѣ артельщики работаютъ только на артель, не сбывая помимо нея своихъ издѣлій. Правленіе ведетъ дѣло энергично и умѣло, а со стороны членовъ артели проявляется живой интересъ къ обсуждаемымъ дѣламъ и строгое отношеніе къ обязанностямъ артельщиковъ.

Указавъ на то, что опытъ павловской артели, уже обратившій на себя большое вниманіе, въ случаѣ успѣха можетъ имѣть громадное значеніе для развитія артельнаго дѣла въ Россіи, А. А. Исаевъ высказалъ увѣренность, что члены артели будутъ и впредь дружно работать надъ сплоченіемъ и расширеніемъ своего дѣла, и пожелалъ артели дальнѣйшаго успѣшнаго развитія.

Провинціальныя газеты въ лѣтніе мѣсяцы полны описаніями крайне неудовлетворительныхъ, въ гигіеническомъ отношеніи, условій труда сельскихъ рабочихъ, неисполненія нанимателями заключенныхъ контрактовъ, безпомощности рабочихъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ рабочіе съумѣютъ довести дѣло до суда. Въ обрабатывающей промышленности имѣются фабричные инспектора, наблюдающіе за исполненіемъ хозяевами предписаній закона, ограждающихъ рабочихъ отъ злоупотребленій нанимателей. Въ сельской промышленности нѣтъ подобныхъ инспекторовъ и нарушенное право, въ большинствѣ случаевъ, не возстанавливается. Въ случаѣ неисполненія нанимателемъ условій найма, законъ предоставляетъ рабочимъ право судебнаго иска, но не позволяетъ имъ оставить работу. По незнанію закона или по представляющейся рабочимъ затруднительности судебнаго иска, они всего чаще обращаются съ жалобой къ находящейся вблизи мѣстной администраціи; послѣдняя объясняетъ имъ, что не можетъ принять жалобу, такъ какъ это—дѣло суда. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ хлопотахъ у администраціи, рабочіе обыкновенно оставляютъ работу. Но за это рабочій подвергается уголовной отвѣтственности. По закону 1886 года самовольный уходъ рабочаго наказывается арестомъ до одного мѣсяца.

Карайте рабочаго сильнѣе,—не перестаютъ кричать *Московскія Вѣдомости*,—и тогда онъ перестанетъ самовольно покидать работу. Эта неразумная злоба публицистовъ «охранительной» газеты вызвала въ *Кіевлянинѣ* справедливую и горячо написанную отповѣдь. Они думаютъ,—говоритъ *Кіевлянинъ*, — поднять производительность труда не образованіемъ рабочаго, не улучшеніемъ его положенія, котоое р они сами рисуют та

кими мрачными красками, не развитіемъ болѣе правильныхъ понятій объ исполненіи обязанностей, а суровыми уголовными карами. Мѣсяцъ ареста за неисполненіе гражданскаго договора на нѣсколько рублей признается ими «игрушечнымъ наказаніемъ», а тюрьма представляется «комфортабельнымъ учрежденіемъ»...

Грубыя, чисто-плантаторскія вожделѣнія *Московскихъ Вѣдомостей* тѣмъ болѣе возмутительны, что они, какъ справедливо утверждаетъ кіевская газета, основаны не на дѣйствительныхъ фактахъ, а на мрачномъ фантомѣ, созданномъ озлобленною фантазіей. Если русскій сельскій рабочій такой негодяй, что для него даже мѣсяцъ тюрьмы является игрушечнымъ наказаніемъ, если всѣ землевладѣльцы находятся въ такомъ положеніи, въ какомъ изображаютъ ихъ московскіе публицисты, то кто же исполняетъ ту колоссальную работу, благодаря которой можетъ прокормиться стомилліонное населеніе Россіи и благодаря которой мы ежегодно засыпаемъ Западную Европу сотнями милліоновъ пудовъ хлѣба? И вся эта работа исполняется безъ засаживанія рабочихъ по тюрьмамъ, такъ какъ законъ 1886 г. остался на бумагѣ и не получилъ примѣненія въ жизни. Если бы законъ назначилъ наказанія въ десять разъ болѣе тяжелыя, то они не оказали бы ни малѣйшаго вліянія, потому что также остались бы безъ всякаго примѣненія. Опытные и хорошіе сельскіе хозяева не только не примѣняютъ уголовныхъ каръ, старательно избѣгаютъ всякихъ судбищъ съ рабочими, но не сочувствуютъ и тѣмъ своимъ сосѣдямъ, которые таскаютъ рабочихъ по судамъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго оптимизма въ утвержденіи *Кіевлянина*, что огромное большинство сельскихъ рабочихъ оказывается исправными. Во свидѣтельство этого мы можемъ сослаться на такой авторитетный фактъ, какъ постановленіе по данному вопросу областного сельско-хозяйственнаго съѣзда, имѣвшаго мѣсто въ Саратовѣ, въ сентябрѣ прошлаго года. На съѣздѣ присутствовало болѣе ста человѣкъ. Здѣсь были представлены интересы огромнаго пространства Европейской Россіи; на съѣздъ прибыли землевладѣльцы изъ губерній: Самарской, Симбирской, Саратовской, Астраханской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Уфимской, Оренбургской, а также изъ Донской и Уральской областей. И вотъ, когда одинъ изъ членовъ съѣзда прочелъ докладъ, приписывающій трудность веденія сельскаго хозяйства неисполненію договоровъ со стороны рабочихъ, то собраніе даже не пожелало обсуждать такой докладъ. Собраніе присоединилось къ рѣчи г. Иконникова, отрицавшаго тезисъ доклада о недобросовѣстномъ отношеніи сельскихъ рабочихъ къ договорамъ; если это и встрѣчается, говорилъ г. Иконниковъ, то только въ такихъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ пользуется стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ, нанимающихся на лѣтнія работы зимою, когда имъ ѣсть бываетъ нечего, и даетъ имъ слишкомъ низкую цѣну въ сравненіи съ тою, какая устанавливается въ округѣ. Огромнымъ большинствомъ голосовъ собраніе постановило изъять докладъ изъ обсужденія.

Условія найма бываютъ нерѣдко такъ запутаны, такъ формулированы,

что разобраться въ нихъ рабочему, понять ихъ настоящій смыслъ безъ посторонней помощи не всегда легко. Вотъ, напримѣръ, условія найма рабочихъ на большинствѣ рыболовныхъ промысловъ, сообщенныя *Астраханскимъ Вѣстникомъ*. Начинаются они такъ: «Мы, рабочіе люди, обязуемся весь суточный уловъ убирать въ выхода и лабазы въ одинъ день и ни въ какомъ случаѣ не должны оставлять до другого дня; если при усиленномъ ловѣ мы не будемъ поспѣвать, то «такой-то» или поставленный имъ старшій имѣетъ право потребовать за нашъ счетъ добавочнаго народа, сколько найдетъ нужнымъ промысловый смотритель, и этому мы, рабочіе, препятствовать не имѣемъ права»... «за ослушаніе и неповиновеніе рабочіе подвергаются штрафу по усмотрѣнію «такого-то» или имъ поставленнаго старшаго».

Итакъ, рабочіе обязуются убрать весь суточный уловъ. Но, вѣдь, суточный уловъ—величина весьма неопредѣленная. Сегодня рабочій легко выполнитъ обязательство относительно его уборки, но завтра уловъ можетъ быть таковъ, что рабочіе, проработавъ весь день безъ отдыха и половину ночи, наконецъ, заявятъ: больше не въ силахъ... ноги, руки не двигаются. Но тогда смотритель, согласно условію, можетъ назначить штрафъ за ослушаніе «по усмотрѣнію». Далѣе, что касается жалобы, рабочій опять стѣсненъ условіями, такъ какъ одинъ пунктъ рабочей разсчетной книжки гласитъ: «Въ случаѣ какого-либо недоразумѣнія между нами и конторой работу мы ни въ какомъ случаѣ оставлять не должны, а должны обратиться съ жалобой къ начальству о разбирательствѣ; работу же продолжать до тѣхъ поръ, пока начальство рѣшитъ дѣло». Здѣсь вся суть въ томъ, что промыслы отдалены отъ административныхъ центровъ,—слѣдовательно, для достиженія послѣднихъ, надо отлучиться, а «работу ни въ какомъ случаѣ мы оставлять не должны».

Истинно христіанское дѣло составляетъ забота объ экономическомъ и моральномъ положеніи рабочаго. Съ отраднымъ чувствомъ поэтому останавливаешься на тѣхъ видахъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и обществъ, которые направлены на улучшеніе судьбы рабочаго. Въ числѣ таковыхъ обществъ видное мѣсто по своему образовательному и нравственному значенію занимаетъ «невское общество устройства народныхъ развлеченій», свѣдѣнія о почтенной дѣятельности котораго мы заимствуемъ изъ *Русской Жизни*.

Въ маѣ 1885 года, на Шлиссельбургскомъ трактѣ, въ селѣ Александровскомъ, кружокъ мѣстныхъ фабрикантовъ и обывателей, подъ предсѣдательствомъ покойнаго В. П. Варгунина, открылъ первыя народныя гулянья и народный театръ для рабочаго населенія. Черезъ три года гулянья переведены въ паркъ, принадлежавшій Калинкинскому пивоваренному заводу. Благодаря его достаточнымъ размѣрамъ, дѣло это имѣло возможность расшириться и дѣятельность кружка стала годъ отъ году развиваться. Но опасенія случайныхъ невзгодъ, сопряженныхъ съ наемнымъ помѣщеніемъ, побудили членовъ кружка подумать о болѣе прочной постановкѣ дѣла. За-

боты увѣнчались успѣхомъ. На первое же предложеніе ссудить кружку капиталъ на покупку парка и прилегающихъ къ нему домовъ, а равно на устройство небольшого закрытаго театра, откликнулись 44 лица (все члены кружке), ссудившія предпріятію 44,500 руб. за 4% годовыхъ, съ погашеніемъ капитала въ 35-ти лѣтній срокъ (съ 1891 по 1926 годъ) и съ правомъ досрочной уплаты. Въ дѣйствительности предположено разсчитаться съ долгомъ въ 27 лѣтъ, выплачивая ежегодно по 2,780 руб. Въ томъ же 1891 г. утвержденъ уставъ, и съ 9 сентября кружокъ превратился въ «невское общество устройства народныхъ развлеченій». Въ немъ 49 почетныхъ и 66 дѣйствительныхъ членовъ; большинствомъ почетныхъ сдѣланы значительные взносы.

Строго придерживаясь правила не преслѣдовать коммерческихъ цѣлей, общество стремится къ большей доступности устраиваемыхъ имъ развлеченій. Плата съ посѣтителей гуляній доведена до минимума — 10 коп. со взрослыхъ и 3 к съ дѣтей отъ 5 до 12 лѣтъ; моложе 5 лѣтъ пропускаются даромъ. Составъ увеселеній разнообразный: музыка, пѣсенники, карусели, кегли, площадка для танцевъ и, наконецъ, театръ, которому члены кружка справедливо придаютъ особенное значеніе. Лѣтній театръ устроенъ на воздухѣ, но мѣсто, назначенное для публики, покрыто навѣсомъ, подъ которымъ помѣщается до 1,500 чел. Понимая, что театръ не простая забава, а имѣетъ важное воспитательное значеніе, кружокъ избѣгаетъ пустыхъ водевилей. Не бракуя веселыхъ вещицъ вродѣ *Простушки и воспитаной* или *Ворона въ павлиньихъ перьяхъ*, режиссеръ театра, главнымъ образомъ, налегаетъ на произведенія нашихъ лучшихъ драматурговъ, съ Островскимъ во главѣ Спектакли возбуждаютъ большой интересъ. Рабочая публика стоитъ и сидитъ плотною толпой, дружно выражая свои впечатлѣнія. То раздается шумный смѣхъ, то возгласъ, то мѣткое словцо. Вообще замѣтно много отзывчивости.

Съ нынѣшняго года заведена новинка подъ названіемъ *Дѣтская утѣха*. Было замѣчено, что родители водятъ своихъ дѣтей на сценическія представленія. Какъ плательщики 3-хъ копѣекъ, дѣти имѣли право занимать мѣста передъ сценой, но причиняли не мало неудобствъ: ихъ жестоко тискали, они мало видѣли, но много мѣшали, занимая мѣста, которыхъ недостаточно и для всѣхъ взрослыхъ. Тогда возникала мысль отвлечь ихъ отъ театра особымъ способомъ. Въ дѣтскомъ отдѣленіи, гдѣ ребята тѣшатся качелями, гигантскими шагами, кеглями и другими играми, сколотили особую маленькую эстраду, снабдили ее кое-какими декораціями, надѣлали скамеекъ на 600 ребятъ (потѣснившись, помѣщается до 1,000) и принялись давать дѣтскія представленія. Артистами взяли тѣхъ же дѣтей, преимущественно изъ мѣстныхъ школьниковъ. Въ теченіе недѣли съ ними занимаются учительницы, а въ праздникъ они появляются на эстрадѣ, и маленькая публика восторженно апплодируетъ «своимъ». Обдумывая эту утѣху, распорядители признали, что, неразумно поставленная, она можетъ принести вредъ, возбуждая излишнее самолюбіе въ сердцахъ тѣхъ

дѣтей, которыя будутъ пользоваться особеннымъ успѣхомъ и возмнятъ себя артистами. Поэтому рѣшено постоянно мѣнять составъ исполнителей такъ, чтобы никто не выходилъ на эстраду болѣе двухъ разъ. Конечно, это правило усложняетъ работу учительницъ, но оно глубоко педагогично, а учительницы искренно преданы доброму дѣлу. Взрослые въ число зрителей дѣтскихъ представленій «не допускаются»: такъ гласитъ вывѣшенное объявленіе. Въ дѣйствительности запретъ соблюдается не строго; распорядители пользуются имъ лишь для того, чтобъ имѣть право пускать взрослыхъ только на свободныя скамейки заднихъ рядовъ, предоставляя всѣ преимущества дѣтямъ. Изъ дѣтскаго театра,—говоритъ г. А. О—нъ,—выносишь самыя лучшія впечатлѣнія. Маленькая публика густо наполняетъ скамейки, и хотя ведетъ себя чинно, какъ въ гостяхъ, но не стѣсняется въ выраженіяхъ радости и удовольствія. Глазенки блестятъ; хохотъ, восторги и громкіе апплодисменты. На представленіяхъ всегда присутствуетъ распорядитель, ласково останавливающій каждую легкую шалость, вродѣ перебрасыванія бумажками. Дисциплина образцовая, безъ намека на излишнюю требовательность. Нельзя покинуть *Дѣтскую утѣху* иначе, какъ съ чувствомъ умиленія и благодарности къ вдумчивымъ друзьямъ ребятокъ.

По общимъ отзывамъ, впечатлѣніе отъ гуляній чрезвычайно хорошее. Посѣтители чувствуютъ себя легко и свободно и ведутъ себя образцово. Дисциплина достигается частью привычкой самого населенія уважительно относиться къ саду и его хозяевамъ, которыхъ всѣ знаютъ и величаютъ по имени и отчеству, частью потому, что за порядкомъ внимательно наблюдаютъ сами распорядители. Пьяныхъ не замѣтно вовсе. Это объясняется тѣмъ, что «Невское» общество не продаетъ ни водки, ни пива. Благодаря отсутствію всякихъ горячительныхъ напитковъ, получалась возможность снисходительнѣй относиться къ входящимъ. Года два тому назадъ буфетъ былъ сданъ обществу трезвости. Въ числѣ представителей послѣдняго появился большой пуристъ трезвости. Онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что въ садъ допускаются если не пьяные, то люди на-веселѣ, и потребовалъ объясненій у распорядителя, дежурящаго у входа. «Я видѣлъ, что въ садъ прошелъ пьяный».—Гдѣ онъ? «Вотъ».—Онъ не пьянъ. «Но и не трезвъ!»—Да, не трезвъ. «Какъ же вы его пропускаете?»—«Онъ здѣсь вытрезвится. Прогоните его,—онъ пойдетъ въ кабакъ».

Въ отдѣльномъ обширномъ помѣщеніи имѣется прекрасный дешевый буфетъ, хотя сданный въ аренду, но находящійся подъ строгимъ надзоромъ врача Д. П. Никольскаго, постоянно свидѣтельствующаго провизію. Цѣны дешевыя. За стаканъ чаю 3 коп., за два стакана 5 к.; бутербр[illegible]ы, пирожки и пирожное по 3 коп.; сосиська 4 к., яйцо 3 коп., квасъ [illegible] к., бутылка кислыхъ щей 3 коп. Есть и дешевая горячая пища: такъ, г[illegible]яжій битокъ можно получить за 5 к. Всѣ лакомства—по рыночнымъ цѣн[illegible]ъ. Въ будни буфетъ превращается въ дешевую столовую для рабочихъ, [illegible]дѣ можно насытиться за нѣсколько копѣекъ.

«Невское» общество озаботилось также устройствомъ читальни для народа. Читальня создана подпиской, сразу давшей ежегодныхъ взносовъ на 360 рублей и единовременныхъ 1,887 руб. Она открыта 3 сентября 1893 г. По инвентарю значится 2,766 томовъ, на 2,284 руб. 16 к.; изъ нихъ купленныхъ 1,318 томовъ, на 1,447 р. 62 к., и пожертвовано 1,448 томовъ, на 836 руб. 54 коп.

Общество дѣлало нѣсколько попытокъ организовать зимнія развлеченія, но до сихъ поръ они не налаживаются. Главное препятствіе—отсутствіе достаточно обширнаго театра. Нынѣ существующій имѣетъ только 250 мѣстъ. Предположено выстроить новый на 2,000 зрителей, и для него уже пріобрѣтенъ участокъ земли; но отсутствіе денежныхъ средствъ вынуждаетъ отложить осуществленіе задуманныхъ намѣреній.

Почтенная дѣятельность перваго кружка въ Россіи, озаботившагося созданіемъ народныхъ увеселеній, продолжается уже девять лѣтъ. Энергія и любовь къ дѣлу преодолѣли много препятствій. Дѣло расширяется съ каждымъ годомъ. Значеніе народныхъ развлеченій для мѣстнаго населенія громадно. Въ былое время на томъ же мѣстѣ аферисты предприниматели устраивали по праздникамъ карусель съ раздирающей уши музыкой. Кругомъ лились водка и пиво; оголтѣлые пьяные безсознательно слонялись вокругъ безобразной потѣхи; ссоры, драки, увѣчья и ночлегъ въ части являлись постоянными спутниками праздниковъ. Теперь, по отзывамъ мѣстной полиціи, населеніе превратилось въ мирныхъ обывателей. Пьянство и буйства, конечно, не вывелись окончательно, но сдѣлались рѣдкостью. По воскресеньямъ Шлиссельбургскій проспектъ переполненъ народомъ; здѣсь собирается до 10,000 человѣкъ. Но это не пьяная разгульная ватага, а мирные люди, отдыхающіе послѣ трудовъ. Конечно, одними гуляньями было бы невозможно достигнуть такихъ результатовъ. Но, въ связи съ ними, работаютъ и другія учрежденія для народа, организованныя тѣмъ же «Невскимъ» обществомъ и покрывшія Шлиссельбургскій трактъ воскресными и постоянными школами, читальнями, пріютами, чтеніями съ туманными картинами и другими начинаніями, способствующими народному развитію. Около этихъ начинаній сгруппировался и постоянно ростетъ кружокъ серьезныхъ безкорыстныхъ дѣятелей, посвящающихъ имъ свой трудъ, свои знанія и свои думы.

Положеніе рабочаго весьма необезпеченное. По разнымъ случайностямъ онъ теряетъ работу, ищетъ и не находитъ ея, скудные запасы истощаются и ему приходится протянуть руку за подаяніемъ. Для устраненія этого для оказанія помощи несчастнымъ, лишившимся работы и средствъ существованія, у насъ до послѣдняго времени не дѣлалось почти ничего. Но, вотъ, съ конца восьмидесятыхъ годовъ начинаютъ возникать «Дома трудолюбія», поставившія себѣ задачей сокращеніе нищенства чрезъ доставленіе нуждающимся лицамъ заработка, обезпечивающаго ихъ въ первыхъ потребностяхъ жизни. Это явленіе, въ связи съ другими ему сродными, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о ростѣ въ нашемъ обществѣ чувства гуманности, о

ростѣ сознанія обязанности принять участіе въ работѣ противъ соціальныхъ недуговъ.

Первый домъ трудолюбія былъ открытъ въ Кронштадтѣ. При «домѣ» этомъ теперь имѣются мастерскія для бѣдныхъ обоего пола, дневное пристанище для дѣтей, родители которыхъ заняты работой, народная школа, амбулаторія и ночлежный домъ. Затѣмъ, два такихъ же дома основались въ Петербургѣ. Далѣе, возникли дома трудолюбія въ Псковѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Тамбовѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Твери, Вильнѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани и въ городѣ Слободскомъ, Вятской губерніи. Денежныя средства домовъ трудолюбія не перестаютъ возростать и дѣятельность ихъ постепенно расширяется. Нѣкоторыя изъ нихъ, начавъ дѣло въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, съ нѣсколькими сотнями рублей, обладаютъ теперь уже собственными зданіями и значительными денежными фондами. Вотъ нѣсколько данныхъ изъ отчетовъ домовъ трудолюбія въ Псковѣ, Смоленскѣ, Орлѣ, Саратовѣ и Тамбовѣ, которыя съ достаточной ясностью характеризуютъ значеніе работныхъ домовъ и прогрессивное развитіе ихъ дѣятельности.

Псковскій домъ трудолюбія открылся въ 1887 году съ денежнымъ запасомъ въ 1,400 рублей, собранныхъ подпиской. А черезъ годъ дѣятельность его настолько уже расширилась, что, по свидѣтельству предсѣдателя казенной палаты, изъ прежнихъ 508 псковскихъ нищихъ продолжали заниматься прошеніемъ милостыни не болѣе десятой части.

Смоленскій домъ трудолюбія былъ открытъ при наличности 636 рублей. Черезъ четыре года существованія онъ имѣетъ уже собственное зданіе съ просторными мастерскими и доставляетъ работу значительному числу мужчинъ и женщинъ. Въ отчетѣ смоленскаго благотворительнаго общества удостовѣряется тотъ же благотворный результатъ дѣятельности мѣстнаго работнаго дома, какъ и въ Псковѣ, выраженный слѣдующими словами: «цѣль, лежащая въ основаніи дома трудолюбія—предоставленіе возможности бѣднѣйшимъ жителямъ города Смоленска заработывать себѣ трудомъ кусокъ хлѣба и отвлеченіе ихъ отъ нищенства достигается, такъ какъ въ настоящее время испрашиваніемъ подаянія занимаются только дряхлые старики и старухи и вообще люди неспособные ни къ какой работѣ».

Работный домъ въ Тамбовѣ началъ свое существованіе съ 1,150 рублями, собранными изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ число его членовъ значительно увеличилось, средства возрасли и дѣятельность расширилась. За четыре года существованія работный домъ доставилъ занятіе и средства существованія 25,525 лицамъ. Издѣлія работнаго дома настолько совершенствуются, что въ прошломъ году правленіе нашло возможнымъ устроить выставку, гдѣ видѣвшіе работы удивлялись чистотѣ и аккуратности въ работѣ, сдѣланной тѣми руками, которыя еще такъ недавно протягивались къ нимъ за подаяніемъ.

Саратовскій домъ трудолюбія уже при самомъ возникновеніи имѣлъ болѣе значительныя средства, чѣмъ большинство такихъ учрежденій въ

гихъ городахъ. Въ его распоряженiи была сумма въ 3,740 рублей и, рхъ того, начальникъ губернiи передалъ въ распоряженiе общества бый домъ, предоставленный губернатору г-жей Родiоновой на благорительныя цѣли. Благодаря этому, уже въ первый мѣсяцъ открытiя еждениiя въ немъ работало ежедневно 172 человѣка. Теперь это одинъ самыхъ богатыхъ работныхъ домовъ. Изъ массы разнообразныхъ потвованiй, перечисленныхъ въ отчетѣ, можно заключить, что домъ трулюбiя въ Саратовѣ пользуется большимъ сочувствiемъ горожанъ, благоя чему самое дѣло поставлено въ немъ широко.

Изъ работъ въ немъ производятся слѣдующiя: 1) шитье за свой счетъ продажи и по заказу разныхъ предметовъ, а также стежка одѣялъ; столярныя работы; 3) изготовленiе тюфяковъ изъ волоса и мочалы; обивка мебели; 5) пряденiе нитокъ и шерсти; 6) вязанiе чулокъ, варегъ носковъ; 7) изготовленiе шляпъ изъ соломы; 8) клейка коробочекъ, контовъ, рамокъ и проч.; 9) починка обуви и подшивка валенокъ. Издѣ дома трудолюбiя продаются въ помѣщенiи дома, въ разноску на барѣ и по домамъ и въ особой лавкѣ. Учрежденiе снабжаетъ своими излiями больницы, бараки, тюрьмы, войска. Правленiемъ взятъ также у рода подрядъ на расклейку на городскихъ столбахъ и кiоскахъ афишъ частныхъ объявленiй. При домѣ устроена справочная контора для доавленiя рабочимъ постоянныхъ мѣстъ и занятiй. Вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣдie ремесленники получаютъ изъ дома трудолюбiя матерiалъ въ ссуду и и его же посредствѣ продаютъ свои издѣлiя.

Въ 1891 году, желая прiйти на помощь семействамъ рабочихъ, нужвшихся по случаю неурожая, правленiе устроило при домѣ трудолюбiя зимнее время, т.-е. до 1 мая 1892 г., дѣтскiй ночлежный прiютъ. Пощенныя дѣти получали здѣсь одежду, бѣлье, чай, хлѣбъ и ужинъ. Для ученiя дѣтей грамотѣ при учрежденiи была устроена школа.

Съ значительными средствами открылся также три года назадъ домъ удолюбiя въ Орлѣ. Уже при самомъ основанiи число членовъ его было 55, собравшихъ 11,552 рубля. Затѣмъ дѣло развивалось. Въ настоящее ремя орловскiй работный домъ, помимо доставленiя занятiй внутри учрежэнiя и внѣ его, содержитъ также четыре дешевыя общественныя столоыя, въ которыхъ получаютъ за 3 коп. обѣдъ изъ горячаго блюда съ унтомъ хлѣба болѣе 1000 бѣдныхъ.

Такова въ общихъ чертахъ высокая гуманная и плодотворная дѣятельость «домовъ трудолюбiя». И что особенно прiятно дѣйствуетъ при oбopѣ ихъ дѣятельности, это ихъ жизненность, ихъ непрестанный ростъ. Нельзя указать ни одного дома трудолюбiя, дѣятельность котораго не асширялась бы, и не расширялась бы довольно быстро.

Въ каждомъ изъ нашихъ очерковъ мы имѣемъ возможность сообщать итателю объ усилiяхъ то того, то другого земства улучшить, доступными для него средствами, экономическое положенiе народа. При этомъ, какъ, вѣроятно, замѣтилъ читатель, мы отмѣчаемъ не какiя-либо частныя, вто-

ростепенныя мѣры въ этой области; нѣтъ, мы останавливаемся только на весьма существенныхъ мѣропріятіяхъ, а иногда имѣемъ возможность сообщать и цѣлыя обширныя программы дѣйствій. Послѣднею новинкой въ этой области является открытый въ іюнѣ экономическій отдѣлъ при тверской губернской земской управѣ, завѣдываніе которымъ поручено извѣстному общественному дѣятелю В. Н. Линду. Экономическій отдѣлъ учрежденъ для упорядоченія существующихъ уже мѣръ обезпеченія народнаго продовольствія и для содѣйствія къ улучшенію вообще народнаго хозяйства въ губерніи. Кромѣ завѣдующаго отдѣломъ, въ составъ его входятъ губернскіе гласные, избираемые губернскимъ собраніемъ. Программа дѣятельности отдѣла слѣдующая:

1) Общее наблюденіе за продовольственнымъ дѣломъ.

2) Завѣдываніе земскими хлѣбными складами—банками; покупка и продажа черезъ нихъ хлѣба, выдача денежныхъ ссудъ подъ залогъ поступающаго въ нихъ хлѣба, выдача изъ нихъ хлѣбныхъ ссудъ.

3) Посредничество по выдачѣ государственнымъ банкомъ мелкимъ землевладѣльцамъ и крестьянамъ ссудъ подъ залогъ хлѣба.

4) Содѣйствіе переселенію крестьянъ изъ малоземельныхъ мѣстностей губерніи въ многоземельныя, содѣйствіе вообще покупкѣ земли крестьянами какъ при такихъ переселеніяхъ, такъ и безъ нихъ.

5) Содѣйствіе всякаго рода улучшенію земледѣлія и сельской промышленности посредствомъ устройства складовъ для сбыта кустарныхъ произведеній, выставокъ продуктовъ сельской промышленности и т. п.

6) Содѣйствіе кустарной промышленности посредствомъ продажи кустарямъ сырого матеріала и покупки или посредничества при сбытѣ ихъ произведеній.

7) Содѣйствіе устройству мелкаго кредита денежнаго и вещнаго путемъ учрежденія мѣстныхъ мелкихъ банковъ.

8) Сношеніе черезъ губернскую управу со всѣми мѣстами и лицами по дѣламъ, касающимся народнаго хозяйства и обезпеченія народнаго продовольствія, представленіе по постановленіямъ губернскаго собранія высшему правительству ходатайствъ по этимъ же предметамъ.

9) Производство изслѣдованій на мѣстѣ о нуждахъ народнаго хозяйства и промышленности.

10) Представленіе губернскому собранію ежегодныхъ отчетовъ о всемъ исполненномъ отдѣломъ и мотивированныхъ докладовъ о сдѣланныхъ имъ мѣстныхъ изслѣдованій и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя отдѣлъ предполагаетъ исполнить въ будущемъ году въ видахъ удовлетворенія нуждъ, изученныхъ при этихъ изслѣдованіяхъ.

Изъ этого перечня задачъ видно, какая широкая и разнообразная дѣятельность предстоитъ экономическому отдѣлу при тверской управѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь заслуживаетъ вниманія слѣдующая характерная особенность программы тверского экономическаго бюро. Въ ряду предположенныхъ экономическихъ мѣропріятій не упоминается о такихъ агрономическихъ задачахъ,

какъ содѣйствіе распространенію среди крестьянъ улучшенной обработки земли, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ и пр.; тогда какъ въ другихъ подобнаго рода земскихъ бюро или отдѣлахъ эти задачи обращають на себя значительное вниманіе, а въ нѣкоторыхъ земствахъ имъ отдается, къ сожалѣнію, даже преимущество предъ прочими цѣлями и задачами. Причина этого коренится, во-первыхъ, въ томъ общемъ взглядѣ на задачи земства въ области экономическихъ мѣропріятій, котораго держится большинство мѣстныхъ земскихъ дѣятелей. Въ тверскомъ земствѣ не разъ уже высказывалась мысль, что улучшенія въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ могутъ идти успѣшно только тогда, когда населеніе обладаетъ достаточными средствами для ихъ введенія; при настоящемъ же положеніи дѣла, когда большинство крестьянъ не обладаетъ таковыми средствами, совѣты агрономовъ, опытныя станціи, опытныя поля не въ состояніи произвести серьезныхъ измѣненій къ лучшему у большинства крестьянскихъ хозяйствъ. Сверхъ того, рѣшая вопросъ о программѣ дѣятельности экономическаго отдѣла, земское собраніе имѣло въ виду, что, въ цѣляхъ распространенія среди крестьянъ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и доброкачественныхъ сѣмянъ, въ Тверской губерніи уже нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ работаетъ отдѣленіе московскаго общества сельскаго хозяйства, имѣющее въ Твери центральный складъ земледѣльческихъ орудій и менѣе значительные склады почти во всѣхъ уѣздныхъ городахъ. Черезъ тверской складъ, торгующій подъ фирмою «Хозяинъ», въ послѣднее время ежегодно проходитъ до 2 тысячъ одноконныхъ плужковъ, покупаемыхъ преимущественно зажиточными крестьянами.

Работая съ энергіей въ дѣлѣ улучшенія экономическаго положенія населенія, земство Тверской губерніи выдается также своею дѣятельностью и въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Здѣсь уже не довольствуются устройствомъ возможно большаго числа школъ; здѣсь ставятъ вопросъ объ обезпеченіи возможности за всякимъ желающимъ получить начальное образованіе. Другими словами, здѣсь выдвигается вопросъ о введеніи всеобщаго обученія. Весьегонское земство уже достигло того, что почти обезпечило возможность учиться всѣмъ мальчикамъ школьнаго возраста. Въ Тверскомъ уѣздѣ изъ 1,352 мальчиковъ девятилѣтняго возраста учатся въ школахъ 1,260. Въ Корчевскомъ изъ 1,118 девятилѣтокъ находятся въ школѣ 975. Уѣзды Новоторжскій и Бѣжецкій также не далеки отъ возможности ввести у себя всеобщее обученіе.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи за послѣднее время обсуждается чаще и чаще какъ въ земствахъ, такъ и въ печати. Онъ обсуждается также въ р[illegible]личныхъ обществахъ и комитетахъ грамотности. Понятна, поэтому, та р[illegible]ость, съ какою встрѣчено было сообщеніе *С.-Петербургскихъ Вѣдомо*[illegible]*й* относительно разработки въ министерствѣ народнаго просвѣщенія во[illegible]са объ обязательномъ обученіи и относительно предстоящаго введенія э[illegible]го обученія, въ видѣ опыта, въ четырехъ губерніяхъ: Харьковской, Полт[illegible]ской, Курской и Воронежской. Но въ то время, какъ столичныя и про-

винціальныя газеты привѣтствуютъ извѣстіе о министерскомъ проектѣ, *Новое Время* опровергаетъ вѣрность извѣстія. Газета говоритъ: «заимствованное нами изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* извѣстіе о томъ, что съ 1895—1896 учебнаго года будетъ введено обязательное начальное обученіе въ Харьковской, Полтавской, Курской и Воронежской губерніяхъ, лишено основанія, какъ намъ сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника». Но если извѣстіе, переданное *С.-Петербургскими Вѣдомостями*, требуетъ еще подтвержденія, то тоже самое слѣдуетъ сказать и о приводимомъ *Новымъ Временемъ* опроверженіи. Къ тому же *Новое Время* опровергаетъ, повидимому, только часть сообщенія *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, удостовѣряя, что въ 1895 г. опытъ съ введеніемъ обязательнаго обученія въ четырехъ губерніяхъ не предполагается; но въ опроверженіи не говорится, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія совсѣмъ не разрабатывается вопросъ объ обязательномъ обученіи. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы этотъ важный вопросъ былъ разъясненъ оффиціальнымъ сообщеніемъ.

Вопросъ о всеобщемъ обученіи ставился еще въ 1876 г., при министрѣ народнаго просвѣщенія гр. Толстомъ. Министерство собирало необходимые матеріалы, но осуществленіе всеобщаго обученія было признано недостижимымъ. Это заключеніе основывалось на одномъ недоразумѣніи, сущность котораго разъяснена въ статьѣ г. Вахтерова, напечатанной въ іюльской книжкѣ нашего журнала и обратившей на себя большое вниманіе нашей прессы. Недоразумѣніе это проистекало изъ неправильнаго способа вычисленія количества дѣтей школьнаго возраста. Въ нашей начальной школѣ учатся дѣти разнаго возраста, начиная съ 7 лѣтъ и кончая четырнадцатилѣтними; и вотъ у насъ были признаны дѣтьми школьнаго возраста всѣ дѣти отъ 7 и до 14 лѣтъ, т.-е. восемь дѣтскихъ возрастовъ. Такой выводъ подтверждался и разсчетами западно-европейскихъ статистиковъ. Между тѣмъ, въ Европѣ положеніе вопроса совсѣмъ иное: тамъ курсъ народной школы продолжается 6—7 лѣтъ, тамъ и дѣти школьнаго возраста берутся за соотвѣтствующее число возрастовъ; у насъ же, гдѣ господствующій типъ школы имѣетъ трехлѣтній курсъ, надо брать для вычисленія дѣтей школьнаго года только три дѣтскихъ возраста. Вопросъ этотъ достаточно разъяснялся въ нѣкоторыхъ земскихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, отчасти и въ общей печати, но до сихъ поръ указанное недоразумѣніе еще не всѣми оставлено. Такъ, въ трудахъ центральнаго статистическаго комитета принятъ разсчетъ школьнаго возраста отъ 7 и до 14 лѣтъ.

Если же сдѣлать правильный разсчетъ количества дѣтей школьнаго возраста, то, по вычисленію г. Вахтерова, оказывается, что на содержаніе всѣхъ новыхъ школъ, необходимыхъ для введенія всеобщаго обученія, понадобится 11 милліоновъ. Сравнительно съ громаднымъ бюджетомъ государства, перешедшимъ уже за милліардъ, прибавка въ 11 милліоновъ составляетъ лишь 1%, причемъ не надо забывать, на какое великое дѣло пошли бы эти 11 милліоновъ.

Возвращаясь опять къ дѣятельности тверского земства по народному

образованію, мы должны указать еще на одно рѣшеніе земства. Въ виду важнаго значенія для просвѣщенія народа дѣла организаціи народныхъ чтеній и озабочиваясь получить право на такое дѣло, тверское губернское земское собраніе въ засѣданіи 10 января 1894 г. постановило ходатайствовать объ изданіи правилъ, разрѣшающихъ народныя чтенія не въ однихъ только губернскихъ городахъ, а повсемѣстно. При этомъ земство указывало на опытъ чтеній съ туманными картинами въ г. Твери. Эти чтенія изъ года въ годъ все болѣе привлекаютъ слушателей, и въ настоящее время каждое чтеніе посѣщаютъ среднимъ числомъ болѣе 300 человѣкъ, причемъ большинство изъ нихъ крестьяне окрестныхъ деревень, пріѣзжающіе по воскреснымъ днямъ въ городъ. Правительственный надзоръ за народными чтеніями и въ уѣздахъ, по мнѣнію земства, не могъ бы представлять особыхъ затрудненій.

Представляя это ходатайство земства, тверской губернаторъ далъ отзывъ, что, по его мнѣнію, такое ходатайство не заслуживаетъ уваженія, и оно было отклонено.

Почти одновременно съ отказомъ тверскому земству въ его ходатайствѣ объ открытіи народныхъ чтеній въ губерніи состоялось Высочайшее разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній въ г. Слободскомъ. Ходъ этого дѣла таковъ: вятскій губернаторъ сообщилъ въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство вятской губернской земской управы о разрѣшеніи устраивать въ г. Слободскомъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, народныя чтенія съ туманными картинами. Попечитель казанскаго учебнаго округа, въ свою очередь, донесъ въ министерство, что надзоръ за такими чтеніями удобнѣе всего поручить законоучителю слободскаго трехкласснаго народнаго училища. По соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ св. синода министръ народнаго просвѣщенія входилъ по этому дѣлу съ особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, и 6 августа послѣдовало Высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе означенныхъ чтеній, примѣнительно къ высочайше утвержденнымъ, 24 декабря 1876 г., правиламъ для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ. Въ то же время, по ходатайству попечителя петербургскаго учебнаго округа, получилось Высочайшее разрѣшеніе устраивать въ этомъ округѣ народныя чтенія *внѣ губернскихъ городовъ*. Далѣе народныя чтенія разрѣшено устраивать во всей Тамбовской губерніи на основаніи устава учрежденнаго тамъ особаго общества.

Данныя разрѣшенія на устройство народныхъ чтеній въ такихъ обширныхъ районахъ, какъ петербургскій учебный округъ и Тамбовская губернія, показываютъ, что правительство ничего не имѣетъ противъ этого важнаго средства народнаго просвѣщенія. Все дѣло лишь въ томъ, чтобы возникали ходатайства, а губернаторы сопровождали эти ходатайства благопріятными отзывами. Но, кажется, нѣтъ никакихъ достаточныхъ причинъ ставить петербургскій учебный округъ или Тамбовскую губернію въ исключительные условія; вѣдь, нельзя же думать, что населеніе этихъ двухъ райо-

новъ болѣе другихъ подготовлено для народныхъ чтеній. По общимъ отзывамъ, благіе результаты отъ народныхъ чтеній, тамъ гдѣ онѣ устроены, весьма значительны; а потому общество ждетъ расширенія дѣйствія правилъ 1876 г., разрѣшающихъ народныя чтенія лишь въ губернскихъ городахъ,—расширенія дѣйствія этихъ правилъ на всѣ мѣстности нашего отечества.

Какъ весьма важный починъ въ жизни земства, слѣдуетъ отмѣтить недавно состоявшееся рѣшеніе нижегородскаго губернскиго земства ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи устройства на предстоящей всероссійской выставкѣ особаго *земскаго отдѣла*. Вмѣстѣ съ тѣмъ земскія управы другихъ губерній получили отъ нижегородской управы предложеніе поддержать таковое ходатайство. Основанія ходатайства очень резонны: «Возможно болѣе полное и всестороннее представительство земства на всероссійской выставкѣ,—говорится въ запискѣ предсѣдателя нижегородской управы,—помимо общаго интереса, заключающагося въ изображеніи даннаго состоянія нѣкоторыхъ сторонъ общественно-хозяйственной жизни страны, имѣло бы и еще другое, болѣе прямое и фактическое значеніе—подвести въ наглядной и доступной формѣ общіе итоги земскимъ работамъ, хотя бы по нѣкоторымъ отдѣламъ земской дѣятельности, болѣе нуждающимся въ наглядной формѣ ихъ изображенія, что было бы существенно важно и для дальнѣйшаго наиболѣе цѣлесообразнаго направленія этихъ работъ». Мотивируя далѣе необходимость устройства на всероссійской выставкѣ особаго земскаго отдѣла, г. предсѣдатель говоритъ, что «соединеніе въ одномъ отдѣлѣ дѣятельности земствъ по разнымъ губерніямъ послужитъ нагляднымъ самообученіемъ и съ этимъ вмѣстѣ можно видѣть какъ успѣхъ разныхъ земствъ, такъ и ихъ ошибки. Такого рода самостоятельный отдѣлъ установитъ постоянную связь между руководящею дѣятельностью правительства и сферой общественной земской предпріимчивости и обезпечитъ своевременное возбужденіе и разрѣшеніе вопросовъ по улучшенію экономическаго строя населенія.

Въ заключеніе нашей хроники укажемъ на примѣненіе недавно изданнаго закона о дуэли.

На одномъ изъ танцовальныхъ вечеровъ клуба въ Керчи,—сообщаетъ *Крымскій Вѣстникъ*,—нѣкто А. П., будучи дирижеромъ танцевъ, занялъ для кадрили два стула подлѣ оркестра и самъ вышелъ изъ залы. Когда онъ вернулся снова въ залъ, то мѣста эти оказались занятыми одною изъ танцующихъ паръ, въ которой кавалеромъ былъ молодой человѣкъ изъ не военныхъ г. М. Поручикъ П., увидѣвъ свое мѣсто занятымъ, попросилъ г. М. уступить мѣсто и приказать принести себѣ другіе стулья. На это предложеніе г. М. не согласился и заявилъ, что это мѣсто было имъ занято гораздо раньше, и потому онъ его никому не уступитъ, но что онъ можетъ приказать поставить другіе стулья для г. поручика. Не желая доводить дѣло до ссоры, г. П. вышелъ изъ залы, чтобы заявить объ этомъ случаѣ дирекціи клуба. Между тѣмъ, всѣ танцовавшіе въ этотъ вечеръ

офицеры вышли изъ залы, оставивъ своихъ визави танцовать кадриль, какъ имъ угодно, и увели съ собою своихъ дамъ. Затѣмъ они послали заявить старшинамъ собранія, что если г. М. не будетъ немедленно удаленъ изъ числа членовъ собранія, то они принуждены будутъ прекратить свои посѣщенія клуба. Дирекція клуба, не имѣя достаточныхъ основаній исключать своего члена, просьбу гг. офицеровъ не уважила, и они немедленно оставили клубъ. Между тѣмъ, этотъ случай довели до свѣдѣнія командира полка, который передалъ дѣло на разсмотрѣніе суда общества гг. офицеровъ, причемъ заявлено было, что г. М. назвалъ поручика П. «невѣждой». На судъ г. П. заявилъ, что никакихъ оскорбленій отъ г. М. онъ не слыхалъ, и точно также г. М. отрицалъ это обстоятельство. Другіе же офицеры, наоборотъ, утверждали, что фактъ оскорбленія былъ налицо, и потому судъ постановилъ предложить г. П. вызвать г. М. на дуэль или подать въ отставку. Г. П. заявилъ, что вызывать на дуэль человѣка, совершенно не умѣющаго обращаться съ оружіемъ, который, кромѣ того, былъ давнишнимъ его пріятелемъ, онъ не считаетъ для себя возможнымъ, тѣмъ болѣе, что отъ г. М. никакого оскорбленія онъ не слыхалъ, а если оно и было, то г. М. отказывается отъ своихъ словъ. А потому онъ, г. П., скорѣе соглашается лишиться службы, чѣмъ идти на убійство. Такимъ образомъ, дуэль не состоялась, но молодому офицеру,—говорятъ газеты,—у котораго впереди цѣлая жизнь и карьера, пришлось оставить службу изъ-за простого недоразумѣнія, которое въ другое время осталось бы безъ всякихъ послѣдствій.

Какъ извѣстно, новый законъ о дуэли не встрѣтилъ сочувствія въ обществѣ. Печать указывала, что многіе случаи, которые прежде кончались миромъ, теперь будутъ разрѣшаться кровью, искалѣченіемъ, смертью; что, нерѣдко, великодушіе и добрыя чувства, проявленныя лицомъ, будутъ имѣть послѣдствіемъ изгнаніе его изъ полка. Дѣйствительность не замедлила подтвердить эти предсказанія. Еще нѣсколько случаевъ, подобныхъ керченскому, и надо думать, что законъ о дуэли будетъ измѣненъ или отмѣненъ.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Проектъ промысловаго налога, выработанный министерствомъ финансовъ.—Мѣстныя учрежденія по воздѣйствію на сельское хозяйство.—Положеніе земства въ новой системѣ.—Какое вліяніе на сельское хозяйство можетъ имѣть система, составленная министерствомъ земледѣлія.—Отчетъ по главному тюремному управленію за 1892 г.—Изъ хроники народнаго образованія.—Извлеченіе изъ отчета совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества за 1890 и 1891 гг.—Здоровье Государя Императора.

Работы по преобразованію промысловаго налога занимаютъ теперь самое видное мѣсто въ дѣятельности министерства финансовъ. Сущность намѣченныхъ преобразованій получитъ наиболѣе яркое освѣщеніе, если мы припомнимъ главныя черты дѣйствующаго законодательства объ обложеніи промысловъ.

Промысловое обложеніе выражается у насъ 1) въ оплатѣ гильдейскихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ на право производства торговли и промысловъ и 2) взятіи билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія. Взятіе гильдейскато свидѣтельства является актомъ приписки къ купеческому сословію и даетъ лицу всѣ права, которыми пользуется это сословіе. Промысловыя же свидѣтельства и билеты имѣютъ только фискальное значеніе. Установляя для первой гильдіи повсемѣстно въ имперіи одинъ годовой окладъ—565 рублей, законъ раздѣляетъ свидѣтельства второй гильдіи на 5 разрядовъ по мѣстностямъ—отъ 40 до 120 рублей, а также установляетъ для промысловыхъ свидѣтельствъ нѣсколько разрядовъ. Сборъ за билеты, колеблясь по мѣстностямъ отъ 2 до 55 рублей, находится въ тѣсной связи съ гильдейскими и промысловыми свидѣтельствами: каждый взявшій свидѣтельство обязанъ имѣть, по крайней мѣрѣ, 1 билетъ на торговое или промышленное заведеніе; наибольшее число билетовъ, которое можетъ быть взято по одному свидѣтельству, ограничено 10-ю для первой гильдіи, 5-ю для второй и 1-мъ для свидѣтельства на мелочной торгъ. Кромѣ этихъ сборовъ, установленныхъ въ 1865 году, спеціальные уставы облагаютъ особымъ патентнымъ сборомъ винокуренные, пиво- и медоваренные заводы, сахарные заводы и табачныя фабрики. Ремесленныя заведенія и мелкія фабрики, имѣющія менѣе 16 рабочихъ, были обязаны брать, вмѣ-

сто гильдейскихъ свидѣтельствъ и билетовъ, свидѣтельства на мелочной торгъ и билетъ съ уплатою за это сборовъ по разряду заведенія и мѣстности. Кромѣ пошлинъ, поступающихъ въ государственную казну, свидѣтельства и билеты обложены дополнительнымъ сборомъ въ пользу земствъ и городовъ.

Обложеніе промысловъ въ такомъ видѣ отличалось крайнею неравномѣрностью, незначительностью для крупныхъ предпріятій и обременительностью для мелкихъ. Раздѣленіе всѣхъ мѣстностей государства на 5 классовъ, по которымъ установлены оклады, не позволяетъ обнять все разнообразіе условій, которыя представляетъ наше обширное отечество. Дурное устройство этого налога всего болѣе наглядно доказывалось медленнымъ ростомъ доходовъ отъ него: валовой сборъ (не считая дополнительныхъ платежей въ пользу земствъ и городовъ), составлявшій въ 1865 году 8,4 милліона рублей, дошелъ къ 1880 году до 12,8 милліона. Въ то время, какъ онъ увеличился только въ $1^1/_2$ раза, замѣчалось успѣшное развитіе нашей внутренней торговли, а оборотъ по внѣшней торговлѣ возросъ въ $3-3^1/_2$ раза.

Въ началѣ 80-хъ годовъ министерство финансовъ обратило вниманіе на дурное устройство этого налога. Была оффиціально удостовѣрена крайняя неравномѣрность въ обремененіи плательщиковъ: было доказано, что мелкіе торговцы и промышленники несутъ, относительно, въ 5, 10, 15 и 20 разъ бо̀льшее податное бремя, нежели крупные. Вотъ что читаемъ мы въ журналахъ совѣщанія, которое работало надъ этимъ вопросомъ въ 1883 году: «Купецъ 1-й гильдіи, торгующій въ мѣстности перваго класса, при одномъ заведеніи, платитъ въ казну пошлинъ (со всѣми дополнительными казенными сборами) за свидѣтельство 565 руб. 50 к. и за 1 билетъ 53 р., итого 618 рублей, а имѣющій 10 заведеній—565 руб. 50 коп. за свидѣтельство и 530 руб. за 10 билетовъ, итого 1,095 рублей 50 коп., что составляетъ 109 руб. 55 коп. за каждое заведеніе». При платежахъ по 2-й гильдіи неравномѣрность увеличивалась еще тѣмъ, что взявшіе свидѣтельство 2-й гильдіи могли торговать въ розницу на всякую сумму, а потому и получалась рѣзкая разница по оборотамъ и прибылямъ между отдѣльными торговцами, платившими одинъ и тотъ же окладъ 2-й гильдіи. По тѣмъ фактамъ, которые министерство финансовъ собрало для нѣкоторыхъ городовъ, оказывалась, наприм., такая неуравнительность: для одного промысловый налогъ составлялъ 0,14% волового дохода, для другого—5,72%, у одного—0,021%, у другого—3,77%.

Дабы внести въ обложеніе промысловъ большую уравнительность, были из[да]ны законы 5 іюня 1884 г. и 15 іюня 1885 года. Цѣлью перваго зако[на] было облегчить податную тягость менѣе значительныхъ торговыхъ и пр[ом]ышленныхъ заведеній. Въ этихъ видахъ мѣщане и цеховые, работаю[щі]е только съ членами своихъ семей, безъ наемныхъ рабочихъ, были ос[в]обождены отъ промысловаго сбора (окладъ котораго равнялся ранѣе 2[½] рубля); ремесленныя заведенія съ однимъ рабочимъ были также осво-

бождены отъ платежей (окладъ составлялъ, по мѣстностямъ, отъ 4 р. 40 к. до 11 рублей въ годъ), и были понижены сборы съ ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній, которыя имѣютъ менѣе 16 рабочихъ. Пониженіе окладовъ можно видѣть изъ такихъ, наприм., цифръ: по закону 1884 года, заведенія съ 10—16 рабочими подлежали окладу въ 10 — 30 рублей, а заведенія съ 5—9 рабочими—окладу въ 7—20 рублей, тогда какъ ранѣе съ первыхъ взимался сборъ въ 11—33 руб., а со вторыхъ—въ 8 руб. 50 к.—22 рубля. Дальнѣйшимъ облегченіемъ для менѣе значительныхъ предпріятій послужило то, что размѣры оборотовъ, при которыхъ было обязательно брать свидѣтельства первой гильдіи, начинались не съ 30,000 рублей, какъ прежде, а съ 50,000 рублей. По уставу, дѣйствовавшему до 1884 года, цѣна торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ слагалась изъ слѣдующихъ составныхъ частей: изъ основного оклада, установленнаго въ 1865 году, изъ дополнительнаго сбора на квартирную повинность, введеннаго въ 1874 году, изъ добавочнаго сбора на государственныя земскія повинности и изъ дополнительныхъ пошлинъ по закону 16 декабря 1880 года. Въ 1884 году всѣ эти сборы были слиты воедино, и самый окладъ былъ нѣсколько пониженъ.

Перемѣны, внесенныя въ организацію промысловаго налога, доставили мелкому промышленному люду весьма незначительное облегченіе. Само министерство финансовъ не ставило себѣ цѣлью радикально преобразовать эти сборы. Но, на ряду съ мелкими облегченіями, была мысль установить промысловый налогъ на подоходномъ началѣ посредствомъ опредѣленія чистаго дохода промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Мысль о подоходномъ промысловомъ налогѣ встрѣтила сильную оппозицію со стороны большинства биржевыхъ комитетовъ, которымъ былъ сдѣланъ министерствомъ финансовъ запросъ по этому предмету. Биржевые комитеты ссылались на несправедливость обложенія торговли и промышленности подоходнымъ сборомъ въ то время, какъ другіе виды дохода не подлежатъ подоходному сбору; было также высказано опасеніе, что взиманіе этого сбора будетъ обременительно и неудобно. Подобныя же возраженія были сдѣланы министерству финансовъ и при обсужденіи этого проекта въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. А потому министерство выработало новый проектъ, построенный на менѣе широкомъ основаніи; онъ сталъ закономъ 15 января 1885 года. Этотъ законъ установилъ дополнительные сборы въ видѣ процентнаго и раскладочнаго налоговъ. Процентному налогу, согласно съ этимъ закономъ, подлежатъ всѣ многоличныя промышленныя и торговыя предпріятія, а раскладочному—всѣ прочія торговыя предпріятія, обязанныя брать гильдейскія свидѣтельства и билеты; временно было сдѣлано исключеніе для принадлежащихъ частнымъ лицамъ фабрикъ и заводовъ, которые уплачиваютъ акцизные сборы. Процентный сборъ опредѣленъ въ 3% съ чистой прибыли за истекшій годъ, а раскладочный опредѣляется по суммѣ производства фабрикъ и заводовъ и по суммѣ пошлинъ, уплачиваемыхъ за гильдейскія свидѣтельства и билеты. Общая сумма раскладоч-

наго налога въ законодательномъ порядкѣ опредѣляется на 3 года для каждой губерніи. Въ концѣ 1892 года процентный сборъ былъ повышенъ съ 3 на 5%, а раскладочный—увеличенъ на 25%. Всѣ эти перемѣны могли имѣть только весьма слабое вліяніе на уравненіе податныхъ тягостей между плательщиками промысловаго налога. Возьмемъ для примѣра извѣстныя намъ данныя для К—скаго уѣзда. Въ 1890 году раскладочный сборъ составлялъ въ этомъ уѣздѣ 2% чистой прибыли. Возьмемъ 3-хъ купцовъ 2-й гильдіи А, Б и В, чистая прибыль которыхъ была опредѣлена податнымъ присутствіемъ въ 500, 1,000 и 5,000 рублей. До введенія раскладочнаго сбора они платили за свидѣтельство и билетъ по 125 руб., что составляло 24%—12% и 2,4% ихъ чистой прибыли. Оклады раскладочнаго сбора составили для нихъ 10, 20 и 100 руб., а общая сумма ихъ платежей относительно чистой прибыли равнялась 26%, 14% и 4,4%, т.-е. до 1885 года богатѣйшій изъ трехъ платилъ относительно въ 10 разъ меньше бѣднѣйшаго, а со введеніемъ раскладочнаго сбора платитъ относительно въ 6 разъ меньше. Возьмемъ изъ данныхъ для того же уѣзда и за тотъ же годъ двухъ торговцевъ 1-й гильдіи съ чистою прибылью въ 8,500 и 25,000 рублей. До введенія дополнительнаго сбора они платили—за 1 свидѣтельство и 1 билетъ—по 610 руб. каждый, т.-е. 7,2% и 2,4% чистой прибыли, а по введеніи раскладочнаго сбора платятъ 780 и 1,100 рублей, т.-е. 9,2% и 4,4%. Прежде богатѣйшій платилъ относительно въ 3 раза менѣе, нежели бѣднѣйшій, а съ 1885 года первый платитъ въ 2 1/11 раза меньше второго. Мы намѣренно беремъ такіе случаи, гдѣ различія въ величинѣ оборотовъ и податного бремени гораздо менѣе рѣзки, нежели ихъ часто даетъ дѣйствительная жизнь.

Въ концѣ 1892 года была образована при министерствѣ финансовъ особая коммиссія для пересмотра дѣйствующаго законодательства о пошлинахъ за право торговли и промысловъ. Коммиссія выработала слѣдующій проектъ обложенія.

Привлекая къ платежу государственнаго промысловаго налога всѣхъ русскихъ и иностранныхъ подданныхъ, занимающихся въ предѣлахъ Россійской имперіи всякаго рода торговлей, промыслами и личными промысловыми занятіями, и облагая этимъ налогомъ также общества, товарищества и учрежденія, проектъ освобождаетъ отъ налога слѣдующіе разряды занятій: 1) Торговыя и промышленныя предпріятія казны, предназначенныя для казенныхъ надобностей. 2) Содержимыя духовнымъ вѣдомствомъ заведенія для изготовленія и продажи церковныхъ восковыхъ свѣчей и лампаднаго масла и продажи въ предѣлахъ церковныхъ оградъ предметовъ религіознаго чествованія христіанъ. 3) Предпріятія, содержимыя общественными и сословными учрежденіями въ видахъ общественнаго благоустройства: по канализаціи, водоснабженію, освѣщенію, ассенизаціи, въ видахъ обезпеченія народнаго продовольствія—народныя столовыя, чайныя и проч., въ видахъ охраненія имущественной безопасности—по взаимному страхованію отъ огня, градобитій, чумы рогатаго скота, въ видахъ улучшенія сель-

скаго хозяйства—склады для продажи сѣмянъ, удобреній, земледѣльческихъ орудій и машинъ, земскія конюшни и случные пункты, склады образцовъ кустарныхъ издѣлій. 4) Желѣзныя дороги и связанныя съ ними заведенія и склады, служащіе исключительно для надобностей этихъ дорогъ по перевозкѣ пассажировъ и грузовъ. 5) Содержаніе рѣчныхъ, озерныхъ и морскихъ судовъ всякаго рода, за исключеніемъ пароходовъ. 6) Скупка товаровъ для торговыхъ заведеній и матеріаловъ производства для промышленныхъ заведеній, поскольку эти товары и матеріалы оплачены промысловымъ налогомъ или изъяты изъ него на основаніи закона. 7) Продажа произведеній собственнаго или арендная сельскаго хозяйства безъ содержанія внѣ собственной или арендуемой для сельскаго хозяйства земли особыхъ помѣщеній, предназначенныхъ для продажи этихъ товаровъ. 8) Продажа въ разносъ и изъ временныхъ подвижныхъ помѣщеній товаровъ и предметовъ, поименованныхъ въ особой росписи (наиболѣе распространенные съѣсные припасы и другіе предметы домашняго обихода). Кромѣ отмѣченныхъ нами 8 категорій промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, свободныхъ отъ налога, проектъ министерства финансовъ насчитываетъ еще 22 разряда (всего установлено 30 разрядовъ), изъ которыхъ нижеслѣдующія обращаютъ на себя особенное вниманіе. 16) Принадлежащія отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на военную службу до 3 сентября 1858 г., а равно ихъ женамъ, вдовамъ и незамужнимъ дочерямъ торговыя предпріятія третьяго и четвертаго разрядовъ (кромѣ торговыхъ бань, трактировъ и заведеній для продажи крѣпкихъ напитковъ) и ремесленныя заведенія, не имѣющія механическихъ двигателей или же съ числомъ рабочихъ не свыше десяти. Каждое отдѣльное семейство означенныхъ лицъ можетъ содержать безъ платежа промысловаго налога не болѣе одного подобнаго заведенія. По п. 18 освобождаются отъ промысловаго налога сельско-хозяйственныя предпріятія, предназначенныя для первичной обработки продуктовъ собственнаго или арендная сельскаго хозяйства, а по 19 пункту освобождаются отъ платежа всѣ заведенія для переработки продуктовъ собственнаго или арендная сельскаго хозяйства (внѣ городскихъ поселеній), если окладъ, причитающійся съ нихъ, не превышаетъ 50 руб. въ годъ. Къ 23 разряду освобождаемыхъ отъ налога предпріятій отнесены простонародныя публичныя зрѣлища и увеселенія, а къ 24—выставки, концерты, спектакли, гулянья, устраиваемыя съ благотворительною цѣлью. По 26 разряду освобождаются библіотеки для чтенія и читальни, а 27 разрядъ дѣлаетъ изъятія для издательства всякаго рода произведеній печати и для заведеній, торгующихъ этими произведеніями въ мѣстностяхъ 3 и 4 классовъ. Отмѣтимъ, наконецъ, 28 пунктъ, по которому отъ промысловаго налога освобождаются ссудо-сберегательныя товарищества и сберегательныя кассы, основанныя на началѣ взаимопомощи, а равно сельскія кредитныя учрежденія, если общая сумма оборотныхъ средствъ подобнаго учрежденія не превышаетъ 25,000 рублей.

Падая на всѣ прочія торговыя и промышленныя предпріятія, госу-

венный промысловой налогъ состоитъ изъ двухъ сборовъ: 1) основного лога, который взимается въ видѣ постояннаго и перемѣннаго окладовъ образно съ размѣрами предпріятія и выгодностью личнаго промысловаго нятія и дополнительнаго налога, процентнаго и раскладочнаго, который тановляется по доходности предпріятія. Общественныя и частныя кретныя установленія подлежатъ обложенію основнымъ промысловымъ налагамъ по общей суммѣ ихъ оборотныхъ средствъ. Къ таковымъ относят: основной, оборотный и запасный капиталы, вклады и займы. Всѣ торвыя предпріятія облагаются основнымъ промысловымъ налогомъ или въ дѣ только постояннаго оклада, или сверхъ того и перемѣннымъ. О разѣрахъ торговаго предпріятія дѣлаютъ заключеніе на основаніи ихъ общей довой валовой выручки. Основной промысловой налогъ съ промышленыхъ предпріятій взимается сообразно съ ихъ производительностью; она редѣляется количествомъ и силою дѣйствующихъ машинъ, родомъ двигалей, числомъ рабочихъ, классомъ мѣстности. При обложеніи промышленыхъ предпріятій принимаются въ разсчетъ не только орудія производства лица, работающія въ самомъ заведеніи, но также тѣ орудія и рабочіе, оторые работаютъ по заказамъ предпринимателя за его счетъ на сторонѣ и у себя на дому. Каждое лицо, дѣятельность котораго подходитъ къ азряду промысловыхъ занятій, подлежитъ обложенію основнымъ промыловымъ налогомъ. Кто уплатилъ основной промысловый налогъ, тотъ имѣтъ право повсемѣстно въ Имперіи посвящать себя соотвѣтствующимъ промысловымъ занятіямъ. Дополнительному процентному сбору въ размѣрѣ 5% ь чистой прибыли подлежатъ тѣ изъ уплачивающихъ основной промысловый налогъ предпріятій, которыя, на основаніи утвержденныхъ уставовъ ли правилъ, обязаны публиковать отчеты о своихъ операціяхъ или представлять отчеты на утвержденіе подлежащихъ вѣдомствъ. Чистая прибыль редпріятія опредѣляется отчисленіемъ изъ валового дохода издержекъ слѣующихъ четырехъ разрядовъ: 1) расходы по управленію препріятіемъ;) расходы и отчисленія на поддержаніе предпріятія въ исправности (страованіе, ремонтъ имущества и проч.); 3) расходы и отчисленія разнаго юда, связанные съ веденіемъ предпріятія (уплата процентовъ по документальнымъ долгамъ, покрытіе убытковъ за истекшій годъ и проч.), и 4) раходы общеполезнаго и благотворительнаго характера. Законопроектъ относитъ къ этимъ расходамъ затраты на улучшеніе быта служащихъ, рабоихъ и ихъ семействъ, отчисленія въ капиталы пенсіонный, на образованіе ѣтей служащихъ, на богоугодныя, учебныя и другія заведенія, связанныя ъ предпріятіемъ, и на иныя дѣла благотворительности. Дополнительнымъ боромъ облагаются тѣ предпріятія, которыя уплачиваютъ основной промысловый налогъ, но не подлежатъ дополнительному процентному сбору. Сверхъ того, отъ раскладочнаго сбора признаются свободными: 1) торговыя предпріятія, выбирающія промысловыя свидѣтельства четвертаго разряда; 2) мелкія промышленныя предпріятія (уплачивающія въ мѣстостяхъ перваго класса основной налогъ не выше 12 рублей); 3) личныя промы-

словыя занятія. Отъ платежей раскладочнаго сбора освобождаются также предпріятія, имѣющія очень малую прибыль, не больше 300 рублей въ мѣстностяхъ перваго класса. Общая сумма раскладочнаго сбора по каждой губерніи или области, какъ и въ настоящее время, опредѣляется законодательнымъ порядкомъ на 3 года. Затѣмъ, какъ и въ настоящее время, губернскія податныя присутствія распредѣляютъ сумму раскладочнаго сбора между участками, а участковыя податныя присутствія—между предпріятіями. Во главѣ управленія дополнительнымъ промысловымъ налогомъ стоитъ особое присутствіе подъ предсѣдательствомъ директора департамента торговли и мануфактуръ изъ начальниковъ отдѣленій этого департамента и разныхъ другихъ должностныхъ лицъ. Затѣмъ слѣдуютъ губернское по промысловому налогу присутствіе, губернское податное присутствіе и участковыя податныя присутствія. Послѣднія состоятъ подъ предсѣдательствомъ податного инспектора или другого лица, назначаемаго управляющимъ казенною палатой. Членами участковаго податного присутствія состоятъ: одинъ представитель акцизнаго вѣдомства и 6 выборныхъ лицъ, уплачивающихъ по участку дополнительный раскладочный сборъ. Выборные члены участковыхъ податныхъ присутствій (они избираются на 3 года) избираются городскими думами въ городахъ и уѣздными земскими собраніями въ тѣ присутствія, дѣятельность которыхъ находится внѣ городскихъ поселеній. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія и городовое положеніе, всѣ 6 членовъ назначаются губернаторомъ по соглашенію съ управляющимъ казенною палатой. При опредѣленіи процентовъ прибыльности предпріятія и размѣра оборотовъ плательщиковъ, предсѣдатель приглашаетъ въ засѣданіе участковаго присутствія свѣдущихъ лицъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, по возможности, по всѣмъ отраслямъ торговли и промышленности. Свѣдущія лица могутъ быть приглашаемы предсѣдателями и въ губернскія податныя присутствія.

Проектъ, выработанный министерствомъ финансовъ и разосланный для отзыва биржевымъ комитетамъ и разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, во многомъ сохраняетъ существующій нынѣ порядокъ обложенія торговли и промысловъ, но содержитъ также и существенныя особенности. Во-первыхъ, нельзя одобрить освобожденіе по всѣмъ 30 разрядамъ предпріятій, устанавливаемое проектомъ. Можно признать цѣлесообразною свободу отъ промысловаго налога для благотворительныхъ учрежденій, ссудо-сберегательныхъ товариществъ и другихъ учрежденій мелкаго кредита, для читаленъ, библіотекъ и простонародныхъ развлеченій. Но свобода для казенныхъ промышленныхъ предпріятій, хотя бы даже изготовляющихъ предметы для потребностей только казны, отнюдь не можетъ быть оправдана. Не уп[illegible]чивая промысловаго налога, казенное промышленное предпріятіе ставит[illegible]я, относительно издержекъ производства, въ выгодное положеніе по сравне[illegible]ю съ частными предпріятіями. Такое привилегированное положеніе, позвол[illegible]я казенному промышленному заведенію изготовлять товары не дороже, ч[illegible]ъ однородные товары стóятъ частнымъ предпринимателямъ, можетъ под[illegible]р

живать въ правительствѣ убѣжденіе, что данная отрасль ведется казною очень выгодно, что въ этой отрасли правительство можетъ успѣшно соперничать съ частною предпріимчивостью, а матеріалъ для такого вывода будетъ данъ чисто-искусственно. Дабы не создавались условія, которыя поддерживаютъ искусственно убѣжденіе въ выгодности того или другого казеннаго промышленнаго или торгового предпріятія, казенныя заведенія должны быть въ производствѣ вполнѣ приравнены частнымъ промышленнымъ заведеніямъ. Одинаковость положенія должна выразиться и въ томъ, чтобы тѣ и другія были на однихъ и тѣхъ же началахъ привлекаемы къ промысловому налогу. Такой порядокъ оправдывается тѣмъ болѣе, что взиманіе налога съ казенныхъ предпріятій не требуетъ расходовъ и не связано съ трудностями, которыя оно встрѣчаетъ въ частныхъ предпріятіяхъ. Нельзя также одобрить освобожденіе желѣзныхъ дорогъ отъ налога, въ особенности, если къ нему привлекаются пароходныя общества. Въ основаніи этой льготы лежитъ мысль постепенно совершить выкупъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ государственную казну. Выкупъ въ государственную казну, дѣлая желѣзныя дороги казенными предпріятіями общественнаго значенія, приравниваетъ ихъ къ свободнымъ отъ налога казеннымъ промышленнымъ предпріятіямъ, которыя переименованы въ п. 1 проекта. Если бы дѣло шло о казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, то, въ виду отсутствія конкурренціи на этомъ поприщѣ (и въ виду невозможности конкурренціи), мы признали бы освобожденіе ихъ отъ налога гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, нежели освобожденіе другихъ предпріятій. Но переходъ всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну—дѣло будущаго и, быть можетъ, не совсѣмъ близкаго. Въ настоящее время частныя желѣзныя дороги являются коммерческими предпріятіями, которымъ разрѣшаютъ чисто-коммерческіе обороты: страхованіе, упаковку и храненіе грузовъ, исполненіе таможенныхъ обрядностей, выдачу ссудъ подъ грузы и проч. А если другія коммерческія предпріятія, учреждаемыя для веденія этихъ оборотовъ, подлежатъ налогу, то мы не видимъ основанія давать льготу частнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Подобная льгота не можетъ быть оправдана съ истинно-государственной точки зрѣнія, разъ пароходныя общества признаются объектами промысловаго налога. Мы часто и много говорили о жалкомъ положеніи нашихъ водныхъ путей и о затрудненіяхъ, съ которыми связано развитіе судоходства. Памятуя объ этомъ, слѣдуетъ устранять все то, что искусственно увеличиваетъ преимущества желѣзныхъ дорогъ по сравненію съ пароходами, а проектъ промысловаго налога и создаетъ такое искусственное преимущество для первыхъ. Это преимущество способно задерживающимъ образомъ дѣйствовать на мѣропріятія, направленныя къ улучшенію водной сѣти. Чѣмъ болѣе будетъ затруднено развитіе пароходства, чѣмъ болѣе оно будетъ отставать въ своихъ успѣхахъ отъ прогрессивнаго движенія желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ сильнѣе будутъ у государственной власти побужденія препятствовать обмелѣнію рѣкъ, а извѣстно, что обмеленіе отзывается не только на судоходствѣ, но имѣетъ дурное вліяніе и на климатъ. Поэтому нужно старательно

избѣгать всего того, что прямо или косвенно мѣшаетъ развитію судоходства. Нельзя одобрить освобожденія отъ налога предпріятій, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, на тѣхъ началахъ, которыя установлены п. 18 проекта. Изъ этой редакціи нужно заключить, что промышленныя заведенія, перерабатывающія предметы не только собственнаго хозяйства, но и покупаемые у сосѣдей, должны будутъ платить налогъ. Но возможность устройства всякаго промышленнаго предпріятія для переработки собственныхъ продуктовъ предполагаетъ достаточное ихъ количество; устройство такихъ заведеній въ очень малыхъ размѣрахъ невыгодно. Возьмемъ сыроваренные и крахмальные заводы, мельницы и проч. Хозяйство меньше 500 десятинъ не даетъ условій для выгоднаго устройства такихъ заводовъ. А потому льгота должна быть измѣнена въ томъ смыслѣ, чтобы отъ налога были освобождаемы связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ небольшія производства, если даже они перерабатываютъ матеріалъ, полученный изъ нѣсколькихъ имѣній.

Въ установленіи окладовъ не замѣчается ясности, которая была бы желательна. Промысловый налогъ будетъ взиматься въ видѣ основного и перемѣннаго окладовъ. Первый сборъ раздѣляется на 5 разрядовъ (для столицъ окладъ составляетъ отъ 20 до 400 рублей). Перемѣнный же окладъ исчисляется въ размѣрѣ 5% съ излишка противъ нормальной прибыльности. Нормальная же прибыльность опредѣлена, наприм., для столицъ, въ 8,000 рублей по первому разряду, 2,800 — по второму, 30 — по третьему и т. д. Сверхъ того, предпріятія подлежатъ дополнительному сбору, процентному или раскладочному. Первый установляется въ размѣрѣ 5%, а второй точно не опредѣленъ. Перемѣнный окладъ совпадаетъ въ одномъ случаѣ съ процентнымъ сборомъ, а въ другомъ случаѣ—съ раскладочнымъ. Принципъ, лежащій въ основаніи обоихъ платежей, одинъ и тотъ же: прибыльность предпріятія, опредѣляемая въ одномъ случаѣ на основаніи заявленія плательщика, а въ другомъ—на основаніи раскладокъ, установляемыхъ податными присутствіями. Однако, исчисленіе этихъ налоговъ основывается не на дѣйствительной доходности предпріятія, а на нѣкоторыхъ внѣшнихъ признакахъ по усмотрѣнію податного присутствія, а потому и не можетъ быть достигнута желаемая равномѣрность обложенія. Налогъ съ прибыльности торговыхъ предпріятій, опредѣляемый на основаніи искусственныхъ признаковъ, будетъ особенно часто вести къ спорамъ, безконечнымъ разъясненіямъ и толкованіямъ, а потому слѣдуетъ отвергнуть его. Но, въ видѣ корректива къ постоянному налогу, было бы полезно сохранить налогъ съ дѣйствительной чистой прибыли, а отнюдь не съ искусственной *нормальной* чистой прибыли, которую опредѣляютъ податныя присутствія. Установленіе окладовъ налога съ кредитныхъ учрежденій представляется намъ также совершенно искусственнымъ. Они составляютъ съ 1,000 рублей оборотныхъ средствъ 40 коп. въ городскихъ кредитныхъ обществахъ, земельныхъ банкахъ, ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и сберегательныхъ кассахъ, 50 копѣекъ съ городскихъ, сельскихъ, посад-

скихъ, общественныхъ и сословныхъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита, 100 копѣекъ съ коммерческихъ банковъ и 250 копѣекъ съ ломбардовъ и обществъ для заклада движимостей. Замѣтимъ, прежде всего, что «оборотныя средства» являются весьма ненадежнымъ показателемъ доходности кредитнаго учрежденія. Суммы, стоящія въ балансѣ 1 января, могутъ быть случайными средствами банка. При застоѣ въ дѣлахъ легко накопляются большія суммы на текущихъ счетахъ и вкладахъ; они составляютъ только лишнее бремя кредитнаго учрежденія. Сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что эти суммы приносятъ банку самый малый доходъ. Но и независимо отъ этого, классификація кредитныхъ учрежденій представляется намъ совершенно несостоятельною. Съ особенною нѣжностью относится проектъ къ земельнымъ банкамъ и ставитъ ихъ на одну доску со ссудо-сберегательными товариществами. Установляя для земельныхъ банковъ низшій окладъ, составители проекта могутъ сослаться на то, что бережное отношеніе вызывается въ этомъ случаѣ желаніемъ охранить интересы землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Такой доводъ могъ бы быть убѣдительнымъ, если бы земельные банки приносили акціонерамъ маленькіе доходы, если бы прибыль была такъ мала, что можно было разсчитывать покрыть промысловый налогъ болѣе обременительными платежами, возлагаемыми на заемщиковъ. Однако, за послѣдніе годы мы находимъ такіе дивиденды: въ виленскомъ земельномъ банкѣ 38 руб., въ московскомъ—40, въ полтавскомъ—36, въ кіевскомъ—50. На нарицательную цѣну акцій (250 руб. для трехъ названныхъ банковъ и 200 руб. для полтавскаго) такой дивидендъ составляетъ 15,2%, 16%, 18%, 20%. Коммерческіе банки отнесены къ третьему разряду, однако, по высотѣ дивиденда, среди нихъ найдется очень немного такихъ, которые могутъ соперничать съ главными земельными банками. Поэтому мы считаемъ положительно несправедливымъ установленіе на послѣдніе въ 2½ раза меньшаго оклада, чѣмъ на первые. Наконецъ, еще болѣе рѣжетъ глаза отнесеніе ко второму разряду сельскихъ общественныхъ банковъ. Сельскій общественный банкъ служитъ источникомъ кредита для крестьянъ и располагаетъ капиталомъ въ тысячи, много-много—десятки тысячъ рублей, а земельный банкъ выдаетъ ссуды крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ и работаетъ на милліонный капиталъ, однако, первый обложенъ болѣе высокимъ окладомъ, нежели второй.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что отсутствіе прогрессивности является очень крупнымъ несовершенствомъ новаго проекта. Можно было бы отстаивать исключительно пропорціональное обложеніе промысловаго дохода ссылкою на то, что прогрессивное обложеніе, будучи привлекательно въ идеѣ, опасно, проникнуто слишкомъ крайнимъ демократическимъ духомъ, что оно не свойственно строю русской жизни... еслибъ оно не было извѣстно нашей системѣ финансовъ. Но оно внесено въ квартирный налогъ и въ налогъ съ наслѣдствъ и дареній. Разъ оно нашло себѣ мѣсто въ этихъ двухъ налогахъ, то составители проекта обложенія промысловъ, желая внести въ финансы не мелкую, частичную поправку, а существенное улучшеніе, долж-

ны были бы построить налогъ на прогрессивномъ началѣ. Для промысловаго налога прогрессивность является гораздо болѣе необходимою принадлежностью, нежели для другихъ податей, а въ частности для квартирнаго налога или налога съ наслѣдствъ и дареній. Прогрессивное возростаніе оклада налога, по мѣрѣ увеличенія дохода или имущества, оправдывается не только тѣмъ, что (какъ ошибочно думаютъ многіе финансисты) владѣлецъ большого дохода имѣетъ абсолютно и даже относительно бо́льшія средства нести податное бремя, нежели владѣлецъ малаго дохода, но, главное, тѣмъ, что всѣ условія общественной жизни, какъ ихъ создаетъ государство, позволяютъ первому не только абсолютно, но и относительно, легче увеличивать и развивать имущественныя силы. Если выгоды, извлекаемые изъ общественной жизни владѣльцемъ 5,000-наго дохода равны какой-нибудь величинѣ x, то владѣлецъ 100,000-наго дохода извлечетъ не $20x$, а, можетъ быть, $40x$, а владѣлецъ милліоннаго дохода извлечетъ не $400x$, а, можетъ быть, $1,000x$. Законъ прогрессивнаго увеличенія силы имущества по мѣрѣ его возростанія уже давно сознанъ въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ. Не всѣ разряды имущества обладаютъ одинаковою силой. Промышленныя предпріятія занимаютъ среди всѣхъ видовъ имущества первое мѣсто. Кто получилъ въ наслѣдство землю, стоющую одинъ милліонъ рублей, или милліонъ деньгами, тотъ получаетъ меньшую имущественную власть, нежели тотъ, кто имѣетъ благоустроенное промышленное или торговое предпріятіе, стоющее милліонъ, ибо первыя двѣ формы еще не содержатъ живого и одухотворяющаго началъ, какимъ служитъ хозяинъ въ промышленномъ предпріятіи. Во второмъ случаѣ значеніе и сила большого имущества особенно увеличивается вслѣдствіе наличности главнаго двигателя—промышленника, который направляетъ предпріятіе въ русло, гдѣ могутъ быть получены наибольшія выгоды. Если, такимъ образомъ, владѣлецъ земельнаго участка имѣетъ въ рентѣ обезпеченный доходъ, который имѣетъ тенденцію возростать безостановочно, то онъ располагаетъ средствами возвысить его въ короткое время и въ большей пропорціи. Владѣлецъ денежнаго капитала, давая его въ ссуду, подчиняется условіямъ, которыя установляетъ денежный рынокъ, и, обыкновенно, долженъ разсчитывать на пониженіе процента. Крупный же капиталъ, вложенный въ промышленное предпріятіе, потому даетъ владѣльцу большое могущество, что облегчаетъ образованіе предпринимательскихъ стачекъ и установленіе монопольныхъ цѣнъ. Припомнимъ стачки сахарозаводчиковъ, добывателей нефти и другихъ, и мы скажемъ, что крупныя промышленныя предпріятія извлекаютъ изъ господства свободной конкурренціи, не только абсолютно, но и относительно, бо́льшія выгоды, нежели мелкія предпріятія, а потому и должны нести прогрессивно большее бремя.

Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ работаетъ надъ мѣстными органами сельско-хозяйственнаго управленія. Прежде, чѣмъ представить проектъ на разсмотрѣніе сельско-хозяйственнаго совѣта, министер-

ство предложило обсудить его на мѣстахъ, при участіи представителей высшей мѣстной администраціи и дѣятелей въ области сельскаго хозяйства. Въ этихъ видахъ оно поставило слѣдующіе вопросы объ отношеніи земства къ сельскому хозяйству. Законъ возлагаетъ на земство обязанность воспособлять мѣстному сельскому хозяйству и предоставляетъ ему учреждать экономическіе совѣты, приглашать агрономическихъ смотрителей и другихъ спеціалистовъ по сельскому хозяйству. Земства имѣютъ право открывать низшія сельско-хозяйственныя школы и выставки мѣстныхъ произведеній. По мнѣнію министерства, за ними слѣдовало бы признать право устраивать учебныя сельско-хозяйственныя фермы, опытныя станціи, музеи, чтенія по сельскому хозяйству и пр. Губернатору принадлежитъ высшее въ губерніи попеченіе о сельскомъ хозяйствѣ, а потому министерство задается вопросомъ, не было ли бы полезно образовать, подъ предсѣдательствомъ губернатора, губернскій сельско-хозяйственный совѣтъ изъ представителей разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и сельскихъ хозяевъ. На такой совѣтъ или комитетъ, кромѣ общаго направленія всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ въ губерніи на пользу сельскаго хозяйства, слѣдовало бы возложить слѣдующія обязанности: а) выясненіе нуждъ мѣстнаго сельскаго хозяйства и изысканіе средствъ къ ихъ удовлетворенію; б) представленіе министерству земледѣлія о мѣрахъ, которыя были бы желательны; в) наблюденіе за дѣятельностью, направленной на содѣйствіе мѣстному сельскому хозяйству; г) сообщеніе министерству земледѣлія замѣчаній по ходатайствамъ земства, касающимся сельскаго хозяйства. Министерство земледѣлія задаетъ вопросъ и о томъ, не слѣдуетъ ли возложить на губернскіе сельско-хозяйственные комитеты еще нѣкоторыя функціи: разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ по ассигнованіямъ, касающимся предметовъ сельскаго хвзяйства, разсмотрѣніе распоряженій земства, обязательныхъ для мѣстныхъ жителей и относящихся до сельскаго хозяйства. Въ составъ губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ входятъ высшіе представители мѣстной администраціи, земства, 4 сельскихъ хозяина, избираемыхъ два губернскимъ земскимъ и два губернскимъ дворянскимъ собраніемъ и проч. Кромѣ того, министерство предполагаетъ привлекать предсѣдателей мѣстныхъ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ (по пчеловодству, садоводству, рыболовству) и разныхъ другихъ лицъ. Такъ какъ личный составъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ близко подходитъ къ составу лѣсоохранительныхъ комитетовъ, то министерство задается вопросомъ, не было ли бы цѣлесообразно совсѣмъ упразднить лѣсоохранительные комитеты и усилить составъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, при обсужденіи дѣлъ по лѣсоохранительному управленію лѣсовладѣльцами, лѣсными ревизорами-инструкторами и прочими членами. Соотвѣтственно организаціи губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ должны быть образованы уѣздные комитеты изъ разныхъ лицъ уѣздной администраціи, представителей земства и сельскихъ хозяевъ. Выдающееся мѣсто среди этихъ лицъ должно принадлежать губернскому инспектору сельскаго

хозяйства, назначаемому министромъ земледѣлія. На инспектора, по мнѣнію министерства земледѣлія, быть можетъ, слѣдовало бы возложить ближайшее и постоянное наблюденіе по сельско-хозяйственной части въ губерніи, на основаніи особой инструкціи, утверждаемой министромъ земледѣлія. Быть можетъ, слѣдовало бы поручить инспектору предварительное разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ и раскладокъ и представленіе губернатору заключеній по ассигнованіямъ на содѣйствіе мѣстному сельскому хозяйству, а также доставленіе губернатору заключеній по всѣмъ вопросамъ, которые касаются сельскаго хозяйства. Губернскій инспекторъ могъ бы участвовать въ губернскомъ земскомъ собраніи и принимать непремѣнное участіе въ разсмотрѣніи проектовъ обязательныхъ постановленій по сельскому хозяйству. Министерство полагаетъ, что, быть можетъ, слѣдовало бы предоставить инспектору сельскаго хозяйства входить съ правомъ голоса въ составъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія при обсужденіи въ немъ всѣхъ распоряженій и постановленій земствъ по сельско-хозяйственной части. Министерство высказываетъ также мысль о желательности установить ближайшую связь между сельско-хозяйственными обществами и органами центральнаго и мѣстнаго сельско-хозяйственнаго управленія. Быть можетъ, полезно постановить, что эти общества, слѣдя за состояніемъ хозяйства въ своей мѣстности, доводятъ о мѣстныхъ нуждахъ до свѣдѣнія министерства земледѣлія и представляютъ отчеты о своей дѣятельности какъ министерству, такъ и губернскому сельско-хозяйственному комитету.

Перечень вопросовъ, содержащій программу министерства земледѣлія, производитъ двойственное впечатлѣніе. Первоначально кажется, будто министерство земледѣлія хочетъ создать очень широкія основанія для мѣстныхъ органовъ сельско-хозяйственнаго управленія. Министерство напоминаетъ объ обязанностяхъ, которыя были возложены закономъ на земство въ дѣлѣ воспособленія сельскому хозяйству, и намѣчаетъ задачи (опытныя поля, фермы, музеи), относительно которыхъ должна быть расширена дѣятельность земства. Въ программѣ министерства неоднократно упоминается объ обществахъ сельскаго хозяйства, говорится о полезности предоставленія имъ права ходатайствовать передъ министерствомъ земледѣлія о мѣстныхъ нуждахъ. Однако, болѣе внимательно вчитываясь въ поставленные вопросы, мы видимъ, что существо дѣла совсѣмъ не то, что рѣчь идетъ формально о объединеніи всѣхъ лицъ и вѣдомствъ, которыя могутъ прямо или косвенно соприкасаться съ сельскимъ хозяйствомъ, а въ сущности—о подчиненіи министерству земледѣлія всѣхъ мѣстныхъ силъ, которыя хорошо или худо работаютъ теперь на пользу земледѣлія.

Мы сомнѣваемся, чтобы внѣшнее единство въ завѣдываніи сельско-хозяйственными интересами могло принести дѣлу сколько-нибудь существенныя выгоды. Во главѣ всѣхъ мѣстныхъ органовъ ставится губернскій сельско-хозяйственный совѣтъ или комитетъ. Большая часть лицъ, входящихъ въ его составъ, или имѣютъ слишкомъ много служебныхъ обязан-

ностей, которыя они всегда будутъ склонны считать болѣе важными, нежели участіе въ этомъ новомъ органѣ управленія, или же вовсе не имѣютъ знаній и опытности по сельско-хозяйственной части. Губернаторъ, вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, если они обладаютъ нѣкоторыми знаніями и опытностью, необходимыми для дѣятельнаго участія въ совѣтѣ, имѣютъ очень много служебныхъ обязанностей и не найдутъ возможности удѣлить сельско-хозяйственнымъ интересамъ столько времени и силъ, чтобъ ихъ участіе принесло замѣтную пользу. Управляющій казенною палатой, членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, управляющіе отдѣленіями дворянскаго и крестьянскаго банковъ часто вовсе не свѣдущи въ вопросахъ сельскаго хозяйства. Принадлежа къ бюрократіи, они сплошь и рядомъ знаютъ о земледѣльческой промышленности лишь то, что вычитываютъ изъ своей газеты. То же можно сказать и о составѣ предполагаемыхъ уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. А если такъ, то нельзя не выразить сомнѣнія, чтобъ эти новыя вѣдомства, состоящія изъ многихъ членовъ и замедляющія развитіе любого мѣропріятія уже по тому одному, что образуютъ необходимую инстанцію, могли благотворно дѣйствовать на русское земледѣліе.

Другая сторона дѣла—увеличеніе зависимости всѣхъ живыхъ мѣстныхъ силъ, являющееся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ осуществленія программы министерства земледѣлія. Дѣятельность земства стѣсняется уже тѣмъ, что за всѣми мѣропріятіями земства на пользу сельскаго хозяйства должно наблюдать сельско-хозяйственный комитетъ. Эта дѣятельность стѣсняется также и тѣмъ, что предположено привлечь губернскіе сельско-хозяйственные комитеты къ разсмотрѣнію земскихъ смѣтъ по ассигнованіямъ на предметы сельскаго хозяйства, а также обязательныхъ для мѣстныхъ жителей, относящихся до сельскаго хозяйства постановленій, составляемыхъ земскими собраніями. Наконецъ, дѣятельность земства въ дѣлѣ воспособленія мѣстному сельскому хозяйству ставится въ зависимость отъ губернскаго инспектора сельскаго хозяйства, который даетъ заключеніе по всѣмъ смѣтамъ, относящимся до сельскаго хозяйства. Подчиненная дѣятельность земства особенно ярко обозначена въ 10 вопросѣ программы министерства. Этотъ вопросъ касается того, не слѣдуетъ ли въ законѣ очертить кругъ лицъ и учрежденій, чрезъ посредство которыхъ будутъ дѣйствовать губернскіе сельско-хозяйственные комитеты? Губернскія и уѣздныя земскія управы поименованы въ этомъ вопросѣ на ряду съ земскими начальниками и чинами мѣстной полиціи (о пользѣ, которую могутъ принести земскіе начальники, какъ органы сельско-хозяйственнаго управленія, подробно говоритъ г. Ромеръ въ своихъ статьяхъ: *Сельско-хозяйственные чины* (*Новое Время* 1894 г., №№ 6655 и 6656).

Было бы весьма неблагодарною задачей доказывать ненормальность такого порядка ссылкою на то, что земства, близко зная условія мѣстной жизни, обыкновенно всего правильнѣе могутъ рѣшать, каковы потребности мѣстнаго сельскаго хозяйства; что органы правительства, не будучи тѣсно

связаны съ данными уѣздомъ или губерніей, часто не компетентны въ вопросахъ этого рода. Такая задача была бы неблагодарной потому, что земство теперь не въ модѣ, и всѣ относящіяся до нихъ апріорныя заключенія считаются неубѣдительными. Но, вынужденные обратиться къ фактамъ, мы находимъ здѣсь обильный источникъ доказательствъ. Земства сдѣлали кое-что замѣтное и въ дѣлѣ поддержанія сельскаго хозяйства. Напомнимъ въ особенности о земствахъ Московской губерніи, Пермской, Вятской, Смоленской, Полтавской, Петербургской, Тверской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. Распространеніе улучшенныхъ сѣмянъ, плуговъ, молотилокъ, фосфоритовъ, пропаганды травосѣянія, опытныя поля и фермы—вотъ мѣры, нашедшія себѣ мѣсто въ земской дѣятельности съ начала 80-хъ годовъ. Но всего болѣе замѣчательно то, что эти мѣропріятія не были случайными и единичными. Земства выработали организацію для завѣдыванія мѣстнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Такими органами служатъ экономическіе совѣты, возникшіе при многихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управахъ. Вѣроятно, министерство земледѣлія, приступивъ къ разработкѣ вопросовъ о мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія, упустило изъ вида, что земства уже создали цѣлую образцовую организацію. Еслибъ оно поближе ознакомилось съ дѣятельностью земства на этомъ поприщѣ, то начертало бы совсѣмъ иной планъ мѣстной организаціи, не сходный съ тѣмъ, что мы находимъ въ опубликованномъ перечнѣ вопросовъ. Министерство, навѣрное, пришло бы къ выводу, что нужно сдѣлать только одно—облегчить работу земствъ въ этомъ направленіи. Наилучшимъ средствомъ для облегченія работы было бы невмѣшательство въ нее и предоставленіе ей естественно доразвиться до болѣе сложныхъ формъ, которыя служатъ необходимымъ продолженіемъ нынѣшней организаціи. Экономическіе совѣты, состоящіе при уѣздныхъ земскихъ управахъ, являются простѣйшими формами. Болѣе сложною формой могло бы служить собраніе уполномоченныхъ уѣздныхъ экономическихъ совѣтовъ для тѣхъ интересовъ сельскаго хозяйства, которые касаются цѣлой губерніи. Эти уполномоченные, положимъ, по одному изъ каждаго уѣзднаго экономическаго совѣта, могли бы съѣзжаться въ губернскомъ городѣ 1 разъ въ два мѣсяца и обсуждать всѣ дѣла, имѣющія общегубернское значеніе. Было бы не лишнее предоставить этимъ съѣздамъ право приглашать въ свои засѣданія всѣхъ лицъ, которыя могутъ быть полезны дѣлу губернскихъ инспекторовъ сельскаго хозяйства, сельскихъ хозяевъ и другихъ. Конечно, если бы губернаторъ захотѣлъ посѣщать засѣданія съѣзда, то онъ былъ бы встрѣченъ такъ, какъ соотвѣтствуетъ его служебному положенію. Если бы губернаторъ предложилъ съѣзду обсудить какое-либо мѣропріятіе, относящееся до сельскаго хозяйства то съѣздъ сдѣлалъ бы это съ полнымъ вниманіемъ. Но, по существу дѣла, съѣздъ изъ уполномоченныхъ уѣздныхъ экономическихъ совѣтовъ долженъ состоять при губернской земской управѣ въ качествѣ ея органа по управленію сельскимъ хозяйствомъ. Конечнымъ въ цѣпи этихъ органовъ могъ бы быть окружной съѣздъ для всѣхъ вопросовъ, которые относятся до

сельскаго хозяйства цѣлой группы губерній, находящихся въ сходныхъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ. Среднія черноземныя губерніи образуютъ одну группу, новороссійскія—другую, нижневолжскія—третью и т. д. Окружные съѣзды по сельскому хозяйству, состоящіе изъ представителей губернскихъ экономическихъ съѣздовъ, могли бы собираться 1 разъ въ годъ для разработки вопросовъ, которые касаются сельскаго хозяйства цѣлой группы губерній, и ходатайствовать передъ министерствомъ земледѣлія по тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя важны для цѣлаго народа. И въ окружныхъ съѣздахъ, на ряду съ представителями земства, были бы не лишними участники изъ администраціи, сельскихъ хозяевъ и проч. Такая организація можетъ развиться сама собою. Но министерство земледѣлія хорошо бы сдѣлало, если бы, вмѣсто своей программы, просто предложило бы земствамъ принять мѣры къ образованію уѣздныхъ экономическихъ совѣтовъ въ виду несомнѣнной пользы, которую уже принесли эти учрежденія въ 7—8 губерніяхъ.

Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1892 годъ содержитъ много любопытнаго матеріала. Статистическія данныя, разработанныя въ *Отчетѣ*, распространяются на 701 тюремное учрежденіе общаго устройства, 126 тюремъ привислянскихъ губерній, 31 исправительное арестантское отдѣленіе, 11 каторжныхъ и 6 пересыльныхъ тюремъ, всего на 875 мѣстъ заключенія. Къ 1 января 1892 года въ тюрьмахъ общаго устройства и арестантскихъ помѣщеніяхъ при полицейскихъ управленіяхъ было 73,519 мужчинъ и 8,266 женщинъ. Къ 1 же января 1893 года было 76,941 мужчинъ и 7,969 женщинъ, т.-е. число содержимыхъ увеличилось почти на 5%. Первое мѣсто занимали въ этой массѣ присужденные къ заключенію на срокъ (44,505 мужчинъ и 4,613 женщинъ); четвертая часть (20,266 мужчинъ и 1,305 женщинъ) состояла подъ судомъ и слѣдствіемъ; число ссыльныхъ опредѣлялось 4,888 муж. и 312 женщинами. Слишкомъ 2,000 душъ принадлежали къ категоріи добровольно слѣдующихъ за ссыльными и дѣтей (999 мужч. и 1,094 ж.). Въ тюрьмахъ Привислянскаго края состояло 8,071 мужч. и 1,560 женщ. (изъ нихъ 70 м. и 82 ж. добровольно слѣдовали за ссыльными). Въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ состояло 10,426 мужчинъ. Въ каторжныхъ тюрьмахъ было 5,516 мужч. и 360 женщ. Въ пересыльныхъ тюрьмахъ было 4,535 м. и 998 ж. Такимъ образомъ, къ 1 января 1893 года всѣхъ арестантовъ, кромѣ лицъ, добровольно слѣдовавшихъ за ссыльными, было 104,060 мужч. и 9,074 женщ. Распредѣляя на разряды все населеніе тюремъ, *Отчетъ* даетъ намъ такія категоріи: подъ слѣдствіемъ и судомъ состояло 22,51%, присужденныхъ къ заключенію на срокъ было 55,16%, ссыльныхъ — 12,5%, пересыльныхъ—6,78%, другихъ категорій—0,77%. Лица, добровольно слѣдовавшія за ссыльными, и дѣти составляли 2,73%. Число бродягъ было весьма значительно: въ 54 мѣстностяхъ изъ 91 бродяги составляли отъ 1 до 10% числа всѣхъ заключенныхъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число бродягъ

было особенно велико: 13% общаго числа заключенныхъ въ Амурской области, 14% въ Томской губерніи, 16% въ Николаевѣ, 17% въ Керчи и 30% въ Кронштадтѣ. Столь значительное число бродягъ представляетъ особенный интересъ, какъ доказательство того, что паспортная система, стремящаяся сдѣлать осѣдлымъ каждаго бродягу, не достигаетъ цѣли. Главное тюремное управленіе отъ времени до времени посылаетъ напоминанія о томъ,. чтобы побѣги арестантовъ, разные происшествія и безпорядки въ тюрьмахъ отмѣчались съ возможною точностью. И въ разбираемомъ отчетѣ собраны данныя объ этихъ сторонахъ тюремной жизни. За 1892 годъ изъ тюремныхъ зданій и внѣ ихъ было 472 случая побѣга арестантовъ. Изъ нихъ 212 остались неразысканными. Другихъ преступленій и проступковъ арестантами совершено 104, изъ которыхъ 19 случаевъ составляютъ нанесеніе ранъ и увѣчій. Подобно предъидущимъ годамъ, арестантскія работы производились и въ отчетномъ году съ достаточнымъ успѣхомъ. Чистая выручка отъ тюремныхъ работъ, давшая въ 1887 году 539,000 рублей, дала въ 1890 г. 784,000, а въ 1892 г.—875,000 руб. Если къ послѣдней суммѣ прибавимъ около 105,000 рублей, затраченныхъ на матеріалъ, то стоимость предметовъ, произведенныхъ арестантами, достигнетъ 980,000 р. Изъ чистаго заработка на вознагражденіе собственно арестантовъ было выдано 316,112 руб. 60 коп. Годовой заработокъ на 1 арестанта приходился: въ мѣстахъ заключенія Петербурга 63,76 руб., въ Архангельской губерніи—36 руб., Вологодской—34,91, Ярославской—28,44, Псковской—28,15 р. Самые мелкіе заработки падаютъ на Самарскую, Ломжинскую и Радомскую губерніи и составляютъ только 54, 72 и 84 копѣйки. По словамъ *Отчета*, среди арестантовъ получили наибольшее развитіе слѣдующія работы: портняжныя, сапожныя, тканкія, столярныя, переплетныя, бондарныя, плетенье лаптей, рогожъ и корзинъ, а также кирпичные заводы. Сообщая свѣдѣнія о болѣзненности и смертности арестантовъ, что хотя смертность не велика сравнительно съ общею въ имперіи, однако, наблюдается ея возростаніе, которое обнаруживается всего болѣе замѣтно въ Сибири и на Сахалинѣ. Относительно послѣдняго пункта мы находимъ въ *Отчетѣ* нѣкоторыя спеціальныя свѣдѣнія. Таковы, наприм., данныя о сельскомъ хозяйствѣ. Всей пахотной земли въ пользованіи ссыльныхъ было около 2,745 десятинъ. Сообщая весьма глухо о томъ, сколько собрано зерна со всей этой площади, *Отчетъ* говоритъ: «Тюремное хозяйство имѣетъ мѣсто лишь въ Тымовскомъ округѣ, въ другихъ же округахъ недостатокъ земель, годныхъ для обработки, ставитъ расширенію тюремнаго хозяйства большія преграды. Съ другой стороны, веденіе тюремнаго хозяйства требуетъ весьма большой затраты рабочихъ силъ, которыя необходимы для насущныхъ потребностей острова, а именно для устройства путей сообщенія и вообще для работъ, относящихся къ улучшенію быта поселенцевъ и развитію колонизаціи» (стр. 165). Высказывая этими словами сомнѣніе въ возможности развить на Сахалинѣ сельское хозяйство, *Отч*

придаетъ еще большій авторитетъ оцѣнкѣ Сахалина г. Чеховымъ, которая извѣстна читателямъ *Русской Мысли*.

Въ *Отчетѣ* собраны любопытныя данныя. Однако, хотѣлось бы видѣть еще кое-что. Въ рядахъ тюремной администраціи, вѣроятно, есть люди, преданные дѣлу, относящіеся къ своей дѣтельности не только формально, но съ искреннимъ желаніемъ благотворно вліять на заключенныхъ. Конечно, они дѣлаютъ наблюденія надъ заключенными и, быть можетъ, заносятъ на бумагу часть этихъ наблюденій. Желательно было бы видѣть въ отчетахъ главнаго тюремнаго управленія своды этихъ наблюденій хотя бы только по наиболѣе важнымъ вопросамъ тюремной жизни: о томъ, напримѣръ, какое вліяніе имѣютъ на заключенныхъ работы, обученіе грамотѣ, чтеніе, какой родъ чтенія предпочитаютъ арестанты, часты ли яркія проявленія раскаянія у преступниковъ, совершившихъ самыя тяжкія преступленія, какъ относятся арестанты къ супругамъ, добровольно послѣдовавшимъ за ними, и къ дѣтямъ и т. д. Мы считаемъ положительно невозможнымъ, чтобъ изъ многихъ сотенъ чиновъ тюремной администраціи не было людей, дѣлающихъ цѣнныя наблюденія. А они не только удовлетворяютъ любопытство, но имѣютъ существенное значеніе, такъ какъ арестанты образуютъ массу слишкомъ въ 113,000 и ежегодный расходъ на нихъ превышаетъ 16 милліоновъ рублей.

Переполненіе учебныхъ заведеній въ Россіи, высшихъ, среднихъ и низшихъ, обнаруживается съ каждымъ годомъ все болѣе рѣзко. Въ теченіе августа выяснилось, что ни одно изъ многочисленныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга не въ состояніи принять всѣхъ молодыхъ людей, которые хотѣли стать его питомцами. То же случилось и въ другихъ мѣстахъ. Число лицъ, оставшихся за штатомъ, составляетъ для всей Россіи нѣсколько тысячъ. Конечно, у насъ есть довольно большая клика, проливающая крокодиловы слезы по поводу того, что либеральныя профессіи, будто бы, переполнены. Но всѣ сколько-нибудь знакомые съ данными по статистикѣ высшаго образованія у насъ и въ Западной Европѣ понимаютъ, какъ нелѣпо это мнѣніе. Наше сельское хозяйство находится въ очень угнетенномъ состояніи, но напрасно искать довольно большого числа спеціально подготовленныхъ дѣятелей, которые могли бы вытащить его изъ заржавѣлой колеи. Въ обрабатывающей промышленности, какъ доказано оффиціальными статистическими свѣдѣніями, едва насчитывается 5% завѣдующихъ фабриками и заводами съ высшимъ техническимъ образованіемъ. При подобномъ положеніи дѣлъ фабрики и заводы держатся только потому, что законъ даетъ имъ таможенное покровительство. Даже въ мелкой сельской промышленности все чаще и чаще замѣчается спросъ на людей съ техническимъ образованіемъ. И здѣсь имѣетъ большую цѣну каждое указаніе, исходящее отъ людей, хорошо изучившихъ технику даннаго промысла не только теоретически, но и практически. Мы не преувеличимъ, что даже въ 3—5—10 разъ большее число образованныхъ спеціалистовъ на-

шло бы себѣ дѣло въ обширной области нашего народнаго хозяйства. Насколько потребность въ основаніи новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній сознается нашимъ обществомъ, видно изъ того факта, что южно-русскіе сельскіе хозяева, среди нихъ и донскіе, возбуждаютъ предъ министерствомъ земледѣлія ходатайство о томъ, чтобы въ Харьковѣ, какъ центрѣ южной Россіи, былъ открытъ высшій сельско-хозяйственный институтъ. Они просятъ объ открытіи института съ будущаго 1895—96 учебнаго года и хотятъ, чтобъ онъ былъ разсчитанъ не менѣе, чѣмъ на 1,000 молодыхъ людей. Отвѣтомъ на сознанную потребность въ новомъ учебномъ заведеніи служитъ московскій сельско-хозяйственный институтъ, открытый 26 сентября. Хотя онъ основывается на мѣстѣ и въ зданіи бывшей Петровской академіи, однако, мы выражаемся такъ потому, что нѣсколько лѣтъ назадъ, когда рѣшили закрыть академію, не было предположенія объ открытіи высшаго образовательнаго заведенія по сельскому хозяйству. Институтъ былъ открытъ товарищемъ министра земледѣлія А. А. Нарышкинымъ. Указавъ на то, что наше сельское хозяйство, долго шедшее по пути, который намъ завѣщали предки, въ виду измѣненія экономическаго строя, усложненія финансовыхъ отношеній, а мѣстами и истощенія земли, вызываетъ необходимость новыхъ пріемовъ, которые основываются на научномъ знаніи, г. Нарышкинъ сказалъ: «Польза, ожидаемая отъ этихъ мѣропріятій (открытіе учебныхъ заведеній), не исключаетъ, однако, сомнѣній, и именно въ средѣ, наиболѣе заинтересованной въ успѣхѣ сельскаго хозяйства, нерѣдко слышны заявленія... о разладѣ между теоріей и практикой... Замѣчу, что причиной его являются не имѣвшія удачи легкомысленныя попытки примѣнить къ хозяйству теоріи не достаточно взвѣшенныя, не подвергнутыя строго научной критикѣ или не понятыя». Нельзя не согласиться съ этимъ. Нужно пожелать, чтобы московскій сельско-хозяйственный институтъ имѣлъ вліяніе на практику русскаго земледѣлія и чтобы, въ то же время, онъ стоялъ на высотахъ науки, которыхъ, въ лицѣ многихъ и многихъ профессоровъ, достигала Петровская земледѣльческая академія.

Намъ доставленъ отчетъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества за 1890 и 1891 гг. Заимствуемъ изъ него слѣдующія данныя.

Въ этомъ періодѣ времени открыты въ вѣдомствѣ общества слѣдующія новыя благотворительныя учрежденія:

а) *въ С.-Петербургѣ.*—«Убѣжище и дешевыя квартиры Михаила и Елизаветы Петровыхъ», первое—для десяти престарѣлыхъ женщинъ, а вторыя—для двадцати бѣдныхъ жильцовъ

и пріютъ попечительства для сбора пожертвованій на воспитані[illegible] и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство, для временнаго призрѣнія д[illegible]дцати дѣтей;

б) *въ Москвѣ*—двѣ народныя столовыя и

в) *въ Кіевѣ*—«родильный пріютъ Ѳедора Терещенко», на десять к[illegible]оватей.

Благотворительная дѣятельность общества, въ вѣдомствѣ коего состояло сто девяносто разныхъ учрежденій, а участвовавшихъ въ нихъ трудомъ или пожертвованіями, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, свыше четырехъ тысячъ лицъ обоего пола—выражалась въ слѣдующихъ формахъ помощи бѣднымъ:

	Число лицъ или благотвореній: Въ 1890 г.	Въ 1891 г.
1) При рожденіи дѣтей оказана безмездная акушерская помощь родильницамъ съ выдачею бѣднѣйшимъ изъ нихъ и новорожденнымъ младенцамъ бѣлья .	1,707	2,000
2) Призрѣвалось и воспитывалось, или выдавалось пособіе на обученіе и содержаніе дѣтей и молодыхъ людей .	5,281	5,212
3) Престарѣлыхъ и убогихъ призрѣвалось.	1,979	1,975
4) Доставлена работа способнымъ къ труду	17,847	17,347
5) Безплатныя или за дешевую плату квартиры имѣли и ежедневно, въ теченіе года, пользовались ночлегомъ	2,628	2,422
6) Ежедневно, въ теченіе года, получали безплатно или за дешевую плату обѣды, а нѣкоторые и чай .	1,275	2,268
7) Медицинская помощь оказана. . .	132,227	130,276
Денежныхъ и другихъ вспоможеній получили, кромѣ обозначенныхъ выше, въ отдѣлѣ о воспитаніи и обученіи дѣтей.	4,507	3,331
	167,451	164,831

На всѣ означенныя благотворенія, а также: а) на отпускъ пособій учрежденіямъ, не подвѣдомственнымъ человѣколюбивому обществу; б) на вспоможеніе бѣднымъ, по указанію благотворителей, и в) на содержаніе церквей при заведеніяхъ общества, употреблено:

Въ 1890 г. . . 1.012,683 р. $7^1/_4$ к.

» 1891 г. . . 1.015,153 » 96 »

Независимо сего, произведены въ отчетныхъ годахъ расходы: на содержаніе попечительныхъ о бѣдныхъ комитетовъ и центральнаго управленія вѣдомства; на покупку, постройку и капитальный ремонтъ зданій, на содержаніе доходныхъ недвижимыхъ имуществъ и управленіе оными, а также и другія нужды вѣдомства:

Въ 1890 г. . . . 251,700 р. 24 к.

» 1891 г. . . . 353,174 » $84^1/_2$ »

Всего же въ отчетныхъ годахъ на благотворенія и всѣ потребности общества израсходовано:

Въ 1890 г. . . 1.264,383 р. 31¼ к.
» 1891 г. . . 1.368,328 » 80½ »

Въ предшествовавшемъ 1889 г. число лицъ, воспользовавшихся благотвореніями общества, было—152,922 р., а расходъ по вѣдомству составлялъ сумму 1.370,454 р. 80 к.

Средства общества заключались:

Осталось отъ 1889 г. . . . . 4.657,314 р. 40½ к.

Къ тому поступило на приходъ:	въ 1890 г.	въ 1891 г.
Процентовъ съ капиталовъ и другихъ поступленій постоянныхъ.	384,870 р. 46 к.	390,032 р. 13 к.
Доходовъ, обезпеченныхъ контрактами и другими условіями . .	518,853 » 60 »	528,329 » — »
Пожертвованій благотворителей:		
а) ежегодныхъ обязательныхъ .	71,307 » 52 »	60,670 » 91 »
б) единовременныхъ.	233,301 » 9 »	271,171 » 64 »
в) отъ городовъ и земствъ. . .	35,079 » 97 »	39,671 » 97½ »
и поступленій случайныхъ . . .	218,139 » 46 »	298,505 » 50½ »
	1.461,552 р. 10 к.	1.588,381 р. 16 к.

За произведенными расходами, осталось къ 1892 году:

а) суммъ общества. . . . . . . 5.074,535 р. 54¾ к.

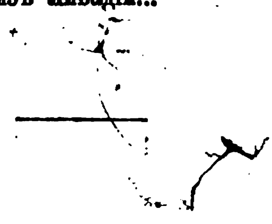
Болѣе остатка предшествовавшаго 1889 г. на 417,221 р. 14¼ к.

и б) въ недвижимой собственности на 9.480,663 р., а за исключеніемъ изъ нихъ числящагося на имуществѣ долга въ 560,939 р.

на. . . . . 8.917,714 р. — к.

Болѣе 1889 г. на 101,773 р. 13.992,249 р. 54¾ к.

Когда мы сдаемъ эту книгу, телеграфъ приноситъ печальныя извѣстія изъ Ливадіи о нездоровьи Государя Императора. Вѣсть объ этомъ облетѣла всю Россію и весь цивилизованный міръ и даетъ иностранной печати поводъ горячо восхвалять великую миротворную дѣятельность нашего Государя. Въ Ливадію только что прибыла высоконареченная невѣста Наслѣдника Цесаревича, принцесса Алиса Гессенская. Не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ всѣ дѣла отступили на задній планъ и общее вниманіе приковано къ извѣстіямъ изъ Ливадіи...

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Донъ-Жуанъ на сценѣ московскаго Большого театра.—Квартетное собраніе русскаго музыкальнаго общества.

Изящная простота и удивительная музыкальность изложенія составляютъ отличительную черту моцартовскихъ произведеній вообще. Музыкально-драматическій же стиль нашелъ, въ лицѣ Моцарта, своего истиннаго выразителя. Ни у Глюка, въ его реформатской дѣятельности, ни у другихъ композиторовъ, писавшихъ послѣ Моцарта, мы ни встрѣчаемъ ничего подобнаго *Свадьбѣ Фигаро*, *Донъ-Жуану* и *Волшебной флейтѣ*. Это рядъ образцовыхъ произведеній трагическаго, драматическаго и комическаго жанра. По музыкальной типичности и правдивости выраженія дѣйствующихъ лицъ, *Донъ-Жуанъ* представляетъ истинный перлъ опернаго искусства. Написана опера на текстъ да-Понте, по заказу антрепренера Бондини, и въ 1787 году 29 октября поставлена въ первый разъ въ Прагѣ. Говорятъ, что вся опера писалась три недѣли, а увертюра написана наканунѣ представленія. Можетъ быть, такая быстрота въ творчествѣ и отразилась въ нѣкоторой сухости речитативовъ, написанныхъ чуть ли не по цифрованному бассу. Опера написана въ двухъ актахъ; раздѣленіе ея на четыре дѣйствія слѣдуетъ признать нежелательнымъ, такъ какъ это мѣшаетъ цѣлостности впечатлѣнія. Содержаніе оперы слишкомъ извѣстно, чтобы его разсказывать. Скажемъ только, что объективное отношеніе къ нему Моцарта и помогло ему создать міровые типы трагическаго и комическаго характера. В[illegible] наше время, при новомъ направленіи въ музыкѣ, многіе находятъ *Донъ-Жуана* устарѣлою оперой. Намъ это мнѣніе кажется неправильнымъ. Классики, когда создавали свои произведенія и избирали сюжетъ, то старались вызвать въ себѣ и соотвѣтственное музыкальное представленіе о немъ. Разрабатывали они его сообразно законамъ св[illegible]его искусства. Музыканты новаго направленія присматриваются къ сю[illegible]жету, наблюдаютъ всѣ его особенности и результатъ своихъ наблюденій стараются воплотить въ звукахъ. Тотъ и другой пріемъ требуетъ большого таланта и совершенства техники. Но классическія произведенія болѣе музыкальны по происхожденію, носятъ болѣе яркій отпечатокъ твор-

чества, а новыя отзываются подражаніемъ природѣ. Можно сказать вообще: попытки къ расширенію области искусства, заходящія за предѣлы, указанные самою природой искусства, есть уже признакъ упадка. Нужно не увлекаться кажущеюся оригинальностью, а поглубже изучить законы своего искусства.

Донъ-Жуанъ шелъ въ первый разъ послѣ чуть ли не восьмилѣтняго промежутка на сценѣ московскаго Большого театра 27 сентября. Постановка оперы, да еще классической, въ началѣ сезона давала возможность предполагать, что исполнители имѣли за лѣто достаточно времени, чтобъ обдумать и изучить свои партіи, и образцовое произведеніе это, на которомъ воспитывалось цѣлое поколѣніе музыкантовъ, будетъ обставлено выдающимися артистами. Ничего подобнаго не случилось. Опера поставлена съ пяти репетицій, включая сюда же генеральную. Этого «немного мало» для Моцарта. Въ особенности мало для артистовъ, не заявившихъ себя исполненіемъ моцартовскихъ произведеній, а они требуютъ массы изящества и особенной музыкальности. Намъ помнится, что на изученіе никому ненужнаго *Зигфрида* Вагнера потрачено было чуть ли не три года,—кромѣ денегъ, разумѣется. А *Донъ-Жуанъ* Моцарта, кромѣ художественной игры и пѣнія, требуетъ отъ пѣвцовъ хорошей актерской передачи типовъ. Пѣлась опера на языкѣ смѣшанномъ. Слышались слова: полурусскія, чешскія, польскія, итальянскія. Не было только чисто-русскаго языка. Раздѣлена опера на четыре дѣйствія, съ длинными антрактами. Дирижировалъ г. Авранекъ. Мы передадимъ вкратцѣ исполненіе оперы и бросающіеся въ глаза недостатки этого исполненія. Знаменитая интродукція увертюры, долженствующая изображать страхъ смерти, не была ясно понята дирижеромъ; отъ этого темпъ взятъ болѣе скорый, чѣмъ нужно; ритмическія движенія, сопровождающія впослѣдствіи появленіе командора, недостаточно рельефно выступали въ общей массѣ. Аллегро сыграно легкомысленно скоро, безъ надлежащей картинности, будто его играли только для памяти. Трагическіе униссоны оттѣнялись грубо, а при имитаціяхъ въ другихъ голосахъ инструменты просто спорили, кто сыграетъ грубѣе. Лепорелло изображалъ г. Тютюнникъ. По гриму, по голосу и манерѣ пѣть онъ вовсе не подходитъ къ этой роли, хотя пѣлъ старательно. Донъ-Жуанъ, г. Пиньялоза, пѣлъ по-итальянски. Роль Донъ-Жуана одна изъ труднѣйшихъ для исполненія, это—роль героя, а не уличнаго волокиты. Г. Пиньялоза казался слишкомъ старымъ, а голосъ его звучалъ грубо. Арія: «Громче звените полнымъ бакаломъ» спѣта съ безобразно скорымъ и неровнымъ темпомъ, такъ что оркестръ напрасно старался сладиться съ нимъ. Знаменитая [illegible]е-нада Донъ-Жуана исполнена безъ надлежащей страстности, хотя [illegible]о-итальянски. Произвольно вставленное въ заключительной фразѣ вер[illegible]ее фа-діезъ чуть совсѣмъ не погубило артиста. Донна Анна, г-жа Дейша-Сіо[illegible]цкая, артистка опытная, но пѣть этой партіи, несмотря на транспониро[illegible]и, не можетъ. Въ ея фигурѣ и голосѣ слишкомъ мало драматизма. Ко[illegible]ндоръ, г. Трезвинскій, былъ бы недурнымъ командоромъ, еслибъ у[illegible]ть

пользоваться своимъ сценическимъ положеніемъ. Въ сценѣ передъ дуэлью не мѣшало бы болѣе драматизма и поменьше ненужной торопливости, а то вся сцена вышла какъ бы скомканной. Кстати о дуэли. Дуэль вышла коротка, кончить ее нужно на послѣднемъ септъ-аккордѣ. Въ сценахъ, слѣдующихъ за смертью командора, необходимо спокойствіе и ритмичность произносимыхъ фразъ. Музыка за сценой, сопровождающая слова командора, громка и неуклюжа. Церлина, г-жа Форстремъ, пѣла и играла довольно развязно, но неграціозно, пѣла по-итальянски, вслѣдствіе чего, должно быть, отъ этого и темпъ Церлины вышелъ итальянскимъ, а не моцартовскимъ. Донъ Оттавіо, г. Барцалъ, своею маленькою фигурой производилъ комическое впечатлѣніе, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи у него голоса. Давно бы нужно перестать пѣть на сценѣ г. Барцалу. Эльвира, г-жа Ильинская, Мазетто, г. Стрижевскій—артисты мало опытные, и выпускать ихъ въ такимъ роляхъ не слѣдовало бы.

Что же касается совмѣстнаго пѣнія артистовъ въ терцетахъ, квартетѣ и секстетѣ, то въ нихъ мало было индивидуальности. Пѣвцы просто подтягивали, а не изображали настроеніе изображенныхъ ими лицъ. Нужно замѣтить, что самостоятельность голосовъ вообще въ партитурѣ одно изъ совершенствъ моцартовской техники. Въ партіяхъ же пѣвцовъ она принимаетъ еще окраску дѣйствующаго лица. Речитативы исполнялись сухо и безцвѣтно. Положимъ, они и у Моцарта написаны на скорую руку, но это не мѣшаетъ придавать имъ большую выразительность. Есть, между прочимъ, отличные речитативы къ *Донъ-Жуану*, написанные Берліозомъ. Хоры въ оперѣ незначительные и вообще звучали тяжело. Оркестръ по звуку казался пришибленнымъ, угнетеннымъ. При оркестровой характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, инструменты звучали равнодушно-вяло. Если оркестръ былъ черезъ-чуръ великъ, то ничто не мѣшало бы уменьшить его, чѣмъ стараться извлекать какіе-то сдавленные звуки, тѣмъ болѣе, что и Моцартъ вовсе не разсчитывалъ на большой оркестръ для своихъ произведеній. Декораціи и общая постановка—обыкновенные. Замѣтимъ только, что послѣдняя картина сильно сокращена и поставлена неудачно. Театръ былъ полонъ, публика видимо интересовалась появленіемъ *Донъ-Жуана* на сценѣ московскаго Большого театра, но и первые пѣвцы, и рутинное отношеніе остальныхъ исполнителей вызвали сначала недоумѣніе, а подъ конецъ сожалѣніе. Верхи, по привычкѣ, заставляли повторять излюбленныя «La ci darem» и серенаду, но больше изъ любви къ этимъ мелодіямъ. Да, Моцартъ не заслуживаетъ такого небрежнаго отношенія къ св[illegible]й геніальной оперѣ!

[illegible]пера прекрасно издана музыкальнымъ магазиномъ г. Юргенсона.

[illegible]вартетныя собранія русскаго музыкальнаго общества, безъ сомнѣнія, са[illegible]e симпатичное изъ музыкальныхъ учрежденій Москвы. Нигдѣ нельзя съ [illegible]акимъ удовольствіемъ послушать чистую музыку, безъ всякой примѣси по[illegible]зности и субъективной произвольности, какъ въ этихъ собраніяхъ.

Жаль только, что постоянные исполнители въ своей творческо-исполнительской дѣятельности мало развиваются, а иногда оказываются и не на должной высотѣ своего положенія. Происходитъ это, кажется, оттого, что квартетное собраніе—учрежденіе не самостоятельное.

Русское музыкальное общество проявляетъ свою дѣятельность въ трехъ видахъ: консерваторій, симфоническихъ и квартетныхъ собраній. Поэтому профессоръ консерваторіи долженъ исправлять обязанности: преподавателя, концертмейстера, солиста и участвовать въ квартетныхъ собраніяхъ. Разумѣется, при стольких обязанностяхъ у него нѣтъ времени сосредоточиться на чемъ-либо исключительно. Отъ этого часто выходитъ и неровность исполненія въ квартетныхъ собраніяхъ.

Первое квартетное собраніе состоялось 29 сентября. Исполнено было: квартетъ Моцарта, c-dur, тріо Аренскаго, d-moll, игранный въ первый разъ, и квартетъ Шумана, a-dur.

Моцартъ, по своему таланту, былъ композиторомъ преимущественно опернымъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ проявлялъ свой геній во всѣхъ родахъ музыкальнаго искусства. Будучи прекраснымъ піанистомъ, онъ разъѣзжалъ концертировать и написалъ массу фортепіанныхъ вещей. Въ своихъ же симфоніяхъ (49) и квартетахъ (32) онъ представляетъ переходную ступень отъ Гайдна къ Бетховену. Исполненный квартетъ Моцарта принадлежитъ къ числу знаменитыхъ квартетовъ, посвященныхъ Гайдну (1785 г.) Интродукція къ первой части, начинающаяся віолончелью и послѣдующимъ вступленіемъ голосовъ, съ знаменитымъ la-бэкаръ въ первой скрипкѣ, представляетъ верхъ изящества. Первая часть, аллегро, по простотѣ и легкости творчества, по ясной формѣ, своего рода шедёвръ художественнаго изложенія. Жаль, что темпъ взятъ нѣсколько медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, а вторая тема немного затянута. Лучшая часть квартета—минуэтъ и послѣдняя часть рондо. Въ общемъ квартетъ исполненъ неровно, быстрыя части недостаточно блестяще, анданте недостаточно пѣвуче, съ малымъ чувствомъ. Относительно пропущенныхъ повтореній въ первой части второй половины и въ послѣдней, тоже второй половины, мы думаемъ, что повторенія необходимы; они ожидаются. Моцартовскія произведенія требуютъ объективнаго исполненія; новѣйшій способъ игры, выражающійся въ субъективномъ пониманіи произведенія, здѣсь не годится. Ясность формъ не нуждается въ различномъ толкованіи. Видимо, исполнители недостаточно сообща обдумали исполненіе...

Г. Аренскій принадлежитъ къ числу серьезныхъ представителей нашего композиторскаго міра, и слушатели отнеслись къ исполненію его тріо съ особеннымъ интересомъ и вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что партію фортепіано исполнялъ самъ авторъ. Тріо написано на смерть извѣстнаго віолончелиста Давыдова, профессора петербургской консерваторіи. Такое посвященіе уже предполагаетъ извѣстное содержаніе. Первая часть служитъ какъ бы интродукціей ко всему содержанію тріо. Красивая первая тема и сосредоточенно-раздумчивая вторая обрисовываютъ общій характеръ ге[illegible]ія.

По фактурѣ и ясности формы, это лучшая часть. Прелестна фраза, сопровождающая первую тему въ разработкѣ. Кончается первая часть замедленною первою темой, что производитъ большой эффектъ. Первый мотивъ скерцо напоминаетъ знаменитый мотивъ скерцо Бетховена изъ девятой симфоніи. По стилю, скерцо слѣдуетъ признать невыдержаннымъ. Вторая тема слишкомъ самостоятельна и не достаточно вытекаетъ изъ предъидущаго, а по фактурѣ напоминаетъ дуэтъ для скрипки и віолончели съ аккомпаниментомъ фортепіано, хотя сдѣлано интересно. Ритмическія движенія первой части требуютъ большой техники. Публикѣ скерцо понравилось и, по окончаніи тріо, было повторено. Элегія по формѣ представляетъ пѣсню съ мажорною темой въ срединѣ пьесы. Все содержаніе сдѣлано слишкомъ оркестрово, вслѣдствіе чего фортепіанное сопровожденіе является блѣднымъ. Послѣдняя часть, финалъ, не имѣетъ финальнаго характера. Это, по всей вѣроятности, зависѣло отъ содержанія, вложеннаго въ тріо, чѣмъ и объясняется появленіе второй темы третьей и первой части темы первой части. Въ общемъ тріо если и не представляетъ выдающагося произведенія подобнаго рода, то, во всякомъ случаѣ, выставляетъ автора талантливымъ и серьезнымъ музыкантомъ-композиторомъ. Что особенно похвально для автора, такъ это исполненіе имъ фортепіанной партіи. Г. Аренскій не присяжный піанистъ, а, между тѣмъ, онъ далъ урокъ многимъ завзятымъ піанистамъ, какъ слѣдуетъ играть фортепіанную партію въ тріо. Тріо прекрасно издано музыкальнымъ магазиномъ г. Юрсенсона.

Робертъ Шуманъ принадлежитъ къ числу тѣхъ музыкантовъ-романтиковъ, для которыхъ музыка служитъ выраженіемъ волнующихъ ихъ идей. Классическая ясность и объективная музыкальность уступаютъ содержанію. Поэтому и звуковое исполненіе требуетъ уже извѣстной окраски и характерности. Квартетъ Шумана, посвященный Мендельсону, именно и представляетъ такую задачу. Въ общемъ квартетъ былъ исполненъ хорошо, если бы только побольше индивидуальныхъ особенностей исполненія и большей картинности въ передачѣ содержанія. Во всѣхъ замедленіяхъ и перемѣнахъ темпа именно и не доставало большей характерности. Точно то же можно сказать и про ритмическія движенія при имитаціяхъ темъ и мотивовъ. Таковы были по исполненію: вторая часть—аджитато и адажіо, въ послѣдней части—тріо, въ началѣ и при транспозиціи. Въ общемъ впечатлѣніе отъ исполненія квартетнаго собранія было таково: въ началѣ артисты какъ бы не разыгрались, а подъ конецъ вошли въ свою колею. Исполнителями были: г. Гржимали — первая скрипка, г. Крайнъ — вторая, г. Соколовскій—альтъ, г. Гаэнъ—віолончель. Публики было много, и публика, по составу, полурусской.

А. Б.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь 1894 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика и критика.—Философія и педагогика.—Исторія.—Юридическія книги.—Учебники.—Изданія для народа. II. **Періодическія изданія:** «Русское Обозрѣніе», *августъ—сентябрь.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *сентябрь.*—«Вѣстникъ Европы», *сентябрь.*—«Міръ Божій», *сентябрь.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1894 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Стихотворенія“ *А. Н. Плещеева.* — „Кобзарь“. *Т. Г. Шевченка.* — „Сочиненія“ *А. Луговою.*— „Собраніе повѣстей и разсказовъ“. *Ѳ. С. Стулли.* — „Будни“. *В. Подкольскаго.*

Стихотворенія А. Н. Плещеева (1846—1891 г.). Второе изданіе. Съ портретомъ автора, факсимиле и статьею П. И. Вейнберга. Изданіе А. А. Плещеева. Спб., 1894 г. Цѣна 3 руб. Почти полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ печати (въ 1846 г.) первое стихотвореніе Алексѣя Николаевича Плещеева:

„Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!“...

Оно самимъ авторомъ поставлено первымъ въ ряду произведеній „юношескаго періода“ и звучитъ такимъ искреннимъ и пламеннымъ призывомъ къ борьбѣ за правду, полно такой свѣтлой вѣры въ побѣду надъ „жрецами грѣха и лжи“, что не утратило своего значенія до сихъ поръ и удержитъ его за собой еще очень долго. Этимъ юношескимъ стихотвореніемъ опредѣлилось все послѣдующее направленіе поэта, оставшагося до конца своей жизни неизмѣнно вѣрнымъ поборникомъ „истины святой“, любви и добра. По силѣ своего таланта А. Н. Плещеевъ не можетъ быть поставленъ въ ряду первоклассныхъ поэтовъ, но слѣдомъ за ними едва ли не ему слѣдуетъ отвести наиболѣе видное мѣсто. Въ своей прекрасной статьѣ, посвященной памяти покойнаго поэта, П. И. Вейнбергъ, перечисливши нѣкоторыя его произведенія, приходитъ къ такому заключенію: „Всѣ эти стихотворенія (а у Плещеева ихъ не мало) составляютъ, при своемъ несомнѣнномъ чисто-поэтическомъ достоинствѣ, и общественную, гражданскую сторону его поэзіи и придаютъ ей важное значеніе, дѣйствуя оживляющимъ, укрѣпляющимъ, душеподъемнымъ образомъ въ наше дряблое, малодушное время“... Въ такое жалкое время, добавимъ мы, когда, мѣсто призывовъ:

„Впередъ, впередъ, и безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ не сулилъ!“

раздаются позорные вопли: „назадъ, назадъ!“—когда вмѣсто: „Возьми барабанъ,

Сильнѣе стучи и тревогой
Ты спящихъ отъ сна пробуди!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства“...

намъ, или, вѣрнѣе, молодому поколѣнію, силятся доказывать, будто не такъ это, будто — „искусство для искусства“; когда, вмѣсто требованія отъ молодого поколѣнія „нести твердою рукой“

„Святое знамя жизни новой,
Не отступая предъ толпой“...

слышатся поученія: „отойди отъ зла“ къ сторонкѣ, „сотвори благо“ въ непротивленіи, сложи руки въ „недѣланіи“... и когда, наконецъ, находятся молодые люди, готовые идти вспять, служить „искусству для искусства“, а не ради торжества истины и добра, спасать душу свою „непротивленіемъ“ и „недѣланіемъ“, а не „полагать душу за други своя“ въ дѣятельной борьбѣ съ мракомъ, неправдою и зломъ... Въ такое время разноголосицы и сомнѣній полезно, необходимо напомнить о Плещеевѣ, объ его стихахъ, объ энергичныхъ словахъ поэта:

„Не говорите, что напрасно,
Что для безплодной лишь борьбы,
Стремленій чистыхъ и прекрасныхъ
Дано вамъ столько отъ судьбы.
. . . .
Къ чему напрасныя сомнѣнья?
Идите смѣлою стопой“...

Настоящее изданіе, какъ значится въ предисловіи, есть точная копія съ перваго, вышедшаго въ 1887 г. и редактированнаго покойнымъ авторомъ. Оно лишь дополнено позднѣйшими стихотвореніями, написанными послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія. Къ нему приложены: превосходный портретъ А. Н. Плещеева и два факсимильные снимка съ его рукописей. Изданіе можно назвать роскошнымъ.

Кобзарь. Т. Г. Шевченка. (Съ портретомъ и видомъ могилы). Изданіе К. М. Гамалѣя, пріобрѣтенное Ф. А. Іогансономъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Минуетъ уже тридцать четвертый годъ со дня смерти украинскаго народнаго поэта Т. Г. Шевченка, а, между тѣмъ, до сихъ поръ произведенія его не были еще ни разу изданы по цѣнѣ, доступной *для народа*. Кажется, въ февралѣ текущаго года которая-то изъ кіевскихъ газетъ напечатала извѣстіе, что въ скоромъ времени г. Гамалѣя выпуститъ *дешевое* изданіе *Кобзаря*, доступное по цѣнѣ для народа. До сихъ поръ, однако же, такое изданіе не появлялось, а явилось довольно дорогое изданіе того же г. Гамалѣя, „пріобрѣтенное г. Іогансономъ“... Если правда, что точно такое же, за исключеніемъ только бумаги, дешевое, копѣекъ въ 30—35, изданіе *Кобзаря* выйдетъ чрезъ мѣсяцъ, или два, то отсюда очевиде[...] „маневръ“ издателей... Кто при этомъ не пожелаетъ скорѣйшаго с[...]краценія срока наслѣдственныхъ правъ на литературную собстве[...]ность?... Вѣдь, это-то „право“ уже тридцать три года лишаетъ укр[...]инскую массу произведеній ея дорогого и любимаго поэта!

Настоящее изданіе *Кобзаря* почти ничѣмъ не отличается отъ предъидущаго, выпущеннаго въ 1889 г. тѣмъ же г. Іогансономъ. Если ж

и есть разница, то не въ пользу изданія, а въ пользу *издателя*: за перемѣну портрета Шевченка, за прибавленіе весьма аляповатаго вида могилы поэта и 62 страницъ бумаги г. Іогансонъ прибавилъ къ прежней цѣнѣ 50 коп. Надо замѣтить, что прибавка бумаги въ новомъ изданіи произошла отъ болѣе крупнаго шрифта, а не отъ прибавленія новыхъ произведеній поэта, не бывшихъ въ изданіи 1889 г. Намъ кажется, что брать 50 коп. за четыре листа бумаги на изданіи столь популярнаго поэта „немножко много“.

Недостатки изданія 1889 г. не исправлены и въ настоящемъ изданіи. Прежде всего, отсутствуютъ свѣдѣнія о жизни поэта; отсутствуетъ даже коротенькое, входившее въ прежнія изданія *Кобзаря* (кромѣ изданія 1889 г.), извѣстное автобіографическое письмо Шевченка къ Оболонскому. Едва ли нужно говорить о крайней потребности такихъ свѣдѣній. Читатель, вовсе незнакомый съ жизнью Шевченка, наткнется на неразрѣшимый для него вопросъ: почему муза Шевченка молчала почти восемь лѣтъ? Читатель же, знакомый съ біографіей украинскаго поэта, усомнится, читая подъ нѣкоторыми стихотвореніями подпись „1850 г. Надъ Каспіемъ“. Извѣстно, что Шевченко, будучи арестованъ вторично въ Оренбургѣ въ апрѣлѣ 1850 г., въ концѣ октября очутился въ Новопетровской крѣпости. Но это не важно. Гораздо важнѣе не исправленныя въ новомъ изданіи хронологическія погрѣшности въ распредѣленіи и датированіи произведеній поэта. Мы укажемъ только нѣкоторыя, весьма немногія, которыхъ нельзя не замѣтить сразу. Напримѣръ, къ числу стихотвореній, написанныхъ Шевченкомъ въ 1846 г., отнесены такія, которыя были напечатаны еще въ 1843 г. Невѣрно сказано, что стихотвореніе *Хустина* въ первый разъ было напечатано въ сборникѣ *Луна*, тогда какъ это стихотвореніе явилось въ 1881 г. въ львовскомъ журналѣ *Свѣт*. Послѣ поэмы *Неофити*, датированной 8 декабря 1857 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, помѣщено стихотвореніе *Доля*, помѣченное „1858 г., Петербургъ“, а за нимъ безъ означенія мѣсяца и мѣста написанія *Муза*, *Вѣдьма*, *Ляхамъ*, *Слава;* потомъ *Сонъ*, датированный 13 іюля 1858 г. Стóитъ только заглянуть въ *Основу*, чтобъ узнать, что стихотворенія *Доля*, *Муза* и *Слава* написаны въ одинъ и тотъ же день—9 февраля 1858 г. и не въ Петербургѣ, а въ Нижнемъ-Новгородѣ. Замѣтимъ кстати, что едва ли кто вправѣ „исправлять“ произведенія такихъ поэтовъ, какъ Шевченко, а, между тѣмъ, въ изданіи г. Іогансона кто-то позволилъ себѣ, напримѣръ, такія „исправленія“. Въ стихотвореніи *Як маю я журитися...* присланномъ покойному О. М. Бодянскому въ письмѣ 3 января 1850 г. и потомъ напечатанномъ въ *Русской Старинѣ*, было *щоб не було свободнаю*,—вмѣсто этого въ изданіи Іогансона явились *щоб не росло таке зілля...* Въ стихотвореніи *Слава* также допущены исправленія. Далѣе, примѣчаніе къ отрывку изъ поэмы *Еретик*, по нашему мнѣнію, совершенно излишнее, такъ какъ изъ *Воспоминаній* Афанасьева о *Еретикѣ* давно извѣстно гораздо больше положительныхъ свѣдѣній. Наконецъ, мы не можемъ понять, что это такое: стихотвореніе *Пѣсня*, датированное іюня 1859 г., посвящено Черненку на память 22 сентября 1859 г. Не ошибка ли это? И еще вопросъ: можно ли утвердительно принять за шевченковское стихотвореніе *До сестри*? Намъ кажется оно сомнительнымъ и мы скорѣе приписали бы его перу А. И. Псіола.

Пожелаемъ, чтобы будущее изданіе *Кобзаря* было сдѣлано внимательнѣе.

Сочиненія А. Луговаго. Томъ первый. Стихотворенія, повѣсти, разсказы и драматическія произведенія. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. Имя г. Луговаго извѣстно нашимъ читателямъ. Въ нынѣшнемъ году въ *Русской Мысли* напечатана его повѣсть *Между двухъ смутныхъ идеаловъ.* Судя по оглавленію лежащаго передъ нами перваго тома произведеній г. Луговаго, онъ выступилъ на литературное поприще десять лѣтъ тому назадъ и въ 1884 году написалъ нѣсколько стихотвореній. Въ слѣдующемъ году, кромѣ двухъ стихотвореній, имъ написаны два разсказа: *Не судилъ Богъ* и *Однимъ часомъ*, и повѣсть *На куриномъ насѣстѣ*, напечатанная въ нашемъ журналѣ. Затѣмъ г. Луговой написалъ два драматическихъ произведенія: *За золотымъ руномъ* и *Озимь*, разсказы: *За грозой вёдро, Не отъ міра сего* и *Швейцаръ*, и этюдъ *Ольга Ярославна.* На обложкѣ книги значится, что второй томъ будетъ занятъ романомъ *Грани жизни*, въ третьемъ будутъ помѣщены стихотворенія, повѣсти и разсказы. Г. Луговой располагаетъ свои произведенія въ хронологическомъ порядкѣ, что пестритъ немного большой томъ въ 36 печатныхъ листовъ, придаетъ ему видъ сборника,—по-старинному, альманаха. Стихотворенія г. Луговаго написаны правильно, гладко, нѣкоторыя — не безъ увлеченія, но,—не во гнѣвъ автору,—это не поэтическія произведенія, а „проза въ стихахъ". Судить о сценическомъ достоинствѣ драмъ г. Луговаго довольно трудно, не видавши ихъ на сценѣ. Мы по личному опыту знаемъ, насколько различныя впечатлѣнія получаются отъ одной и той же драмы при чтеніи въ книгѣ и при постановкѣ ея на театрѣ. Неотразимымъ доказательствомъ этого служатъ одобренія литературно-театральными комитетами къ представленію такихъ произведеній, которыя сплошь и рядомъ на сценѣ оказываются никуда не годными. Не можемъ, однако, не замѣтить, что конецъ драмы *Озимь* и въ чтеніи представляется намъ довольно неудачнымъ, совершенно случайнымъ, ничѣмъ не связаннымъ со всѣмъ предъидущимъ и отнюдь не вытекающимъ логически изъ фабулы пьесы. Развязки, собственно говоря, нѣтъ: главное дѣйствующее лицо, держащее въ своихъ рукахъ узелъ драмы, умираетъ отъ удара въ концѣ послѣдней сцены, и читателю предоставляется догадываться, что послѣ смерти этого „туза" все уладится наилучшимъ образомъ. Въ повѣсти *На куриномъ насѣстѣ*, какъ припомнятъ, вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей, авторъ даетъ „хронику одного незамѣтнаго существованія". Герой этой „хроники", Григорій Гордѣевичъ Гордѣевъ, представляетъ собою весьма типическое и вполнѣ живое лицо, интересное, именно, „незамѣтностью" своего существованія. Передавать содержаніе этой повѣсти мы считаемъ лишнимъ, да и трудно было бы, почти невозможно, его передать,—такъ тихо, несложно, изо дня въ день плетется жизнь „на куриномъ насѣстѣ", гдѣ все вертится на самыхъ крохотныхъ, поистинѣ, „куриныхъ" подробностяхъ. Фигуры Гордѣева и его мамаши, Мароы Игнатьевны, тѣмъ особенно хороши, что, изображая ихъ, авторъ не вдается ни въ малѣйшее преувеличеніе. Тутъ нѣтъ и намека на какой-либо шаржъ... *Не отъ міра сего*, разсказъ. названный авторомъ „quasi una fantasia", изображаетъ барышню, самомъ дѣлѣ, весьма фантастическую, по нашимъ временамъ. Герои Маня, единственная дочь богатыхъ и высокопоставленныхъ родителе увлеклась Демономъ,—лермонтовскимъ Демономъ,—да такъ ошалѣла о этого, что спитъ и видитъ сдѣлаться новою Тамарой, хотя и сог шается выйти замужъ за богатаго, немного безцвѣтнаго (въ изобр женіи автора) князя. И сдѣлалась бы сумасбродная дѣвица очень п

личною княгиней, если бы не явился передъ нею ночью на скалѣ близъ Кисловодска „демонъ“ и не запѣлъ бы арію изъ *Демона* рубинштейновскаго. Услыхала барышня демонскій „могучій призывъ“:

> „Тебя я, вольный сынъ эѳира,
> Возьму въ надзвѣздные края,
> И будешь ты царицей міра,
> Подруга вѣчная моя!“...

услыхала и, „какъ скошенный колосъ, упала на землю“ и умерла. Пѣвецъ сошелъ со скалы, отнесъ мертвую барышню домой и оказался ученикомъ московской консерваторіи... Какая мысль сокрыта въ этой „фантазіи“, мы рѣшать не беремся. За то очень ясна идея „этюда“ *Ольга Ярославна*—не какая-нибудь историческая „Ярославна“, а простая современная барынька, богатая вдова, графиня, рѣшившая съ молодыхъ лѣтъ жить „не какъ всѣ“. Выйдя замужъ за старенькаго графа, она три года была примѣрною супругой, потомъ овдовѣла и, по выраженію автора, „пошла своею дорогой“, заявляя всѣмъ искателямъ ея руки, что она „veuve à perpétuité“... Впрочемъ, „своя дорога“ привела Ольгу Ярославну туда же, куда попадаетъ множество богатыхъ вдовушекъ,—за границу, гдѣ она „любила“ красавца русскаго, потомъ рыжаго англичанина, которому случайно измѣнила съ мулатомъ, потомъ любила испанскаго „матадора“, котораго бросила потому, что „ее потянуло къ искусству, поэзіи, наукѣ“... И опять она кого-то любила, потомъ разочаровалась, пріѣхала въ деревню, стала баловаться работой по-крестьянски, „игрою“ въ хороводахъ, мечтами о томъ, съ кѣмъ изъ парней она будетъ „рожать дѣтей“... До этого, однако, не дошло, а влюбилась барыня въ своего управляющаго, стала вести съ нимъ умныя бесѣды, разъ „намекнула ему, что ея скитанія за границей не были безупречны съ точки зрѣнія житейской морали“, и подмѣтила въ немъ... что онъ къ ней неравнодушенъ. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ она напрямикъ предложила ему себя „въ жены“, объявила, что „хочетъ теперь быть матерью и женой, *какъ всѣ*“... На томъ и порѣшили, что поцѣлуются они въ первый разъ, „какъ всѣ“,—„тамъ, у аналоя“... Надо добавить, что произошло это черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ перваго замужства и лѣтъ черезъ десять послѣ англичанина, мулата и матадора. Что-жь, лучше уже такъ, чѣмъ подъ сорокъ-то лѣтъ мечтать о деревенскихъ парняхъ. Мораль въ эпиграфѣ, въ стихѣ Виктора Гюго: „Oh, n'insultez jamais une femme qui tombe!“—Никогда не оскорбляйте женщину, которая падаетъ!—Оскорблять, конечно, не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, если женщина образумилась, хотя и къ сорока годамъ. Только все же, „съ точки зрѣнія житейской морали“, нельзя и любоваться Ольгой Ярославной.

Собраніе повѣстей и разсказовъ Ѳ. С. Стулли. Спб., 1894 г. Ц. 3 руб. Имя г. Стулли не пользуется большою извѣстностью, и собраніе его произведеній появляется въ первый разъ, если мы не ошибаемся, хотя авторъ довольно пожилой человѣкъ, какъ то видно и ь его воспоминаній о крымской войнѣ (1854—55 гг.), когда онъ былъ у е студентомъ Кіевскаго университета. Повѣсти г. Стулли печатались в журналахъ, одна изъ нихъ (*Праздные люди*) была напечатана въ ж рналѣ *Время* 1862 г., другая, *Марья Игнатьевна*,—въ *Вѣстникѣ* *Европы*, подъ заглавіемъ *Два раза замужемъ*, какъ то значится въ примѣчаніяхъ. Всѣхъ „повѣстей и разсказовъ“ въ лежащей передъ нами к игѣ помѣщено двѣнадцать. Всѣ они написаны гладко, очень хорошимъ литературнымъ языкомъ, но, сказать правду, интересъ представ-

ляютъ довольно слабый,—недостаетъ въ нихъ жизненности дѣйствующихъ лицъ, яркости и рельефности изображеній, и событія, въ нихъ описываемыя, мало захватываютъ читателя... На первомъ мѣстѣ напечатанъ „эскизъ" подъ заглавіемъ *Экземпляръ*. Такъ называетъ родитель свою избалованную, своенравную дочку, дѣвушку, выдѣлывающую отъ скуки разныя вздорныя шалости. Повѣсть *Въ сутолокѣ* не изображаетъ никакой „сутолоки", это просто растянутая исторія проживанія въ деревнѣ одной очень богатой больной барыни, разошедшейся съ мужемъ, соскучившейся безцѣльнымъ пребываніемъ за границей и вернувшейся въ свое имѣніе въ сопровожденіи молодого врача. Очень симпатичный медикъ влюбляется сначала въ паціентку, потомъ въ бойкую жену сельскаго фельдшера, съ которою вступаетъ въ сожительство, а впослѣдствіи, когда она овдовѣла, въ законный и очень счастливый бракъ. *Марья Игнатьевна* была „два раза замужемъ", въ первый разъ за пожилымъ учителемъ, прекраснымъ человѣкомъ, только очень скучнымъ и рано одряхлѣвшимъ отъ болѣзни. Героиня какъ-то невзначай и необыкновенно быстро увлеклась случайнымъ спутникомъ въ дорогѣ, черезъ нѣсколько часовъ знакомства измѣнила мужу, потомъ вернулась домой, призналась во всемъ и осталась ухаживать за больнымъ супругомъ, а ребенка, котораго мужъ призналъ за своего, чтобъ избѣжать скандала, она отдала на воспитаніе его настоящему отцу. Послѣ смерти старика Марья Игнатьевна провела годъ траура, а по окончаніи траура сочеталась съ любовникомъ законнымъ бракомъ, и зажили они счастливо, дѣтокъ народили, не насмотрятся другъ на друга. Въ повѣсти *Не пара, изъ записокъ женщины-врача*, герой оказывается „не парой" сперва своей законной женѣ, потомъ женѣ „гражданской", какъ говорилось когда-то, „женщинѣ-врачу", отъ лица которой ведется повѣствованіе. Далѣе слѣдуетъ разсказъ *Дѣло и слово*, гдѣ фигурируетъ опять дама, увлекающаяся едва знакомымъ господиномъ и дѣлающаяся его любовницей со второй встрѣчи съ нимъ... Всѣ эти дамы, разумѣется, очень красивы, ведутъ много умныхъ разговоровъ, иногда какъ будто даже слишкомъ много; всѣ онѣ „въ душѣ" очень добродѣтельны, только, должно быть, „врагъ силенъ", и въ результатѣ у нихъ являются незаконныя дѣти. Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ нѣтъ ни одного типическаго лица, все это какія-то куклы, фантоши, которыхъ авторъ передвигаетъ съ мѣста на мѣсто, какъ ему хочется, за которыхъ онъ говоритъ, что ему угодно, по большей части умно, но скучно. Исключеніе составляютъ герой и двѣ героини повѣсти *Моя женитьба:* въ нихъ есть и черты типическія, и нѣкоторая оригинальность, и логическая послѣдовательность въ ихъ дѣяніяхъ. Характеры хорошо выдержаны, обрисованы съ достаточною ясностью, что придаетъ повѣсти смыслъ и интересъ. Правда, въ героѣ мы встрѣчаемъ лицо знакомое, много разъ изображавшееся въ романахъ и повѣстяхъ и являющееся на этотъ разъ лишь въ новой обстановкѣ. Что касается остальныхъ произведеній г. Стулли, то мы рѣшительно затрудняемся уловить и точно формулировать мысль, положенную авторомъ въ основаніе каждаго изъ нихъ. Все, что продѣлываютъ его героини и герои, вѣроятно, бываетъ въ дѣйствительной жизни. Но мало ли что бываетъ. Задача литературы, писателя, не въ томъ, чтобы разсказывать намъ о похожденіяхъ Марьи Игнатьевны, Марьи Гавриловны, Дарьи Михайловны и иныхъ дамъ. Какое намъ и публикѣ дѣло до того, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ заполучила каждая изъ нихъ любовника и какъ распорядилась потомъ съ „плодомъ любви"... мы чуть не с-

зали „несчастной“, но остановились потому, что почти во всѣхъ случаяхъ маменьки и чада устраивались наилучшимъ, наисчастливѣйшимъ образомъ. Какой можно сдѣлать изъ этого выводъ? Какая же мораль сихъ басенъ? И, наконецъ, представляютъ ли онѣ собой нравы и бытъ какого-либо общества въ данное время? Ничуть не бывало. Это просто разныя Марьи и Дарьи, берущія въ любовники перваго встрѣчнаго на постояломъ дворѣ, въ курортной гостиницѣ, въ плохихъ номерахъ... Какое же кому дѣло до такихъ дамъ?

Будни. Разсказы и очерки В. Подкольскаго. Москва, 1894 г. Цѣна 1 рубль. Въ ряду книгъ, которыя намъ приходится просматривать, появляются во множествѣ сборники мелкихъ „разсказовъ и очерковъ“ мало извѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ писателей, но совсѣмъ не часто выпадаетъ на нашу долю то удовольствіе, съ какимъ мы прочли безпритязательные маленькіе разсказы г. Подкольскаго. Написаны они живымъ, хорошимъ языкомъ, и первое ихъ достоинство заключается въ бодрости и свѣжести настроенія автора. Онъ беретъ свои сюжеты, по большей части, изъ деревенской жизни, помѣщичьей и крестьянской, иногда изъ быта городского бѣднаго рабочаго люда. Не одни, конечно, стоны и скрежетъ зубовный оглашаютъ наши поля и не слезами только политы улицы. Раздается на нихъ и живой смѣхъ, и веселая пѣсня, и лучи счастья проглядываютъ сквозь туманъ сѣренькой жизни. Всему находится свое время и свое мѣсто, да и вездѣ въ нашемъ отечествѣ, какъ и въ чужихъ краяхъ, въ глуши провинціальной, какъ и въ столицахъ, жизнь идетъ, при различіи формъ, почти одинаково: забавнаго въ ней, все-таки, больше, чѣмъ трагическаго, смѣшного, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ плачевнаго. И г. Подкольскій рисуетъ не однѣ только розовыя картинки, доказательствомъ могутъ служить разсказы: *Подъ новый годъ*, *Почта*, *Единственный*, *Учитель танцевъ*, *Свиданіе*. Мы остановимся на этомъ послѣднемъ: бредетъ старушонка за полтораста верстъ въ городъ повидать своего „ненагляднаго“ барченка, котораго она вынянчила, въ которомъ души не чаетъ. Дорогой на отдыхѣ старушку змѣя напугала. „Царица Небесная, спаси и помилуй! — взмолилась Степановна.—Матушка-змѣюшка, на што я тебѣ? Не тронь ты меня, старуху старую!“ И змѣя прочь поползла. „Не обидѣла старуху, спасибо тебѣ, матушка“,—поклонилась ей вслѣдъ Степановна. Дотащилась старуха до города, свидѣлась съ своимъ „дитяткой“, да только не на радость. Молодой человѣкъ, франтъ, мечтающій о карьерѣ, устыдился своей бывшей няни и ея деревенскаго гостинца, собственноручно связанныхъ старухой чулокъ, устыдился ея плохой одежонки и, вмѣсто ласки, которой такъ жаждала Степановна, поспѣшилъ выпроводить ее вонъ, разсчитывая отдѣлаться денежною подачкой. „Одно только... одно разъединое ласковое словечко!“—простонала старушка. Но, вмѣсто такого словечка, онъ нашелся только грубо сказать: „Какъ тебѣ не стыдно, няня! Отъ тебя пахнетъ водкой!“ — „Водкой? Ахъ, ты... Змѣя въ лѣсу — и та не обидѣла!...“ — она не договорила и, съ у... оромъ покачавъ головой, быстро вышла изъ комнаты... „Не веселость и... не смѣхъ положены въ основу хорошенькой картинки *Счастливый ...екъ*, — жанра изъ быта прачешной, гдѣ подруги снаряжаютъ одну и... „своихъ“ дѣвицъ къ вѣнцу съ шарманщикомъ. Въ жизни этой ...дной Насти выдался одинъ „денекъ“, но за то ужь такой счастли... і, что она во всю жизнь его не забудетъ. Авторъ вездѣ, въ самой с... ренькой и заурядной жизни, умѣетъ подмѣтить и хорошо оттѣнить в... ическій элементъ тонкими чертами, ни мало не закрывающими того,

что въ дѣйствительности есть печальнаго или непригляднаго въ изображаемыхъ имъ людяхъ и событіяхъ. Совершенно незлобиво, правдиво и жизненно изображаетъ онъ плута мужика (*Все сполна*), пьянаго писаря (*Случая нѣтъ*), святочныя вечеринки у отца дьякона и у дьячка (*Народникъ*), начальника станціи, его помощника и сторожа (*Караси*), забавныхъ помѣщиковъ (*Послѣдній долгъ*, *Непріятность*), юнаго поэтика (*Женихъ*), захудалую барыню-побирушку (*Генеральша*), молодого адвокатика (*Защитникъ*)... Мы считаемъ г. Подкольскаго, несомнѣнно, талантливымъ писателемъ, и если онъ молодой человѣкъ, то отъ души желаемъ ему дальнѣйшаго развитія его силъ.

ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА.

„Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи". *Н. И. Карѣева.*—„Критическіе опыты. *Н. К. Михайловскаго.*—„Изъ эпохи великихъ людей". *Г. А. Джаншіева.*

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи Н. И. Карѣева. Спб., 1894 г. Цѣна 50 коп. Профессоръ Петербургскаго университета, Н. И. Карѣевъ, всегда обнаруживавшій живое участіе къ запросамъ и нуждамъ учащейся молодежи, напечаталъ книжку о необходимости самообразованія, безъ котораго не дѣйствительна школа, даже и высшая. Самообразованіе,—говоритъ почтенный профессоръ,—нужно не только для самого молодого человѣка: оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, является исполненіемъ великаго общественнаго долга „передъ тѣми, чьими трудами созданы матеріальныя средства, на которыя существуемъ мы сами, существуютъ наши книги, наши музеи, институты, академіи и университеты".

Любовь къ истинѣ и исканіе справедливости,—говоритъ Н. И. Карѣевъ,—являются могучими факторами самообразованія, т.-е. стремленія выработать стройное міропониманіе. Авторъ, придающій, какъ извѣстно, огромное значеніе личности въ исторіи, особенно настаиваетъ на самостоятельной работѣ въ этомъ отношеніи, на вредѣ одного лишь пассивнаго усвоенія извѣстнаго ряда идей и фактовъ.

„Чтобъ имѣть возможность оказывать воздѣйствіе на соціальную среду, нужно не только развить въ себѣ силу сопротивленія всѣмъ идущимъ съ ея стороны вліяніямъ, дѣлающимъ личность совершенно безсильною и въ смыслѣ наступленія, и въ смыслѣ обороны, т.-е. спасенія себя отъ уподобленія этой самой среды, а нужно еще хорошо знать эту среду; знаніе же соціальныхъ отношеній, какъ наиболѣе сложное, опирается лишь на знаніи явленій и отношеній менѣе сложныхъ, лежащихъ въ основѣ общественнаго бытія. Между прочимъ, тутъ необходимо самое внимательное отношеніе именно къ вопросамъ индивидуальной психологіи и индивидуальной этики". Вся культурная и соціальная исторія человѣчества является исторіей постепеннаго признаванія за личностью ея достоинства и правъ, борьбою за свои и чужія достоинства и права, за ихъ осуществленіе въ моральных[ъ и] соціальныхъ отношеніяхъ. „Внѣ принципа равнаго достоинства ч[ело]вѣческой личности и прирожденныхъ ей правъ не можетъ быть н[и]кой общей мѣрки для этическихъ отношеній въ частной и обществ[ен]ной жизни".

Средствами для самообразованія служатъ художественная лите[ра]тура съ критикой и публицистикой и наука. Н. И. Карѣевъ особе[нно] важное значеніе приписываетъ критикѣ публицистической. „Особ

условія русской жизни,—говоритъ онъ,—сдѣлали изъ литературной критики одинъ изъ наиболѣе могучихъ способовъ проведенія въ жизнь культурныхъ и общественныхъ идей, и въ этомъ смыслѣ наша критика особенно близко стояла къ жизни, тогда какъ интересы критики эстетической и ученой уже болѣе оторваны отъ жизни, будучи связаны больше съ литературою въ ея противоположности дѣйствительности и съ интересами чисто-ученаго изслѣдованія литературы".

Вполнѣ признавая великое значеніе естествознанія и сожалѣя о томъ, что оно находится въ пренебреженіи въ нашей средней школѣ, проф. Карѣевъ самымъ могучимъ орудіемъ самообразованія признаетъ исторію.

Мы можемъ только пожелать широкаго распространенія этой книжки, написанной убѣжденно, съ горячею любовью къ учащейся молодежи. Прибавимъ, что доходъ съ изданія проф. Карѣевъ назначаетъ въ пользу общества вспомоществованія студентамъ Петербургскаго университета.

Критическіе опыты. Н. К. Михайловскаго. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. Двѣ большія статьи Н. К. Михайловскаго, вошедшія въ третій выпускъ его *Критическихъ опытовъ,* были напечатаны первоначально въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Послѣ появленія этихъ статей вышли двѣ книжки объ Иванѣ Грозномъ: харьковскаго профессора-психіатра Ковалевскаго и г. Евг. Соловьева (въ біографической библіотекѣ Ф. Ѳ. Павленкова). Н. К. Михайловскій говоритъ, что они не побудили его измѣнить что-либо въ его статьѣ.

Вторая статья *(Герой безвременья)* посвящена Лермонтову. Основной мотивъ и центральную точку лермонтовской поэзіи критикъ видитъ въ героизмѣ. „Съ ранней молодости, можно сказать—съ дѣтства, и до самой смерти мысль и воображеніе Лермонтова были направлены на психологію прирожденнаго властнаго человѣка, на его печали и радости, на его судьбу, то блестящую, то мрачную". Но та общественная обстановка, въ которой пришлось жить поэту, не дала развернуться его великимъ силамъ, сдѣлала изъ него *героя безвременья.*

Изъ эпохи великихъ реформъ. Г. А. Джаншіева. 5-е изданіе. Цѣна 2 р. 40 к. Мы отмѣчали первыя изданія интересныхъ и весьма поучительныхъ *историческихъ справокъ* г. Джаншіева. Новое, дополненное изданіе его книги найдетъ такой же радушный пріемъ у читателей, какъ и прежнія. Передъ нами теперь не тоненькая книжка, а томъ въ семьсотъ слишкомъ страницъ, къ которому приложены портреты А. М. Унковскаго и С. И. Зарудняго. Мы сдѣлаемъ только одну оговорку: тонъ некролога Н. С. Тихонравова слишкомъ дифирамбическій. Вполнѣ признавая его огромныя научныя заслуги, его полезную дѣятельность, какъ ректора университета въ первые годы этого ректорства, мы не можемъ, къ сожалѣнію, видѣть въ покойномъ профессорѣ такого стойкаго и неуклоннаго борца за университетскую автономію, какъ это говоритъ г. Джаншіевъ, не можемъ именно съ этой точки зрѣнія признать безупречными отношенія Н. С. Тихонравова и къ профессорамъ, и къ студентамъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи". — „Основные моменты въ развитіи новой философіи". *Н. Я. Грота.* — „Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія". *Изд. москов. комитета грамотн. въ пользу воскресныхъ школъ.*

Вопросы Философіи и Психологіи. Книга 4-я. Въ общемъ отдѣлѣ этой книги журнала московскаго психологическаго общества особенное вниманіе обращаетъ на себя статья В. С. Соловьева *Первичныя данныя нравственности* (глава изъ приготовленнаго къ печати сочиненія *Основанія нравственной философіи*). Какъ метафизикъ-спиритуалистъ, авторъ ищетъ такихъ *данныхъ нравственности,* которыя, по его мнѣнію, присущи природѣ человѣка и не могутъ быть объяснены путемъ эволюціи, приспособленія и т. п. Въ началѣ своего изслѣдованія г. Соловьевъ говоритъ, что существуетъ неразложимая основа человѣческой нравственности и на ней должно утверждаться всякое значительное построеніе въ области этики. „Признаніе этой истины,— продолжаетъ авторъ,— нисколько не зависитъ отъ того или другого метафизическаго или научнаго взгляда на происхожденіе человѣка. Продуктъ ли длиннаго ряда видоизмѣненій животныхъ организацій, или непосредственное произведеніе высшаго творческаго акта,— человѣческая природа, во всякомъ случаѣ, существуетъ со всѣми своими отличительными чертами, между которыми важнѣйшее мѣсто занимаютъ черты нравственныя".

Изъ дальнѣйшихъ разсужденій г. Соловьева оказывается, конечно, что то или другое рѣшеніе этого вопроса вовсе не безразлично для построенія этики. Основнымъ нравственнымъ чувствомъ авторъ признаетъ *стыдъ,* но его нѣтъ, утверждаетъ г. Соловьевъ, у высшихъ даже животныхъ (въ правильности этого утвержденія мы сомнѣваемся). Человѣкъ, по мнѣнію г. Соловьева, стыдится своихъ природныхъ влеченій и функцій собственнаго организма и тѣмъ самымъ показываетъ, что „онъ не есть только это природное матеріальное существо, а еще нѣчто другое и высшее". Зрѣніе есть несомнѣнная функція организма,—неужели человѣкъ долженъ ея стыдиться? Впрочемъ, свое вниманіе г. Соловьевъ сосредоточиваетъ преимущественно на стыдѣ, вызываемомъ половою функціей. Онъ признаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, существованіе безстыдства у отдѣльныхъ лицъ и у цѣлыхъ народовъ (послѣднее г. Соловьевъ считаетъ сомнительнымъ), но этотъ фактъ, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ данныхъ случаяхъ духовное начало человѣка или потеряно, или не раскрылось еще.

Второе основное нравственное чувство—*жалость,* третье—*благоговѣніе.* Ихъ существованіе, въ зародышѣ, г. Соловьевъ признаетъ и у животныхъ.

Изъ приведеннаго видно, что мы въ существенно-важныхъ вопросахъ расходимся съ г. Соловьевымъ, что, разумѣется, не мѣшаетъ намъ признать выдающуюся силу оригинальной мысли, талантливость и остроуміе его новаго труда. Въ слѣдующей статьѣ авторъ будетъ гово тъ объ этическихъ ученіяхъ.

Работа Н. Я. Грота *О времени* еще не окончена. Въ спеціалі ыхъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи гг. Токарскаго (*Сознаніе и вс*), Козлова (*Густавъ Тейхмюллеръ*) и Гольцева (*Психологія идей-си*). Статьи эти не поддаются краткому анализу въ общемъ журналѣ. О чные отдѣлы журнала *Вопросы Философіи и Психологіи* составлен съ обычнымъ интересомъ и тщательностью. Много мѣста отведено док р-

скому диспуту въ Московскомъ университетѣ профессора Ланге (объ его диссертаціи *О значеніи эксперимента въ современной психологіи* мы дадимъ рецензію).

Основные моменты въ развитіи новой философіи. Н. Я. Грота. Москва, 1894 г. Изд. „Посредника". Цѣна 60 коп. Книжка проф. Грота составилась изъ статей, которыя печатались въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* и о которыхъ мы своевременно говорили въ нашемъ журналѣ. Для чтенія этой книжки нужна нѣкоторая подготовка, но такихъ читателей у насъ уже не мало.

Задача историка философіи,—пишетъ Н. Я. Гротъ,—понять не только смыслъ отдѣльныхъ ученій, но и общій смыслъ эпохи въ развитіи философіи.

Новая философія „оказала человѣчеству великую услугу, отвоевавъ свободу мысли и выяснивъ самые устои ея, методы научнаго познанія внѣшней дѣйствительности, природы". Г. Гротъ усматриваетъ, однако, въ современной философской мысли горделивыя притязанія на исключительное господство въ жизни и предполагаетъ, что будущая философія найдетъ *формулу новаго, высшаго синтеза идеаловъ ума, воли и чувства*. Заканчивается книжка главою о значеніи Конта.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Сборникъ статей. Изд. московскаго комитета грамотности въ пользу воскресныхъ школъ. М., 1894 г. Лица, интересующіяся дѣломъ постановки у насъ такъ называемыхъ воскресныхъ школъ и повторительныхъ классовъ, найдутъ въ этой книгѣ много интересныхъ для нихъ свѣдѣній.

Теперь рѣдко кто знаетъ, что основателемъ русскихъ воскресныхъ школъ былъ знаменитый авторъ *Вопросовъ жизни*, Н. И. Пироговъ. Будучи попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, онъ открылъ въ Кіевѣ 14-го октября 1859 г. первую воскресную школу. И съ перваго же раза эти школы стали, по справедливому замѣчанію В. П. Вахтерова, „почвой, гдѣ встрѣтились два много обѣщающія въ будущемъ теченія". Съ одной стороны, образованные люди безкорыстно и съ юношескимъ увлеченіемъ отдавались дѣлу просвѣщенія народа, съ другой—жаждавшіе знаній рабочіе люди рвались къ свѣту и, толпами, наполняли школьныя зданія въ единственный свободный для нихъ день—воскресенье. Наблюдая охватившія всю Россію, всю нашу интеллигенцію стремленія къ просвѣтительной дѣятельности, Ушинскій изумлялся тому сочувствію, съ какимъ только что освобожденный народъ относился къ своимъ доброхотнымъ учителямъ. Онъ вспоминалъ, какъ прежде правительство указами, угрозами и поощреніями заставляло дворянъ отдавать своихъ дѣтей въ науку. Сколькихъ трудовъ стоило тогда, чтобы загнать дѣтей въ школу. Не то мы видимъ въ свѣтлую эпоху освобожденія. Стоило только отворить двери школы, чтобы въ нее тотчасъ же повалилъ алчущій знанія народъ. Въ статьѣ г. Вахтерова описывается постепенный ходъ развитія этихъ школъ до наш о времени. Между прочимъ, далеко не всѣ эти школы ограничиваю свою дѣятельность обученіемъ грамотѣ и счету. Есть особый типъ ш олъ, которыя открываются не съ разрѣшенія инспектора народныхъ у илищъ или духовнаго вѣдомства, какъ большинство, но съ одобрен попечителя учебнаго округа. Онѣ устраиваются при двуклассныхъ с ьскихъ училищахъ. Программа въ нихъ довольно широка: въ нее в дятъ исторія, географія, геометрія не только на урокахъ объяснит наго чтенія, но и какъ самостоятельные предметы. Такая воскрес-

ная школа въ 1885—6 учебномъ году была разрѣшена въ слоб. Ивановкѣ, Волчанскаго уѣзда.

Еще солиднѣе курсъ школъ—утреннихъ по воскресеньямъ и вечернихъ по буднямъ, которыя, по положенію 25 мая 1882 г., устраиваются для рабочихъ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ. Онѣ раздѣляются на общеобразовательныя и спеціальныя. Въ послѣднихъ преподаются физика, химія, механика, естественная исторія, географія и исторія. Такихъ школъ въ настоящее время считается болѣе десяти.

Въ виду того, что не всѣ ясно представляютъ себѣ основной характеръ воскресныхъ и вечернихъ школъ, г. Вахтеровъ отмѣчаетъ ихъ существенный признакъ, отличающій ихъ отъ случайныхъ свойствъ, вызванныхъ условіями мѣста и времени. Этотъ признакъ—соціальное положеніе учащихся. Эти школы предназначаются по преимуществу для рабочаго класса общества. Сюда входятъ: фабричные рабочіе, ремесленники и ихъ ученики, мастерицы и ихъ ученицы, земледѣльцы, прислуга, лица, служащія въ торговыхъ учрежденіяхъ, конторахъ и проч. Въ отличіе отъ западныхъ школъ этого типа, намъ приходится не рѣдко принимать въ воскресную школу, наряду съ рабочими, и дѣтей, не занятыхъ обязательною работой. Это объясняется нашею скудостью въ количествѣ первоначальныхъ училищъ. Лѣтъ сто тому назадъ то же самое дѣлалось и на Западѣ.

Далѣе авторъ разсказываетъ о происхожденіи и развитіи этого рода школъ въ Европѣ. Тамъ вѣнцомъ всего дѣла являются своего рода крестьянскіе университеты. Англія славится широкимъ распространеніемъ университетскаго знанія среди простого рабочаго населенія. Слушателей такихъ университетскихъ курсовъ еще въ 1891 г. насчитывалось въ Англіи 45 т. Усердіе слушателей такъ велико, что на экзаменахъ они оказывались не менѣе свѣдущими, чѣмъ студенты первыхъ семестровъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что большинству изъ нихъ приходилось заниматься наукою послѣ тяжелаго, чернаго труда въ копяхъ, на фабрикахъ и заводахъ. Замѣчательны также крестьянскіе университеты въ Даніи, Норвегіи и Швеціи.

Намъ далеко до такихъ школъ. Однако впереди и у насъ воображенію рисуется крестьянская высшая школа и великіе результаты ея культурнаго вліянія. Даже и при теперешнемъ скромномъ объемѣ программъ этихъ школъ получаются нерѣдко истинные плоды „просвѣщенія“. Плоды эти сказываются въ видѣ улучшенія нравовъ, болѣе осмысленнаго отношенія къ людямъ, обществу, семьѣ, хозяйству и т. п. Одинъ рабочій на фабрикѣ Гюбнера въ Москвѣ, обучавшійся въ вечернихъ классахъ, устроенныхъ при фабрикѣ, вернулся въ свою деревню, устроилъ тамъ школу грамотности, деревенскую библіотеку, народныя чтенія, складъ хозяйственныхъ орудій и улучшенныхъ сѣмянъ и общественное опытное поле. Всѣ эти интересныя свѣдѣнія и не мало другихъ полезныхъ данныхъ разсѣяно въ статьяхъ только что вышедшаго сборника. Статьи эти принадлежатъ, кромѣ уже упомянутаго В. П. Вахтерова, также В. С. Костроминой, Е. А. Андреевой, С. И. Лапшину.

Интересное содержаніе этихъ статей, а равно и добрая цѣль изданія—въ пользу воскресныхъ школъ—должны обратить на себя вниманіе всякаго, кто интересуется дѣломъ просвѣщенія нашего народа

———

ИСТОРІЯ.

„Архивъ князя Ѳ. А. Куракина“.—„Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г.“. *А. Слезскинскаго*.—„Образованность Московской Руси XV—XVII вв.“. *Проф. А. И. Соболевскаго*.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга четвертая. 1893 г. Четвертый томъ этого цѣннаго изданія заключаетъ въ себѣ преимущественно дипломатическія бумаги 1710—1711 года (т.-е. за время пребыванія кн. Б. И. Куракина въ Англіи). Очень интересенъ дневникъ Куракина за 1711 годъ, напечатанный въ началѣ книги подъ заглавіемъ *Дипломатическіе мемуары кн. Б. И. Куракина*. Отмѣтимъ также группу документовъ XVII вѣка, и среди нихъ особенно важный № 3, содержащій неизвѣстную до сихъ поръ грамоту объ учрежденіи Новгородскаго полка и разряда. Время написанія этой грамоты, оставшееся неизвѣстнымъ издателямъ, должно быть конецъ 1661 года или самое начало 1662 г. Интересны также аттестаты, выданные Куракину итальянскими учителями морского дѣла. Нельзя не пожелать, чтобы изданіе продолжалось такъ же усердно, какъ оно велось до настоящаго времени.

Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. А. Слезскинскій. Новгородъ, 1894 г. Книжка г. Слезскинскаго не отличается литературностью изложенія, но даетъ обильный матеріалъ для составленія полной картины бунта. Въ основаніи разсказа автора лежатъ подлинныя „конфирмаціи о преступникахъ по возмущенію“, сохранившіяся въ мѣстномъ архивѣ. Картина получается слишкомъ знакомая: съ одной стороны темное невѣжество и вѣра въ холерный ядъ, распространяемый интеллигенціей, съ другой—шпицрутены, число которыхъ доходитъ до 4 тысячъ на человѣка, и ссылка.

Образованность Московской Руси XV—XVII вв. Проф. А. И. Соболевскаго. Спб., 1894 г. Изд. 2-е. Мы совершенно не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось второе изданіе этой жиденькой и на живую нитку сметанной брошюрки. Руководствуясь, повидимому, словами проф. Владимірскаго-Буданова о значеніи рукоприкладствъ для исторіи древнерусскаго образованія, г. Соболевскій пересмотрѣлъ рядъ документовъ и житій, извлекъ изъ нихъ нѣсколько данныхъ и пробуетъ выступить съ ними противъ обычнаго взгляда, опирающагося на разнообразныя свидѣтельства. Производитъ это нашъ авторъ очень не хитрымъ образомъ: вмѣсто *образованности* онъ моментально подставляетъ *грамотность* и затѣмъ *умѣнье прикладывать руку*. Нахватавъ рядъ случаевъ такого умѣнья даже изъ такихъ сомнительной достовѣрности памятниковъ, какъ украшеныя житія, онъ съ самодовольствомъ старается подорвать значеніе такихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о всеобщемъ невѣжествѣ, какъ жалобы Геннадія, слово Посошкова, свидѣтельства Стоглава, Катошихина, Курбскаго и проч. Забыта шаблонность житій, игнорируются свидѣтельства документовъ вродѣ поручной записи Ив. Петр. Яковлева: „кто изъ князей и дѣтей боярскихъ въ этой записи написанъ, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, тѣ князья и дѣти боярскіе, ставъ передъ дьякомъ Ив. Дубенскимъ, сказали, что они за Ив. Петр. поручились, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, потому что они грамотѣ не умѣютъ“ (*Собр. госуд. грам. и догов.*, *I*, № 184). Вѣроятно, не столько желаніе во что бы то ни стало сказать новое слово, сколько случайность является причиною того, что именно такого рода свидѣтельство и отсутствуетъ блистательно въ брошюркѣ г. Соболевскаго...

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Уголовно-процессуальная казуистика“. *В. Случевскаго.*—„Изслѣдованія по исторіи права“. *Р. Дареста.*—„Правила адвокатской профессіи во Франціи“. *Молло.*

Уголовно-процессуальная казуистика. В. Случевскаго. Пособіе для лекцій и экзаменовъ. Спб., 1893 г. Имя г. Случевскаго пользуется у насъ уже давно вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ имя одного изъ замѣчательнѣйшихъ процессуалистовъ, который и въ теоріи (какъ профессоръ училища правовѣдѣнія) и на практикѣ (какъ товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго департамента) всегда строго придерживался началъ судебной реформы. Какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ высокихъ достоинствъ нашего процессуальнаго законодательства является его тѣсная связь съ дѣйствительными потребностями жизни. Противуположность нашимъ судебнымъ уставамъ въ этомъ отношеніи представляетъ саксонское законодательство, которое правильнѣе назвать учебникомъ пандектнаго права, чѣмъ практическимъ сборникомъ законовъ.

Между тѣмъ, въ нашихъ университетахъ преподаваніе процессуальнаго права, въ особенности уголовнаго процесса, поставлено, въ большинствѣ случаевъ, весьма неудовлетворительно. Лекціи нашихъ профессоровъ представляютъ собою или простое пересказываніе статей судебныхъ уставовъ, или же теоретическое и историческое изложеніе процесса внѣ связи съ судебною практикой. Только немногіе профессора свободны отъ этихъ недостатковъ; къ числу такихъ профессоровъ принадлежитъ и г. Случевскій, курсъ котораго представляетъ собою прекрасную амальгаму теоретической разработки процесса съ практической его стороной. Настоящая книга является какъ бы дополненіемъ къ курсу г. Случевскаго; въ ней собрано 200 самыхъ различныхъ казуса уголовно-процессуальнаго права; несомнѣнно, что разрѣшеніе этихъ казусовъ подъ руководствомъ профессора можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для тѣхъ, которые, получая высшее юридическое образованіе, желаютъ позднѣе посвятить себя практической дѣятельности въ качествѣ судей, обвинителей или защитниковъ.

Изслѣдованія по исторіи права. Р. Дареста. Переводъ И. И. Чеботаревскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1894 г. Кромѣ оригинальныхъ сочиненій М. Ковалевскаго и переводныхъ работъ покойнаго Мэна, мы не имѣемъ почти ничего по сравнительной исторіи права, поэтому появленіе перевода книги Дареста составляетъ замѣтное явленіе въ нашей юридической литературѣ. Имя автора, члена французскаго института и президента парижскаго общества сравнительнаго правовѣдѣнія, и его предыдущіе ученые труды служатъ достаточною рекомендаціей въ научности содержанія книги; разнообразіе же ея содержанія и, хотя сжатое, но вполнѣ литературное, изложеніе дѣлаютъ ее интересной для всякаго образованнаго человѣка. Книга состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ, помѣщенныхъ первоначально въ 1880—1887 гг. въ *Journal des Savants* и въ *Séances et travaux de l'Académie* [illegible]es *sciences morales et politiques* и собранныхъ впослѣдствіи воедино, и п[illegible]с-ставляетъ сводку новѣйшихъ изслѣдованій въ различныхъ област[illegible]ъ древняго права. За исключеніемъ VI очерка, посвященнаго праву [illegible]-меніи, Георгіи и Кавказа, въ каждомъ очеркѣ излагается древнее пр[illegible]ю отдѣльнаго государства, именно право израильское, египетское, [illegible]у-сульманское, браминское, древне-персидское, древне-славянское (ч[illegible]ı-

ское, польское, русское, южно-славянское), древне-венгерское, древне-скандинавское (шведское, датское, норвежское, исландское), кельтское и древне-германское. Конечно, не всѣ очерки имѣютъ одинаковое значеніе и не всѣ представляютъ одинаковую цѣну для русскаго читателя, но этого и нельзя требовать при современномъ положеніи науки сравнительнаго правовѣдѣнія, въ которой остаются нерѣшенными еще многіе основные вопросы. Въ выводахъ своихъ Дарестъ вообще очень остороженъ, но иногда увлекается черезъ-чуръ сходствомъ правоваго развитія отдѣльныхъ національностей. Дарестъ говоритъ, напримѣръ, что „всегда позволительно думать, пока не будетъдоказано противное, что различные народы слѣдовали по одному и тому же пути и прошли одинаковыя ступени развитія" и „когда утверждаютъ, что нашествіе варваровъ ввело новый элементъ въ римскую цивилизацію, то это утвержденіе справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что между римлянами и варварами лежало большое разстояніе; но новые пришлецы не принесли съ собою ничего такого, что̀ бы не было когда-то пережито ихъ предмѣстниками. Въ этомъ смыслѣ было бы справедливѣе утверждать, что нашествіе варваровъ отодвинуло цивилизацію на нѣсколько вѣковъ назадъ" (стр. VII, предисловія автора). Переводъ исполненъ вполнѣ удовлетворительно.

Правила адвокатской профессіи во Франціи. Молло. Пер. съ французскаго. Москва, 1894 г. Цѣна 80 коп. Книга Молло давно уже пользуется вполнѣ заслуженною почетною извѣстностью во Франціи и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Въ нашей юридической литературѣ она является весьма кстати. *Правила,* выработанныя историческимъ развитіемъ французской адвокатуры, найдутъ широкое примѣненіе и въ нашей адвокатурѣ, еще не установившейся, въ которой „благіе порывы" нерѣдко борятся съ промышленными стремленіями, но въ которой уже много людей, прославленныхъ знаніемъ, честностью, энергіей. Издатель русскаго перевода, г. Шубинскій, говоритъ во введеніи къ книгѣ, что возможно-ясная регламентація адвокатской дѣятельности, сообразованная съ началами этики, способна имѣть возрождающее значеніе для сословія. Г. Шубинскій полагаетъ, что „какъ ни печальны отдѣльные случаи,—въ общемъ едва ли въ русской жизни существуетъ другая организація, дѣятельность которой наиболѣе регулировалась бы этическими принципами, чѣмъ адвокатура". Издатель не рекомендуетъ, конечно, *Правилъ* Малло для слѣпого подражанія: у насъ существуетъ уже и своя практика, выработавшая нѣкоторыя начала. Для того, чтобъ эти начала глубоко проникли въ жизнь нашей адвокатуры, г. Шубинскій, вполнѣ основательно, считаетъ полезными періодическіе съѣзды представителей адвокатскихъ корпорацій. Основнымъ принципомъ адвокатской профессіи является свобода. Попытки парализовать этотъ принципъ, дѣлаемыя на нашихъ дняхъ въ Германіи, стремленія, напримѣръ, ограничить число адвокатовъ, встрѣчаютъ рѣшительное противодѣйствіе. Надо надѣяться, что предпринятый теперь пересмотръ нашихъ судебныхъ уставовъ укрѣпитъ и въ этомъ отношеніи положеніе русской адвокатуры.

УЧЕБНИКИ.

„Труды сельскаго учителя". *К. Славина.*

Труды сельскаго учителя К. Славнина. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Выпускъ II. Задачи на числа любой величины.

Пособіе для сельскихъ и другихъ начальныхъ школъ. Екатеринбургъ, 1894 г. Цѣна 25 к., съ пересылкой 30 коп. Въ свое время намъ уже пришлось отмѣтить выходъ въ свѣтъ 1-го выпуска задачника г. Славнина (*Библіогр. отд.* 1893 г., кн. IX) и тогда же указать отличительныя черты названнаго выпуска. То же самое мы должны повторить и относительно разбираемаго нами сейчасъ сборника задачъ. Если въ 1-мъ выпускѣ, заключающемъ въ себѣ задачи на числа 1-й сотни, главными достоинствами были разнообразіе матеріала, послѣдовательность въ его распредѣленіи и, наконецъ, простота и удобопонятность задачъ по содержанію, то всѣ эти качества цѣликомъ могутъ быть отнесены и ко 2-му выпуску. Не можемъ не высказать также своего полнаго сочувствія намѣренію составителя придать задачнику возможно большій практическій смыслъ. Образованіе крестьянскихъ дѣтей обыкновенно ограничивается курсомъ начальной школы, поэтому послѣдняя должна имѣть своею цѣлью не только общее развитіе ученика, но и сообщеніе ему практическихъ свѣдѣній, приложимыхъ къ жизни. Г. Славнинъ, признавая такую точку зрѣнія цѣлесообразной (предисл.), отводитъ въ своемъ сборникѣ весьма незначительное мѣсто задачамъ съ запутанными и сложными условіями, а взамѣнъ этого вводитъ отдѣлы задачъ на вычисленіе процентовъ, измѣренія и вычисленія площадей и объемовъ, а также задачъ для прокладки на счетахъ. Прибавимъ съ своей стороны, что каждый изъ этихъ отдѣловъ разработанъ составителемъ съ добросовѣстностью и тщательностью.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія В. И., Ѳ. Скворцова, Сытина и бр. Башмаковыхъ.

Изданія В. И.: Великое горе. Разсказъ о томъ, какая бѣда отъ **дурной болѣзни и какъ отъ нея спастись. Женщ**.-врача Бекарюковой-**Гизетти. Ц. 5 к. Умѣнье—половина спасенья**. Разсказъ **про холеру. Ея же. Ц. 3 к. Въ чужомъ пиру похмѣлье**. Разсказъ **М. А. Ц. 2 к. Чортово болото. Повѣсть Жоржъ З**анда. Ц. 8 коп. **Простофиля. Разсказъ Бролиса. Ц. 3 к.—Изд. Ѳ**. Скворцова: **Удивительное приключеніе муравья-пострѣленка. Ц**. 20 к. Изд. **Сытина. Въ подземномъ царствѣ. Ц. 8 к. Изд. бр**. Башмаковыхъ: **О сохраненіи здоровья. Бесѣда доктора С. М.** Вишневскаго. **Изд. третье. Ц. 35 к.** Намъ еще ни разу не пришлось говорить объ издательской фирмѣ В. И., украшающей свои изданія девизомъ „правда". Наше молчаніе объясняется отнюдь не тѣмъ, что эта фирма не заслуживаетъ вниманія,—напротивъ, по качеству изданныхъ ею книгъ она принадлежитъ къ числу самыхъ симпатическихъ интеллигентныхъ издательскихъ фирмъ, существующихъ въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе, говорить о ней приходится не часто, такъ какъ фирма эта во многихъ отношеніяхъ особенная. Другіе издатели дѣйствуютъ потихоньку и понемножку, а, главное, ровненько. Фирма же В. И. дѣйствуетъ порывами. Выступила она года три тому назадъ и сразу обратила на себя вниманіе многочисленными изданіями такихъ писателей, которые появлялись для народа чуть ли не впервые. Прежде всего появился разсказъ Гл. Успенскаго *Про счастливыхъ людей*, затѣмъ И. Потапенка *Въ потемкахъ*, В. Короленка *Лѣсъ шумитъ*, затѣмъ слѣдовали другіе отрывки изъ Успенскаго, К. Станюковича *Смерть на кораблѣ*, Л. Толстого *Поликушка*, П. Боборыкина *Пе- есн-*

мило и нѣкоторыя другія, не говоря уже о многочисленныхъ сборничкахъ, составленныхъ болѣе или менѣе удачно и заключавшихъ произведенія Шевченка, Некрасова, Достоевскаго, Гоголя и проч. Какъ извѣстно, наша народная литература такими именами не избалована, и потому въ свое время мы горячо привѣтствовали первые дебюты фирмы и ожидали отъ нея въ будущемъ еще большаго. Къ сожалѣнію, вышло не такъ. За періодомъ усиленной, порывистой дѣятельности послѣдовалъ періодъ охлажденія; изданій этой фирмы стало выходить меньше и меньше, а качества ихъ понизились. За послѣднее время появлялось чуть ли не по одной книжкѣ въ годъ, а многія имена изъ изданій скрылись. О такомъ сокращеніи издательской дѣятельности нельзя не пожалѣть. Во-первыхъ, энергичныхъ интеллигентныхъ фирмъ у насъ не много, а, во-вторыхъ, судя по первымъ шагамъ, можно было думать, что новая фирма весьма здраво смотритъ на свои задачи,—даетъ произведенія лучшихъ авторовъ, матеріалы для сборниковъ выбираетъ толково... Все это качества, которыя встрѣчаются не вездѣ. Или, быть можетъ, ослабленіе издательской дѣятельности В. И.—явленіе временное, и мы вправѣ ожидать отъ нея новаго и такого же энергичнаго порыва? Изъ новыхъ изданій отмѣтимъ, прежде всего, два разсказа женщины-врача Бекарюковой-Гизетти: *Великое горе* и *Умнье—половина спасенья*. Оба эти разсказа, написанные очень хорошимъ языкомъ, посвящены двумъ бичамъ, особенно страшнымъ и опаснымъ въ деревнѣ,—сифилису и холерѣ. Оба разсказа составлены по одинаковому плану: авторъ ставитъ своею задачей сообщать свѣдѣнія по медицинѣ и гигіенѣ въ беллетристической формѣ. Онъ выводитъ дѣйствующихъ лицъ, описываетъ крестьянскую обстановку, рисуетъ картины бѣды, сообщаетъ поучительные случаи предохраненія отъ заразы, а медицинскія бесѣды вкладываетъ въ уста знающаго человѣка,—въ первомъ разсказѣ—врача, во второмъ—сестры милосердія. Разумѣется, довольно трудно, пользуясь такою искусственною формой, соблюсти должное равновѣсіе и фиксировать вниманіе читателя именно на томъ, что желательно для автора,—читатель легко можетъ, увлекшись фабулой, не обратить никакого вниманія на полезныя свѣдѣнія, а требуя отъ книжки именно этихъ послѣднихъ, легко можетъ статься, броситъ книжку съ первыхъ же страницъ, какъ полную ненужной болтовни. Мы думаемъ, что всякая искусственность въ книжкѣ для народа—излишня; что со всякимъ читателемъ, будь то крестьянинъ или „чистый господинъ", можно говорить по-человѣчески и, въ то же время, просто, и интересно, и понятно, что никакого особаго соуса деревенскія кушанья не требуютъ. Читатель изъ народа прекрасно чувствуетъ всякую фальшь и очень обижается, когда замѣчаетъ, что его думаютъ „поучать". „Все нашего брата учатъ",—говорилъ намъ одинъ фабричный, возвращая какое-то тенденціозно-поучительное изданіе нѣкоей апробированной фирмы. Чтобы фальши не чувствовалось, нужно преодолѣть чрезвычайно большія трудности. Признавая въ книжкѣ г-жи Бекарюковой-Гизетти большія достоинства,—авторъ умѣетъ писать прекраснымъ языкомъ, иногда весьма картинно, всегда очень просто, со знаніемъ дѣла и знаніемъ народнаго быта, умѣетъ, наконецъ, драматизировать изложеніе,—мы все же должны сказать, что читатель чувствуетъ фальшь этой книжки. Такъ, одинъ крестьянинъ, прочтя книжку о сифилисѣ, замѣтилъ, что въ ней „все нарочно прислроено", и затѣмъ прибавилъ: „а на дѣлѣ не все бываетъ такъ хорошо". Другими словами, искусственные пріемы *удаляютъ* книжку

отъ дѣйствительности, а не приближаютъ ее къ ней. Было бы весьма желательно, чтобы г-жа Бекарюкова-Гизетти попробовала свои силы на составленіи научно-популярныхъ книгъ, не пользуясь искусственными пріемами; мы думаемъ, что популяризація знаній должна удаться ей, а въ настоящее время недостатокъ хорошихъ популяризаторовъ особенно чувствителенъ. Позволимъ себѣ указать здѣсь два курьезныхъ примѣра того, какіе у насъ существуютъ популяризаторы. Примѣры эти мы беремъ не изъ серіи изданій В. И. Особенно курьезна въ вышеуказанномъ отношеніи книжечка Ѳ. Скворцова, можетъ быть, годная (да и то врядъ ли) для самыхъ маленькихъ ребятъ, которые прослушаютъ ее, какъ сказку. Искусственность доведена въ этой книжкѣ до крайнихъ предѣловъ. Авторъ заставляетъ муравья разсказывать о самомъ себѣ и даже писать свое жизнеописаніе. Муравей разсказываетъ необыкновенныя вещи. Будучи личинкой, онъ уже чувствовалъ, что „скоро у него выростутъ всѣ органы“ (стр. 12); лишь только онъ появился, нянька, заставлявшая его лежать смирно, уговаривала его слѣдующими словами, приличными не для одного муравьинаго царства: „Лежи смирно! Вонъ твой сосѣдъ, „красный усъ“, какъ хорошо себя ведетъ: *лежитъ и не балуется,—настоящій философъ*!“ (стр. 15). Въ другихъ случаяхъ няньки-муравьи говорятъ словно русскія крѣпостныя няни (стр. 19). Далѣе оказывается, что герой изъ всѣхъ муравьевъ узнаетъ своего папашу и мамашу и они узнаютъ, что онъ ихъ именно сынъ (стр. 21). Мамаша кричитъ на нянекъ дѣйствительно какъ на крѣпостныхъ, зачѣмъ они не смотрятъ за дѣтьми. А сынокъ-муравей на это возражаетъ: „Вы, мамаша, напрасно волнуетесь, это вамъ очень вредно“, желаетъ мамашѣ „какъ можно больше наносить яичекъ“ и „расшаркивается, какъ ловкій кавалеръ“ (стр. 22). Няню свою онъ называетъ „нянечка Василиса, голубушка“ (стр. 24) и т. д. въ томъ же родѣ. Все это авторъ продѣлываетъ, желая, очевидно, поразсказать дѣтямъ или народу кое-что о муравьяхъ и ихъ жизни. Изъ предъидущаго видно, что при такомъ пріемѣ получается не популяризація, а каррикатура. Книжка г. Скворцова—не болѣе, какъ яркій примѣръ, иллюстрирующій пріемы очень многихъ популяризаторовъ. Другимъ примѣромъ можетъ служить книжка Г. Р. *Въ подземномъ царствѣ*. Эта книжечка, въ общемъ даже не дурная, такъ какъ въ нее вошли отрывки, характеризующіе бытъ и нравы углекоповъ, изъ Немировича-Данченко, Головачева и др., замѣчательна своими первыми главами, которыя тоже могутъ служить образцомъ, какъ не слѣдуетъ писать для народа. Неизвѣстный авторъ совершенно не имѣетъ представленія о своемъ читателѣ, да и не знаетъ и предмета, объясняетъ то, что и самъ, повидимому, не вполнѣ ясно понимаетъ, и, наконецъ, объясняетъ такъ, что и читатель понять его не можетъ. Какъ на образецъ незнанія, можно указать на многія мѣста, наприм., стр. 10, 11, гдѣ смѣшиваются понятія (наприм., обугливаніе и гніеніе) и разсказывается про образованіе каменнаго угля и первобытную исторію земли слѣдующее: „Кора земная въ то время (когда образовался уголь) была тон… чѣмъ теперь, и *потому* (?) на землѣ очень часто (?) происходили …ревороты отъ напора внутренней огненной расплавленной массы: бо… шія пространства земли поднимались и опускались“, и т. д. Остав… въ сторонѣ то, что такого рода свѣдѣнія давнымъ-давно признаны … научными, что ученіе о геологическихъ переворотахъ отвергнуто … временъ Ляйелля, что поднятія и опусканія происходятъ и теперь, ка… происходили раньше, что вопросъ о толщинѣ земной коры и огнен…

жидкихъ массъ—вопросъ по меньшей мѣрѣ спорный и т. д., и т. д., нельзя не видѣть, что изъ такого изложенія читатель ровно ничего не пойметъ. Наконецъ, и научныя неточности въ книжкѣ для народа должны быть признаны особенно большимъ недостаткомъ. Въ той странѣ, гдѣ огромная масса читателей не знаетъ, что такое наука, гдѣ эту самую науку противупоставляютъ даже въ школахъ, какъ нѣчто сомнительной полезности, чему-то такому, въ чемъ не полагается сомнѣваться,—въ той странѣ все, что подрываетъ довѣріе къ наукѣ, особенно не желательно. Въ статьѣ Г. Р. есть такія невѣрности, какія иной крестьянинъ пойметъ безъ всякой книжки. Такъ, напримѣръ, на стр. 15 читаемъ, что каменный уголь даетъ *столько же*, сколько дрова (онъ даетъ значительно больше); на стр. 83 говорится, что разные газы смѣшаны въ воздухѣ такъ, какъ вода съ уксусомъ и виномъ (авторъ путаетъ понятія смѣси, раствора и химическаго соединенія). Такихъ lapsus'овъ мысли и языка можно указать въ книжкѣ очень много. Можетъ быть, ихъ и не стоило бы указывать, если бы авторъ не принадлежалъ къ числу людей, несомнѣнно искренно желающихъ внести свою лепту въ область научно-популярной литературы для народа. Прежде чѣмъ учить народъ, нужно выучиться самимъ, а какъ учить народъ,—этому нужно поучиться у самого народа, прислушавшись и присмотрѣвшись къ нему.

Примѣры, приведенные выше, достаточно показываютъ, до какой степени наши „писатели для народа" не умѣютъ популяризировать и даже просто не умѣютъ писать.

Возвращаясь къ изданіямъ В. И., отмѣтимъ въ отдѣлѣ беллетристики, прежде всего, прекрасный разсказъ Д. Мамина-Сибиряка *Послѣдняя треба* (изъ журн. *Міръ Божій*), затѣмъ не дурной, но слишкомъ растянутый разсказъ Бролиса *Простофиля*, наконецъ, повѣсть Жоржъ Занда *Чортово болото*. Послѣдніе два разсказа представляютъ изъ себя передѣлки; вторая передѣлка, сдѣланная г. Л. Д., сильно сокращена, такъ что весь романъ, можно сказать, сведенъ въ изданіи В. И. къ двумъ-тремъ сценамъ. Романъ *La mare au diable*, какъ извѣстно, относится къ послѣднему періоду литературной дѣятельности Жоржъ Занда и написанъ послѣ іюньскихъ дней 1848 года, когда писательница, потрясенная кровопролитными событіями февральской революціи и слѣдующими за нею, принялась за изображеніе сельскаго быта и создала нѣсколько романовъ, въ которыхъ выведены крестьянскіе типы. Это изображеніе сельской жизни напоминаетъ нѣсколько идиллію, которую Золя, въ своихъ *Парижскихъ письмахъ*, рѣшился даже назвать „прекрасной ложью", а крестьянскіе типы Жоржъ Занда нѣсколько идеализированы. Но, во всякомъ случаѣ, въ романѣ этомъ столько и психологической правды, и жоржъ-зандовскаго таланта, что появленіе *La mare au diable* въ народномъ изданіи нельзя не признать желательнымъ, какъ и появленіе другихъ романовъ той же серіи (*La petite Fadette*, *François le Champi*), и, разумѣется, не въ сокращенномъ и ѣзанномъ видѣ, который ничѣмъ не оправдывается, а объясняется, ежде всего, взглядомъ на читателя изъ народа сверху внизъ. Такъ ень любятъ глядѣть на него разные передѣлыватели и передѣлывальницы, которые думаютъ, что этимъ способомъ и они содѣйствуютъ освѣщенію народа. Въ дѣйствительности же они только содѣйствуютъ порчѣ его литературнаго чутья, отучаютъ его отъ пониманія художественности, дѣлаютъ то же, что дѣлаютъ тѣ же Леухины и Мазины. *La mare au diable* въ рукахъ передѣлывателя превратился въ

одну любовную сцену въ лѣсу, а житье-бытье французскаго крестьянина, съ которымъ и слѣдовало бы, пользуясь случаемъ, знакомить русскаго, не только отодвинуто куда-то въ уголъ, а и совсѣмъ даже выброшено. Курьезно далѣе, что сама Жоржъ Зандъ писала о своемъ романѣ *La mare au diable* слѣдующія слова, которыя не мѣшало бы замѣтить и русскимъ писателямъ: „Надо разсказать вамъ такъ, какъ будто у васъ по правую руку стоитъ парижанинъ, говорящій образованнымъ языкомъ, а по лѣвую — крестьянинъ, которому я не хотѣла бы сказать ни одной фразы, непонятной для него. Я желала бы говорить ясно для парижанина и для крестьянина“. Русскій передѣлыватель разсудилъ иначе и упростилъ *Чортово болото* для русскаго крестьянина особымъ способомъ... Напомнимъ здѣсь кстати, что полныя изданія Диккенса, В. Гюго, даже Бальзака, вошедшія въ *Дешевую библіотеку* Суворина безъ сокращеній, читаются крестьянами и увлекаютъ этихъ послѣднихъ. Мы думаемъ, что, издавая для народа произведенія беллетристическія, не только не слѣдуетъ, но просто даже грѣхъ калѣчить и сокращать ихъ. Мы думаемъ, что если наша беллетристическая литература для народа плоховата, то виноваты въ этомъ, и, къ тому же, въ весьма значительной степени, всякіе передѣлыватели, взявшіе на себя неблагодарный трудъ превращать лучшее въ худшее. Если *Чортово болото* въ изданіи В. И. все же должно быть отнесено къ книжкамъ не плохимъ, то это лишь потому, что талантъ такой писательницы, какъ Ж. Зандъ, замѣтенъ и послѣ операцій русскихъ „приспособителей“. Что касается книжки *Въ чужомъ пиру похмѣлье*, передѣлки извѣстной комедіи Островскаго, то въ ней и отъ таланта автора осталось очень немного.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе нашихъ читателей на одну хорошую книжку, появившуюся нынѣ третьимъ исправленнымъ изданіемъ (книжн. магазина бр. Башмаковыхъ въ Казани) и уже пользующуюся нѣкоторою извѣстностью. Книжка эта—*О сохраненіи здоровья*, составленная докторомъ С. Вишневскимъ. Авторъ бесѣдуетъ простымъ и вразумительнымъ, хотя подчасъ и слишкомъ многословнымъ языкомъ, о простудѣ, о прилипчивыхъ и заразныхъ болѣзняхъ, о пищѣ, о водѣ и напиткахъ, о содержаніи нашего тѣла въ чистотѣ, объ одеждѣ, о томъ, какъ устроить себѣ домъ, чтобы онъ былъ здоровымъ, о работѣ и занятіяхъ, о томъ, какъ лечить болѣзни и оказывать первую помощь. Первоначально „бесѣды“ д-ра Вишневскаго составляли три книжки, которыя стоили 40 к. Новые издатели нѣсколько удешевили изданіе (на 5 к.), но не безъ ущерба для его опрятности. Врядъ ли такое соединеніе трехъ книжекъ въ одну удобно для читателей: заплатить три раза даже по 15 к. легче крестьянину, чѣмъ сразу отдать 35 к.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Обозрѣніе“, *августъ—сентябрь*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *сентябрь*.—„Вѣстникъ Европы“, *сентябрь*.—„Міръ Божій“, *сентябрь*.

Русское Обозрѣніе, *августъ—сентябрь*. На недавно происход шемъ въ Кельнѣ конгрессѣ католиковъ голландскій проф. Шенма выступилъ съ рѣчью въ защиту принциповъ терпимости и свободы вѣсти. Любопытно при этомъ то обстоятельство, что на Западѣ о т пимости приходится говорить только въ пользу тѣхъ, которые сдѣл лись нетерпимы именно въ силу своей нетерпимости (въ данномъ с

чаѣ іезуитовъ). У насъ теперь при „самочинномъ" мышленіи, при склонности игнорировать, и не только игнорировать, а прямо-таки нагло отрицать всѣ принципы, которыми только и живо человѣческое общество, вопросъ о терпимости ставится „самочинными" мыслителями на совершенно другую почву. Какъ ни любопытны въ этомъ отношеніи писанія г. Розанова, но, по нашему мнѣнію, писанія г. Тихомирова по своей іезуитской казуистикѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по той беззастѣнчивости, съ какой онъ излагаетъ конечные выводы своихъ мнѣній, еще любопытнѣе. Эта беззастѣнчивость вообще очень цѣнная черта въ мышленіи нашихъ „самочинныхъ" мыслителей, но ни у одного изъ нихъ она не доходитъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ у г. Тихомирова, и это дѣлаетъ его писателемъ весьма интереснымъ и, смѣемъ сказать, очень полезнымъ для общества. Въ разсужденіяхъ, подобныхъ разсужденіямъ г. Тихомирова, ослѣпительно ярко вырисовываются опасности, угрожающія обществу и, однако, этимъ послѣднимъ не замѣчаемыя. Когда между *Вѣстникомъ Европы* и г. Тихомировымъ начался споръ о свободѣ вообще и о вѣротерпимости въ частности, мы сдѣлали замѣчаніе, что напрасно почтенный журналъ поднялъ брошенную ему перчатку. Мы были и правы, и неправы. Правы потому, что людямъ, говорящимъ на разныхъ языкахъ, разговаривать нельзя, а неправы потому, что этотъ споръ далъ возможность г. Тихомирову договориться до конца, что, безспорно, не совсѣмъ безполезно для общественнаго сознанія. До конца г. Тихомировъ договаривается въ своей статьѣ: *Въ чемъ конецъ спора?* (августъ). Въ этой статьѣ онъ приводитъ г. В. Соловьева къ началу ихъ спора и достаточно недвусмысленно указываетъ ему, что они говорятъ на разныхъ языкахъ,—и тутъ г. Тихомировъ, конечно, весьма побѣдоносенъ. Г. Соловьевъ говоритъ о справедливости, какъ объ основномъ, для всѣхъ обязательномъ принципѣ. Г. Тихомировъ отвѣчаетъ ему, что именно этого-то, говоря словами Кастильона, цитированными нами въ „Обозрѣніи" за прошлый мѣсяцъ, „вѣчнаго закона, вытекающаго изъ природы вещей и составляющаго свойство всѣхъ народовъ", онъ и не признаетъ. „Идея справедливости,—говоритъ г. Тихомировъ,—исчезла для большинства „передовыхъ" умовъ „практической благодати", у которыхъ замѣнилась идеей общественной пользы". „Г. Соловьевъ совершенно наивенъ,—ехидно добавляетъ авторъ,—если думаетъ, что даже и для *Вѣстника Европы* очень интересны его діалектическія упражненія на эту тему. Г. Соловьевъ полезенъ съ точки зрѣнія *Вѣстника Европы* какъ стѣнобитная машина, но строить новое зданіе *Вѣстникъ Европы* будетъ не съ нимъ. О его справедливости даже не подумаетъ никто изъ этихъ людей". Оставляя въ сторонѣ инсинуацію, заключающуюся въ этихъ словахъ и которую общество оцѣнитъ по достоинству, нельзя не увидать въ нихъ совершенно яснаго сознанія г. Тихомирова, что съ самаго начала спора съ г. Соловьевымъ разговоръ велся на разныхъ языкахъ. Г. Тихомировъ признаетъ справедливость, но не какъ высшій принципъ, а какъ нѣчто ...едписываемое „голосомъ церкви", и на вопросъ г. Соловьева: гдѣ ...э этотъ голосъ церкви,—отвѣчаетъ: „могу порекомендовать г. Соловь...у обратиться къ его духовнику и затѣмъ, не беря самовольныхъ ...*слушаній*, подчиниться истинному христіанскому послушанію". Мысль ... Тихомирова еще яснѣе высказана имъ въ его разговорѣ съ его ...одвижникомъ г. Розановымъ (*Въ чемъ ошибка г. Розанова?* сентябрь). ...нъ упрекаетъ г. Розанова въ томъ, что въ его мышленіи сохрани-

лось „наслѣдство прошлаго“. А это наслѣдство прошлаго состоитъ въ томъ, что для г. Розанова „вѣра есть чисто-субъективное состояніе духа, которое развивается только по своимъ внутреннимъ законамъ, не направляясь больше ничѣмъ“, тогда какъ для него, г. Тихомирова, объектъ вѣры есть нѣчто реально существующее и направляющее его мышленіе. Оттого, молъ, я, Тихомировъ, и стою за терпимость, а г. Розановъ проповѣдуетъ нетерпимость. Бѣлыя нитки, которыми сшиты подобныя положенія, слишкомъ видны, чтобы стоило ихъ распутывать. Для всякаго истинно-вѣрующаго объектъ его вѣры есть нѣчто дѣйствительно существующее и въ этомъ отношеніи г. Розановъ, надо думать, не уступитъ г. Тихомирову, что, конечно, не мѣшаетъ вѣрѣ быть субъективнымъ состояніемъ духа, ибо иначе это была бы уже не вѣра, а знаніе; а психологическіе законы вѣры и знанія различны. Само собой понятно, что тутъ все дѣло не въ реальности для субъекта объекта его вѣры, а въ *содержимомъ* того состоянія духа, которое называется вѣрой. У первобытнаго человѣка это содержимое одно, у гг. Розанова и Тихомирова другое, а у Кастильона или г. В. Соловьева опять другое. И результаты по отношенію къ поведенію будутъ различны. Въ сентябрской книгѣ *Недѣли* напечатано письмо Мадзини. Въ этомъ письмѣ знаменитый итальянскій патріотъ говоритъ: „Я пришелъ къ ненарушимому убѣжденію, что смерти не существуетъ, что жизнь не можетъ быть иная, какъ вѣчная, что безконечный прогрессъ есть законъ жизни, что всякая способность, всякое стремленіе, всякая мысль, вложенная въ меня, должна имѣть свое развитіе, что ничто не погибаетъ здѣсь на землѣ, кромѣ формъ“ и т. д. Не входя въ обсужденіе мыслей, высказанныхъ въ письмѣ, по существу, замѣтимъ только, что когда у человѣка такія вѣрованія, какъ у Мадзини, такое *содержимое* субъективнаго состоянія духа, тогда для него вопроса о терпимости, можно сказать, не существуетъ, просто потому, что этотъ вопросъ заранѣе рѣшается признаніемъ справедливости, какъ высшаго и вѣчнаго закона, и права личности, какъ регулятора общественнаго поведенія. Такой человѣкъ будетъ, вѣроятно, считать свои вѣрованія, употребляя диковинную фразеологію г. Розанова, „закономъ благородства“, а вѣрованія противоположныя„—закономъ подлости“; борьба для него будетъ обязательной и она будетъ горячей и страстной, но онъ и не подумаетъ прибѣгнуть въ этой борьбѣ къ какимъ-либо другимъ орудіямъ, кромѣ орудія слова и убѣжденія... Вотъ какое значеніе для общественнаго поведенія имѣетъ содержимое индивидуальнаго, субъективнаго состоянія духа... Вернемся, однако, къ г. Тихомирову. Въ дальнѣйшемъ своемъ разговорѣ съ г. Розановымъ онъ ясно высказываетъ свои поползновенія. „Рѣчь идетъ не о власти церкви и не о правѣ ея на спасительную строгость,—разсуждаетъ онъ,—когда нужно, то и страхомъ спасаютъ. Все это внѣ спора и разсужденія... христіанинъ вѣруетъ, что когда церковь примѣняетъ *крайнюю кару*, она вдохновляется Божіимъ указаніемъ и судомъ, а не человѣческимъ“... И дальше онъ говоритъ, что въ особенности грѣшны тѣ, кто „отрекся отъ Христа по убѣжденію“. Сущность разсужденія очевидна: „мы не имѣемъ права проливать крови,—предадимъ Его Пилату“. Именно такими словами характеризовалъ дѣятельность Кальвина и его присныхъ Кастильонъ. Есть и другая формула, въ которую укладывается разсужденіе г. Тихомирова: это—знаменитая формула о преданіи еретиковъ въ руки свѣтской власти для ихъ „наказанія безъ пролитія крови...“ Г. Тихомировъ не полѣнился уяснить читателю и окончательный вы-

водъ изъ своихъ, поистинѣ, ужасныхъ, ученій. На замѣчаніе г. Соловьева о возможности для государства оказывать „поддержку для своей церкви“ г. Тихомировъ возражаетъ слѣдующее: „Собственно говоря, для истинной церкви такая поддержка вовсе не нужна. Для церкви, въ ея цѣляхъ душеспасенія, нужно, чтобы государство было христіанскимъ, чтобы его силы и средства не попадали въ плохія руки (?), чтобы вопросы, касающіеся душеспасенія населенія страны, государство не рѣшало по *своимъ* соображеніямъ (ибо оно *въ этомъ* не компетентно и *на это* отъ Бога власти не получило), а рѣшало бы ихъ по соображеніямъ церкви“. Говоря иными словами, по мнѣнію г. Тихомирова, государство должно находиться въ полномъ подчиненіи у церкви, что практически сводится на подчиненіе іерархіи, что іерархія имѣетъ власть смѣнять или какимъ-либо инымъ, столь же рѣшительнымъ способомъ поступать съ „плохими руками“, въ которыхъ могутъ очутиться силы и средства государства. Выводъ недвусмысленный и, слѣдуетъ отдать справедливость г. Тихомирову, очень смѣлый. Наша печать часто задавалась вопросомъ: что именно консервируютъ наши консерваторы и каковы ихъ идеалы? Теперь отвѣтъ получился вполнѣ опредѣленный. Буржуазное общество Западной Европы породило нелѣпую секту анархистовъ... Ну, а у насъ появляется свой анархизмъ, свое анти-государственное ученіе, только это анархизмъ не красный, а черный, это анархизмъ тѣхъ „большихъ бородъ“, съ которыми приходилось бороться еще Петру Великому. Консервировать наши консерваторы хотѣли бы остатки этого историческаго анархизма, а идеалы ихъ даже не въ допетровской эпохѣ русской жизни (ибо государство и тогда вело борьбу съ этимъ анархизмомъ), а въ печальнѣйшихъ временахъ разваливавшейся Византійской имперіи... И именно намъ, „лже-либераламъ“, выпала миссія защиты государственной идеи отъ поползновенія „большихъ бородъ“. Дѣло Петра еще, очевидно, не отошло въ область преданія.

Г. Тихомировъ и самъ не особенно надѣется на то, чтобы государство такъ охотно вступило на службу къ „большимъ бородамъ“, и онъ обращается къ другому источнику. „Развѣ у насъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ не дѣлается (людьми, подобными г. Соловьеву) все возможное, чтобы подорвать въ русскомъ человѣкѣ всякое чувство терпимости?“— спрашиваетъ онъ. Теперь начинается такая же раздѣлка вѣры, какую прежде производили не менѣе рѣшительные и глубокомысленные *мыслители* въ области политической и соціальной. Прежде ихъ дерзость проявлялась въ отношеніи земныхъ авторитетовъ; теперь не оказывается ничего сватого... Люди невольно спрашиваютъ себя: „Да что же это? Окончательное крушеніе? Совсѣмъ сошла съ ума Россія, что ли?“ И совершенно натурально является у нихъ чувство соціальнаго самосохраненія. „Нужно подтянуть“, „будетъ“, „побаловались“ и т. п. *Сила,* чтобы подтянуть, есть... Въ такомъ настроеніи, которое создаютъ никто иной, какъ именно г. Соловьевъ съ К°, теоретическое оправданіе нетерпимости можетъ имѣть большія послѣдствія, ...въ справедливому (?) чувству негодованія рѣшимость къ дѣйствію, ...оторое можетъ перейти съ дѣйствительно виновныхъ (а мы видѣли, ...го дѣйствительно виновны, по мнѣнію автора, всѣ не отрекающіеся ...гъ права самостоятельнаго мышленія; имъ г. Тихомировъ съ охотой ...ріуготовилъ бы костры) и на тѣхъ, кого они компрометируютъ своею ...ащитой“...

Конечно, очень немногіе изъ консерваторовъ способны подниматься

до той высоты, на которой стоитъ „самочинное" мышленіе г. Тихомирова. Въ большинствѣ случаевъ, они ограничиваются своими обычными призывами: caveant consules, хотя въ послѣднее время, въ силу общей расшатанности мысли и разнузданности звѣриныхъ инстинктовъ, они договариваются до такихъ положеній, до которыхъ не рѣшались договариваться ихъ отцы и родоначальники. Такъ, наприм., г. Владиміровъ *(О русскомъ землевладѣніи въ сѣверо-западномъ краѣ)* утверждаетъ, что „противъ оскорбленій, дѣлаемыхъ русскимъ поляками, администрація можетъ оградить ихъ только принудительною продажей всѣхъ панскихъ земель, закрытіемъ всѣхъ костеловъ и изгнаніемъ изъ края всѣхъ пановъ и ксендзовъ. *И такую мѣру государство имѣетъ право употребить*. Оно имѣетъ право польскій костелъ и все польское отбросить за Нѣманъ, даже совсѣмъ за государственную границу..." „Но такая суровая мѣра,— милостиво прибавляетъ этотъ новый Филиппъ Испанскій, желающій изгнать новыхъ мавровъ,— можетъ быть и не употребляема, если есть другая, болѣе мягкая". А нѣкій г. Проѣзжій изъ Варшавы, цитируя слова В. Д. Спасовича, что „народы не безсмертны и что во многихъ случаяхъ сраженную національность можно не только обуздать, но и совершенно вытѣснить и уничтожить", прибавляетъ, что именно и „надо стремиться къ этой цѣли (т.-е. къ уничтоженію цѣлой многомилліонной народности), для прекращенія вѣковѣчной вражды, ибо только этимъ путемъ (хорошій путь—уничтоженіе гражданъ и подданныхъ!) разрѣшается окончательно польскій вопросъ". И просто, и хорошо. Имѣется еврейскій вопросъ,— нужно упразднить евреевъ; есть польскій вопросъ,—слѣдуетъ упразднить поляковъ. Вотъ развѣ только крестьянскій и женскій вопросы могутъ привести гг. Проѣзжихъ въ нѣкоторое смущеніе. Ни крестьянъ, ни женщинъ совсѣмъ, безъ остатка, упразднить нельзя, ибо кто же подати платить будетъ и кто будетъ производить на свѣтъ гг. Проѣзжихъ?

Наши рѣшительные упразднители заразили своею смѣлостью даже и дамъ, хотя, конечно, дамская смѣлость ограничивается сравнительно мелкими вопросами. Очевидно, дамы признаютъ, что крупные общественные вопросы не ихъ дамскаго ума дѣло; но столь похвальная скромность не мѣшаетъ имъ иногда быть очень рѣшительными. Такъ, наприм., нѣкая „Русская женщина" обращается съ открытымъ письмомъ къ графу Л. Н. Толстому. Въ этомъ письмѣ, признавая себя „поклонницей изящныхъ произведеній" нашего великаго беллетриста и „рѣшившись не смущаться своимъ невѣжествомъ", она рекомендуетъ графу „одуматься" и „объявить во всеуслышаніе, что̀ побуждаетъ его дѣйствовать такъ непонятно, относиться къ людямъ такъ враждебно, идти такимъ ложнымъ путемъ". Только полная расшатанность мышленія и нравственная неопрятность могутъ объяснить подобное не дамское, а кавалерственное отношеніе къ человѣку, самое существованіе котораго составляетъ славу его родины. Наши взгляды на ученія Л. Н. Толстого слишкомъ хорошо извѣстны нашимъ читателямъ, чтобъ они могли заподозрить насъ въ какомъ-нибудь подкуриваніи геніальному писателю. Проповѣдь графа можетъ быть ложной, она можетъ быть даж вредной, для поклонниковъ его изящныхъ произведеній тотъ фактъ что онъ пересталъ писать ихъ, можетъ быть очень прискорбнымъ. Н противъ ложныхъ ученій имѣется орудіе: обсужденіе и критика ихъ а не нервическіе выкрики „Русскихъ женщинъ", доходящіе, какъ, вѣроятно, не забылъ читатель, до публичнаго объявленія одною тоже „русскою женщиной" своего желанія дать гр. Толстому пощечину. При·

ставанье же съ ножомъ къ горлу: „Что вы не пишете романовъ и повѣстей?“ не только неприлично, а и просто глупо. Нѣтъ, „Русскія женщины“, возмущайтесь ученіями гр. Толстого,—это ваше право,—но пусть ваше возмущеніе выражается въ борьбѣ идеями и самою жизнью, а не въ пощечинахъ и въ нервныхъ крикахъ: „одумайтесь!“ На эти крики васъ никто не уполномочилъ и ничего вы ими не докажете, кромѣ того, что гр. Толстой тысячу разъ правъ, третируя васъ такъ, какъ онъ васъ третируетъ.

Изъ атмосферы, переполненной ядовитыми парами человѣконенавистничества, злобы, звѣриныхъ инстинктовъ и почти нечеловѣческихъ нелѣпостей, отрадно перенестись въ такъ сказать благоухающую своею гуманностью, чувствомъ любви и терпимости и идейностью атмосферу, которой дышали въ своихъ кружкахъ люди сороковыхъ годовъ. Въ такую чистую атмосферу переносятъ насъ письма Аксаковыхъ къ Тургеневу. Читая эти письма, точно другимъ, какимъ-то непривычнымъ для современнаго человѣка, съ его полною озлобленія и вражды, больною и разбитою грудью, воздухомъ дышешь. Поражаетъ удивительная мягкость тоновъ, кротость и любовность въ отношеніяхъ и терпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Чувствуется, что̀ такъ говорить и писать могутъ только такіе люди, для которыхъ на первомъ планѣ всегда *идея*, которые даже не понимаютъ, что̀ такое лицепріятіе, и потому говорятъ другъ другу прямо въ лицо такія вещи, какихъ ни за что не скажетъ современный писатель, не желающій разойтись съ своими друзьями, этимъ друзьямъ. Вотъ, наприм., что писалъ И. Аксаковъ Тургеневу по поводу его *Записокъ охотника:* „Въ *Запискахъ охотника* встрѣчаются очень часто такія натянутыя сравненія, такія претенціозныя остроты, такая изысканная наблюдательность, какъ будто любующаяся собой и всѣмъ говорящая: какова наблюдательность, а?—что я удивляюсь, какъ вашъ строгій и разборчивый вкусъ допустилъ все это. Къ чему всѣ эти шуточки, часто ни къ селу, ни къ городу, насчетъ старыхъ дѣвъ, кислыхъ фортепіанъ, рыхлыхъ купчихъ, дряблыхъ грудей и пр., и пр.?“ Еще строже отнесся къ произведенію Тургенева К. Аксаковъ, вообще старавшійся всячески привлечь Тургенева къ своимъ идеямъ: „Любопытно мнѣ было теперь повторить свое впечатлѣніе и перечесть *Хорь и Калинычъ.* Онъ тотъ же и тѣ же въ немъ достоинства, но, видно, требованія выросли, видно, выросло время: далеко не такъ понравился мнѣ этотъ разсказъ, какъ прежде. Да и въ самомъ дѣлѣ: первая минута разсвѣта послѣ ночи свѣтла, но передъ настоящимъ днемъ она только полусвѣтъ, и плохо, если день не свѣтлѣе разсвѣта. Ваши *Записки охотника* вообще только одно мерцаніе какого-то свѣта, не больше. Сверхъ того, кромѣ общаго неяснаго достоинства, есть общіе же неясные недостатки. Первый недостатокъ, это—постоянное *усиліе,* которое сопровождаетъ всякое описаніе“, и т. д. Далѣе въ письмѣ говорится о достоинствахъ *Муму* и слѣдуетъ изложеніе славянофильскихъ взглядовъ. Вообще письма братьевъ Аксаковыхъ чрезвычайно интересны, какъ выраженіе ихъ отношеній къ русской дѣйствительности и къ задачамъ искусства. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на нихъ съ такою подробностью, какой они заслуживали бы. Ограничимся напоминаніемъ, что Тургеневъ отвѣчалъ К. Аксакову слѣдующимъ образомъ: „Я не могу раздѣлять вашего мнѣнія насчетъ „людей-обезьянъ, которые не годятся въ дѣло для искусства“. Я не могу отрицать ни исторіи, ни *собственнаго права жить;* претензія отвратительна, но страданію я со-

чувствую. Я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму тамъ, гдѣ вы находите успокоеніе и прибѣжище эпоса...“ А въ другомъ письмѣ, къ С. Аксакову, Тургеневъ пишетъ, что онъ сражается и будетъ сражаться до конца за *право личности,* уничтожаемое „міромъ“, въ которомъ К. Аксаковъ „видитъ какое-то всеобщее лѣкарство, панацею, альфу и омегу Русской земли“.

Гуманность, терпимость, любовно-идейныя отношенія, — все это не только хорошо, но даже идеально, прекрасно, и совершенно понятно, что истомленная грудь современнаго человѣка невольно стремится къ тому, чтобы дышать полною столь возвышенныхъ чувствъ и настроеній атмосферой; совершенно понятно, что многіе хотѣли бы связать свои стремленія съ идеями и настроеніями людей сороковыхъ годовъ. Къ сожалѣнію, приходится сказать, что это неосуществимая мечта, потому что при подобныхъ желаніяхъ забывается объ исторической перспективѣ, забывается, что гуманныя настроенія и взаимную, любящую терпимость людямъ сороковыхъ годовъ давала общая имъ всѣмъ, единая для нихъ всѣхъ и всеобъемлющая цѣль—освобожденія крестьянъ, что въ этой великой цѣли тонуло все, даже самое важное, какъ, наприм., борьба за права личности. Нотка разъединенія звучитъ уже и въ вышеприведенныхъ словахъ Тургенева и она при количественномъ и качественномъ ростѣ интеллигенціи, при разнообразіи и сложности какъ общественныхъ явленій, такъ и самихъ идей, — разнообразіи и сложности, бывшихъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ освобожденія и вообще реформъ, должна была разростись въ громадный хоръ дисгармоній и вражды... Эпоха освобожденія внесла и должна была внести въ жизнь не миръ, а мечъ; освобожденная личность, именно потому, что она стала освобожденной, должна была начать борьбу за свое священное достояніе, за тѣ права личности, о которыхъ говорилъ Тургеневъ. Старая драма закончилась, но началась новая, можетъ быть, менѣе безотрадная, но не менѣе мучительная. Можно и должно любить и уважать традиціи сороковыхъ годовъ, можно чувствовать свою душевную связь съ этими традиціями, но современный человѣкъ не можетъ считать себя связаннымъ съ ними непосредственно. Для него люди сороковыхъ годовъ, можетъ быть, родоначальники, дѣды, но не отцы. И Тургеневъ, и Аксаковы позже, въ шестидесятыхъ годахъ, не смогли сохранить своего взаимнаго, любвеобильнаго отношенія другъ къ другу. Жизнь сильнѣе людей и возвратъ къ настроеніямъ прошлаго невозможенъ. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы настроеніе, подобное прошлому, было невозможнымъ навсегда. Совсѣмъ напротивъ. Появленіе у всей интеллигенціи одной, общей, всеобъемлющей цѣли неизбѣжно породитъ снова такое же настроеніе.

Сѣверный Вѣстникъ, *сентябрь*. Повѣсть г-жи Дмитріевой *Гомочка,* по нашему мнѣнію, едва ли не самое удачное изъ произведеній автора, и, во всякомъ случаѣ, удачнѣе другой ея повѣсти: *Весенніа иллюзіи*, печатающейся въ *Вѣстникѣ Европы*. Въ нашемъ обозрѣніи за прошлый мѣсяцъ мы довольно подробно говорили о недочетахъ писательской манеры автора. Эти недочеты сказываются и въ *Гомочкѣ*; есть и неровности въ разсказѣ, и черезъ-чуръ рѣзкіе, яркіе, безъ всякихъ психологическихъ оттѣнковъ штрихи при изображеніи однѣхъ личностей и слишкомъ блѣдныя, ничего не изображающія черты при обрисовкѣ другихъ, и, что всего хуже, есть нѣкоторая грубость тона, нѣкоторая рѣшительность и рѣзкость въ сужденіяхъ и въ постановкѣ вопросовъ, совсѣмъ не художественныя. Но, несмотря на всѣ такіе недочеты по-

вѣсть читается съ интересомъ и трогаетъ, т.-е. достигаетъ въ извѣстной степени художественныхъ результатовъ, производя въ читателѣ эстетическую эмоцію. Автора тутъ, очевидно, выручаетъ самый сюжетъ повѣсти, детальное знаніе описываемой среды — міра новыхъ, учащихся женщинъ,—горячая любовь къ этой средѣ и сдержанная, но вполнѣ для читателя ясная ненависть ко всѣмъ недостаткамъ, которыми еще заражена эта среда,—однимъ словомъ, его выручаетъ искреннее, душевное отношеніе къ предмету. Что бы ни говорили крайніе объективисты, для художника любовь и ненависть къ изображаемому обязательны. Только чувство будитъ чувство; только эмоція,—каково бы ни было ея происхожденіе, интеллектуальное или моральное,— въ духѣ художника порождаетъ эстетическую эмоцію въ читателѣ. Г-жу Дмитріеву наврядъ ли можно назвать художникомъ, но присутствіе въ ея повѣсти *одного* изъ элементовъ художественнаго творчества дало ей возможность произвести почти такое же впечатлѣніе, какое произвелъ бы настоящій художникъ. Ея Гомочка—прелестнѣйшее женское существо, все сотканное изъ тончайшихъ нитей альтруистическихъ чувствъ и настроеній, изъ любви, самоотверженія и самопожертвованія, и при этомъ вполнѣ реальное, слабое, нѣжное, кроткое, интеллектуально-несамостоятельное, готовое идти за всѣми и всюду, куда ее зоветъ вѣроятность пожертвовать собой, отдать людямъ всю ту необъятную любовь, которою такъ переполнено все ея маленькое и изящное существо. Гомочка не солнечный лучъ, который могъ бы озарить мракъ нашей жизни, прогнать совъ, гнѣздящихся въ этомъ мракѣ; для этого, кромѣ любви, необходима еще стойкость и иниціатива, а ни той, ни другой у Гомочки нѣтъ. У ней только полное любовью къ людямъ сердце или, вѣрнѣе сказать, вся она есть только любовь. И если бы любовью было можно спасти міръ, то наши Гомочки, которыхъ такъ много движется, живетъ и дѣйствуетъ среди насъ, проливая на нашу сѣрую дѣйствительность кроткій свѣтъ лучей еле брезжущаго разсвѣта, эти Гомочки, почти незамѣчаемыя нами, почти не возбуждающія нашего вниманія, давно бы спасли его. Гомочка—это именно блѣдный, кроткій лучъ начинающагося разсвѣта. „Хрупкая, худенькая, нѣжная, съ блѣднымъ румянцемъ на щекахъ, съ потемнѣвшими отъ волненія глазами и растрепавшимися на лбу бѣлокурыми волосами, она имѣла въ себѣ что-то мистическое... Казалось, что это не реальное существо, а призракъ, который вотъ-вотъ передъ вашими глазами растаетъ и исчезнетъ безслѣдно". Покинувъ семью, гдѣ она была маленькою „мамашечкой" для своихъ маленькихъ братишекъ и сестренокъ, она принесла въ Петербургъ, въ среду молодежи, то, что всего дороже въ жизни,—настоящую человѣческую душу. Полная любви, она отдала эту любовь не наукѣ, не изученію людей и идей, потому что для нея наука, изученіе—сухи, абстрактны, холодны, она отдала ее людямъ. Имъ она отдаетъ себя ежечасно, ежеминутно; вся ея жизнь, не замѣтно ни для нея самой, ни для другихъ, представляетъ одинъ сплошной, непрерывный подвигъ. Ея самой, Ольги Павловны, какъ личности, можно сказать, совсѣмъ не существуетъ; она вся ушла, разстаяла въ подвигѣ, въ служеніи. И когда на вечеринкѣ (кстати сказать, описаніе вечеринки прекрасно удалось г-жѣ Дмитріевой; оно живо и реально и при этомъ просто; читая это описаніе, точно самъ присутствуешь на вечеринкѣ) ей наносятъ незаслуженное оскорбленіе, обвиняя ее въ растратѣ общественныхъ денегъ, она подавлена, она не хочетъ никакихъ объясненій, прощаетъ обидчицу, сдаетъ свои счеты и уходитъ съ курсовъ. Она точно рас-

терялась; въ ея кроткой и любвеобильной душѣ пробуждается на минуту что-то вродѣ ненависти къ слѣпой и легкомысленной толпѣ, готовой вѣрить всякой нелѣпости, но это только на минуту, а потомъ она можетъ только растерянно повторять: *я ихъ такъ любила, такъ любила!* Бѣдная Гомочка была бы совсѣмъ сломана, ей было бы не за чѣмъ жить, еслибъ ее снова не позвали на подвигъ любви, на служеніе людямъ. И вы невольно и съ грустью, и съ умиленіемъ ждете: погибнетъ это прелестное существо на своемъ служеніи или выживетъ? Подруга Гомочки, Орнотова, спрашиваетъ себя: „Хотѣла бы я знать, откуда вы такія беретесь? Откуда въ васъ эти нѣжныя сердца, это любвеобиліе и безсознательное стремленіе къ самопожертвованію? Кто вы? Уродливое ли вы явленіе, какая-нибудь необъяснимая пока аномалія или люди будущаго?“ И совсѣмъ напрасно Орнотова, или самъ авторъ ея устами, разсуждаетъ такъ. Гомочки и не аномаліи, и не люди будущаго; онѣ именно люди настоящаго. Въ будущемъ, которое, надо надѣяться, будетъ свѣтлѣе, имъ незачѣмъ будетъ существовать: ихъ миссія будетъ исполнена и та напряженность чувства, которая составляетъ ихъ характерную черту, будетъ излишней и потому урегулируется жизнью. А пока пусть онѣ льютъ на насъ и на нашу сѣренькую дѣйствительность свои мягкіе лучи—жизни онѣ не передѣлаютъ, вѣроятно; ее передѣлываютъ болѣе суровые люди; но, по крайней мѣрѣ, при Гомочкахъ житься будетъ не такъ тяжело. Въ повѣсти г-жи Дмитріевой, кромѣ самой героини, есть нѣсколько довольно удачныхъ фигуръ: талантливый художникъ-неудачникъ, слѣпой мальчикъ-музыкантъ и поэтъ, и, наконецъ, центральная фигура повѣсти: якобинецъ, рабочій Грибановъ, зовущій Гомочку на новый подвигъ самопожертвованія. Эта послѣдняя фигура, впрочемъ, нѣсколько туманна, хотя, все-таки, реальна и внушительна, жаль только, что психологія Грибанова не вполнѣ ясна.

Изъ серьезныхъ статей разбираемой книги отмѣтимъ статью г. Ф. Ч. *Внѣшкольное образованіе народа*. Разсказавъ о попыткахъ заведенія народныхъ библіотекъ, чтеній, музеевъ, авторъ приходитъ къ печальному выводу, что для серьезнаго удовлетворенія умственныхъ потребностей народа у насъ не сдѣлано почти ничего. „Неблагопріятныя условія жизни,—говоритъ онъ,—сильно развили въ нашемъ обществѣ поклоненіе служенію такъ называемому „маленькому дѣлу“ и до крайности съузили горизонтъ нашей общественной жизни. Въ области народнаго образованія это пагубное направленіе проявляется особенно замѣтно и страшно тормазитъ его дальнѣйшее развитіе“. Кромѣ того, по мнѣнію автора, мы слишкомъ склонны ссылаться на нашу бѣдность, когда дѣло идетъ о народномъ образованіи, хотя и забываемъ о ней, когда дѣло идетъ объ образованіи среднемъ и высшемъ. Почтенный авторъ разсчитываетъ на частную инипіативу и на частныя пожертвованія... Безспорно мысли автора весьма симпатичны и въ нихъ есть кое-что вѣрное. Но намъ кажется, что тутъ забываются кое-какія историческія перспективы. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ объ обществѣ, мы всегда склонны забывать объ условіяхъ его существованія и ставить ему такія требованія, какихъ не рѣшились бы, положа руку на сердце, ставить отдѣльному человѣку при извѣстныхъ условіяхъ. Когда мы говоримъ объ обществѣ и его отношеніи къ дѣлу народнаго образованія, мы не имѣемъ права забывать, что капиталы въ нашей странѣ находятся не въ рукахъ интеллигенціи, не въ рукахъ людей, для которыхъ дорого это дѣло, а совсѣмъ въ другихъ

рукахъ; не должны мы забывать и того, что тѣ, кому дороги интересы народнаго образованія, отдавали и отдаютъ ему нѣчто лучшее, чѣмъ свои гроши,— а у нихъ только гроши и есть,— они отдаютъ свою жизнь... Частная иниціатива — дѣло необходимое; но и условія, въ которыя поставлена эта иниціатива, имѣть въ виду для общихъ заключеній не мѣшаетъ... А каковы эти условія, можно понять изъ исторической справки, приводимой г. Ф. Ч. по поводу народныхъ чтеній. Въ 1871 г. петербургскій *оберъ-полицеймейстеръ* представилъ Государю докладъ, въ которомъ изъяснилъ, что одной изъ мѣръ для отвлеченія народа отъ пагубной страсти къ вину онъ признаетъ „устройство занимательныхъ чтеній для народа". Для обсужденія этого вопроса образована была коммиссія изъ разныхъ министровъ и другихъ сановниковъ. Эта коммиссія, между прочимъ, постановила предоставить министру народнаго просвѣщенія составить окончательныя соображенія объ устройствѣ подобныхъ чтеній. Журналъ коммиссіи былъ представленъ Государю чрезъ *шефа жандармовъ*. Далѣе, въ слѣдующемъ году, та же коммиссія положила разработать общія правила относительно порядка устройства чтеній въ другихъ мѣстностяхъ имперіи и внести ихъ на разсмотрѣніе постоянной коммиссіи. Черезъ четыре года были изданы правила о чтеніяхъ въ губернскихъ городамъ, а *высочайше возложенная на постоянную коммиссію обязанность выработать общія правила до сихъ поръ остается невыполненной, несмотря на то, что со времени ея учрежденія прошло больше 21 года*. Все въ этой исторической справкѣ характерно для условій, въ которыя поставлено у насъ дѣло внѣшкольнаго народнаго образованія. Это дѣло, составляющее не только насущную потребность народа, но и его неотъемлемое право, возбуждается *высшимъ полицейскимъ чиновникомъ* не въ видахъ удовлетворенія насущной потребности народа, а въ видахъ полицейскихъ; постановленія коммиссіи докладываются верховной власти не министромъ народнаго просвѣщенія, а *главой государственной полиціи;* въ теченіе 21 года высочайше утвержденное постановленіе не исполняется ни постоянною коммиссіей, ни министромъ. Г. Ф. Ч. совершенно правильно, по нашему мнѣнію, настаиваетъ на необходимости двухъ законодательныхъ измѣненій: 1) на необходимости подчинить дѣло народныхъ чтеній контролю министерства внутреннихъ дѣлъ, изъявъ его изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, и 2) на необходимости издавать для чтеній не каталоги книгъ, для нихъ допущенныхъ, а каталоги не допущенныхъ, и допускать всѣ цензурой пропущенныя книги.

Не можемъ не отмѣтить, что изложеніе „новаго" либерализма *Сѣвернаго Вѣстника,* сдѣланное г. Прозоровымъ, нашло отзвукъ именно тамъ, гдѣ и должно было найти, т.-е. въ органахъ нашихъ упразднителей. Г. Тихомировъ, отмѣчая это изложеніе и обѣщая поговорить о немъ, изъявляетъ г. Прозорову свое „огорченіе" отзывомъ послѣдняго о К. Леонтьевѣ. „О К. Леонтьевѣ можно говорить, что угодно,— замѣчаетъ г. Тихомировъ,— но не видать его огромной талантливости, его замѣчательной силы ума, это—непростительно. Неспособность различить талантъ отъ безталанности была бы еще дозволительна либераламъ во вкусѣ *Вѣстника Европы* и *Русской Мысли,* но совершенно найдетъ *при такомъ характерѣ либерализма, какой г. Прозоровъ обѣщаетъ намъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ"*. Г. Прозорову остается только и благодарить г. Тихомирова и постараться исполнить его желанія.

Вѣстникъ Европы, *сентябрь*. О беллетристикѣ разбираемой книги

мы умолчимъ. *Весеннія иллюзіи* г-жи Дмитріевой интересны развѣ только по своимъ недостаткамъ. Авторъ гонится за эффектами, заставляетъ умирающаго литератора Хотынцева излагать свои теоріи о задачахъ художественной дѣятельности, о безсмертіи и прочихъ матеріяхъ важныхъ, изображаетъ предсмертный бредъ Хотынцева,— однимъ словомъ, стремится какъ можно сильнѣе поиграть на нервахъ читателя. И понятно, что такая погоня за эффектами оказывается очень неудачной. Все это такъ холодно, такъ натянуто, такъ придумано... Новая повѣсть, начатая въ *Вѣстникѣ Европы,—Леночка,* г. Д. Ц—ва, тоже не обѣщаетъ пока быть интересной.

Проф. Карѣевъ закончилъ въ разбираемой книгѣ свою статью: *Экономическій матеріализмъ въ исторіи.* Въ этой заключительной части статьи почтенный профессоръ разбираетъ статьи Вейзенгрюна и П. Николаева, книгу Лоріа, одну изъ статей Каутски и брошюру нѣкоего Краузе. По отношенію къ первымъ двумъ изъ названныхъ писателей авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „И Вейзенгрюнъ, и г. Николаевъ задумали до нѣкоторой степени теоретически обосновать экономическій матеріализмъ, но самая эта задача привела ихъ обоихъ къ признанію недостаточности одного экономизма. Желая остаться экономическими матеріалистами, они, въ то же время, разрушаютъ экономическій матеріализмъ, хотя и робко заявляя права психическаго, т.-е. духовнаго и идейнаго начала въ исторіи“. Къ Лоріа г. Карѣевъ относится—и, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательно—съ большою суровостью. „Его сочиненіе *Экономическія основы общественнаго строя,*—говоритъ онъ,— представляетъ изъ себя своего рода reductio ad absurdum той историко-философской концепціи, по которой вся исторія объясняется лишь экономически“ *). Каутски авторъ признаетъ писателемъ несомнѣнно талантливымъ, знакомымъ съ исторіей („онъ не чета Лоріа“) и умѣющимъ научно пользоваться ея матеріаломъ. Его брошюру *Классовыя противорѣчія въ 1789 г.* можно рекомендовать, какъ ясное и толковое изображеніе соціальнаго строя Франціи передъ революціей и во время революціи. Разбирая введеніе къ книгѣ Каутски *Томасъ Морусъ и его утопія,* г. Карѣевъ замѣчаетъ: „Насколько авторъ изобразилъ намъ *соціально-экономическую жизнь* эпохи гуманизма и реформаціи, мы можемъ отнестись къ его работѣ съ величайшимъ сочувствіемъ, распространяемымъ нами и вообще на все *экономическое направленіе исторической науки;* но насколько онъ примѣнилъ точку зрѣнія *экономическаго матеріализма, какъ историко-философской теоріи,* къ объясненію не одной только соціально-экономической, но и *духовно-культурной жизни* эпохи, его пониманіе этой жизни мы должны признать *невѣрнымъ*“. Особенно цѣнными представляются намъ замѣчанія проф. Карѣева по поводу Краузе. „Нѣкоторые нѣмецкіе писатели,—говоритъ онъ,—дѣлаютъ изъ экономическаго матеріализма своего рода историческую философію соціальной демократіи и Краузе (а также и Каутски) принадлежитъ къ числу такихъ писателей. Отъ соединенія съ стремленіями этой политической партіи экономическій матеріализмъ въ качествѣ научной теоріи ничего не выигрываетъ, какъ не выигрываетъ ничего и соціальная демократія отъ союза съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи. Сведеніе всей исторіи къ экономической основѣ само по себѣ не обусловливаетъ тѣхъ требованій, которыя написаны на знамени рабочаго движенія, ибо оно легко можетъ соединяться съ

*) О Лоріа см. статью г. Гольцева въ ноябрьской книгѣ *Русской Мысли* 189 г.

представленіемъ объ экономическомъ господствѣ однихъ классовъ надъ другими, какъ вѣчномъ и непреложномъ законѣ общежитія (примѣръ — Гумпловичъ). На самомъ дѣлѣ связи между историко-философскимъ и историко-экономическимъ ученіемъ Маркса не существуетъ и послѣднее можетъ быть принято для *экономической исторіи,* хотя бы при этомъ и не признавалось, что вся *культурная и соціальная исторія* объяснима изъ однихъ экономическихъ началъ".

Въ заключеніе своего изслѣдованія, почтенный авторъ приходитъ къ слѣдующимъ окончательнымъ выводамъ. Возникновеніе экономическаго направленія въ исторіи объясняется, во-первыхъ, сближеніемъ между исторіей и политическою экономіей, а, во-вторыхъ, преобладаніемъ въ исторической жизни XIX вѣка, выдвинувшей на первый планъ соціальный вопросъ, экономическихъ отношеній. Вслѣдствіе того, что историческая наука обратила вниманіе на экономическую жизнь, общія историко-философскія воззрѣнія должны были подвергнуться переработкѣ. Психологическій идеализмъ заключалъ въ себѣ только одну половину истины. Въ силу естественнаго увлеченія экономизмомъ и въ силу весьма естественной реакціи противъ чисто-психологической и идеалистической концепціи, *оказавшейся несостоятельной въ своемъ стремленіи объяснить всю исторію,* возникло направленіе, сводящее всю исторію къ экономической и матеріальной основѣ. Но экономическій матеріализмъ и родственныя ему направленія страдаютъ такою же односторонностью; истина заключается лишь въ сочетаніи обѣихъ точекъ зрѣнія, поскольку человѣкъ живетъ удовлетвореніемъ не однихъ матеріальныхъ, но и духовныхъ потребностей. Когда пытаются объяснить духовную культуру изъ экономіи, получаются натяжки (Лоріа, Каупки); когда же сторонники экономическаго матеріализма болѣе озабочены тѣмъ, чтобы найти научную истину, нежели тѣмъ, чтобы утвердить принятый на вѣру догматъ, они вынуждены дѣлать поправки въ этомъ ученіи, по существу дѣла отрицающія его исходную точку зрѣнія (Вейзегрюнъ, г. Николаевъ). Экономическій матеріализмъ, конечно, сдѣлаетъ свой идейный вкладъ въ научную теорію историческаго процесса; *относительная истинность* его тенденціи не подлежитъ спору. „Не имѣя ни малѣйшихъ основаній предпочитать экономическому матеріализму психологическій идеализмъ,— заканчиваетъ свою статью г. Карѣевъ,—мы сочувствуемъ одинаково обоимъ направленіямъ, поскольку каждое освѣщаетъ намъ одну изъ сторонъ истины, и желаемъ, чтобы каждое направленіе, не стремясь деспотически вытѣснить другое, работало надъ выясненіемъ этой истины, внося въ свою работу побольше критики и остерегаясь догматизма, какъ вещи, въ научномъ дѣлѣ наиболѣе опасной".

Интересной обѣщаетъ быть и статья проф. Герье: *Ипполитъ Тэнъ въ исторіи якобинцевъ.* „Интересъ вопросовъ, — справедливо замѣчаетъ нашъ извѣстный ученый, — разрѣшенныхъ или возбужденныхъ (по нашему мнѣнію, впрочемъ, только возбужденныхъ, а не разрѣшенныхъ) Тэномъ въ исторіи якобинцевъ, далеко выходитъ за предѣлы минувшей исторической эпохи или даннаго государства. Вопросы о задачѣ государства и нравственныхъ предѣлахъ его права, о значеніи индивидуума въ общественномъ организмѣ, объ автономіи общественныхъ органовъ и т. под., около которыхъ вращается соціологія Тэна, — вопросы важные". Начало статьи г. Герье посвящено общимъ замѣчаніямъ или, вѣрнѣе сказать, общему изложенію исторіографическаго метода Тэна. По его мнѣнію, культурное значеніе Тэна нужно

искать на почвѣ позитивизма, въ болѣе общемъ (т.-е. не Контовскомъ) смыслѣ стремленія къ научности, опирающейся на методъ естественныхъ наукъ. Замѣтимъ кстати, что, по нашему мнѣнію, именно это и составляетъ недостатокъ метода Тэна, примѣнявшаго методы менѣе сложныхъ наукъ къ наукѣ болѣе сложной, что и обусловливало значительную произвольность въ обобщеніяхъ, столь частую у Тэна. Методъ Тэна въ исторіи якобинцевъ противуполагается профессоромъ Герье *ораторской* исторіографіи, какъ научный. „*Классическій* духъ,— замѣчаетъ онъ, — вообще велъ къ ораторству въ исторіографіи, но и помимо этого не было предмета, который такъ напрашивался на ораторское отношеніе къ нему со стороны историка, какъ великая революція“. Методъ Тэна нашелъ обширное примѣненіе въ исторіи якобинцевъ. Якобинцы являлись самыми преданными и послѣдовательными приверженцами либеральныхъ принциповъ 1789 г. Анализъ понятій долженъ былъ провѣрить это положеніе; этотъ анализъ установилъ, что принципы якобинизма были непосредственнымъ выводомъ изъ политической догматики Руссо (какъ будто для открытія этого былъ необходимъ какой-либо особый анализъ, когда достаточно справки съ рѣчами якобинцевъ) и ставили ихъ въ полное противорѣчіе съ самими собою и съ господствовавшею идеей переворота. Якобинцы были первымъ проявленіемъ во французской исторіи того чисто-политическаго типа, который Токвиль черезъ 60 лѣтъ призналъ за обыкновенное явленіе французской жизни и опредѣлилъ въ лицѣ Маррата (1848 г.) слѣдующимъ образомъ: „онъ принадлежалъ къ заурядному типу французскихъ революціонеровъ, которые подъ свободой народа всегда понимали деспотизмъ, проявляемый во имя народа“. Задача г. Герье заключаетъ въ себѣ слѣдующія части: разсмотрѣть методъ Тэна въ исторіи якобинцевъ, какъ разработку матеріала, такъ и психологическое его освѣщеніе, и, во-вторыхъ, соціологію Тэна по отношенію къ анализу политической дѣятельности якобинцевъ. Но, прежде чѣмъ приступить къ исполненію своей задачи, г. Герье прослѣживаетъ на основаніи критическихъ замѣчаній Тэна о произведеніяхъ другихъ историковъ самое возникновеніе исторіографіи Тэна. Для этого проф. Герье выбираетъ замѣчанія Тэна о Гизо, Мишле и Маколеѣ, какъ представителяхъ трехъ различныхъ направленій исторіографіи: *политической* исторіографіи, *вдохновенія* и *ораторства* въ исторіографіи; въ противуположность этимъ тремъ направленіямъ въ рецензіяхъ Тэна обрисовывается *четвертое, научное* направленіе... Мы, разумѣется, не имѣемъ возможности въ бѣглой замѣткѣ слѣдить за изложеніемъ взглядовъ Тэна и замѣтимъ только, что ставимыя имъ къ исторіографу требованія гораздо болѣе обращаются къ натуралисту-психологу-художнику, чѣмъ къ научному историку, открывающему или долженствующему открывать законы историческихъ явленій. Не даромъ самъ проф. Герье присоединяетъ къ вышеупомянутымъ рецензіямъ Тэна и его рецензію на произведенія Бальзака. „Для читателя очевидно несомнѣнное вліяніе, которое имѣлъ *натуралистическій* романъ во Франціи на ея исторіографію въ лицѣ Тэна, подобно тому, какъ историческій романъ Вальтеръ-Скота передъ этимъ отразился на трудахъ О[illegible]стена Тьерри“,—замѣчаетъ почтенный авторъ. Къ статьѣ проф. Ге[illegible]е мы еще, вѣроятно, вернемся въ слѣдующихъ обозрѣніяхъ.

Міръ Божій, *сентябрь*. Намъ неоднократно случалось указыв[illegible]ть на прекрасный составъ книжекъ этого единственнаго въ своемъ ро[illegible]ѣ у насъ популярно-научнаго журнала для самообразованія, и еще ра[illegible]ъ замѣтимъ, что книжки чуть не съ каждымъ мѣсяцемъ становятся все

болѣе и болѣе интересными. Мы посовѣтовали бы только редакцiи этого симпатичнаго органа не давать своимъ читателямъ интересныхъ статей въ столь миніатюрныхъ порціяхъ. Отъ этого статьи несомнѣнно много теряютъ въ своемъ интересѣ. Такъ, напримѣръ, въ разбираемой книгѣ начата печатаніемъ любопытная статья г. Кривенко: *Очеркъ жизни крестьянъ Тарскаго округа* и напечатано ея только 12 страницъ. Статья любопытна, какъ описаніе волости-общины, существующей еще въ Тарскомъ огругѣ, Тобольской губерніи и о тѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, которыя существуютъ въ жизни крестьянства при такой формѣ землевладѣнія. Но понятно, что двѣнадцать страничекъ не могутъ дать яснаго представленія читателю, да, къ тому же, и не особенно подготовленному, объ этихъ любопытныхъ экономическихъ отношеніяхъ.

Очень недуренъ разсказъ г. Ивановича: *Степанъ Ежикъ*. Въ мягкихъ, почти трогательныхъ тонахъ разсказывается судьба крестьянина, никакъ не могшаго приспособиться къ условіямъ солдатской жизни, остающагося и въ мундирѣ солдата тѣмъ же исконнымъ землеробомъ, какимъ онъ былъ въ деревнѣ, и предпочитающимъ чисто-каторжную жизнь денщика у довольно-таки безпутныхъ баръ-офицеровъ казарменной жизни, потому что въ денщичьей жизни есть настоящая, подлинная и нужная работа, которой нѣтъ въ маршировкѣ и въ другихъ солдатскихъ экзерциціяхъ. Перечислять всѣ полезныя статьи было бы долго и потому ограничимся указаніемъ только на статью г. Скабичевскаго: *Начало и развитіе русской критики*, о первомъ, романтическомъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго и о вліяніи на него шеллингистовъ и Станкевича, а также на статью г-жи Венгеровой объ *Эмиліи Галотти* Лессинга.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1894 г.

Современный календарь на 1895 г. Изд. А. Д. Ступина. Приложенія: Стѣнной календарь и карта Россіи и Сибирской ж. д. Москва, 1895 г. Ц. 15 коп.

Джаншіевъ, Гр. А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Историко-біографическія справки. Съ благотворительною цѣлью. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.

Верещагинъ, В. В. На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Воспоминанія художника. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эртель, А. Смѣна. Романъ. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Шимко, И. И. Патріаршій казенный приказъ. Его внѣшняя исторія, устройство и дѣятельность. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.

Нестеровъ, Н. А. Карты фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ пояснительною запиской. Составлены подъ руководствомъ инженера И. А. Лихачева. II. Пояснительная записка къ картамъ фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи. Изд. И. А. Лихачева. Москва, 1894 г. Ц. 5 руб.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Пер. со 2 нѣмецкаго изданія подъ редакціей д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. Вып. 15. Одесса, 1894 г.

Багалѣй, Д. И., проф. Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I. (1802—1815), вып. I. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Société de Musée Social. I. Décret du 31 aout 1894. II. Statuts. III. Procès verbaut. IV. Communication faite a Lyon. Paris, 1894.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Овраги, ихъ закрѣпленіе и облѣсеніе. Изд. харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1894 г.

Основъяненко, Грицько. Перекати-поле. Повѣсть. Изд. харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1894 г.

Свирскій, А. И. Въ стѣнахъ тюрьмы. Очерки арестантской жизни. Ростовъ на Дону, 1894 г. Ц. 60 коп.

Шевелевъ, А. О двойныхъ звѣздахъ. Очерки астрономіи. Вып. I. Москва, 1894 г.

Настольный энциклопедическій словарь. Съ 44 вып. издается т-ствомъ А. Гранатъ и К°. Вып. 89. Москва, 1894 г. Ц. отдѣльнаго вып. на лучшей бумагѣ 40 к.

Отчетъ по лѣсному управленію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за 1893 годъ. Составленъ V отдѣленіемъ лѣсного департамента. Спб., 1894 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1893 г. Изд. нижегородскаго губернскаго земства. Два выпуска. Нижній-Новгородъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Луговой, А. Сочиненія. Т. I. Стихотворенія, повѣсти, разсказы и драматическія произведенія. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій. Въ 4 томахъ. Пер. съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Томъ III, вып IX. Спб., 1894 г.

Оршанскій, профессоръ. [illegible]тивизмъ и контизмъ. Спб., 1894 г

Данилевскій, Г. П. Не выта[illegible]лось. Повѣсть. Спб., 1893 г. Ц. 1

Данилевскій, Г. П. Слобожане. [illegible]лороссійскіе разсказы. Изданіе вто[illegible]. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Тифлисскій настольный календарь на 1894 г. Изд. В. А. Герценштейна. Тифлисъ, 1893 г. Ц. 40 к.

Плещеевъ, А. Н. Стихотворенія (1846—1891). Съ портретомъ автора, факсимиле и статьею П. И. Вейнберга. Второе изданіе А. А. Плещеева. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Дело Іули-Августъ. Београд., 1894 г.

Нибургъ, Бартольдъ, его жизнь и дѣятельность. Пер. съ нѣмецкаго Л. О. Вейнберга. Приложеніе: письмо Нибура къ филологу. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи, дополненная Г. Фогелемъ. Пер. со 2 изд. Н. С. Дрентельна. Выпускъ I. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. первому выпуску 1 р. 40 коп.

Узаконенія о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ (читальняхъ), съ приложеніемъ примѣрныхъ ихъ уставовъ, составленныхъ с.-петербургскимъ комитетомъ грамотности. Второе дополненное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. 10 коп.

О земледѣльческихъ артеляхъ Пермской губерніи. Спб., 1894 г.

Отчетъ о дѣятельности состоящаго при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ с.-петербургскаго комитета грамотности. Спб., 1894 г.

Движеніе на населението въ българското княжество. Прѣздъ 1891 год. Издава статистическото бюро. София, 1894 г.

Русскій сельскій календарь на 1895 г., съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Отчетъ о сборѣ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи съ 1 октября 1893 г. по 1 января 1894 г. Спб., 1894 г.

Проба новой печати „компактной", проектированной „ради глазъ" инженеръ-технологомъ Вл. Ободовскимъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

О состояніи народнаго образованія въ Петровскомъ, уѣздѣ Саратовской губерніи, въ 1892—93 учебномъ году Петровскъ, 1894 г.

Какое участіе должно принять саратовское губернское земство въ дѣлѣ народнаго образованія въ Саратовской губерніи. Саратовъ, 1894 г.

Григорьевъ, Ѳ. Задачи просвѣтительной дѣятельности современнаго русскаго духовенства и организація этой дѣятельности. Уфа, 1894 г.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Пер. со нѣмецкаго изданія д-ра П. Я. Розенбаха. Съ 45 рис. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Edinger, Ludwig. Лекціи о строеніи органовъ центральной нервной системы человѣка и животныхъ. Для врачей и студентовъ. Пер. съ 4 нѣмецкаго изд. Н. Пустошкиной, подъ редакціей Л. О. Даркшевича. Съ 145 рис. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г.

Betza, Stanislaw. Na lagunach. Warszawa, 1895.

Карелинъ, А. А. Краткое изложеніе политической экономіи. Изд. Л. Ф. Пантелѣева Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бычихинъ, А. А. Состояніе огородничества на поляхъ, орошаемыхъ нечистыми водами г. Одессы. Одесса, 1894 г.

Сулима, К. П., д-ръ. Несчастные случаи съ рабочими въ свекло-сахарныхъ заводахъ и мѣры предупрежденія ихъ. Спб., 1894 г.

Петровъ, Андрей. Пятидесятилѣтіе научной разработки славянскихъ источниковъ, для біографіи Кирилла и Меѳодія (1843—1893). Москва, 1894 г.

Петровъ, А. Н. Спорные вопросы миссіонерской дѣятельности св. Кирилла философа на Востокѣ. Одесса, 1894 г.

Петровъ, А. Н. Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина философа по списку XIII вѣка. Москва, 1894 г.

Андреевскій, И. С. Генезисъ науки, ея принципы и методы. Ч. II. Кіевъ, 1894 г.

Добровольскій, В. Н. Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. I и II. Спб., 1894 г.

Руководство къ лѣченію зубныхъ болѣзней. Т. III, ч. 2, вып. 10. Пер. д-ра Л. А. Говсѣева, подъ редакціей профессора В. Ѳ. Грубе. Изд. д-та Я. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1894 г.

Славееви гори. Юний. Кн. III. Пловдивъ, 1894 г.

Отчетъ о дѣятельности орловской городской публичной библіотеки за 1893 г. Вятка, 1894 г.

Прохоровъ, А. Вертикальное письмо. Руководство-дневникъ для городскихъ начальныхъ и сельскихъ учителей. Москва, 1894 г. Ц. 25 коп.

Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1893 г. В. 2-й. Лѣто и осень. Изд. вятскаго губернскаго земства. Вятка, 1894 г.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Красноярскѣ за 1893 г.

Статистика за търговията на българското княжество съ чуждитѣ държави прѣзъ 1893 година. Издава статистическото бюро. София, 1894 г.

Внѣшняя торговля по Европейской границѣ. 1894, мартъ. Спб., 1894 г.

Герценъ, А. Общая физіологія души

(Psychophysiologie générale). Пер. съ согласія автора Г. Паперна. 2-е удешевленное изд. „Популярно-научная библіотека". Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 75 коп.

Шахрай, Л. М. Еврейскія секты. „Наша старина". Изд. книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.

Агаповъ, Д. В. Рѣшеніе треугольниковъ помощью теоремы Агапова. 45 случаевъ. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 коп.

Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Запысавъ Олександеръ Конисськый. Выдання друге. У Черныгови, 1894 г.

Садовскій, Викторъ. Винодѣліе изъ фруктовъ. Практическое руководство къ изготовленію ягоднаго и яблочнаго вина и шипучаго вина изъ смородины. Съ 15 рисунками. „Библіотека полезныхъ свѣдѣній". Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1894 г. Ц. 60 коп.

Всеволодская, О. В. Помощь переселенцамъ. (Повѣсти и разсказы). Изданіе автора. Сборъ съ изданія назначается въ пользу бѣдныхъ дѣтей переселенцевъ. Тобольскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Засодимскій, П. И. Въ метель и вьюгу. Святочный разсказъ. Москва, 1894 г.

Федьковичъ, О. Какъ родные братья. Повѣсть. Съ галицко-русскаго переложилъ Н. Златовратскій. Москва, 1894 г.

На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ. Сборникъ про семейную жизнь. Москва, 1894 г.

Бѣлевичъ, К. В. Лѣсное хозяйство. О сбереженіи лѣса и разведеніи лѣсныхъ деревьевъ. Москва, 1894 г. Ц. 10 коп.

Леонгардтъ, А. А., д-ръ. Руководство для фабрикаціи чернилъ, ваксы, синьки и колесной мази. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Отелло, венеціанскій арабъ и прекрасная Дездемона или безуміе ревности. Повѣсть въ пяти частяхъ (по Шекспиру). Составила А. Юрьева при участіи Е. Вэръ-Чистяковой. Москва, 1894 г.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. Разсказы. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 80 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. На водѣ. Сборникъ разсказовъ. Пер. съ французскаго Л. П. Никифорова и др. съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ второй. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

Изъ дневника Аміеля. Пер. съ французскаго М. Л. Толстой подъ редакціей и съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Фирсовъ, П. П. Къ вопросу объ оцѣнкѣ земель, какъ предмета земскаго обложенія. (Историко-критическій очеркъ). Изд. херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1894 г.

Мищенко, Я. Г. Демосѳенъ. Жизнь Демосѳена и его труды. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Отчетъ о дѣятельности комитета грамотности при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства за 1893 г. и журналы засѣданій 27 окт. 1893 г. и 19 мая 1894 г. Москва, 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

II Спискѣ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 сентября по 1 октября 1894 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова

коммиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 2—24).

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. руб. 80 коп.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р.80 к.

Бурже, Поль. Космополисъ. Романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Юнóша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 1 р.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль". Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ „Русская Мысль" за пересылку не платятъ.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?" Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ) Нашихъ полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на „Русскую Мысль" за пересылку не платятъ.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна I-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. (Новые повѣсти и разсказы). Томъ второй. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на „Русскую Мысль" за пересылку не платятъ.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ ... раютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко ... зыкантъ. Цѣна 1 коп.

Разсказъ про смутное время на Р... Цѣна $1^1/_2$ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас ... Счастье Ивана Непомнящаго. I... 5 коп.

Короленко, В. Г. Убивецъ. I... $1^1/_2$ коп.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.
Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. М. Ц. 2 р.
Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.
Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Іогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Деметьевой, съ 88 рис. Москва, 1893 г Ц. 60 к.
Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р 50 к. М. 89: часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц 1 р.
Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за выпускъ.
Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.
— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.
— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.
— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
Dapio, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11 Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М 1889 г Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей о значеніи вегетаріанства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Бойславъ. Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Выпускъ первый. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Герценштейнъ. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефдингъ, Г. Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г. Часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.

— Исторія желѣзнодорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Моя исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.

Горацій. Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словар. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.

Горацій. Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— III-й и IV книги изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Програмы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.

— Програмы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М , 1893 г. Ц. 35 к.

— Програмы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIV вѣкѣ. Пер. подъ редакціею Лучицк... Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. 4 р. М., 1894 г.

Гриммъ. Книжка I и II въ перепле... М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка III и IV въ переплетѣ. .. 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. в. б. пер. М., 1893 Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в. б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М., 1892 г.
Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Гюбваръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
Джеромъ. К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стернъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц 90 к.
Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев Э Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб.. 1894 г.
Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. . 2 р.
— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 871 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. . 40 к.

Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ця 3 р.
Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Коппе, Франсуа: „Генріетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
Жюль, Вернъ. Гекторъ Сервадакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
Затруднительное путешествіе. Игра-задача для дѣтей. Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 к.
Зелинскій. Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.
— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.
Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.
Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Канноннковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомени ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Карьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
Квитка, Григорій. (Основьяненко). Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.
Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Ковалевская, Софія, и Леф флеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.
Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
Кругловъ, А. В. Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
Ксенофонтъ. Анабазисъ подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Лк е. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисун въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. Г ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
— Руководство къ исторіи живопис. со временъ Константина Великаго. Пе в. И. К. Васильева, съ портрет. авт в. Ц. 7 р. М., 1872 г.
Куно - Фишеръ. Лессингъ, і къ преобразователь нѣмецкой литерат ы.

Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1888 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 политип. Ц. 1 р. 50 к. М , 1893 г.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 84.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леонтьевъ, Н. I. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.,

Лессингъ, Г. Мина фонъ-Барнгельмъ. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р М., 1883 г.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.

— Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 894 г. Ц. 1 р.

Л зтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Змѣсто хлѣба-камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

- Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

- На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 281 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des Environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В. М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г, Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V. ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Ришпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ".
— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.
Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
П. Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" („Біографическая библіотека"). 1) С. П. Боткинъ, 2) Д. Боккачіо, 3) Беранже, 4) Беккаріа и Бентамъ, 5) Воронцовы, 6) Ѳ. Г. Волковъ, 7) Гутенбергъ, 8) Янъ Гусъ, 9) Державинъ, 10) Даніэль Дефо, 11) Чарльзъ Дарвинъ, 12) Эд. Дженнеръ, 13) Данте, 14) Джорджъ Эліотъ, 15) Эдисонъ и Морзе, 16) Конфуцій, 17) Кеплеръ, 18) Канкринъ, 19) В. Н. Каразинъ, 20) С. В. Ковалевская, 21) Кювье, 22) Н. Коперникъ, 23) Лессингъ, 24) Ливингстонъ, 25) М. В. Ломоносовъ, 26) И. Лойола, 27) Линней, 28) Чарльзъ Ляйелль, 29) Лейбницъ, 30) Лавуазье, 31) Мирабо, 32) М[illegible]тонъ, 33) Мейерберъ, 34) Мол[illegible], 35) Монтескьё, 36) Моцартъ, 37) Мицкевичъ, 38) Микель-Анджело, [illegible] И. С. Никитинъ, 40) Потемкинъ, [illegible] Пржевальскій, 42) Песталоцци, 43) [illegible]саревъ, 44) Перовъ, 45) Ришелье, [illegible] Струве, 47) Сенковскій, 48) Солов[illegible] 49) Сакія-Муни, 50) Свифтъ, 51) В[illegible]теръ-Скоттъ, 52) Стенли, 53) Стефенс[illegible]

и Фультонъ, 54) Теккерей, 55) Торквемада, 56) Дж. Уаттъ, 57) Франклинъ, 58) Ульрихъ Цвингли, 59) Робертъ Шуманъ.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи". М., 1894 г. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г Ц. 60 к.

Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.

Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

Прессъ. Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., [1]890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— [О]днолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. к.

Р[...]ихъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., [1]893 г. Ц. 1 р.

Р[е]кламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. [Ц]. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Руссо, Жакъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Ручныя тѣни. Любимая дѣтская забава. Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспа. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Состав. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 2 [т.] М., 1894 г. Ц. 25 к.

Скворцевъ. Гигіена. Спб., 1881 г. Ц. р.

Сказка про лису да про волка. [М]., 1892 г. Ц. 25 к.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ

поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.
Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Спиноза, Венедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.
Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Тайный порокъ. Выпускъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 20 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 руб. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство [illegible] начальныхъ сельскихъ училищъ и [illegible]гихъ элементарныхъ школъ. Изд. [illegible] М., 1894 г. Ц. 15 к.
Тихомировъ, Д., и Зенгбу[illegible] И. Начатки географіи. Руководство [illegible] народныхъ училищъ и другихъ элем[illegible]тарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 189[illegible] Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евгеній. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленію древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М., 1893 г. Ц. 2 руб.]

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Ф йфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. . III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. р. 50 к. М., 1890 г.

Ф рраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 0 к., съ пересылкою 2 р.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Куно. Артуръ Шопенгауэръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Рассадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц 1 р. 25 к.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Художественная Россія. Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Анція Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Рос ія Америйскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к.

Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
Частный почипъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 года Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Гёте и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій въ двухъ т. Спб., 1891 г. Ц. за 2 т. 3 р.
Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шеремецинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.; т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Счепсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Щ., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. Москва, 1882 г. Ц. 1 р.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я. Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. .., 1891 г. Ц. 40 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервъ [illegible] людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣ[illegible]. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія новости и новыя изданія 1893 и 1894 гг.

Каждый томъ 1 р. 60 к.

Bourget. André Cornélis.
— Un coeur de Femme.
— Cosmopolis.
— Un crime d'amour.
— Le disciple.
— L'irréparable.
— Mensonges.
— Pastels.
— Nouveaux pastels.
— Physiologie de l'amour moderne.
— Sensations d'Italie.
— La Terre promise.
Chenevière. Perle fausse.
Coppée. Mon franc parler.
Feuillet. Monsieur de Camors.
— La petite comtesse.
— Le roman d'un jeune homme pauvre.
France. Le Crime de Sylvestre Bonnard.
— Thaïs.
Gyp. Autour du divorce.
— Autour du mariage.
— Du haut en bas.
— Journal d'un philosophe.
— Le 13.
— Madame la Duchesse.
— Mariage de Chiffon.
— Monsieur le Duc.
— Une Passionnette.
— Petit Bob.
— Professional lover.
— Tante Joujon.
Halévy. L'abbé Constantin.
— M-me et Monsieur Cardinal (A. R.).
— Le petit Cardinal.
Lepelletier. Madame Sans-Gêne.
— I. (La blanchisseuse).
— II. (La maréchale).
Lesueur. Haine d'amour.
— Justice de Femme.
Loti. Aziyadé.
— L'exilée.
— Fantôme d'Orient.
— Fleurs d'eunui.
— Japoneries d'Automne.
— Madame Chrysanthème.
— Mariage de Loti.
— Mon frère Yves.
— Pêcheur d'Islande.
— Le Roman d'un enfant.
— Le Roman d'un spahi.
Margueritte. Amants.
— Jours d'épreuve.
— La force des choses.
— Ma grande.
— Pascal Géfosse.
— Sur le retour.
Maupassant. Pierre et Jean.
— Clair de lune.
— La Main gauche.
— Fort comme la mort.
— La maison Tellier.
— Une vie.
— Miss Harriet.
— Les soeurs Rondoli.
— Sur l'eau.
— La vie errante.
— Au soleil.
— M-lle Fifi.
— Le Horla.
— Contes du jour et de la nuit.
— Monsieur Parent.
— Toine.
— Notre coeur.
— Musotte (Pièce).
— La paix du menage (Pièce).
Mendès. La femme-enfant.
Ohnet. Le lendemain des amours.
— Docteur Rameau.
— Serge Panine.
— Comtesse Sarah.
— Noir et rose.
— Les dames du Croix—Mort.
— La grande Marnière.
— Le droit de l'enfaut.
O'Monroy. Le Chic et le Chèque.
— Les petites Manchaballe (a. r.).
— Place au théâtre!
Prévost. Le Scorpion.
— Chonchette.
— Mademoiselle Jaufre.
— Cousine Laura.
— La Confession d'un amant.
— L'Automne d'une femme.
— Lettres de femmes.
— Nouvelles Lettres de femmes.
— Les Demi-Vierges.
Rabusson. Préjugé.
— Sans Entraves.
Rod. La seconde vie de Michel Teissier.
Schultz. Ce qu'elles peuvent.
— Jean de Kerdren.
— La neuvaine de Colette.
Simon. La Femme du XX-e siècle.
Tinseau. Bouche close.
— Le Chemin de Damas.
— Faut-il aimer?
— Ma Cousine Pot au feu.
— Maître Gratien.
— Sur le seuil.
Zola. Au Bonheur des Dames.
— La débâcle.
— L'argent.
— Bête humaine.
— Germinal.
— Pot-Bouille.
— L'assommoir.
— Le Docteur Pascal.
— Lourdes.

— Une page d'amour.

Collection Knoebel
(format in 18°).
Каждый томъ по 1 р. 60 к.

Barracand. Vicomtesse.
Beauclerc. Une tourmente.
Blondel. L'heureux village.
Coynart. Stérile.
Debay. Déception.
Dumont. Le Prince Rouge et Noir et sa Cour (Monte-Carlo).
Glouvet. Croquis de femmes.
— Etude Chandoux.
— Fille adoptive.
— L'Idéal.
— Marie Fougère.
— Le Père.
Toudouze. Le vertige de l'inconnu.
— Livre de Bord.
— Ma douce.

Collection Guillaume illustrée
in 18°.
Каждый томъ по 1 р. 60 к.

Bourget. Mensonges.
Daudet. L'Evangéliste.
— Les Femmes d'Artistes.
— Fromont jeune et Risler aîné.
— Jack.
— L'Immortel.
— Robert Helmont.
— Rois en exil.
— Rose et Ninette.
— Sapho.
— Souvenirs d'un homme de lettres.
— Tartarin de Tarascon.
— Trente ans de Paris.
— L'obstacle (Pièce).
— La menteuse (Pièce).
Flammarion. Uranie.
Goncourt. Soeur Philomène.
Zola. Faute de l'abbé Mouret.

Collection Guillaume „Ibis"
(format in 8° petit).
Каждый томъ 1 р. 80 к.

Barbey d'Aurevilly. Le Chevalier des Touches.
Bourget. Cruelle énigme.
Coppée. Les Vrais Riches.
Flammarion. La Fin du monde.
Loti. Matelot.

Collection illustrée „Euryale"
(in 16°).
Каждый томъ по 1 р. 15 к.

Claretie. Frontière.
Margueritte. Avril.

Petite collection Guillaume illustrée „Nelumbo".
(en petit format de poche).
Каждый томъ по 90 к.

Byron. Le corsaire.
Cazotte. Le diable amoureux.
Cervantès. La Jitanilla.
Chamisso. Pierre Schlémihl.
Chateaubriand. Atala.
Dá Porta. Juliette et Roméo.
Daudet. L'Arlésienne.
— Entre les frises et la rampe.
— Numa Roumestan. (Pièce).
Dickens. Le grillon au foyer.
Diderot. La réligieuse.
Edda. Sigurd.
Goethe. Werther.
— Hermann et Dorothée.
Jokai. Rêve et vie.
La Fontaine. L'Amour et Psyché.
La Motte-Fouqué. Ondine.
Molière. Oeuvres 12 volumes (dont chaque se vend séparément).
Nodier. Jean Sbogar.
Poë. Le scarabé d'or.
Prévost. Manon Lescaut.
Printemps parfumé.
Sastri. Le porteur de sachet.
Shakespeare. Songe d'une nuit d'été.
Sterne. Voyage sentimental.
St. Pierre. Paul. et Virginie.
Tabubu Conte égyptien.
Tolstoi. La mort d'Jvan Ilitche.
Valmiki. L'exil de Rama.
Vyasa. Sakountala.

Petite collection Lemerre illustrée
(en petit format du poche.
Каждый томъ по 90 к.

Bourget. Un Saint.
— Un Scrupule.
— Steeple chase.
Coppée. Henriette.
— Rivales.
Hérédia. La nonne Alférez.
Musset. Le fils du Titien.
— Frédéric et Bernerette.
Prévost. Le moulin de Nasareth.
Stendhal. L'abbesse de Castro.
Theuriet. L'abbé Daniel.
— Rose-Lise.

НѢМЕЦКІЯ НОВОСТИ.

Abt. Abseits vom Wege, Roman 2 m. Pc. 3.
Alberti. Schröter et C°, Roman Pc. 3.60.
Boy-Ed. Malergescichten. Psychologische Studien Pc. 3.—
Gerstäcker. Der Kunstreiter. Erzählungen. 1.50.
Christen. Jungfer Mutter. Eine Wiener Vorstadtgesichte Pc. 2, 10.
Danthendey. Rosa Gerth. Roman. Pc. 1.20.
David. Probleme Erzählungen Pc. 1.80.
Eschstruth. In Ungnade. Roman 2 m. Pc. 6.—
Friedemann. Catilina. Roman 2 m. Pc. 3—.
Giellerup. Pastor Mors. Eine selts[illegible]e Gesichte. Pc. 1.20.
Hackländer. Namenlose Gesicht[illegible]. 2 m. Pc. 5.40.
— Am Kamin. Pc. 1.80.
Halbe Der Amerikaner. Ein Sche[illegible]-spiel. Pc. 1.20.
Hauptmann. Die Weber. Schausp[illegible]l. 1.20.

— College Crampton, 1.20.
— Vor Sonnenaufgang. Lir. Drama. 1.20.
— Das Friedensfest. Bühnendichtung. 1. 20.
— Der Biberpelz. Eine Diebeskomödie. 1.20.
— Der Apostel. Novel. Studien. —90.
Hoefer. Ezählungen eines alten Tambours 1.80.
Jonas. Schillers Briefe. Kritische Geammtausgabe. Pc. 1.80.
Keyserling. Excentrische Erzählung. 3.—
Lee. Baccarat, Geschten zum Dessert. Pc. 1.20.
Moore. Ungetraut. Die Geschichten einer ernsthaft gespielten Komödie. 2 m. 4.80.
Reizenstein. Das Rätsel des Lebens. Roman in 2 Bände, 2 m. 4.80.
Stinde. Der Liedermacher. 1.80.
Walloth. Es fiel ein Reif. 2.40.
— Narren der Liebe. 2.40.
Winterfeld. Ein gutmütiger Mephisto. 1.50.
Wolters. Mädchen am See. Erzählung. 1.70.
Zabel. Der Stammtisch und andern Novellen. 1.80.

АНГЛІЙСКІЯ НОВОСТИ.

The English library.

Grand. The Heavenly twins. 2 m. 1.70.
Kipling. The Jungle-Bok. —85.
Sloga Osbourne. The Elb-Tide —85.
Moore. Esther Wators. —85.
Hope. The prisoner of zenaa. —85.
Grand. Ideala. —85.
Kipling. Barrack-Room Ballads. —85
Parr. Can this bee love? —85.
Marryat. The Hampstead-Mystery. 2 m. 1.70.
Zangwill. The old maids club. —85.

За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

СОЧИНЕНІЯ А. ЛУГОВОГО.

Томъ 1-й—572 страницы въ 8-ю долю листа.

СОДЕРЖАНІЕ: **Повѣсти и разсказы:** „Не судилъ Богъ!“ — „Однимъ часомъ“. — „На куриномъ насѣстѣ“.—„За грозой — вёдро“.—„Не отъ міра сего“.—„Ольга Ярославна“. — „Швейцаръ“. **Драматическія произведенія:** „За золотымъ руномъ!“ Сцены изъ похода современныхъ аргонавтовъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—„Озимь“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. **Стихотворенія:** „Крымскіе пейзажи“.—„Опять на Волгѣ!“—„Боръ“.—„Русь“.—„Въ майскую ночь“.—„Жалко Гуса!“ и друг.

Цѣна 2 рубля, пересылка по разстоянію.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типогр. **М. М. Стасюлевича**, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., д. 28.

ТАМЪ ЖЕ ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 2-й и 3-й томы сочиненій А. Луговаго, которые печатаются и въ непродолжительномъ времени будутъ выпущены въ томъ же форматѣ, какъ первый томъ, и по той же цѣнѣ—2 р. за каждый. Подписывающіеся теперь же на всѣ три тома вмѣстѣ платятъ **5 р. (вмѣсто 6 р.)**, причемъ допускается разсрочка: **3 р. при подпискѣ и по 1 р. по выходѣ каждаго слѣдующаго тома.** Пересылка по разстоянію.

СОДЕРЖАНІЕ 2-го ТОМА (526 страницъ): „Грани жизни“. Романъ въ 5-ти частяхъ (поступитъ въ продажу въ октябрѣ сего года).

СОДЕРЖАНІЕ 3-го ТОМА: **Повѣсти и разсказы:** „Pollice verso“. — „Нѣсколько поцѣлуевъ“.—„Тепломъ повѣяло“.—„Счастливецъ“.—„Исполнили“.—„Простая случайность“.—„Изъ поѣздки къ голодающимъ“.—„Nocturne“.—„Нервная ночь“.—„Музыкантъ въ своемъ родѣ“.—„Между двухъ смутныхъ идеаловъ“.—„Альміроръ“. **Стихотворенія:** „Сумасшедшее проклятіе“.—„Taedium vitae“.—„Credo... quia absurdum“ и др. (поступитъ въ продажу въ декабрѣ сего года).

Подписка принимается также и въ книжномъ магазинѣ *Русской Мысли* въ Москвѣ и въ книжныхъ магазинахъ *Новаго Времени* и *Карбасникова*.

Со дня поступленія въ продажу 3-го тома подписка по уменьшенной цѣнѣ будетъ прекращена.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ сентябрьская (4-я) КНИГА ЖУРНАЛА

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ: *Ѳ. А. Зеленогорскій*: „Философія Г. С. Сковороды“.—*В. А. Вагнеръ*: „Психологическая природа инстинкта“.—*Влад. С. Соловьевъ*: „Первичныя данныя нравственности“.—*Н. Я. Гротъ*: „О времени“.—*А. А. Токарскій*: „Сознаніе и воля“.—*А. А. Козловъ*: „Густавъ Тейхмюллеръ“.—*В. А. Гольцевъ*: „Психологія идей-силъ“.—**Критика и библіографія:**—„Отчетъ о диспутѣ“. Н. Н. Ланге.—**Психологическое Общество.**—Приложенія: I. *Я. Н. Колубовскій*: „Философскій ежегодникъ“.—II. „Протоколы Русскаго Общества экспериментальной психологіи“.

Открыта подписка на 1895 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1895 г. по 1-е января 1896 г.): **безъ доставки—6 р.**, съ доставкой въ Москвѣ **6 р. 50 к.**, съ пересылкой въ другіе города—**7 р.**, за границу—**8 р.** Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, д. Разцвѣтовой). Подписка на 1894 годъ продолжается.

Редакторы: проф. **Н. Я. Гротъ** и проф. **Л. М. Лопатинъ.**

Вышло въ свѣтъ новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества: **ФР. ПАУЛЬСЕНЪ.** Введеніе въ философію. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. Н. Титовскаго, подъ редакціей В. Преображенскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 40 коп. Студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній, покупающимъ книгу непосредственно изъ конторы журнала „Вопросы Философіи“, книга уступается за 2 р.

Вышелъ № 41 (сентябрь) журнала

„АРТИСТЪ".

Содержаніе: *Объемъ и методъ преподаванія анатоміи человѣка въ художеств. школахъ*, пр. Д. Н. Зернова. *Мила*, ром. Вл. И. Немировича-Данченко. *Евгеній Онѣгинъ*, лир. опера Чайковскаго. *Одинъ*, ром. И. Потапенка. *Шекспиръ и натурализмъ*, Г. Бультгаупта. *Нѣсколько замѣчаній о франц. живописи въ связи съ обзоромъ салоновъ 1894 г.* П. Нилуса. *Импрессіонистъ*, пов. П. Гнѣдича. *Театральная костюмировка*, Н. Шиловскаго. *Русское музыкальное творчество. Эхо*, разск. Ю. Безродной. *Взгляды на вопросы искусства у трехъ поколѣній русск. художниковъ.* А. Новицкаго. *Техника драмы.* Г. Фрейтага. *Вагнеровскій театръ въ Байрейтѣ.* Н. Кашкина. *Воронъ*, стих. Э. Поэ, пер. К. Бальмонта. *Горе современнаго театра.* Ив. Иванова. Стихотвореніе. Н. Никольскаго. *Танцы сюита* для фортепіано № 3, *Полька.* Э. Направника. *Пѣсня о звѣздѣ*, изъ трилогіи „Пиринеи". Ф. Педрэлли. *Литературное обозрѣніе.* Ив. Иванова. *Библіографія. Современное обозрѣніе. Художественное обозрѣніе. Корреспонденціи. Литературная хроника. Музыкальная хроника. Театральная хроника. Художественная хроника. „Въ размолвкѣ"*, ком. въ 4 д. Е. Гославскаго. *„У изгороди"*, карт. Н. А. Касаткина, фототипія на мѣди, Шерера и Набгольцъ. *„Аулъ Казбекъ"*, карт. А. А. Киселева, фототипія на мѣди, Шерера и Набгольцъ. *Сказка о золотомъ пѣтушкѣ А. С. Пушкина*, акварель гр. Ѳ. Л. Соллогуба, л. 10-й.

Вышелъ № 41 (сентябрь) журн. „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА". Содержаніе: *За двадцать минутъ до звонка*, шутка въ 1 д. М. Богемскаго. *Пришла бѣда — растворяй ворота*, послов. въ 5 д. К. А. Тарновскаго. *Война и миръ*, шутка въ 3 д. Я. Ѳ. С. *На скользкомъ пути*, ком. въ 1 д. Маріи Шимкевичъ. *На подмосткахъ*, статья Альбера Ламбера. *Хроника.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	На годъ.		
	Безъ дост.	Съ перес.	За границу.
На журн. „Артистъ"	10 р.	12 р.	14 р.
На журн. „Артистъ" съ прил. „Теат. Библіот."	13 р.	16 р.	18 р.

☞ **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ на одинъ журналъ — 2 руб. и затѣмъ ЕЖЕМѢСЯЧНО **по 1 руб.** до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба журнала вмѣстѣ 3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ „Артиста" по 2 р.

Редакція (тел. № 890) и гл. контора (тел. № 1490) журнала „Артистъ" — у Арбатскихъ вор., д. Шмидтъ.

Продолжается подписка на журналъ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

Науки естественныя, антропологическія и физико-математическія. Научныя новости, задачи, справки, объявленія.

Въ послѣднихъ №№ были напечатаны статьи: проф. Н. Вагнера, проф. С. Глазенапа, проф. М. Ганина, проф. Швенингера, д-ра филос. Брунгофера, М. Филиппова и друг. Въ *приложеніяхъ* были напечатаны статьи: Спенсера, Герца, Пастёра, Гельмгольца и др. и посмертный трудъ Дарвина—ИНСТИКТЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ **7** руб. съ перес. и дост., на полгода **4** руб., на четверть года **2** руб. (сроки подписки съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября). За границу на годъ **10** руб., на полгода **5** руб.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Литейный просп., д. № 51 (графа Шереметева), кв. 24.

Редакторъ-издатель д-ръ философіи М. Филипповъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Авдѣева, К. А. Поваренная книга. 500 скоромныхъ и постныхъ кушаньевъ, раздѣленныхъ на 365 трехблюдныхъ обѣдовъ круглаго года. Изд. 10-е дополн. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Арефъ, Н. И. Сборникъ правилъ о производствѣ охоты въ губерніяхъ Россійской имперіи, Царства Польскаго и Великаго княжества Финляндскаго. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Богуславскій, Л. А. Апшеронская памятка 1700—1894 г. Краткая исторія Апшеронскаго полка для солдатъ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Бойсъ, Ч. В. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности, прочитанныя предъ молодою аудиторіей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Съ рис. въ текстѣ. Переводъ съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Жоли, Г. Психологія великихъ людей. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 65 к.

Жукъ, В. Н. Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. 5-е, вновь обработанное и дополненное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Ивановъ, К. А. Средневѣковой городъ и его обитатели. Съ 16 рис. Спб., 1895 г. Ц. 70 к.

Карелинъ, А. А. Краткое изложеніе политической экономіи Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Карѣевъ, Н. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Спб., 1894 г. Ц. 50 коп.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію. Изд. 2. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Крихлеръ, Ф. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, защитныхъ и комнатныхъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Луговой, А. Сочиненія. Т. I. Стихотворенія, повѣсти, разсказы и драматическія произведенія. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Плещеевъ, А. Н. Стихотворенія (1846—91 г.). Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Покровскій, К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Прельсъ, Р. Эстетика. Переводъ съ послѣдняго нѣм. изданія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сабининъ, А. Х. Учебникъ физіологіи (въ 29 лекціяхъ) для фельдшерскихъ школъ и фельдшеровъ. Изд. 3-е. Воронежъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Саловъ, И. А. Суета мірская. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Пер. съ англ. Н. Θедоровой съ примѣчаніями и вступительною статьей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Томсонъ, С. В. Строеніе матеріи. Популярныя лекціи и рѣчи. Съ 67 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Филоновъ, А. (Приходская библіотека). Избранныя сочиненія А. С. Пушкина, съ объяснительными статьями. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Фулье, А. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. (Международная библіотека), №№ 16 и 17 Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Спб., 1894 г. Т. 1 и 2, по 1 р. 25 к. каждый.

Поступило въ продажу новое изданіе книжнаго магазина Н. Фену и К°:

Вастенъ, И. Французско-русскій словарь. Dictionnaire Français-russe étymologique et comparé. Съ приложеніемъ статей: 1) Introduction (préfixes, suffixes, phonétique). 2) Tableau des principaux verbes dits irréguliers. I. XLVII, 1—659, 1—20, всего 828 страницъ. Цѣна въ бумажкѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Цѣна въ папкѣ 3 р. 30 к., съ пер. 4 р. Цѣна въ полушагреневомъ переплетѣ 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія словарь одобренъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

17 СЕНТЯБРЯ ВЫШЕЛЪ № 9 ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Первая непріятность. *Б. П—нко.* 2) „Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и Америкѣ". III. „Промышленный трудъ американскихъ женщинъ. *Б. Ф. Брандта.* 3) „Друзья". Романъ. *А. С. Шабельской.* 4) „Изъ женской жизни. *Х. Фонъ-Хейденфельдта.* Окончаніе. 5) „Судьбы русской философіи". VI. „Московскія университетскія вліянія".—„Н. И. Надеждинъ и его отношенія къ Бѣлинскому", *М. М. Филиппова.* 6) „Черты изъ жизни Пепко". *Д. Мамина-Сибиряка.* 7) „Очерки народнаго юридическаго быта Алтайскаго горнаго округа". *С. Л. Чудновскаго.* 8) „Податные очерки".—„Самарская губернія". *И. А. Голубева.* 9) „Къ вопросу о нуждахъ народной промышленности". *С. Н. Кривенка.* 10) „Замѣтка о литературномъ фондѣ". *Н. К. Михайловскаго.* 11) „Новыя книги". 12) „Свободное творчество". („Перевалъ" Романъ П. Д. Боборыкина). *М. А. Протопопова.* 13) „Хроника внутренней жизни". *С. Н. Южакова.* 14) „Хроника заграничной жизни". *В. Т.* 15) Объявленія.

Продолжается пріемъ подписки на 1894 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ январской книги съ перес. и дост. 9 руб., безъ доставки 8 руб., за границу 12 руб.; съ іюльской книги—5 р., за границу 6 р.

Подписныя деньги слѣдуетъ адресовать исключительно: въ контору журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО"—*С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.*

Издательницы: **Н. Михайловская, О. Н. Попова.**
Редакторы: **П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.**

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА:

КРИТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ

Н. К. Михайловскаго.

III. „Иванъ Грозный въ русской литературѣ".—„Герой безвременья".

Изданіе *О. Н. Поповой.*

Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

Подписчики *Русскаго Богатства* пользуются уступкой 25 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ЖУРНАЛА

«РУССКАЯ МЫСЛЬ»

(*Москва, уголъ Бол. Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24*)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„Русскій сельскій календарь на 1895 г."

Подъ редакціей **И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.**

(Годъ изданія второй).

Календарь заключаетъ въ себѣ, кромѣ общекалендарныхъ свѣдѣній, статьи и различныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству (хлѣбопашеству, огородничеству, садоводству, скотоводству, пчеловодству), о предсказаніяхъ погоды, о выборѣ полезныхъ книгъ, объ устройствѣ сельскихъ библіотекъ, о Западной Сибири, о вредѣ куренья, о борьбѣ съ пьянствомъ, лѣчебныя свѣдѣнія и т. п. Съ картой Россіи и Сибири.

Цѣна 20 коп., съ пересылкой 33 коп.

Оптовый складъ у Сытина въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ.

Образовательныя игры и занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. Ал. Попова.

Поступила въ продажу новая серія изданій

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:

Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ доступнымъ пониманію дѣтей произведеніямъ избранныхъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей, портретовъ ихъ и самихъ произведеній.

ВЫШЛИ ТРИ КАРТИНКИ:

1. **Цыгане**—Александра Сергѣевича Пушкина.
2. **Мазай и зайцы**—Николая Алексѣевича Некрасова.
3. **Дѣдушка**—Ивана Саввича Никитина.

Пересылка названной серіи за 1 ф. по разстоянію. Каждая картинка со всѣми къ ней приложеніями заключена въ изящную коробку. Цѣна каждой **45** коп.

РАНѢЕ ВЫШЕДШІЯ ИЗДАНІЯ

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:

1. **Ручныя тѣни** (любимая дѣтская забава). Ц. 15 к.
2. **Затруднительное путешествіе** (игра-задача). Ц. 15 к.
3. **Лихіе наѣздники** (шутка-задача). Ц. 10 к.

Пересылка всей серіи **10** коп., съ налож. платеж. **20** коп.

Примѣчаніе: Пересылка обѣихъ вышеозначенныхъ серій — за 1 ф. по разстоянію.

ДЛЯ СТАРШАГО ВОЗРАСТА:

1. **Тѣневые портреты русскихъ писателей** (для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ или потолкѣ). Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Крыловъ, Кольцовъ, Тургеневъ, Некрасовъ и гр. Толстой. Всѣ 9 портретовъ въ обложкѣ, съ руководствомъ. Изданіе 2-е. Ц. 40 к.
2. **Замысловатый квадратъ** (головоломка, развивающая дѣтскую сообразительность). Въ коробкѣ, съ предисловіемъ и чертежомъ. Ц. 25 к.
3. **Мудреный кругъ** (тоже). Ц. 25 к.

Пересылка всей серіи за 1 ф. по разстоянію.

Примѣчаніе: Изданія высылаются съ наложеннымъ платеж., по первому требованію (по желанію — отдѣльно), причемъ выписывающіе **всѣ три серіи сразу** платятъ пересылочныхъ за 2 ф. по разстоянію.

Главный складъ у издателя **Владиміра Алексѣевича Попова** (г. Ораніенбаумъ, Петербургской губ., Дворцовый просп., д. Коновалова), куда гг. иногородніе и благоволятъ обращаться съ требованіями.

Revue des Revues.

Au prix de 18 francs par an, à partir du 1-er de chaque mois, on à un abonnement à la **Revue des Revues** qui donne *toutes les Revus en une seule.*

«Avec elle on sait tout, tout de suite» (Al. Dumas fils), car «la **Revue des Revues** est extrêmement bien faite et constitue une des lectures des plus intéressantes, des plus passionnantes et des plus amusantes» (Francisque Sarcey); «rien n'est plus utile que ce résumé du mouvement de l'esprit humain» (E. Zola); «elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes revues françaises et étrangères» (*Les Débats*), etc.

La **Revue** paraît deux fois par mois, publie des articles des principaux écrivains français et étrangers, est *richement illustrée* et donne, entre autres, les *meilleures carricatures* politiques, etc. *Paris 32, rue de Vernevil.*

Envoi d'un numéro spécimen sur demande.

При этой книгѣ разсылается объявленіе о книгѣ доктора медицины М. М. Кенигсберга для подписчиковъ по трактамъ: 1, 4, 9, 10, 14, 15, 16, 17, 19, 25, 26 и въ г. Харьковѣ.

„Русская Мысль".

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

